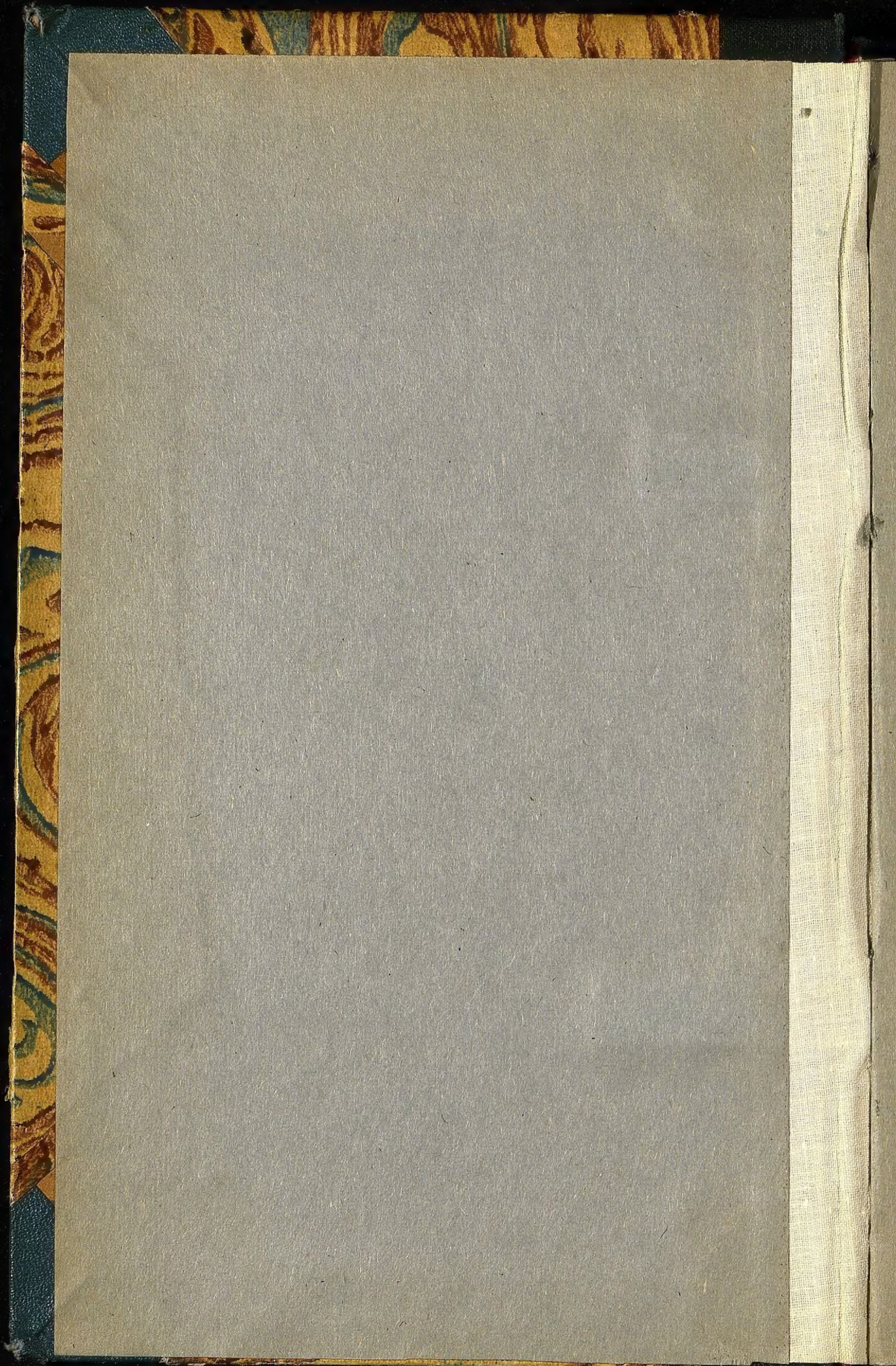
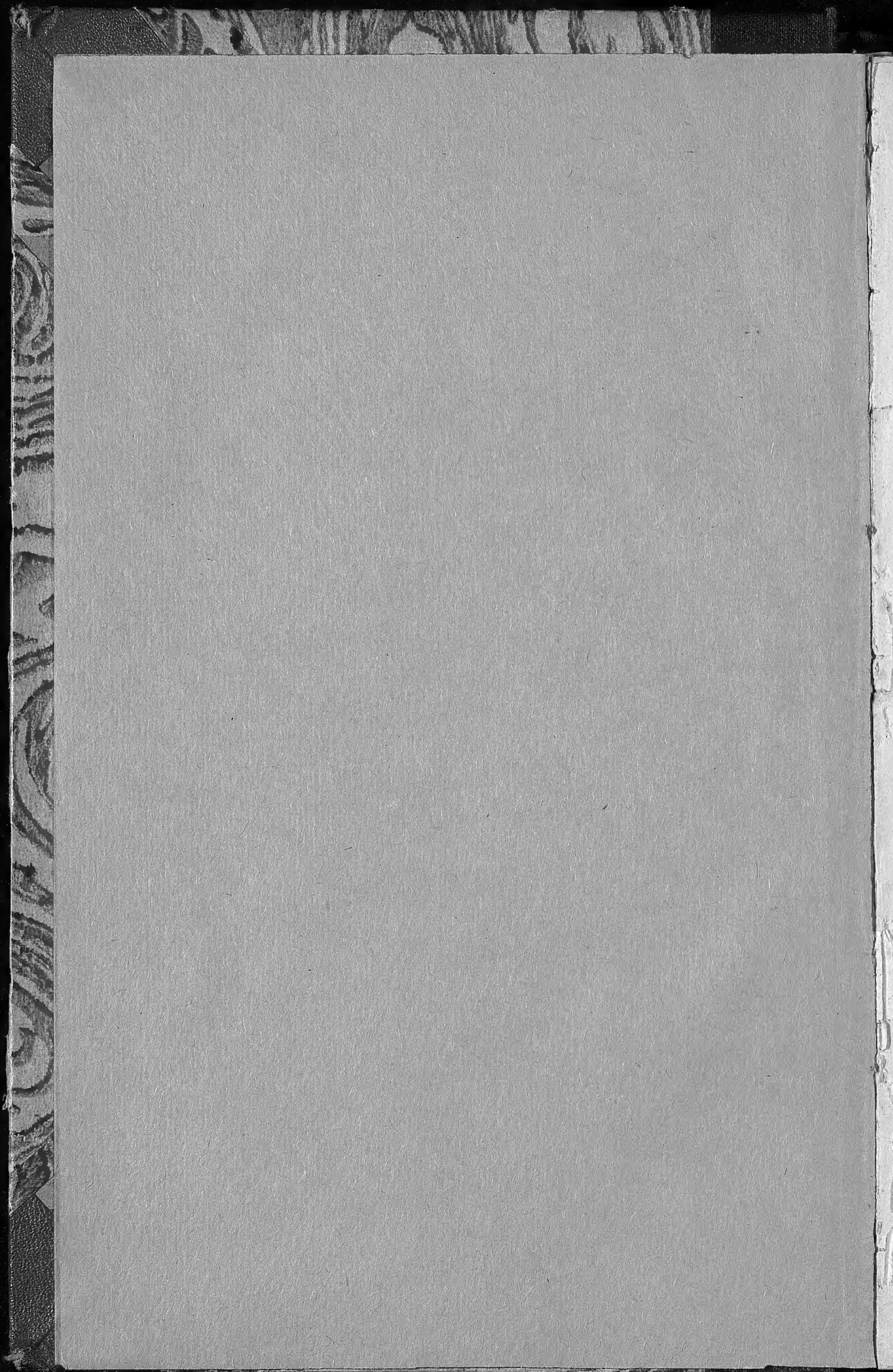

ДВОРЯНСТВО

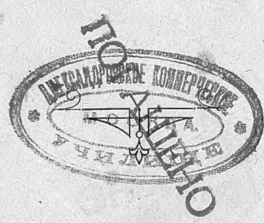
и его

СОСЛОВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ

за столѣтіе

1762—1855 годовъ.

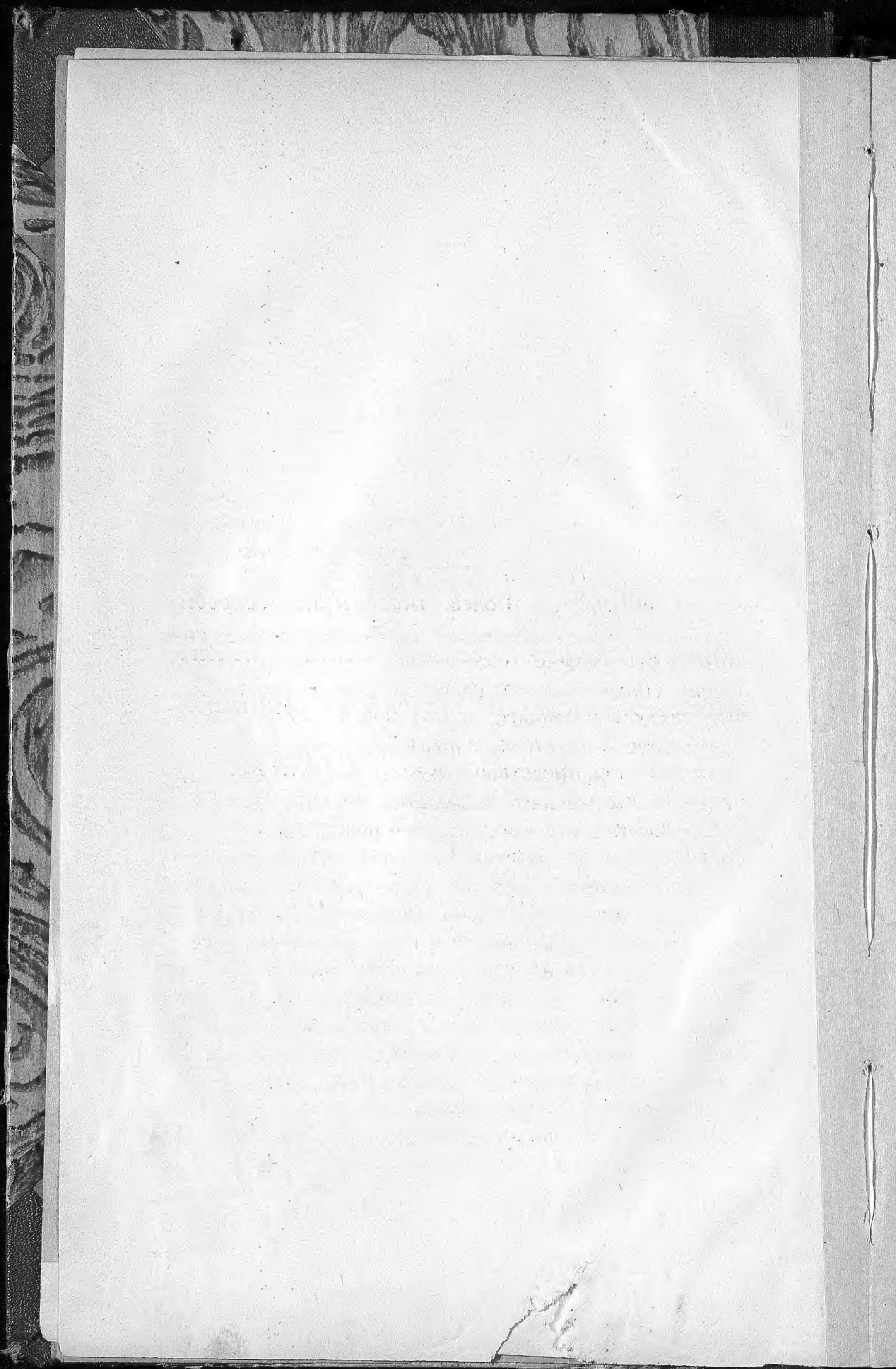
Баронъ С. А. Корфъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.
1906.

Трудъ этотъ посвящаю дорогой матери, которой обязанъ всѣмъ моимъ міросозерцаніемъ и духовнымъ бытіемъ.

Авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ближайшемъ будущемъ предвидится сильное возрастаніе интереса къ отечественной исторіи послѣдняго столѣтія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посвященіе молодыхъ и свѣжихъ силъ нашей интеллигенціи ея изученію. Исторія Россіи, въ особенности XVIII и XIX столѣтій настоятельно требуетъ разслѣдованія, иначе невозможно сознательное отношеніе къ будущему общественному развитію нашего отечества.

Рамки настоящаго труда, предлагаемаго снисходительности читателя, опредѣляются его заглавіемъ; мнѣ хотѣлось представить возможно полную картину исторіи дворянскаго сословнаго управленія (1762—1855 годовъ), его юридическаго положенія и отношенія къ нему дворянства. Но рядомъ съ этимъ стоя́тъ и другіе вопросы исторіи „благороднаго" сословія, вопросы настолько тѣсно связанные съ первымъ, что полное выдѣленіе ихъ представляется нежелательнымъ, если не невозможнымъ. Мнѣ силою необходимости пришлось остановиться на вопросѣ отношенія дворянства къ его сословнымъ интересамъ и разработать его параллельно съ основной задачей труда. Менѣе подробно изслѣдованъ другой смежный вопросъ исторіи дворянства—отношенія этого сословія къ выборной службѣ, положеніе послѣдней и ея историческое и общественное значеніе въ

изучаемомъ періодѣ. Послѣдній вопросъ не изслѣдованъ детально; въ данномъ случаѣ мнѣ хотѣлось дать не столько историческое развитіе институтовъ выборной службы, сколько исторію отношеній къ ней дворянства, рисующую намъ весьма картинно направленіе интересовъ, стремленій и вожделѣній названнаго сословія.

Кромѣ того мнѣ пришлось удѣлить значительное мѣсто взглядамъ царствовавшихъ Императоровъ на дворянство и его государственное значеніе; исторія дворянства слишкомъ тѣсно связана съ міросозерцаніемъ отдѣльныхъ государей; убѣжденія и идеалы послѣднихъ слишкомъ глубоко отзывались на судьбѣ этого сословія; какъ, надѣюсь, убѣдится читатель, исторія дворянства находилась въ постоянной и тѣсной зависимости отъ личностей монарховъ, вслѣдствіе чего полное освѣщеніе его судебъ невозможно безъ изученія отношеній къ нему Императоровъ.

Приступая къ изслѣдованію отечественной исторіи XVIII и XIX столѣтій съ полнымъ сознаніемъ трудности дѣла, я все-таки былъ, въ теченіе работы, пораженъ тѣмъ обиліемъ научнаго и общественнаго матеріала, который и по сей день остается не только необработаннымъ, но и совершенно неизвѣстнымъ нашему обществу.

Обстоятельство это конечно усугубляло трудности, съ которыми приходилось бороться; оно же явилось причиной нѣкотораго измѣненія въ планѣ и задачѣ работы. При томъ неисчерпаемомъ количествѣ необработаннаго общественно-историческаго матеріала, съ которымъ приходится имѣть дѣло историку XVIII и въ особенности XIX столѣтій, мнѣ уже въ самомъ началѣ работы стала ясна невозможность дать полную исторію дворянскаго сословія за столѣтіе 1762—1855 годовъ. Такое полное изслѣдованіе развитія и

жизни однаго изъ важнѣйшихъ элементовъ нашего государственнаго строя должно съ одной стороны потребовать десятка лѣтъ работы, съ другой же заняло бы не одинъ томъ убористой печати.

Но изслѣдователь не имѣетъ, конечно, права пугаться обиліемъ матеріала. Если онъ и не въ состояніи сразу дать всеобъемлющей картины какой-нибудь отрасли общественной жизни, онъ всегда можетъ, хотя бы отчасти, прочистить путь для другихъ, послѣдующихъ работъ. Въ этомъ, и только въ этомъ, вижу я задачу своего настоящаго труда. Мнѣ силою необходимости пришлось поставить рамки работѣ, и рамки, которыя могутъ показаться читателю въ нѣкоторомъ отношеніи узкими; задача историковъ Россіи будетъ заключаться въ дальнѣйшей обработкѣ того непочатаго угла общественно-научнаго матеріала, въ который по обстоятельствамъ политическимъ почти не заглядывалъ до настоящаго времени глазъ ученаго. Мнѣ лично остается только надежда, что послѣдующимъ работникамъ въ этой области мой трудъ можетъ послужить хоть малымъ подспорьемъ. Руководствуясь одной лишь этой мыслью, я съ особымъ вниманіемъ отнесся къ библіографическимъ указаніямъ, отмѣчая использованные мною источники, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда старался, насколько то психологически возможно, оставаться на чисто объективной точкѣ зрѣнія. Основнымъ принципомъ всякаго историческаго изслѣдованія должно по моему глубокому убѣжденію всегда быть исключеніе этической оцѣнки, насколько это допускается человѣческой психикой; его я постарался придерживаться въ продолженіе всей моей работы; насколько же онъ послѣдовательно проведенъ, судить конечно не мнѣ.

Въ заключеніе долженъ выразить здѣсь мою глу-

бокую благодарность моему руководителю и наставнику, профессору И. А. Ивановскому, которому я обязанъ не только моими знаніями въ области государственныхъ наукъ, но и интересомъ къ наукѣ вообще.

Равно долженъ я искренно поблагодарить библіотекаря С.-Петербургскаго университета А. Р. Крейсберга и его сотрудниковъ, всегда сердечно и отзывчиво готовыхъ помогать работающимъ на поприщѣ науки.

19-го февраля 1906 года
Гельсингфорсъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Дворянство первой половины XVIII вѣка. — Манифестъ 1762 года; исторія его составленія. — Панинская коммисія 1763 года и политика Екатерины Великой.

I.

«До манифеста о вольности дворянства въ русской провинціи не было, можно сказать, никакого общества: провинціальные города были совершенно незначительны, населеніе ихъ—весьма немногочисленное—принадлежало почти сплошь къ низшему классу; административныхъ органовъ было очень мало, и дворяне почти не принимали въ нихъ участія — дворянство все было на службѣ». — Такъ рисуетъ намъ провинціальное общество до Екатерининскаго времени Чечулинъ [1]). Большинство городовъ состояло изъ одной улицы, да и та была неприглядна; на ней встрѣчались такіе ухабы и буераки, что опасно было ѣздить, а черезъ мосты приходилось отдѣльно переходить и переводить лошадей и экипажи. Населеніе городовъ было очень немногочисленно; горожане же того времени въ большинствѣ случаевъ занимались хлѣбопашествомъ. Дворянъ въ провинціи было очень мало; почти все сословіе поголовно находилось либо въ столицахъ, либо въ войскахъ на границахъ государства. Въ уѣздѣ дворяне жили лишь исключеніемъ, большею частью отставные старики да самые бѣднѣйшіе представители этого сословія; бытъ этихъ помѣщи-

[1]) Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII в. Спб., 1889, стр. 27 и слѣд.

ковъ мало чѣмъ отличался отъ быта крестьянства; жили они въ той же деревнѣ, въ тѣхъ же соломой крытыхъ избахъ, вели тѣ же разговоры, имѣли тѣ же интересы. Деревня дворянства не привлекала; жили въ уѣздѣ только тѣ, которымъ некуда было дѣваться; селились же помѣщики большею частью гнѣздами [1]), не отдѣляясь, въ семейномъ кругу и мало общаясь съ сосѣдями.

Образованія конечно не было никакого; дворяне едва умѣли читать. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣла служба, въ особенности военная; она, во-первыхъ, дисциплинировала молодое поколѣніе, во-вторыхъ же, была для него единственнымъ источникомъ хотя какого-нибудь образованія. Впослѣдствіи, когда возникала мысль объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы, защитники послѣдней всегда приводили тотъ доводъ, что она, и только она, была источникомъ образованія и дисциплинированія молодежи. И въ этомъ отношеніи, по вѣрному замѣчанію Чечулина, они были правы [2]).

Немногимъ лучше была жизнь дворянства въ столицахъ [3]); здѣсь мы находимъ болѣе изящную внѣшнюю обстановку, большіе и болѣе разнообразные интересы, немного лучшее воспитаніе и образованіе, да большее разнообразіе жизни — вотъ и все; въ остальномъ жизнь дворянства и здѣсь была крайне проста и некультурна. Единственнымъ его интересомъ была государственная служба. О какомъ-нибудь сословномъ единеніи, корпоративныхъ интересахъ никто конечно и не мечталъ, имъ неоткуда было взяться. Пока дворянство находилось въ столицахъ и въ войскахъ, на принудительной службѣ,

[1]) Матеріалами могутъ служить въ данномъ случаѣ многочисленные мемуары, записки, воспоминанія современниковъ, какъ-то Болотова, Винскаго, Добрынина, Лепехина, Аксакова и многихъ другихъ. См. литературу, приведенную ниже, въ особенности труды Чечулина, Иловайскаго, Пыпина, Гольцева и другихъ.

[2]) Чечулинъ в. н. с., стр. 47.

[3]) Ср., напр., съ матеріалами, напечатанными въ „описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи“, книга IV, Москва, 1884 г., гл. II и III.

каждый заботился лишь о своемъ прокормленіи, о своемъ мѣстѣ и іерархическомъ повышеніи.

Все измѣнилось въ этомъ отношеніи съ изданіемъ 18-го февраля 1762 года манифеста о вольности дворянства.

Манифестомъ этимъ дворяне были освобождены отъ обязательной службы, будучи распущены по домамъ изъ полковъ и канцелярій. Опустѣлыя до того деревни начинаютъ понемногу заселяться; силою необходимости стали зарождаться и мѣстные интересы. Съ этого времени наступаетъ въ исторіи дворянства новая эра.

Начиная съ XVII столѣтія, дворянское сословіе все болѣе и болѣе закрѣпощалось. Дворяне были обязаны пожизненной службой, отъ которой ихъ избавляла только тяжкая болѣзнь и смерть. Чѣмъ дальше, тѣмъ все труднѣе и ненавистнѣе дѣлалась для нихъ государственная служба и тѣмъ, съ другой стороны, строже преслѣдовалъ ихъ законъ за уклоненіе отъ нея. Черезъ все царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны красною нитью проходитъ эта борьба правительства со становящимися все болѣе неисправимыми дворянскими нѣтчиками.

Въ явленіи этомъ конечно нельзя усмотрѣть противорѣчія съ вышесказаннымъ. Если служба и сосредоточивала всѣ интересы дворянства, если она и составляла ихъ единственное «занятіе», то тѣмъ не менѣе, будучи обязательной, она была ему чрезвычайно тяжела.

Государство держало дворянъ на службѣ силой, а сосредоточивая всю свою жизнь на службѣ, у послѣднихъ не могло возникать новыхъ внѣслужебныхъ интересовъ.

Тяжесть службы съ теченіемъ времени все росла, одновременно все увеличивалось число уклоняющихся отъ службы дворянъ; правительство боролось сколько могло, но искоренить этого явленія ему не удалось.

Наконецъ, въ 1762 г. полустолѣтняя борьба эта закончилась манифестомъ, даровавшимъ дворянамъ столь желанную ими свободу.

Актъ этотъ былъ принятъ дворянствомъ съ необычайной радостью. Выраженія благодарности посыпались со всѣхъ сторонъ; энтузіазмъ [1]) доходилъ до того, что Сенатъ, напримѣръ, въ полномъ своемъ составѣ просилъ о разрѣшеніи соорудить Императору золотую статую. «Благодаренія» выражались почти всѣми дворянами; поэты посвящали Петру стихи; на собраніяхъ произносились «восхваляющія» рѣчи; трудно даже изобразить «то неописуемое удовольствіе, которое произвела та бумажка» среди дворянъ. Только этого и надо было Петру. Исторія составленія манифеста довольно темна; если не единственною, то самою главною причиной его изданія было желаніе Императора пріобрѣсти на свою сторону весь дворянскій корпусъ. Стремленіе дворянства освободиться отъ обязательной службы было давно извѣстно правительству — воспользоваться именно этою мыслью, для пріобрѣтенія симпатій цѣлаго сословія, и было, надо полагать, единственною цѣлью Петра III.

Съ радостью, повторяемъ, ухватилось дворянство за свое новое право. Сотнями стали дворяне выѣзжать въ свои помѣстья, куда тянуло ихъ вовсе не стремленіе заняться земледѣліемъ или предаться какимъ-либо мѣстнымъ хозяйственно-административнымъ интересамъ, а просто желаніе отдохнуть отъ ненавистной и тяжелой столичной военной дисциплины и головоломной канцелярщины.

Объ исторіи составленія этого замѣчательнаго акта Соловьевъ повѣствуетъ намъ слѣдующіе факты [2]): 17-го января 1762 года на засѣданіе Сената прибылъ Императоръ Петръ III; послѣ разсмотрѣнія цѣлаго ряда дѣлъ въ концѣ засѣданія Петръ «объявилъ Сенату свое рѣшеніе — дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ, и когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на такомъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается». Но манифестъ обнародованъ былъ лишь мѣсяцъ

---

[1]) См. „Историческій Вѣстникъ" 1885 года, т. III, стр. 628.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. 5, т. 25, стр. 1247—1250.

спустя — 18-го февраля. Причина такому замедленію объясняется Соловьевымъ характеромъ Петра. Въ засѣданіи 17-го января Императоръ, по совѣту своихъ приближенныхъ, объявилъ Сенату нѣкоторыя мѣры, цѣль которыхъ было облегченіе положенія его подданныхъ, а главнымъ образомъ — желаніе пріобрѣсти популярность. Заявивъ о своихъ благихъ намѣреніяхъ, Петръ успокоился. Не могли однако успокоиться тѣ, интересы которыхъ были затронуты, а именно приближенные, желавшіе пожать этимъ дѣломъ лавры.

О составленіи текста манифеста существуетъ разсказъ князя Щербатова, слышанный имъ отъ Д. В. Волкова. Скрываясь отъ ревности своей фаворитки, графини Воронцовой, Петръ при ней сказалъ Волкову, что хочетъ провести съ нимъ всю ночь въ занятіяхъ важнымъ дѣломъ, самъ исчезъ, а Волкова заставилъ къ утру приготовить какой-нибудь указъ; утромъ слѣдующаго дня секретарь подалъ Императору манифестъ о вольности дворянства! [1]) Другіе современники приписываютъ составленіе текста этого акта генералъ-прокурору Глѣбову. Кто авторъ манифеста, изслѣдователи нашей древности еще не выяснили.

Итакъ, 18-го февраля 1762 года манифестъ этотъ былъ обнародованъ; правительство даровало дворянству новое и существенное право, преобразовывая кореннымъ образомъ его положеніе въ государствѣ. Провинціальная жизнь сразу мѣняетъ свой обликъ; помѣстья заселяются чрезвычайно быстро. Въ нѣсколько лѣтъ картина становится неузнаваемой. Уже въ 1773 г. сама Екатерина могла констатировать тотъ фактъ, что «*большинство* дворянъ живетъ въ своихъ помѣстьяхъ» [2]), стало быть подобная перемѣна свершилась въ какія-нибудь десять лѣтъ.

Какъ только помѣстья начали заселяться, какъ только многіе дворяне, если и не большинство, какъ думала Екатерина, переселились изъ столицъ въ свои имѣнія, такъ сейчасъ же на-

---

[1]) Соловьевъ в. н. с., стр. 1249.
[2]) „Заря“, іюнь 1870 года.

чинаютъ зарождаться у нихъ и новые интересы; вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство начинаетъ чувствовать единство своихъ интересовъ, а отсюда и корпоративную связь. Государева служба какъ будто не стоитъ болѣе на первомъ планѣ въ дворянскомъ міросозерцаніи.

Необходимо впрочемъ отмѣтить еще одинъ факторъ возникновенія у дворянства идеи сословной связи. Говоримъ про принесенные дворянами изъ-за границы новые взгляды и понятія. Какъ еще было указано Чечулинымъ [1]), офицерство, проведшее впервые нѣсколько лѣтъ въ западныхъ государствахъ во время послѣдней Елисаветинской войны, вошло въ соприкосновеніе съ европейской цивилизаціей и увидало совершенно новую для него жизнь, болѣе развитое общество, имѣло подъ руками обширную литературу, узнало новые способы хозяйства. Выражаясь словами современника [2]), «дворяне, насмотрѣвшись нѣмецкихъ лучшихъ порядковъ, потомъ въ состояніи были перемѣнить и всю свою прежнюю и весьма недостаточную экономію и, приведя ее въ несравненно лучшее состояніе, чрезъ самое то придать и всему государству иной и предъ прежнимъ несравненно лучшій видъ и образъ».

Все это конечно отразилось на провинціи, измѣнившейся въ самое короткое время къ лучшему. Перемѣна эта произошла въ первые годы царствованія Екатерины II. Великой Императрицѣ пришлось разрѣшать вновь назрѣваемые вопросы дворянскаго сословнаго управленія.

Посмотримъ, какъ она съ ними справилась.

II.

По восшествіи Екатерины на престолъ, въ 1762 г., Панинымъ была составлена коммисія, съ цѣлью выработать докладъ «о правахъ и преимуществахъ русскаго дворянства». Докладъ этотъ, написанный коммисіей, былъ представленъ на

[1]) Чечулинъ в. н. с., стр. 55.
[2]) Болотовъ, цит. по Чечулину, в. н. с., стр. 56.

одобреніе Императрицы одновременно съ проектомъ манифеста о восшествіи на престолъ. Екатерина приняла докладъ съ благодарностью, но затѣмъ задержала его у себя болѣе полугода и вернула вновь той же коммисіи, дабы послѣдняя могла «между собой совѣтовать, какимъ отъ насъ особливымъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ россійское дворянство могло бы получить въ потомки свои изъ нашей руки залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія» [1]).

Въ нашей литературѣ высказывалось мнѣніе [2]), что подобный ходъ вещей былъ вполнѣ естественъ, въ виду важности этого проекта; но, какъ доказано въ настоящее время Щегловымъ [3]), задержаніе Императрицей Панинскаго проекта и затѣмъ обратная его передача въ ту же коммисію вызывались соображеніями политическими. Екатеринѣ проектъ этотъ былъ непріятенъ. Въ немъ ясно сказалась попытка ограничить ея власть аристократіей, извѣстнымъ кругомъ представителей древне-дворянскихъ родовъ. Щегловъ [4]) совершенно вѣрно замѣчаетъ, что коммисія эта, представившая докладъ о правахъ дворянства, «была какъ бы попыткой составить Совѣтъ, согласно проекту Панина»; подобный Совѣтъ, какъ мы знаемъ, ограничивавшій власть Императрицы, — былъ мечтой Панина. Екатерина не рѣшалась непосредственно отвергнуть докладъ, не желая тѣмъ оскорблять самолюбіе Панина, который, какъ старый и опытный государственный дѣятель, могъ ей впослѣдствіи пригодиться.

Между тѣмъ время не ждало.

Вопросъ о дворянскихъ правахъ, поднятый, по мѣткому замѣчанію Бильбасова [5]), «неумѣлой рукой Петра III, безъ вся-

---

[1]) Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Александра I, т. II, вып. 1, стр. 65, Ярославль, 1895 г.

[2]) Чечулинъ. Проектъ Императорскаго Совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II. Спб., 1894 г., стр. 9—10. См. также журналъ Министерства Юстиціи, мартъ 1894 года, гдѣ эта статья была первоначально напечатана.

[3]) Щегловъ, в. н. с., томъ II, вып. 1, стр. 64.

[4]) Щегловъ, стр. 65.

[5]) Бильбасовъ, Исторія Екатерины Второй, томъ II, стр. 242. Берлинъ, 1900 г.

кой надобности и совершенно случайно», пробудилъ вожделѣнія дворянства; оно желало воспользоваться во что бы то ни стало своимъ новымъ правомъ не служить.

Это ставило Екатерину въ большое затрудненіе. «Она была противъ необязательной службы дворянства, говоритъ Бильбасовъ, она видѣла въ этомъ зло и медлила утвержденіемъ манифеста 18-го февраля». Но со стороны дворянскаго сословія уже начался ропотъ. «Я запамятовала давича вамъ сказать, пишетъ Екатерина Панину — что не много роптанія межъ дворянства о неконфирмаціи ихъ вольности и надлежитъ о томъ не позабыть приступъ сдѣлать» [1]). Императрицѣ хотѣлось только отвести глаза, унять роптаніе, какъ вѣрно замѣчаетъ ея біографъ.

Такимъ приступомъ и была обратная передача доклада въ Панинскую коммисію.

Послѣдняя была созвана 11-го февраля 1763 года во внутреннихъ покояхъ Ея Величества. Въ составъ ея вошли 8 лицъ: фельдмаршалъ графъ Бестужевъ-Рюминъ, гетманъ графъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, сенаторы князь Яковъ Петровичъ Шаховскій и Панинъ, генералъ-аншефы графъ Захаръ Чернышевъ и князь Михаилъ Волконскій и генералъ-адъютантъ графъ Григорій Орловъ. Секретаремъ назначенъ былъ Тепловъ.

Именной указъ о созваніи коммисіи возвѣстилъ дворянству, что правительство приступило къ «разсмотрѣнію акта, которымъ Императоръ Петръ III далъ вольность благородному Россійскому дворянству и къ приведенію его содержанія въ лучшее совершенство» [2]).

---

[1]) Цит. по Бильбасову. См. также дѣло № 20 X разряда государственнаго архива.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 11751. Бумаги и донесенія коммисіи находятся въ дѣлѣ № 20 X разряда и въ дѣлѣ № 235 XVI разряда государственнаго архива. См. также Дрезденскій архивъ vol. VII, приложеніе IV, 1. Записка Брюля. Парижскій архивъ Russie vol. 71, № 22, и архивъ Сената томъ 105, л. 134.

Такимъ образомъ дворяне могли ждать и надѣяться. Ихъ «право вольности» разсматривалось Правительствомъ.

Основная мысль Екатерины была изложена въ указѣ слѣдующимъ образомъ: «чтобы благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ, при распоряженіи правъ свободы дворянской, учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества».

Изъ мнѣній членовъ коммисіи до насъ дошло только одно— графа Бестужева-Рюмина; послѣдній вѣрно понялъ желаніе Императрицы — пріискать средство для привлеченія дворянъ къ службѣ, одновременно съ уничтоженіемъ обязательности послѣдней [1]); такимъ средствомъ должно было быть поощреніе честолюбія дворянства.

Въ своей замѣткѣ Бестужевъ высказывался за необходимость установленія выборной службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыхъ особыхъ привилегій, какъ-то: «не брать дворянина подъ караулъ безъ предварительнаго судебнаго приговора; освободить его отъ пытки и конфискаціи имѣнія; дозволить ему на судѣ выбрать адвоката другого дворянина; дать дворянамъ безпредѣльную власть надъ крестьянами и крѣпостными людьми; отъ крестьянъ и холопей не принимать никакихъ прошеній и доносовъ на господъ и не допускать въ свидѣтели. Чтобъ уволенное изъ службы дворянство, живя въ своихъ деревняхъ, не проводило время въ вредной праздности и безпечности — полезно сдѣлать такое постановленіе: пусть эти дворяне избираютъ попеременно между собою ландратовъ, которые по представленіи ихъ отъ общества Сенату и по полученіи отъ Сената подтвержденія должны имѣть въ своемъ вѣдомствѣ принадлежащіе тому дворянскому обществу уѣзды, и въ нихъ исправлять все потребное какъ для службы государственной, такъ и для пользы дворянства, разбирая при томъ между дворянами споры и ссоры».

---

[1]) Ср. Соловьевъ. Исторія Россіи, книга V, стр. 1470.

Такимъ образомъ Бестужевъ стоялъ, какъ видимъ, за *созданіе дворянскаго сословнаго управленія* и отмежеваніе его интересовъ отъ сферы государственнаго управленія.

Но коммисія съ этимъ мнѣніемъ не согласилась. Можно предположить, что до сознанія ея не дошла вся важность такой реформы и все ея значеніе для дворянскаго сословія.

Правда, и само дворянство еще не было въ достаточной мѣрѣ подготовлено къ такой самостоятельной роли; новые интересы его были еще слишкомъ молоды; коммисіи трудно было поэтому принять Бестужевскій проектъ. Но рядомъ съ этимъ дѣйствовали личные мотивы ея членовъ; какъ мы видѣли выше, скрытой цѣлью одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей коммисіи—Панина, было установленіе олигархическаго правленія и ограниченія власти Императрицы [1]).

Какъ бы то ни было, коммисія отвергла проектъ Бестужева; по принятому ею мнѣнію «не должно стѣснять дворянской вольности ничѣмъ другимъ, кромѣ вкорененнаго уже воспитаніемъ честолюбія»: «дворянство, говорилось въ докладѣ коммисіи, любочестіемъ столь много уже движется, что нѣтъ ни малаго сумнѣнія, чтобъ просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне, или уже и родившіеся въ томъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ, но всякъ самъ старается сына своего и сродника въ оную вмѣстить, такъ что едва ли и мѣста довольно желающимъ службы остается. Всякъ за милость признаваетъ, когда *онъ только къ службѣ допущенъ*, а особливо въ нынѣшнее премудрое правленіе Вашего Императорскаго Величества, столь трудолюбивой и пекущейся объ отечествѣ всемилостивѣйшей Государыни, достойный дворянинъ и старающійся объ отличеніи своемъ коснѣть къ службѣ не можетъ».

[1]) Чечулинъ (Проектъ Императорскаго Совѣта), защищая Панина, утверждаетъ, что послѣдній дѣйствовалъ не одинъ; онъ будто бы былъ поддерживаемъ цѣлымъ кружкомъ. Мысль эта, на первый взглядъ очень правдоподобная, недостаточно все-таки доказана авторомъ и можетъ вызвать многія возраженія.

«Но льстивая фраза эта, замѣчаетъ Соловьевъ [1]), не могла успокоить раздраженія Екатерины, когда она увидала такое *явно невѣрное представленіе* о тогдашнемъ дворянствѣ».

Мы однако не можемъ согласиться съ такой постановкой вопроса. Невѣрнымъ было не представленіе коммисіи о стремленіяхъ дворянства; наоборотъ, въ ея докладѣ совершенно вѣрно отразились и вкусы и идеалы русскаго дворянства, предѣломъ мечтаній котораго всегда была государственная служба, нѣтъ, явно невѣрнымъ было только представленіе коммисіи о намѣреніяхъ самой Екатерины, о ея собственныхъ планахъ и мечтаніяхъ; Императрица смотрѣла на дворянство какъ на будущее независимое, хотя и привилегированное сословіе съ опредѣленными интересами, съ обособленной корпоративной организаціей, вполнѣ отграниченной отъ управленія общегосударственнаго; можетъ быть даже уже имѣлись проблески идеи сословнаго самоуправленія; но идеалы Екатерины, какъ увидимъ ниже, не оправдались, не выдержавъ житейскаго экзамена. Дворянство не могло воспользоваться тѣми преимуществами, которыя предоставило ему Екатерининское законодательство.

Дворяне продолжали тяготѣть къ службѣ государственной, т. е. къ положенію не самостоятельному; началами же самоуправленія, дарованными имъ впослѣдствіи, они не могли вовсе воспользоваться, благодаря своей полной неподготовленности.

Коммисія вполнѣ вѣрно оцѣнила историческое стремленіе дворянства, всякій представитель котораго «за милость признаетъ, когда только къ службѣ допущенъ».

Она впрочемъ, послѣ довольно продолжительной работы, не привела ни къ какому результату; новаго ею ничего не было дано. Состоя изъ представителей все того же служилаго дворянства, она стремилась къ укрѣпленію и стараго служилаго принципа «знатное дворянство по годности считать», другими словами принципа, положеннаго въ осному табели о рангахъ еще Петромъ I.

[1]) В. н. с., книга V, стр. 1470.

Новыми началами въ проектѣ коммисіи были только обезпеченіе дворянамъ личной неприкосновенности и свободы отъ тѣлесныхъ наказаній, да требованія «болѣе вящихъ доказательствъ противъ дворянъ уголовныхъ преступниковъ» [1]).

Недовольство Екатерины коммисіей и ея работами было причиной оставленія доклада коммисіи «безъ послѣдствій»; дѣло «дворянскихъ вольностей» такимъ образомъ осталось безъ движенія и нашло себѣ разрѣшеніе лишь гораздо позднѣе и совсѣмъ въ иномъ направленіи и на другихъ началахъ—изданіемъ въ 1785 году знаменитой жалованной дворянству грамоты.

Надо замѣтить, впрочемъ что, какъ вѣрно говоритъ Щегловъ, «олигархическая попытка Панина была послѣдней въ ряду политическихъ плановъ русской аристократіи, которая такъ долго пользовалась властью въ государственномъ управленіи почти во всю первую половину XVIII вѣка» [2]).

Пути русскаго дворянства лежали въ другомъ направленіи; «процессъ образованія высшаго управленія при Екатеринѣ II, Павлѣ I и особенно при Александрѣ I совершается уже внѣ всякаго вліянія аристократическихъ традицій» [3]).

---

[1]) Ср. Чечулинъ. Проектъ Императорскаго Совѣта, стр. 20.
[2]) Государственный Совѣтъ, томъ II, вып. 1, стр. 74.
[3]) Тамъ же, стр. 150.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стремленія дворянства къ сословной организаціи. — Манифестъ 1766 года. — Депутатскіе наказы; мнѣнія депутатовъ, высказанныя ими въ коммисіи 1767 года. — Проектъ правамъ благородныхъ. — Его чтеніе въ коммисіи. — Мнѣніе депутатовъ Левенвольде и Ренненкамфа. — Закрытіе коммисіи; ея значеніе и причины ея неудачи.

I.

Изданіе манифеста 1762 года является первымъ моментомъ въ исторіи дворянскаго сословнаго управленія. Только съ этого времени могло начаться обособленіе сословныхъ интересовъ въ самостоятельную область управленія.

Дворяне широко воспользовались предоставленной имъ свободой [1]; десятками, даже сотнями, стали они отъѣзжать въ запустѣлыя до того помѣстья; всякій, кто только могъ, спѣшилъ отойти отъ службы, какъ бы желая фактически удостовѣриться въ своей свободѣ. Провинція въ самый короткій промежутокъ времени наполнилась новыми людьми; уѣздъ закопошился во всѣхъ углахъ, во всѣхъ своихъ захолустьяхъ. И люди, вновь прибывающіе, были иные; мы не встрѣчаемъ среди нихъ отжившихъ стариковъ, калѣкъ, нравственныхъ и физическихъ; теперь въ уѣздѣ появились люди свѣжіе, живые, еще помнящіе о своемъ пребываніи за границей, въ походахъ семилѣтней войны, сохранившіе свои столичныя привычки къ общенію и видѣвшіе на дѣлѣ пользу образованія и про-

---

[1]) См., напр., Чечулинъ. Русское провинціальное общество, стр. 57.

свѣщенія. Такой новый притокъ свѣжей энергіи не могъ не отразиться на всемъ строѣ мѣстной жизни. Подъ его вліяніемъ провинціальное общество совершенно преобразилось. «Дворяне, теперь, уже не вели прежней замкнутой уединенной жизни; новые помѣщики принесли съ собой, да и сообщили прежнимъ помѣщикамъ, бо́льшую привычку къ обществу, бо́льшую потребность во взаимномъ общеніи; кругъ знакомыхъ необходимо становился все шире, вошло даже въ обычай 3—4 раза въ годъ объѣзжать всѣхъ знакомыхъ на довольно значительномъ разстояніи» [1]); все это служило зачаткомъ корпоративной связи сословія; изъ общенія силой необходимости выростаетъ единеніе.

Екатерина это вполнѣ сознавала и пошла навстрѣчу новымъ стремленіямъ дворянства.

«Правительство, говоритъ Чечулинъ [2]), старалось содѣйствовать смягченію нравовъ, заботилось объ улучшеніи судопроизводства, о поднятіи училищъ, старалось не только дать ходъ всему хорошему, но еще возбуждать и поддерживать стремленіе къ нему»; величайшей заслугой Екатерины было вѣрное опредѣленіе нуждъ Имперіи и чистосердечное прямолинейное желаніе принести посильную помощь и всегда идти навстрѣчу требованіямъ жизни.

Задача ея усугублялась чрезвычайно плохимъ состояніемъ законодательства; повсюду чувствовался недостатокъ, неясность закона, смѣшеніе и несовершенное различіе между временными и постоянными мѣрами, «затемненіе разума закона, въ которомъ они прежде составлены были, происшедшее отъ измѣненія времени и нравовъ, а частію и отъ пристрастнаго толкованія учрежденій» [3]).

Вотъ почему «въ пятое лѣто своего царствованія Государыня Императрица Екатерина II вознамѣрилась узаконить

[1]) Чечулинъ, в. н. с., стр. 58.
[2]) Тамъ же, в. н. с., стр. 58.
[3]) А. А. Лефортъ, Исторія царствованія Государыни Императрицы Екатерины II, 1837 года, часть II, стр. 112.

такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго отечества въ своей силѣ и надлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка» [1]). Слѣдствіемъ же было созваніе знаменитой коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія.

Только что разобранныя явленія косвенно затронуты проф. Латкинымъ въ его трудѣ Законодательныя коммисіи въ Россіи въ XVIII ст. Уважаемый авторъ отмѣчаетъ сходство положеній и пожеланій, высказавшихся какъ въ наказахъ различныхъ сословій, такъ и въ самой коммисіи 1767 года, со взглядами депутатовъ Елисаветинской коммисіи 1762 года. Профессоръ Латкинъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ его: «Если и встрѣчается, пишетъ авторъ [2]), много аналогичныхъ и даже тождественныхъ чертъ въ проектахъ обѣихъ коммисій и въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную коммисію 1767 г., то это объясняется слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, въ трудахъ Елисаветинской коммисіи приняли участіе сословные депутаты, они же участвовали и въ Екатерининской коммисіи. Естественно, что ихъ вліяніе должно было сказаться на трудахъ обѣихъ коммисій, а такъ какъ въ продолженіе трехъ лѣтъ нужды, желанія, стремленія и политически общественные идеалы сословій не могли измѣниться и остались тѣми же самыми, то вполнѣ понятно, почему въ трудахъ обѣихъ коммисій, а также и въ депутатскихъ наказахъ, мы встрѣчаемъ такъ много общаго и аналогичнаго».

Положенія эти, вполнѣ вѣрныя касательно общихъ *пожеланій* дворянства, не могутъ относиться къ вопросу дворянскаго сословнаго управленія. Въ этомъ отношеніи мы расходимся во взглядахъ съ уважаемымъ профессоромъ; мы утверждаемъ, что въ эту эпоху за первые 3 — 4 года царствованія Екатерины, дѣйствительно произошла крупнѣй-

[1]) Слова манифеста 14-го декабря 1766 года.
[2]) Т. I, стр. 145.

шая перемѣна въ жизни дворянства; «нужды, желанія, стремленія и политически-общественные идеалы» дворянства измѣнились благодаря манифесту 1762 года самымъ радикальнымъ образомъ. Перемѣнился весь строй мѣстной жизни, а объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ всѣ, безъ исключенія, мемуары, записки и воспоминанія современниковъ [1]). Правда, въ другомъ мѣстѣ [2]) проф. Латкинъ приводитъ въ доказательство того же взгляда тотъ фактъ, что депутаты коммисіи 1762 года признали необходимымъ учрежденіе «земскихъ» съѣздовъ; «до особливыхъ дворянамъ преимуществъ надлежитъ также и позволеніе имъ отъ насъ земскіе по провинціи съѣзды имѣть», говорится въ главѣ о дворянствѣ III части проекта Елисаветинской коммисіи.

Но и здѣсь мы не видимъ еще противорѣчія съ высказанными нами взглядами. Если подобное постановленіе и было включено въ проектъ, составленный въ 1762 году, то, во-первыхъ, это еще не доказываетъ, что мысль эта принадлежала дворянству, а не самимъ депутатамъ, а во-вторыхъ, что въ данномъ случаѣ не имѣлось вліянія на коммисію правительства или вѣрнѣе столичныхъ сферъ, въ которыхъ конечно и въ 1762 году уже проявлялось желаніе обособить дворянское сословіе; въ программу Петербургскихъ дѣятелей еще задолго до реформъ Екатерины, входило дарованіе дворянству особенныхъ преимуществъ, въ томъ числѣ и самостоятельнаго сословнаго управленія, хотя можетъ быть и съ не вполнѣ очерченными принципами. Повторяемъ, стремленія дворянства получить независимую корпоративную организацію возникли, да и могли только возникнуть, съ момента изданія манифеста о вольности; въ этомъ смыслѣ мы и суживаемъ вышеприведенную мысль профессора Латкина. Взгляды представителей правящихъ слоевъ общества находили лишь малый откликъ въ

---

[1]) Ср. съ цитированными ниже авторами, а также съ литературой приведенной въ книгѣ Чечулина, Русское провинціальное общество.
[2]) Проф. В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права, періода Имперіи. Спб., 1899 г., стр. 328.

средѣ дворянъ, проживающихъ въ столицѣ, провинціальному же обществу подобныя идеи были и вовсе чужды и даже непонятны.

Итакъ, дворянство перекочевало въ уѣзды, стали образовываться и нарастать мѣстные интересы, начинали чувствоваться общая связь и солидарность провинціальнаго общества. Все больше выступала потребность въ организаціи этихъ вновь зарождающихся интересовъ; силою необходимости образовались уѣздныя дворянскія общества; нужно было дать имъ правильную организацію, установить ихъ положеніе въ общемъ государственномъ строѣ.

Мѣстныя дворянскія общества образовались уже фактически—сами собой, оставалось дать ихъ существованію правительственную санкцію, т. е. организовать мѣстное управленіе.

Дворянство какъ сословіе получило свою организацію около этого времени, но надо замѣтить, по случайному поводу. Правительство и сама Императрица были слишкомъ заняты реформой центральнаго управленія. Все вниманіе Екатерины II было направлено на составленіе проекта новаго уложенія. Это обстоятельство, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, и послужило поводомъ къ организаціи дворянскаго управленія. Для ея широко задуманныхъ реформъ нужны были мнѣнія представителей различныхъ сословій и классовъ ея обширнаго государства, какъ выражалась Императрица въ своемъ манифестѣ, «дабы лучше намъ узнать было можно нужды и чувствительные недостатки нашего народа»; «дабы лучше спознать каждой округи состояніе».

Прямымъ слѣдствіемъ этой мысли былъ указъ 14-го декабря 1766 года «объ учрежденіи въ Москвѣ коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія и о выборѣ въ оную депутатовъ».

Для сей цѣли всѣ дворяне каждаго уѣзда должны были образовать единое «общество»; общество это должно было выбрать изъ своей среды «предводителя», а затѣмъ, подъ руководствомъ послѣдняго,—депутата въ коммисію. Съ этого вре-

мени возникаетъ въ Россіи первый органъ сословнаго дворянскаго управленія, предводитель дворянства. Первоначально единственной его обязанностью по указу 14-го декабря было предсѣдательствованіе и руководство дворянскимъ собраніемъ и поддержаніе въ немъ «лучшаго между собою порядка». Для этой цѣли ему необходимо было вести списки всѣмъ дворянамъ избравшаго его уѣзда и отмѣчать по нимъ присутствующихъ на данномъ собраніи. Эта послѣдняя обязанность и была зачаткомъ тѣхъ обширныхъ правъ, которыя предводитель получилъ впослѣдствіи въ области охраненія чистоты этого сословія и веденія дворянскихъ родословныхъ.

Начнемъ съ разсмотрѣнія указа 14-го декабря. Согласно ему въ предводители могъ быть избранъ всякій дворянинъ, присутствовавшій на первоначальномъ собраніи, владѣющій въ данномъ уѣздѣ деревнею и возрастомъ не моложе 30 лѣтъ. Эти три условія, какъ видно, были не особенно требовательны. Срокъ, на который избирался предводитель, былъ установленъ двулѣтній.

Дворяне должны были собраться въ города, гдѣ начальники губерній прочитывали имъ манифестъ императрицы и обрядъ выборовъ и затѣмъ открывали избирательное собраніе. Въ послѣднемъ дворяне занимали мѣста согласно времени своего пріѣзда въ городъ, при чемъ городскіе дворяне уступали первое мѣсто пріѣхавшимъ изъ помѣстьевъ, сами же распредѣлялись по старшинству чиновъ. Дворяне, опоздавшіе къ выбору предводителя, не допускались къ нимъ, но не теряли тѣмъ самымъ еще права участвовать въ выборахъ депутата въ коммисію новаго уложенія.

По открытіи начальникомъ губерніи собранія, производилась баллотировка. Списокъ дворянъ, составленный согласно только что описанному порядку, читался начальникомъ и имя каждаго дворянина баллотировалось; способъ баллотировки былъ самый обыкновенный — два ящика, покрытые сукномъ, куда избиратели опускали свои шары, одинъ ящикъ имѣлъ надпись «избираю», другой «не избираю». За-

тѣмъ начальникъ губерніи производилъ подсчетъ шарамъ и объявлялъ избраннымъ получившаго наибольшее число избирательныхъ шаровъ. При равенствѣ нѣсколькихъ кандидатовъ, должна была происходить перебаллотировка, но только между спорными кандидатами, которая повторялась до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, кто-нибудь изъ нихъ не получалъ большинства.

Обрядъ выборовъ обращалъ особое вниманіе на сохраненіе при выборахъ порядка и благопристойности; кромѣ того устанавливался и общій срокъ выборовъ; они могли продолжаться три дня.

По окончаніи выборовъ избранный предводителемъ представлялся начальнику губерніи, который вручалъ ему довѣренность отъ избравшихъ его дворянъ. Въ довѣренности этой указывались права и обязанности предводителя.

Главнѣйшей его обязанностью было предсѣдательствованіе въ собраніи дворянъ, избиравшихъ депутата въ коммисію для сочиненія новаго уложенія. Онъ назначалъ день выборовъ, руководилъ избраніемъ, слѣдилъ за порядкомъ въ собраніи. Ему приходилось вести списки дворянъ даннаго уѣзда и отмѣчать по нимъ прибывшихъ и отсутствующихъ. Изъ обязанности вести списки дворянамъ своего уѣзда выросла одна изъ труднѣйшихъ задачъ этого органа сословнаго управленія— наблюденіе за «чистотой дворянскихъ родовъ». Въ настоящемъ случаѣ онъ только велъ списки дворянамъ съ цѣлью регистраціи ихъ участія на выборахъ, впослѣдствіи правительствомъ на него возложена была забота о дворянскихъ родахъ вообще, веденіе родословныхъ книгъ, выдача справокъ и удостовѣреній о дворянскомъ происхожденіи и т. п.

Предсѣдательствованіе въ избирательномъ собраніи возлагало на предводителя обязанность заботы о порядкѣ выборовъ и соблюденіи дворянами всѣхъ предписанныхъ Императрицей обрядовъ; для этой цѣли Екатерина поставила предводителей въ привилегированное положеніе; они занимали между дворянами первое мѣсто, именовались «почтенными» и имѣли нѣ-

которую дискреціонную власть, при водвореніи порядка въ избирательныхъ собраніяхъ.

По избраніи депутата, дворяне должны были избрать также нѣсколько лицъ для написанія наказа. На предводителя при этомъ было возложено руководство писаніемъ этого наказа. Онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ наказъ попали лишь общія, а не «партикулярныя» нужды дворянъ. Но и этимъ не исчерпывалась дѣятельность предводителя. Екатерина предвидѣла возможность возникновенія въ коммисіи спорныхъ вопросовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ пришлось бы обратиться опять-таки къ мѣстнымъ обществамъ. Подобный случай предусматривался въ текстѣ довѣренностей, даваемыхъ дворянами предводителямъ; полномочія эти заканчивались слѣдующей фразой: «дая оному предводителю дворянства довѣренность на два года не только при нынѣшнемъ выборѣ депутата, но и при случаяхъ, *если даны будутъ отъ верховной власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего общаго разсужденія и положенія всѣхъ живущихъ въ нашемъ уѣздѣ дворянъ, въ чемъ и подписуемся*».

Съ этой же точки зрѣнія обсуждался вопросъ объ отлучкахъ предводителя; они были разрѣшены ему, но съ тѣмъ условіемъ, что «если въ сіи два года (срокъ, на который избирался предводитель) случилась бы въ немъ надобность и онъ изъ того уѣзда въ отлучкѣ, или въ случаѣ смерти его, то дворяне того уѣзда имѣютъ выбрать другого предводителя такимъ же порядкомъ». Подобное положеніе предводителя объясняетъ намъ тѣ цѣли, которыя имѣла въ виду Екатерина при учрежденіи этой должности. Предводители должны были быть сословными представителями дворянъ; черезъ ихъ посредство къ Императрицѣ должны были восходить свѣдѣнія о нуждахъ дворянскихъ обществъ. Предположенія Екатерины вполнѣ оправдались. Мѣстныя общества не могли однимъ разомъ выяснить всѣ свои нужды; впослѣдствіи силою необходимости должны были создаваться жизнью новые вопросы.

Для этой цѣли правительство воспользовалось, вновь созданными сословными органами, чтобы возложить на нихъ не только временныя обязанности по выясненію дворянскихъ нуждъ, при созывѣ коммисіи 1767 года, но и общее завѣдываніе сословными интересами.

По избраніи предводителя, дворяне приступали къ избранію депутата. Обрядъ точно предусматривалъ весь порядокъ выборовъ. Въ первый назначенный для сего день дворяне съ предводителемъ во главѣ собирались въ церкви, гдѣ начальникъ губерніи приводилъ ихъ къ присягѣ, послѣ чего они возвращались въ спеціально указанный для выборовъ домъ. Выборы шли тѣмъ же порядкомъ, какъ и выборы предводителя, при чемъ баллотировались всѣ дворяне уѣзда, присутствующіе и не присутствующіе на выборахъ, при условіи лишь жительства ихъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи и достиженія 25-лѣтняго возраста. Какого-либо имущественнаго ценза не устанавливалось вовсе; предводитель, произведя подсчетъ голосамъ, объявлялъ собранію результаты. Въ депутаты могъ быть избираемъ и самъ предводитель; въ такомъ случаѣ собраніе тутъ же должно было избрать новаго предводителя; хотя въ данномъ случаѣ обрядъ и не указываетъ, подъ чьимъ предсѣдательствомъ и руководствомъ должны происходить такіе вторичные выборы предводителя, но, думается, мы не ошибемся, если предположимъ, что выборы эти происходили подъ предсѣдательствомъ перваго предводителя, такъ какъ начальнику запрещено было вмѣшиваться въ дѣла дворянскаго избирательнаго собранія.

По выборѣ депутата надо было избрать отъ одного до пяти дворянъ для написанія депутатскаго наказа, въ которомъ должны были быть выяснены всѣ мѣстныя и общегосударственныя нужды даннаго общества. Наказы писались въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ отсылался при рапортѣ начальника губерніи въ Сенатъ, другой — отдавался на храненіе въ мѣстную главную церковь. Объ окончаніи и результатахъ выборовъ доносилось начальниками въ Сенатъ. Благо-

даря этимъ многочисленнымъ наказамъ, представленнымъ не отъ однихъ только дворянскихъ обществъ, въ рукахъ коммисіи по составленію новаго уложенія сосредоточился огромный матеріалъ съ самыми разнообразными и разнохарактерными мнѣніями населенія Имперіи.

Надежды Екатерины осуществились блестящимъ образомъ, свѣдѣнія о мѣстныхъ нуждахъ получила не только коммисія, но и высшее правительство; сама Императрица теперь могла судить, по наказамъ мѣстныхъ обществъ, о тѣхъ недостаткахъ управленія, которые требовали скорѣйшаго искорененія [1]). Большинство ея послѣдующихъ реформъ основаны въ главныхъ своихъ чертахъ на мысляхъ, высказанныхъ въ наказахъ. Конечно, при первомъ появленіи мысли о созывѣ коммисіи и собираніи свѣдѣній для составленія новаго уложенія, Екатерина имѣла въ виду собираніе матеріала для новаго уложенія, но встрѣтившись съ трудностями этого дѣла, отвлеченная впослѣдствіи другими болѣе важными и настоятельными вопросами государственной жизни, Императрица понемногу охладѣла къ работамъ коммисіи, что неизбѣжно должно было повлечь за собой разрушеніе всего дѣла. Какъ извѣстно работы коммисіи ни къ чему не привели. Тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что наказы сдѣлали свое дѣло и не потеряли своего значенія и по сіе время. На ихъ почвѣ выросли дальнѣйшія реформы, благодаря имъ до Верховной власти

[1]) Екатерина несомнѣнно имѣла въ виду, созывая коммисію 1767 года, ознакомленіе, черезъ посредство депутатскихъ наказовъ, съ мѣстными нуждами отдѣльныхъ классовъ населенія. Мысль эта впрочемъ ужъ не разъ указывалась въ нашей литературѣ. Приводимъ здѣсь любопытный образчикъ мнѣнія самой Императрицы; на составленныхъ отмѣннымъ противникомъ созыва депутатовъ 1767 г. Сумароковымъ замѣчаніяхъ, въ которыхъ авторъ говоритъ, что „большинство голосовъ истины не утверждаетъ“, Екатерина собственноручно отмѣтила «*большинство истины не утверждаетъ, а только показываетъ желаніе большинства*“. Въ этихъ немногихъ словахъ хорошо охарактеризованъ взглядъ Императрицы на депутатскіе наказы (Сравн. Соловьева. Исторія Россіи, т. VI, стр. 309, а также т. VI, стр. 338, 352, 400, гдѣ авторомъ указывается, что та же мысль звучитъ и въ манифестѣ 14-го декабря).

дошли свѣдѣнія о нуждахъ и недостаткахъ мѣстнаго управленія. И въ настоящее время, повторяемъ, наказы играютъ извѣстную роль; безъ нихъ не можетъ обойтись историкъ 18-го столѣтія; въ нихъ ярко отражаются стремленія русскаго общества того времени, а потому всякое не только юридическое, но и соціально-политическое изслѣдованіе эпохи царствованія Екатерины Великой неизбѣжно должно считаться съ наказами; обильный матеріалъ, заключенный въ нихъ, даетъ намъ ясную картину русскаго общества, его строя и жизни тѣхъ временъ. Считаемъ поэтому своей обязанностью остановиться на изученіи матеріала этихъ источниковъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію наказовъ, намъ сразу же приходится отмѣтить, что, несмотря на запрещеніе Императрицы заниматься «партикулярными интересами», большинство дворянскихъ обществъ ратовало именно за свои частныя и мѣстныя нужды. Впрочемъ и общегосударственнымъ вопросамъ удѣлено было немало мѣста; вмѣстѣ съ тѣмъ огромное количество наказовъ обратило вниманіе на дворянскія сословныя нужды. Дворяне многихъ уѣздовъ, въ особенности Московской губерніи, стояли за подтвержденіе «старыхъ» дворянскихъ привилегій, при чемъ въ списокъ послѣднихъ входили самыя разнообразныя права и преимущества. Главный спорный пунктъ составляли способы пріобрѣтенія дворянства. Старымъ родовитымъ боярамъ, ведущимъ свои родословныя еще со временъ Московскаго княжества, не хотѣлось стоять на одномъ уровнѣ съ новымъ, выслужившимся изъ унтеръ-офицеровъ и приказныхъ дьяковъ, дворянствомъ.

Черезъ все 18-е столѣтіе красною нитью проходитъ эта борьба стараго родовитаго и новаго худороднаго дворянства. Побѣда осталась за послѣднимъ.

Реформы Петра дали слишкомъ сильный толчокъ этому движенію; государственная служба вознаграждала всякаго, посвятившаго ей свою жизнь, потомственнымъ дворянствомъ; чинъ, а не порода, различалъ общественные классы; эта борьба двухъ элементовъ дворянства не могла не отразиться и на нака-

захъ; въ большинствѣ изъ нихъ упоминается объ этомъ вопросѣ, но разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ въ каждомъ отдѣльномъ наказѣ зависѣло отъ преобладанія въ данномъ уѣздѣ стараго боярства или новыхъ дворянскихъ родовъ; соотвѣтственно мѣнялись и взгляды, выраженные въ наказахъ. Здѣсь насъ долженъ интересовать лишь самый фактъ существованія этого вопроса. Въ задачу нашу не входитъ стало быть выясненіе всѣхъ причинъ и послѣдствій даннаго явленія; важно отмѣтить только ту борьбу, которая съиграла въ исторіи роль фактора сплоченія дворянскаго сословія.

Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторые наказы (напр., Костромского и Любимскаго уѣздовъ), стремились установить лишь одинъ способъ пріобрѣтенія дворянскаго званія—посредствомъ Высочайшаго пожалованія; подобное разрѣшеніе вопроса является собственно самымъ естественнымъ умиротвореніемъ двухъ противуположныхъ стремленій; старые роды не могли протестовать противъ него; за верховною властью всегда признавалось на Руси право жаловать дворянствомъ, отмѣчая тѣмъ особыя заслуги; молодое же дворянство удовлетворялось такимъ отвѣтомъ, справедливо видя въ немъ возможность для всякаго достичь дворянскаго достоинства, благодаря лишь личнымъ качествамъ.

Правительство не нашло возможнымъ измѣнять старый порядокъ вещей; кореннымъ способомъ пріобрѣтенія дворянства остался чинъ.

Также не безъ вниманія оставлены наказами права семейное и имущественное. Что касается перваго, то дворянскія общества, опять-таки съ дворянами Московской губерніи во главѣ, ратовали за предоставленіе рѣшенія семейныхъ споровъ самому сословію, выборнымъ отъ дворянъ особымъ судьямъ. Кромѣ того многіе наказы желали подробной нормировки отношеній мужа къ женѣ и отца къ дѣтямъ.

«Крайнее развитіе супружеской и отеческой власти составляло, говоритъ проф. Сергѣевичъ, въ предисловіи къ 32 тому

«Сборника Русскаго Историческаго Общества» (стр. XII), больную сторону нашихъ нравовъ и законодательства съ весьма отдаленнаго времени». Многіе депутаты горячо стояли въ коммисіи за ограниченіе этихъ правъ. Намъ кажется, законодательство само по себѣ безсильно въ этомъ отношеніи; здѣсь вопросъ разрѣшается лишь развитіемъ культуры самого общества, государство несомнѣнно можетъ помогать, но одно безъ помощи другихъ факторовъ цивилизаціи оно не въ состояніи помочь дѣлу. Такъ было и въ Россіи. Безграничная отцовская и мужнина власть ограничилась и смягчилась лишь подъ давленіемъ идей начала 19-го столѣтія, проникнувшихъ къ намъ изъ запада.

Въ области правъ имущественныхъ дворянъ интересовали вотчины; всѣ тѣ недвижимости, которыя пріобрѣтались государственной службой, должны были быть закрѣплены за дворянскимъ сословіемъ на вѣчныя времена; вотъ главное желаніе дворянства; благопріобрѣтенныя же имѣнія желательно было уравнять съ вотчинами.

Въ этихъ пожеланіяхъ выразилось давно уже проявлявшееся стремленіе дворянъ къ исключительному владѣнію землей и прикрѣпленными къ послѣдней крестьянами. Эта мысль нашла себѣ выраженіе и въ коммисіи, гдѣ нѣкоторые депутаты говорили противъ права купцовъ владѣть крѣпостными [1]).

Желая утвердить за собою право исключительнаго владѣнія крѣпостными, дворяне вмѣстѣ съ тѣмъ выразили извѣстную заботливость о гражданскомъ бытѣ крестьянъ. Такъ многіе наказы просили облегченія податей, лежащихъ на крестьянахъ (напр., Боровской, Костромской, Любимскій, Клинской и др. наказы); можно бы усмотрѣть въ такихъ желаніяхъ дворянъ личныя цѣли; облегченіе государственныхъ податей дало бы возможность дворянамъ получить въ свою пользу соразмѣрное увеличеніе крестьянскаго труда; намъ кажется подобное предположеніе неосновательнымъ; стремленіе дворянъ улучшить бытъ

---

[1]) „Сборн. Истор. Общества", т. 8, предисловіе, стр. XXVI.

крѣпостныхъ было искренно, подтвержденіемъ чему можно привести другія предположенія изъ той же области.

Наказы высказывались, напр., за улучшеніе семейнаго права крестьянъ и за охрану ихъ имущественныхъ правъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые наказы стояли за усиленіе помѣщичьей власти въ смыслѣ, напр., утвержденія за дворянами права сдачи крестьянъ въ рекруты (наказъ Костромского дворянства), права суда надъ бѣглыми и т. п. (ср. наказы Новгородской губ.). Впрочемъ надо замѣтить, что подобныя мнѣнія были исключеніями. Въ особенности ярко подчеркивается такое мнѣніе преніями, происходившими въ самой коммисіи. Послѣдняя явно стала на сторону крестьянскаго сословія, высказавшись въ пользу ограниченія помѣщичьей власти. Извѣстна поддержка, которую оказала коммисія рѣчи Козловскаго депутата Коробьина [1]).

Переходя къ разбору другихъ имущественныхъ притязаній дворянскихъ обществъ, о которыхъ они взывали въ наказахъ, намъ приходится указать на запутанное положеніе наслѣдственнаго права; наказы подробно останавливаются на этомъ вопросѣ, но единства въ ихъ стремленіяхъ мы не находимъ.

Затѣмъ идутъ болѣе мелкіе интересы, носящіе чисто мѣстный характеръ. Такъ, въ наказахъ указывалось, что нѣкоторыя мѣстности страдали отсутствіемъ точнаго межеванія, въ другихъ, желаніе утвержденія за дворянствомъ исключительнаго права владѣнія фабриками и заводами (противъ этого мнѣнія въ коммисіи горячо возстало купечество, что впрочемъ вполнѣ понятно, да и сами депутаты, надо сказать, не особенно усердно поддерживали это домогательство). Еще болѣе мѣстный характеръ носятъ тѣ статьи наказовъ, которыя трактуютъ про винную сидку, про право и обязанность дворянства содержать мосты и чинить дороги, про учрежденіе уѣздныхъ и губернскихъ аптекъ и лекарей (Козельскій наказъ) и т. п.

---

[1]) 122-дневная записка 5-го мая „Сб. Р. Ист. Общ." томъ 32.

Наконецъ не малую долю вниманія наказами удѣлено также заботамъ объ образованіи; многіе наказы высказались за учрежденіе губернскихъ пансіоновъ и дворянскихъ корпусовъ.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ главному насъ интересующему вопросу, обратимъ вниманіе читателя на одну общую черту всѣхъ наказовъ; почти всѣ они, за малымъ исключеніемъ, возносили самыя горячія хвалы Императрицѣ; одни выражали свою благодарность и радость по поводу созыва дворянскихъ обществъ и обращенія къ нимъ правительства, другіе шли дальше и желали подтвердить свои чувства внѣшнимъ какимъ-либо проявленіемъ, напр., поднесеніемъ подарковъ, сооруженіемъ памятника и т. п.

Намъ эта общая черта наказовъ интересна по слѣдующему соображенію: здѣсь высказалось не льстивое подобострастіе, а искренняя радость тому, что были созваны мѣстныя общества и что имъ дано было высказаться о своихъ нуждахъ; дворяне въ провинціи чувствовали солидарность своихъ интересовъ; имъ нужна была сословная организація, и вотъ правительство само пошло навстрѣчу ихъ желаніямъ, созвало ихъ поуѣздно и заложило начала корпоративному управленію, предоставивъ выбрать предводителей и депутатовъ. Подобныя мѣры не могли быть временными.

Вотъ причины ихъ радостному привѣтствованію манифеста 1766 года. Свои корпоративныя стремленія дворяне выразили и въ наказахъ.

Одною изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ уѣзднаго управленія была реорганизація мѣстнаго суда. Дворяне не преминули подчеркнуть это; почти всѣ наказы говорятъ о замѣнѣ въ той или другой формѣ существующихъ судовъ судами выборными отъ дворянъ.

Ими указывалось на медленность производства, ябедничество, взяточничество судебныхъ властей, неудобства словеснаго порядка и т. д. Коренными же мѣрами къ улучшенію судоустройства и судопроизводства предлагались, во-первыхъ, замѣна прежняго состава судовъ судомъ выборнымъ отъ дворян-

ства, а, во вторыхъ, измѣненіе основного принципа судопроизводства — порядка словеснаго письменнымъ [1]).

---

[1]) Для примѣра приводимъ ниже статью изъ наказа Ливенскаго дворянства Воронежской губерніи, характерно выражающую эти мысли.

Пунктъ третій:

Судъ гражданской прежде сего былъ не толко скоро рѣшителной, какъ законами повелѣно, но и въ жизнь свою обиженные удоволствіе свое рѣдко получали. И такъ за двадцать лѣтъ и болѣе назадъ, по многимъ въ разныхъ обидахъ поданнымъ челобитнымъ, весма не много сыщется рѣшенныхъ дѣлъ для того, кто кого чѣмъ обидитъ и признаваетъ себя виноватымъ, оный всѣми мѣрами происки и пронырство употребляетъ, отъ суда отбываетъ и обиженнаго разными вымыслами волочитъ и убытчитъ, къ сему обыклая и застарѣлая поведенція, дѣлаютца переводы такіе, что обидчикъ по первой, второй и третьей и болѣе посылкамъ къ суду не ѣдетъ, и имѣетъ отговорки, о которыхъ посланные пишутъ въ доѣздахъ своихъ, якобы въ домѣ не изъѣхали, а они подлинно въ домѣ, и протчія несправедливости. И такъ, не боясь ничего, или имѣя надежду на судей, чинитъ ослушаніе; да и такіе есть, что и бьютъ посланныхъ; и за то посланные удоволствія своего не получаютъ, и указнаго штрафа не чинитца. А когда по многимъ посылкамъ сысканы бываютъ, то разными ябедническими неправдами судъ останавливаютъ поданными челобитными, по которымъ до суда чинятца выписки съ прописаніемъ, то все для волокитъ обиженнаго. А ничто такъ не досадно всякому обиженному, какъ долговременное хожденіе за дѣломъ: не видитъ справедливыхъ поступокъ и волочится напрасно, лишась своего дому; къ тому жъ притчины болшое огорченіе, когда обиженный по нестерпимости своей обиды, часто входя въ судебное мѣсто и въ протчихъ мѣстахъ, проситъ словесно судей о правосудіи и рѣшеніи своего дѣла, то судьи отвѣтствуютъ свирѣпымъ взоромъ и при томъ другими разсужденіями обижаютъ, о чемъ ихъ не просятъ, а наибольшее того огорченіе не толко дворянамъ незаслуженнымъ, но и заслуженнымъ, чины имѣющимъ офицерскіе и выше, о чемъ проситъ, пришедъ къ секретарю и повытчику, сидящимъ въ своихъ мѣстахъ, и они отвѣтствуютъ, также слѣдуя судейскому отвѣту, неучтиво и грубо. Того ради по всѣмъ онымъ притчинамъ отъ всѣхъ дѣлъ челобитчики обиженные отступаются, и тѣ дѣла остаются въ тунѣ бездѣйствителны. Да хотя и въ апеляціи по прошеніямъ берутца, и тамъ тѣже неправды бывали, и затѣмъ наиболѣе обидъ, исковъ умножилось, ибо обидчикъ въ той надеждѣ, что одинъ своего удоволствія на немъ не сыскалъ, протчихъ обидѣть поползновененъ; и на то взирая всѣ обиженные принуждены молчать и раболѣпствовать имъ же; и тако по означеннымъ причинамъ останутся не въ силахъ ходить за дѣлами своими.

Средствомъ избѣгнуть тѣ злоупотребленія, которыя господствовали въ судебной организаціи, наказы выставляютъ передачу судовъ въ вѣдѣніе дворянскихъ обществъ, съ предоставленіемъ имъ контроля надъ судомъ и избиранія судей. Нѣкоторые наказы подробно описываютъ предполагаемую ими реформу, другіе упоминаютъ о ней лишь въ общихъ чертахъ,

---

Объясненіе къ пункту 3.

Естли повелѣно будетъ во обидныхъ дѣлахъ скорорѣшителной судъ сдѣлать, то надлежитъ дѣла производить по порядку поданныхъ челобитенъ. Буде оныхъ въ подачѣ много, то сперва производить два или три, не отпуская челобитчиковъ и отвѣтчиковъ, а протчихъ отпустить до того времени, какъ оныя первыя дѣла рѣшены будутъ. Челобитныя-жъ писать съ ясными доводы, тожъ и отвѣты противъ оныхъ принимать правдивые со изъясненіемъ. И естли судьи по законамъ и по чистой совѣсти судить будутъ въ правду и съ прилежаніемъ, не откладывая времени; то оные суды, какъ челобитчикамъ, такъ и отвѣтчикамъ будутъ безобидны и не тягостны. И можно, естли излишняго для продолженія примѣшано не будетъ, то безъ всякого отягощенія судьямъ рѣшить можно и много дѣлъ, а не такъ, какъ прежде сего бывало продолженіе за отбывательствомъ и не сыскомъ къ суду, напротиву чего строгости употребить: по челобитной учинить посылку какъ за отвѣтчикомъ, такъ ежели въ челобитной свидѣтели показаны будутъ, и за свидѣтелями въ одной посылкѣ, чтобъ отвѣтчикъ явился къ суду, какъ скоро возможно, а неотмѣнно того-жъ числа, или на другой день изъ дому своего выѣхалъ и прибылъ по разстоянію верстъ отъ дому его до города, не продолжая времени ни одного дня. Буде же, увѣдавъ до посылки за нимъ, что на него есть челобитье, нарочно куда отлучится, чтобъ по первой посылкѣ не ѣхать; въ такомъ случаѣ взять, кому домъ его приказанъ, и держать подъ карауломъ, пока явитца, и при томъ посланнымъ по первой посылкѣ со сторонними людми освидѣтелствовать съ подписками, подлинно-ль его въ домѣ нѣтъ и куда отлучился; которыя подписки подавать при доѣздахъ; и чтобъ отъ дому его чрезъ нарочно посланнаго дано было ему знать, чтобъ неотмѣнно на поверстной срокъ къ суду явился; а если не явится безъ важныхъ притчинъ, обвинить, не принимая послѣ никакого оправданія безъ суда. Буде же, за какими правилными резоны, производствомъ до какого времени остановитьца, то записывать всякой день подъ тѣмъ дѣломъ, за чѣмъ производствомъ и рѣшеніемъ остановилось, и тѣ записки крѣпить судьямъ или секретарю. А ежели судейскимъ вымысломъ учинитца волокита, хожденіе за дѣломъ напрасно, то повиненъ будетъ судья, или отъ кого учинилась неправда, платить проѣсти и волокиты обиженному по шести рублевъ на мѣсяцъ, которые и доправлять съ нихъ по прошествіи каждаго мѣсяца.

выставляя только самый фактъ необходимости измѣненія существующихъ порядковъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, которыя предлагались наказами въ области реформы судоустройства, мы замѣчаемъ нѣсколько направленій: одна группа наказовъ, основываясь на существующемъ порядкѣ управленія уѣзда воеводами и ихъ товарищами, предлагала лишь сдѣлать ихъ выборными отъ дворянства; другая группа вводила въ мѣстное управленіе новыхъ выборныхъ единоличныхъ судей, называя ихъ, какъ мы увидимъ ниже, то ландратами, то коммисарами, то опекунами; за воеводами оставалась въ этихъ случаяхъ только административная власть; наконецъ, третья группа шла еще дальше, устанавливая выборные земскіе суды, коллегіальнаго устройства.

Всѣ наказы предлагаютъ для выбора какъ судей, такъ и предводителей или другихъ сословныхъ должностныхъ лицъ,— узаконеніе на вѣчныя времена дворянскихъ собраній, срокъ созыва которыхъ устанавливался бы либо годичный, либо двухъ, трехъ и пятилѣтній. Нѣкоторыми наказами существованіе дворянскихъ собраній предполагалось само собой. Этотъ фактъ служитъ намъ подтвержденіемъ тому, что организація дворянскаго сословія вытекла изъ самой жизни, силою необходимости. Поуѣздныя дворянскія общества образовались роспускомъ дворянъ въ провинцію въ 1762 году; очевидно имъ была нужна законная возможность собираться періодически для обсужденія общихъ нуждъ; дворянство не считало даже нужнымъ спеціально просить о разрѣшеніи собираться; оно какъ бы понималось само собой; объ этомъ упоминаютъ лишь нѣкоторые наказы [1]).

Переходя къ болѣе подробному разбору постановленій дворянскихъ наказовъ, касавшихся дворянскаго сословнаго управленія, мы будемъ держаться вышеприведеннаго дѣленія ихъ на три группы.

[1]) О съѣздахъ дворянъ говорятъ, напр., наказы Боровскій, Веневскій и Дмитровскій, томъ IV. „Сб. Р. И. О.“, стр. 237, 340 и 504.

а) Первая группа, какъ мы сказали, держалась стараго порядка, замѣняя правительственныхъ воеводъ — выборными; наказы, держащіеся этого порядка, не останавливаются подробно на опредѣленіи компетенціи воеводъ и ихъ товарищей; послѣдняя оставалась прежняя; наказы интересовались только способомъ назначенія воеводъ, оставляя за ними всѣ ихъ прежнія права и обязанности. Къ этой категоріи принадлежатъ слѣдующіе наказы: Козельскій (томъ IV «Сб. Р. И. О.», стр. 266), Судиславскій (IV, 281), Ярославскій (IV, 307), Коломенскій (IV, 329), Тульскій (IV, 409), Дедиловскій (VIII, 522), Можайскій (VIII, 545), Шелонской и Бѣжецкой пятинъ (XIV, 339, 351, 355), Вологодскій (XIV, 460), Острогожскій (LXVIII, 299), Алатырскій (LXVIII, 113), Касимовскій (LXVIII, 447) и Карачевскій (LXVIII, 528).

Нѣкоторые наказы требовали еще меньшаго. Они желали, чтобы дворянамъ было предоставлено лишь право выбирать товарищей воеводъ; воеводы оставались при этомъ назначаемыми отъ правительства.

Сюда относятся Чухломской наказъ (XIV, 482), Изюмскій (LXVIII, 311), Кадомскій (LXVIII, 329), Темниковскій (LXVIII, 451), Болховской (LXVIII, 495), Сумской (LXVIII, 273) и Бѣлгородскій (LXVIII, 647).

б) Ко второй группѣ принадлежатъ тѣ наказы, которые требуютъ учрежденія единоличныхъ выборныхъ судей.

Въ компетенцію единоличныхъ судей входилъ главнымъ образомъ разборъ мелкихъ ссоръ и споровъ, какъ между помѣщиками, такъ и между крестьянами и тѣми и другими вмѣстѣ. Но, кромѣ того, на нихъ возлагалось и слѣдственное дѣло; забота о расквартированіи войскъ и рѣшеніе возникающихъ по этому поводу споровъ и пререканій между военными властями и помѣщиками; преслѣдованіе корчемства, поимка разбойниковъ и конокрадовъ и т. п. Нѣкоторые наказы шли еще дальше, возлагая, напр., на судей завѣдываніе уѣздной полиціей (Перемышльскій и Воротынскій наказы, томъ IV, «Сб. Р. И. О.», стр. 436—438), опеку надъ малолѣтними и

сумасшедшими (наказъ Опочки, XIV томъ, стр. 270). При этомъ надо замѣтить, что особенно разнообразны наименованія выборныхъ судей. Одни наказы называютъ ихъ просто земскими судьями (наказъ Острова, т. XIV, стр. 279, Зубцова, т. XIV, стр. 318, и Чернигова, LXVIII, стр. 237) или уѣздными [1]), дворянскими [2]) судьями, другіе прибѣгаютъ къ петровскимъ терминамъ коммисаровъ и ландратовъ. Выборные коммисары, становые или уѣздные требуются, Московскимъ дворянствомъ (IV, стр. 230), Костромскимъ и Люблинскимъ (IV, стр. 247), Калужскимъ и Медынскимъ (IV, 289), Алексинскимъ (VIII, 536), Тульскимъ (IV, 402), Кашинскимъ (IV, 466), Углицкимъ (VIII, 463; этотъ наказъ очень подробно останавливается на реформѣ судопроизводства), Казанскимъ (LXVIII, 26) и Керенскимъ (LXVIII, 442).

Обонежскій, Новоторжскій, Торопецкій и Холмскій наказы устанавливаютъ особыхъ судей; первый (XIV, 331) рядомъ съ коммисарами желаетъ учрежденія начальниковъ земли, имѣющихъ также судебныя функціи и право надзора за коммисарами; Новоторжскій наказъ говоритъ о выборныхъ медіаторахъ (XIV, 363), послѣднихъ же два (XIV, 405) о дворянскихъ начальникахъ. Эта категорія судей носитъ на себѣ уже другой отпечатокъ; они не только судьи, но и органы сословнаго управленія, подходя тѣмъ вмѣстѣ подъ категорію предводителей; къ нимъ намъ придется вернуться ниже.

Тотъ же сословно-административный характеръ носятъ тѣ выборные судьи, которые были нѣкоторыми наказами названы опекунами, уѣздными или становыми (наказы: Опочки, XIV, 270; Ржева, XIV, 281; Пскова, XIV, 377; Арзамаса, LXVIII, 107; Орла, LXVIII, 503; Путивля, LXVIII, 587).

---

[1]) Перемышльскій и Воротынскій наказы, т. IV, стр. 436. Епифанскій наказъ, VIII, стр. 452. Дорогобужскій наказъ, XIV, стр. 434.

[2]) Володимірскій и Козловскій наказы, томъ VIII, стр. 549 и т. LXVIII, стр. 414. Пензенскій наказъ, т. LXVIII, стр. 16. Ряжскій наказъ, т. LXVIII, стр. 388. Послѣдній наказъ очень подробно разсматриваетъ, какъ судоустройство, такъ и судопроизводство новыхъ судовъ.

Наконецъ наиболѣе опредѣленными, съ точно выясненными компетенціей и порядкомъ избранія, являются должности судей—ландратовъ. Они устанавливаются Веневскимъ, Пусторжевскимъ (XIV, 303), Галицкимъ (XIV, 494), Мценскимъ (LXVIII, 617), Рыльскимъ (LXVIII, 625), Симбирскимъ (LXVIII, 9) и Нижне-Ломовскимъ (LXVIII, 428) наказами. На ландратовъ возлагались, кромѣ вышеперечисленныхъ судебныхъ функцій, еще общая забота о дворянахъ уѣзда, обязанность представленія отчета черезъ каждые два года уѣздному дворянскому собранію, какъ о своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ, такъ и о подчиненныхъ имъ органахъ. Собраніе дворянъ выбираетъ новаго или утверждаетъ прежняго ландрата, судитъ его за упущенія по должности, судитъ также дворянъ за неповиновеніе ландрату, назначаетъ ему жалованье; единственное наказаніе, которое можетъ налагать дворянское собраніе — это штрафъ.

Этимъ исчерпывается вторая группа наказовъ.

в) Въ третью группу входятъ тѣ, которые устанавливаютъ коллегіальный выборный судъ, называя его, большею частью, судомъ «земскимъ». Компетенція этихъ судовъ мало чѣмъ разнится отъ компетенціи единоличныхъ судей. Они также должны были разбирать ссоры и споры дворянъ, въ особенности касающіеся владѣнія недвижимымъ имуществомъ, порубокъ, перекосовъ, пожиновъ хлѣба; затѣмъ ими должны были разбираться дѣла, касающіяся крестьянъ; имъ принадлежалъ надзоръ за дорогами и расквартированіемъ войскъ; опека малолѣтнихъ и сумасшедшихъ. Здѣсь мы видимъ характерное для 18-го столѣтія смѣшеніе суда и администраціи; наказы не сознавали также, какъ и правительство, необходимости отдѣленія суда отъ администраціи.

Особенно подробно компетенція земскихъ судовъ опредѣляется наказами Костромскимъ и Любимскимъ (томъ IV, стр. 247). О смѣшанныхъ судахъ говорятъ слѣд. наказы: Михайловскихъ дворянъ (т. IV, 272), Веневскихъ (т. IV, 340), Серпуховскихъ, Тарусскихъ и Оболенскихъ (IV,

359), Кашинскихъ (IV, 469), Ямбургскихъ (XIV, 249), Смоленскихъ (XIV, 418), Воронежскихъ (LXVIII, 358) и Курскихъ дворянъ (LXVIII, 535). Составъ суда обыкновенно опредѣлялся отъ 2 до 5 выборныхъ отъ дворянъ судей; при судѣ предполагалось учредить особыя канцеляріи и тѣмъ освободить отъ какого-либо судебнаго производства воеводскія канцеляріи. Въ составъ суда нѣкоторыми наказами вводился и предводитель, на правахъ предсѣдателя (напр., Костромской, Любимскій и Кашинскій наказы). Аппеляціонной инстанціей обыкновенно долженъ былъ быть Сенатъ. Подобныя постановленія можно объяснить желаніемъ изъять эти суды изъ-подъ контроля администраціи и въ частности воеводъ. Только Калужскій и Медынскій наказы (IV, 289) высказываются за учрежденіе второй инстанціи, губернскаго земскаго суда, также выборнаго.

Этимъ заканчивается краткій перечень тѣхъ частей дворянскихъ наказовъ, которыя были направлены къ реформѣ мѣстныхъ судовъ.

Намъ въ данномъ случаѣ важно было установить не столько желаніе дворянскихъ обществъ провести судебную реформу, сколько ихъ стремленіе къ полученію права *выбора* судей. Судьи должны были быть, во-первыхъ, непремѣнно изъ дворянъ, а во-вторыхъ, находиться подъ извѣстнымъ контролемъ дворянскихъ обществъ; эти послѣднія, выбирая или переизбирая своихъ судей, могли слѣдить за ихъ дѣятельностью, налагать на нихъ штрафы, смѣщать и предавать ихъ уголовному суду. Все это конечно утверждало за дворянскимъ сословіемъ преобладающее въ администраціи уѣзда положеніе. Изъ этихъ данныхъ правительство могло судить о томъ сильномъ стремленіи дворянъ къ корпоративному объединенію, которое зародилось съ изданіемъ Манифеста 1762 года и завершилось въ 1785 году дарованіемъ имъ жалованной грамоты.

Но нѣкоторые наказы шли гораздо дальше этого. Они прямо выражали желаніе дворянъ даннаго уѣзда получить корпоративную организацію.

Единственнымъ сословнымъ органомъ въ наказахъ являлся предводитель дворянства; только въ видѣ рѣдкаго исключенія онъ назывался опекуномъ (Псковскій наказъ) или медіаторомъ (Можайскій и Новоторжскій наказы).

Никакого раздѣленія судебныхъ отъ административныхъ функцій не проводилось; такъ, въ большинствѣ наказовъ предводитель являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и судьей; иногда же ему подчинялась и вся администрація уѣзда; такимъ администраторомъ его выставляли наказы Бѣжецкой и Обонежской пятинъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить и другой особенности наказовъ. Мы говоримъ про неопредѣленность отношеній предводителя къ воеводамъ и прочимъ органамъ мѣстнаго управленія; отношенія эти наказами вовсе не выяснены. Не говоря уже о томъ, что большинство наказовъ, упоминающихъ о предводителяхъ, желаетъ утвержденія за дворянами права ихъ выбора, безъ дальнѣйшаго опредѣленія того положенія, которое послѣдніе должны были занять въ мѣстномъ управленіи, намъ приходится указать и на то, что даже то малое число наказовъ, которые останавливались на вопросѣ о компетенціи предводительской должности и ея отношеніяхъ къ другимъ мѣстнымъ властямъ, дѣлали это крайне не точно и противорѣчиво. Такъ, мы замѣчаемъ, что одни наказы, какъ бы подчиняютъ въ нѣкоторой степени воеводъ и прочіе органы мѣстной администраціи предводителю; онъ имѣетъ, согласно этому, право контроля и суда (Алексинскій, Карачевскій, Алатырскій, Сумской и нѣк. другіе наказы, а въ особенности Козельскій наказъ, въ которомъ прямо дается предводителю право судить воеводъ за упущенія по администраціи). Въ другихъ наказахъ ему предоставлены меньшія права; ему подчинены лишь земскіе судьи; предводитель здѣсь стоитъ во главѣ выборныхъ отъ дворянства органовъ (Коломенскій и Ростовскій наказы); наконецъ, въ третьихъ, оттѣняется главнымъ образомъ забота предводителя о дворянскихъ интересахъ; онъ является въ этихъ случаяхъ ходатаемъ по дворянскимъ дѣламъ въ воеводскихъ канцеляріяхъ и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ;

слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дѣла этого сословія не залеживались и находили себѣ правое рѣшеніе; въ противномъ же случаѣ доносить о томъ высшему правительству. Къ этой категоріи относятся наказы: Дмитровскій, Кашинскій, Велико-Луцкій, Клинскій, Ярвскій, и тождественные съ послѣднимъ Вирскій, Викскій и Гарскій наказы.

Подобныя противорѣчія и колебанія въ мнѣніяхъ дворянскихъ обществъ не могутъ быть поставлены имъ въ вину. Дворяне не были вовсе подготовлены къ тому, чтобы создать проектъ какой-нибудь общей сословной или административной организаціи. Да правительство отъ нихъ этого вовсе и не требовало. Ихъ спросили просто о ихъ нуждахъ и о желательныхъ реформахъ мѣстнаго управленія. Съ этой точки зрѣнія разсматривались наказы и Императрицей и ея современниками, съ этой же точки зрѣнія должны они быть судимы и историкомъ-изслѣдователемъ.

Въ нихъ выразились нѣкоторыя общія всему дворянскому сословію стремленія; эти послѣднія и необходимо намъ отмѣтить, и найти въ нихъ корень послѣдующимъ дѣйствіямъ правительства.

II.

Дворянскіе наказы служатъ хорошимъ зеркаломъ вожделѣній этого сословія. Нѣкоторые изъ нихъ въ особенности, даютъ совершенно вѣрную картину того пути, по которому въ то время пошло развитіе дворянскаго сословія.

Намъ необходимо теперь остановиться на болѣе подробномъ разборѣ отдѣльныхъ наказовъ дворянства, при чемъ главнымъ образомъ мы въ данномъ случаѣ будемъ имѣть дѣло съ тѣми наказами, которые вводятъ въ систему мѣстнаго управленія выборные органы и устанавливаютъ основы самостоятельнаго дворянскаго сословнаго управленія.

Надо сказать, что изъ всего числа дворянскихъ наказовъ (158) о выборныхъ органахъ, говорятъ лишь 23, т. е. около одной седьмой ихъ части; количественное это отношеніе само по себѣ впрочемъ ничего не доказываетъ.

Самымъ характернымъ и подробнымъ является наказъ Клинскихъ дворянъ (IV томъ, «Сб. Р. И. О.», стр. 255). Намъ интересны двѣ главы наказа; одна изъ нихъ озаглавлена «о бытіи надъ дворянами трехъ годовому начальнику», другая говоритъ «о бытіи годовымъ дворянскимъ депутатамъ».

Клинскіе дворяне предполагали избирать на три года, согласно обряду 1766 года, предводителя, назвавъ его дворянскимъ начальникомъ.

Этимъ наименованіемъ характеризуется и положеніе проектируемаго органа. Согласно этому наказу предводитель долженъ былъ дѣйствительно быть начальникомъ дворянъ уѣзда. Единственнымъ контролемъ общества было право избранія; при недовольствѣ предводителемъ, оно не переизбирало его. Начальнику надъ дворянами предполагалось дать самыя обширныя полномочія въ области сословнаго управленія: онъ долженъ былъ вести точные списки всѣмъ дворянамъ, жительствующимъ въ его уѣздѣ; постоянно быть освѣдомленнымъ о ихъ передвиженіяхъ, отъѣздахъ, какъ въ столицу, такъ и за границу; дворяне для этой же цѣли обязаны были доносить начальнику о предполагаемыхъ своихъ переѣздахъ. Начальникомъ собирались также и другія свѣдѣнія о дворянахъ; на него возлагалась регистрація дворянскихъ родовъ, т. е. веденіе родословныхъ книгъ, отмѣтка въ нихъ рожденій, смертей и браковъ и т. п. Однимъ изъ главныхъ правъ ему предоставленныхъ было право суда надъ дворянами; по всѣмъ мелкимъ дѣламъ, спорамъ и ссорамъ, какъ между помѣщиками, такъ и между крѣпостными, и тѣми и другими вмѣстѣ, начальникъ являлся единственнымъ судьей и притомъ безапелляціоннымъ. На его рѣшенія можно было жаловаться лишь Сенату. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ являлся и ходатаемъ по дворянскимъ дѣламъ передъ административными учрежденіями уѣзда; ему приходилось наблюдать за скорымъ и правымъ рѣшеніемъ дворянскихъ дѣлъ въ воеводскихъ и другихъ канцеляріяхъ; слѣдить за законнымъ и справедливымъ сборомъ податей; наблюдать за правильностью межеванія и хорошимъ состояніемъ межъ во избѣжаніе буду-

щихъ споровъ; однимъ словомъ, Клинскіе дворяне предполагали возложить на своего будущаго начальника администрацію всѣхъ дворянскихъ интересовъ уѣзда, предоставивъ ему и право суда и право распоряженія. На начальника возлагалась обязанность жительства въ уѣздѣ; онъ не могъ отлучаться иначе, какъ съ разрѣшенія общества дворянъ и съ замѣной себя новымъ выборнымъ же начальникомъ, который также избирался на три года. Обрядъ выборовъ предполагался тотъ же, какъ и при избраніи перваго предводителя въ 1766 году; измѣненъ былъ лишь срокъ, съ двухъ—на трехлѣтній. Округомъ дѣйствія начальника долженъ былъ быть уѣздъ. Въ виду столь многосложныхъ и трудныхъ обязанностей, которыя долженъ былъ нести начальникъ, наказъ предлагалъ освободить его отъ какихъ-либо другихъ государственныхъ функцій. Правительство не могло возлагать на него обще-административныхъ обязанностей. Этимъ Клинскіе дворяне желали защитить свои сословные интересы; они хотѣли, чтобы начальникъ посвящалъ весь свой трудъ, все свое время на служеніе дворянскимъ нуждамъ. Подобное требованіе намъ кажется вполнѣ основательнымъ. Являясь сословнымъ органомъ, предводитель или начальникъ не въ состояніи, безъ ущерба сословнымъ интересамъ, нести административныя обязанности; при такомъ совмѣщеніи неминуемо должны были столкнуться противорѣчащіе другъ другу интересы. Этого Клинскій наказъ и хотѣлъ избѣжать. Къ несчастью, правительство, въ послѣдующихъ своихъ реформахъ, именно эту мысль упустило совершенно изъ виду. Намъ придется не разъ указывать на это смѣшеніе сословной и общей администраціи; на предводителя возлагалось все, что только можно было. Голосъ Клинскихъ дворянъ остался неуслышаннымъ. Впрочемъ, надо сказать, что и сами дворяне не поддерживали его; ни въ коммисіи по составленію новаго Уложенія, ни въ послѣдующихъ реформахъ, дворяне не отстаивали принципа чисто-сословныхъ функцій предводителя дворянства. Наоборотъ, стремясь пріобрѣсти преобладающее положеніе въ администраціи уѣзда и губерніи, они

всегда выставляли предводителя, какъ обще-административнаго, а не сословнаго органа. Но, повторяемъ, Клинскій наказъ стоялъ на другой точкѣ зрѣнія и составлялъ въ этомъ отношеніи рѣдкое исключеніе.

Наказъ этотъ проводилъ строгую обособленность дворянскаго сословнаго управленія. Эта черта разбираемаго наказа выразилась не только въ постановленіяхъ, касающихся начальника, но и въ слѣдующей главѣ, трактующей «о бытіи годовымъ дворянскимъ депутатамъ». Эти послѣдніе должны были быть ходатаями по дворянскимъ дѣламъ при центральномъ правительствѣ. Мысль эта взята конечно изъ Манифеста Екатерины о выборѣ депутата въ коммисію для сочиненія новаго Уложенія. Клинскіе дворяне хотѣли имѣть въ Москвѣ своего постояннаго представителя и ходатая, дабы всегда имѣть открытый до Верховной Власти путь къ заявленію о своихъ нуждахъ. Для того же, чтобы получить возможно большій контроль надъ своимъ депутатомъ, они предполагали выбирать его на одинъ лишь годъ; депутатъ сохранялъ такимъ образомъ постоянную связь со своимъ уѣздомъ. Обязанность его состояла въ проживаніи въ Москвѣ и постоянной заботѣ о всѣхъ интерасахъ и дѣлахъ своего общества; онъ являлся ходатаемъ въ вотчинной коллегіи, въ судебныхъ мѣстахъ, передъ высшимъ правительствомъ; слѣдилъ за тѣмъ, чтобы дѣла его уѣзда не задерживались и т. д. Для возможно лучшаго выполненія возложенныхъ на него задачъ, онъ получалъ довольно независимое положеніе; былъ освобожденъ отъ какихъ-либо другихъ общегосударственныхъ функцій, но вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ преимущества государственной службы, состоя въ 8 классѣ. Эта послѣдняя мѣра проводилась съ цѣлью дать депутату независимое общественное положеніе. Не надо забывать, что чинъ игралъ въ то время, какъ и въ послѣдующее, впрочемъ, огромное значеніе. Въ столицѣ облагораживалъ человѣка и давалъ ему общественное положеніе, не порода, а чинъ. Клинскіе дворяне не преминули считаться съ этимъ явленіемъ. Въ награду за свою дѣятельность депутатъ могъ быть вознагражденъ своимъ обще-

ствомъ выдачею ему особой медали; правительство же награждало его за усердную службу чиномъ.

Проектированное сословное управленіе шло еще дальше. Клинскій наказъ предлагалъ учрежденіе государственнаго депутата. Въ рукахъ послѣдняго должно было быть сосредоточено управленіе всѣмъ дворянскимъ сословіемъ. Положеніе онъ долженъ былъ занимать вполнѣ независимое и имѣть чинъ перваго или второго класса; на немъ лежала забота о дворянскомъ сословіи всей Имперіи; онъ долженъ былъ имѣть личный докладъ у Государыни; по всѣмъ дѣламъ, касающимся дворянскаго сословія, правительство должно было испрашивать его заключенія.

Такимъ образомъ мы видимъ, Клинскій наказъ даетъ строго и детально разработанный проектъ дворянскаго сословнаго управленія; мы имѣемъ передъ собою выдержанную систему; дворяне должны были получить корпоративную организацію; эта послѣдняя должна была дать дворянскому сословію то единеніе, которое было необходимо ему для пріобрѣтенія въ Имперіи господствующаго положенія. Дальновидность Клинскихъ дворянъ шла очень далеко. При изложеніи послѣдующей исторіи дворянскаго сословнаго управленія, намъ придется не разъ убѣждаться въ этомъ.

Не такъ подробно развивали этотъ вопросъ другіе наказы дворянскихъ обществъ.

Сословному управленію значительное мѣсто удѣлено Ростовскимъ и Коломенскимъ наказами (IV томъ «Сб. Р. И. О.», стр. 355 и 329). Эти два наказа въ основныхъ своихъ чертахъ держались того же направленія, какъ и Клинскій. Хотя они и не называли предводителя начальникомъ, но положеніе послѣдняго, выработанное ими, было именно начальническое, какъ выражаются сами наказы, предводитель избирался «для лучшаго между дворянами порядка» (Коломенскій), быть предводителю «яко начальнику дворянства» (Ростовскій). Права и обязанности предводителя сводились къ *управленію* всѣмъ сословіемъ уѣзда; онъ разбиралъ мелкіе споры дворянъ, воз-

никавшіе по поводу перепашекъ, порубокъ, перекосовъ, по-жиновъ, ссоръ дворовыхъ и т. п. Велъ списки дворянамъ своего уѣзда, созывалъ дворянскія избирательныя собранія; налагалъ штрафы на неявившихся безъ представленія законныхъ поводовъ къ неявкѣ дворянъ; опекалъ малолѣтнихъ дворянъ; заботился о ихъ дѣлахъ и ходатайствахъ и т. п. Но между положеніемъ предводителей, какъ его рисуютъ эти два наказа, есть маленькая разница. Ростовскій наказъ даетъ предводителю положеніе товарища воеводы, предоставляя ему и судебныя функціи послѣдняго, въ дополненіе къ функціямъ сословнымъ, Коломенскій же даетъ ему болѣе независимое положеніе; такъ, предводителю предоставляется разсмотрѣніе пререканій, возникающихъ между дворянами и воеводами; ему дается возможность активнаго вмѣшательства въ обще-уѣздную администрацію тѣмъ, что, предсѣдательствуя въ дворянскихъ собраніяхъ, которыя не только избираютъ воеводъ, но и дѣятельно ихъ контролируютъ, предводитель можетъ порицать и одобрять дѣйствія всѣхъ выборныхъ органовъ администраціи. Все это даетъ ему болѣе независимое положеніе, чѣмъ то, которое занимали товарищи воеводъ.

Весьма сходнымъ съ Коломенскимъ наказомъ является наказъ Дмитровскихъ дворянъ (томъ VIII, стр. 504). Они также просили о предоставленіи имъ навсегда права избранія предводителя, на два года, согласно обряду 1766 года. Предводитель также долженъ былъ быть ходатаемъ передъ правительственными властями о нуждахъ дворянскаго общества, ограждать ихъ интересы и т. п. Кромѣ того, онъ же долженъ былъ собирать съѣзды дворянъ, на которыхъ предсѣдательствовалъ; послѣдняя обязанность точно опредѣляется въ разбираемомъ наказѣ; здѣсь говорится подробно о дѣйствіяхъ предводителя въ качествѣ предсѣдателя дворянскаго собранія; такъ какъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ судей дворянамъ предоставлялось жаловаться предводителю, то на собраніи послѣдній докладывалъ о подобныхъ жалобахъ и ставилъ на очередь вопросы объ отрѣшеніи отъ должности и преданіи

уголовному суду провинившихся судей; кромѣ того, тому же собранію предводитель представлялъ объ общихъ нуждахъ сословія; его роль на собраніи должна была быть очень дѣятельной; онъ долженъ былъ умирять и соглашать спорящихъ, руководить преніями, ставить на баллотировку спорные вопросы и т. д. На предводителя возлагались и всѣ подготовительныя къ дворянскимъ собраніямъ работы; для этой же цѣли онъ велъ списки дворянамъ своего уѣзда, отмѣчалъ прибывшихъ на съѣздъ и штрафовалъ отсутствующихъ, безъ законныхъ къ тому поводовъ; по окончаніи собранія распускалъ дворянъ по домамъ. Какъ мы видимъ, Дмитровскій наказъ обратилъ особое вниманіе на роль предводителя, какъ предсѣдателя дворянскихъ собраній; но и другія стороны дѣятельности предводителей не были оставлены въ тѣни. Это, между прочимъ, единственный наказъ, который возлагаетъ на предводителей заботу объ образованіи дворянскихъ дѣтей; въ особенности онъ долженъ былъ стараться «о наученіи дѣтей правильному знанію россійскаго языка»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ заботиться и о просвѣщеніи крестьянскаго сословія; «не для одной сохи, говоритъ наказъ, крестьянинъ надобенъ государству, но и для разныхъ другихъ упражненій; грамота же пахать не помѣшаетъ, тѣмъ паче, что тѣ лѣта, въ которыя ребятъ можно грамотѣ обучать, пропадаютъ почти безъ всякой пользы»; къ несчастью и въ наше время, полтораста лѣтъ спустя, это справедливѣйшее положеніе недостаточно сознается.

На предводителя была возложена еще одна, болѣе щекотливая, обязанность, а именно, преслѣдованіе роскоши. При удовлетворительномъ выполненіи предводителемъ своихъ обязанностей, онъ могъ, по окончаніи трехлѣтія, получать отъ дворянъ аттестатъ, который долженъ былъ предоставлять ему нѣкоторыя преимущества при желаніи его поступить на государственную службу и во всякомъ случаѣ хорошо рекомендовать его правительству.

Сходнымъ представляется и Кашинскій наказъ (томъ IV,

стр. 460), съ тою только разницей, что кромѣ разсмотрѣнія всѣхъ функцій предводителя, вытекающихъ изъ его обязанности созывать и предсѣдательствовать въ дворянскихъ собраніяхъ при обсужденіи сословныхъ нуждъ, этотъ наказъ останавливается гораздо подробнѣе на судебныхъ функціяхъ предводителя. Ему предоставленъ, какъ говоритъ наказъ, «словесный судъ, дабы дворянинъ въ уѣздѣ не зависимъ былъ бы ни отъ кого, кромѣ того уѣзда дворянъ». Здѣсь проводится та же мысль, какъ и въ Клинскомъ наказѣ, о независимости сословнаго управленія отъ общей администраціи. Предводитель избирается на два года, а въ помощь ему выбираютъ 4-хъ товарищей, смѣняемыхъ погодно; всѣ они пользуются правомъ переизбранія. Жалобы на выборы дворянскихъ съѣздовъ запрещены; рѣшенія ихъ безапелляціонны. Затѣмъ наказъ перечисляетъ обязанности предводителя по веденію списка дворянъ, по надзору за ихъ мѣстомъ жительства; онъ разрѣшаетъ имъ выѣздъ изъ уѣзда, штрафуетъ за незаконную неявку на съѣздъ и т. д., однимъ словомъ—тѣ же постановленія, какъ и въ наказѣ Дмитровскихъ дворянъ. Отличительными являются только два положенія: во-первыхъ, предводителю предоставлено право не только штрафовать провинившихся дворянъ, но за третью вину налагать на нихъ, по соглашенію со съѣздомъ, арестъ; во-вторыхъ же, для лучшаго надзора за нерадивыми дворянами, учреждается подъ начальствомъ предводителя, особая должность лекаря; послѣдняго предводитель долженъ былъ командировать къ тѣмъ дворянамъ, для ихъ освидѣтельствованія, которые отказывались прибыть на съѣздъ по болѣзни. Наказъ, такимъ образомъ, предвидѣлъ то зло, отъ котораго страдала вся выборная администрація начала 19-го столѣтія, говоримъ про уклоненіе дворянства отъ выборной службы подъ самыми разнообразными предлогами.

Далѣе, наказъ Кашинскихъ дворянъ говоритъ объ обязанности предводителя быть ходатаемъ по дворянскимъ дѣламъ, какъ въ воеводскихъ и другихъ канцеляріяхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Въ заключеніе наказъ предвидитъ

случай отлучки предводителя изъ уѣзда; онъ долженъ былъ самъ избирать себѣ временнаго замѣстителя, товарищи же его могли отлучаться безъ замѣщенія.

Гораздо бо̀льшія права даетъ предводителю Козельскій наказъ (томъ IV, стр. 266). Онъ не только дѣлаетъ его ходатаемъ по дворянскимъ дѣламъ въ воеводскихъ канцеляріяхъ, но даетъ ему нѣкоторое право контроля надъ самими воеводами; дворянскому обществу предоставляется этимъ наказомъ право судить выборныхъ воеводъ за упущенія по службѣ; въ собраніяхъ дворянъ предсѣдательствуетъ предводитель. Онъ имѣетъ право дѣлать всѣмъ выборнымъ отъ дворянъ органамъ предупрежденія и увѣщанія и, въ случаѣ ихъ неповиновенія, доносить о ихъ проступкахъ Сенату для смѣщенія съ должности. Онъ рапортуетъ также Сенату о результатахъ уѣздныхъ выборовъ.

Въ этомъ же направленіи идутъ и нѣкоторые другіе наказы, не предоставляя, впрочемъ, предводителямъ столь широкихъ правъ; наказы эти даютъ предводителю право суда лишь надъ земскими судьями, не подчиняя имъ воеводъ и другихъ административныхъ органовъ; предводители судятъ провинившихся судей въ дворянскихъ собраніяхъ, при участіи всѣхъ съѣхавшихся на съѣздъ дворянъ. Подробности этого своеобразнаго суда дворянскихъ обществъ, съ предводителями во главѣ, не выяснены наказами; послѣдніе довольствовались установленіемъ принципа, остальное должна была, по ихъ мнѣнію, выработать коммисія; что же касается до устраненія отъ суда дворянскихъ обществъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ органовъ, то все зависѣло отъ способа назначенія этихъ послѣднихъ. Всѣ наказы, требовавшіе предоставленіе дворянскимъ обществамъ права суда надъ должностными лицами, имѣли въ виду лишь выборныхъ органовъ; требовать право суда надъ должностными лицами, назначаемыми правительствомъ, значило присвоивать себѣ слишкомъ широкія права; при всемъ своемъ стремленіи къ достиженію преобладающаго въ провинціи значенія, дворянскія общества такъ далеко заходить не мечтали.

Къ только что разсмотрѣнной категоріи наказовъ принадлежатъ слѣдующіе:

Алексинскій (томъ VIII, стр. 536), Можайскій (томъ VIII, стр. 544; наказъ этотъ называетъ предводителя медіаторомъ), Новоторжскій (томъ XIV, стр. 363), Алатырскій (томъ LXVIII, стр. 113), Сумской (томъ LXVIII, стр. 273; въ этомъ наказѣ срокъ предводительскихъ выборовъ устанавливается годичный), и Карачевскій (томъ LXVIII, стр. 528).

Высшей инстанціей надъ судомъ предводителя и дворянскихъ обществъ, по Карачевскому наказу, является Сенатъ; другіе выше приведенные наказы о второй инстанціи вовсе не упоминаютъ; послѣдній наказъ говоритъ кромѣ того о награжденіи предводителя за полезную его дѣятельность чиномъ; этого постановленія также нѣтъ въ пяти другихъ наказахъ.

Гораздо менѣе опредѣленны прочіе наказы, упоминающіе о предводителяхъ; начнемъ съ Михайловскаго наказа (томъ IV, стр. 272); Михайловскіе дворяне желали видѣть установленіе или, вѣрнѣе, признаніе правительствомъ поуѣздныхъ обществъ дворянъ, которымъ было бы даровано самостоятельное сословное управленіе. Во главѣ каждаго общества долженъ былъ стоять предводитель, избираемый на два года, согласно обряду 1766 г.; на немъ лежала обязанность созыва дворянскихъ собраній, а также наблюденіе за правильностью и благопристойностью выборовъ; онъ долженъ былъ вести списки дворянамъ всего уѣзда; послѣдніе же обязаны были извѣщать его о своихъ переѣздахъ и отлучкахъ; у предводителя, кромѣ того, собирались всѣ свѣдѣнія относительно дворянскихъ родовъ; онъ регистрировалъ случаи рожденія, смерти, браковъ дворянъ своего уѣзда. Затѣмъ, въ томъ же наказѣ находимъ мы особое постановленіе, запрещающее вносить кого-либо не дворянскаго происхожденія въ уѣздные списки дворянъ, безъ особаго о томъ именного указа; не могло играть никакой роли въ этомъ случаѣ знатное иностранное происхожденіе лица. Этимъ очевидно наказъ думалъ оградить чистоту русскихъ дворянскихъ родовъ. Вообще, надо замѣтить, что глав-

ную заботу Михайловскаго наказа составляло огражденіе чистоты дворянскихъ родовъ; сословное же управленіе отступало передъ нею на задній планъ и сравнительно мало интересовало сочинителей этого наказа.

Совсѣмъ на другой точкѣ зрѣнія стоялъ Псковскій наказъ (томъ XIV, стр. 376). Онъ предлагалъ учрежденіе выбираемыхъ ежегодно становыхъ опекуновъ; они должны были являться вѣдающими дѣла всѣхъ сословій и быть подчиненными правительственнымъ воеводамъ; съ послѣдними они обязаны были періодически сноситься и «требовать совѣта». На опекуновъ возлагалась не только администрація дворянскихъ общественныхъ нуждъ, но и нѣкоторыя функціи обще-уѣзднаго управленія; они вѣдали вопросы, касающіеся расквартированія войскъ, принимали мѣры къ поимкѣ разбойниковъ и бѣглыхъ крестьянъ; въ ихъ вѣдѣніи состояла мѣстная статистика, какъ выражается наказъ: «свѣдѣнія о всѣхъ округи своей подробностяхъ». Опекуны, подчиненные болѣе или менѣе воеводамъ, должны были пользоваться преимуществами государственной службы и получали опредѣленное жалованье; на нихъ не могли быть возложены другія обязанности, кромѣ точно указанныхъ въ законѣ.

Различіе этого наказа отъ предшествовавшихъ заключается въ возложеніи на дворянскіе сословные органы обще-административныхъ функцій.

Еще болѣе опредѣленно, въ этомъ же направленіи, высказываются наказы Обонежской (томъ XIV, стр. 331) и Бѣжецкой (XIV, 351) пятинъ. Эти два наказа прямо ставятъ сословные выборные органы, какими являются ихъ «земли начальники или оберъ-коммисары», во главѣ всего уѣзднаго управленія. Здѣсь уже трудно отличить чисто сословное управленіе отъ прочей администраціи; наказы эти такого раздѣленія и не преслѣдовали; имъ желательно было лишь закрѣпленіе за дворянами господствующаго положенія въ уѣздѣ. Но эти два наказа составляютъ уже нѣкоторую крайность въ этомъ направленіи и скорѣе подходятъ подъ вышеразобранную категорію тѣхъ

наказовъ, которые желали видѣть всю мѣстную администрацію, начиная съ воеводъ, выборною отъ дворянъ. Дворянское сословное управленіе, какъ таковое, почти не интересовало ихъ.

Еще менѣе опредѣленно говорятъ о дворянскихъ сословныхъ органахъ нижеслѣдующіе наказы:

Наказъ Велико-Луцкихъ дворянъ (XIV, стр. 373) устанавливаетъ своего рода третейскій судъ, въ лицѣ предводителя, для всѣхъ мелкихъ дворянскихъ ссоръ, а также и споровъ, возникающихъ изъ-за помѣщичьихъ крестьянъ; къ суду этому дворяне могли прибѣгать добровольно, хотя онъ не исключалъ самъ по себѣ возможности разсмотрѣнія дѣла въ общихъ судебныхъ мѣстахъ; учреждался же онъ для ускоренія рѣшенія мелкихъ и имѣющихъ мѣстное значеніе споровъ и ссоръ помѣщиковъ. Кромѣ того, предводитель являлся ходатаемъ по дворянскимъ дѣламъ въ воеводскихъ и другихъ канцеляріяхъ.

Наказъ Ярвскаго крейза и тождественные съ нимъ наказы Вирскаго, Викскаго и Гарскаго крейзовъ (томъ LXVIII, стр. 53 и слѣд.) просятъ объ учрежденіи постоянной выборной должности предводителя, задача котораго состояла бы въ общихъ заботахъ о всѣхъ сословныхъ нуждахъ дворянскихъ обществъ и въ посредничествѣ съ Верховной Властью. Вообще же надо замѣтить, что наказы прибалтійскихъ дворянъ мало говорятъ о сословныхъ органахъ; объясняется это слѣдующимъ соображеніемъ: у прибалтійскихъ дворянскихъ обществъ уже существовали свои сословные органы, въ лицѣ ландмаршаловъ и др.; у нихъ было довольно опредѣленно выработавшееся самоуправленіе; вслѣдствіе этого, наказы ихъ просили одного у Императрицы, — оставленія за этимъ краемъ его старыхъ привилегій, въ число которыхъ входило конечно и дворянское самоуправленіе; очевидно, что особо упоминать о послѣднемъ дворянскія общества не считали нужнымъ.

Наказъ Выборгскаго дворянства тоже только въ общихъ выраженіяхъ говоритъ о предоставленіи дворянамъ выбирать изъ своей среды на три года предводителя; на него возлагалась забота о дворянскихъ нуждахъ уѣзда, и въ особенности

надзоръ за правильнымъ веденіемъ дворянскаго матрикула; Выборгскій наказъ главное свое вниманіе обращаетъ именно на матрикулъ; онъ проситъ о сохраненіи за дворянами Выборгской губерніи всѣхъ старыхъ преимуществъ и привилегій, «коими шведское дворянство въ сихъ завоеванныхъ провинціяхъ..... пользовалось, по колику оныя привилегіи и съ самодержавными монаршескими правами Ея Императорскаго Величества согласны быть могутъ». Эти интересы были болѣе важны Выборгскимъ дворянамъ, чѣмъ сословное управленіе, на нихъ они обратили и большее вниманіе.

Наконецъ, менѣе всего опредѣленны постановленія наказовъ Нѣжинскаго и Батуринскаго (томъ LXVIII, стр. 144), Переяславскаго (томъ LXVIII, стр. 153) и Черниговскаго (томъ LXIII, стр. 238) шляхетства. Въ нихъ говорится лишь объ избраніи на два года предводителя, согласно Манифесту 1766 года; Переяславскій наказъ возлагаетъ на предводителей заботу о дворянской недвижимой собственности, прочіе два и объ этомъ даже не упоминаютъ.

Въ заключеніе перечня упомянемъ еще о наказѣ Острогожскихъ дворянъ (LXVIII, стр. 300), который высказывается за учрежденіе ежегодно выбираемаго дворянами депутата, задача котораго была бы, главнымъ образомъ, въ посредничествѣ между дворянами и правительствомъ; жалованья отъ правительства при этомъ ему не полагалось. Онъ долженъ былъ наблюдать: «1) чтобъ все принадлежащее обще до шляхетства безъ его сношенія въ рѣшеніе дѣлъ не происходило; 2) какъ ему каждаго шляхтича должны быть извѣстны качества и способность, къ какому кто дѣлу съ пользою употребленъ быть можетъ, то наряды въ какія-либо командираціи, что по службѣ Вашего Императорскаго Величества необходимо потребуется, депутатъ чинить долженъ, для чего повиненъ онъ имѣть навсегда очередной списокъ шляхетству». Этимъ опредѣляется и роль депутата. Мы имѣемъ дѣло, въ данномъ случаѣ, съ тою же мыслью, которая проводилась Клинскимъ наказомъ (см. выше). Съ одной стороны онъ долженъ былъ являться

ходатаемъ по дворянскимъ дѣламъ, съ другой же—имѣть надзоръ за всѣмъ сословіемъ, держать списки шляхетству, собирать о немъ самыя разнообразныя свѣдѣнія и рекомендовать правительству тѣхъ, «которые съ пользою употреблены быть могутъ».

Изъ перечня всѣхъ наказовъ, упоминающихъ о предводителяхъ, видно, что главнымъ образомъ обязанности ихъ должны были состоять именно въ этихъ двухъ функціяхъ, такъ характерно выраженныхъ въ наказѣ Острогожскихъ дворянъ. Но болѣе другихъ на этихъ мысляхъ останавливалось дворянство Московской губерніи; надо замѣтить, что вообще наказы отдѣльныхъ губерній носятъ на себѣ иногда нѣкоторыя общія черты; такъ, напр., наказы Новгородской губерніи особенно заботятся о мѣрахъ преслѣдованія бѣглыхъ и объ охранѣ границы Имперіи, наказы Эстляндской, Лифляндской, Выборгской, Малороссійской и Слободской-Украинской губерній просятъ объ утвержденіи за ними ихъ древнихъ правъ и привилегій и т. д.

Московская губернія отстаивала привилегированное положеніе дворянскаго сословія. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, выразилось стремленіе дворянъ получить преобладающее значеніе. Всѣ наказы этой губерніи, какъ особенно характерный Клинскій, такъ и восемь другихъ (Козельскій, Михайловскій, Коломенскій, Ростовскій, Кашинскій, Дмитровскій, Алексинскій и Можайскій), всѣ они проводили въ отношеніи предводительской должности три главныхъ мысли: онъ долженъ былъ быть судьей всѣхъ мелкихъ и мѣстныхъ ссоръ, долженъ былъ имѣть постоянныя свѣдѣнія о всемъ дворянскомъ обществѣ уѣзда и, наконецъ, долженъ былъ быть защитникомъ дворянъ и ходатаемъ передъ административными мѣстами.

Въ разобранныхъ наказахъ, какъ видимъ, довольно ясно выступило стремленіе дворянъ получить корпоративную организацію. Они желали имѣть свой выборный органъ, на котораго была бы возложена забота о дворянскомъ обществѣ уѣзда

и вмѣстѣ съ тѣмъ получить и активное участіе въ администраціи, выборомъ ли всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная съ воеводъ, или избраніемъ однихъ земскихъ судей и коммисаровъ. Надо сказать, что второе, т. е. стремленіе къ участію въ администраціи уѣзда, было сильнѣе перваго; дворянское сословное управленіе казалось дворянамъ болѣе отдаленной цѣлью, и можетъ быть и болѣе легко достижимою. Главною ихъ цѣлью было получить участіе въ обще-правительственной администраціи; прежніе суды никого не удовлетворяли; судебную реформу надо было провести во что бы то ни стало; объ этомъ наказы всѣхъ сословій говорятъ почти единогласно; воспользовавшись же реформой судовъ, дворяне хотѣли получить право выбирать судей изъ своей среды. Этимъ объясняется, по нашему мнѣнію, малое число наказовъ, говорящихъ объ органахъ сословнаго управленія.

Къ идеи самоуправленія дворянскія общества пришли позднѣе и совершенно безсознательно. Для этого нужно было, чтобы образовалось извѣстное противуположеніе общества государству, чтобы у перваго были свои самостоятельные и опредѣленные интересы, различные отъ нуждъ государственныхъ. Между тѣмъ, въ эпоху Манифеста 1766 года не было ни того, ни другого, а главное, не было противуположенія, отношеніе было скорѣе обратное; какъ мы видѣли, дворяне стремились получить участіе въ общей администраціи, они желали видѣть возложеніе на ихъ сословіе заботы о всѣхъ государственныхъ интересахъ. Ихъ сословные же интересы еще не успѣли опредѣлиться. Съ 1762 года, времени, когда впервые ощутилось серьезное движеніе дворянъ изъ столицы въ уѣздъ, когда запустѣлая до того провинція стала понемногу заселяться и оживать, прошло всего какихъ-нибудь четыре неполныхъ года. Очевидно, что нужды сословія, какъ таковаго, не могли еще опредѣлиться.

Такимъ образомъ, можно сказать, что въ 1766 году сословная организація и интересъ къ самоуправленію не были еще ближайшими цѣлями дворянъ, а, наоборотъ, скорѣе за-

мѣчается стремленіе къ поглощенію другихъ сословій путемъ захвата въ свои руки мѣстнаго управленія и суда [1]).

Но жизнь шла своимъ чередомъ; то, что не успѣло еще выясниться къ моменту выборовъ депутатовъ въ коммисію для сочиненія проекта новаго Уложенія, выступило наружу вскорѣ послѣ того.

Разъ дворянство поселилось въ уѣздѣ, у него должны были образоваться общественные интересы; понемногу стало выдвигаться и противуположеніе общества государству.

Единеніе крѣпло, солидарность интересовъ все сознательнѣе ощущалась мѣстными обществами; послѣднее стало все громче и громче о ней заявлять, пока, наконецъ, двадцать лѣтъ спустя, не получило желаемаго удовлетворенія. Правительство санкціонировало эти стремленія дворянскаго сословія изданіемъ въ 1785 году жалованной дворянству грамоты.

III.

Посмотримъ теперь, во-первыхъ, какъ защищали дворянскіе депутаты данныя имъ инструкціи въ самой коммисіи и, во-вторыхъ, какія ими и депутатами другихъ сословій были высказаны личныя воззрѣнія относительно интересующаго насъ вопроса.

Коммисія для сочиненія проекта новаго Уложенія начала свои засѣданія 31-го іюля 1767 года, къ разсмотрѣнію же дворянскихъ наказовъ приступила лишь 11-го сентября; коммисія начала съ чтенія законовъ о правахъ дворянства, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича и кончая Манифестомъ 14 декабря 1766 года [2]).

По прочтеніи законовъ, коммисія выслушивала мнѣнія и

---

[1]) Объ общихъ взглядахъ дворянства, выраженныхъ въ наказахъ, см. трудъ проф. Латкина „Законодательныя коммисіи въ Россіи въ XVIII ст., т. I, стр. 408—415.

[2]) Ср. предисловіе Полѣнова къ IV тому „Сборн. Р. И. О.“, стр. XX.

возраженія на нихъ депутатовъ, что въ общемъ заняло одиннадцать засѣданій (11, 12, 13, 17, 19, 21, 24, 25, 27 и 28 сентября и 2 октября). Главнымъ образомъ споръ происходилъ на почвѣ борьбы старыхъ дворянскихъ родовъ, со вновь выслужившимися, на основаніи табели о рангахъ, дворянами. Всѣ возраженія депутатовъ, принадлежавшихъ къ партіи защитниковъ привилегій старыхъ дворянскихъ родовъ, сводились къ упраздненію ненавистной имъ табели о рангахъ. Борьба велась между чиномъ и породой; депутаты въ данномъ случаѣ интересовались лишь вопросомъ объ условіяхъ пріобрѣтенія дворянскаго званія. Одни депутаты, какъ, напр., Бибиковъ (IV томъ «Сб. Р. И. О.», стр. 148), Щербатовъ (стр. 150), Рашковъ (стр. 155) и Рыкачевъ (стр. 164), предлагали установить только одинъ способъ пріобрѣтенія дворянства, посредствомъ Высочайшаго пожалованія, чтобы тѣмъ самымъ оградить старые дворянскіе роды отъ столь непріятной имъ инфильтраціи постороннихъ элементовъ. Другіе выставляли просто бо̀льшія стѣсненія пріобрѣтенія дворянства, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ законодательствѣ 18-го столѣтія; мѣры эти хотя были и менѣе исключительны, но направлялись къ той же цѣли, созданію замкнутаго привилегированнаго сословія; мысль эта защищалась Чаадаевымъ (стр. 153), Языковымъ (стр. 163), Давыдовымъ (стр. 180), Похвисневымъ (стр. 190) и Стромиловымъ (стр. 206).

Наконецъ, третья группа депутатовъ отстаивала принципы законодательства Петра Великаго: по ихъ мнѣнію служба родинѣ и Царю должна была выдвигать человѣка и давать ему всѣ преимущества высшаго въ государствѣ сословія. Другими словами, они защищали *чинъ;* кто могъ дослужиться до извѣстнаго чина, долженъ былъ быть тѣмъ самымъ награжденъ дворянскимъ званіемъ; это то самое положеніе, которое составляло основу табели о рангахъ; производство въ извѣстный чинъ давало дворянство.

На сторонѣ этого направленія стояли депутаты Тошкевичъ (стр. 170), Руновскій (стр. 182), Зарудновъ (стр. 184), Ко-

зельскій (стр. 187), Мироновъ (стр. 200), Нарышкинъ (стр. 205), Смирновъ (стр. 214), Антоновъ (стр. 214), Кузнецовъ (стр. 216) и многіе другіе.

Въ сентябрьскихъ засѣданіяхъ 1767 года главный предметъ спора и составлялъ вопросъ о способахъ и условіяхъ пріобрѣтенія дворянства. Всѣ остальные были болѣе или менѣе отодвинуты депутатами на задній планъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этомъ отношеніи депутаты нѣсколько отступили отъ своихъ наказовъ. Они чрезвычайно заинтересовались этимъ вопросомъ и, можетъ быть, незамѣтно для себя самихъ, сдѣлали его центромъ своего вниманія. Нельзя, слѣдовательно, считать, что въ этихъ спорахъ выразились взгляды дворянскаго сословія вообще, хотя его и интересовала политика правительства въ данномъ вопросѣ; дворянство давно уже привыкло смотрѣть на чинъ, какъ на способъ пріобрѣтенія «благородства». Дворянство въ Россіи никогда не носило замкнутаго характера. Домогательства старыхъ родовъ и защищавшихъ ихъ привилегіи депутатовъ были исключеніями и никоимъ образомъ не отражали на себѣ стремленія цѣлаго сословія.

Между тѣмъ, если разсматривать одни пренія Большого Собранія коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія, легко можно было бы прійти къ такому выводу.

Дѣйствительно, повторяемъ, главное вниманіе депутатовъ, въ первой серіи засѣданій, посвященныхъ дворянскому вопросу, было направлено именно на этотъ вопросъ. Гораздо меньшіе споры возбуждали другіе положенія. Сравнительно живой обмѣнъ мыслей состоялся по поводу рѣчи депутата Самойлова (стр. 156, т. IV), о необходимости сравненія въ правахъ Сибирскаго дворянства съ общимъ. Противъ него выступили Щербатовъ (стр. 159), Нартовъ (стр. 179) и Чичеринъ (стр. 203). Подобный же споръ возникъ и по поводу предложенія Михальча (стр. 195) о приравненіи къ Россійскимъ дворянамъ иностранцевъ-дворянъ, переселившихся въ Россію.

Еще меньше интереса возбуждали вопросы объ образованіи

дворянъ, объ учрежденіи дворянскаго банка и т. п. (ср. мнѣнія депутатовъ Кожина, 172 и 208 стр., Потемкина, 209, Бровцина и Лермонтова, 202, Игнатьева и Радилова, 213).

Довольно много было высказано мнѣній о владѣніи дворянствомъ недвижимымъ имуществомъ и крѣпостными; всѣ они клонились къ дарованію дворянству исключительныхъ правъ въ этой области [1]).

Что же касается интересующаго насъ вопроса о сословномъ управленіи, то относительно него мы находимъ всего два мнѣнія.

Въ засѣданіи 19-го сентября депутатъ отъ Гадяцкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ отъ шляхетства, Николай Мотонисъ, представилъ пространное мнѣніе [2]); въ немъ онъ подробно развивалъ оба противуположные взгляда на способы пріобрѣтенія дворянства, склоняясь скорѣе на сторону чиновнаго дворянства. «Дворяне, говоритъ онъ, гражданскими добродѣтелями и разными своими заслугами получаютъ отъ нея (Императрицы) по справедливости и себѣ ту степень, которой предки твои достигли такимъ же образомъ. Никто ихъ подлыми да не называетъ! подлаго у меня нѣтъ никого!» — «Какъ за преступленія и злодѣянія законы должны подвергать одному и тому же наказанію людей всякаго чина и достоинства безъ лицепріятія, такъ равнымъ образомъ и за заслуги всякій чинъ отъ тѣхъ же законовъ ожидаетъ себѣ возмездіе или чрезъ производство изъ низшаго въ высшій

---

[1]) Защитникомъ ихъ выступилъ князь Щербатовъ. Имъ была составлена подробная записка (напечатанная въ „сочиненіяхъ князя М. М. Щербатова", Спб. 1896, томъ I, стр. 157), въ которой авторъ требовалъ „безусловнаго запрещенія продажи дворянскихъ имѣній недворянамъ". Того требовало по его мнѣнію „политическое положеніе Россіи.... ибо единые дворяне до нынѣ бывъ пристойнымъ образомъ по ихъ рожденію воспитаны", были въ состояніи „управлять помѣстьями..." Какъ дворяне „управляли" помѣстьями, проживаясь въ столицахъ, мы хорошо знаемъ! Владѣніе помѣстьями, по взгляду Щербатова, должно было всегда разсматриваться наградой за службу отечеству.

[2]) IV томъ „Сб. Р. И. О.", стр. 167 и слѣд.

чинъ, или чрезъ другія приличныя награжденія. Государь, какъ отецъ, любитъ равномѣрно всѣхъ своихъ подданныхъ; люди всѣхъ состояній суть его дѣти....»

Мнѣніе Мотониса цѣнно для насъ потому, что характерно обрисовываетъ настоящее положеніе русскаго дворянства 18-го столѣтія. Всякій гражданинъ былъ въ состояніи добиться дворянскаго званія.

Отмѣчала его не порода, а заслуга передъ Государемъ и Отечествомъ.

Въ заключеніе своего мнѣнія, Мотонисъ все-таки выражаетъ сомнѣніе. Ему кажется возможнымъ возникновеніе вопроса о нѣкоторомъ излишкѣ дворянъ, о слишкомъ ужъ легкой возможности пріобрѣтенія дворянства. И вотъ для рѣшенія этого вопроса онъ предлагаетъ правительству обратиться къ самому сословію. Дворяне, по его мнѣнію, должны были собраться поуѣздно и высказаться по данному вопросу, насколько желательны имъ и каковы тѣ измѣненія въ порядкѣ пріобрѣтенія дворянскаго званія, которыя слѣдовало бы сдѣлать. Правительство же должно было руководствоваться большинствомъ поуѣздныхъ мнѣній дворянскихъ обществъ и провести реформу сообразно съ этимъ большинствомъ въ смыслѣ ли ограниченія или, наоборотъ, расширенія права пріобрѣтенія дворянства, смотря по тому, въ какую сторону выскажется само дворянство.

Это предложеніе, слѣдовательно, имѣло въ виду, хотя и слабую, поуѣздную организацію дворянскихъ обществъ и предлагало правительству предоставить самому сословію рѣшеніе вопроса, столь близко затрагивавшаго его интересы.

Другой депутатъ, также указавшій на корпоративную организацію дворянскаго сословія, былъ князь Щербатовъ, депутатъ отъ Ярославскихъ дворянъ [1]).

Послѣ пространной рѣчи въ опроверженіе доводовъ Са-

---

[1]) Стр. 161 IV тома „Сб. Р. И. О.“

мойлова объ уравненіи въ правахъ Сибирскихъ дворянъ съ общероссійскими, княземъ Щербатовымъ было подано мнѣніе, касательно порядка веденія герольдмейстеромъ родословныхъ книгъ и болѣе точнаго опредѣленія обязанностей этого должностного лица.

Для того же, чтобы свѣдѣнія, собираемыя герольдмейстеромъ, были ему доставляемы въ надлежащей полнотѣ и всегда своевременно, онъ предлагалъ возложить заботу объ этихъ дворянскихъ спискахъ на уѣздныя собранія дворянъ и на предводителей; послѣднихъ слѣдовало утвердить, какъ постоянную выборную должность. Дворяне должны были сообщать предводителю всѣ свѣдѣнія, касающіяся какъ ихъ мѣста жительства, такъ и владѣнія недвижимостью, о случаяхъ смерти или рожденія, бракосочетаніи, выѣздѣ изъ уѣзда и т. п.; всѣ эти свѣдѣнія присылаются на имя предводителя въ дворянское собраніе, гдѣ и читаются и заносятся въ общіе списки, которые въ свою очередь посылаются къ герольдмейстеру.

«Этотъ порядокъ доставитъ герольдіи возможность имѣть точныя извѣстія о Россійскомъ дворянствѣ и воспрепятствуетъ впредь подбираться подъ имена чужихъ фамилій».

Какъ видимъ изъ изложеннаго, вниманіе князя Щербатова было также направлено главнымъ образомъ на способы сохраненія чистоты дворянскихъ родовъ [1]).

Впрочемъ князь Щербатовъ высказывался не разъ и въ пользу корпоративной организаціи дворянства. Онъ полагалъ, по справедливому замѣчанію проф. Дьяконова, что «участіе въ правительствѣ должно принадлежать *исключительно* дво-

---

[1]) Мысли его по этому вопросу изложены въ „Размышленіяхъ о дворянствѣ", напечатанныхъ въ его сочиненіяхъ, томъ I, Спб., 1896 г., стр. 219 и слѣд. Въ нихъ онъ старается, по его собственнымъ словамъ, показать „химеру равности состояній новыхъ философовъ, полезность государствъ въ сохраненіи дворянскаго корпуса и способъ изысканія колико возможно препорціональную черту людей, гдѣ право дворянское поставлено быть должно". Основной мыслью, конечно, было желаніе доказать превосходство дворянства „въ службѣ государству" (тамъ же, стр. 245).

рянству»[1]); а подъ послѣднимъ, мы уже знаемъ, Щербатовъ подразумѣвалъ лишь старое — родовитое дворянство.

Эта мысль проводится имъ какъ въ «Размышленіяхъ о дворянствѣ», такъ и въ «Примѣчаніяхъ вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ», въ «Путешествіяхъ въ Офирскую землю» и, наконецъ, въ «Рѣчи, какую бы могли говорить шведскіе дворяне по взятіи подъ стражу ихъ собратьевъ». Князь Щербатовъ по той же причинѣ, конечно, возставалъ и противъ табели о рангахъ, широко открывшей двери всякому, желающему попасть въ ряды дворянства.

«Всѣ выскочки, пишетъ онъ, случайные люди, попавшіе въ дворяне по пронырству и шильничеству, всѣ эти конфетурщики, шляпники, портные принесли въ дворянство ту подлость, то пронырство, то корыстолюбіе, съ коимъ родилися, съ коимъ воспитаны, да и старое дворянство симъ заразили».

Для него было только два способа пріобрѣтенія дворянства — рожденіе и Высочайшее пожалованіе, не замѣчая при этомъ, что послѣдній способъ шелъ собственно противъ его же принциповъ[2]).

Вернемся къ коммисіи.

Только что изложенныя мысли князя Щербатова высказаны и написаны по поводу работъ коммисіи, но въ самой коммисіи, онъ вопроса объ участіи дворянъ въ общей администраціи не поднималъ по той причинѣ, что таковой и не обсуждался и не былъ допускаемъ къ обсужденію маршаломъ.

---

[1]) Статья проф. Дьяконова: „Публицистъ XVIII вѣка", въ „Вѣстникѣ Права", сентябрь 1904 г., стр. 22—23.

[2]) Мы впрочемъ совершенно согласны съ проф. Дьяконовымъ, что князя Щербатова нельзя считать олигархистомъ, приверженцемъ правительства вельможъ. Такіе упреки должны быть рѣшительно отстранены. Щербатовъ—монархистъ чистой воды; дворянскія привилегіи ему нужны были только для поддержанія монархическаго принципа. Доказывается это хотя бы отношеніемъ его къ затѣѣ верховниковъ начала царствованія.—Щербатовъ былъ консерваторъ, можетъ быть, слишкомъ крайній, но не олигархистъ (См. статью проф. Дьяконова въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Права" 1904 года, стр. 22, 25 и слѣд.

И Щербатовъ и Мотонисъ затрогиваютъ, такимъ образомъ, интересующій насъ вопросъ лишь косвенно; первый изъ нихъ, напримѣръ, мимоходомъ замѣчаетъ, «что учрежденіе дворянскихъ собраній и дворянскаго предводителя въ каждомъ уѣздѣ оказывается, по многимъ обстоятельствамъ, весьма нужнымъ» — и только.

Вниманіе депутатовъ въ сентябрьскихъ засѣданіяхъ было отвлечено вопросомъ о способахъ и условіяхъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства. О корпоративной организаци и ея желательности они не высказались.

По окончаніи чтенія законовъ о правахъ благородныхъ и выслушаніи различныхъ мнѣній и возраженій депутатовъ, Большое Собраніе перешло къ законамъ, касающимся купеческаго сословія и торговли вообще, всѣ же читанные уже законы о правахъ благородныхъ, вмѣстѣ съ мнѣніями и возраженіями депутатовъ, были отправлены въ Дирекціонную коммисію для передачи въ частную коммисію о разборѣ государственныхъ родовъ; послѣдняя должна была составить проектъ правамъ благородныхъ, къ которому намъ придется еще вернуться.

Затѣмъ, съ 20-го ноября по 14-е декабря въ коммисіи происходило чтеніе Лифляндскихъ и Эстляндскихъ привилегій.

Дворяне этихъ губерній просили объ утвержденіи за ними привилегій, данныхъ имъ во времена Архіепископскаго, Гермейстерскаго, Римско-Императорскаго и Польскаго владычествъ. Нельзя сказать, чтобы Екатерина относилась симпатично къ этимъ стремленіямъ къ обособленію прибалтійскихъ дворянъ. Въ самой коммисіи эти притязанія также встрѣтили возраженія со стороны нѣкоторыхъ депутатовъ. За уравненіе всѣхъ дворянъ Россійской Имперіи стояли депутаты любимскій Толмачевъ, новосильскій Левъ Шишковъ, воронежскій Титовъ, казанскій Есиповъ и депутатъ отъ камеръ-конторы Лифляндской и Эстляндской губерній, Артемій Шишковъ [1]). Имъ возражали и отстаивали свои привилегіи представители Лифляндскаго и Эстляндскаго

[1]) Стр. 322—382, VIII тома, „Сб. Р. И. О.“

дворянства, съ депутатами Вильбоа и Вильгельмомъ фонъ-Блуменомъ во главѣ. Но пренія въ данномъ случаѣ ни къ чему не привели.

14-го декабря засѣданія Большого Собранія прекратились. Еще 20-го ноября маршалъ объявилъ собранію намѣреніе Императрицы перевести коммисію изъ Москвы въ Петербургъ. 14-го декабря онъ закрылъ Московскія засѣданія, произнеся краткую рѣчь и выражая надежду, что депутаты будутъ столь же ревностно относиться къ дѣлу при будущихъ работахъ коммисіи, которую Императрица созывала къ 18-му февраля, какъ и прежде, работая «съ усердіемъ и взаимнымъ доброхотствомъ», и тѣмъ «благоразумно способствуютъ окончанію проекта новаго Уложенія» [1]).

Интересующій насъ вопросъ былъ вновь поднятъ въ коммисіи лишь лѣтомъ 1768 года.

10-го іюля маршалъ Бибиковъ внесъ на обсужденіе Большого Собранія выработанный коммисіей о государственныхъ родахъ проектъ правамъ благородныхъ. Проектъ этотъ былъ написанъ коммисіей согласно плану самой Императрицы и подъ ея руководствомъ. Екатерина составила особую программу изъ 15 пунктовъ, нижеслѣдующаго содержанія:

1) что есть дворянство;
2) какъ онаго достигать;
3) чрезъ что оное теряется;
4) какія службы сдѣланы для дворянства;
5) какъ дворяне начинаютъ служить;
6) какимъ подвержены наказаніямъ въ случаяхъ преступленій;
7) какой судъ могутъ имѣть между собой;
8) что есть имѣніе дворянское;
9) какъ дворянину оставить службу;
10) какъ онъ можетъ отъѣхать въ чужіе края;
11) на какомъ основаніи можетъ оставить отечество;

[1]) Стр. 382, VIII тома „Сб. Р. И. О.“

12) въ какомъ онъ возрастѣ выходитъ изъ опеки;
13) о послѣднихъ въ родѣ;
14) о имѣніяхъ, изобличенныхъ въ великихъ преступленіяхъ;
15) о безчестіи.

Этой программой коммисія и руководствовалась при составленіи проекта правамъ благородныхъ. Изъ него мы видимъ, что сама Императрица не считала нужнымъ разработку вопроса о дворянскомъ сословномъ управленіи. Это и была, конечно, главная причина его оставленія въ тѣни.

Проектъ, выработанный коммисіей, былъ читанъ въ засѣданіи 10-го іюля дважды; послѣ перваго чтенія нѣкоторые депутаты заявили о своемъ желаніи говорить по поводу проекта, но маршалъ сразу же перешелъ ко второму чтенію; онъ думалъ даже вовсе избѣжать преній, поставивъ послѣ второго чтенія отдѣльные пункты проекта на голосованіе. Но на этотъ разъ депутаты запротестовали; интересы были слишкомъ животрепещущи; одни депутаты заявили о намѣреніи подать свои письменныя замѣчанія, другіе же прямо требовали, чтобы обсужденіе проекта было отложено на нѣсколько дней; Бибикову пришлось уступить; онъ далъ недѣльную отсрочку. Сдѣлано это было, впрочемъ, скорѣе подъ вліяніемъ самой Императрицы. Екатерина чувствовала, что въ коммисіи происходитъ что-то неладное; депутаты встрѣчали всевозможныя препятствія при преніяхъ; маршалъ сосредоточилъ все свое вниманіе на внѣшнемъ порядкѣ; ему непріятно было слушать пререканія депутатовъ по отдѣльнымъ вопросамъ; ему хотѣлось идти впередъ какъ можно скорѣе и поскорѣе окончить возложенную на него задачу; всякія же пренія и возраженія естественно задерживали ходъ работъ коммисіи. Между тѣмъ, отъ подобной поспѣшности несомнѣнно должно было страдать дѣло, что не могло ускользнуть отъ вниманія Императрицы. Она указала маршалу, что отдѣльныя статьи проекта должны быть не только голосуемы, но и обсуждаемы. Но и послѣ этого настоящихъ преній все-таки не

было; депутаты допускались лишь къ подачѣ своихъ мнѣній, обсужденіе которыхъ уже не дозволялось. Подобный порядокъ не можетъ не быть порицаемъ, и намъ приходится вполнѣ согласиться съ проф. Сергѣевичемъ [1]), подчеркивающимъ неподготовленность и неумѣніе руководителей коммисіи, съ которыми не могла справиться даже сама Екатерина.

17-го іюля проектъ былъ читанъ въ третій разъ. Депутаты сразу же заявили о своемъ намѣреніи возражать. Замѣчанія депутатовъ поступали въ собраніе и выслушивались имъ въ тринадцати засѣданіяхъ, до 9-го сентября включительно. Съ 15-го же сентября по 6-е октября происходили пренія, по окончаніи которыхъ всѣ матеріалы, вмѣстѣ съ самимъ проектомъ, были снова отосланы въ Дирекціонную коммисію, послѣ чего въ Большомъ Собраніи права благородныхъ ужъ болѣе не разсматривались.

Обратимся теперь къ болѣе подробному изслѣдованію проекта и поданныхъ на него замѣчаній депутатовъ.

Проектъ правамъ благородныхъ былъ препровожденъ въ Большое Собраніе изъ Дирекціонной коммисіи при запискѣ отъ 3-го іюля 1768 года.

Въ этой запискѣ Дирекціонная коммисія объясняла причины, вызвавшія составленіе проекта, и основной его принципъ.

Причина, вслѣдствіе которой правительство считало себя обязаннымъ составить проекты правамъ различныхъ сословій, была та неопредѣленность, которая царила въ этой области въ нашемъ законодательствѣ. Какъ объясняетъ записка, «Соборное Уложеніе тотчасъ начинается опредѣленіемъ наказаній за преступленія, но имѣетъ ли кто къ чему-либо право или чѣмъ кто обязанъ, о томъ тамъ умалчивается, равнымъ образомъ и въ послѣдовавшихъ указахъ весьма многое случайно запрещено, но того трудно сыскать, по какому праву остальнымъ кто пользуется». Основное же положеніе, преподанное составителямъ проектовъ правамъ различныхъ сословій, было

[1]) См. предисловіе проф. Сергѣевича къ 32-му тому „Сборника Р. И. О.“, стр. XVI.

слѣдующее: «Не въ томъ блаженство состоитъ, чтобъ всякій все то имѣлъ, что нравится прихотливому желанію: сіе было-бъ блаженство токмо сильнаго; но въ томъ, чтобъ каждый всѣ тѣ права и выгоды имѣлъ, какихъ онъ справедливо и разсудительно желать можетъ и чтобъ сіи права и выгоды были существительны, а не мечтательны и тѣмъ паче надежны, чѣмъ лучше ограждены и свойственны. Не въ томъ и нужное между всѣми гражданами состоитъ сопряженіе и союзъ, чтобъ всѣ одними и одинакими пользовались правами и преимуществами, ибо оно было бы всеобщимъ смѣшеніемъ; но въ томъ, чтобъ господствовалъ порядокъ, а по порядку каждому особо принадлежащія права такъ раздѣлены были, чтобъ, напримѣръ, дворянство видѣло свою пользу въ пользѣ и выгодѣ мѣщанства, а мѣщанство равнымъ, напротивъ того образомъ и такъ далѣе» [1]).

Проектъ правамъ благородныхъ, сочиненный коммисіею о государственныхъ родахъ, дѣлится на двѣ главы. Кромѣ того, на нѣкоторыя его статьи Дирекціонной Коммисіей сдѣланы примѣчанія и добавленія.

Въ первой главѣ устанавливается понятіе благородства (дворянства), его историческое происхожденіе, отличіе однихъ родовъ отъ другихъ, способы пріобрѣтенія и привилегія благородныхъ не быть лишаемыми своего званія иначе, какъ за опредѣленные поступки. Надо замѣтить, что самая важная въ этой главѣ статья (7-я), о способахъ пріобрѣтенія дворянства, очень неопредѣленна; перечисленіе добродѣтелей и заслугъ, дающихъ право на полученіе «степени благородства», туманно и неясно.

Вторая глава разсматриваетъ права благородныхъ. Здѣсь мы находимъ слѣдующее перечисленіе ихъ правъ: свобода (?), свобода избранія рода службы, свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, свобода выѣзда за границу и поступленія на иностранную государственную службу, право ходатайства объ увольненіи отъ подданства, свобода отъ личныхъ податей, право

[1]) Стр. 575 тома 32-го „Сборника Р. И. О.“

имѣть гербы, право писать завѣщанія, право учрежденія опекъ, при чемъ въ составъ таковыхъ могутъ входить лишь благородные, право владѣнія деревнями и крѣпостными, право безпошлинной покупки и продажи своихъ деревень, право дарованія свободы крѣпостнымъ (о правѣ продажи крѣпостныхъ Дирекціонная Коммисія предоставила рѣшить особо Коммисіи о государственныхъ родахъ), право усыновленія, право строить фабрики, заводы и мельницы, свобода отъ постоя, право заниматься торговлей вообще, право охоты, *право судиться по вопросамъ, касающимся ихъ жизни и чести лишь равными себѣ, т. е. благородными же.* Эту 29-ю статью Дирекціонная Коммисія измѣнила слѣдующимъ образомъ: «благородные въ дѣлахъ, до чести и жизни ихъ касающихся, судятся только въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, *которымъ законами дано право судить благородныхъ*». Кромѣ того, благородные имѣли право при рѣшеніи дѣлъ до чести и жизни ихъ касающихся, въ общихъ судебныхъ мѣстахъ назначать одного судью выборнаго отъ себя и имѣть своего защитника; они имѣли также право подавать жалобы Верховной Власти на рѣшенія суда. Дворянство сообщается бракомъ женѣ, наоборотъ женщина, вышедшая замужъ за не дворянина, сохраняла тѣмъ не менѣе свои дворянскія права. Затѣмъ проектъ даетъ дворянамъ одно характерное преимущество, а именно служащій дворянинъ имѣетъ первое мѣсто передъ не служащимъ. Здѣсь отразилась борьба чина съ породой, о которой намъ не разъ уже пришлось говорить. Чинъ, повторяемъ, всегда торжествовалъ надъ родовитостью; составители проекта не могли не остановиться на этомъ вопросѣ и также разрѣшили его въ пользу чина.

Слѣдующія статьи прямо уже касаются интересующаго насъ вопроса. Статья 38 даетъ право дворянамъ съѣзжаться въ опредѣленныя время и мѣсто. Статья эта говоритъ не объ уѣздныхъ съѣздахъ, а о провинціальныхъ; подобная замѣна ничѣмъ не объяснима; въ данномъ случаѣ составители можетъ быть не отдавали себѣ яснаго отчета въ существованіи раз-

ницы между уѣздомъ и провинціей. Статья 39 даетъ дворянамъ право избирать изъ своей среды земскихъ судей, что составляетъ прямой отголосокъ настоятельныхъ въ этомъ направленіи требованій наказовъ. Обѣ эти статьи Дирекціонной Коммисіей были поручены особому разсмотрѣнію Коммисіи о государственныхъ родахъ, «въ силѣ общаго права».

Статья 40 даетъ дворянамъ право содержать провинціальные архивы, а 41-я — вести провинціальные «вписки». Подробности этихъ постановленій также должны были быть выработаны особо Коммисіей о государственныхъ родахъ.

42-я статья говоритъ о правѣ дворянъ имѣть свои училища, а 43-я, послѣдняя, устанавливаетъ исключительность всѣхъ только что перечисленныхъ правъ и преимуществъ въ пользу дворянскаго сословія.

Подъ проектомъ подписались его составители, депутатъ отъ Синода Гавріилъ, Епископъ Тверскій, отъ Волоколамскаго дворянства — графъ З. Чернышевъ, отъ Рузскаго — Дмитрій Волковъ, отъ дворянъ Вотской пятины Николай Муравьевъ и отъ Вяземскаго дворянства — графъ Иванъ Орловъ, скрѣпили же его «Сочинитель» князь Федоръ Козловскій и писавшій его студентъ Андрей Колзаковъ. Какъ еще отмѣтилъ профессоръ Латкинъ [1]), составители проекта правамъ благородныхъ обратили очень мало вниманія на мысли, выраженныя провинціальнымъ обществомъ въ наказахъ, касательно корпоративныхъ правъ дворянства. Собственно корпоративнымъ правамъ посвящены, какъ мы только что видѣли, всего двѣ статьи, да и то чрезвычайно неудачно редактированныя.

Какъ же отнеслась къ новому проекту Коммисія?

Насъ интересуютъ главнымъ образомъ статьи 29, 30, 36, 38, 39, 40 и 41 и сдѣланныя на нихъ возраженія со стороны депутатовъ, но для полноты картины, считаемъ необходимымъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, описать отношеніе депутатовъ и ко всему проекту.

---

[1]) Проф. Латкинъ. „Законодательныя коммисіи въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I, стр. 414—415.

При разсмотрѣніи первой главы проекта большинство мнѣній депутатовъ было направлено къ выясненію все того же вопроса, «что отличаетъ дворянина отъ недворянина», т. е. кто собственно долженъ считаться дворяниномъ и кѣмъ и какъ достигается это званіе, другими словами, условія и способы пріобрѣтенія дворянства. Какъ и при чтеніи законовъ, такъ и теперь, при обсужденіи проекта правамъ благородныхъ, все вниманіе депутатовъ было направлено къ выясненію этихъ двухъ положеній.

Кромѣ устныхъ мнѣній, высказанныхъ депутатами въ самомъ Собраніи, семь изъ нихъ подали пространныя письменныя мнѣнія[1]).

Перейдя къ обсужденію второй главы, депутаты сразу же обратили вниманіе на нѣкоторыя изъ предоставляемыхъ дворянскому сословію привилегіи. Во-первыхъ, они хотѣли, чтобы законъ точно и ясно установилъ право дворянъ служить или не служить, по своему усмотрѣнію; здѣсь мы имѣемъ отголосокъ Манифеста 1762 года. Екатерина не очень сочувственно относилась къ послѣднему. Петръ III предвосхитилъ ея сокровеннѣйшее желаніе. Императрица никогда не могла простить ему этого; отсюда отчасти то несочувственное отношеніе къ этому акту; уже въ 1763 году были изданы нѣкоторыя стѣснительныя для дворянъ мѣры. Очевидно, что дворянство это сразу же почувствовало; теперь же въ Коммисіи, когда ему представился случай обсуждать тѣ преимущества, которыя были желательны сословію, оно не преминуло подчеркнуть свое стремленіе къ свободѣ выбора между государственной службой и частной жизнью. Мы имѣемъ здѣсь очень интересный психологическій фактъ. Пользовалось дворянство этимъ правомъ не служить очень мало. Почти цѣлое столѣтіе послѣ Манифеста 1762 года дворяне продолжали in corpore состоять на государственной службѣ. Послѣдняя и по сейчасъ еще является идеаломъ дѣятельности для дворянина! Между

[1]) Стр. 289—300 тома 36-го Сборн. Р. И. О.

тѣмъ, дворянство никогда не пропускало случая заявлять о своемъ *правѣ не служить*. Такъ обыкновенно бываетъ въ жизни, а въ особенности, когда имѣешь дѣло съ понятіемъ свободы. Человѣку противно дѣлать то, что онъ обязанъ дѣлать. Дворяне тяготились службой—ихъ распустили по деревнямъ; черезъ нѣсколько лѣтъ они всѣ добровольно вернулись на ту же службу, но громогласно заявляя о своей свободѣ.

Другія привилегіи дворянскаго сословія, обратившія на себя особенное вниманіе депутатовъ, состояли въ изъятіи дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія и во владѣніи крѣпостными. Дворянское сословіе желало пріобрѣсти исключительное право владѣнія крѣпостными. На счетъ послѣдняго вопроса подалъ письменное мнѣніе князь Щербатовъ [1]).

При обсужденіи слѣдующихъ статей проекта дворянскіе депутаты отстаивали свои имущественныя привилегіи, какъ, напр., свободу отъ личныхъ податей и др. Но противъ нихъ возстали депутаты другихъ сословій. Городскіе депутаты, напр., возражали противъ предоставленія дворянамъ права заводить фабрики и строить заводы; дворяне будто бы этимъ дѣломъ занимались спустя рукава, создавали лишь конкуренцію и тѣмъ наносили вредъ торговлѣ.

Нѣкоторые депутаты высказывались даже за отнятіе у дворянъ права торговли вообще. Очевидно, что другимъ сословіямъ хотѣлось избавиться отъ лишняго конкурента.

Наконецъ въ засѣданіи 11-го августа Собраніе перешло къ обсужденію статьи 29 проекта [2]), о судѣ надъ дворянами. Депутаты, говорившіе по поводу этой статьи, всѣ, за исключеніемъ одного, согласились съ поправкой, сдѣланной Дирекціон-

---

[1]) Стр. 309 тома 36 Сборника Р. И. Общества.

Подробное мнѣніе князя Щербатова по этому вопросу напечатано также въ собраніи его сочиненій. Томъ I, Спб., 1896 года, стр. 177 и слѣд., въ которомъ, хотя и не „тщится оправдывать безчеловѣчныхъ помѣщиковъ", тѣмъ не менѣе яро отстаиваетъ крѣпостничество и старается разбить всѣ доводы депутата Коробьина.

[2]) Стр. 271 тома 32 Сборника Р. И. О.

ной Коммисіей; противъ же обоихъ текстовъ, какъ Дирекціонной Коммисіи, такъ и первоначальнаго, выработаннаго Коммисіей о государственныхъ родахъ, выступилъ князь Михайло Щербатовъ. Въ своемъ особомъ письменномъ мнѣніи [1]) князь указывалъ на необходимость согласованія статьи 29-й съ 39-й. Дворянамъ должно было быть предоставлено право выбора изъ своей среды всѣхъ судей вообще. Какъ мы видѣли выше, въ этомъ направленіи шли всѣ дворянскіе наказы. Между тѣмъ, въ самой Коммисіи нашелся всего лишь одинъ депутатъ, князь Щербатовъ, отстаивавшій эту мысль. Казалось бы, затронутъ былъ довольно существенный интересъ. Фактъ этотъ показываетъ намъ, что мнѣнія депутатовъ не могутъ быть приняты за выраженія стремленій ихъ избирателей; во всякомъ случаѣ выводы надо дѣлать очень осторожно. Дневныя записки, какъ, напр., въ этомъ случаѣ, показываютъ, что депутаты вообще мало интересовались правомъ участія дворянскаго сословія въ общей администраціи и еще меньше его сословнымъ управленіемъ. Объясненіе этому можно найти развѣ въ томъ, что какъ самимъ Собраніемъ, такъ и его руководителями при обсужденіи проекта правамъ благородныхъ избѣгались всѣ вопросы, касающіеся какъ обще-государственнаго, такъ и сословнаго управленія [2]).

Противъ редакціи статьи 30-й возражали нѣкоторые депутаты въ томъ смыслѣ, что предоставленіе дворянамъ права посылать въ судъ своихъ уполномоченныхъ и ходатаевъ из-

---

[1]) Стр. 326 тома 36 Сборника Р. И. О.

Князь Щербатовъ, какъ извѣстно, вообще отстаивалъ дворянскія преимущества и привилегіи; привилегированное положеніе обезпечивало, по справедливому замѣчанію проф. Дьяконова, дворянству его политическую силу, а послѣдняя въ тѣ времена нужна была для поддержанія устойчивости всего государственнаго организма. Ср. статья проф. Дьяконова „Публицистъ XVIII вѣка", „Вѣстникъ Права" сентябрь, 1904 г., стр. 25. Мнѣніе Щербатова по этому вопросу напечатано въ собраніи его сочиненій, томъ I, Спб., 1896 г., стр. 208 и слѣд.

[2]) Примѣромъ можетъ служить мнѣніе депутата города Мензелинска, драгуна Николая Леонтьева. Онъ находилъ, что ст. 30 „содержитъ въ себѣ смыслъ права общаго, а не особеннаго" и потому обсужденію не подлежитъ. Стр. 273 тома 32 Сборника Р. И. О.

лишне и опасно. Подобное право давало бы дворянамъ ужъ слишкомъ большое преимущество, разъ имъ будетъ предоставлено право избирать изъ своей среды земскихъ судей. Депутаты находили послѣднее право вполнѣ достаточнымъ для огражденія дворянскаго сословія отъ судейскаго произвола.

Статья 36-я, трактующая о преимуществѣ служащихъ передъ не служащими дворянами, не вызвала въ собраніи никакихъ сомнѣній. Фактъ очень характерный. Состоящимъ на государственной службѣ должно было быть отдано предпочтеніе. Это положеніе красной нитью проходитъ черезъ всю исторію дворянскаго сословія Россійской Имперіи. Противъ него не подѣйствовалъ ни Манифестъ 1762 года, ни мимолетныя стремленія дворянъ эпохи начала царствованія Великой Императрицы къ жизни въ деревнѣ и отказу отъ государственной службы.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе статей 38 и 39, но желающихъ говорить по ихъ поводу никого не оказалось; маршалъ объявилъ, что «будетъ ожидать, не вздумаетъ ли кто сказать на оную (38) свое примѣчаніе, но, какъ видно, того учинить никто не желаетъ» [1]). Это же повторилось и при чтеніи слѣдующихъ статей. Не нашлось никого желающихъ ни возражать, ни даже соглашаться съ постановленіями статей 39, 40 и 41. Только депутатъ Яковъ Урсинусъ возбудилъ вопросъ о томъ, что такое «вписокъ», о которомъ трактуетъ 41 статья, на что получилъ репримандъ маршала!

Такимъ образомъ, какъ видимъ, вопросъ корпоративнаго дворянскаго управленія депутатовъ вовсе не интересовалъ. По крайней мѣрѣ въ августовскихъ засѣданіяхъ Коммисіи они считали его обсужденіе совершенно излишнимъ. Но не разбирался онъ и въ другихъ засѣданіяхъ. Депутаты его очевидно считали достаточно выясненнымъ наказами и предоставили его рѣшеніе всецѣло правительству. Но такой фактъ доказываетъ лишь, что вопросъ этотъ ихъ вообще мало инте-

---

[1]) Стр. 297 тома 32 Сборника Р. И. О.

ресовалъ. А объясненіе ему находимъ мы въ томъ, что стремленія дворянъ къ сословной организаціи и самоуправленію были еще весьма слабы. Подобное движеніе было еще слишкомъ молодо; дворяне не успѣли еще хорошенько освоиться со своимъ новымъ положеніемъ въ уѣздѣ; вѣдь прошло всего какихъ-нибудь пять лѣтъ со времени начала заселенія провинціи. Очевидно, что новыя стремленія, если и успѣли выразиться тамъ, гдѣ все общество соединялось для обсужденія своихъ нуждъ и интересовъ, какъ то было при писаніи наказовъ, да и то говорящихъ о корпоративной организаціи, какъ мы видѣли, лишь въ видѣ исключенія, — то на отдѣльныхъ личностяхъ, какими являлись депутаты, они отразиться конечно не могли.

Итакъ мы приходимъ къ заключенію, что депутаты не сознавали стремленія дворянскихъ обществъ, которыхъ они представляли, къ корпоративной организаціи, и потому имъ и на умъ не приходило ратовать въ Коммисіи за подобную реформу.

43-я послѣдняя статья проекта вызвала оживленныя пренія, тѣмъ болѣе, что маршалъ допустилъ подачу замѣчаній на весь проектъ. Сама эта статья конечно можетъ вызвать недоумѣнія, по своей неопредѣленности. За дворянами признавалась исключительность всѣхъ правъ, перечисленныхъ въ проектѣ. Сразу же возстали противъ этого депутаты другихъ сословій, справедливо указывая, что, напр., торговля, постройка фабрикъ должны составлять права другихъ сословій, если не преимущественно, то во всякомъ случаѣ наравнѣ съ дворянами. За подобную постановку вопроса стояли и нѣкоторые депутаты отъ дворянства [1]), какъ, напр., Баскаковъ.

При обсужденіи всего проекта депутаты опять вдались въ разсужденія о томъ, кто есть благородный и кому сіе званіе надлежитъ жаловать.

Затѣмъ выслушивались подробныя замѣчанія на весь проектъ депутатовъ: Кіевскаго полка Золотницкаго, Смоленскаго —

[1]) См. стр. 300 — 316 тома 32-го и стр. 330 тома 36-го Сборника Р. И. Общества.

Нарышкина (къ этому замѣчанію присоединились очень многіе депутаты), князя Щербатова и Лубенскаго полка Григорія Полетика. Всѣ эти замѣчанія вовсе не останавливаются на интересующихъ насъ статьяхъ, касающихся корпоративныхъ правъ дворянскаго сословія. Какъ характерно выразился Полетика, «о сихъ статьяхъ, выслушавъ учрежденія, порученныя двумъ Коммисіямъ, разсуждать слѣдуетъ»! Здѣсь опять-таки ясно сказалось отношеніе къ этимъ вопросамъ со стороны депутатовъ; они ими не интересовались и въ виду этого съ охотой уступили рѣшеніе ихъ правительству.

На этомъ окончилось засѣданіе 21-го августа. На слѣдующихъ четырехъ засѣданіяхъ говорили по преимуществу депутаты Лифляндской, Эстляндской, Малороссійской и Смоленской губерній. Они снова заявили о привилегіяхъ своихъ губерній. Поводомъ послужило, во-первыхъ, то, что объ этихъ привилегіяхъ въ проектѣ вовсе не упоминалось, а, во-вторыхъ, статья 43 проекта, которая могла быть толкуема въ томъ смыслѣ, что названныя губерніи сравнивались съ остальными, чего депутаты прибалтійскихъ и малороссійскихъ дворянъ допустить никакъ не могли; они считали своимъ долгомъ еще разъ заявить о тѣхъ особыхъ правахъ и преимуществахъ, которыми пользовались ихъ избиратели.

Но маршалъ Бибиковъ нашелъ подобныя заявленія противными обряду, такъ какъ они касались не проекта, а «порядка правленія» [1]. Маршалъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ по указанію самой Императрицы, какъ было уже сказано, несочувственно относившейся къ подобнымъ притязаніямъ прибалтійскихъ и малороссійскихъ дворянъ. Ихъ заявленія остались вторично безъ послѣдствій.

IV.

Среди общей массы поданныхъ мнѣній на проектъ о правахъ благородныхъ мы находимъ два, которыя осо-

[1]) 32-й томъ Сборника Р. И. Общества, стр. 346.

бенно подробно разбираютъ интересующія насъ статьи проекта.

Одно изъ нихъ было читано 1-го сентября 1768 года депутатомъ эстницкаго дистрикта отъ дворянства барономъ Гергардомъ Фридрихомъ Левенвольде [1]), другое 4-го и 9-го сентября депутатомъ Вирскаго крейза отъ дворянства Дидрихомъ Ренненкампфомъ [2]).

Левенвольде указалъ, во-первыхъ, на неправильное редактированіе статьи 30-й, которую онъ находилъ совсѣмъ излишней; дворянамъ никакъ нельзя было предоставить права выбирать себѣ особаго судью; разъ дворянинъ подлежалъ суду, то судить его долженъ общій, а не какой-нибудь спеціально имъ избранный судья, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію Левенвольде, всѣ судьи должны быть вообще избираемы дворянами. Депутатъ впрочемъ шелъ еще дальше: онъ предлагалъ измѣнить текстъ статьи 39-й въ томъ смыслѣ, чтобы предоставить дворянскому сословію «вообще ко всѣмъ земскимъ службамъ своей провинціи избирать членовъ преимущественно изъ числа своихъ собратьевъ». Такое измѣненіе уже прямо предполагало предоставленіе дворянскому сословію, какъ таковому, участіе въ общей администраціи.

Къ постановленіямъ 40-й статьи о правѣ дворянъ содержать архивъ Левенвольде прибавляетъ и право имѣть земскую казну, канцелярію и рыцарскій домъ, «въ которомъ дворяне могутъ имѣть свои собранія».

41-ю статью онъ предлагалъ редактировать слѣдующимъ образомъ: «Дворянство каждой провинціи имѣетъ право держать матрикулъ или списокъ, въ которомъ всѣ къ оной провинціи принадлежащія дворянскія фамиліи вписаны быть должны; притомъ же право имѣютъ постороннія дворянскія фамиліи, по собственному своему благоразсужденію въ собратство свое принимать или не принимать».

Относительно статьи 43-й, депутатъ этотъ замѣтилъ, что ре-

---

[1]) Стр. 323, т. 32, и стр. 359—369, т. 36, Сб. Р. И. О.
[2]) Стр. 332, т. 32, и стр. 371—414, т. 36, Сб. Р. И. О.

дакція ея неясна. Слѣдовало бы, по его мнѣнію, оттѣнить «особливыя права и привилегіи, которыя трактатами и свято почитаемою генеральною конфирмаціею» подтверждены.

Въ заключеніе баронъ Левенвольде находилъ необходимымъ нѣсколько дополнить проектъ нѣкоторыми новыми положеніями, о которыхъ въ послѣднемъ вовсе не говорилось. Кромѣ нѣкоторыхъ имущественныхъ привилегій дворянъ, онъ думалъ утвердить за ними «собственный свой земскій или дворянскій штатъ, который о предохраненіи привилегій и преимуществъ дворянскихъ во всякое время и во всякомъ случаѣ стараться долженъ и обязанъ. Сей штатъ въ большей части Европейскихъ государствъ состоитъ изъ нѣкотораго опредѣленнаго числа земскихъ совѣтниковъ, которые обыкновенно ландратами называются, изъ одного предводителя дворянства, который называется земскимъ маршаломъ, и изъ одного секретаря,—которымъ всѣмъ непремѣнно должно быть изъ числа того-жъ дворянства». Далѣе: «По дѣламъ дворянства и его провинціи губернаторъ самъ собою и безъ согласія тѣхъ, кои все дворянство представляютъ, т. е. ландратовъ и ландмаршаловъ, ничего, какъ бы оно полезно ни было, опредѣлить, ниже въ обыкновеніе ввесть не можетъ, чего государскими законами еще не предписано и къ точнѣйшему и непремѣнному исполненію оныхъ не принадлежитъ». Кромѣ того: «Дворянство каждой провинціи имѣетъ право гербъ провинціи своей употреблять».

Еще дальше шелъ депутатъ Вирскаго крейза Ренненкампфъ. Онъ говорилъ еще опредѣленнѣе о сословномъ дворянскомъ управленіи.

Относительно земскаго суда и статьи 29-й Ренненкампфъ стоитъ также за предоставленіе дворянамъ выбирать изъ своей среды земскихъ судей; но при этомъ онъ считаетъ необходимымъ учредить для дѣлъ, «до чести и жизни дворянъ касающіяся», выборные высшіе земскіе суды, по одному на губернію. Такимъ образомъ былъ бы проведенъ во всѣхъ инстанціяхъ судъ равными, т. е. благородныхъ надъ благород-

ными. Предоставленіе же дворянамъ (ст. 30) права въ дѣлахъ уголовныхъ избирать себѣ спеціальнаго судью, который бы входилъ въ составъ общаго суда, онъ считаетъ и безполезнымъ и вреднымъ, «поелику каждому обвиняемому дозволяется брать въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ по одному повѣренному и ходатаю». Съ этими взглядами нельзя не согласиться. Одинаково трезвые взгляды Ренненкампфъ высказалъ и въ вопросѣ дворянскаго сословнаго управленія.

Совершенно вѣрно онъ опредѣляетъ цѣль статьи 36-й, устанавливающей преимущество служащихъ передъ неслужащими дворянами: «всякую побуждаемы предпочесть военную и статскую государственную службу покойному партикулярному житью и находиться въ оныхъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока предметы похвальнаго своего честолюбія достигнутъ». Переходя къ разбору статей 38, 39, 40 и 41, Ренненкампфъ сразу же отмѣчаетъ ихъ неполноту и неопредѣленность; «сіе же все значитъ, говоритъ онъ, токмо кратко сочиненный титулъ правамъ и преимуществамъ которыхъ существеннѣйшія качества, польза и преимущества *впредь еще установлены быть и потомъ оказаться должны*». Итакъ, по мнѣнію этого депутата, нужда въ самоуправленіи у дворянскаго сословія русскихъ губерній въ то время еще не созрѣла, но въ будущемъ необходимо проявится, и тогда правительству придется съ нею считаться, и какимъ-либо способомъ организовать корпоративное управленіе сословія.

Ренненкампфъ былъ совершенно правъ, высказывая эти мысли. У дворянскаго сословія еще не было опредѣленнаго стремленія къ самоуправленію, но оно должно было неминуемо проявиться въ самомъ ближайшемъ времени и дѣйствительно проявилось въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ.

Предвидя такую необходимость, Ренненкампфъ устанавливалъ главныя положенія, съ которыми пришлось бы считаться правительству при введеніи самоуправленія. Оно должно было установить право дворянъ избирать опредѣленное количество ландратовъ и одного ландмаршала на каждую провинцію, за-

тѣмъ опредѣлить тѣ источники средствъ, на которые бы эти выборныя должностныя лица содержались; установить компетенцію ихъ, равно какъ опредѣлить компетенцію дворянскихъ съѣздовъ. Дворяне должны были получить право содержать не только архивы, но и свою канцелярію и денежную казну; правительство должно было опредѣлить также, кѣмъ и какъ долженъ вестись дворянскій списокъ или матрикулъ; кто могъ бы вноситься въ этотъ списокъ и какія права имѣлъ бы дворянинъ чужой провинціи.

Такимъ образомъ въ разбираемомъ мнѣніи, хотя и вкратцѣ, но намѣчены всѣ тѣ основные вопросы, которые неминуемо должны были возникнуть впослѣдствіи. Какъ говоритъ Ренненкампфъ: «всѣ выше писанные пункты столь важны суть и существенны, что безъ оныхъ отнюдь ни которое дворянство *суще вольнымъ благороднымъ обществомъ* почтено быть не можетъ».

Заключаетъ свои объясненія на названныя статьи проекта правамъ благородныхъ депутатъ Вирскаго крейза указаніемъ на необходимость и пользу дворянскаго самоуправленія, «а какъ дозволенныя дворянству преимущества, говоритъ онъ, права и вольности во всегдашней силѣ и достоинствѣ содержаны быть не могутъ, ежели притомъ позволено не будетъ всему дворянству право имѣть собственное всякое стараніе прилагать и того смотрѣть, дабы ни подъ какимъ видомъ онымъ препятствіе учинено не было, то порядокъ и справедливость неотмѣнно того требуютъ, дабы дворяне позволеніе имѣть могли временно собираться и сами о нуждахъ своихъ надлежащее прилагать попеченіе. Къ тому же извѣстно и примѣрами другихъ земель достовѣрно доказано, что управленіе государства порознь, а особливо о внутреннихъ распоряженіяхъ земель, лучше, способнѣе и надежнѣе установить невозможно, какъ чрезъ дозволенныя дворянству временныя собранія въ провинціяхъ».

Свое длиннѣйшее мнѣніе депутатъ Ренненкампфъ закончилъ указаніемъ на особое положеніе Лифляндскихъ и Эст-

ляндскихъ дворянъ и просилъ подтвердить ихъ права и преимущества.

Итакъ, мы видимъ, что депутаты Лифляндской и Эстляндской губерній смотрѣли совсѣмъ иначе на вопросъ о дворянскомъ самоуправленіи. Онъ разбирается ими исчерпывающимъ образомъ; депутаты этихъ губерній видятъ, во-первыхъ, настоятельную необходимость дворянскаго самоуправленія; ими указывается, что при извѣстномъ развитіи мѣстныхъ интересовъ и сознанія обществомъ единства послѣднихъ, самоуправленіе является лучшимъ средствомъ ихъ разрѣшенія. Во-вторыхъ, эти же депутаты даютъ намъ подробное описаніе средствъ введенія подобной реформы и разрѣшенія многихъ возникающихъ при этомъ вопросовъ.

Знанія депутатовъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дворянъ насъ не должны удивлять. Въ названныхъ губерніяхъ самоуправленіе дворянскихъ обществъ уже существовало. Они использовали только исторію своего дворянства; изъ нея они сдѣлали заключеніе о неизбѣжности такого процесса и примѣромъ привели хорошіе результаты, достигнутые въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Что они не ошибались, показываетъ дальнѣйшая исторія дворянскаго сословія. Но мнѣнія ихъ не произвели въ коммисіи должнаго впечатлѣнія, и, думается, по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, главныя стрѣлы депутатовъ прибалтійскихъ губерній были направлены на защиту обособленности этого края, что не нравилось ни депутатамъ другихъ губерній и сословій, ни самому правительству; послѣднее сдѣлало депутатамъ Лифляндіи и Эстляндіи внушеніе и старательно затирало ихъ возраженія; во-вторыхъ, потребность Россійскаго дворянства въ самоуправленіи еще не выступила наружу съ достаточной силой, вслѣдствіе чего депутаты русскихъ губерній оставались къ этому вопросу вполнѣ равнодушными, и, наконецъ, въ третьихъ, вышеописанныя мнѣнія Левенвольде и Ренненкампфа остались безъ результата, въ виду того общаго недостатка, который роковымъ образомъ висѣлъ надъ работами Большого

собранія. Мы говоримъ про неумѣлость руководителей коммисіи и ихъ абсолютное противодѣйствіе допущенію какихъ-либо преній по читаемымъ мнѣніямъ депутатовъ. Послѣднія читались одно за другимъ и обсужденіе ихъ не допускалось; очевидно, что въ концѣ концовъ вниманіе депутатовъ притуплялось; они не въ состояніи были улавливать подробности въ той массѣ противорѣчивыхъ мнѣній, пестрая череда которыхъ проходила передъ ними въ теченіе полутора мѣсяцевъ. Противъ такого положенія вещей не помогали долгое время даже настойчивыя указанія самой Императрицы, ясно сознававшей, какъ уже было указано, этотъ недостатокъ работъ коммисіи.

Наконецъ, въ сентябрѣ Екатерина вмѣшалась болѣе активнымъ образомъ; она настояла на допущеніи преній по проекту правамъ благородныхъ.

Въ концѣ засѣданія 9-го сентября маршалъ Бибиковъ объявилъ собранію [1]), какъ это ему ни было непріятно, что, въ виду окончанія чтеній поданныхъ на проектъ правамъ благородныхъ примѣчаній, желающіе впредь «имѣть преніе, могутъ сегодня у держателей дневныхъ записокъ записаться». Многіе депутаты съ охотой отозвались на такое предложеніе и приняли самое горячее участіе въ преніяхъ, которымъ посвящено было 10 засѣданій.

Пренія по поводу I-й главы окончены были въ два засѣданія, 10-го и 15-го сентября (утромъ). Затѣмъ собраніе перешло къ преніямъ по поводу статей 2-й главы проекта. Маршалъ читалъ статью, затѣмъ объявлялъ имена желавшихъ возражать и давалъ записавшимся слово.

Нельзя сказать, чтобы пренія были очень содержательны. Больше другихъ говорили князь Михайло Щербатовъ, отстаивавшій дворянскія привилегіи, депутатъ отъ Козловскаго дворянства Коробьинъ, ратовавшій за вольности отдѣльныхъ сословій, и Яковъ Урсинусъ, всегда обращавшій вниманіе собранія

---

[1]) Стр. 346, томъ 32, Сб. Р. Ист. Общ.

на точное редактированіе текстовъ статей, во избѣжаніе могущихъ возникнуть при примѣненіи таковыхъ на практикѣ сомнѣній. Другихъ лицъ кромѣ тѣхъ, которыя заранѣе записывались, маршалъ обыкновенно не допускалъ къ преніямъ. Говорили же все тѣ же депутаты, которые представили свои письменныя мнѣнія, защищая конечно свои уже высказанные взгляды. Такъ по поводу 29 статьи говорили Полетика и кн. Щербатовъ [1]), первый защищалъ редакцію, составленную дирекціонной коммисіей, второй же отстаивалъ общее право дворянъ выбирать всѣхъ судей въ земскіе суды. Довольно большіе споры вызвала статья 35 о правѣ дворянки, вышедшей замужъ за недворянина, сохранять свои дворянскія привилегіи. Пренія по этой статьѣ заняли почти цѣликомъ засѣданія 25-го и 29-го сентября [2]).

Въ концѣ засѣданія, 29-го, маршалъ сталъ подъ рядъ читать статьи 36—42, такъ какъ на нихъ возражать никто не записался. Статью 43 записался защищать князь Щербатовъ, но такъ какъ его за болѣзнью въ собраніи не оказалось, то желавшаго возражать на нее депутата Бѣлгородской провинціи отъ однодворцевъ Андрея Маслова къ выраженію своихъ мыслей не допустили. Этотъ примѣръ показываетъ намъ, какъ маршалъ Бибиковъ относился къ преніямъ депутатовъ. Императрица заставила его допустить пренія; противиться онъ не могъ, но дѣлалъ все возможное, чтобы сокращать и даже отвращать таковыя; пренія онъ допускалъ лишь въ томъ случаѣ, если находилось два депутата, изъ которыхъ одинъ заявлялъ о своемъ желаніи возражать на данную статью, другой же защищать ее. Несообразность такого образа дѣйствій вполнѣ очевидна.

На этомъ засѣданіи 29-го сентября кончились пренія; депутатамъ было дано еще нѣкоторое время на представленіе новыхъ возраженій, но охотниковъ больше не нашлось. Тогда

---

[1]) Стр. 45, томъ 36, Сб. Р. И. О.
[2]) Стр. 50—67, томъ 36, Сб. Р. И. О.

маршалъ объявилъ что «весь проектъ правамъ благородныхъ преніемъ окончился».

6-го октября Большое собраніе постановило передать, какъ самый проектъ, такъ и всѣ мнѣнія и возраженія на него въ дирекціонную коммисію для дальнѣйшей разработки.

Послѣ этого къ разсмотрѣнію правъ и преимуществъ дворянскаго сословія коммисія уже не возвращалась. 18-го декабря 1768 года она была распущена маршаломъ по случаю объявленія войны и уже никогда больше не созывалась.

Работы коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія принесли, какъ извѣстно, очень мало реальныхъ результатовъ. Тому были двѣ причины. Одна изъ нихъ состояла въ неподготовленности и полной непригодности къ этому дѣлу руководителей коммисіи, что не разъ намъ уже приходилось отмѣчать. Стоитъ только вспомнить образъ дѣйствій Бибикова, и его отвращеніе, напр., къ какимъ-либо преніямъ. Другая же причина неудачи заключалась въ самомъ планѣ Императрицы.

Подъ вліяніемъ энциклопедистовъ и Монтескье Екатерина думала написать *новое* Уложеніе и тѣмъ самымъ дать такой законодательный актъ, который бы сдѣлалъ ея «народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться»[1]).

Увлекаясь философіей XVIII вѣка, Императрица удалилась вмѣстѣ со всѣмъ этимъ философскимъ направленіемъ изъ области дѣйствительности въ міръ отвлеченныхъ идей, оторванныхъ отъ жизни.

Высокія начала благороднѣйшихъ и безкорыстныхъ поборниковъ просвѣтительной философіи конца XVIII столѣтія оказались совершенно нежизненными, слишкомъ идеальными. Въ Россіи они не могли принести почти никакой пользы въ виду малой культурности нашего общества того времени. Екатерина не считалась съ тѣмъ, что она сама стояла на недосягаемой высотѣ для русской интеллигенціи конца XVIII вѣка.

---

[1]) Слова наказа Екатерины II.

Депутаты были созваны, чтобы составить новый проектъ, на новыхъ, чисто теоретическихъ началахъ. Этого они дать не могли; они, какъ люди практики, не могли оторваться отъ прошлаго; многими порядками стараго времени они были довольны, съ новыми же теоріями идеализма если и были знакомы въ видѣ рѣдкаго исключенія, то весьма поверхностно. Такимъ образомъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ [1]), «дѣло коммисіи не было дѣломъ депутатовъ, какъ не было оно и дѣломъ русской земли».

Но если коммисія и не принесла прямыхъ результатовъ, если ею и не могло быть сочинено новое Уложеніе, работы ея оказали нашему отечеству тѣмъ не менѣе существеннѣйшую пользу. Черезъ депутатовъ правительство узнало о мѣстныхъ нуждахъ, о недостаткахъ уѣзднаго управленія, о тѣхъ стремленіяхъ сословій, которыя нуждались въ скорѣйшемъ удовлетвореніи. Это уже само по себѣ представляло огромную пользу. На всѣхъ дальнѣйшихъ реформахъ Екатерининскаго царствованія несомнѣнно отражались тѣ мнѣнія, которыя заявлены были депутатами въ коммисіи.

Исторіи же здѣсь оставленъ настоящій кладъ. Желаніе Императрицы, чтобы «будущія времена могли найти тѣ правила, кои имъ въ наставленіе служить будутъ», вполнѣ осуществилось.

Матеріалы Екатерининской коммисіи даютъ историку полнѣйшую картину всего строя нашего общества того времени; изъ нихъ видно, какъ развивалась Россія, стремленія и интересы различныхъ сословій, жизнь отдѣльныхъ провинціальныхъ обществъ въ самыхъ разнообразныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества.

Изучая строй дворянскаго сословія конца XVIII столѣтія, мы не могли обойти молчаніемъ эти богатые содержаніемъ

---

[1]) Стр. XIX предисловія къ 32-му тому Сб. Р. И. О. Тѣ же мысли высказаны авторомъ въ его статьѣ „Откуда неудачи Екатерининской законод. коммисіи". „Вѣстникъ Европы" томъ I. Январь 1878, стр. 188. Ср. также со статьей проф. Лаппо-Данилевскаго, журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія, 1897 года, I, III, V и XII.

матеріалы. Они показали намъ, какъ развивалась у насъ сословная обособленность. XVIII вѣкъ въ Россіи можно характеризовать общей чертой, постепеннаго обособленія сословій.

Интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить взгляды самихъ дворянъ на созывъ коммисіи 1767 года. Нѣкоторые не сочувствовали этому акту Императрицы, но это были исключенія. Большинство ему радовалось. Многіе же остались совершенно равнодушными, искренно или притворно полагая, что изъ этого начинанія ничего не выйдетъ. Безрезультатность работъ коммисіи конечно обрадовала этихъ послѣднихъ. Они съ злорадствомъ кичились своей дальновидностью. Къ числу ихъ принадлежалъ и Болотовъ, напечатавшій впослѣдствіи свои знаменитыя записки. Авторъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое отношеніе къ созыву депутатовъ въ коммисію: «Я власно какъ предвидѣлъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выдетъ, что грома надѣлается много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла изъ всего того не выдетъ никакого и все кончится ничѣмъ; а потому и не хотѣлось мнѣ для сего разстаться съ милою своею и столь для меня блаженною деревенскою жизнью.

«И дабы въ томъ лучше успѣть, то не хотѣлъ я даже и показать себя господамъ Каширскимъ дворянамъ и умышленно на съѣздъ ихъ для сихъ выборовъ не поѣхалъ, а отозвался письменно, что мнѣ пріѣхать было не можно. И слѣдствіе оказало, что я поступилъ благоразумно; ибо скоро услышали мы, что и самое начало сего великаго дѣла далеко не соотвѣтствовало премудрымъ намѣреніямъ нашей Императрицы, и что и самые выборы начались производимы быть вездѣ по пристрастіямъ, что выбирали и назначали къ тому не тѣхъ, которыхъ бы выбрать къ тому надлежало и которые къ тому были способны и другихъ достойнѣе, а тѣхъ, которымъ самимъ опредѣлиться въ сіе мѣсто хотѣлось, несмотря ни мало, способны ли они къ тому были или неспособны. Отчего собственно

и вышелъ потомъ сущій и такой ералажъ, что принуждено было все сіе дѣло остановить и оставить до другого времени. И какъ у насъ выбраны были въ предводители г. Юшковъ, бывшій нѣкогда въ Москвѣ губернаторомъ, а въ депутаты нѣкто г. Масловъ, то и остался я спокойнымъ и очень былъ радъ, что сія буря меня миновала.

«Все сіе происходило весною въ мѣсяцѣ апрѣлѣ (1767 г.)»[1]).

Для представителей этого направленія польза, принесенная работами коммисіи, конечно навсегда осталась непонятной; имъ дороже всего было собственное спокойствіе, лишь бы ихъ не тревожили въ ихъ помѣстьяхъ.

Дворянское сословіе со времени Манифеста 1762 г. стало обособляться и стремиться къ замкнутости; это подтверждаютъ, напр., вышеописанные споры депутатовъ по поводу установленія способовъ и условій пріобрѣтенія дворянскаго достоинства. Второй шагъ составляетъ самоуправленіе. Изъ наказовъ, мнѣній депутатовъ и преній ихъ по поводу отдѣльныхъ статей мы ясно можемъ заключить, что первое стремленіе, т. е. къ обособленію сословія, уже опредѣлилось; самоуправленіе же не составляло еще необходимости. За него говорили наказы лишь въ видѣ исключенія; депутаты, за исключеніемъ князя Щербатова, повторившаго постановленія наказа избравшихъ его дворянъ, вовсе умалчиваютъ объ этомъ вопросѣ; наоборотъ, пространно о немъ говорятъ лишь представители Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства, т. е. тѣхъ мѣстностей, гдѣ уже процессъ обособленія вполнѣ закончился и самоуправленіе составляло реальную дѣйствительность.

Но, какъ вѣрно замѣтилъ депутатъ Ренненкампфъ, безъ самостоятельнаго корпоративнаго управленія не могло обойтись и дворянство русскихъ губерній.

Какъ только оно немного болѣе освоилось со своимъ новымъ положеніемъ въ уѣздѣ, такъ сейчасъ стало замѣчаться

[1]) Записки А. Т. Болотова (Его жизнь и приключенія) стр. 654, томъ II, приложеніе къ „Русской Старинѣ", 1871 г.

стремленіе его къ полученію не только участія въ общей администраціи, но и самостоятельнаго права завѣдывать собственными нуждами и рѣшать вопросы, касающіеся своихъ сословныхъ интересовъ, съѣздами дворянъ, съ выборными сословными органами во главѣ.

И надо сказать, что правительство охотно шло навстрѣчу такому стремленію дворянства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Законодательный періодъ 1766—1775 годовъ. — Первые зачатки дворянской сословной организаціи. — Учрежденіе о губерніяхъ; его изданіе; вліяніе на работы Императрицы Блэкстона и учрежденій Прибалтійскаго края. — Выборная служба и сословные органы дворянства. — Введеніе новыхъ учрежденій. — Законодательный періодъ 1775—1785 годовъ.—Резолюціи 1778 года.—Все усиливающаяся власть намѣстниковъ; старанія Екатерины оградить самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія.—Опыты Сиверса въ Новгородскомъ намѣстничествѣ.

I.

Итакъ, Коммисія 1767 года была распущена, не окончивъ возложенной на нее задачи.

При роспускѣ Коммисіи, мы еще замѣчаемъ нѣкоторые намеки на будущій ея созывъ; формально ее распускали лишь на время войны; выражалась надежда, что по окончаніи войны Коммисія будетъ вновь созвана и проектъ новаго Уложенія будетъ въ концѣ концовъ «сочиненъ». Но какъ для Екатерины, такъ и для большинства современниковъ, намъ кажется, не было тайной, что Коммисія распускалась навсегда; офиціально объ этомъ не говорилось по чисто формальнымъ причинамъ; но въ частной перепискѣ мы находимъ довольно много слѣдовъ тому; Императрица убѣдилась въ томъ, что подобная Коммисія не могла сочинить основъ новому законодательству, что депутаты не были ни знакомы съ ея идеаломъ — философіей XVIII вѣка, ни вообще подготовлены къ такой крупной реформѣ. Люди практики, они вдались въ раз-

сужденія о мѣстныхъ нуждахъ; имъ не хватало того единства, которое одно могло провести въ жизнь столь обширную законодательную реформу. Между тѣмъ, Коммисія дала Императрицѣ обильный матеріалъ; она услышала чрезъ посредство депутатовъ голосъ провинціи; мѣстныя общества использовали случай высказаться о своихъ нуждахъ, указали ей на важнѣйшіе недостатки администраціи. Этого для Великой Государыни было вполнѣ достаточно; работы Коммисіи не пропали даромъ; наоборотъ, мы видимъ, что все дальнѣйшее законодательство Екатерины какъ бы вытекаетъ изъ матеріаловъ, собранныхъ Коммисіей, изъ мнѣній, высказанныхъ въ ея собраніяхъ.

Коммисія была распущена, депутаты понемногу стали разъѣзжаться по своимъ уѣздамъ и городамъ, должности же, созданныя указомъ 14-го декабря 1766 года,—остались. Появившись случайно и по временному поводу, многіе изъ вновь созданныхъ органовъ остались на Руси навсегда, что объясняется, конечно, исключительно ихъ жизненностью, дѣйствительною въ нихъ потребностью. Къ числу подобныхъ органовъ принадлежали и первые сословно-дворянскіе представители — предводители дворянства. Сперва должность предводителя возобновляется лишь на два года, затѣмъ еще на два года, а съ 1771 года она ужъ становится постоянною. Этимъ началомъ опредѣляется и характеръ этого перваго сословнаго органа на послѣдующее время. Призванный предсѣдательствовать и руководить собраніемъ дворянъ, которое впервые должно было защищать, если даже не создать интересы дворянскаго сословія, предводитель является охранителемъ и представителемъ этого сословія и только впослѣдствіи начинаетъ получать и другія функціи.

Въ 1768 году истекъ срокъ полномочія первыхъ предводителей, между тѣмъ работы Коммисіи были въ самомъ разгарѣ. На предводителей, какъ указано было выше, могли быть возлагаемы Верховною Властью «особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего общаго разсужденія». Слѣдовательно, по-

куда работала Коммисія, всегда могла встрѣтиться надобность и въ предводителяхъ. Этимъ простымъ соображеніемъ объясняется указъ 21-го мая 1768 года «о возобновленіи выборовъ въ депутаты Коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія через два года» (Полн. Собр. Зак. № 13119). Указъ этотъ выражается слѣдующимъ образомъ: «какъ сей двухгодичный срокъ дворянскимъ предводителямъ клонится нынѣ къ окончанію, а Коммисія о сочиненіи проекта новаго Уложенія только что приходитъ работою своею отъ насъ предписанною въ полное движеніе, и теперь болѣе чѣмъ когда-либо польза оказаться можетъ отъ Нашихъ уѣздныхъ учрежденій отъ 14-го декабря 1766 года. Того для, повелѣваемъ, въ каждомъ уѣздѣ дворянамъ, по истеченіи перваго двухгодичнаго срока, по точному обряду выбора, выше во-первыхъ упомянутаго избрать снова на два года дворянскаго предводителя и дать ему по напечатанному тамъ образцу полномочіе; если же дворяне безъ выбора согласятся имѣть предводителя того же, то перемѣнять только его полномочіе, давъ ему новое на два года». При отсутствіи изъ уѣзда предводителя собраніемъ руководитъ начальникъ губерніи. Указъ этотъ, слѣдовательно, строго придерживается формъ обряда 1766 года и назначеніемъ своимъ имѣетъ лишь продленіе срока его дѣйствія.

Немного другой характеръ носитъ слѣдующій указъ, касающійся дворянскихъ предводителей. Въ 1770 году истекалъ второй срокъ службы предводителей дворянства. Указъ о возобновленіи ихъ полномочій появился лишь 29-го апрѣля 1771 года (Полн. Собр. Зак. № 13600).

Текстъ его самый краткій; онъ просто ссылается на обрядъ выборовъ 1766 года и устанавливаетъ новый двухлѣтній срокъ службы выборныхъ отъ дворянства органовъ.

Но немного спустя, 25-го сентября, выходитъ второй указъ (П. С. З. № 13661), который уже прямо гласитъ «о избраніи дворянскихъ предводителей и городскихъ головъ по прошествіи двухгодичнаго срока, безъ особеннаго о томъ указа». Предводителей слѣдовало «и впредь до указа, по проше-

ствіи всякихъ двухъ лѣтъ, избирать, не ожидая отъ Насъ о выборѣ ихъ особыхъ указовъ, на томъ основаніи, какъ въ обрядѣ отъ Насъ публикованномъ предписано или если дворяне и городскіе жители безъ выбора согласятся имѣть того же предводителя и голову, то перемѣнить только его полномочіе, давъ ему новое на два года».

Съ этого момента должность предводителя дворянства, становится постоянною. Указъ этотъ имѣетъ для насъ кардинальное значеніе. Съ него начинается исторія корпоративной жизни дворянскаго сословія. Здѣсь правительство впервые признало уѣздныя дворянскія общества, какъ нѣчто цѣлое, единое; они получили свой постоянный органъ, что укрѣпило за ними, какъ мы увидимъ, навсегда право отдѣльнаго отъ правительственнаго, сословнаго управленія. Изъ органа случайнаго и временнаго предводитель преобразовался въ органъ постоянный съ опредѣленной государственной задачей. Сразу же послѣ этого указа мы находимъ и другой не менѣе важный для насъ и не менѣе характерный. Подъ слѣдующимъ номеромъ и отъ того же числа, 25-го сентября, въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 13662) стоитъ указъ «о предписаніи губернаторамъ и воеводамъ, чтобы каждый обще съ выбранными отъ дворянъ предводителями своего уѣзда имѣли предписанныя въ семъ указѣ предосторожности отъ распространенія прилипчивой болѣзни». Итакъ на предводителей только что превращенныхъ въ постоянный органъ сословнаго управленія, тутъ же возлагается и общеадминистративная задача. Здѣсь мы имѣемъ начало и второй характерной черты органовъ дворянскаго сословнаго управленія — постоянное возложеніе на нихъ участія въ общемъ уѣздномъ управленіи; она также красной нитью проходитъ черезъ всю исторію предводительской должности, которая, благодаря этому, никогда не была исключительно сословнымъ органомъ. Случайное ли это явленіе или нѣтъ, мы постараемся разъяснить ниже; въ настоящее время намъ важно подчеркнуть лишь то, что проявилась она въ самый же первый моментъ утвержденія за предводителями постояннаго существованія.

Указъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ обязанности губернаторовъ и предводителей: «Понеже Гг. губернаторамъ и воеводамъ невозможно будетъ вездѣ усмотрѣть въ разсужденіе пространства уѣздовъ: то сего ради имъ, обще съ предводителями дворянства, росписавъ уѣзды по небольшимъ частямъ, препоручить въ смотрѣніи изъ тамошнихъ дворянъ людямъ надежнымъ... а потомъ всѣмъ совокупно губернаторамъ и воеводамъ въ городахъ, а дворянамъ въ уѣздахъ всякому въ той части, въ которой онъ избранъ будетъ наикрѣпчайше смотрѣть, дабы все вышеписанное исполнено было».

Можно съ нѣкоторою вѣроятностью предположить, что именно эта причина, т. е. что «гг. губернаторамъ и воеводамъ невозможно будетъ вездѣ усмотрѣть въ разсужденіи пространства уѣздовъ», и послужила поводомъ къ утвержденію предводительской должности навсегда.

Правительство въ нихъ усмотрѣло хорошихъ и надежныхъ помощниковъ своимъ администраторамъ и утвердило ихъ существованіе и на будущее время. Но подобное предположеніе остается лишь предположеніемъ; ни архивы, ни другіе источники не даютъ на это никакихъ указаній; заключеніе мы выводимъ лишь изъ расположенія указовъ во времени; одинъ слѣдовалъ за другимъ; первый изъ нихъ казалось бы не имѣлъ другихъ поводовъ къ своему появленію на свѣтъ срокъ предводительской службы уже истекъ и правительство этого какъ бы не замѣтило; обратило же оно на нихъ свое вниманіе лишь при появленіи общеопасной прилипчивой болѣзни, когда дѣятельность мѣстныхъ административныхъ органовъ могла оказаться недостаточной. Въ этомъ же указѣ находимъ мы и другой интересный пунктъ. Дворянскому сословію предоставляется слѣдующее право: указъ говоритъ «препоручить въ смотрѣніе изъ тамошнихъ дворянъ людямъ надежнымъ и такимъ, которые жилища свои въ серединѣ тѣхъ селеній, кои имъ препоручены, имѣютъ»; здѣсь слѣдовательно дворяне получаютъ право избранія изъ своей среды должностныхъ лицъ, хотя и съ временной задачей, но участвующихъ

все-таки въ обще-уѣздномъ управленіи. Мы видимъ, что правительство уже считается съ уѣздными обществами дворянъ, какъ таковыми.

Надо замѣтить, что еще немного ранѣе правительство нѣсколько разъ устанавливало уже подобное право дворянъ на участіе въ общей администраціи. Мы говоримъ про рекрутскіе наборы. Каждый разъ, когда устанавливался необходимый правительству контингентъ рекрутъ, издавался Сенатскій указъ, въ которомъ опредѣлялось, что при наборѣ должны были присутствовать, по одному на уѣздъ, выборные изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, дворяне. Такой указъ былъ изданъ, напр., 20-го іюля 1770 года (о наборѣ рекрутъ со 150 душъ по одному человѣку); другой мы находимъ отъ 2-го сентября 1771 года [1]). Для характеристики обязанностей этихъ выборныхъ представителей приводимъ ниже выдержку изъ указа 1771 года. Очевидно, что главною задачею этого органа была охрана дворянскихъ — помѣщичьихъ интересовъ: «п. 6. Что-жъ принадлежитъ до сбора съ вышепоименованныхъ жеребьевыхъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ складочныхъ денегъ и раздачи оныхъ тѣмъ, кто рекрутъ ставитъ, говоритъ указъ, о томъ хотя въ вышеобъявленномъ, публикованномъ 20-го іюля 1770 года указѣ выборъ онаго предоставленъ на волю дворянству, но какъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената дошло, что въ Вологодской провинціи къ таковому сбору на цѣлый уѣздъ выбранъ былъ одинъ дворянинъ, отъ чего произошли не только многія затрудненія, но и въ рекрутскомъ наборѣ остановка; того ради впредь во всѣхъ уѣздахъ помѣщикамъ въ выборѣ между собою оныхъ повѣренныхъ поступать по сему: если къ одному рекруту въ приписку войдутъ мелкопомѣстныхъ дворянъ три, четыре или больше дачъ, таковые и могутъ изъ дворянъ же надежнаго себѣ избрать и оному сборъ съ себя складочныхъ денегъ поручить, который, собравъ съ нихъ, имѣетъ оныя отдать тому, кто рекрута поставитъ, а посему и изъ другихъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 13651. — Сентября 2-го. Сенатскій. О наборѣ рекрутъ со ста душъ по одному человѣку.

партій, буде пожелаютъ, тому же сей сборъ поручить, или особаго выбрать разсудятъ, запрещенія быть не можетъ, ибо оный назначенъ единственно въ томъ разсужденіи, чтобъ будучи какъ посредственникъ между оными, кто рекрута ставитъ и кто складочныя деньги платитъ, могъ быть препятствіемъ тому, если-бъ кто покусился мелкопомѣстныхъ дворянъ излишнимъ взятьемъ складочныхъ денегъ отягощать».

Въ 1772 году на предводителей дворянства была возложена новая задача, также общеадминистративнаго характера, а именно наблюденіе за очисткой товаровъ. 28-го января 1772 г. вышло учрежденіе объ очищеніи отъ сомнѣнія товаровъ (Полн. Собр. Зак. № 13748), а въ дополненіе къ нему указъ Сената, опредѣлявшій обязанности по сему поводу, возлагаемыя на губернаторовъ, воеводъ и предводителей дворянства. Учрежденіе разослано отъ Сената въ губерніи и провинціи 31-го января, а въ февралѣ мѣсяцѣ состоялся, по сему предмету, указъ Сената, слѣдующаго содержанія: «Правительствующій Сенатъ *приказали:* какъ уже объ очищеніи всѣхъ вывозимыхъ изъ Москвы, яко въ заразѣ бывшаго мѣста, товаровъ учрежденіе и съ росписью сдѣлано, и минувшаго января 31-го дня отъ Сената въ губерніи, провинціи и города разослано, почему всѣ тѣ мѣста, откуда такой вывозъ товаровъ слѣдовать будетъ, и поступать должны; но чтобъ сіе точнѣе исполнялось и неочищеннаго-бъ пропущено не было, а и при очищеніи товаровъ, по упоминаемому учрежденію наблюдаемо было безъ всякаго въ томъ отъѣзжающимъ притѣсненія, возложить Московской губерніи въ провинціяхъ и городахъ (кромѣ Ярославля) на воеводъ *вообще съ дворянскими предводителями*, кои тамъ жительство имѣютъ, и съ городскими головами, а гдѣ предводителей не случится, то однимъ воеводамъ съ головами, очистя надлежащимъ образомъ по учрежденію тотъ изготовленный къ отпуску товаръ, равно какъ и даваемые тѣхъ товаровъ хозяевамъ билеты печатать канцелярскою печатью. Въ Ярославлѣ же показанное при отпускѣ товаровъ въ очищеніи оныхъ надзираніе поручить находящемуся тамъ, для

прекращенія заразительной болѣзни, генералъ-маіору и кавалеру Кречетникову, съ тѣмъ, чтобъ онъ тѣ товары и даваемые на оные билеты печаталъ канцелярскою-жъ печатью. Въ прочихъ же во всѣхъ губерніяхъ, кромѣ Московской, кому при очищеніи отправляемыхъ изъ бывшихъ въ заразѣ мѣстъ товаровъ смотрѣніе имѣть, оное предоставить на попеченіе господъ губернаторовъ. А сіи уже должны, по лучшему своему свѣдѣнію, выбравъ къ тому надежныхъ людей изъ воеводъ, или ихъ товарищей, или-жъ и дворянскихъ предводителей и городскихъ головъ, поручить, кому они въ томъ довѣренность дать могутъ, снабдя ихъ своимъ повелѣніемъ и въ Сенатъ рапортовать».

Но положеніе предводителей было еще очень неопредѣленно. Ихъ компетенція выяснена была лишь въ 1775 году съ изданіемъ Учрежденія о губерніяхъ. Въ разбираемый же нами періодъ времени (1766—1775) происходили постоянныя недоразумѣнія. Правительство сдѣлало предводительскую должность постоянной, но не позаботилось объ опредѣленіи ея положенія въ мѣстномъ управленіи. Этимъ объясняется, напр., изданіе сенатскаго указа отъ 5-го февраля 1772 года (Полн. Собр. Зак. № 13757) «о представленіи прошеній Дворянскими предводителями о неудовольствіяхъ на Городовыя Канцеляріи, касательно рекрутскихъ наборовъ, не прямо въ Сенатъ, но въ Провинціальныя и Губернскія Канцеляріи». Очевидно, что предводители, пользуясь своимъ положеніемъ въ уѣздѣ ходатаевъ по дворянскимъ дѣламъ, думали получить право непосредственнаго сношенія съ центральнымъ правительствомъ; поводомъ послужили все тѣ же рекрутскіе наборы, какъ наиболѣе близко затрагивающіе дворянскіе интересы; но правительство нашло нужнымъ тутъ же указать имъ, что съ Сенатомъ и другими центральными учрежденіями они могутъ сноситься лишь черезъ посредство правительственныхъ и губернскихъ канцелярій, уравнявъ такимъ образомъ предводителей съ прочими уѣздными органами.

Въ 1773 году, 16-го января, находимъ мы очень инте-

ресный указъ [1]) «о дозволенiи жителямъ Бѣлорусскихъ губернiй выбрать депутатовъ къ сочиненiю проекта новаго Уложенiя». Этимъ указомъ дается Бѣлорусскимъ губернiямъ право избирать поуѣздно предводителей дворянства и городскихъ головъ, согласно обряду 1766 года, что сравняло ихъ съ прочими губернiями Россiйской Имперiи. Мысль графа Чернышева, на которой онъ основывалъ свое ходатайство, была совершенно вѣрна. Депутаты, говоритъ онъ, призывались «не только для того, чтобъ отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго состоянiя, но допущены они и въ коммисiю сочиненiя великаго сего и отечеству полезнаго дѣла»; въ это время главная задача депутатовъ состояла въ выраженiи мѣстныхъ нуждъ и недостатковъ администрацiи; само сочиненiе проекта отошло на заднiй планъ; безсознательно можетъ быть, но почти всѣми уже чувствовалась невозможность сочиненiя этого *новаго* Уложенiя; но съ другой стороны, намъ необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что въ 1773 году идея изданiя Уложенiя еще не совсѣмъ была покинута; приведенный выше докладъ Чернышева ясно это указываетъ; близкому къ Императрицѣ генералъ-губернатору Бѣлорусскихъ губернiй извѣстны были мысли Екатерины; очевидно, что у послѣдней еще оставалась надежда на осуществленiе ея великаго начинанiя. Намъ хотѣлось здѣсь оттѣнить этотъ фактъ, въ виду того, что въ литературѣ мало выяснено, какъ именно исчезала идея сочиненiя проекта новаго Уложенiя, какъ она постепенно смѣнялась мыслью о простомъ выслушиванiи отъ депутатовъ «о нуждахъ и недостаткахъ каждаго состоянiя». Въ 1773 году еще не угасла, слѣдовательно, надежда на возможность сочиненiя проекта; но, думается, это уже ея послѣднiй проблескъ. Дѣйствительность понемногу разрушала идеалистическiя начинанiя Великой Императрицы.

Распустивъ депутатовъ по домамъ, правительству пришлось нѣсколько разъ разъяснять имъ ихъ офицiальное положенiе,

---

[1]) Высочайше утвержденный докладъ Бѣлорусскаго генералъ-губернатора графа Чернышева. Полн. Собр. Зак. № 13938.

права и обязанности. Они невольно принимали на себя положеніе ходатаевъ по дѣламъ избиравшихъ ихъ сословій. Въ частности дворянскіе депутаты присваивали себѣ именно тѣ функціи, которыя сперва фактически, а съ 1775 года и юридически были возложены на предводителей дворянства. Это рисуетъ намъ ту потребность, которая чувствовалась въ эту эпоху въ сословныхъ органахъ, завѣдующихъ сословными же интересами. Но правительство не могло допустить, чтобы депутаты получили подобныя функціи въ самомъ уѣздѣ; они были избраны со строго опредѣленной цѣлью для сочиненія проекта новаго Уложенія, а занимались между тѣмъ «хожденіемъ по постороннимъ дѣламъ, подаваніемъ, какъ въ присутственныя мѣста, такъ и въ самую коммисію, прошеній и частныхъ ходатайствъ»; чинили поборы, «яко бы для общихъ нуждъ», пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ, утвержденнымъ за ними Манифестомъ 1766 года привилегированнымъ положеніемъ, которое какъ бы изымало ихъ изъ-подъ компетенціи общей администраціи. Такое положеніе было очевидно недопустимо. Въ Полномъ Собраніи Законовъ мы находимъ два указа, направленныхъ противъ подобнаго положенія вещей, одинъ отъ 7-го мая 1768 года, изданный еще до роспуска депутатовъ по домамъ, другой отъ 28-го февраля 1773 года, подтверждающій, въ виду продолжавшихся злоупотребленій, «запрещеніе депутатамъ подъ видомъ общественныхъ нуждъ, чинить поборы съ ихъ избирателей и принимать на себя хожденіе въ присутственныхъ мѣстахъ по дѣламъ общества, отъ котораго они выбраны» [1]).

Итакъ, сословія, и въ частности дворянское, хотѣли воспользоваться нахожденіемъ на мѣстѣ депутатовъ и ихъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы создать изъ нихъ сословныхъ органовъ, ходатаевъ по своимъ дѣламъ; подобное стремленіе весьма понятно; сословная связь все

---

[1]) Въ виду картиннаго описанія дѣйствій и положенія распущенныхъ по домамъ депутатовъ коммисіи, мы нашли нужнымъ напечатать этотъ указъ въ приложеніи.

усиливалась, органы же, какіе и были, занимали еще очень неопредѣленное положеніе; дѣятельность предводителей офиціально, какъ мы видѣли не была еще опредѣлена, а тутъ явились выборныя лица, да еще съ такими преимуществами, какъ тѣ, которыя установлены были для депутатовъ Манифестомъ 1766 года; мѣстные жители стали прибѣгать къ ихъ помощи во всѣхъ случаяхъ, когда дѣйствія администраціи ихъ не удовлетворяли.

Отрицательное же отношеніе къ этому явленію правительства также весьма понятно. На вновь созданныхъ органовъ сословнаго управленія, какими, напр., являлись предводители дворянства, оно смотрѣло какъ на органы постоянные и со строго опредѣленной задачей; оставалось лишь издать законодательный актъ, точно опредѣляющій ихъ компетенцію и положеніе въ общей системѣ мѣстнаго управленія.

Насколько подобные взгляды правительства уже опредѣлились, можно видѣть, напр., изъ указа 21-го марта 1773 года, когда, при учрежденіи новыхъ уѣздовъ въ Новгородской губерніи, губернаторъ полагалъ произвести новое распредѣленіе погостовъ «снесясь съ Дворянскими предводителями» и учинить новое росписаніе уѣздовъ, также по «сношенію съ Дворянскими предводителями»; послѣдніе слѣдовательно въ глазахъ правительства занимали уже опредѣленное мѣсто въ уѣздной администраціи; надо было лишь утвердить за ними ихъ положеніе законодательнымъ актомъ.

Такимъ актомъ было учрежденіе о губерніяхъ 1775 года.

Просматривая разобранный нами періодъ времени, съ изданія Манифеста 1766 года и до только что упомянутаго учрежденія о губерніяхъ, мы должны отмѣтить слѣдующія его характерныя черты. Сословная связь мѣстныхъ обществъ все крѣпнетъ, интересы опредѣляются, вмѣстѣ съ тѣмъ все настоятельнѣе чувствуется потребность въ сословныхъ органахъ; правительство пошло навстрѣчу этому стремленію, не издавая впрочемъ еще особаго законодательнаго акта, а довольствуясь полумѣрами; оно слишкомъ занято было другими вопросами

съ одной стороны, съ другой же предусмотрительно выжидало, чтобы жизнь сама указала то направленіе, котораго ему придется впослѣдствіи держаться. И дѣйствительно мы уже видимъ въ эту эпоху, какъ вырисовываются главнѣйшія черты дворянскаго сословнаго управленія. Сначала случайно, дѣлаясь впослѣдствіи постоянными органами, появляются предводители дворянства, главная задача которыхъ быть ходатаями по дворянскимъ дѣламъ. Но уже почти сразу же послѣ ихъ появленія, на нихъ возлагаются и не сословныя функціи; они начинаютъ принимать участіе въ общей администраціи. Эти двѣ черты и являются основными въ исторіи дворянскаго сословнаго управленія.

II.

Итакъ, въ эту эпоху корпоративная связь дворянства уже окрѣпла, стала болѣе реальною; послѣдствіемъ была конечно все болѣе явно выражавшаяся потребность въ организаціи. Императрица сознавала это болѣе, чѣмъ кто-либо изъ окружавшихъ ее.

Иванъ Грозный первый изъ русскихъ царей, открыто принявшій демократическо-монархическую программу, положилъ тѣмъ самымъ основу дальнѣйшему развитію дворянства на Руси въ направленіи сословной обособленности.

Реформы Петра Перваго, сломившія окончательно значеніе породы, опирались также не на древніе знатные роды, а на выслужившихся изъ низшихъ классовъ новыхъ дворянъ. Вплоть до Манифеста 1762 года, правда, сословная связь, какъ таковая, не проявлялась, да и не могла проявиться. Дворянство, преклоняясь передъ чиномъ и живя въ столицѣ, не имѣло такихъ интересовъ, которые его бы единяли. Эпоха до 1762 г., съ другой стороны, пріучала дворянъ къ привилегированному положенію. Сословіе это отдавало весь свой трудъ, всю свою жизнь на служеніе престолу и отечеству, получало взамѣнъ этого все бо̀льшія преимущества. Имущественное положеніе дворянъ было обезпечено крѣпостнымъ правомъ. Живя въ сто-

лицѣ, всякій дворянинъ, тѣмъ не менѣе, былъ увѣренъ, что его помѣстье будетъ кормить его въ продолженіе всей жизни; дома работали холопы и крѣпостные, давая ему средства на безпечное житье и малозатруднительную государственную службу.

Начиная съ эпохи Ивана IV и въ продолженіе всей первой половины 18-го столѣтія, въ сознаніи служилаго дворянства все крѣпла идея привилегированности; но съ другой стороны, получая все бо̀льшія преимущества, дворянство стало тяготиться и той малой долей работы, которую приходилось нести въ канцеляріяхъ и полкахъ. Утвердивъ за собой привилегированное положеніе и права, оно стало стремиться къ освобожденію отъ какихъ-либо обязанностей.

Манифестъ 1762 года, изданный чисто случайно, осуществилъ и это мечтаніе дворянскаго сословія; оно было распущено по своимъ помѣстьямъ. Внѣшнимъ образомъ дворянство какъ бы отказалось отъ своей прежней жизни; многіе помѣщики отъѣхали въ свои деревни. Но не такъ легко было измѣнить внутренній строй всего сословія. Основная черта жизни и развитія дворянскаго сословія — стремленіе къ чину — не могла быть измѣнена случайнымъ Манифестомъ Петра III. Эта черта, имѣвшая своимъ началомъ политику Ивана Грознаго, и могущественно развитая затѣмъ реформами Петра Великаго, не только не стерлась или умалилась, а, наоборотъ, осталась въ той же силѣ въ послѣдующія царствованія и является стимуломъ въ исторіи дворянства въ продолженіе всего 19-го столѣтія и характернымъ стремленіемъ даже нашего времени.

Поселившись въ своихъ помѣстьяхъ, дворянство сразу же стало заявлять о своихъ притязаніяхъ къ государственной службѣ, о своемъ *правѣ* на нее. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ современники начала царствованія Екатерины, всѣ дворянскіе наказы, объ этомъ же громко заявляютъ и просятъ депутаты въ коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія, это же стремленіе составляетъ центральный пунктъ преній и

возраженій при обсужденіи проекта правамъ благородныхъ. Дворянское сословіе, въ цѣломъ своемъ составѣ, проситъ закрѣпить за нимъ исключительное право на государственную службу. Но какъ только правительство дѣйствительно привлекаетъ ихъ къ служенію государству, какъ только послѣднее дѣлаетъ изъ этого права дворянства *обязанность*, такъ сейчасъ же слѣдуетъ протестъ сословія. Обязательной службы, правительственной ли, или выборной, оно не хочетъ; оно «отлыниваетъ» отъ нея всѣми способами и чрезвычайно ею тяготится. Такова уже природа человѣческая; право насъ манитъ къ себѣ, въ особенности, если оно исключительное, преимущественное, обязанность же сразу отталкиваетъ.

Съ этими трудными факторами пришлось считаться Великой Императрицѣ.

Сюда надо присоединить и внѣшнія затрудненія, которыя переживала Россія. Однимъ изъ самыхъ трудныхъ годовъ царствованія Екатерины былъ 1774. Замѣшательства внѣшней политики, внутреннія смуты, кровавый призракъ Пугачева — все это не могло не затруднять проведенія внутреннихъ реформъ. А между тѣмъ послѣднія были необходимы. Мѣстная администрація нуждалась въ коренномъ преобразованіи, совершенно не отвѣчая потребностямъ новаго времени; дворянство начинало открыто выражать свое недовольство; ему необходима была теперь корпоративная организація. На югѣ смуты происходили на почвѣ постепеннаго порабощенія казачествомъ посполитства и притѣсненіемъ старшинствомъ казачества, т. е. тотъ же процессъ, но во сто разъ болѣе интенсивный, — привилегированія дворянскаго сословія; этотъ процессъ, между прочимъ, былъ причиной и корнемъ всей пугачевщины; крестьянство окончательно было прикрѣплено и порабощено; само собою, что противодѣйствіе этому теченію жизни скорѣе всего должно было выразиться именно на югѣ, гдѣ существовало нѣкогда вольное казачество [1]).

---

[1]) Ср. Милюковъ, „Очерки русской культуры", въ особ., часть III, „Міръ Божій", 1902, № 7.

Между тѣмъ, опорой всего царствованія было дворянство, и Екатерина это очень хорошо понимала. Она сразу же стала на сторону дворянства и не пропускала случая, чтобы объ этомъ не заявлять во всеуслышаніе. Стремленія дворянскаго сословія ей были хорошо извѣстны; она ясно сознавала необходимость дать ему корпоративную организацію. «Разсѣянное по уѣздамъ, говоритъ проф. Романовичъ-Славатинскій [1]), дворянство чувствовало, что не было никакой закономъ установленной между нимъ связи, соединяющей его членовъ въ одно мѣстное общество. Единство же положенія, единство интересовъ дѣлали такую связь необходимой». Но дворянство, какъ мы видѣли, шло еще дальше, оно не только требовало самоуправленія, оно желало получить преобладающее участіе въ общей администраціи, указывая на необходимость реформы и въ этой области. То же чувствовала и Императрица и воспользовалась этимъ стремленіемъ дворянскаго сословія; она привлекла его снова на службу, давъ ему участіе въ правительственной администраціи.

Реформа мѣстнаго управленія была дѣйствительно необходима. Правительство первой половины 18-го столѣтія обращало вниманіе лишь на центральное управленіе; провинція никого не интересовала; къ тому не было никакихъ побудительныхъ причинъ; дворяне жили въ столицахъ, въ помѣстьяхъ находились одни холопы, въ городахъ же мелкіе «торгаши». Теперь же провинція ожила, зашевелилась, въ столкновеніе пришли самые разнообразные интересы. Екатеринѣ пришлось дѣлать выборъ между центромъ и провинціей, между коллегіями и губерніей; она «рѣшила вопросъ въ пользу губерніи» [2]).

Въ 1774 году Императрица ѣдетъ въ Москву и здѣсь на глазахъ всего народа работаетъ, совѣтуется, сама лично пишетъ и въ концѣ концовъ издаетъ знаменитое Учрежденіе о губерніяхъ. Москву она избрала для большей торжественности,

---

1) „Дворянство въ Россіи“, стр. 418.

2) Ср. Градовскій, „Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи“. Сборникъ Государственныхъ Знаній, томъ VI, 1878 года, стр. 128.

хорошо понимая ту роль, которую играетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ внѣшняя обстановка. Здѣсь, въ древней столицѣ Руси, она работаетъ неустанно, почти въ теченіе цѣлаго года, лично пишетъ Учрежденіе, переписываетъ его, перечитываетъ и, наконецъ, выпускаетъ въ свѣтъ, давая имъ зрѣло обдуманную и смѣлую новую организацію всему мѣстному управленію.

Екатерина пользовалась при своей работѣ двоякими источниками, за образецъ же взяла учрежденія остзейскаго края. Первымъ источникомъ, давшимъ ей исторію Россійской Имперіи, были матеріалы, собранные и выработанные коммисіей для сочиненія проекта новаго Уложенія. Здѣсь она почерпнула практическій матеріалъ; сословія, черезъ посредство наказовъ и устами своихъ депутатовъ, раскрыли ей основныя нужды провинціи, указали на существеннѣйшіе пробѣлы и недостатки мѣстнаго управленія. Теоретическую же постановку вопроса она заимствовала у Блекстона. Идеалистическое направленіе французской философіи конца XVIII вѣка ее больше не удовлетворяло; взгляды ея стали въ значительной мѣрѣ реалистичными; жизнь неминуемо разрушала идеалы, указывая на ихъ недостижимость; не могла этого не пережить и Екатерина. Когда ей стали нужны реальныя основанія для реформъ, вызываемыхъ столь жгучими фактами, какъ неурядицы 1774 г., Императрица отказалась отъ своихъ прежнихъ любимцевъ, Монтескье, Руссо и др. и обратилась къ реалисту Блекстону, учившему ее обращаться съ фактами дѣйствительности. Ученія первыхъ сдѣлали свое дѣло, заложивъ въ сердцѣ Екатерины незыблемый фундаментъ гуманности; теперь же ей надо было дѣйствовать, а не только философствовать. Труды Блекстона показывали ей, какъ развивалось исторически, безъ скачковъ и переворотовъ, мѣстное управленіе Англіи и какіе дало результаты. Такимъ образомъ практическія указанія различныхъ сословій заполнялись богатымъ теоретическимъ и историческимъ матеріаломъ.

Ближайшимъ же образцомъ послужили, какъ мы уже упомянули, учрежденія прибалтійскихъ провинцій.

Главнымъ помощникомъ Екатерины и посредникомъ между Прибалтійскимъ краемъ и Имперіей въ это время выступилъ знаменитый графъ Яковъ Сиверсъ [1]. Его роль при дворѣ Императрицы отмѣчалась впрочемъ и раньше; такъ, Блумъ утверждаетъ [2]), что Сиверсъ участвовалъ и въ составленіи проектовъ коммисіи 1767 года и будто бы ему принадлежитъ и первая мысль о созывѣ этой коммисіи, но въ подтвержденіе этихъ положеній Блумомъ не приводится никакихъ доказательствъ. Если Сиверсъ и участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, то роль его была тогда очень незначительна. Теперь же, при выработкѣ проекта учрежденія о губерніяхъ, Яковъ Сиверсъ занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Онъ не только разъяснялъ Екатеринѣ теоретическія основанія учрежденій Прибалтійскаго края, но доказывалъ ихъ полезность на практикѣ. Впервые Остзейскій образецъ примѣненъ былъ имъ въ Новгородской губерніи въ области сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Немного позднѣе, будучи губернаторомъ названной губерніи, Сиверсъ въ видѣ опыта ввелъ у себя проектируемыя Екатериной учрежденія. Результаты были блестящи; Императрица могла смѣло надѣяться на полезность ея реформы. Если не всѣ надежды оправдались впослѣдствіи, то вина была не столько въ учрежденіяхъ, сколько въ людяхъ. Когда лучшіе представители Екатерининскаго царствованія сошли со сцены, когда Сиверсы, Чернышевы, Разумовскіе были замѣнены Потемкинымъ и его приверженцами — мѣстное управленіе стало вновь понемногу опускаться; провинціальная жизнь, затихая, послѣ внезапнаго расцвѣта 60-хъ годовъ, не обращала уже болѣе на себя вниманія столицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ падать и уровень администраціи; при такихъ условіяхъ Учрежденіе о губерніяхъ уже не могло дать всего того, что отъ него ожидалось.

---

[1]) Иловайскій. Сочиненія. Москва, 1884 г. „Графъ Яковъ Сиверсъ", стр. 540 и 549.

[2]) См. Blum. „Ein russischer Staatsmann" (J. J. Sievers). Leipzig, u. Heidelberg. 1857 г., I-й томъ.

Но вернемся къ изучаемому вопросу.

Личность и дѣятельность Сиверса достаточно выяснены исторіей [1]). Заслуга его въ данномъ случаѣ сводилась къ умѣлому совмѣщенію теоріи съ указаніями практики.

Теоріей послужили, какъ Императрицѣ, такъ и ея помощнику, начала англійскаго государственнаго строя [2]), практическія же познанія Сиверса, почерпнутыя имъ изъ Остзейскаго края, придали первымъ необычайную силу.

Положеніе, занимаемое мѣстнымъ управленіемъ остзейскихъ провинцій, было конечно не безъ недостатковъ; и тамъ, какъ въ центральной Россіи, господствовало самоуправство и притѣсненіе низшихъ сословій; но недостатки эти были ничтожны въ сравненіи съ тѣми злоупотребленіями администраціи, которыя характеризовали губернію общероссійскую, средины 18-го вѣка, гдѣ господствовалъ «воевода, полновластный хозяинъ цѣлой территоріи уѣзда, гдѣ въ одной воеводской канцеляріи совокуплены были дѣла всякаго рода и званія» [3]).

Изъ прибалтійскихъ учрежденій Екатерина взяла, во-первыхъ, устройство полиціи. Слѣдуя въ этомъ отношеніи желаніямъ наказовъ, въ особенности дворянскихъ, она учредила выборную отъ дворянства полицію; какъ капитанъ-исправникъ, такъ и засѣдатели избирались дворянскими уѣздными обществами, на подобіе лифляндскаго ордунгсгерихта. Извѣстно, что одною изъ главныхъ задачъ, которыя поставила себѣ Императрица при проведеніи реформы мѣстнаго управленія, было отдѣленіе суда отъ администраціи. Мысль эта однако не была проведена во всей своей полнотѣ, чему причиной была ея новизна; тѣмъ не менѣе результаты, достигнутые въ этомъ направленіи, были довольно значительны [4]).

---

[1]) См., напр., Соловьевъ, „Исторія Россіи“, томъ VI, стр. 109—112. В. назв. сочиненія Иловайскаго, Блума и др.

[2]) В. назв. трудъ Блума, томъ I.

[3]) Милюковъ, „Міръ Божій“, 1902, книга 7.

[4]) Ср. Гессенъ. „Губернаторъ, какъ органъ надзора“. „Сѣверный Вѣстникъ“. См. также мою статью. „Очеркъ историч. развитія губернаторской должности въ Россіи“. „Вѣстникъ Права“, ноябрь, 1901.

Въ губерніи Екатерина учредила цѣлую систему судовъ, при чемъ каждое сословіе получило свой судъ, «судъ пэровъ» или равныхъ. Эта идея Екатерины опять-таки была проведена не совсѣмъ послѣдовательно; преобладающее значеніе заняло дворянское сословіе; суды дворянскіе, уѣздный, верхній земскій, и гражданская и уголовная палаты составлялись исключительно изъ дворянъ, съ тою только разницею, что въ составъ первыхъ двухъ инстанцій входили выборные судьи, третья же— былъ судъ чисто коронный. Такимъ образомъ удовлетворялось одно изъ наиболѣе важныхъ стремленій дворянскаго сословія; мы уже знаемъ, что почти всѣ наказы требовали выборнаго дворянскаго суда для дворянскаго сословія. Этимъ закрѣплялась вмѣстѣ съ тѣмъ система сословнаго обособленія.

Обратимся теперь къ болѣе точному разсмотрѣнію Учрежденія о губерніяхъ, въ особенности тѣхъ его частей, которыя признавали за дворянскимъ сословіемъ новыя права и обязанности, обосновывая юридически то, что было фактически создано жизнью за періодъ 1762—1775 годовъ.

Издавая Учрежденіе о губерніяхъ, Екатерина II преслѣдовала три основныхъ идеи: во-первыхъ, ей хотѣлось провести раздѣленіе вѣдомствъ, во-вторыхъ, отдѣлить судъ отъ администраціи, а въ третьихъ, дать мѣстному управленію новые, болѣе соотвѣтствующіе вновь зародившимся потребностямъ уѣзда, органы [1]). Идеи эти не могли, конечно, быть проведены со всею необходимою послѣдовательностью; многое осталось додѣлывать слѣдующимъ поколѣніямъ, но нельзя отрицать того, что именно въ 1775 году былъ сдѣланъ значительный шагъ впе-

---

[1]) Сама Императрица въ своемъ предисловіи къ учрежденію (Полн. Собр. Зак. № 14392) такъ опредѣляетъ эти мысли: „Входя вновь во всѣ подробности внутренняго управленія Имперіи, нашли Мы, во-первыхъ: что по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя недостаточно снабжены, какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми: что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціею и сверхъ того еще уголовныя дѣла и Гражданскіе Суды отправляются, а таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ Правленія не меньше подвержены“.

редъ, и если три вышеназванныя идеи и не осуществились во всей ихъ чистотѣ, онѣ тѣмъ не менѣе укрѣпились въ нашемъ государственномъ строѣ и послужили надежнымъ фундаментомъ для его дальнѣйшаго развитія.

Раздѣленіе вѣдомствъ Екатеринѣ удалось провести лучше двухъ другихъ идей; это было, надо замѣтить, значительно легче; Императрица, во-первыхъ, создала новые органы для завѣдыванія финансовыми вопросами, казенныя палаты, уѣздныхъ казначеевъ; цѣлый отдѣлъ Учрежденія о губерніяхъ трактуетъ о «сборѣ съ народа и о доходахъ Императорскаго Величества» (глава XII); затѣмъ она позаботилась объ отдѣленіи военнаго вѣдомства отъ гражданскаго. Гораздо труднѣе ей было отдѣлить судъ отъ администраціи; здѣсь мы уже имѣемъ теоретическія разсужденія; практика представила слишкомъ много препятствій.

Правда, Императрица учредила цѣлую систему судовъ, причемъ всякое сословіе, какъ мы видѣли, должно было имѣть свой судъ; но и тутъ произошла нѣкоторая путаница. Кромѣ того, не выдѣленной оказалась полиція; для примѣра можно указать на нижній земскій судъ (§ 223), который являлся и судебнымъ органомъ и полицейскимъ одновременно. Не была проведена послѣдовательно и сословность; дворянство получило совершенно преобладающее участіе въ судахъ; оно выбирало судей не только въ тѣ суды, которымъ предоставлено было рѣшать дворянскія дѣла, но и въ расправы, имѣвшія дѣло исключительно съ крестьянскимъ сословіемъ.

Въ нашу задачу не входитъ выясненіе подробныхъ причинъ неудачи этихъ двухъ основныхъ мыслей Императрицы; намъ необходимо было отмѣтить лишь общій ходъ реформы, его основы и послѣдствія, поскольку таковыя касались дворянскаго сословнаго управленія.

Изъ вновь созданныхъ Екатериной мѣстныхъ органовъ возьмемъ сначала приказъ общественнаго призрѣнія, этотъ «пульсъ общественнаго сознанія», какъ его называла сама Императрица.

Дворянскій элементъ былъ представленъ въ приказѣ въ лицѣ засѣдателей Верхняго земскаго суда и Верхней расправы, если не считать, конечно, самого губернатора. При обсужденіи всѣхъ дѣлъ, которыя какимъ-либо образомъ могли касаться дворянскаго сословія, присутствовалъ предводитель дворянства; въ Учрежденіи говорится, что «буде случится надобность, для свѣдѣнія подробнаго или мѣстнаго, призвать для засѣданія въ приказъ общественнаго призрѣнія уѣзднаго, котораго дворянскаго предводителя» (§ 379); стало быть предводитель участвовалъ въ обсужденіи дѣлъ, касающихся дворянскаго сословія, на общемъ положеніи другихъ постоянныхъ членовъ приказа, но только по дѣламъ, относящимся до уѣзда «котораго». Введеніе въ присутствіе приказа предводителя на правахъ члена весьма понятно; приказъ этотъ имѣлъ дѣло большею частью именно съ дворянскими интересами; затронуты ли были интересы самихъ дворянъ-помѣщиковъ или ихъ крестьянъ-крѣпостныхъ, предводители все равно являлись ихъ естественными защитниками. Завѣдывая дѣломъ общественнаго призрѣнія и школьнымъ вопросомъ, приказъ, конечно, чаще всего долженъ былъ касаться интересовъ дворянскаго сословія; онъ являлся въ данномъ случаѣ какъ бы посредствующей инстанціей между чисто сословнымъ управленіемъ и общей администраціей губерніи; участіе же въ дѣлахъ приказа предводителя представляется характернымъ съ той точки зрѣнія, что въ эту эпоху уже твердо установился принципъ, что разъ въ дѣлѣ замѣшаны дворянскіе интересы, ихъ защитникомъ и ходатаемъ долженъ былъ выступать предводитель, разъ компетенція приказа затрагивала интересы дворянъ, въ немъ необходимо долженъ былъ присутствовать предводитель, участвуя въ разборѣ подобныхъ дѣлъ.

Сословное начало въ совѣстномъ судѣ, благодаря его составу, получило самое яркое примѣненіе; представители отъ дворянъ участвовали лишь въ дѣлахъ дворянскаго сословія; характеръ же послѣднихъ опредѣлялся мелкими мѣстными ссорами, носящими также больше всего сословную окраску.

Желанія дворянъ въ этомъ направленіи были вполнѣ удовлетворены; они получили право избирать судей какъ въ спеціальный судъ, какимъ являлся судъ совѣстный, такъ и въ общія судебныя мѣста, какими были Верхній и Нижній земскіе суды (§ 65), они избирали также уѣзднаго судью и засѣдателей уѣзднаго суда (§§ 66, 67, 164, 166 и 196), и, наконецъ, земскаго исправника или капитана, который былъ полицейскимъ органомъ уѣзда. Всѣ выборные органы избирались на три года, по балламъ, согласно порядку, установленному обрядомъ для выбора депутатовъ 14 декабря 1766 года (Примѣчаніе къ главѣ III).

Кромѣ того Учрежденіе о губерніяхъ косвенно затронуло и сословное управленіе. Подробно Императрица на немъ не останавливалась въ виду того, что въ это же время ею начата была работа по составленію спеціальныхъ законодательныхъ актовъ, жалованныхъ грамотъ сословіямъ, которыми должны были быть опредѣлены права и обязанности каждаго сословія и ихъ положеніе въ государствѣ.

Но сословное дворянское управленіе косвенно было задѣто и Учрежденіемъ о губерніяхъ, а именно: въ § 50 въ ряду всѣхъ выборныхъ органовъ, опредѣленныхъ «въ 7-й классъ заурядъ», стоитъ предводитель дворянства; далѣе, Учрежденіе не только опредѣляетъ классъ должности предводителя, но и подтверждаетъ его положеніе, какъ постояннаго органа, постановляя о выборѣ предводителей черезъ каждые три года (§ 64), удлиняя такимъ образомъ на одинъ годъ срокъ его службы.

Причина послѣдняго явленія очень проста—срокъ службы всѣхъ выборныхъ судей и засѣдателей былъ установленъ Екатериной трехлѣтній. Императрица въ этомъ отношеніи, по всей вѣроятности, слѣдовала указаніямъ Блекстона. Ко всѣмъ прочимъ должностямъ былъ приравненъ и предводитель. Избирательныя собранія дворянъ должны были происходить черезъ каждые три года, очевидно, что нельзя было дѣлать исключенія для выбора предводителей дворянства.

Еще болѣе интересенъ для насъ § 432, опредѣляющій

«какъ кому за кѣмъ слѣдовать» при торжественныхъ собраніяхъ. Въ немъ впервые упоминается о губернскомъ предводителѣ дворянства (статья XXI); уѣздные предводители шли по два въ рядъ съ «дворянскимъ предводителемъ губерніи» во главѣ.

Спеціальнаго указа объ учрежденіи должности губернскаго предводителя мы не нашли; появленіе его можно считать случайнымъ и состоявшимся по частному распоряженію. Можетъ быть дозволительно предположить, что въ предводители губерніи превратился предводитель уѣзда губернскаго города; какъ видимъ, фактически губернскій предводитель существовалъ уже въ 1775 году; официальное признаніе эта должность получила вышепоименованнымъ распредѣленіемъ правительствомъ старшинства органовъ мѣстной администраціи. Но затѣмъ уже, съ Учрежденія о губерніяхъ, должность эта существуетъ какъ постоянный сословный органъ, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе указы (напр., №№ 14816, 15280, Полн. Собр. Зак.) [1]).

Итакъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ еще одинъ примѣръ хода образованія у насъ дворянскаго сословнаго управленія; всякій фактъ въ этой области былъ вызванъ самой жизнью; существуя уже фактически, онъ получалъ затѣмъ отъ правительства свое признаніе; этимъ конечно подтверждается жизненность этого процесса.

Остается намъ остановить вниманіе читателя еще на одномъ новомъ органѣ, созданномъ Екатериной по настоянію дворянскихъ обществъ. Мы говоримъ про дворянскую опеку.

Уже въ дворянскихъ наказахъ мы довольно часто встрѣчаемъ мысль объ учрежденіи опеки. Одни наказы выражали эту мысль неопредѣленно, указывая лишь на ея желательность, другіе возлагали опекунскія обязанности то на пред-

---

[1]) Цитированное положеніе § 432 повторено было указомъ 4 января 1780 года; при немъ было издано дополненіе, въ которомъ подтверждался тотъ же порядокъ „какъ кому за кѣмъ слѣдовать“ и вновь упоминался губернскій предводитель дворянства (см. также „Исторію царствованія Государыни Императрицы Екатерины II“ Лефорта, 1837 г., часть III, стр. 101 и 281).

водителей, то на коммисаровъ, третьи наконецъ высказывались за учрежденіе самостоятельныхъ органовъ (ср., напр., наказы— Костромской, п. 5, Серпуховскій, п. 13, Опочкинскій, п. 6, Ржевскій, п. 1, Псковской, п. 2, Арзамазскій, п. 3, Орловскій, п. 3, и Путивльскій, п. 3). Очевидно у дворянскаго сословія была потребность въ подобномъ органѣ, но, въ виду общей неопредѣленности положенія, у мѣстныхъ обществъ не могла создаться точная идея о немъ. Не раздѣлялись въ данномъ случаѣ общіе интересы сословія, какъ таковаго отъ интересовъ отдѣльныхъ личностей; опекуномъ то являлся предводитель — ходатай по дворянскимъ дѣламъ вообще, то родственникъ или родичъ, задачей котораго было лишь охраненіе семейныхъ интересовъ [1]).

Идеи эти были осуществлены самимъ правительствомъ; послѣднее съ самаго начала разграничило два понятія, смѣшиваемыхъ дворянскими обществами; предводители стали сословными органами, опека же была выдѣлена въ самостоятельное учрежденіе.

Дворянскія опеки были введены въ нашъ государственный строй Учрежденіемъ о губерніяхъ, которое посвящаетъ имъ главу XVI и §§ 20, 21 и 421. При каждомъ Верхнемъ земскомъ судѣ и каждомъ уѣздномъ судѣ, слѣдовательно въ каждомъ уѣздѣ, должны были состоять дворянскія опеки «для дворянскихъ вдовъ и малолѣтнихъ». Предсѣдательствовалъ въ нихъ дворянскій предводитель, членами же являлись уѣздный судья и два засѣдателя уѣзднаго суда. Построеніе довольно простое: въ составъ уѣзднаго суда вводится на правахъ предсѣдателя предводитель дворянства; послѣдній, какъ органъ завѣдующій интересами всего уѣзднаго дворянскаго общества, конечно былъ самымъ подходящимъ лицомъ для предсѣдательствованія въ опекѣ; онъ долженъ былъ «увѣдомлять дворянскую опеку о вдовахъ и осиротѣвшихъ дворянскихъ малолѣтнихъ дѣтяхъ,

[1]) Подобное смѣшеніе понятій очень характерно выразилось, напр., въ мнѣніи депутата Пусторжевскаго уѣзда Елагина, см. Т. VIII, Сб. Р. И. О., стр. 416 и слѣд.

кои въ томъ уѣздѣ остались послѣ мужей или родителей и безъ призрѣнія находятся, прилагая о томъ свидѣтельство» (§ 212). Увѣдомленіе предводителя было однимъ изъ способовъ возникновенія дѣла въ опекѣ. Предводитель, ведя согласно обряду 1766 года списки дворянамъ своего уѣзда, имѣлъ всегда возможность слѣдить за тѣми случаями, когда вдовы и сироты оставались безъ призрѣнія. Функціи предводителя, какъ предсѣдателя опеки, Учрежденіемъ не были опредѣлены; можно предполагать, что кромѣ права возбужденія дѣлъ у предводителя были лишь такія права и обязанности, которыя вообще связаны съ предсѣдательствованіемъ въ коллегіальномъ учрежденіи; потому Императрица, составляя Учрежденіе, и не находила нужнымъ точнѣе опредѣлять ту роль, которую предводитель долженъ былъ играть въ этомъ новомъ институтѣ. Фактически значеніе предводителя было огромное; у него одного находились точныя свѣдѣнія и данныя, касающіяся дворянскаго сословія; онъ одинъ могъ судить съ достаточною достовѣрностью, имѣется ли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поводъ къ установленію опеки.

Учрежденіе въ § 215 довольно точно опредѣляетъ компетенцію дворянской опеки; послѣдней приходилось имѣть подъ своимъ надзоромъ все имущество опекаемыхъ, слѣдить за исправнымъ веденіемъ хозяйства, назначать и смѣщать опекуновъ, требовать съ нихъ денежные и другіе отчеты и т. д. Но кромѣ имущественнаго надзора, опекѣ необходимо было слѣдить и за обученіемъ малолѣтнихъ и если «малолѣтній остался безъ всякаго имѣнія—то помѣстить его въ общественныхъ училищахъ или записать въ какую ни есть службу Императорскаго Величества» (§ 217). Эта послѣдняя фраза очень характерна для того времени; она намъ ясно показываетъ, что общественное мнѣніе считало невозможнымъ дворянину остаться безъ государственной службы, разъ у него не было помѣстья. Служба была необходима, она составляла основу дворянской жизни; правительство еще допускало возможность для дворянъ заниматься своимъ помѣстьемъ, хотя и

въ видѣ исключенія, но остаться дворянину безъ помѣстья и безъ государственной службы значило потерять въ глазахъ общества дворянское достоинство; подобные взгляды общества не могли не отразиться на Императрицѣ, при сочиненіи ею Учрежденія 1775 года; послѣдствіемъ же было возложеніе на дворянскую опеку особой заботы объ опредѣленіи безпомѣстныхъ сиротъ на службу Ея Величества.

Опека подчинялась Верхнему земскому суду, который являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и второй инстанціей въ рѣшеніи ея дѣлъ; дворянскіе интересы въ земскомъ судѣ защищались выборными отъ дворянъ засѣдателями; тамъ, слѣдовательно, участіе предводителя считалось уже излишнимъ. По своему положенію среди другихъ учрежденій уѣзда опека приравнивалась къ уѣздному суду (§ 421) и подчинялась кромѣ Верхняго Земскаго суда еще и губернскому правленію и палатамъ.

Такимъ образомъ Учрежденіемъ о губерніяхъ созданъ былъ второй сословный органъ.

Рядомъ съ предводителемъ, но въ нѣкоторомъ подчиненіи къ нему, стала дворянская опека.

III.

Предшествовавшее изслѣдованіе показало намъ, что Учрежденіе о губерніяхъ мало чѣмъ затронуло интересующій насъ вопросъ. Дворянское сословное управленіе имъ было сознательно оставлено въ сторонѣ; вопросъ этотъ долженъ былъ быть рѣшенъ впослѣдствіи; Учрежденіе, какъ извѣстно, являлось лишь частью большого цѣлаго, какъ выражалась сама Екатерина, обломкомъ будущихъ реформъ, дабы «приготовить тѣмъ самымъ и облегчить лучшее и точнѣйшее исполненіе полезнѣйшихъ впредь издаваемыхъ узаконеній»; но, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Милюковъ [1]), всему зданію законодательства Екатерины, по самымъ разнообразнымъ причинамъ, было суждено такъ и остаться обломками.

Дворянскія собранія признаются Учрежденіемъ лишь фактически, и только въ видѣ *избирательныхъ собраній;* дру-

гихъ функцій имъ не было дано никакихъ; дворяне должны были съѣзжаться въ городъ для выбора представителей, какъ въ обще-административныя мѣста, такъ и своихъ сословныхъ органовъ; правда, они фактически могли тѣмъ самымъ воздѣйствовать на уѣздное управленіе и получать удовлетвореніе своимъ интересамъ, но правительствомъ за дворянскими собраніями такого права не было признано; Екатерина дала дворянамъ сословныхъ представителей, предводителей дворянства, засѣдателей въ судебныя и полицейскія коллегіальныя учрежденія, выборныхъ опекуновъ и т. д., но совершенно не опредѣлила функцій этихъ органовъ въ области сословнаго управленія; ярче всего это выступаетъ при разсмотрѣніи предводительской компетенціи; учрежденіе ни однимъ словомъ не обмолвилось о кругѣ дѣйствія предводителей. Объясненіе такому странному факту можно найти только въ общихъ планахъ Императрицы. Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ Екатерина предполагала дать въ ближайшемъ будущемъ; у ней были надежды реформировать все законодательство, поставить его на новыхъ началахъ, опредѣлить не только основныя права всѣхъ сословій, но дать строго систематизированные кодексы по всѣмъ отраслямъ государственной жизни; издать уголовное и гражданское уложеніе, обработать процессуальное право, дать инструкціи казначействамъ и директорамъ экономіи, выработать городовое положеніе и наконецъ написать знаменитый «законъ человѣчности».

Но жизнь разрушила мечтанія Великой Императрицы. Изъ всѣхъ реформъ, предполагаемыхъ Екатериной, она успѣла провести въ жизнь лишь реформу дворянскаго и городского управленія, да и то лишь десять лѣтъ спустя.

Но изъ всего этого конечно не слѣдуетъ, что Учрежденіе о губерніяхъ не имѣло никакихъ послѣдствій въ интересующей насъ области. Наоборотъ, оно сильно отразилось на дальнѣйшей жизни сословія и несомнѣнно положило начало его корпора-

[1]) Очерки по исторіи русской культуры, «Міръ Божій», 1902. Кн. 7, стр. 253.

тивной организаціи. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, дворянство поселилось въ деревнѣ, стремленія его вполнѣ опредѣлились, корпоративные интересы все крѣпли. Учрежденіе осуществило во многомъ желанія дворянскаго сословія. Если мы сравнимъ пожеланія дворянскихъ обществъ, вылившіяся въ наказахъ и высказанныя ихъ представителями въ различныхъ коммисіяхъ начала царствованія, съ тѣмъ, что учрежденіе дало дворянству, организуя мѣстное управленіе,— мы увидимъ, насколько правительство пошло навстрѣчу стремленіямъ дворянства.

Учрежденіе о губерніяхъ, создавая выборную службу, съ самаго начала сравняло ее со службой государственной. Эта главнѣйшая, если не единственная причина тому, что впослѣдствіи дарованное дворянству самоуправленіе никогда не могло найти себѣ осуществленія въ жизни; выборная служба была вначалѣ чисто правительственной, что роковымъ образомъ отразилось на ея дальнѣйшемъ развитіи; послѣдующія реформы, вплоть до половины XIX столѣтія, не могли уже создать самостоятельнаго сословнаго самоуправленія.

Служба по выборамъ, созданная учрежденіемъ 1775 года, окончательно закрѣпила дворянъ въ уѣздѣ. Мѣстные интересы стали болѣе жизненными и существенными для дворянъ, нѣкогда служившихъ и теперь отъѣхавшихъ изъ столицъ; это было, какъ увидимъ далѣе, явленіемъ временнымъ, но существенно важнымъ для разсматриваемаго періода.

Культурное значеніе этого явленія вполнѣ точно опредѣлено г. Милюковымъ [1]); авторъ справедливо указываетъ, что здѣсь произошло пріобщеніе провинціи къ прежде исключительно столичной культурѣ, и не въ видѣ какихъ-либо новыхъ умственныхъ или нравственныхъ факторовъ, а «лишь въ присоединеніи къ новымъ формамъ общественности, которыя выработались въ XVIII вѣкѣ вблизи двора и среди привилегированнаго населенія столицы».

---

[1]) Тамъ же, стр. 252.

Объ этомъ закрѣпленіи дворянъ въ уѣздѣ свидѣтельствуютъ многіе изъ современниковъ; мы находимъ у Милюкова перечень такихъ именъ, какъ Сиверсъ, Державинъ, Болотовъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія; всѣ они говорятъ «о великой перемѣнѣ», происшедшей въ провинціальной жизни. А причиной тому было именно то обстоятельство, что у дворянства опредѣлились мѣстные интересы, что оно сознало свое корпоративное единство и что, наконецъ, правительство пошло навстрѣчу жизни, призвало дворянъ къ участію въ общей администраціи и понемногу начало создавать сословное самоуправленіе. Этимъ опредѣляется значеніе разобраннаго нами выше Учрежденія о губерніяхъ; если съ перваго взгляда оно и мало касается сословнаго управленія, то при ближайшемъ разсмотрѣніи мы замѣчаемъ огромное вліяніе его на жизнь и развитіе дворянскаго сословія.

Если мы припомнимъ, что основнымъ стремленіемъ дворянъ было желаніе обособиться отъ другихъ сословій, получить привилегированное въ государствѣ положеніе, то, взглянувъ на созданное Учрежденіемъ о губерніяхъ, намъ ясно станетъ, насколько Императрица шла навстрѣчу ихъ желаніямъ и въ частности удовлетворила ихъ стремленіе къ обособленности.

Дворяне, даже послѣ Манифеста 1762 года, не переставали смотрѣть на государственную службу, какъ на нѣчто почетное и кромѣ того, какъ на ихъ исключительное право; правительство, создавая выборную службу, сразу же сравняло ее со службой государственной, придавъ новой службѣ, слѣдовательно, тотъ мнимый почетный характеръ, который столь прельщалъ дворянство.

Сословная обособленность все усиливалась въ Россіи; она красною нитью проходитъ и черезъ Учрежденіе о губерніяхъ.

Но въ виду того, что основныя права отдѣльныхъ сословій еще не опредѣлены, не выработаны, она существуетъ пока еще только фактически, все больше укрѣпляясь въ нашемъ государственномъ строѣ.

Основныя права и слѣдовательно государственное положеніе дворянскаго сословія были опредѣлены лишь десять лѣтъ спустя, изданіемъ въ 1785 году жалованной грамоты дворянству. Этотъ актъ окончательно опредѣлилъ положеніе дворянства, составляя тѣмъ самымъ фундаментъ дальнѣйшей его жизни и развитію.

Начиная съ конца 1775 года, въ Имперіи стали постепенно вводиться новыя учрежденія. У насъ сохранились многочисленныя свидѣтельства торжественныхъ открытій новыхъ намѣстничествъ [1]).

Одинъ изъ современниковъ повѣствуетъ намъ слѣдующее [2]):

«Въ концѣ сего года (1775) Монархиня, издавъ Высочайшее о управленіи губерній Учрежденіе, указать соизволила учинить на основаніи онаго начальное открытіе Тверского намѣстничества. Должность намѣстника Тверского поручила генералу поручику Сиверсу; а установленіе Смоленскаго намѣстничества выполнилъ на мѣстѣ генералъ-губернаторъ Глѣбовъ; и хотя какъ самые штаты сихъ намѣстничествъ, такъ и выборы изъ дворянства въ судейскія и другія должности не далѣе трехъ лѣтъ предположены были; но поелику отъ устроенія сихъ правительствъ усмотрѣна общественная польза какъ въ производствѣ дѣлъ, такъ въ доставленіи скораго и возможнаго правосудія; и потому не токмо возобновлены трехлѣтніе въ сихъ двухъ намѣстничествахъ выборы, но и другія губерніи, одна за другою, устроены по новому образу Высочайшаго учрежденія».

Открытіе намѣстничествъ даетъ намъ новый примѣръ передовой дѣятельности графа Сиверса, перваго Тверского генералъ-губернатора. Учрежденіе о губерніяхъ не ввело ни-

---

[1]) Напр., Иловайскій, въ назв. с., стр. 553—574, „Петербургскія Вѣдомости“ за 1776 г., а также Blum, въ назв. с., томъ II, стр. 119—125, 185, 230—235. Хорошее описаніе открытія намѣстничествъ даетъ Чечулинъ, „Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка“. Спб., 1889, стр. 72; см. также приводимую Чечулинымъ литературу, стр. 72 и 73.

[2]) „Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійской“. П. Колотова. Часть II, стр. 240.

какихъ постановленій о выборномъ цензѣ. Сиверсъ, справедливо видя въ этомъ существенный пробѣлъ этого закона, по личной иниціативѣ ввелъ у себя имущественный цензъ. Имъ были исключены изъ участія въ баллотировкѣ дворяне, имѣвшіе за собой менѣе 20 душъ [1]). Примѣромъ въ данномъ случаѣ послужили губерніи Бѣлорусскія, въ которыхъ существовало подобное цензовое условіе.

Хорошее описаніе самихъ выборовъ мы имѣемъ въ запискахъ Болотова.

«Въ первый день, пишетъ авторъ [2]), дворянство собралось въ особой Палатѣ. Собраніе было открыто рѣчью губернатора, послѣ чего было предложено всему дворянству, чтобы оно приступило къ общему выбору губернскаго предводителя, посредствомъ баллотированія, при чемъ было 3 или 4 кандидата на это званіе. Подсчетъ производилъ губернскій прокуроръ. Во второй день безъ намѣстника, а подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя и въ присутствіи прокурора, были выборы уѣздныхъ предводителей, чрезъ что каждое уѣздное дворянское сословіе получило своего собственнаго начальника, а чрезъ нихъ предложено было потомъ отъ каждаго своимъ дворянамъ, чтобы они избирали изъ среды своей по два человѣка въ кандидаты, для избранія двѣнадцати человѣкъ, для опредѣленія въ совѣстный судъ, въ Верхній земскій судъ и въ приказъ общественнаго призрѣнія въ засѣдатели. А изъ сихъ, наконецъ, всѣмъ общимъ собраніемъ выбаллотировали потребное число людей въ помянутыя должности».

Въ третій день надлежало: «всѣмъ дворянамъ избирать также баллотированіемъ въ каждый городъ своихъ уѣздныхъ судей и засѣдателей»; эти выборы производились поуѣздно, послѣ чего дворяне были угощаемы намѣстникомъ «поуѣздно столомъ».

Другое описаніе мы имѣемъ въ разсказѣ П. Колотова о

---

[1]) Иловайскій, въ назв. соч., стр. 556.

[2]) Записки А. Т. Болотова. Приложеніе къ „Русской Старинѣ“ 1871 г., томъ III, письмо 192-е, стр. 718 и слѣд.

выборахъ Петербургской губерніи[1]). Всѣ они свидѣтельствуютъ намъ объ извѣстномъ подъемѣ духа у провинціальнаго дворянства. Не только Екатерина, но и дворянское сословіе возлагало большія надежды на новыя учрежденія; старая система управленія была слишкомъ уже несовременна; недостатки ея слишкомъ явно выступали наружу и тяжело отзывались на провинціальной жизни.

Но не надо забывать, что однимъ изъ факторовъ успѣшности первыхъ шаговъ новой администраціи были тѣ свѣтлыя личности, которыя окружали Великую Императрицу. Какъ мы уже указывали выше, съ теченіемъ времени ряды ихъ порѣдѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало падать и значеніе новыхъ органовъ, введенныхъ Учрежденіемъ 1775 года.

Приведемъ здѣсь слова одного современника, картинно охарактеризовавшаго дальнѣйшую судьбу этого знаменитаго акта:

«Но сіе Учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже весьма ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учредительницы онаго. Непомѣрная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденіе участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что и самое Учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ тягость; да и люди едва-ль уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны; которая, по естественной кончинѣ сей Государыни, и воспослѣдовала»[2]).

IV.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію жалованной грамоты дворянству, намъ необходимо остановиться на разсмотрѣніи тѣхъ законодательныхъ актовъ, которые изданы были въ слѣдующее за обнародованіемъ Учрежденія о губерніяхъ десяти-

---

[1]) „Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійской“. Часть II, стр. 291.

[2]) Записка графа А. Р. Воронцова, „О Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка“ (19-го), представленная Императору Александру Павловичу въ 1801 году и напечатанная въ Архивѣ князя Воронцова, книга 29, стр. 460.

лѣтіе (т. е. 1775—1785 годовъ). Законодательство этого періода можетъ дать намъ нѣкоторый матеріалъ къ опредѣленію того направленія, въ которомъ, силою вещей, развивалось дворянское сословное управленіе, приводя правительство къ санкціонированію въ 1785 году жизненныхъ потребностей названнаго сословія.

Мы перечислимъ здѣсь и коснемся лишь тѣхъ указовъ, которые прямо или косвенно относятся къ интересующему насъ вопросу, при чемъ будемъ придерживаться хронологическаго порядка.

Первымъ является указъ 1776 года «о сборѣ рекрутъ съ 500 душъ по одному человѣку» [1]), въ которомъ снова упоминается объ участіи въ дѣлѣ рекрутскаго набора предводителя дворянства. Какъ мы видѣли выше, обязанности эти были возложены на предводителей еще ранѣе изданія Учрежденія о губерніяхъ, что объясняется важностью для дворянъ этого вопроса; въ виду этого, правительство находило нужнымъ такъ часто подтверждать предводителямъ «собираться въ губернскій городъ за мѣсяцъ до начала рекрутскаго набора, дабы при ономъ ни въ чемъ остановки быть не могло и равномѣрно во время набора для нужныхъ выправокъ быть дворянскимъ предводителямъ неотлучными». Но указъ 19-го сентября 1776 г. былъ послѣднимъ, упоминавшимъ объ этой функціи предводителей; при послѣдующихъ рекрутскихъ наборахъ правительство уже не считало нужнымъ упоминать о ней; участіе предводителей подразумѣвалось само собой. Эта функція предводителей существуетъ, какъ извѣстно, и по настоящее время, хотя мотивы ея существованія совершенно измѣнились.

Разсматривая дальнѣйшее законодательство, намъ надо отмѣтить одно странное положеніе. Въ 1777 году, 17-го мая, вышелъ указъ Военной Коллегіи, «о доставленіи въ оную полевыми и гарнизонными командирами подробныхъ свѣдѣній о дворянствѣ, опредѣляемыхъ въ военную службу дворянъ» [2]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14509.

Казалось бы здѣсь должна была проявиться дѣятельность предводителей; между тѣмъ указъ этотъ ни однимъ словомъ о нихъ не обмолвился; онъ говоритъ лишь о губернской и воеводской канцеляріяхъ и герольдіи. Въ данномъ случаѣ можно предполагать, что предводители сообщали каждый годъ списки дворянъ уѣзда въ губернскую канцелярію, хотя объ этомъ спеціальнаго распоряженія правительства издано не было; фактически существующій порядокъ вещей, можетъ быть, считался правительствомъ достаточнымъ, разъ въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ имѣлись свѣдѣнія. Герольдія же, какъ центральное учрежденіе, располагала, по закону, всѣми необходимыми свѣдѣніями касательно дворянскихъ родовъ, такъ какъ ей предводители были обязаны сообщать списки дворянъ своихъ уѣздовъ.

Намъ слѣдуетъ указать здѣсь же о другомъ умалчиваніи правительства о предводительской дѣятельности; въ промежутокъ времени 1775—1785 г. были образованы многія новыя губерніи и намѣстничества; ни въ одномъ такомъ указѣ не упоминается про мѣстные сословные органы, въ томъ числѣ, конечно, и про предводителей; объясняется это между тѣмъ очень просто; всѣ или почти всѣ новыя губерніи были образованы изъ старыхъ, выдѣленіемъ нѣкоторыхъ уѣздовъ; губерніи начала царствованія Екатерины были слишкомъ обширны; въ одной Московской губерніи, напр., насчитывалось до 49 уѣздовъ.

При организаціи мѣстнаго управленія такая величина губерній оказалась обременительной; Екатерина и начала дѣлить старыя губерніи и образовывать изъ нихъ новыя; уѣздныя учрежденія при этомъ оставались незатронутыми; если и образовывались иногда новые уѣзды, какъ, напр., въ Новгородской губерніи, то въ нихъ вводились учрежденія совершенно аналогичныя съ существовавшими въ прочихъ уѣздахъ, и правительство не находило даже нужнымъ ихъ особо перечислять;

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14612.

оно постановляло — организовать такой-то новый уѣздъ на общихъ основаніяхъ, а такъ какъ въ общую систему мѣстнаго управленія предводители въ 1776 году были уже окончательно включены, то о нихъ и не упоминалось особо.

25-го ноября 1778 года былъ изданъ очень важный указъ, въ видѣ «Высочайшихъ резолюцій на докладные пункты генералъ-губернаторовъ: о порядкѣ выборовъ въ губерніяхъ должностныхъ людей изъ дворянъ и купечества» [1]).

Этотъ законодательный актъ важенъ для насъ во многихъ отношеніяхъ, что даетъ намъ право подробно остановиться на его разборѣ.

Онъ устанавливаетъ впервые компетенцію генералъ-губернаторовъ, предводителей губернскихъ и уѣздныхъ и разграничиваетъ дѣятельность этихъ органовъ въ области дворянскаго сословнаго управленія. Генералъ-губернаторы, пользуясь своимъ выдающимся въ мѣстной администраціи положеніемъ, желали имѣть преобладающее значеніе и въ сословномъ управленіи и получить не только возможность воздѣйствія на выборы, но прямо-таки быть неограниченными хозяевами въ этой области.

Императрица не желала допускать этого. Она сразу же, при появленіи первыхъ признаковъ такого направленія дѣятельности намѣстниковъ, стала на точку зрѣнія защиты самостоятельности сословнаго управленія, долженствовавшаго по ея мысли скоро обратиться въ самоуправленіе. Екатерина старалась оградить дворянскіе выборы и представительные органы отъ подчиненія намѣстникамъ. Эта мысль, высказанная ею впервые въ указѣ 25-го ноября, проводилась вполнѣ послѣдовательно во все продолженіе ея царствованія. Согласно указу 1778 года, генералъ-губернаторы должны были назначать и опубликовывать сроки созыва дворянскаго собранія (ст. 1), затѣмъ *письменно* предлагать собраніямъ свои повелѣнія (ст. 6)

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 14816. Намъ не удалось найти подлинника этихъ резолюцій, копіи же, писанныя рукою писца и съ замѣчаніями Теплова и Безбородко, хранятся въ Государственномъ Архивѣ; XVI разрядъ, дѣло № 245.

и вслѣдъ за представленіемъ имъ дворянъ губернскимъ предводителемъ покидать собранія (ст. 7), какъ выражается указъ «не быть при собраніи и выборѣ, но оставить имъ (дворянамъ) въ выборахъ полную волю». Какъ видно изъ вопросныхъ пунктовъ генералъ-губернаторовъ, послѣдніе домогались не только присутствовать на собраніяхъ дворянъ, но также предсѣдательствовать при выборахъ губернскаго предводителя и приводить всѣхъ выборныхъ должностныхъ лицъ къ присягѣ; подобныя права давали бы имъ, конечно, возможность быть полными хозяевами въ дѣлахъ сословнаго управленія и свели бы выборную службу со всѣми ея преимуществами къ нулю.

Надо сказать, что причиной этому явленію была неопредѣленность самого закона. Учрежденіе о губерніяхъ не регулировало отношеній правительственной власти къ выборнымъ органамъ. Дворянство, какъ мы знаемъ, поняло свои новыя права, какъ новый родъ службы. Объ этомъ, напр., свидѣтельствуетъ намъ князь Щербатовъ, говоря, что «учрежденіе собраній дворянскихъ» не есть «истинное право», а «орудія, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы установленныя, а которыя сносятъ для *угнетенія* самихъ же ихъ» (дворянъ). Возрастаніе власти намѣстниковъ была вторая причина такого угнетенія выборныхъ органовъ; по мнѣнію того же автора самъ законъ «уподлялъ чинъ губернскаго предводителя»; «охуляю я, пишетъ Щербатовъ, подчиненіе губернскихъ предводителей подъ власть намѣстниковъ, яко разрушающее преграду власти намѣстниковъ надъ дворянами» [1]).

Благодаря этому, намѣстники могли сдѣлаться, а впослѣдствіи, какъ увидимъ, и сдѣлались полными хозяевами въ области сословнаго управленія. Они, по замѣчанію того же автора, «бывъ деспоты въ губерніяхъ, всегда могутъ имѣть нѣкоторую партію для избранія, кого пожелаютъ... а потому всѣ судьи и будутъ по ихъ волѣ выбираться». О томъ же

[1]) „Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ". Стр. 256 II тома сочиненій князя М. М. Щербатова, Спб. 1898 г.

свидѣтельствуютъ намъ и многіе другіе современники. Возростаніе безмѣрное власти генералъ-губернаторовъ было несомнѣннымъ фактомъ, способствовало же этому, повторяемъ, отношеніе къ службѣ самаго дворянства [1]. Рамки нашего изслѣдованія, къ несчастію, не позволяютъ намъ дольше останавливаться на этомъ интересномъ явленіи. Намъ необходимо было его отмѣтить, чтобы указать на ту борьбу, которую въ этомъ направленіи выдерживало правительство.

Дѣло въ томъ, что во время изданія разсматриваемыхъ выше резолюцій Императрица держалась какъ разъ противуположнаго взгляда; она всѣми силами старалась оградить самостоятельность сословнаго управленія отъ посягательствъ намѣстнической власти. Ей хотѣлось ограничить дѣятельность генералъ-губернаторовъ лишь почетною ролью государевыхъ представителей безъ активной власти; эта мысль и проводится какъ въ резолюціяхъ, такъ и во многихъ другихъ актахъ этого періода. Но, несмотря на всѣ старанія правительства и самой Императрицы, имъ не удалось отстоять независимость сословнаго управленія; независимость эта была невозможна при противодѣйствіи дворянства.

Возвратимся къ резолюціямъ 1778 года.

Порядокъ выборовъ въ общемъ оставался тотъ же, какъ и по обряду 1766 года; здѣсь были внесены лишь нѣкоторыя дополненія, какъ-то: точно установленъ срокъ созыва собраній, отъ 10-го декабря и до 10-го января, указано на порядокъ предсѣдательствованія, пріема предводителей и депутатовъ намѣстникомъ и нѣкоторыя другія подробности.

Роль губернскаго предводителя опредѣлялась резолюціями впервые; онъ долженъ былъ предсѣдательствовать въ губернскомъ собраніи (ст. 9), приводить дворянъ къ присягѣ (ст. 8) и вообще занимать между дворянами и предводителями «первое въ губерніи мѣсто». Затѣмъ, послѣ окончанія выборовъ, при чемъ порядокъ баллотированія оставался прежній, на что

[1]) Ср. „Очерки по исторіи русской культуры“ проф. Милюкова, стр. 250, „Міръ Божій“, іюль 1902 года.

резолюціи 1778 года прямо указываютъ въ ст. 11 и 14, губернскій предводитель приводилъ избранныхъ дворянами лицъ къ присягѣ, въ присутствіи генералъ-губернатора; въ уѣздныхъ городахъ вводилъ «новыхъ судей въ ихъ мѣста» уѣздный предводитель (ст. 18); такой порядокъ былъ тоже установленъ впервые и имѣлъ своею цѣлью упростить это производство, которое прежде было обставлено довольно затруднительными формальностями.

Резолюціи 1778 года разрѣшаютъ также нѣкоторые спорные вопросы, возникшіе изъ десятилѣтней практики дворянскихъ выборовъ. Такъ, генералъ-губернаторы спрашивали, можетъ ли дворянинъ отказаться отъ вторичныхъ выборовъ, разъ онъ уже отслужилъ первый срокъ, на что Императрица отвѣтила утвердительно, поставивъ лишь условіемъ существованіе на такой отказъ достаточныхъ причинъ. Екатерина не подозрѣвала въ это время, что такое право дворянъ отказываться отъ занятія выборной должности впослѣдствіи послужитъ къ столь многимъ злоупотребленіямъ; когда дворяне начали тяготиться выборной службой, а такое направленіе стало уже сильно замѣтнымъ къ концу ея царствованія, они не преминули ухватиться за данное имъ актомъ 1778 года право; центральное же правительство не имѣло конечно возможности провѣрить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, насколько основательны поводы къ отказу избраннаго.

Въ той же статьѣ 19, въ которой говорится объ этомъ злополучномъ правѣ «требовать увольненія», устанавливается не менѣе важный принципъ избирательнаго права, а именно— дворянинъ, уже служившій по выборамъ, не могъ быть избираемъ на мѣсто низшее тому, которое занималъ прежде. При томъ большомъ количествѣ выборныхъ должностей, установленныхъ Учрежденіемъ о губерніяхъ, подобный случай могъ представиться очень часто; съ другой же стороны, при разнообразіи служебнаго и іерархическаго положенія различныхъ выборныхъ органовъ, было, конечно, нежелательно, чтобы дворянинъ служилъ впослѣдствіи подъ начальствомъ

своихъ прежнихъ подчиненныхъ, а подобный случай былъ тѣмъ болѣе возможенъ, что отказъ отъ должности являлся, какъ мы только что видѣли, затруднительнымъ.

Но мѣра эта имѣла и тѣневую сторону. Она несомнѣнно содѣйствовала установленію въ выборной службѣ строгой іерархіи и тѣмъ самымъ приравнивала ее къ службѣ государственной; такое явленіе было конечно нежелательно. Какъ мы увидимъ ниже, выборная служба въ послѣдующія царствованія все больше теряла свою самостоятельность; да и дворяне стали смотрѣть на нее съ точки зрѣнія той же служебной карьеры; все это вмѣстѣ взятое послужило причиной постепеннаго паденія выборной службы; пользу въ Россійской Имперіи она принесла очень незначительную и къ срединѣ XIX вѣка сошла на нѣтъ, не достигнувъ почти никакихъ результатовъ; надо было сильный толчокъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, чтобы вновь поднять ея значеніе.

Въ разбираемомъ законодательномъ актѣ разрѣшается и другой спорный вопросъ избирательнаго права, о совпаденіи на одномъ лицѣ избранія на различныя должности; на кого должно было пасть право выбора между тѣми мѣстами, на которыя данное лицо окажется избраннымъ? Императрица разрѣшила вопросъ въ пользу самого избраннаго (ст. 20), что имѣетъ свои логическія основанія; отчего не предоставить лицу, выбрать между тѣми должностями, на которыя онъ избранъ? Далѣе устанавливается порядокъ старшинства, который долженъ былъ опредѣляться всегда по числу избирательныхъ шаровъ, а не по служебной степени (ст. 21); вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшается избраніе лица отсутствующаго, лишь бы онъ имѣлъ въ данномъ намѣстничествѣ постоянное жительство (ст. 22).

Актъ 1778 года останавливается на утвержденіи выборовъ; послѣднее, какъ извѣстно, зависѣло отъ государева намѣстника; вопросъ былъ въ томъ, когда оно должно было состояться? Утверждая каждаго отдѣльнаго избраннаго, намѣстникъ могъ тѣмъ самымъ получить возможность воздѣйствія на

дальнѣйшій ходъ выборовъ, чего Императрица старательно избѣгала. Она постановила, чтобы утвержденіе происходило по окончаніи всѣхъ выборовъ (ст. 12); но при этомъ ею руководилъ и другой мотивъ, имѣющій, впрочемъ, внѣшнее значеніе.

Такъ какъ на выборахъ могло происходить постоянное перемѣщеніе избираемыхъ, за выбытіемъ и отказомъ избираемыхъ или же за совпаденіемъ двухъ выборовъ на одномъ лицѣ, то окончательный результатъ и не могъ даже опредѣлиться до окончанія всѣхъ выборовъ.

Но кромѣ всѣхъ этихъ подробностей, резолюціи 1778 г. устанавливаютъ для дворянскихъ обществъ три новыхъ и весьма важныхъ права, ставшія впослѣдствіи одними изъ важнѣйшихъ преимуществъ дворянскаго сословія. Мы говоримъ про право отправленія къ Ея Императорскому Величеству депутатовъ (ст. 15), право обсужденія на дворянскихъ съѣздахъ всѣхъ вопросовъ, касающихся интересовъ и нуждъ сословія (ст. 23), и право составленія дворянскихъ складокъ (ст. 24). Всѣ три и въ настоящее время являются одними изъ главнѣйшихъ преимуществъ дворянскаго сословія.

Генералъ-губернаторы спрашивали далѣе, могутъ ли дворяне, послѣ окончанія выборовъ, собраться вторично, «для испрошенія позволенія отправить ко Двору депутатовъ, и нареченіе депутатовъ принадлежитъ ли государеву намѣстнику по прежнему примѣру?» Намѣстники стало быть желали знать: во 1-хъ, имѣютъ ли дворяне право представлять непосредственно центральному правительству о своихъ нуждахъ, а во 2-хъ, не предоставлена ли будетъ имъ, т. е. намѣстникамъ, возможность контролировать подобное выраженіе дворянскими обществами своихъ нуждъ; здѣсь мы имѣемъ опять-таки примѣръ домогательства генералъ-губернаторами права вмѣшательства въ сословное управленіе. Императрица отвѣтила, что дворянамъ принадлежитъ право не только отправленія депутатовъ, но и избранія ихъ; до 1778 года, если и встрѣчались случаи отправленія къ центральному правительству депутатовъ, что видно изъ конца ст. 15 («по прежнему примѣру»),

то осуществлялось подобное отправленіе лишь при дѣятельномъ участіи мѣстной администраціи, не пропускающей случая, конечно, цензуровать тѣ мысли и пожеланія, которыя общества желали довести до свѣдѣнія центральнаго правительства[1]). Со времени же разбираемаго законодательнаго акта, за дворянскимъ сословіемъ было признано право непосредственнаго представленія о своихъ нуждахъ Императорскому Величеству. Этимъ какъ бы подчеркивается корпоративное единеніе дворянства.

Но для этого необходимо было мѣстнымъ обществамъ дать еще другое право — право обсужденія на дворянскихъ собраніяхъ всякихъ вопросовъ, касающихся ихъ сословія; безъ него вышеописанное право отправленія ко двору депутатовъ свелось бы къ нулю или, въ лучшемъ случаѣ, къ почетному представительству на придворныхъ торжествахъ. Екатерина это поняла и дала утвердительный отвѣтъ на вопросъ 23-й, въ которомъ генералъ-губернаторы именно спрашивали, можно ли дозволить дворянству уѣзда право собираться, «для совѣта съ собратіями своими о нуждахъ и пользахъ взаимныхъ, напримѣръ о заведеніяхъ для воспитанія, о какихъ-либо публичныхъ повинностяхъ, какъ-то: содержаніе дорогъ и тому подобное, можно ли дозволить имъ о томъ совѣтовать и дѣлать представленія или жалобы *именемъ общества чрезъ депутатовъ*».

Императрица, давъ утвердительный отвѣтъ, кореннымъ образомъ измѣнила характеръ дворянскихъ собраній. Изъ чисто

---

[1]) Иловайскій, правда, замѣчаетъ (в. н. с., стр. 584) о выборахъ 1779 года, что по окончаніи ихъ „въ Петербургъ отправилась *обычная* дворянская депутація". Но, во-первыхъ, депутаціи эти не были вовсе дѣломъ обычнымъ, какъ то думаетъ уважаемый авторъ, а во-вторыхъ, онѣ всегда отправлялись лишь съ разрѣшенія намѣстниковъ и губернаторовъ; послѣднее-то обстоятельство намъ и хотѣлось отмѣтить. Подобный вышеописываемому вопросъ былъ поставленъ правительству и графомъ Чернышевымъ; Полоцкое дворянство хотѣло представить ходатайство о своихъ нуждахъ (преимущественно о торговлѣ виномъ и хлѣбомъ), и генералъ-губернаторъ не зналъ, слѣдуетъ ли допустить ходатайство или нѣтъ. Правительство разрѣшило его сомнѣнія въ утвердительномъ смыслѣ. Госуд. архивъ, XVI разрядъ, дѣло № 245.

избирательныхъ собраній они стали органомъ сословнаго управленія; имъ впервые закономъ дано было право заниматься разборомъ интересовъ и нуждъ сословія, представлять правительству о своихъ нуждахъ, приносить жалобы на злоупотребленія мѣстныхъ властей, а не только косвеннаго воздѣйствія на мѣстную администрацію посредствомъ выбора должностныхъ лицъ.

Третье преимущество, укрѣпленное актомъ 1778 года за дворянскимъ сословіемъ хотя и косвенно, было право составленія складокъ. Оно затрагивается этимъ актомъ косвенно, такъ какъ послѣдній трактуетъ въ ст. 24 лишь про возможность насильнаго привлеченія къ складкамъ отсутствующихъ въ собраніи дворянъ, что не было дозволено Императрицей. Правительство стало быть фактически признавало возможнымъ предоставить дворянамъ уѣзда составлять для своихъ мѣстныхъ нуждъ особый капиталъ, какъ выразились генералъ-губернаторы, «на дѣло обще для нихъ полезное».

Особаго разрѣшенія дворянамъ составлять складки мы не находимъ; такое право создалось фактически, было косвенно признано правительствомъ въ 1778 году, а затѣмъ уже стало разсматриваться какъ неотъемлемое право сословія и какъ таковое вошло въ наше законодательство, при систематизаціи законовъ, касающихся сословныхъ правъ и преимуществъ. Основной признакъ складокъ, отличающій ихъ и въ настоящее время, былъ опредѣленъ Екатериной и заключается въ ихъ добровольности.

Итакъ мы видимъ, какимъ существеннымъ въ исторіи дворянскаго сословнаго управленія является актъ 1778 года. Имъ установлены были главнѣйшіе принципы этого управленія. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что актъ этотъ былъ изданъ именно въ это время. Какъ извѣстно, Императрица уже занималась писаніемъ жалованныхъ сословіямъ грамотъ, долженствовавшихъ опредѣлить права отдѣльныхъ сословій и ихъ роль въ общемъ государственномъ строѣ. Но жизнь не ждетъ. Сословное управленіе уже существовало; съ теченіемъ времени неизбѣжно стали нарождаться все новые вопросы, настоятельно требовавшіе разрѣшенія. Нельзя было

ждать окончанія работъ по сочиненію жалованной грамоты дворянству. И вотъ правительство разрѣшаетъ спорные вопросы, устанавливаетъ основные принципы сословнаго управленія, побуждаемое, такъ сказать, самою жизнью. Жалованная грамота развиваетъ, дополняетъ эти начала, создаетъ, можетъ быть, опредѣленное цѣлое, съ новой окраской и измѣненіемъ подробностей, но первая формулировка ихъ уже была создана, именно резолюціями 1778 года.

Фактъ этотъ намъ доказываетъ лишь, что вся сословная реформа Екатерины была вызвана силою необходимости, самою жизнью; Императрица лишь шла навстрѣчу требованіямъ жизни, облегчала имъ путь и давала тѣмъ возможность вылиться въ строго опредѣленныя рамки государственности.

Въ актѣ 1778 года мы еще разъ видимъ примѣръ дальновидности Великой Государыни. Резолюціи 1778 года, дали дворянскому сословію нѣсколько весьма существенныхъ правъ и преимуществъ, утвердили за нимъ право разсматривать и активно воздѣйствовать на разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, касающихся интересовъ своего сословія, болѣе точно опредѣлили, какъ компетенцію ихъ представительныхъ органовъ, такъ и отношеніе къ послѣднимъ мѣстной администраціи и, наконецъ, оградили ихъ отъ посягательствъ все растущей власти государевыхъ намѣстниковъ.

Въ 1781 году возникъ вопросъ о выплатѣ дворянами, служащимъ по выборамъ, пенсіи за прежнюю ихъ службу. Состоящему на государственной службѣ не разрѣшалось получать пенсію, что и подтверждено было въ названномъ году; что же касается выборной службы, то согласно Высочайшей резолюціи, положенной на п. 6-й записки генералъ-прокурора, полученіе пенсіи не возбранялось; мотивъ при этомъ выставленъ былъ очень остроумный и характерный, потому-де, «что употребленіе его (избраннаго дворянина) есть временное, да и не отъ его собственнаго произволенія, но отъ выбора собратій его зависящее» [1]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15140.

Мы видимъ здѣсь, что правительство старалось дѣлать нѣкоторое различіе между двумя родами службы, государственной и выборной. Не такъ думало дворянство, его стремленія были направлены какъ разъ наоборотъ, къ отождествленію ихъ. Просматривая далѣе узаконенія этого періода (1775—1785 гг.), мы въ томъ же 1781 году находимъ указъ отъ 19-го мая [1]) «о положеніи границъ между намѣстничествами и между уѣздами каждаго намѣстничества», въ которомъ на предводителей дворянства возлагается новая обязанность, присутствованія при межеваніи земель. Страннымъ кажется, въ данномъ случаѣ, только то, что обязанность эта не была возложена на предводителей ранѣе 1781 года. Въ эти года, какъ извѣстно, Екатерина очень интересовалась межевымъ законодательствомъ и водвореніемъ порядка въ общую систему межеванія; въ Полномъ Собраніи Законовъ можно найти цѣлый рядъ узаконеній, трактующихъ объ этомъ вопросѣ, а между тѣмъ о предводителѣ въ нихъ не упоминается. Казалось бы, правительство сразу же должно было обратиться къ ихъ помощи въ дѣлѣ межеванія; имъ хорошо были извѣстны нужды дворянъ въ этомъ направленіи; они могли судить объ основательности спорныхъ притязаній, а интересы, связанные съ вопросами межевыми, были очень существенны для дворянскаго общества и необходимо слѣдовательно должны были входить въ компетенцію представителей сословія, являющихся естественными ходатаями по его дѣламъ. Но, повторяемъ, только съ 1781 года въ число функцій предводительской должности была включена забота о правильности размежеванія земель. Причина здѣсь по всей вѣроятности все та же фактическая неопредѣленность, которая господствовала до изданія жалованной грамоты дворянству, въ области сословнаго управленія и компетенціи органовъ послѣдняго.

4-го сентября того же года изданъ указъ Сената, разъясняющій примѣчаніе къ главѣ 3-й Учрежденія о губерніяхъ. Въ примѣчаніи этомъ глухо говорится, что всѣ выборы по

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15160.

балламъ должны производиться на основаніи обряда 1766 года: Генералъ-прокуроръ докладывалъ Сенату, что разъ «выборы бываютъ не только при новомъ устроеніи намѣстничествъ, но и чрезъ каждые три года возобновляются, то не разсуждено ли будетъ сдѣлать подтвержденіе, дабы тѣ выборы производить на точномъ основаніи депутатскаго выбора» [1], съ чѣмъ Правительствующій Сенатъ и согласился; изданіемъ указа 4-го сентября былъ подтвержденъ на будущее время порядокъ, установленный еще въ 1766 году. Этимъ же указомъ разъясняется и одинъ спорный вопросъ избирательнаго права. Баллотировка происходила по балламъ, т. е. шарами; Сенатъ нашелъ нужнымъ разъяснить по этому поводу, что число шаровъ должно быть равно числу баллотирующихъ, если же въ ящикахъ окажутся лишніе шары, то таковые слѣдуетъ не считать, поровну раздѣливъ количество лишнихъ шаровъ, между бѣлыми и черными; при нечетномъ же ихъ числѣ, послѣдній шаръ вынимался изъ числа бѣлыхъ; затѣмъ, за удаленіемъ лишнихъ, уже производился подсчетъ шаровъ.

Подобное разъясненіе необходимо было въ виду возникавшихъ въ разныхъ намѣстничествахъ злоупотребленій; явленіе это вполнѣ естественно; ни мѣстныя власти, ни само общество еще не успѣли привыкнуть къ новымъ порядкамъ; между тѣмъ жизнь возбуждала все новые спорные вопросы.

При учрежденіи въ 1781 году Кіевской, Черниговской и Новгородъ-Сѣверской губерній, Императрица сочла нужнымъ дать нѣкоторыя разъясненія по поводу выборной службы во вновь организованныхъ губерніяхъ. Въ именномъ указѣ, данномъ по этому поводу, 26-го октября на имя новаго генералъ-губернатора графа Румянцева-Задунайскаго [2], вводится въ новыхъ губерніяхъ выборная служба на общихъ основаніяхъ, преподанныхъ въ Учрежденіи о губерніяхъ (пунктъ 1); при этомъ мѣстныя власти не должны были дѣлать препятствій тѣмъ дворянамъ, которые пожелали бы перейти на выборную

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15220.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 15265.

службу изъ военной; здѣсь имѣлось въ виду особое положеніе южныхъ губерній Имперіи, въ которыхъ, благодаря казачеству, военные чины преобладали, и слѣдовательно, случаи только что упомянутаго перехода изъ одной службы въ другую могли быть весьма часты. Цензъ устанавливался тотъ же, какъ и для центральныхъ губерній, т. е. согласный съ обрядомъ 1766 года. Въ этомъ указѣ есть довольно интересное добавленіе въ пунктѣ первомъ; въ немъ говорится, что «для руководства вашего (графа Румянцева) и для наставленія тамошнихъ дворянскихъ предводителей съ ихъ обществомъ, мы сообщаемъ вамъ заготовленный Нами *проектъ главы о дворянствѣ*, въ которомъ ясно и подробно описаны всѣ тѣ качества и доказательства, которыя къ утвержденію благородства служатъ» (въ Полномъ Собраніи есть выноска, что указаннаго проекта въ актахъ не найдено). Въ это время стало быть у Императрицы уже готова была первая глава жалованной грамоты, которая и посылалась графу Румянцеву. Фактъ этотъ показываетъ намъ, какъ долго работала Екатерина надъ сочиненіемъ грамоты.

При учрежденіи названныхъ новыхъ губерній Императрицѣ необходимо было указать на тѣ способы и пріемы, которыми должны были руководствоваться власти при опредѣленіи дворянскаго происхожденія мѣстныхъ жителей; на югѣ было бо̀льшее, чѣмъ на сѣверѣ, количество разночинцевъ, «пролѣзавшихъ» всякими правдами и неправдами въ дворянское сословіе и часто получавшихъ незаконнымъ образомъ льготы и преимущества, связанныя съ нимъ; тамъ надо было дать мѣстной администраціи болѣе точныя и опредѣленныя указанія къ дѣятельности; Екатерина воспользовалась для этого уже готовой частью своей работы.

Но просматривая далѣе узаконенія, вышедшія до изданія жалованной грамоты, мы видимъ, что проектъ грамоты, понемногу вырабатывавшійся Императрицей, начиналъ примѣняться на дѣлѣ не только ею самой, но и другими лицами. Такъ въ вопросныхъ пунктахъ Потемкина прямо говорится: п. 2. «Сіе распоряженіе (о введеніи имущественнаго ценза по числу

20 душъ), какъ видно, почерпнуто изъ проекта о дворянахъ» [1]). Въ Новгородскомъ намѣстничествѣ генералъ-губернаторомъ былъ въ то время еще Сиверсъ; приближенное къ Императрицѣ положеніе позволяло Сиверсу попрежнему быть постоянно въ курсѣ всѣхъ новыхъ идей Екатерины; въ данномъ случаѣ онъ использовалъ свое вліяніе въ вопросѣ о цензѣ. Какъ мы уже указывали, Сиверсъ ввелъ въ своемъ намѣстничествѣ имущественный цензъ и на практикѣ доказалъ его полезность. Екатерина не преминула воспользоваться этимъ опытомъ и включила постановленіе о цензѣ въ жалованную дворянству грамоту. Не такъ смотрѣли на это дѣло другія лица, окружавшія Императрицу.

Преемникъ Сиверса, генералъ-поручикъ Потемкинъ усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе прежнихъ узаконеній, регулировавшихъ избирательное право дворянъ, и обратился за указаніями къ Верховной Власти. Потемкинъ, кромѣ того, нашелъ въ новгородскихъ и тверскихъ дворянскихъ выборахъ и другія упущенія, а именно: установленный Сиверсомъ обычай, ограничивавшій пассивное избирательное право 20-ти душнымъ цензомъ, былъ, оказывается, несогласенъ и съ опредѣленіемъ ценза въ проектѣ жалованной грамоты; по названному проекту имущественный цензъ опредѣлялся не числомъ душъ, а 100 рублевымъ доходомъ съ имѣнія.

Далѣе, тотъ же Сиверсъ допустилъ еще одно уклоненіе отъ порядка, установленнаго обрядомъ 1766 года; возрастный цензъ, который, какъ извѣстно, былъ 25-лѣтній, примѣнялся только къ предсѣдателямъ коллегіальныхъ мѣстъ, въ засѣдатели избираемы были лица, достигшія всего 21 года. Потемкинъ, «такое различіе усмотря, осмѣливался испрашивать Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія», на что послѣдовала слѣдующая резолюція: «до изданія главы о Дворянствѣ оставить сіе на волю дворянъ».

Очевидно, что весь планъ реформы дворянскаго сословнаго

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15280.

управленія уже установился въ мысляхъ Екатерины и она не хотѣла издавать сепаратные указы, по пустяшнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ ея близорукимъ любимцемъ; измѣненія были столь несущественны, что устанавливать новыя положенія притомъ почти передъ изданіемъ жалованной грамоты, конечно, не стоило.

Въ тѣхъ же вопросныхъ пунктахъ испрашивалось еще одно разрѣшеніе спорнаго вопроса; первый разъ въ исторіи дворянскихъ выборовъ случилось, что въ Новгородскомъ намѣстничествѣ губернскій предводитель *«убылъ»* до окончанія срока службы; по этому поводу Потемкинъ спрашивалъ Императрицу, когда слѣдуетъ произвести новые выборы, сейчасъ же или «оными начать торжественное собраніе трехлѣтняго выбора судей?» Екатерина приказала избрать новаго предводителя на общихъ выборахъ, при чемъ начать съ избранія губернскаго.

Такъ, мы видимъ, понемногу разъяснялись возникающіе изъ жизни спорные вопросы. Но особенно важной намъ кажется въ этомъ періодѣ та роль, которую игралъ проектъ жалованной грамоты.

Что же касается до исправленія должности «убывшаго» до новыхъ выборовъ, то оно возлагалось на лицо, избранное къ сему Верхнимъ земскимъ судомъ и утвержденное намѣстническимъ правленіемъ. Подобный порядокъ былъ еще разъ подтвержденъ указомъ 25-го іюля 1782 года [1]), въ которомъ говорится о правѣ Верхняго земскаго суда временно замѣщать выборныя дворянскія должности. Но это положеніе затронуто указомъ 1782 года лишь косвенно; главная цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, было запрещеніе генералъ-губернаторамъ и намѣстническимъ правленіямъ увольнять отъ должности выборныхъ органовъ; заголовокъ указа гласитъ: «о неувольненіи намѣстническимъ правленіемъ выбираемыхъ дворянствомъ чиновниковъ отъ должностей ихъ до истеченія трехлѣтняго срока».

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15477.

Очевидно, что злоупотребленія властью со стороны намѣстническихъ правленій все учащались, а такъ какъ подобное вмѣшательство ихъ въ дворянское сословное управленіе противорѣчило его основнымъ принципамъ и не могло не отразиться чрезвычайно вредно на самостоятельности его, Императрица и подтвердила лишній разъ генералъ-губернаторамъ, что власти увольненія лицъ, служащихъ по выборамъ, не было предоставлено ни имъ, ни намѣстническимъ правленіямъ. Екатеринѣ не разъ приходилось отстаивать самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія; послѣднее было особенно подвержено нападкамъ со стороны всесильныхъ намѣстниковъ, которымъ всегда противна была обособленность дворянскихъ выборныхъ органовъ.

11-го ноября 1782 года вышло новое разъясненіе относительно имущественнаго ценза [1]). По сообщеніямъ Орловскаго и Курскаго генералъ-губернатора при выборахъ дворянскихъ участвовали однодворцы, хотя и дослужившіеся до офицерскихъ чиновъ, но въ послѣднихъ не служившіе; намѣстникъ, князь Прозоровскій, спрашивалъ Сенатъ, могли ли такія лица быть приравнены къ прочимъ дворянамъ уѣзда и могли ли они участвовать въ выборахъ. Въ мотивированномъ указѣ Сенатъ подтвердилъ общее правило, ссылаясь при томъ на положеніе обряда 1766 года и на Учрежденіе о губерніяхъ, что участвовать въ выборахъ могли только тѣ дворяне, которые въ уѣздѣ владѣли имѣніемъ на правѣ собственности; а такъ какъ однодворцы владѣли «не собственными, а жалованными для содержанія ландмилиціи землями», то ихъ къ выборамъ допускать не слѣдовало. Какъ общее правило, слѣдовательно, въ силѣ оставалось старое цензовое положеніе о владѣніи имѣніемъ, безъ ограниченія послѣдняго опредѣленнымъ доходомъ или числомъ душъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что если, какъ мы видѣли выше, намѣстническимъ правленіямъ не разрѣшалось уволь-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15590.

нять служащихъ по выборамъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что увольненіе до срока окончанія службы вовсе не могло состояться; напротивъ, подобные случаи допускались правительствомъ, когда выборными органами самими подавалось прошеніе объ отставкѣ, при чемъ единственною причиною отставки могла быть болѣзнь; это положеніе подтверждается указомъ 19-го іюня 1783 года [1]). Этотъ послѣдній былъ изданъ Сенатомъ, въ разрѣшеніе представленія генералъ-прокурора, а послѣдній началъ дѣло въ виду донесеній нѣкоторыхъ генералъ-губернаторовъ. Одинъ изъ намѣстниковъ, генералъ-поручикъ Каменскій, представилъ довольно обширное письмо на разрѣшеніе генералъ-прокурора; въ послѣднемъ указывалось, что подобныя просьбы объ отставкѣ со стороны служащихъ по выборамъ встрѣчались часто и что намѣстническое правленіе затруднялось въ ихъ разрѣшеніи. Представлялось три способа рѣшенія этого вопроса: можно было предоставить Верхнему земскому суду право временно замѣщать вакансію выбывшаго, обязывая его увѣдомлять о томъ дворянство и представлять новаго кандидата на утвержденіе намѣстническаго правленія; можно было избрать другой путь, болѣе сложный, увѣдомлять дворянство уѣзда черезъ предводителей объ открывшейся вакансіи и предоставить ему намѣтить новаго кандидата и затѣмъ передать самое назначеніе такихъ кандидатовъ тому же Земскому верхнему суду, и, наконецъ, въ третьихъ, право назначенія могло принадлежать исключительно Сенату; послѣдняя процедура была уже слишкомъ затруднительной. Сенатъ разрѣшилъ вопросъ этотъ ссылкой на ст. 76 Учрежденія, согласно которой право замѣщенія открывшихся вакансій до окончанія трехлѣтняго срока выборной службы принадлежало Верхнему земскому суду, съ утвержденія намѣстническаго правленія; Сенату же доносилось объ этомъ лишь для свѣдѣнія. Сенатъ особенно настаивалъ на томъ, что единственною причиной прошенія

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15763.

объ отставкѣ могла быть болѣзнь; «Сенатъ съ своей стороны дозволяетъ, говорится въ указѣ, отставлять таковыхъ токмо изъ сихъ чиновъ, кои дѣйствительно за болѣзнями найдутся не въ состоянiи пробыть до окончанiя срока въ своихъ званiяхъ, но и тутъ напередъ нужно учинить, чрезъ кого слѣдуетъ, вѣрное свидѣтельство въ болѣзни просящаго объ отставкѣ». Какъ видно изъ приведеннаго текста, Сенатъ хотѣлъ твердо установить принципъ, что отъ выборной службы освобождала лишь болѣзнь, и дѣйствительная болѣзнь, а не мнимая; Верхнiй земскiй судъ долженъ былъ убѣдиться въ дѣйствительной наличности болѣзни, не дающей возможности продолжать службу, и, только убѣдившись въ этомъ, увольнять въ отставку и замѣщать вакансiю временно по собственному усмотрѣнiю. Выборный элементъ, изъ котораго состоялъ Верхнiй земскiй судъ, обезпечивалъ въ данномъ случаѣ интересы дворянскаго сословiя.

До утвержденiя временнаго замѣстителя намѣстническимъ правленiемъ, вакантную должность исправлялъ тотъ дворянинъ, «который имѣлъ большинство голосовъ при происшедшемъ выборѣ увольняемаго отъ должности»; въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ зародышъ возникшей впослѣдствiи должности кандидата на предводителя дворянства.

24-го января 1784 года, по поводу избранiя въ губернскiе предводители Ярославскаго намѣстничества предсѣдателя уголовной палаты, Сенатъ издалъ указъ «о невыборѣ въ предводители чиновниковъ, имѣющихъ штатныя должности и мѣста» [1]). Надо замѣтить, что мотивировка указа довольно слабая; въ немъ дѣлается ссылка на указъ 26-го сентября 1780 года «о воспрещенiи на установленные въ губернiяхъ чины, имѣющiе прямыя свои должности, налагать сверхъ того другiя коммисiи»; здѣсь слѣдовательно имѣлся въ виду лишь тотъ вредъ, который могъ быть нанесенъ правительственной службѣ подобнымъ совмѣщенiемъ; о службѣ по выборамъ пра-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 15913.

вительство какъ будто и не заботилось; казалось бы именно послѣдняя страдала еще въ большей мѣрѣ. Это запрещеніе совмѣщенія правительственной и выборной службъ, впрочемъ, недолго продержалось въ нашемъ законодательствѣ; противоположный взглядъ былъ высказанъ правительствомъ уже въ 1786 году (Полн. Собр. Зак. № 16331, п. 9)[1]; въ этомъ указѣ прямо говорится: «что принадлежитъ до выбору въ губернскіе предводители, ничто не препятствуетъ принять сію должность предсѣдателю палаты или другому должность имѣющему въ губерніи, исключая только, что сіе званіе не можетъ быть свойственно въ той губерніи генералъ-губернатору или губернатору».

Нельзя сказать, что такой взглядъ правительства оправдывался пользою дѣла. Одна изъ двухъ службъ несомнѣнно должна была страдать при совмѣщеніи ихъ въ одномъ лицѣ; если же правительство видѣло въ этомъ способъ воздѣйствія на сословное управленіе, то такой взглядъ можетъ быть только порицаемъ. Страннымъ намъ кажется только то, что Екатерина, отстаивавшая всегда самостоятельность и независимость дворянскаго корпоративнаго управленія, въ этомъ случаѣ допустила столь существенное исключеніе. Впослѣдствіи правительство не разъ прибѣгало къ подобнымъ мѣрамъ, иногда сознательно желая подчинить своему контролю дворянское сословное управленіе, иногда безсознательно поддаваясь стремленію мѣстныхъ властей получить большія права въ провинціальной администраціи. Дворянское сословное управленіе отъ подобныхъ мѣръ всегда страдало. Къ этому вопросу впрочемъ намъ не разъ еще придется возвращаться. Что же касается избранія лица служащаго, которое, вслѣдствіе павшаго на него выбора, отказалось бы отъ правительственнаго мѣста, то таковое допускалось, что слѣдуетъ изъ толкованія обряда 1766 года, въ п. 4 котораго сказано, что избираемы мо-

---

[1]) Отмѣтимъ опечатку въ трудѣ проф. Романовича-Славатинскаго „Дворянство въ Россіи“: на стр. 547-й указъ 1786 года помѣченъ номеромъ 16333, тогда какъ по П. С. З. его номеръ 16331.

гутъ быть лица, какъ служащія, такъ и не служащія «какого бы то званія и чина они ни были».

Этимъ заканчивается перечень законодательныхъ актовъ, изданныхъ задесятилѣтіе 1775—1785 годовъ.

Одновременно со введеніемъ новыхъ учрежденій 1775 г. въ центральной Россіи Екатерина заботилась и объ организаціи мѣстнаго управленія окраинъ. Съ постепеннымъ заселеніемъ сѣвера, Заволжья и Сибири эти мѣстности стали нуждаться въ болѣе развитой системѣ управленія и новыхъ административныхъ органахъ. Но, вводя реформы на этихъ окраинахъ, Императрица дѣлала значительныя отступленія отъ общероссійскихъ учрежденій, при чемъ за систему была принята градація трехъ группъ. Въ Сибири, гдѣ не существовало помѣстнаго дворянства, всѣ должностныя лица были назначаемы отъ правительства; сѣверъ и нѣкоторые менѣе заселенные уѣзды Заволжья получили тѣ сословные органы, которые носили болѣе частно-правовой характеръ, какъ, напр., дворянскую опеку [1]); въ третьей группѣ мѣстностей, наконецъ, было организовано сословное управленіе, но не всѣ должности судей и предсѣдателей замѣщались выборами дворянства. Подобное исключеніе для окраинъ дѣлалось въ виду ихъ малой заселенности дворянствомъ; при этомъ, причисленіе той или другой губерніи къ одной изъ названныхъ трехъ группъ зависѣло исключительно отъ количества дворянскаго населенія.

Намъ не приходится долѣе останавливаться на организаціи сословнаго управленія на россійскихъ окраинахъ; вопросъ этотъ столь обширенъ, что можетъ составить задачу спеціальнаго труда.

Мы заканчиваемъ здѣсь изслѣдованіе первой половины царствованія Великой Императрицы.

---

[1]) См., напр., П. С. З. № 16052, 3-го сентября 1784 года, а также указъ 5-го сентября того же года и др. Ср. А. Лохвицкій, Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія, Спб., 1864 г., стр. 123.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Жалованная грамота дворянству. — Матеріалы, которыми пользовалась Екатерина при работѣ надъ жалованной грамотой.—Манифестъ 21-го апрѣля 1785 года. — Первая часть грамоты — привилегіи дворянскаго сословія, вторая часть — дворянское сословное управленіе, третья часть — дворянскія родословныя книги. — Избирательный цензъ. — Отношенія намѣстниковъ и губернаторовъ къ дворянскому сословному управленію.—Начала самоуправленія.—Примѣненіе ихъ на практикѣ и причины неудачи.— Теоретическое построеніе вопроса и отношеніе къ нему ученой литературы.

I.

21-го апрѣля 1785 года, въ день своихъ именинъ, Екатерина подписала давно жданную ея подданными «Грамоту на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства» [1]). Актъ этотъ, съ юридической точки зрѣнія, представляетъ собою кульминаціонный пунктъ въ исторіи дворянскаго сословія; онъ точно установилъ его права и преимущества, опредѣливъ положеніе сословія въ общемъ государственномъ строѣ. Съ фактической же стороны мы видимъ совсѣмъ обратное; грамота не внесла ничего новаго въ жизнь; какъ мы знаемъ изъ предшествующаго изложенія, жизнь понемногу сама подготовляла тѣ основанія, на которыхъ выросла грамота; правительство, и въ этомъ его величайшая заслуга, лишь шло навстрѣчу естественному ходу вещей; ниже, при разборѣ отдѣльныхъ постановленій жалованной дворянству грамоты, мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ томъ, что

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 16187.

новаго она дала чрезвычайно мало; ея значеніе было чисто юридическое; она санкціонировала дворянскому сословію его права, преимущества и привилегированное положеніе среди другихъ сословій.

Какъ нами уже указывалось, грамота писалась самой Императрицей; проектъ грамоты былъ готовъ уже значительно раньше ея изданія, что дало, напр., Сиверсу возможность воспользоваться идеями Императрицы при организаціи и управленіи имъ Новгородскимъ намѣстничествомъ. Такая продолжительная обработка грамоты не можетъ не быть поставлена Екатеринѣ въ заслугу. Если внѣшней причиной замедленія можетъ быть и было увлеченіе Императрицы внѣшней политикой, то вмѣстѣ съ тѣмъ у нея несомнѣнно были и другія соображенія, заставлявшія ее основательно обдумать и просмотрѣть тексты этого столь важнаго для нашего государственнаго строя законодательнаго акта.

Матеріалъ, использованный Императрицей при составленіи жалованной грамоты дворянству, былъ весьма обширенъ. Съ одной стороны здѣсь имѣлись труды коммисіи для сочиненія проекта новаго Уложенія; мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, выработанный коммисіей проектъ правамъ благородныхъ; Екатерина старательно пересмотрѣла проектъ и дополнила его, сообразуясь съ мнѣніями, высказанными въ засѣданіяхъ коммисіи различными депутатами. Съ другой же, въ ея распоряженіи находились многочисленныя указанія практики за время существованія выборныхъ дворянскихъ органовъ.

Мы не можемъ однако согласиться съ г. Иловайскимъ [1]),

[1]) Авторъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ свою мысль: „Рекрутскій наборъ, говоритъ онъ, и другія дѣла собрали значительное число уѣздныхъ дворянъ въ Новгородѣ въ декабрѣ 1769 года. Сиверсъ воспользовался случаемъ и предложилъ имъ слѣдующія мѣры. Во-первыхъ, выбрать изъ своей среды для Новгородскаго уѣзда особаго коммисара, положивъ ему жалованье, съ тѣмъ, чтобы онъ наблюдалъ за порядкомъ, за исполненіемъ указовъ и т. п. Дворяне охотно согласились и назначили на жалованье сборъ по копѣйкѣ съ души. Въ этомъ коммисарѣ мы узнаемъ будущаго земскаго исправника, а въ

утверждающимъ, что состоявшійся въ 1769 году въ Новгородѣ дворянскій съѣздъ, созванный Сиверсомъ для избранія «особаго коммисара», является прототипомъ дворянскаго собранія жалованной грамоты, а коммисаръ, избранный имъ — будущимъ земскимъ исправникомъ.

По нашему мнѣнію не это собраніе 1769 года является прототипомъ санкціонированныхъ въ 1785 году дворянскихъ собраній, а выборы депутатовъ въ коммисію 1767 года; съѣздъ 1769 года есть только первый примѣръ занятія дворянами провинціальными интересами и, слѣдовательно, включенія подобныхъ дѣлъ въ компетенцію собраній. Здѣсь мы еще разъ должны отмѣтить дѣятельность Сиверса. Онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Екатерины въ этомъ періодѣ ея царствованія; вліяніе его сказалось почти на всѣхъ реформахъ этого времени [1]); не безъ вліянія остался онъ и при работахъ Екатерины надъ жалованной грамотой. Его опыты и нововведенія, въ бытность его Новгородскимъ генералъ-губернаторомъ, были всѣ приняты во вниманіе Императрицей. Сюда относятся напр.: вопросъ объ имущественномъ цензѣ и выборы дворянами коммисара, о которомъ говоритъ г. Иловайскій. Кромѣ того, со времени своего отъѣзда изъ Петербурга, Сиверсъ находился въ постоянной перепискѣ съ Екатериной, въ которой онъ обсуждалъ всѣ предположенія Императрицы. Общій взглядъ Сиверса на интересующій насъ вопросъ можно формулировать слѣдующими немногими словами: дворянство должно было получить корпоративную организацію, на остзейскихъ началахъ, т. е. съ полной независимостью въ дѣлахъ сословныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привилегированное среди прочихъ сословій положеніе.

совѣщаніи дворянъ о мѣстныхъ нуждахъ — будущее организованное дворянское собраніе".

Д. И. Иловайскій. Сочиненія, „Графъ Яковъ Сиверсъ". Стр. 508. Москва. 1884 г.

[1]) Ср. Иловайскій, в. н. с., стр., 548, 551. Blum. „Ein russischer Staatsman", Leipzig, u. Heidelberg. B. 2, S. 107—109. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры", „Міръ Божій", Іюль 1902 г., стр. 254 и слѣд.

Удачные опыты Сиверса, принесли дѣлу большую помощь и значительно облегчили работу Екатерины, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сказать, что Императрицей было обращено серьезное вниманіе на ученую литературу. При составленіи жалованной грамоты, такъ же какъ и при писаніи учрежденія о губерніяхъ, она пользовалась трудами Блэкстона и старательно изучала современный ей государственный строй Англіи.

Таковы источники жалованной грамоты дворянству; Екатерина умѣло использовала имѣвшійся у ней подъ руками обширный матеріалъ; надо замѣтить, что, несмотря на то, что основаніемъ ея работъ служилъ уже готовый проектъ правамъ благородныхъ и мнѣнія депутатовъ коммисіи 1767 года, работы ея, какъ еще замѣтилъ проф. Милюковъ [1]), носятъ вполнѣ самостоятельный и оригинальный характеръ. Послѣдній же заключается въ томъ, что «корпоративныя права дворянскихъ обществъ оказались особенно разработанными», тогда какъ о нихъ-то, какъ мы видѣли выше, какъ проектъ, такъ и наказы и депутаты говорили меньше всего. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть новаго доказательства государственной мудрости Екатерины II. Прибавимъ еще, что кромѣ всего перечисленнаго, Императрицей не были забыты и узаконенія, изданныя ею въ періодъ 1766—1785 годовъ, касавшіяся дворянскихъ правъ и преимуществъ, которыя всѣ нашли себѣ должное мѣсто, разъясненіе или подтвержденіе въ жалованной грамотѣ.

При подробной обработкѣ жалованной грамоты намъ придется постоянно имѣть въ виду для сравненія проектъ коммисіи съ одной стороны, и ссылаться на узаконенія, вышедшія за періодъ 1766—1785 годовъ съ другой, отмѣчая попутно нововведенія жалованной дворянству грамоты; новыя постановленія, какъ увидимъ ниже, были чрезвычайно малочисленны.

Жалованной грамотѣ, по обыкновенію Императрицы, предпосланъ Манифестъ, указывающій на причины и мотивы изда-

[1]) „Очерки по исторіи русской культуры", „Міръ Божій", іюль 1902 г., стр. 255.

нія грамоты. За полнымъ титуломъ Государыни слѣдуетъ указаніе на географическое расположеніе Россійской Имперіи и огромное ею занимаемое пространство; затѣмъ дѣлается ссылка на ту роль, которую играли различныя сословія, и въ особенности оттѣняются заслуги и выдающееся положеніе дворянскаго сословія, чѣмъ какъ бы оправдывается его привилегированность. «И симъ образомъ въ истинной славѣ и величествѣ Имперіи, говоритъ Манифестъ, вкушаемъ плоды и познаемъ слѣдствія дѣйствій намъ подвластнаго, послушнаго, храбраго, неустрашимаго, предпріимчиваго и сильнаго Россійскаго народа», а далѣе—«во всякое время свойственно было, есть, да помощью Божьею и пребудетъ вѣчно Россійскому дворянству отличаться качествами блистающими къ начальству... Да какъ тому и быть инако? Когда знатнѣйшее и благороднѣйшее Россійское дворянство, входя въ службу военную или гражданскую, проходитъ всѣ степени чиноначалія и отъ юности своей въ нижнихъ узнаетъ основаніе службы, привыкаетъ къ трудамъ и сіи нести твердо и терпѣливо; а научась послушанію, тѣмъ самымъ пріуготовляется къ вышнему начальству; не бысть бо въ свѣтѣ добрый начальникъ, который въ свое время самъ повиноваться не пріобыкъ. Достигаютъ же до высшихъ степеней тѣ Россійскаго дворянства знаменитыя особы, кои отличаются или службою, или храбростію, или вѣрностію, или искусствомъ, или же тѣ, что въ послушаніи терпѣливо пребывая, твердостію духа усердно преодолѣваютъ трудности и самое время, умножая опытами знаніе и способности свои въ частяхъ, званію ихъ предлежащихъ. Обыкла Россія изстари видѣть службы, вѣрность, усердіе и труды всякаго рода, отъ престола предковъ нашихъ во всякое время изобильно награждаемые, почестьми украшаемые и отличностьми предпочитаемые; сему свидѣтельства подлинныя находятся въ древнѣйшихъ поколѣніяхъ родовъ Нашего вѣрнолюбезнаго подданнаго Россійскаго дворянства, которое ежечасно бывъ готово подвизаться за Вѣру и Отечество, и нести всякое бремя наиважнѣйшаго Имперіи и Монарху служенія, потомъ,

кровію и жизнію пріобрѣтало помѣстья, съ оныхъ имѣло свое содержаніе, а умножая заслуги, получало въ награжденіе отъ Самодержавной власти помѣстья въ вотчины себѣ потомственно».

Нельзя лучше охарактеризовать ту роль, которую играло дворянство въ исторіи Россіи. Его преимущества и привилегіи всѣ были основаны на служебныхъ заслугахъ; служилымъ сословіемъ оно всегда было, служилымъ оно должно было остаться и впредь. Интересно отмѣтить, что Екатерина не упоминаетъ ни единымъ словомъ о Манифестѣ Петра III; послѣдній слишкомъ дисгармонировалъ со всей ея системой; Императрицѣ не зачѣмъ было и говорить о немъ.

Далѣе Манифестъ 1785 года указываетъ на исторію пожалованія дворянству различныхъ привилегій; сначала упоминается о помѣстьяхъ и вотчинахъ, о похвальныхъ грамотахъ, затѣмъ объ установленіи гербовъ, «дипломовъ на достоинства и патентовъ на чины», объ учрежденіи орденовъ, жалуемыхъ за ту же службу Царю и Отечеству. Заканчивается же онъ упоминаніемъ о мотивахъ изданія грамоты; приводимъ текстъ этой части Манифеста, такъ выпукло рисующаго мысли Императрицы, руководившія ею при изданіи этого знаменитаго акта.

«Съ новыми выгодами и приращеніемъ нашей Имперіи, когда пользуемся всякою внутреннею и внѣшнею повсюду тишиною, Мы подвигъ свой вящше и вящше устремляемъ къ непрерывному упражненію доставить нашимъ вѣрноподданнымъ во всѣхъ нужныхъ частяхъ внутренняго государственнаго управленія, твердыя и прочныя постановленія, ко умноженію благополучія и порядка на будущія времена; и для того вопервыхъ достойно находимъ простерти Наше попеченіе къ Нашему вѣрнолюбезному подданному Россійскому дворянству, имѣя въ памяти вышесказанныя его заслуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность Самодержавцамъ Всероссійскимъ, Намъ самимъ и престолу Нашему оказанныя въ наисмутнѣйшія

времена, какъ въ войнѣ, такъ и посреди мира. А подражая примѣрамъ правосудія, милосердія и милости въ Бозѣ почивающихъ, Россійскій престолъ украсившихъ и прославившихъ предковъ нашихъ, и движимы будучи собственною Нашею матернею любовію и отличною признательностью къ Россійскому дворянству по благоразсужденію и изволенію Нашему Императорскому, повелѣваемъ, объявляемъ, постановляемъ и утверждаемъ въ память родовъ для пользы Россійскаго дворянства, службы Нашей и Имперіи, слѣдующія статьи на вѣчныя времена и непоколебимо» [1]).

Совершенно вѣрно,—говоритъ Екатерина въ своемъ Манифестѣ: права и преимущества дворянскаго сословія должны были быть твердо установлены разъ навсегда, «на вѣчныя времена и непоколебимо». Законодательство сильно отстало отъ жизни въ этомъ направленіи; народились новые факты, новыя явленія, надо было ихъ урегулировать законодательнымъ путемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ согласовать съ уже произведенными реформами. Но какъ мы уже разъ упомянули, Екатеринѣ не удалось достроить своего грандіознаго зданія; во многихъ частяхъ оно осталось недоконченнымъ, представляя собою

---

[1]) Для характеристики сравнимъ съ мыслями, высказанными Колотовымъ. Онъ, при описаніи причинъ изданія жалованной грамоты, дословно цитируетъ Манифестъ 1785 года. Это только можетъ служить подтвержденіемъ нашего взгляда. Нельзя болѣе рельефно установить роль и положеніе дворянскаго сословія, чѣмъ это сдѣлала Великая Императрица. Въ своемъ сочиненіи „Дѣянія Екатерины II“ Колотовъ говоритъ слѣдующее: „Екатерина, прилагая неусыпное стараніе наивящше утвердить благосостояніе своихъ подданныхъ, признала, во-первыхъ, достойнымъ простерть попеченіе свое къ Россійскому дворянству, имѣя въ памяти его заслуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность Самодержцамъ Всероссійскимъ, Ея Величеству и престолу оказанныя въ наисмутнѣйшія времена, какъ въ войнѣ, такъ и посреди мира и движима будучи Монаршею любовью и отличною признательностью къ Россійскому дворянству, утвердила 21-го апрѣля, въ день рожденія Своего, въ память родовъ для пользы Россійскаго дворянства жалованную грамоту на права и преимущества онаго“.

Стр. 39, часть III, „Дѣянія Екатерины II Имп. и Сам. Всер.“, П. Колотова.

довольно разнохарактерные обломки, изгладить разношерстность коихъ удалось лишь всеисцѣляющему Хроносу.

Приступая къ подробному разсмотрѣнію постановленій жалованной дворянству грамоты, повторимъ здѣсь сказанное выше, что если фактически она мало что внесла новаго въ нашъ государственный строй, юридически же она представляетъ собою краеугольный камень всего дальнѣйшаго развитія дворянскаго сословнаго управленія.

Грамота состоитъ изъ 92 статей, со многими подраздѣленіями; первыя 36 говорятъ «о личныхъ преимуществахъ дворянъ», слѣдующія 35 «о собраніи дворянъ, объ установленіи дворянскаго общества въ губерніи и о составѣ дворянскаго общества», затѣмъ въ 19 статьяхъ излагается «наставленіе для сочиненія и продолженія дворянской родословной книги въ намѣстничествѣ» и послѣднія двѣ опредѣляютъ «доказательства дворянства». Насъ интересующаго вопроса касается второй отдѣлъ, въ 35 статей, но для полности картины намъ придется остановиться и на прочихъ частяхъ грамоты; при этомъ мы позволяемъ себѣ немного измѣнить порядокъ статей, выдѣливъ 37 — 71 въ конецъ. Первая статья грамоты опредѣляетъ, что такое есть дворянское званіе, которое является слѣдствіемъ, «истекающимъ отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное», а причина сему устанавливается въ статьѣ второй, въ слѣдующихъ выраженіяхъ, «не токмо Имперіи и Престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо: и для того изстари, нынѣ, да и пребудетъ навѣки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются». Какъ видимъ, здѣсь почти дословное повтореніе Манифеста. Мысль та же, т. е. что дворянство пріобрѣтается службою отечеству и престолу; оно является вознагражденіемъ за

служебныя заслуги, передаваемое затѣмъ наслѣдственно потомкамъ; объ этомъ говорятъ слѣдующія двѣ статьи (3 и 4). Но разъ дворянство уже пріобрѣтено, лишиться его можетъ лицо его пріобрѣвшее только совершеніемъ преступленія; а послѣднія, въ количествѣ семи строго опредѣлены грамотой въ статьѣ 6. Не лишалъ дворянства—бракъ дворянки съ недворяниномъ (ст. 7), но наслѣдственно оно въ такихъ случаяхъ уже не сообщалось дѣтямъ. Слѣдующія четыре статьи опредѣляютъ, что безъ суда дворянинъ не могъ быть лишенъ ни дворянскаго достоинства, ни чести, ни жизни, ни имѣнія, а судиться онъ могъ только себѣ равными (ст. 12). Въ послѣдней статьѣ подтверждается общій принципъ установленный Императрицей въ Учреждени о губерніяхъ; какъ извѣстно судебная реформа 1775 года проводила въ новыхъ судахъ принципъ сословности. Статья 12 жалованной грамоты подтвердила этотъ принципъ окончательно. Впрочемъ надо замѣтить, что и Учрежденіе 1775 года не внесло въ нашъ строй ничего новаго; служилые люди искони судились себѣ равными и продолжали судиться служилыми же людьми, вплоть до реформы шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія. Кромѣ того относительно суда надъ благородными устанавливалось еще одно преимущество; судъ надъ ними «да не вершится безъ внесенія въ Сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества» (ст. 13). Но это послѣднее постановленіе всегда оставалось мертвой буквой. Временщики Екатерины, въ родѣ Потемкина, мало съ нимъ считались. Далѣе дворяне освобождались въ силу статьи 15-й отъ тѣлеснаго наказанія. Привилегія эта принадлежала исключительно дворянскому сословію и составляла почти единственное его преимущество предъ другими сословіями. Остается и понынѣ не выясненнымъ, почему Екатерина не включила сюда же освобожденіе дворянъ отъ пытокъ. Факты дѣйствительности указываютъ на частое ихъ примѣненіе; между тѣмъ, принимая во вниманіе общій духъ Екатерининскихъ реформъ, мы беремся утверждать, что въ принципѣ Государыня была противъ нихъ. Но грубость нравовъ

была еще слишкомъ велика, и примѣненіе пытокъ считалось вполнѣ естественнымъ. Извѣстно, что и тѣлесное наказаніе, формально отмѣненное для дворянскаго сословія, не переставало быть примѣняемо еще долгое время спустя изданія жалованной грамоты.

Слѣдующія четыре статьи (17 — 20) трактуютъ о правѣ дворянскаго сословія выбирать себѣ родъ службы или вовсе не служить, вступать на службу въ иностранныхъ государствахъ и въ любое время выѣзжать за границу. Мы видимъ здѣсь повтореніе положеній манифеста 1762 года, касательно вольности дворянства служить или не служить; такое постановленіе хотя и оставалось почти мертвой буквой, нуждалось все-таки въ официальномъ подтвержденіи; дворянство хорошо сознавало, что съ 1762 года оно обладало новымъ личнымъ правомъ; оно имъ не пользовалось, можетъ быть даже пренебрегало имъ, но отнять его уже нельзя было. Но и тутъ Екатерина сдѣлала одно исключеніе; въ статьѣ 20 говорится, что всякій дворянинъ «обязанъ по первому позыву отъ Самодержавной Власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной», а именно когда отъ «состоянія Россійскаго дворянства зависима есть безопасность отечества и престола» [1]). Такимъ образомъ, правительство получило право требовать при извѣстныхъ обстоятельствахъ службы всего дворянскаго сословія, что въ сущности сильно ограничивало свободу, дарованную дворянству постановленіями трехъ первыхъ статей, но конечно вполнѣ оправдывалось съ точки зрѣнія государственной необходимости; въ жизни государства всегда могутъ быть моменты, въ которыхъ личныя и частныя права временно суспендируются и уступаютъ мѣсто нормамъ публичнаго правопорядка.

Далѣе, въ статьѣ 21 — 34 слѣдуетъ утвержденіе за дворянскимъ сословіемъ привилегій въ области частнаго права; подтверждается право владѣть помѣстьями, передавать ихъ по наслѣдству, покупать деревни, заниматься торговлей, какъ

[1]) Постановленіе это является повтореніемъ § 6 манифеста 1762 года.

внутри Имперіи, такъ и за границей, строить и эксплоатировать заводы и фабрики; по отношенію къ наслѣдственному праву мы находимъ въ грамотѣ новую привилегію, а именно, статьей 23 отмѣнена конфискація имѣній у дворянъ, совершившихъ уголовное преступленіе; имѣніе въ такомъ случаѣ должно было переходить къ законнымъ наслѣдникамъ. Далѣе грамота подтверждаетъ указъ 1782 года о правѣ дворянъ, владѣющихъ имѣніемъ, на нѣдра земли, на всѣ металлы и минералы, въ ней находящіеся, и другой указъ того же года о правѣ дворянъ распоряжаться растущимъ въ ихъ имѣніяхъ лѣсомъ. Наконецъ статьи 35 и 36 освобождаютъ дворянъ отъ постойной повинности и личныхъ податей; въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ новой привилегіи; служилые люди всегда были освобождены отъ личныхъ повинностей; государство, пользуясь услугами служилаго сословія, отнимая у него государственною службой какъ бы всю жизнь, должно было освобождать его отъ имущественныхъ повинностей.

Этимъ заканчивается первая часть грамоты.

Если мы сравнимъ ее съ проектомъ правамъ благородныхъ, сочиненнымъ коммисіею о государственныхъ родахъ, то увидимъ, что, кромѣ извѣстной систематизаціи и болѣе точнаго и подробнаго текста отдѣльныхъ статей, жалованная грамота не внесла въ эту область ничего новаго; ею не установлено ни одного начала, которое уже не заключалось бы въ проектѣ. Въ послѣднемъ находимъ мы также корни основнымъ правамъ дворянскаго сословія, утвержденные за нимъ жалованной грамотой, говоримъ про «не лишеніе благородныхъ безъ суда дворянскаго достоинства, чести, жизни и имѣнія». Въ томъ же проектѣ можно найти и основныя положенія выше упомянутыхъ указовъ 1782 года, постановленія которыхъ включены въ статьи 33 и 34 грамоты. О свободѣ дворянъ служить или не служить, выбирать себѣ родъ службы, поступать на службу въ иностранныхъ государствахъ и вообще выѣзжать за границу также довольно подробно говоритъ проектъ правамъ благородныхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что основаніемъ первой части жалованной грамоты послужилъ проектъ, выработанный коммисіей о государственныхъ родахъ; Екатерина воспользовалась имъ, развивъ его положенія и изложивъ ихъ въ болѣе рельефной и опредѣленной формѣ.

Часть третья, «Наставленіе для сочиненія и продолженія дворянской родословной книги въ намѣстничествѣ», написана Императрицей самостоятельно. Значеніе ея въ интересующей насъ области скорѣе носитъ характеръ формальный, опредѣляя порядокъ внесенія дворянскихъ родовъ въ эти новыя книги, а равно и способы доказательства дворянскаго происхожденія. Для насъ эта часть грамоты имѣетъ значеніе, какъ первое установленіе формальнаго различія между сословіемъ дворянскимъ и прочими классами населенія; все дворянство было внесено въ особыя книги, которыя и служили доказательствомъ при рѣшеніи вопроса о принадлежности лица къ сословію благородныхъ; разъ за дворянствомъ правительствомъ были закрѣплены столь обширныя привилегіи и преимущества, надо было также строго опредѣлить кругъ тѣхъ лицъ, которыя этими привилегіями могли пользоваться, во избѣжаніе очень возможныхъ злоупотребленій; въ особенности часто встрѣчались злоупотребленія подобнаго рода на югѣ Россіи; за періодъ 1775—1785 годовъ мы находимъ массу жалобъ на произволъ мѣстной администраціи и большое количество судебныхъ дѣлъ; всѣ они показываютъ намъ, что именно на югѣ въ шляхетство пробирались незаконнымъ образомъ самые разнообразные элементы провинціальнаго населенія, а за неопредѣленностью законовъ и неустановившимися еще порядками въ мѣстныхъ учрежденіяхъ администраціи почти невозможно было опредѣлять въ каждомъ данномъ случаѣ степень законности спорныхъ притязаній.

Что касается второго различія, вводимаго третьей частью грамоты, говоримъ про раздѣленіе дворянства на установленные ею шесть разрядовъ дворянскаго сословія, то послѣднія имѣютъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ первое —

отдѣленіе дворянства отъ прочихъ сословій. На Руси характерной чертой исторіи дворянства является его служба Царю и Отечеству. Различіе родовъ дворянства, въ томъ видѣ, какъ оно было установлено грамотою 1785 года, и существующее и по наши дни, никогда не имѣло и имѣть не будетъ никакого значенія. Оно позаимствовано Императрицей изъ феодальнаго строя западныхъ государствъ; какого-либо значенія оно у насъ не получило. На Западѣ различіе дворянскихъ родовъ, построенное на древности ихъ происхожденія имѣло наоборотъ огромный смыслъ, вслѣдствіе непрерывной борьбы различныхъ классовъ населенія; такъ въ постоянной борьбѣ были простые дворяне съ графами и князьями, феодалы со своими сюзеренами и т. д. Всякое преимущество одного рода передъ другимъ играло въ такой обстановкѣ, конечно, огромную роль.

У насъ замѣчается какъ разъ противное; дворянство, какъ сословіе служилое, имѣло своимъ основнымъ принципомъ равенство своихъ членовъ; всякій, состоящій на государственной службѣ, могъ пріобрѣсти дворянское званіе и всѣ связанныя съ нимъ преимущества и привилегіи; равенство это признается и жалованной грамотой; такъ, при установленіи правъ и преимуществъ дворянства, она не дѣлаетъ никакого различія между отдѣльными его родами.

Но равенство это надо понимать только въ смыслѣ равной возможности пріобрѣтенія дворянскаго званія и равныхъ правъ, т. е. юридическаго положенія членовъ этого сословія. Фактически, конечно, существовало много различій; одни пользовались особыми милостями, другіе нѣтъ; одни вознаграждались помѣстьями, другіе чинами и т. д. Затѣмъ, конечно, фактически существовала огромная разница въ способахъ пріобрѣтенія дворянства и возможностяхъ отдѣльныхъ лицъ; награды, въ особенности чины жаловались не одною Верховною Властью, но и Сенатомъ, Синодомъ, коллегіями и даже генералъ-губернаторами; чины же за собой влекли пріобрѣтеніе дворянскаго званія; другими словами ряды дворянства зачастую пополня-

лись усмотрѣніемъ Сената, Синода, коллегій и намѣстниковъ; возможность пріобрѣтенія дворянства была, такимъ образомъ, далеко не равная.

Противъ подобнаго чрезвычайно широкаго способа пріобрѣтенія дворянскаго званія и возстали представители древнихъ родовъ.

Къ серединѣ XVIII столѣтія мы замѣчаемъ фактическое раздѣленіе всего дворянства на двѣ группы—древнихъ и выслужившихся изъ «подлыхъ» дворянъ, при чемъ это фактическое противупоставленіе названныхъ двухъ классовъ все росло. Юридически они были равны, фактически между ними лежала пропасть. Противуположеніе же это все усиливалось, благодаря стараніямъ представителей древнихъ родовъ; ихъ стремленія къ обособленію чрезвычайно характерно сказались, какъ мы видѣли, въ наказахъ и въ самой коммисіи 1767 года; здѣсь они ратовали въ свою пользу за особо привилегированное положеніе, за особыя преимущества; иные депутаты шли даже дальше и просили объ отмѣнѣ выслуги дворянскаго званія вообще, желая видѣть существованіе лишь одного способа пріобрѣтенія благородства Высочайшимъ пожалованіемъ. Но домогательства эти не получили осуществленія; подобныя требованія съ одной стороны были выраженіемъ слишкомъ малочисленнаго класса, съ другой же не соотвѣтствовали основамъ современной имъ жизни. У насъ сохранилось, такимъ образомъ, историческое ровенство, которое придаетъ русскому дворянству совершенно иную окраску, сравнительно съ западно-европейскимъ государственнымъ строемъ. Оно осталось и остается и по сей часъ сословіемъ служилымъ. Какъ вѣрно замѣчаетъ «Историческій Вѣстникъ» [1]), признакомъ «захудалости» рода было удаленіе его отъ «знатныхъ должностей и неверстаніе значительными вотчинами и помѣстьями, хотя бы родъ и былъ древняго происхожденія».

Но западныя идеи не могли не проникнуть къ намъ; нѣтъ возможности построить такую китайскую стѣну, которая отра-

[1]) Дворянская Грамота, стр. 639.

жала бы не только ядра и штыки, но и духовныя орудія; идейный міръ матеріальныхъ преградъ не знаетъ. Несмотря на разобщенность Россіи съ Западомъ, продолжавшуюся почти вплоть до второй половины минувшаго столѣтія, уже во времена Великой Императрицы стали понемногу проникать къ намъ идеи и порядки Запада; многимъ въ этомъ случаѣ содѣйствовала сама Императрица, ведя не только дѣятельную переписку съ выдающимися мыслителями Европы, но и поддерживая постоянную связь съ иностранными государствами и ихъ представителями.

Однимъ изъ результатовъ такой политики и было введеніе въ Имперіи различія родовъ дворянства, согласно шести разрядамъ. Въ извѣстномъ отношеніи удовлетворялось этимъ и желаніе самого дворянства; какъ мы только что упомянули, въ средѣ дворянства существовала тенденція выдѣлить старые роды отъ вновь выслужившихся. Просматривая современную Екатеринѣ литературу, мы часто встрѣчаемъ мысли объ обособленіи и выдѣленіи, какъ имѣющихъ меньшія права и значеніе, «хамовыхъ отродьевъ», выслужившихся изъ простолюдиновъ «аршинниковъ», о нежеланіи древнихъ родовъ общаться съ «крапивнымъ сѣменемъ», съ отростками «сладкаго корня» и т. п. Но различіе это было и осталось чисто внѣшнимъ. Служба попрежнему всѣхъ сравнивала и «знатная» должность дѣлала всякаго аршинника вполнѣ уважаемымъ и всѣми почитаемымъ и ставила его на одну ногу съ какимъ-нибудь Рюриковичемъ. Стоитъ только вспомнить Орловыхъ, Потемкина и др. дѣятелей временъ Екатерины Великой. Шесть разрядовъ родословныхъ книгъ остались и по наше время чисто формальнымъ различіемъ.

Согласно жалованной дворянству грамотѣ въ первую часть родословной книги вносилось дворянство, пожалованное Верховною Властью (ст. 77), во вторую дворянскіе роды, выслужившіе свое званіе военной службой (ст. 78), въ третью— службою гражданской (ст. 79), въ четвертую часть вносилось дворянство, имѣвшее патенты на свое званіе отъ иностран-

ныхъ государей (ст. 80), въ пятую—дворянство титулованное (ст. 81) и наконецъ въ часть шестую (ст. 82) «древніе благородные дворянскіе роды». Въ текстѣ этой послѣдней статьи сказано, что «Древніе благородные не иные суть, какъ тѣ роды, коихъ доказательства дворянскаго достоинства за 100 лѣтъ и выше восходятъ; благородное же ихъ начало покрыто неизвѣстностью». Но затѣмъ никакихъ другихъ различій между отдѣльными родами не было сдѣлано.

Въ дворянскую родословную книгу, одну на губернію (ст. 75), вносились подробныя свѣдѣнія касательно всѣхъ дворянъ, живущихъ въ уѣздѣ (ст. 72 и 73), на основаніи подлинныхъ документовъ или засвидѣтельствованныхъ копій (ст. 84), при чемъ грамота особенно тщательно останавливается на доказательствахъ благородства (ст. 91 и 92).

Все дѣлопроизводство по веденію родословныхъ книгъ возложено было на предводителей дворянства. Уѣздный предводитель собиралъ всѣ точныя свѣдѣнія о дворянахъ, жительствующихъ въ его уѣздѣ, и посылалъ ихъ губернскому предводителю (ст. 74); послѣдній же, вмѣстѣ съ особо выбранными для этой цѣли дворянскими депутатами, составлялъ на основаніи такихъ свѣдѣній родословную книгу губерніи (ст. 75). Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторую неточность, встрѣчаемую въ текстѣ статей 74 и 75. Въ нихъ говорится, что уѣздный предводитель посылаетъ свои свѣдѣнія къ губернскому въ *намѣстничество*, а родословная книга составляется одна на *губернію;* очевидная путаница терминовъ [1]); зная, что книги дѣйствительно велись по одной на каждую губернію, мы предполагаемъ, что подъ словомъ намѣстничество въ статьѣ 74 слѣдуетъ понимать *губернскій городъ*, въ которомъ жилъ губернскій предводитель, а таковымъ почти всегда былъ также городъ, въ которомъ жилъ и намѣстникъ; при существованіи

[1]) Можно изъ этого усмотрѣть желаніе Екатерины отождествить губернію съ намѣстничествомъ, что ею имѣлось въ виду. На практикѣ же, какъ извѣстно, намѣстничества составлялись обыкновенно изъ двухъ губерній.

двухъ губерній, оба губернскихъ предводителя обыкновенно жили въ одномъ и томъ же городѣ, гдѣ находился намѣстникъ.

На обязанности предводителей, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ, лежала провѣрка доказательствъ «благороднаго достоинства». На нихъ же лежала и отвѣтственность за правильное веденіе родословныхъ книгъ. Въ помощь имъ грамота установила новыхъ должностныхъ лицъ, депутатовъ, выбираемыхъ дворянствомъ на тѣхъ же избирательныхъ собраніяхъ, на которыхъ избирались предводители. Къ нимъ намъ придется вернуться немного ниже.

При внесеніи рода въ книгу, по постановленію дворянскаго собранія, могла взиматься извѣстная сумма денегъ въ общую дворянскую казну (ст. 86) [1]).

Высшей инстанціей, куда можно было жаловаться на постановленія предводителей, являлась герольдія (ст. 87). Нѣкоторыя права контроля имѣло и губернское дворянское собраніе; послѣднее могло требовать прочтенія протоколовъ, «дабы собраніе дворянства усмотрѣть могло порядочное производство сего дѣла» (ст. 88), но о дальнѣйшихъ мѣрахъ, которыя собраніе могло принимать въ случаѣ найденныхъ неточностей или злоупотребленій, ничего не говорится; очевидно путь былъ одинъ—доносить «для исправленія» герольдіи.

Послѣднія двѣ статьи грамоты 91 и 92, какъ нами уже указывалось, устанавливаютъ «доказательства благородства». Въ нихъ перечисляются всѣ доказательства на дворянство пожалованное, выслуженное, иностранное, а также дѣлаются ссылки на предшествовавшее законодательство, а именно на указъ царя Федора Алексѣевича объ уничтоженіи мѣстничества и на табель о рангахъ Петра Великаго. Въ заключеніе тамъ же упоминается объ отличіи установленнаго впервые грамотою 1785 года личнаго дворянства отъ потомственнаго

[1]) Идея дворянской казны принадлежала самой Императрицѣ и, надо замѣтить, практически принесла очень хорошіе результаты (Ср. трудъ Блума „Ein russischer Staatsmann“, B. II, Seite 299); впервые же она была примѣнена на практикѣ въ силу резолюцій 1778 года; см. выше стр. 122.

и о тѣхъ случаяхъ, при которыхъ званіе личнаго дворянина могло переходить въ потомственное.

II.

Обратимся теперь ко второй части жалованной грамоты.

Работа надъ ней несомнѣнно была гораздо труднѣе для Императрицы. Первая и третья части представляли мало затрудненій—первая являлась лишь развитіемъ проекта правамъ благородныхъ, третья была легка по самому своему существу. Во вторую же часть должно было войти все предшествовавшее законодательство ея царствованія по этому вопросу, переработанное и согласованное съ указаніями практики и опытами Сиверса; одновременно должны были быть приняты во вниманіе и научные принципы. Проектъ правамъ благородныхъ служить матеріаломъ въ данномъ случаѣ не могъ; его постановленія касательно дворянскаго сословнаго управленія были слишкомъ неполны.

Исходной точкой былъ взятъ Императрицей обрядъ 1766 года для выбора депутатовъ въ коммисію для сочиненія новаго уложенія, и затѣмъ къ нему добавлялись всѣ послѣдующія узаконенія; получившійся *агломератъ* самыхъ разношерстныхъ постановленій она затѣмъ систематизировала, создала изъ него одно цѣлое, дополнивъ его въ нѣсколькихъ мѣстахъ новыми положеніями и указаніями практики.

Вторая часть жалованной грамоты озаглавлена «О собраніи дворянъ, установленіи общества дворянскаго въ губерніи и о выгодахъ дворянскаго общества». Въ первой статьѣ (37) устанавливается основное положеніе, которымъ дворянство губерніи признается юридическимъ лицомъ; какъ таковое «оно можетъ пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличностями и преимуществами»; замѣтимъ, что въ такой ясной формѣ, правительство впервые признавало дворянское общество губерніи юридическимъ лицомъ; впослѣдствіи это понятіе уже крѣпко держится въ нашемъ законодательствѣ, исключая, какъ увидимъ ниже, короткаго періода въ царствованіи Павла I; уѣзд-

ныя общества по жалованной грамотѣ этого значенія не получили. Подтвержденіемъ такого взгляда служитъ текстъ статьи 71, въ которой прямо сказано, что жалованную грамоту «за Нашимъ подписаніемъ и приложеніемъ государственной печати повелѣваемъ дать дворянству *каждаго* намѣстничества». Органомъ новаго юридическаго лица являлось дворянское собраніе (ст. 38), собиравшееся разъ въ три года въ зимнее время, съ разрѣшенія генералъ-губернатора или губернатора.

Согласно статьямъ 38 и слѣд., дворянскія собранія бываютъ уѣздныя и губернскія. Замѣтимъ здѣсь, что мы не въ состояніи найти въ жалованной грамотѣ признаковъ для проведенія второго различія, предлагаемаго проф. Романовичемъ-Славатинскимъ [1]), а именно раздѣленіе собраній на обыкновенныя избирательныя и чрезвычайныя, созываемыя для выслушиванія предложеній генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Подобныя предложенія могли быть дѣлаемы на всякихъ собраніяхъ; о чрезвычайныхъ собраніяхъ въ грамотѣ вовсе не упоминается; въ ней не говорится даже о правѣ созыва таковыхъ генералъ-губернаторами; послѣдніе только разрѣшали открытіе собраній на общемъ положеніи, т. е. разъ въ трехлѣтіе; особое же право созыва собраній чрезвычайныхъ въ другое время появилось въ нашемъ законодательствѣ лишь позже.

Что касается компетенціи собраній, то главнѣйшей функціей ихъ было избраніе изъ среды мѣстнаго дворянства выборныхъ должностныхъ лицъ. Въ губернскихъ собраніяхъ выборы начинались избраніемъ губернскаго предводителя; порядокъ въ этомъ случаѣ былъ слѣдующій; губернское собраніе выбирало двухъ кандидатовъ и представляло ихъ намѣстнику, послѣдній утверждалъ одного изъ нихъ въ должности губернскаго предводителя (ст. 39). Уѣздные предводители избирались уѣздными собраніями согласно порядку, установленному еще Учрежденіемъ о губерніяхъ (ст. 40). Затѣмъ шли выборы прочихъ

---

[1]) Дворянство въ Россіи, стр. 426.

должностныхъ лицъ, при чемъ губернское собраніе избирало на мѣста губернскія, какъ, напр., засѣдателей въ Верхній земскій судъ и др., уѣздное же — на мѣста уѣздныя, какъ, напр., засѣдателей въ уѣздный судъ и т. п. При выборахъ соблюдался порядокъ, установленный Учрежденіемъ 1775 года ст. (40—44). Статья 45, впрочемъ, вводитъ маленькое отличіе, такъ какъ при большомъ количествѣ мѣстныхъ дворянъ могло иногда оказаться затруднительнымъ баллотировать каждаго изъ нихъ, какъ предполагалось прежними узаконеніями; статья 45 дозволяетъ представленіе собранію кандидатовъ и послѣдовательное баллотированіе лишь сихъ послѣднихъ; статья эта не упоминаетъ, кѣмъ такіе кандидаты должны были предлагаться; можно предполагать, что обязанность эта лежала на предводителѣ, предсѣдательствующемъ въ собраніи. Закончивъ выборы, собраніе должно было приступить къ выслушанію и обсужденію предложеній намѣстника (ст. 46), затѣмъ оно могло само представлять генералъ-губернатору «о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ» (ст. 47); далѣе подтверждалось право дворянскихъ собраній приносить жалобы и дѣлать представленія, черезъ особыхъ выбранныхъ депутатовъ, высшему правительству, въ Сенатъ и Императорскому Величеству (ст. 48); въ этой статьѣ прямо сдѣлана ссылка на предшествующее законодательство, представленія могли быть дѣлаемы и жалобы приносимы «на основаніи узаконеній». И, дѣйствительно, если мы вспомнимъ сказанное выше, въ этихъ статьяхъ мы не найдемъ ничего новаго.

Также только подтвержденіемъ прежнихъ узаконеній являются и слѣдующія статьи грамоты; дворянское собраніе могло имѣть свои—домъ (ст. 50), архивъ (ст. 51), печать (ст. 52), своего секретаря (ст. 53), особливую казну изъ «добровольныхъ складокъ», и употреблять оную «по общему согласію» (ст. 54) [1]).

Интересными представляются статьи 55, 56, 57 и 49.

---

[1]) См. выше стр. 122 и 152.

Этими статьями постановляется, во-первыхъ, что дворянское общество, какъ таковое, не можетъ быть привлечено къ отвѣтственности за преступленіе или проступокъ отдѣльнаго дворянина, во-вторыхъ, что дворянское собраніе не можетъ быть требуемо въ судъ или заключено подъ стражу; статьей же 49 запрещается дворянскому собранію «дѣлать положенія противныя законамъ» или требованія въ нарушеніе узаконеній, подъ опасеніемъ за первый случай (т. е. за положенія противныя законамъ) наложенія взысканія на собраніе въ размѣрѣ 200 рублей, а за второй (т. е. за требованія въ нарушеніе узаконеній) уничтоженія «не дѣльныхъ требованій».

Кромѣ того собранію дворянъ дано было и другое активное право: послѣднее получило извѣстную дисциплинарную власть надъ членами дворянскаго сословія. Согласно статьѣ 65 собраніе имѣло право исключать изъ своей среды и тѣмъ самымъ устранять данное лицо отъ выборной службы вообще, дворянина опороченнаго судомъ или обличеннаго въ явныхъ и безчестныхъ порокахъ. Подобное дисциплинарное право имѣло огромное значеніе; дворянское общество не только получило контроль надъ выборной службой, исключая изъ нея нежелательные элементы, но тѣмъ самымъ имѣло возможность косвеннаго воздѣйствія и на государственную службу; очевидно, что лицо, исключенное изъ собранія и отъ выборной службы, не могло уже разсчитывать быть принятымъ на какую-либо административную должность. Такое дисциплинарное право кромѣ того доказываетъ намъ, что сословное управленіе дворянства получило съ этого момента новую окраску; всякій правительственный актъ, дающій ему бо̀льшую самостоятельность, приближалъ его къ самоуправленію. Статья 65 жалованной грамоты была юридически зачаткомъ самоуправленія дворянскаго сословія. Новое начало это было чревато будущностью. Сама редакція статьи однако оставляетъ желать весьма многаго; ею не предусмотрѣны ни способъ удостовѣренія собраній въ поводахъ къ исключенію дворянина, ни

требуемый для этого quorum собранія; не опредѣлено также, откуда должна исходить иниціатива исключенія.

Переходя къ дальнѣйшему разбору второй главы грамоты, мы находимъ второй новый юридическій принципъ, вводимый ею въ область сословнаго управленія, а именно установленіе ограничительнаго избирательнаго ценза. Какъ было указано выше, подобныя начала, въ видѣ опыта, были введены въ нѣкоторыхъ намѣстничествахъ. Постановленія обряда 1766 года были слишкомъ неопредѣленны. Въ законодательныхъ актахъ, изданныхъ до жалованной грамоты, включая сюда и Учрежденіе 1775 года, почти не затрагивался вопросъ о цензѣ, результатомъ чего была чрезвычайная путаница. Между тѣмъ практика доказывала необходимость извѣстнаго ограниченія избирательнаго права. По обряду 1766 года активное избирательное право опредѣлялось дѣйствительнымъ владѣніемъ имѣніемъ въ уѣздѣ, пассивное же: 1) также дѣйствительнымъ владѣніемъ имѣніемъ въ уѣздѣ (безъ какого-либо опредѣленія его стоимости или получаемаго дохода), 2) отсутствіемъ явныхъ пороковъ или осужденія штрафомъ, 3) честностью и незазорностью поведенія, при чемъ было безразлично, служило ли или нѣтъ данное лицо; чинъ же вовсе не принимался во вниманіе и, наконецъ, 4) тридцатилѣтнимъ возрастомъ, для избранія въ предводители и 25-лѣтнимъ для избранія въ депутаты.

Постановленія жалованной грамоты по этому вопросу слѣдующія: для активнаго права, къ прежде существовавшему условію владѣнія въ уѣздѣ имѣніемъ прибавлено еще два— 25-лѣтній возрастъ и оберъ-офицерскій чинъ. Ограниченія эти вполнѣ понятны; въ собраніяхъ участвовали прежде молодые люди совершенно незрѣлые и не подготовленные къ какой-либо общественной дѣятельности; очевидно, что при новой болѣе широкой компетенціи дворянскихъ собраній эти молодые люди могли оказаться совершенно непригодными для такой дѣятельности, исключеніе же изъ собранія нижнихъ чиновъ оправдывается соображеніями военной дисциплины. Пассивный цензъ былъ установленъ опредѣленіемъ размѣра дохода, полу-

чаемаго съ имѣнія; доходъ этотъ долженъ былъ быть не менѣе 100 рублей въ годъ; во-вторыхъ, требовались также оберъ-офицерскій чинъ и 25-лѣтній возрастъ. Остальныя условія, о которыхъ говоритъ обрядъ 1766 года, оставались въ силѣ, какъ-то: неопороченность судомъ, отсутствіе явныхъ пороковъ и зазорнаго поведенія и честность.

Надо замѣтить, что статьи, касающіяся активнаго ценза, редактированы въ отрицательномъ смыслѣ (ст. 63 и 64). Дворяне моложе 25 лѣтъ и не имѣющіе оберъ-офицерскаго чина въ собраніи присутствовать могли, но не имѣли права голоса и не могли «сидѣть съ заслуженными»; такимъ образомъ было введено различіе двухъ категорій дворянъ, однихъ только присутствующихъ и другихъ — полноправныхъ избирателей; интересенъ терминъ «заслуженные», рисующій уже отмѣченное нами не разъ отношеніе правительства къ службѣ дворянскаго сословія; для него дворянство всегда оставалось служилымъ.

Статьи, трактующія о цензѣ несравненно опредѣленнѣе и выпуклѣе всего предшествовавшаго законодательства и, надо сказать, и проще положеній послѣдующихъ реформъ въ этой области. Въ уѣздахъ еще не успѣла выдѣлиться категорія мелкопомѣстныхъ дворянъ и, слѣдовательно, не было необходимости вводить бо̀льшія цензовыя ограниченія и устанавливать различіе между непосредственнымъ правомъ голоса и выборами черезъ уполномоченныхъ; въ этотъ періодъ царствованія Екатерины въ провинціи еще не успѣли раздѣлиться два класса дворянъ, однихъ—богачей и вельможъ, владѣющихъ безчисленными имѣніями и огромными количествами крѣпостныхъ, другихъ—болѣе бѣдныхъ, пользующихся доходами отъ маленькихъ деревенекъ, населенныхъ не тысячами, а лишь десятками душъ.

Постановленія жалованной грамоты о цензѣ подверглись ярымъ нападкамъ князя Щербатова. «Содрогается духъ мой, читавъ сію статью, пишетъ онъ, чтобы дворянина, имѣющаго меньше ста рублевъ доходу съ деревень своихъ, въ должности,

зависящія отъ выбора дворянства, не выбирать, яко бы благородность и честность отъ доходу зависѣли и тотъ бы благороднѣе былъ, кто есть богатѣе» [1]). Мы имѣемъ здѣсь очень характерное выраженіе основного взгляда дворянства на свое положеніе въ государствѣ. Послѣднее должно было опредѣляться единственно службой, а на службѣ всѣ были равны; такимъ образомъ, постановленія о цензѣ принципіально противорѣчили понятіямъ служилаго сословія; Щербатовъ описалъ доводы противъ введенія ценза очень картинно. Совершенно такъ же отнесся онъ и ко второму нововведенію жалованной грамоты, къ раздѣленію дворянъ на лицъ, имѣющихъ право лишь присутствовать въ собраніяхъ, и на избирателей-полноправныхъ.

Щербатовъ, впрочемъ, дѣлаетъ нѣкоторое исключеніе; многіе дворяне по его мнѣнію выходятъ слишкомъ рано въ отставку, «чрезъ что дѣйствительно служба претерпѣваетъ»; такихъ дворянъ, конечно, можно было отстранять отъ выборной службы, какъ бы въ наказаніе за пренебреженіе ими службой; отстраненіе же другихъ было противно правамъ и привилегіямъ дворянскаго корпуса; въ этомъ также звучатъ традиціи служилаго сословія, крайнимъ представителемъ которыхъ былъ Щербатовъ. Взгляды его не нашли себѣ отголоска въ работахъ Императрицы.

Къ вопросу о цензѣ намъ не разъ еще придется возвращаться; впослѣдствіи мы замѣтимъ все бо́льшее ограниченіе права участія въ дворянскихъ выборахъ; жалованная грамота, первая положила начало этимъ ограниченіямъ; въ послѣдующее время они только росли, что вполнѣ понятно при томъ постепенномъ мельчаніи дворянскаго элемента въ уѣздѣ; въ началѣ царствованія Екатерины еще многіе богачи жили въ своихъ помѣстьяхъ, пользуясь предоставленной имъ Манифестомъ 1762 года свободой, но уже къ концу ея царствованія

[1]) Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ (1785 г.). Сочиненія М. М. Щербатова. Спб. 1896 г., томъ I, стр. 303 и слѣд.

замѣчается обратное движеніе въ столицу, въ погонѣ за весельемъ, карьерой, почестями, то самое движеніе, противъ котораго безсильно боролся Николай Павловичъ и которое столь пагубно отразилось на общемъ характерѣ выборной службы на нашей родинѣ.

Статьи 59—61 подтверждаютъ постановленія Учрежденія о губерніяхъ касательно установленія и функціонированія дворянской опеки; они не вносятъ ничего новаго, цитируя лишь соотвѣтствующія статьи Учрежденія 1775 года.

Что касается до отношенія къ дворянскому сословному управленію правительственныхъ органовъ и въ частности генералъ-губернаторовъ, то объ этомъ въ грамотѣ находимъ мы чрезвычайно мало постановленій, о чемъ нельзя не пожалѣть. Мы имѣемъ здѣсь самое слабое мѣсто грамоты 1785 года, которое тѣмъ болѣе странно, что, какъ припомнимъ, Екатерина обращала очень серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Опредѣленія, сюда относящіяся, заключаются въ статьяхъ 38 и 46, гдѣ говорится, что генералъ-губернаторы и губернаторы созываютъ дворянскія собранія и имѣютъ право предлагать на ихъ обсужденіе свои представленія, которыя должны собраніями приниматься въ уваженіе; по нимъ должны дѣлаться «пристойные отвѣты, рѣшенія и соглашенія». Затѣмъ генералъ-губернаторы, а за ихъ отсутствіемъ губернаторы, утверждаютъ дворянскіе выборы и въ частности губернскаго предводителя изъ представляемыхъ дворянскимъ собраніемъ двухъ кандидатовъ. Вотъ и все.

«При такой неопредѣленности закона, говоритъ проф. Романовичъ-Славатинскій [1]), фактически генералъ-губернаторы и даже губернаторы поработили собранія своей властью». Да иначе и быть не могло, прибавимъ мы. Названный ученый видитъ двѣ категоріи причинъ этому явленію, однѣ внѣшнія, другія внутреннія Что касается причинъ внѣшнихъ, то онѣ вполнѣ ясно выступаютъ, если только вспомнить тотъ блескъ,

---

[1]) Выше назв. соч., стр. 441.

которымъ окружали себя въ намѣстничествахъ временщики Екатерины; вся обстановка напоминала въ миніатюрѣ столичную жизнь двора; балы смѣнялись пріемами, маскарады вечеринками. «Намѣстникъ начальствовалъ въ видѣ Царя», говоритъ Сумароковъ; «великолѣпіе его дома, продолжаетъ тотъ же авторъ, адъютанты, почетные дворяне, богатая прислуга давали нѣкоторое понятіе о столицѣ, дворѣ; балы, вечеринки у него, у другихъ послужили школою для бѣдныхъ помѣщиковъ; ихъ жены, дочери познали свѣтскость, пристойность, потребности увеличились и торги, промышленность распространились. Привыкли къ вѣжливости, опрятности (!); распутство, своеволіе уменьшились, жестокость къ подданнымъ смягчилась; стали стыдиться невѣжества, отдавать дѣтей въ училища, вслушиваться, подражать хорошимъ примѣрамъ, и кто видѣлъ закоснѣлаго въ грубости, тотъ черезъ пять лѣтъ потомъ находилъ удивительную въ немъ перемѣну» [1]). Но если торговля и промышленность росли и начали процвѣтать, то скоро стало проявляться другое, менѣе симпатичное явленіе, говоримъ, про роскошь и расточительность дворянскаго сословія, съ которыми пришлось бороться уже самой Екатеринѣ; объ этомъ впрочемъ ниже.

Итакъ, мы видимъ, что внѣшнее положеніе намѣстника не могло не способствовать все большему развитію его вліянія на всю провинціальную жизнь, включая сюда, конечно, и дворянское сословное управленіе. Не менѣе способствовали подчиненію генералъ-губернаторской власти дворянскаго сословнаго управленія причины внутреннія. Вышеназванный ученый видитъ въ этомъ процессѣ подчиненія сословнаго управленія намѣстнической власти болѣе или менѣе сознательную дѣятельность правительства. Давая въ руки дворянскаго общества всю выборную службу, а послѣдняя подавляюще преобладала въ уѣздѣ надъ службою государственной, правительство будто бы не могло не дать генералъ-губернаторамъ и

[1]) Павелъ Сумароковъ. „Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія“, 1832 г. Часть II, стр. 27.

губернаторамъ строжайшаго контроля, не могло не подчинить дворянскія собранія постоянному наблюденію губернскихъ прокуроровъ [1]). Думается намъ наоборотъ, процессъ въ этомъ случаѣ былъ вполнѣ безсознательный. Мы видимъ какъ разъ обратное. Императрица постоянно защищала самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія, ограничивая власть намѣстниковъ по отношенію къ нему, на что мы уже имѣли случай указывать; при разборѣ дальнѣйшаго законодательства царствованія Екатерины II, намъ придется не разъ еще подчеркивать ту же мысль Императрицы. Если широта власти намѣстника и вела необходимо къ подчиненію ему дворянскаго сословнаго управленія, то только благодаря той неопредѣленности, которая господствовала въ области ихъ взаимныхъ отношеній, а послѣдняя вызывалась тѣмъ, что реформы Великой Императрицы носили характеръ отрывочный, законодательныя мѣры, ею предпринятыя, не были доведены до конца; многое осталось не додѣланнымъ, невыясненнымъ; послѣдующей практикѣ пришлось примѣняться къ такому положенію вещей; лишь сила времени объединила обломки реформъ Екатерины. По отношенію же къ все бо́льшему поглощенію самостоятельности дворянскаго сословнаго управленія мы скажемъ лишь одно: если Екатерина Великая и отстаивала такую самостоятельность, и хотя и не могла достигнуть этого по указаннымъ выше причинамъ, она проявляла, по крайней мѣрѣ, въ этомъ направленіи лучшія стремленія, послѣдующія же правительства, вплоть до реформъ шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, наоборотъ, дѣлали все возможное, чтобы лишить дворянское сословіе права на самостоятельное завѣдываніе собственными сословными нуждами и интересами. Генералъ-губернаторская и губернаторская власть все усиливалась въ ущербъ началамъ самоуправленія; процессъ этотъ шелъ впередъ тѣмъ легче, что сама жизнь, какъ мы видѣли выше, расчищала ему свободный и естественный путь [2]). Вотъ почему

[1]) Выше назв. соч., стр. 442.

[2]) Ср., напр., Гольцевъ, „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“, стр. 63 и примѣчанія 31 и 32.

мы беремся утверждать, что невыясненность отношеній къ дворянскому сословному управленію мѣстныхъ коронныхъ властей составляетъ слабое мѣсто жалованной грамоты 1785 года; она подорвала и принципъ самоуправленія, который собственно составлялъ основное начало этого знаменитаго акта. Если бы Екатерина точнѣе опредѣлила права и обязанности намѣстниковъ по отношенію къ дворянскимъ обществамъ и собраніямъ и ограничила ихъ права надзоромъ за законностью дѣятельности дворянскихъ собраній, можетъ быть впослѣдствіи труднѣе было бы мѣстнымъ властямъ поглотить самостоятельность вновь зародившагося самоуправленія и свести начинанія Императрицы къ нулю; если фактически намѣстники и играли бы видную роль въ дворянскомъ сословномъ управленіи, то юридически, по крайней мѣрѣ, они были бы ограничены, что дало бы возможность и Сенату и Верховной Власти болѣе успѣшно обуздывать ихъ своевластіе и во всякомъ случаѣ не дало бы повода перейти такой обширной власти въ руки губернаторовъ.

Остается упомянуть еще о послѣднихъ статьяхъ второй части грамоты (66—71). Онѣ говорятъ о родословной книгѣ и регулируютъ отношенія къ ней сословныхъ органовъ и дворянскихъ собраній.

Дворянская родословная книга учреждалась, какъ говоритъ грамота, дабы дать дворянству возможность „тѣмъ наипаче продолжать свое достоинство и названіе наслѣдственно, въ поколѣніе, непрерывно, непоколебимо и невредимо отъ отца къ сыну, внуку, правнуку и законному потомству, пока Богу угодно продлить имъ наслѣдіе» (ст. 66). А для этого каждому уѣздному собранію предлагалось избрать на три года по одному депутату на уѣздъ, баллотированіемъ, т. е. общимъ порядкомъ, «дабы обще съ губернскимъ предводителемъ дворянства той губерніи, имѣли попеченіе о дѣйствительномъ составленіи и продолженіи той дворянской родословной книги по данному имъ для того наставленію» (ст. 67). Такимъ образомъ, учреждался новый сословный органъ, депутатъ дворянства, задачей кото-

раго было наблюденіе за правильнымъ веденіемъ родословной книги, внесеніе въ оную всѣхъ измѣненій, происходящихъ въ дворянскихъ родахъ, вслѣдствіе новыхъ рожденій, а также браковъ и смерти его членовъ. Если мы вспомнимъ, что фактъ внесенія дворянина въ книгу не только дѣлалъ его полноправнымъ членомъ мѣстнаго дворянскаго общества, но давалъ ему право присутствовать въ дворянскомъ собраніи и пользоваться «общими преимуществами дворянства той губерніи» (ст. 68—70), то роль депутата покажется намъ въ области дворянскаго сословнаго управленія вовсе не малозначительною. Правда, впослѣдствіи значеніе дворянскаго депутата сильно пало, но причина тому чисто внѣшняя — общее паденіе самостоятельности дворянскаго сословнаго управленія, съ одной стороны, и все меньшее значеніе, съ постепеннымъ уменьшеніемъ въ нашемъ отечествѣ принципа сословности, дворянской родовитости, съ другой.

Этимъ заканчиваемъ мы разборъ этого столь существеннаго въ интересующей насъ области законодательнаго акта. Повторимъ здѣсь слова Павла Сумарокова [1]: «Въ день своего тезоименитства Екатерина обрадовала дворянство пожалованіемъ ему въ вѣчное потомство грамоты, которою разрѣшались всѣ бывшія до того недоразумѣнія, о лицахъ, поколѣніяхъ, супружествахъ, преступленіяхъ и достоинство дворянъ болѣе утвердилось. Императрица при всѣхъ случаяхъ благоволила къ сему сословію». Если грамотою и не разрѣшены въ дѣйствительности «всѣ бывшія до того недоразумѣнія», то ею во всякомъ случаѣ внесенъ бо́льшій порядокъ въ область сословнаго управленія и заложено вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе самоуправленію дворянскихъ обществъ.

III.

Жалованная грамота дворянству установила новое и весьма важное начало; дворянскому сословному управленію были даны

[1] П. Сумароковъ. „Черты Екатерины Великія“, стр. 286.

новыя права и бо́льшая самостоятельность въ дѣлѣ завѣдыванія сословными нуждами; ему даровано было самоуправленіе. Юридически такая реформа имѣетъ, конечно, огромное значеніе; нельзя однако сказать, чтобы она имѣла и фактическое значеніе, т. е. внесла бы существенныя измѣненія въ строй дворянской жизни и оказала бы какое-либо вліяніе на корпоративную организацію сословія.

Дворянство, какъ увидимъ ниже, не воспользовалось, да и не могло воспользоваться, новыми началами жалованной грамоты.

Причины, дѣйствовавшія въ этомъ направленіи, очень многочисленны. Главная же изъ нихъ — неразвитость и некультурность дворянскаго сословія, его почти поголовное невѣжество, сильно поощряемое крѣпостнымъ правомъ. Начала самоуправленія, чтобы дѣйствительно войти въ жизнь, а не остаться, какъ въ этомъ случаѣ и было, лишь буквою закона, требуютъ извѣстной степени развитія того общества, которому они даруются.

Въ этомъ насъ убѣждаетъ исторія введенія самоуправленія во всѣхъ западныхъ государствахъ; оно появлялось лишь при ростѣ культуры, сначала постепенно, въ видѣ отдѣльныхъ уступокъ правительства, навязываясь впослѣдствіи силою необходимости при проявленіи въ обществѣ сознанія своихъ корпоративныхъ интересовъ. Невольно вспоминается знаменитое изреченіе, что всякое общество пользуется лишь той формой управленія, которую само заслуживаетъ.

Просматривая исторію русскаго общества второй половины XVIII столѣтія, мы не можемъ не убѣдиться въ томъ, что оно не доросло еще до самоуправленія; исключая самаго малаго числа семей, воспитывавшихся и выросшихъ въ столицѣ, большинство дворянства было темно до крайности, едва умѣло читать и писать. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе современники Екатерины [1]). Насколько эта некультурность и

[1]) Такъ, напр., Болотовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ съѣздъ дворянъ, бывшій въ 1785 году, созванный для переоброчки богоро-

невѣжество были велики, можно судить, напр., изъ того факта, что нѣкоторые писатели заподозривали Великую Императрицу въ неискренности, въ томъ, «что она, не отваживая ни малѣйше симъ смѣлымъ поступкомъ (дарованіемъ дворянству права на самоуправленіе) своего самодержавія, бросить пыль въ глаза Европѣ и обморочитъ дворянство» [1]).

По мысли этого автора Екатерина не могла не сознавать неподготовленности сословія къ самоуправленію; отсюда, конечно, объясненіе изданія грамоты, желаніемъ бросить пыль въ глаза Европѣ и обморочить потомство; авторъ не понялъ значенія этого акта для дворянства; если устанавливаемое имъ самоуправленіе и не въ состояніи было осуществиться, это не отнимало еще у грамоты ея огромнаго вліянія на современную ей жизнь и на будущее развитіе дворянскаго сословія; послѣдующая исторія доказала, насколько актъ этотъ былъ плодотворенъ, и если отчасти и правда, что «во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и

дицкихъ земель; здѣсь было „пьянство, буянство, собираніе бабъ, скачки, пляска и всякія гадости и безпутства“ (Записки, томъ, I, стр. 147). Ср. также Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Москва, 1886 г., стр. 55—62, и примѣчанія 1—28.

Болотовъ въ своихъ запискахъ даетъ намъ не одинъ примѣръ грубости нравовъ и невѣжества тогдашняго дворянства: такъ во 2-мъ томѣ, на стр. 356, онъ приводитъ слѣд. разговоръ свой съ мѣстнымъ помѣщикомъ: „пожалуюсь тебѣ, любезный другъ, что хоть много сосѣдей, но истинно не съ кѣмъ и одного словца разумнаго промолвить“; такое же замѣчаніе находимъ и на стр. 410; интересна характеристика одного сосѣда Болотова, преданнаго солдатчинѣ (т. II, стр. 723 и слѣд.); разсказы его о дѣвкахъ, замученныхъ въ стулѣ за плетеньемъ кружевъ, о бабѣ, умертвлявшей младенцевъ, о свадьбѣ съ пьянымъ женихомъ, поркѣ плетьми, пыткѣ и т. п., уже не разъ приводились въ нашей литературѣ; факты звѣрства были еще обыденнымъ явленіемъ (ср. для примѣра записки А. Т. Болотова, приложеніе къ „Русской Старинѣ“ 1871 года, томъ II, стр. 745, 788, 1039 и томъ III, стр. 284, 476 и 550).

Несмотря на многіе результаты, достигнутые въ царствованіе Великой Императрицы, и на замѣтное движеніе впередъ по пути прогресса и культуры, общій уровень дворянства стоялъ еще очень низко, грубость и невѣжество все еще господствовали въ провинціи.

[1]) Записки Винскаго. „Русскій Архивъ“ 1877 г., книга первая, стр. 102.

ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо» [1]), то нельзя же отрицать ту огромную пользу, которую принесли въ исторіи Россіи учрежденія, основанныя сословными реформами Екатерины II. Намъ кажется совершенно второстепеннымъ тотъ фактъ, что начала самоуправленія дворянскаго сословія фактически не осуществились; это имѣетъ извѣстное значеніе съ точки зрѣнія юридическаго изслѣдованія, несомнѣнно, но въ исторіи дворянскаго сословнаго управленія фактъ этотъ сыгралъ очень небольшую роль.

Итакъ, возвращаясь къ разсмотрѣнію причинъ, воспрепятствовавшихъ дворянскому сословію воспользоваться предоставленнымъ ему жалованной грамотой 1785 года правомъ на самоуправленіе, повторимъ, что главнѣйшею изъ нихъ было невѣжество самого сословія; для характеристики приведу цитату изъ тѣхъ же записокъ Винскаго, столь порицавшаго этотъ законодательный актъ Екатерины [2]): «важнѣйшимъ и точно полезнымъ пожалованіемъ, говоритъ онъ, можно бы почесть права и преимущества дворянству и городамъ данныя, *ежели бы мы умѣли читать и понимать* [3])... Скажу смѣло, и всякъ благомыслящій меня одобритъ, что у насъ людей со свѣдѣніями весьма немного тогда было, потому что одни лучшіе и достаточнѣйшіе домы, чрезъ воспитаніе доставали знаніе, что изъ сихъ домовъ наполнялися дворъ, гвардія и важнѣйшія мѣста въ столицахъ, и что въ губерніяхъ таковыхъ особъ было весьма мало; жившее же въ деревняхъ дворянство, по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бывавшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ, съ нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я назвалъ чернью? И сія-то благородная чернь, будучи самая людная, составляла дворянскія собранія!» Картина не изъ особенно привлекательныхъ.

Отмѣтимъ здѣсь одно важное послѣдствіе этого явленія. Подобное невѣжественное состояніе общества давало мѣстнымъ

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же, стр. 102.
[3]) Курсивъ нашъ.

правительственнымъ органамъ всѣ данныя къ увеличенію ихъ власти и постепенному поглощенію началъ самоуправленія. Отсюда та легкость, съ которой Екатерининскіе намѣстники заняли въ провинціи положеніе вице-королей и всевластныхъ правителей.

Къ этому присоединялся еще одинъ важный факторъ— полное безправіе крестьянской массы. Начала самоуправленія не могли найти настоящаго примѣненія и развитія при такихъ условіяхъ, когда подавляющее большинство населенія государства находилось въ крѣпостной зависимости, когда правительству приходилось принимать мѣры къ пресѣченію «тиранства» и жестокости дворянскаго сословія. Какъ указалъ еще проф. Градовскій [1]), такіе термины, какъ «тиранство», не были риторическими оборотами, «они были направлены прямо по адресу общества, рождавшаго Салтычихъ и пережившаго пугачевщину». При такихъ условіяхъ, вѣрно замѣтилъ названный ученый, фактически даже *невозможно* было основать мѣстную автономію.

Все это неизбѣжно повело къ усиленію въ провинціи мѣстной правительственной власти и въ частности генералъ-губернаторскаго верховенства. Судьбу власти послѣдняго характерно описываетъ Сперанскій въ своемъ введеніи къ намѣстническому учрежденію [2]). «Отъ сего, говоритъ онъ, т. е. отъ полной неопредѣленности законодательныхъ положеній, касательно генералъ-губернаторской власти, произошло, что званіе генералъ-губернаторовъ, уваженное сначала, когда они представляли въ себѣ не губернскихъ правителей, но вельможъ, присланныхъ и уполномоченныхъ правительствомъ на время, для открытія губерній,—впослѣдствіи приняло всѣ личныя свойства тѣхъ, коимъ было ввѣрено и въ однихъ превратилось въ самовластіе, въ другихъ пало въ бездѣйствіе».

---

[1]) Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи, Сборникъ государ. знаній, томъ VI, стр. 132.

[2]) Цит. по Калачеву. Разборъ сочиненія Андреевскаго о намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, стр. 107.

По этому же поводу интересно привести мнѣніе стараго защитника дворянскихъ привилегій, князя Щербатова. Разбирая постатейно жалованную грамоту, Щербатовъ останавливается и на отношеніяхъ къ дворянскому сословному управленію органовъ администраціи, въ частности на всевластіи намѣстниковъ; самостоятельное сословное управленіе, конечно, полезно по его мнѣнію; но сего по жалованной грамотѣ не было установлено, дворяне «собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо какъ нѣкоторыя орудія, которыя сносятъ для угненія самихъ же ихъ» [1]).

Очень характерно отношеніе Щербатова къ положенію губернскаго предводителя; такой должности, говоритъ онъ [2]), по жалованной грамотѣ нѣтъ; «и тако я вопрошаю, на что онъ? *ибо чинъ безъ должности есть ничто*».

Здѣсь авторъ опять-таки отмѣчаетъ ту зависимость органовъ сословнаго управленія, «уподляющую чинъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей». Сказанное нами къ несчастью только подтверждаетъ вѣрность предсказанія Щербатова; указанный выше пробѣлъ грамоты, не регулировавшей отношеній между правительственными и сословными органами, дѣйствительно повелъ къ паденію значенія этихъ послѣднихъ и къ безмѣрному усиленію власти намѣстниковъ.

Не довольствуясь этимъ, Щербатовъ указалъ и другое нежелательное воздѣйствіе правительственныхъ органовъ на дворянское сословное управленіе, а именно, на существовавшую для намѣстниковъ и губернаторовъ фактическую возможность воздѣйствія на избраніе выборныхъ должностныхъ лицъ, благодаря все той же неопредѣленности грамоты [3]). Намѣстники могли косвенно вліять на баллотированіе, могли не утверждать нежелательныхъ имъ кандидатовъ и т. п.

---

[1]) Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права, на Манифестъ (1785 года). Сочиненія М. М. Щербатова. Спб. 1896 г., томъ I, стр. 295 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 296.

[3]) Тамъ же, стр. 298.

Не ясна была по мнѣнію Щербатова и редакція статьи 48, говорившей о правѣ дворянъ ходатайствовать о своихъ нуждахъ передъ Верховной Властью; дворянство, по мнѣнію автора, должно было получить гораздо болѣе широкое право «представлять правительству, когда и самыя узаконенія какую имъ тягость наносятъ», иначе право ходатайства было «не иное что, какъ позволеніе визжать, когда кого бьютъ» [1]).

Мы должны вполнѣ согласиться съ изложенными мыслями Щербатова; имъ отмѣчены были въ данномъ случаѣ крупные пробѣлы жалованной грамоты, вредно отозвавшіеся на дальнѣйшемъ развитии дворянскаго сословнаго управленія.

Итакъ, надъ дворянскимъ сословнымъ управленіемъ постепенно образовалась система правительственныхъ должностей, болѣе крѣпкихъ, болѣе жизненныхъ; если мы припомнимъ, что дворяне и на выборную службу никогда иначе не смотрѣли, какъ на ту же службу государственную, то намъ сразу ясно станетъ ихъ предпочтеніе послѣдней; очевидно, что гораздо болѣе выгоднымъ, при такомъ положеніи вещей, представлялось служить въ какомъ-нибудь губернскомъ правленіи, чѣмъ выборнымъ судьей или капитанъ-исправникомъ; а еще соблазнительнѣе были высокіе провинціальные посты; послѣдніе же получались лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы въ столицахъ.

Дворянъ потянуло обратно въ столицы, ко двору, къ цивилизаціи, къ власти, карьерѣ, наконецъ къ роскоши и комфорту. Что могла дать въ этомъ отношеніи провинція? Уже въ это время почувствовался тотъ недостатокъ, который свелъ впослѣдствіи выборную службу къ той же правительственной, но съ худшимъ оттѣнкомъ; отъ нея постепенно стали уклоняться, «отлынивать» лучшіе элементы дворянскаго сословія; выборная служба перешла въ руки мелкопомѣстнаго, «малоимочнаго» дворянства, еще бóльшее невѣжество котораго могло только способствовать разложенію началъ самоуправленія.

[1]) Тамъ же стр. 300. Это же мѣсто цитировано проф. Дьяконовымъ въ его статьѣ „Публицистъ XVIII вѣка", „Вѣстникъ Права", Сентябрь 1904 г., стр. 24.

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, слѣдовательно, какъ жизненныя условія подтачивали гуманныя и высокія начинанія Великой Императрицы; начала самоуправленія, юридически ею введенныя, фактически никогда не осуществились; выборная служба стала почти тождественной со службой правительственной.

Такое положеніе вещей очень ярко рисуется Каразинымъ [1]), уже указывавшимъ на то, что выборныя должности, не представляли служебнаго интереса и пренебрегались дворянами: «Отъ сего произошло, что со времени открытія намѣстничествъ мало-по-малу важность дворянскихъ выборовъ упала до того, что напослѣдокъ стали производить ихъ съ пренебреженіемъ. Никто изъ людей достойныхъ не хотѣлъ быть выбраннымъ въ уѣздные чины или въ Верхній земскій судъ и сіи мѣста предоставляли какъ милостыню дворянамъ, не имѣющимъ другихъ способовъ къ жизни. Вообще примѣчено, что первые выборы въ губерніяхъ были и самые лучшіе: тогда не успѣли еще разсмотрѣть всѣхъ сихъ послѣдствій, и намѣренія Монархини произвели всеобщій энтузіазмъ къ добру; простылъ сей жаръ, когда увидѣли, что безпристрастіе выбирающихъ и безкорыстіе избранныхъ были равно посмѣяны... что уѣздныя присутственныя мѣста суть пустая инстанція», а дѣло, прибавляетъ проф. Милюковъ, вершится въ губерніи, въ коронныхъ палатахъ.

Но если попытка ввести въ Россіи дворянское самоуправленіе привела къ самымъ ничтожнымъ результатамъ, то это еще не значитъ, что вышеразобранная реформа Екатерины II не имѣла никакого значенія для дворянскаго сословія. Она составляетъ, несомнѣнно, эпоху въ нашей государственной жизни; она укрѣпила корпоративную связь сословія, систематизировала службу по выборамъ дворянства; уѣздъ и провинціальная жизнь получили новую окраску; имъ такимъ образомъ, было обезпечено дальнѣйшее развитіе, и въ этомъ вели-

[1]) См. Милюковъ, „Очерки по исторіи русской культуры“, „Міръ Божій“, 1902 г. № 7, стр. 251.

чайшая заслуга Екатерины. Если и не осуществились всѣ ея идеалы, если дифирамбы, подобные приводимымъ ниже рѣчами Сумарокова [1]), и были далеки отъ дѣйствительности, то все-таки, несомнѣнно, создано было великое дѣло.

Остановимъ здѣсь вниманіе читателя на маленькомъ недоразумѣніи въ нашей литературѣ. Касаясь мимоходомъ вопроса о неудачѣ введенія въ сословное управленіе началъ самоуправленія, проф. Градовскій [2]) говоритъ, что главною причиною тому было отсутствіе мѣстныхъ интересовъ у дворянства. «Дворянство каждой губерніи составило «общество» съ правами корпораціи; но законъ не могъ создать *интересовъ* для этой корпораціи... Перечитывая узаконенія о дворянскихъ обществахъ, невольно спрашиваешь себя, зачѣмъ организовано это общество и къ чему оно призвано? Этимъ объясняется полная «фиктивность», такъ сказать, нѣкоторыхъ спеціальныхъ

---

[1]) „Всѣ сословія до того встрѣчали затрудненія, неприличные по строгости законы, препинались на своихъ поприщахъ и были смѣшаны. Дворяне не имѣли особенныхъ правъ, съ унтеръ-офицерами изъ нихъ при взысканіяхъ поступали какъ съ даточными солдатами, и они не пользовались своею свободою... Екатерина предприняла образовать всѣ отдѣленія, даровать имъ привилегіи, принадлежности, прекратить невольничество, вдохнуть въ нихъ свободу, честолюбіе и указать каждому изъ нихъ непреложныя обязанности. Она, запретивъ тѣлесно наказывать дворянъ, предписала обходиться съ ними въ нижнихъ чинахъ, какъ съ офицерами. Дала позволеніе оставлять службу, когда пожелаютъ и вступать въ оную къ союзнымъ государямъ.—Не смѣли отлучаться за границу и всѣ пути въ чуждыя страны были для нихъ отверзты.—Все что находилось изъ драгоцѣннаго, какъ-то металлы, минералы и тому подобное, принадлежало прежде казнѣ, но она предоставила все то въ ихъ пользу. Придумала имъ титулы отъ ихъ владѣній, однимъ словомъ, даровала имъ такія выгоды, отличія превосходныя, каковыхъ они бы сами для себя опредѣлить не могли.

„Вотъ благородная отрасль, чѣмъ надѣлила тебя премудрая Екатерина! Никто до нея не обращалъ на тебя подобнаго попеченія! Не ей ли ты обязана за честь, вольность, за превознесеніе твое? Ужели ты забудешь свою благотворительницу? Ужели не испустишь признательныхъ слезъ при ея покоящемся прахѣ?“

Черты Екатерины Великія Павла Сумарокова, 1819 г., стр. 271.

[2]) Градовскій. Системы мѣстнаго управленія на Зап. Европы и въ Россіи. Сборн. гос. знаній, томъ VI, стр. 143.

дворянскихъ учрежденій, какъ, напримѣръ, дворянскаго депутатскаго собранія».

Мы никакъ не можемъ согласиться съ такимъ разсужденіемъ. Интересы мѣстные у дворянства той эпохи несомнѣнно существовали; объ этомъ намъ не разъ уже приходилось говорить; съ переселеніемъ значительной части дворянства изъ столицъ въ уѣзды, такіе интересы не могли не зародиться; законъ въ этомъ случаѣ, какъ намъ кажется, шелъ именно навстрѣчу стремленіямъ дворянскаго сословія. Такая постановка вопроса проф. Градовскимъ намъ кажется тѣмъ болѣе странной, что въ той же статьѣ, нѣсколько страницъ далѣе, онъ же самъ вполнѣ вѣрно отмѣтилъ главную причину неудачи началъ самоуправленія, лежавшей въ недостаточной образованности дворянства. Зачѣмъ дворянство было организовано и къ какой дѣятельности призвано Екатериной, показала намъ исторія; ему, какъ болѣе образованной въ сравненіи съ другими части населенія, дано было стать во главѣ прочихъ классовъ; черезъ него проводились реформы Императрицы; дворянство должно было внести хоть малую долю просвѣщенія въ провинцію; корпоративную же организацію оно получило потому, что сама жизнь обосновала сословный строй нашего отечества. Насъ удивляетъ, что именно Градовскій, такъ хорошо знакомый съ тѣмъ временемъ, столько разъ указывавшій въ своихъ трудахъ именно на эти факты отечественной исторіи, въ этомъ случаѣ ставитъ вопросъ: къ чему призвано было дворянство Екатерининскаго времени и зачѣмъ корпоративно организовано?

Нельзя не замѣтить, что, если дворянство и не стояло вполнѣ на высотѣ своего призванія, если, напримѣръ, по отношенію къ дарованному ему самоуправленію оно оказалось еще недоразвитымъ, то нельзя все-таки отрицать, что дворянствомъ въ царствованіе Екатерины все-таки принесена нѣкоторая польза въ дѣлѣ просвѣщенія. До началъ самоуправленія оно, конечно, не доросло, но это еще не значитъ, что у него не было вовсе мѣстныхъ интересовъ; одно не исключаетъ другого.

Что же касается «фиктивности» такихъ учрежденій, какъ депутатское собраніе, то причины тому мы старались выяснить выше. Неприспособленность къ жизни одного какого-нибудь учрежденія еще не доказываетъ ошибочность всей системы. Думается намъ, что вопросъ о самоуправленіи въ цитированномъ мѣстѣ статьи Градовскаго затронутъ случайно и представляетъ собою только нѣкоторое недоразумѣніе; доказательствомъ тому служитъ то вѣрное освѣщеніе, которое этотъ самый вопросъ получилъ въ той же статьѣ нѣсколько далѣе, при болѣе подробномъ его разсмотрѣніи.

Корпоративная организація была дана дворянству потому, что оно само къ тому стремилось, потому, что сословный строй нашего государства того требовалъ; на этомъ и надо было остановиться. Екатерина же пошла далѣе и надѣялась найти въ дворянствѣ достаточно подготовленную почву и къ болѣе широкому развитію; она, какъ показала исторія, ошибочно думала, что дворянское общество доросло и до началъ самоуправленія.

Можно провести нѣкоторую параллель съ мыслью, высказанной проф. Сергѣевичемъ, въ его статьѣ «Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммисіи» [1]). Дворянство, какъ сословіе, не оказалось на высотѣ своего призванія въ дѣлѣ общегосударственныхъ реформъ; отдѣльныя лица этого сословія, на которыхъ выпала тяжелая задача проводить въ жизнь начинанія Великой Законодательницы, не всегда оправдывали возлагаемыя на нихъ надежды; примѣромъ выставляется авторомъ маршалъ коммисіи А. И. Бибиковъ.

Точно также, какъ эти довѣренные государыни иногда не могли справиться съ поручаемымъ имъ дѣломъ, благодаря своей неподготовленности, и дворянское сословіе, на долю котораго выпало столь видное участіе въ дѣлѣ обновленія государственной жизни Россіи, не было въ состояніи поддержать начинанія Екатерины; оно также оказалось неподготовленнымъ къ этому великому дѣлу.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, январь, 1878 г.

IV.

Перейдемъ теперь къ теоретическому разбору идеи самоуправленія, заложенной Императрицей въ жалованной дворянству грамотѣ, ея отличительнымъ признакамъ и общей характеристикѣ.

Какъ нами уже разъ указывалось въ другомъ изслѣдованіи [1]), нѣкоторые писатели (напр., Яблочковъ «Исторія дворянскаго сословія въ Россіи», «Статья Историческаго Вѣстника» «Дворянская грамота», 1885 г. III и др.) видятъ уже зачатки дворянскаго самоуправленія и корпоративнаго единенія въ извѣстныхъ учрежденіяхъ предыдущихъ царствованій.

Такъ, указывается на должность губного старосты царствованія Ивана Грознаго и на ландратовъ, учрежденныхъ Петромъ Великимъ. Съ нашей стороны мы затруднились бы признать въ этихъ случаяхъ форму сословнаго самоуправленія. Правительство въ тѣ времена обращалось для вербовки должностныхъ лицъ къ болѣе интеллигентной части общества, не стѣсняясь при этомъ ни сословіемъ, ни происхожденіемъ назначаемыхъ органовъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда должностныя лица выбирались мѣстнымъ обществомъ, какъ это было въ приведенныхъ примѣрахъ губныхъ старостъ и ландратовъ, а не назначались правительствомъ, выборы производились не какимъ-либо отдѣльнымъ сословіемъ, какъ таковымъ, а всѣмъ мѣстнымъ обществомъ, и преобладаніе высшаго сословія могло быть только фактическое.

Въ губные старосты, по указамъ Ивана IV, могли быть избраны правда одни лишь служилые люди, но только тѣ изъ нихъ, которые отставлены были отъ дѣйствительной службы, что сразу же сдѣлало должность губныхъ старостъ «захуда-

1) См. мою статью „Журн. М—ва Юстиціи“, мартъ 1902 г., стр. 96 и слѣд. Подробно этотъ вопросъ разобранъ въ трудѣ проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, „Областное управленіе Россіи XVIII в. до учрежденія о губерніяхъ“, стр. 60 и слѣд. См. также, проф. Латкинъ „Законодательныя коммисіи въ Россіи въ XVIII ст.“, томъ I, стр. 403.

лой», заштатной; при такомъ условіи на нее шли лишь самые бѣдные, неимущіе дворяне, что силою необходимости вызвало полнѣйшее подчиненіе старостъ воеводамъ и сдѣлало изъ нихъ тѣхъ же приказныхъ, но низшаго разбора; впослѣдствіи они стали даже прямо назначаться правительствомъ; изъ этого видно, что здѣсь не было никакихъ признаковъ самоуправленія, хотя и примѣнялось выборное начало; современныя историческія изслѣдованія показали, впрочемъ, что одно другимъ нисколько не обусловливается. Что же касается ландратовъ, то и послѣдніе съ самаго своего учрежденія были вполнѣ подчинены губернаторамъ. Петръ Великій, учреждая ихъ и слѣдуя при этомъ своей любимой идеѣ коллегіальнаго управленія, думалъ тѣмъ самымъ создать правительственный органъ, въ которомъ губернаторъ былъ бы «не яко властитель, но яко президентъ». Но мысль эту не удалось провести въ жизнь. Мѣстное управленіе было еще въ зачаточномъ состояніи, о какой-либо самостоятельности мѣстнаго общества не могло быть и рѣчи, въ провинціи была сплошная невѣжественность и темнота; власть губернаторовъ силою необходимости была безгранична; при такихъ условіяхъ коллегіальное управленіе было немыслимо. Губернаторы вполнѣ подчинили себѣ ландратскія коллегіи сразу же послѣ ихъ учрежденія; послѣднія скоро потеряли даже значеніе совѣщательныхъ органовъ и черезъ одиннадцать лѣтъ своего безрезультатнаго и безполезнаго существованія были упразднены, не оставивъ по себѣ въ исторіи нашего отечества никакихъ слѣдовъ. Такъ же безслѣдно прошла вторая попытка создать мѣстный выборный органъ, говоримъ про земскихъ коммисаровъ, учрежденныхъ Петромъ I, почти предъ самою своей кончиной и скоро затѣмъ упраздненныхъ.

Очевидно и тутъ не можетъ быть рѣчи о сословномъ самоуправленіи. Причина же все та же—отсутствіе корпоративной связи служилаго сословія, почти въ полномъ составѣ проживавшаго въ столицахъ или въ войскахъ, занимая безчисленныя правительственныя должности, и кормившагося государственной службой, съ другой же стороны отсутствіе мѣстныхъ его инте-

ресовъ; служа всю жизнь, дворянинъ смотрѣлъ на свое помѣстье лишь какъ на источникъ дохода; жилъ онъ въ столицѣ, никогда не заглядывая въ деревню; этого же взгляда держалось и само правительство, верстая помѣстьями и вотчинами служилыхъ людей за ихъ служебныя заслуги.

Въ Екатерининское царствованіе, какъ мы видѣли, картина немного измѣнилась; явились мѣстные интересы, благодаря манифесту 1762 года, а съ ними вмѣстѣ сразу же проявилась и корпоративная связь дворянства. Великой Императрицѣ уже можно было думать о самоуправленіи дворянскаго сословія; данныя, казалось, были всѣ налицо. Можно смѣло сказать, что этого Екатерина искренно желала; свидѣтельство тому находимъ мы въ ея теоретическихъ идеалахъ и проведенныхъ въ законодательныхъ актахъ юридическихъ началахъ. Но препятствіе она встрѣтила въ самомъ сословіи дворянъ. Послѣднее не желало и не могло отказаться отъ государственной службы, столь выгодной для него во всѣхъ отношеніяхъ; теоретическія положенія Екатерины разбились о факты жизни. Дворяне не пожелали да и не были въ состояніи измѣнить своего отношенія къ правительственной службѣ; къ послѣдней свелась и выборная служба; правительственнымъ органамъ подчинились органы сословнаго управленія, стушевавъ значеніе самоуправленія и даже, можно сказать, фактически его упразднивъ. Но винить дворянство въ этомъ врядъ ли можно. Процессъ этотъ шелъ вполнѣ безсознательно и отчасти даже потакался самимъ правительствомъ. А причина тому, по нашему крайнему разумѣнію, лежала въ томъ, что Россія въ тѣ времена еще не доросла до какого-либо самоуправленія; при полномъ безправіи подавляющаго большинства населенія, а таковымъ несомнѣнно представлялось закрѣпощенное крестьянство, при еще общей некультурности и грубости высшаго сословія, по нашему мнѣнію, не могло быть и рѣчи о самоуправленіи; идея его была совершенно несовмѣстима съ фактическимъ положеніемъ вещей. Не могли помочь, ни теоретическія разсужденія Екатерины, ни ея старанія отстоять само-

стоятельность дворянскаго сословнаго управленія и ни какія другія мѣры правительства; полное подчиненіе сословнаго управленія правительственнымъ органамъ было неизбѣжно.

Этимъ нѣкоторымъ раздвоеніемъ фактическаго положенія вещей отъ юридической конструкціи учрежденій Екатерины Великой объясняемъ мы и колебанія ученыхъ признать или не признать существованіе въ этомъ періодѣ отечественной исторіи самоуправленія дворянскаго сословія. По нашему мнѣнію, оно юридически несомнѣнно было установлено, фактически же никогда не осуществилось [1]).

Градовскій, въ своемъ курсѣ русскаго государственнаго права (томъ III, изд. 1883 г., стр. 126), называетъ участіе дворянства въ общей администраціи, установленное Учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года, также самоуправленіемъ и даже «оригинальной его формой, которую не знало ни одно государство». Какъ мы уже указывали, мы затрудняемся видѣть въ этомъ самоуправленіе; во всякомъ случаѣ здѣсь не было сословнаго самоуправленія. Одно участіе посредствомъ выборовъ, въ общемъ управленіи еще недостаточно для уста-

---

[1]) Порай-Кошицъ („Очеркъ исторіи русскаго дворянства“, Спб. 1874, стр. 183) и проф. Латкинъ („Учебникъ исторіи русскаго права“, Спб. 1899, стр. 328) упоминаютъ вскользь объ интересующемъ насъ вопросѣ; оба автора какъ бы считаютъ его безспорнымъ; по ихъ мнѣнію не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Жалованной грамотой дѣйствительно установлено самоуправленіе въ области дворянскаго сословнаго управленія.

Трудъ Порай-Кошица вообще очень поверхностенъ и не даетъ никакихъ юридическихъ конструкцій; неудивительно, что онъ и въ данномъ случаѣ бездоказателенъ; о краткости же замѣчаній профессора Латкина, не приводящаго также доказательствъ въ подтвержденіе своего взгляда на дворянское самоуправленіе, слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ это мѣсто его учебника можетъ повести къ недоразумѣніямъ; какъ мы указывали выше, вопросъ этотъ совсѣмъ не такъ простъ.

Г-жа Брюллова въ своей интересной статьѣ „Общественные идеалы въ Екатерининское время“ („Вѣстникъ Европы“, томъ I, 1876 года, январь, стр. 75 и слѣд.) также говоритъ о самоуправленіи, но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ прямымъ недоразумѣніемъ; авторъ употребляетъ терминъ „самоуправленіе“, совершенно не считаясь съ его юридическимъ значеніемъ.

новленія наличности самоуправленія. Мы можемъ говорить, въ данномъ случаѣ, развѣ про зачатки будущаго всесословнаго самоуправленія. Съ развитіемъ идеи всесословности, шедшей впередъ могучими шагами и приведшей къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ, значеніе дворянскихъ обществъ, какъ единственныхъ поставщиковъ правительственныхъ органовъ, неизбѣжно должно было пасть, что мы и видимъ въ XIX столѣтіи; но въ царствованіе Екатерины у дворянства не было еще конкурентовъ; изъ его среды правительство назначало чиновниковъ, тѣ же чиновники замѣщали и выборныя мѣста.

Но вѣрно замѣчаетъ далѣе проф. Градовскій (стр. 127), что «если дворянство сохраняетъ значеніе въ государствѣ и въ настоящее время, то благодаря совершенно постороннему обстоятельству, именно благодаря должности губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства». Возникнувъ, какъ мы видѣли выше, случайно, они были сначала органами чисто сословными, впослѣдствіи же, силою необходимости, мало-помалу сдѣлались органами всесословнаго управленія. Среди администраціи провинціи предводители постепенно стали центромъ вниманія правительства; этимъ объясняется послѣдующее пріуроченіе самыхъ разнообразныхъ административныхъ функцій къ ихъ сословнымъ обязанностямъ, съ другой стороны они несомнѣнно, благодаря своему высокому и независимому положенію, принесли провинціальному управленію огромную пользу въ смыслѣ проведенія на мѣстахъ идеи законности и общей культуры. Уже почти сразу послѣ ихъ учрежденія, какъ мы видѣли, къ функціямъ предводителей чисто сословнымъ правительство стало пристегивать и обще-административныя и земскія обязанности. Причины этому были: во-первыхъ, неразвитость и некультурность высшаго сословія; предводители силою необходимости являлись тѣми незначительными исключеніями, на которыхъ могло пасть довѣріе правительства; въ предводители избирались дворяне, которые выдѣлялись изъ среды мѣстнаго общества, благодаря ихъ сравнительно большей

культурности, пріобрѣтенной ими прежней жизнью въ столицахъ, благодаря также ихъ лучшему воспитанію и образованію; вслѣдствіе этого они сразу же заняли въ провинціи видное положеніе, ярко выдѣляясь отъ прочихъ выборныхъ должностныхъ лицъ.

Во-вторыхъ, присоединенію къ ихъ обязанностямъ общеадминистративныхъ функцій способствовали соображенія экономическія. Мы не рѣшаемся придать этой причинѣ того выдающагося значенія, которое устанавливаетъ за нею, напримѣръ, проф. Милюковъ, въ своихъ очеркахъ по исторіи русской культуры, но не беремся отрицать, что извѣстную роль эти соображенія играли и въ данномъ случаѣ, способствуя главнымъ образомъ возвышенію престижа предводительской должности.

Наконецъ третьей и главнѣйшей причиной пріуроченія къ предводительской должности все большаго числа обязанностей былъ и общій недостатокъ въ людяхъ. Какъ видимъ, эта третья причина имѣетъ близкое соприкосновеніе съ первою, выставленной нами; дѣятелей для новыхъ учрежденій, созданныхъ Великою Императрицей, оказалось слишкомъ незначительное число. Идеи Екатерины были слишкомъ новы для русскаго общества; послѣднее не было для нихъ подготовлено. Взоры правительства невольно должны были обратиться на предводителей. Они силою вещей стали центромъ уѣздной администраціи. Къ нимъ правительство обращалось за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ, касающихся мѣстныхъ интересовъ, къ нимъ присылали за справками и губернаторы и генералъ-губернаторы; нерѣдко обращался къ нимъ даже Сенатъ. Среди дворянства они заняли видное мѣсто, являясь одновременно покровителями, защитниками и ходатаями сословія; но съ другой стороны въ виду почета, связаннаго съ должностью предводителей и нѣкоторою властью надъ дворянскимъ сословіемъ, проявляющейся, напримѣръ, въ веденіи дворянскихъ родословныхъ книгъ, вслѣдствіе чего, очевидно, всякій ищущій рода дворянинъ нуждался въ предводителѣ, — разви-

лось постепенно заискиваніе и преклоненіе уѣздныхъ, въ особенности мелкопомѣстныхъ, дворянъ передъ предводителями. На предводительскую должность съ охотой шли самые лучшіе и видные представители сословія, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ; малое число такихъ дворянъ дѣлало предводительскую должность почти пожизненной.

Предводители постепенно заняли центральное положеніе въ уѣздѣ; вліяніе ихъ на мѣстную жизнь все росло; правительство съ своей стороны дѣлало все возможное, чтобы не только увеличить ихъ значеніе и связанный съ ихъ положеніемъ почетъ, но и усиливать ихъ власть, возлагая на нихъ все большее число обще-административныхъ функцій.

Изучая дальнѣйшую исторію дворянскаго сословнаго управленія, намъ не разъ придется подчеркнуть то особое положеніе, которое занимали предводители въ провинціи. Обстоятельство это не могло не остаться безъ вліянія на дворянское сословное управленіе; намъ кажется, что, благодаря лишь предводителямъ, дворянское сословное управленіе не исчезло еще въ началѣ XIX столѣтія.

Жалованная грамота дворянству составляетъ эпоху въ исторіи дворянскаго сословнаго управленія; несмотря на ея недостатки и пробѣлы, она имѣла огромное значеніе въ изучаемой нами области; ею даны были юридическія основы корпоративной организаціи дворянства; она опредѣлила права и обязанности этого сословія, подтвердила его привилегированное положеніе среди прочаго населенія. Дальнѣйшее развитіе дворянскаго сословнаго управленія имѣло своимъ основаніемъ начала, заложенныя грамотой 1785 года. Обстоятельство это доказываетъ намъ, какъ вѣрно поняла Екатерина стремленія дворянскаго сословія и какъ искусно сумѣла согласовать ихъ съ требованіями жизни.

Правда, судьба не дала ей осуществить всего задуманнаго, внѣшнія затрудненія помѣшали закончить намѣченныя ею реформы; но создано ею было немало; повторяемъ, начала грамоты дворянству сослужили службу фундаментальнѣйшему

ходу исторіи дворянскаго сословнаго управленія; скажемъ болѣе, они были настолько жизненны, что просуществовали, несмотря на то, что въ послѣдующее время было сдѣлано все возможное для ихъ упраздненія.

Какъ и всегда бываетъ при всякой крупной реформѣ, подробности остались въ тѣни; несмотря на колоссальный трудъ Императрицы, многія детали не были выяснены, многіе вопросы необходимо должны были возникнуть при примѣненіи новыхъ началъ на практикѣ; такимъ образомъ, силою необходимости не малая задача была оставлена и послѣдующему законодательству. Но въ этомъ періодѣ царствованія Екатерины II обстоятельства сильно измѣнились; какъ увидимъ ниже, внѣшнія затрудненія отвлекли вниманіе Императрицы отъ вопросовъ внутренняго управленія; разрѣшеніе послѣднихъ было поручено мѣстнымъ властямъ и Сенату; законодательныхъ актовъ мы почти вовсе не находимъ въ послѣднемъ періодѣ ея царствованія; разработка началъ грамоты 1785 года и приспособленіе ихъ къ жизни были предоставлены подчиненному управленію; въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть одну изъ причинъ неосуществленія на практикѣ началъ самоуправленія; они слишкомъ противорѣчили интересамъ мѣстной правительственной администраціи, ограничивая ея всевластіе. Идея самоуправленія, какъ молодой ростокъ, могла вырасти лишь при искусномъ сбереженіи необходимаго ей тепла, а такимъ средствомъ могла быть только забота о немъ самой Императрицы; какъ скоро послѣдняя отпала, заглохъ и нѣжный ростокъ, а затѣмъ и погибъ въ окружавшей его стужѣ реальной дѣйствительности.

Но начала самоуправленія занимали, конечно, исключительное положеніе благодаря своей новизнѣ. Въ остальномъ постановленія грамоты могли легко примѣниться къ жизни; ими не вводились новыя начала, а систематизировались лишь уже существовавшія. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ лежитъ, конечно, и главная заслуга грамоты; ею внесены были порядокъ и система въ область дворянскаго сословнаго управленія.

Дальнѣйшая исторія дворянства выросла на основахъ, заложенныхъ Жалованной грамотой, сослужившей ему службу твердаго и юридически обоснованнаго фундамента. И главную причину подобной жизненности основъ Жалованной грамоты, повторяемъ, мы видимъ въ томъ, что Екатерина считалась съ дѣйствительностью и указаніями опыта и пользовалась совѣтами такихъ лицъ, какъ напримѣръ, Сиверса, на практикѣ изучившихъ жизнь дворянства въ уѣздѣ, его нужды и стремленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Законодательство періода 1785—1796 годовъ. — Сословный строй Россіи. — Невѣжество и необразованность дворянскаго провинціальнаго общества. — Положеніе дворянскаго сословнаго управленія и предводителей дворянства въ послѣднемъ десятилѣтіи царствованія Екатерины II. — Мелкопомѣстное дворянство. — Чинъ и его значеніе. — Плоды реформъ Екатерины II, въ частности, въ области дворянскаго сословнаго управленія.

I.

Жалованная грамота была послѣднимъ законодательнымъ актомъ въ области реформъ внутренняго управленія. Послѣ 1785 года вниманіе Екатерины было поглощено внѣшней политикой; ей некогда было заниматься административными реформами; война и дипломатическія затрудненія не давали ей покоя, столь необходимаго для довершенія всего начатого.

Намъ предстоитъ теперь обратиться къ изученію дальнѣйшаго законодательства Екатерины и къ тѣмъ результатамъ, которые были достигнуты въ области дворянскаго управленія къ концу ея царствованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвести итоги всей ея дѣятельности, и показать къ чему привела жизнь начинанія Великой Императрицы.

Законодательство послѣ изданія Жалованной грамоты не изобилуетъ актами въ области внутренняго управленія; указы появлялись въ видѣ исключенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда практика выдвигала такой вопросъ, разрѣшеніе котораго требовалось немедленное.

При разборѣ узаконеній этого періода царствованія Ека-

терины, мы, какъ и прежде, будемъ придерживаться хронологическаго порядка.

Уже къ концу того же 1785 года возникло нѣкоторое недоразумѣніе по вопросу о цензѣ. Какъ нами было указано выше (см. стр. 158), дворянская грамота ввела ограничительный цензъ, однимъ изъ условій котораго было состояніе въ оберъ-офицерскомъ чинѣ. Многіе дворяне, служившіе прежде по выборамъ, не имѣли никакого чина; при введеніи новыхъ постановленій нѣкоторые губернаторы затруднились допущеніемъ этихъ дворянъ въ дворянскія собранія, несмотря на занимаемыя ими уже мѣста по выборной службѣ. По поводу этого, Императрица 18-го декабря 1785 года [1]), издала указъ на имя генералъ-прокурора, въ которомъ пояснила, что статья 64 Жалованной грамоты (говорящая о цензѣ) обратнаго дѣйствія не имѣетъ; «статья 64, какъ и всякій законъ, говоритъ цитируемый нами указъ, имѣетъ свою силу на времена будущія послѣ изданія его», а въ виду этого, дворянамъ, хотя и не имѣющимъ чина, но занимающимъ уже выборную должность или прежде занимавшимъ таковую «и впредь долженствуетъ пользоваться тѣмъ преимуществомъ, что въ собраніяхъ дворянскихъ съ заслуженными сидѣть, имѣть голосъ и во всѣ должности, кои наполняются выборомъ собранія дворянства, избираемы быть могутъ». Такое исключеніе представляется намъ вполнѣ справедливымъ; очевидно, что постановленія объ ограничительномъ цензѣ могли распространяться лишь на будущее время.

26-го февраля 1786 года находимъ мы именной указъ, данный Ярославскому и Вологодскому генералъ-губернатору Мельгунову [2]). Два пункта этого указа касаются интересующихъ насъ вопросовъ. Въ первомъ пунктѣ сохраняется до конца 1786 года за дворянствомъ Вологодскаго намѣстничества право на выборную службу на началахъ, указанныхъ въ Жалованной грамотѣ; малое число живущихъ въ этомъ краѣ дворянъ вызы-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 16297.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 16331.

вало, очевидно, сомнѣнія въ необходимости вводить и здѣсь выборную службу; Императрица нашла все-таки полезнымъ разрѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ этомъ мы видимъ только лишнее подтвержденіе того огромнаго значенія, которое придавала Екатерина выборной службѣ. Она старалась распространить ея начала на возможно большее число намѣстничествъ.

Тотъ же указъ въ пунктѣ 9-мъ затрагиваетъ еще болѣе интересный вопросъ, а именно о совмѣщеніи «званія губернскаго предводителя дворянства» съ должностями по администраціи. Въ этомъ пунктѣ говорится, «что ничто не препятствуетъ принять сію должность (губернскаго предводителя) предсѣдателю палаты или другому должность имѣющему въ губерніи, исключая только, что сіе званіе не можетъ быть свойственно въ той губерніи генералъ-губернатору или губернатору», съ чѣмъ мы, конечно, ни въ какомъ случаѣ согласиться не можемъ. Такое постановленіе подтверждаетъ лишь сказанное нами выше о фактическомъ положеніи выборной службы. Въ принципѣ совмѣщеніе предводительской должности съ какой-либо должностью правительственною представляется нежелательнымъ, даже недопустимымъ; Екатерина не могла не понимать этого. Между тѣмъ текстъ указа говоритъ, «что ничто не препятствуетъ такому совмѣстительству», слѣдовательно какъ бы указывая даже на желательность его.

Дѣло въ томъ, что на практикѣ оказалось совершенно невозможнымъ обойтись безъ совмѣстительства. Мотивы, которыми руководствовалась Императрица, были все тѣ же; тотъ же недостатокъ въ людяхъ, малое число интеллигентныхъ лицъ, жившихъ въ провинціи, наконецъ, все тотъ же взглядъ правительства на выборную службу, какъ на подвидъ службы правительственной. Можетъ быть, данный указъ былъ изданъ случайно и совершенно безсознательно; если бы Екатерина серьезно обдумала положеніе вещей, она, съ такимъ жаромъ отстаивавшая самостоятельность выборной службы, не преминула бы замѣтить тотъ вредъ, который неизбѣжно долженъ былъ быть нанесенъ разрѣшеніемъ совмѣстительства выборныхъ

должностей съ правительственными первымъ; выборная служба при совмѣстительствѣ несомнѣнно должна была пострадать и первой исчезла бы ея самостоятельность.

Итакъ, совмѣстительство было разрѣшено правительствомъ уже черезъ годъ послѣ изданія Жалованной грамоты, да еще въ такой формѣ, при которой подчеркивалась какъ бы естественность этого порядка вещей. Это явленіе никогда впослѣдствіи не исчезало изъ нашего государственнаго строя; совмѣстительство практиковалось и практикуется и понынѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и, конечно, въ ущербъ службѣ выборной. Возникло же совмѣстительство, повторяемъ, вполнѣ естественно; тому способствовали вся окружающая обстановка, дѣятельность правительства да и само дворянство.

Слѣдующими актами, касающимися интересующаго насъ вопроса, были: изданный 8-го августа 1788 года [1]) Высочайше утвержденный формуляръ грамотъ, «каковыя должны быть выдаваемы изъ дворянскихъ депутатскихъ собраній дворянамъ, доказавшимъ благородное происхожденіе», и указъ того же года [2]) «о запрещеніи правителями губерніи входить въ дворянскія собранія». Послѣдній былъ изданъ по поводу слѣдующаго происшествія: одинъ правитель губерніи, «пришедъ въ собраніе дворянства, выслалъ изъ онаго дворянина, выговаривалъ губернскому предводителю за опредѣленіе, собраніемъ дворянскимъ учиненное и подтвержденное въ принесеніи жалобы Ея Императорскому Величеству на намѣстническое правленіе, настоялъ о выборѣ въ предводители дворянина, судомъ опороченнаго, и отвергалъ выбраннаго дворянствомъ въ губернскіе предводители дворянина и, сверхъ того, приводилъ съ собою въ собраніе дворянское гостей». Мы имѣемъ передъ глазами примѣръ тѣхъ злоупотребленій властью, случаи которыхъ были весьма нерѣдки въ исторіи дворянскаго сословнаго управленія. Но надо сказать, что Императрица всегда строго преслѣдовала подобные случаи и всегда карала губернаторовъ и

[1]) Полн. Собр. Зак. № 16698.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 16731.

намѣстниковъ, виновныхъ въ превышеніи власти. Того же направленія держался Сенатъ, строго выговаривая за такіе поступки мѣстнымъ властямъ. Въ упомянутомъ выше случаѣ Сенатъ постановилъ, «что не только правитель губерніи не имѣлъ власти высылать изъ собранія дворянина, поелику Ея Императорское Величество оставила дворянству *въ выборахъ совершенную волю*, выговаривать губернскому предводителю за опредѣленіе, собраніемъ учиненное и подтвержденное, настоять о выборѣ въ предводители дворянина, судомъ опороченнаго, и отвергать выборъ въ губернскіе предводители, *но и въ собраніе дворянское входить ему запрещается*, какъ о томъ въ рѣшеніи Ея Величества 5-го ноября 1778 года на докладные пункты противъ 7 статьи именно указано; чего ради оному г. губернатору подтверждено, чтобъ впредь отнюдь того дѣлать не осмѣливался, подъ опасеніемъ неупустительнаго по законамъ взысканія».

Время, раздѣлявшее этотъ указъ отъ предыдущаго разобраннаго нами, не особенно велико; всего прошло какихъ-нибудь полтора года, между тѣмъ разница принциповъ, проводимыхъ этими двумя узаконеніями, огромна. Если первый, устанавливая совмѣстительство, шелъ во вредъ выборной службѣ, то второй, наоборотъ, отстаивалъ ея самостоятельность, ограждалъ ее отъ посягательствъ губернаторскаго самоуправства. Такая разница направленій показываетъ намъ, насколько неустойчивы были тѣ новыя начала, введенныя преобразованіями Екатерины въ области внутренняго законодательства. Главная причина была конечно незаконченность реформъ Императрицы. Сенатъ же, наоборотъ, проникшись идеями Государыни, старался держаться опредѣленнаго направленія; въ послѣднемъ цитированномъ нами указѣ мы имѣемъ примѣръ преслѣдованія Сенатомъ превышенія власти губернаторовъ по отношенію къ дворянскому сословному управленію. Губернаторы и раньше часто старались вмѣшиваться въ дѣла дворянскихъ собраній; былъ даже возбужденъ принципіальный вопросъ о правѣ контроля губернаторовъ; но въ 1778

году, какъ помнитъ читатель [1]), Императрица категорически отвергла такое право контроля, запретивъ губернаторамъ даже входить въ дворянскія собранія, что и подтверждаетъ Сенатъ въ только что упомянутомъ нами указѣ. Это правило вполнѣ понятно; присутствіе на собраніи губернатора не могло не отзываться пагубно на дѣлахъ, обсуждаемыхъ собраніемъ; дѣла рѣшались бы согласно его желаніямъ, что уничтожило бы окончательно самостоятельность сословнаго управленія. Но что же могло произойти въ томъ случаѣ, если губернскимъ предводителемъ и слѣдовательно предсѣдателемъ собранія былъ, напр., предсѣдатель палаты? Черезъ него, несомнѣнно, стало бы проникать въ собраніе то же нежелательное вліяніе правительственной администраціи. Врагъ, выгоняемый въ открытую дверь, возвращался бы черезъ заднюю; въ данномъ случаѣ его не могли остановить никакіе указы Сената; онъ входилъ потому, что сама жизнь ему отворяла эту дверь.

Согласно указу 12-го апрѣля 1790 года [2]), исключающему изъ дворянскихъ собраній и отъ выборной службы дворянъ, занимавшихся контрабандой, на предводителей дворянства была возложена обязанность, слѣдить за тѣмъ, чтобы такіе дворяне-контрабандисты не принимали участія въ дѣлахъ дворянскихъ собраній; кромѣ того, въ предупрежденіе будущихъ случаевъ контрабанды со стороны помѣстнаго дворянства, на предводителей была также возложена обязанность оповѣщенія помѣщиковъ пограничныхъ губерній о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя по закону влечетъ за собою «запрещенный провозъ товаровъ».

19-го іюня 1791 года [3]) вышелъ другой сенатскій указъ, касающійся довольно сложнаго вопроса о порядкѣ внесенія дворянъ въ родословныя книги. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ составленіе родословныхъ книгъ, не могли не возникать многія недоразумѣнія.

---

[1]) См. выше, стр. 117.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 16852.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 16968.

Въ только что упомянутомъ нами указѣ Сенатъ коснулся цѣлаго ряда мелкихъ вопросовъ, возникшихъ въ дѣлопроизводствѣ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства и депутатскаго собранія, при составленіи ими родословной книги дворянъ Петербургской губерніи. Недоразумѣнія эти касались порядка внесенія должностныхъ лицъ, выслужившихъ дворянское званіе, опредѣленія понятія недвижимости, порядка внесенія въ книги иностранцевъ и т. п. Благодаря новизнѣ дѣла веденія дворянскихъ родословныхъ книгъ, предводители дворянства часто сталкивались съ большими затрудненіями, обращаясь за ихъ разъясненіемъ обыкновенно въ Сенатъ. Дѣятельность предводителей и депутатовъ въ этой области была творческая, вмѣстѣ съ тѣмъ она давала этимъ лицамъ извѣстное положеніе среди дворянства губерніи, нѣкоторую долю власти и вліянія. Губернскіе предводители въ особенности стали пользоваться совершенно выдающимся положеніемъ въ провинціи. Понятно, что этой должностью льстились даже предсѣдатели палатъ, а можетъ быть и губернаторы.

Очень интересенъ указъ 1790 года [1], «о выборѣ якутскаго предводителя дворянства», при чемъ въ первомъ пунктѣ говорится, что «выборъ якутскаго предводителя можетъ быть позволенъ имъ (якутамъ) не инако, какъ сообразно изданному отъ Насъ положенію о дворянствѣ, въ пользу тѣхъ, кои право къ тому имѣютъ». Намъ кажется страннымъ, что могъ вообще возникнуть вопросъ о дворянскомъ представителѣ и сословномъ управленіи въ Якутской области; и въ настоящее-то время на этой далекой окраинѣ не представляется никакой необходимости къ существованію самостоятельнаго дворянскаго управленія. По нашему мнѣнію, здѣсь имѣется какое-нибудь недоразумѣніе. Думается, что представители этой области просто ходатайствовали передъ Императрицей или можетъ быть передъ Сенатомъ о реорганизаціи мѣстнаго управленія Якутской области и вмѣстѣ съ тѣмъ просили и о введеніи выборной службы;

[1]) Полн. Собр. Зак. № 16829.

въ ходатайствѣ ихъ имъ было справедливо отказано, но страннымъ образомъ разрѣшено избирать предводителя дворянства.

Именной указъ 1792 г., ноября 9-го [1]), данный Бѣлорусскому генералъ-губернатору, подтверждаетъ правило, установленное еще указомъ 1785 года (18-го декабря) [2]); за прежде служившими по выборамъ въ Бѣлоруссіи сохраняется право продолжать эту службу, несмотря на отсутствіе у нихъ условій, требуемыхъ новымъ ограничительнымъ цензомъ.

Именной указъ 1793 г., апрѣля 23-го [3]), говоритъ объ учрежденіи трехъ новыхъ губерній, Минской, Изяславской и Брецлавской, изъ присоединенныхъ отъ Польши областей. Эти губерніи слѣдуетъ «образовать по правиламъ учрежденій нашихъ, говоритъ указъ, и прочимъ законамъ, по коимъ Всероссійская Имперія и Бѣлорусскія губерніи, отъ Польши же присоединенныя, управляются». Здѣсь, слѣдовательно, были также введены начала, установленныя Жалованной грамотой, т. е. дворянское сословное управленіе, съ предводителями во главѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ узаконеній, вводящихъ въ новыхъ губерніяхъ общеимперскія установленія, такъ, напр., указъ, данный Сенату 27-го генваря 1795 г., объ учрежденіи Вознесенской губерніи (П. С. З. № 17300), указъ, данный новому генералъ-губернатору этого края 1-го мая того же года, о принятіи присяги отъ жителей вновь присоединенныхъ къ Россіи отъ Польши областей; объ устройствѣ въ оныхъ на основаніи Учрежденія о губерніяхъ и объ установленіи таможенъ, также пограничной цѣпи и стражи на новой границѣ (П. С. З. № 17323). Далѣе, указъ объ Учрежденіи Минской губерніи (П. С. З. № 17327), именной указъ генералъ-губернатору «о разныхъ распоряженіяхъ касательно устройства Волынской и Подольской губерній» (П. С. З. № 17354).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 17079.
[2]) См. выше, стр. 185.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 17112.

Всѣ эти указы свидѣтельствуютъ намъ объ одномъ. Внѣшняя политика поглотила все вниманіе Императрицы; война слѣдовала за войной; завоеваніями нашего оружія Россія все росла, къ прежней территоріи присоединялись все новыя; при организаціи же мѣстнаго управленія новыхъ областей прилагались старые шаблоны. Съ мѣстными условіями правительство почти не считалось; въ новыхъ губерніяхъ имъ вводились тѣ же учрежденія, то же управленіе, которое существовало въ центральной Россіи. Явленіе это, впрочемъ, совершенно понятно; Екатеринѣ еще некогда было обдумать положеніе вещей; области были присоединены, надо было дать имъ управленіе; примѣненіе же послѣдняго къ мѣстнымъ условіямъ могло произойти лишь позже, по установленіи внѣшняго мира, и по мѣрѣ того, какъ практика выясняла бы, въ какихъ частяхъ именно управленіе должно быть измѣнено и приспособлено къ спеціальнымъ условіямъ даннаго мѣста. Но Екатеринѣ не удалось этого сдѣлать, смерть застигла ее раньше.

Въ разобранный нами только что законодательный періодъ царствованія Великой Императрицы, т. е. со времени изданія Жалованной дворянству грамоты и до смерти Екатерины, ея дѣятельность въ области реформъ мѣстнаго управленія вообще, и сословнаго въ частности, была очень блѣдна. Причиной тому, какъ мы уже указывали, были затрудненія во внѣшней жизни нашего отечества; Императрицѣ пришлось посвятить все свое вниманіе политикѣ и дипломатіи; Россія вела цѣлый рядъ войнъ, принесшихъ немало новыхъ территорій; послѣднія требовали установленія новой администраціи; но Екатеринѣ некогда было заниматься ими. Внутреннія реформы остались недовершенными; вопросы, возникшіе изъ практики, разрѣшались либо Сенатомъ, либо мѣстными властями и далеко не всегда въ духѣ Екатерининскихъ идеаловъ; принципіальные же вопросы не находили никакого разрѣшенія и прямо откладывались въ долгій ящикъ.

Жалованная грамота составляетъ какъ бы кульминаціонный пунктъ въ нашемъ законодательствѣ; на немъ останови-

лась преобразовательная дѣятельность Екатерины II; акты, изданные впослѣдствіи, носятъ характеръ случайный и непродуманный; узаконенія, касающіяся области дворянскаго сословнаго управленія, стали появляться все рѣже и рѣже. А между тѣмъ практика не могла не вызывать спорныхъ вопросовъ. Такое положеніе вещей не могло не отразиться крайне вредно на тѣхъ новыхъ началахъ, которыя Екатерина хотѣла провести въ своихъ реформахъ, и въ частности на самостоятельности дворянскаго сословнаго управленія; всѣ выгоды были на сторонѣ правительственной администраціи, всѣ невыгоды — на сторонѣ выборной службы; власть провинціальныхъ органовъ, и въ особенности намѣстниковъ и губернаторовъ, все росла въ ущербъ дворянскому сословному управленію, войны же, недоразумѣнія и затрудненія внѣшней политики не дали Екатеринѣ возстановить потерянное равновѣсіе.

II.

Просматривая исторію Россіи XVII и XVIII столѣтій и въ частности бытъ, стремленія и интересы дворянскаго сословія, насъ поражаетъ характерная черта того времени, сословный строй государства. Онъ составляетъ основу русскаго законодательства; зародившись еще въ Московскомъ періодѣ, сословный строй съ теченіемъ времени развивался и крѣпъ; особенно же способствовали тому реформы Петра I и законодательство Екатерины II; въ царствованіе Великой Императрицы онъ достигъ своего апогея.

Многія причины способствовали его развитію въ Россіи и достиженію имъ той высоты, которую онъ занялъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Первой же изъ нихъ было окончательное образованіе мѣстныхъ обществъ; какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Градовскій [1]), дворянство, почувствовавъ общность

[1]) Системы мѣстнаго управленія на Зап. Европы и въ Россіи. Градовскій, Сбор. Гос. Знаній. Томъ VI, стр. 124. Цитировано изъ

единяющихъ его мѣстныхъ интересовъ, захотѣло стать «корпусомъ» и громогласно ходатайствовало въ коммисіи 1767 г., «чтобы права и преимущества дворянству сродныя и принадлежащія, въ чемъ имъ состоять, съ точностью изъяснены и притомъ единажды навсегда и твердое положеніе сдѣлано было, кому нынѣ тѣми правами и преимуществами пользоваться».

Нельзя не замѣтить, что само правительство сознательно способствовало развитію сословности; всѣ его мѣры, все законодательство XVIII вѣка были направлены именно къ обособленію сословій, къ дарованію каждому изъ нихъ особыхъ правъ и преимуществъ, что отдѣляло ихъ одно отъ другого.

Исключеніемъ являются лишь случайный манифестъ Петра III о вольности дворянства и указъ о выборахъ депутатовъ въ коммисію 1767 г., для составленія проекта новаго Уложенія. Первый актъ, какъ мы видѣли выше, кореннымъ образомъ измѣнилъ положеніе провинціи; благодаря ему, она оживилась, пріобрѣла новое значеніе въ государствѣ; съ этой поры правительство не могло больше игнорировать ее; ему пришлось считаться съ интересами пробуждающагося уѣзднаго общества.

Порядокъ выборовъ депутатовъ въ коммисію 1767 г., установленный Екатериной, также является исключеніемъ изъ общаго направленія правительственной политики; имъ были введены, какъ еще отмѣтилъ проф. Сергѣевичъ [1]), всесословные выборы.

«Всесословность выборовъ, пишетъ уважаемый авторъ, не отвѣчавшая существу жизненныхъ отношеній того времени», несомнѣнно была одной изъ причинъ неудачи коммисіи 1767

московскаго наказа. Ср. также наказы: волоколамскій, костромской, калужскій и медынскій, ярославскій, мало-ярославскій, кашинскій и переяславскій.

[1]) Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммисіи. „Вѣстникъ Европы“. Январь 1878 г., стр. 204.

года. Ошибка Екатерины заключалась въ томъ, что, слѣдуя «просвѣтительной философіи XVIII вѣка», она хотѣла предоставить обсужденіе общегосударственныхъ вопросовъ, какими должна была заниматься коммисія, всѣмъ сословіямъ вмѣстѣ, преслѣдуя такимъ образомъ «сближеніе сословій». Но именно такое сближеніе и противорѣчило всему строю тогдашняго русскаго общества; какъ мы указали выше, стремленія и интересы дворянства, а за нимъ и другихъ сословій были направлены не къ сближенію, а къ *обособленію*. Императрица не приняла во вниманіе этого капитальнаго факта, что неизбѣжно отозвалось на дальнѣйшей судьбѣ ея реформъ.

При работахъ надъ Жалованной грамотой Екатерина уже не дѣлаетъ этой ошибки; здѣсь она вполнѣ считается съ требованіемъ жизни, а отсюда и бо̀льшая плодотворность созданнаго.

Мы только что упомянули, что мысль всесословныхъ выборовъ депутатовъ почерпнута была Императрицей изъ началъ, проповѣдываемыхъ философіей XVIII вѣка; если подробнѣе разбирать исторію работъ Екатерины, довольно ярко выступаетъ воздѣйствіе на ея міросозерцаніе западной литературы и философіи. Этимъ объясняется, какъ извѣстно, либерализмъ начала ея царствованія, не разъ уже отмѣченный въ нашей литературѣ. Плодомъ такого либеральнаго направленія и была коммисія 1767 года и знаменитый Наказъ Екатерины. Останавливаться на этихъ фактахъ намъ не приходится; важно только отмѣтить здѣсь одно обстоятельство — отношеніе къ либеральному направленію правительства дворянскаго сословія.

Дворянство воспользовалось въ полной мѣрѣ возможностью заявить о своихъ нуждахъ и идеалахъ; наказы свидѣтельствуютъ намъ о стремленіяхъ этого сословія, о тѣхъ интересахъ, которые были ближе всего сердцу дворянства. Либеральное направленіе Екатерины дало свои плоды; благодаря ему молодое еще дворянское общество болѣе сплотилось, еще сознательнѣе стало относиться къ своему новому положенію въ государствѣ. Давъ такое широкое участіе дворянству въ

выборной службѣ и сдѣлавъ послѣднюю центромъ мѣстной администраціи, Императрица выдѣлила дворянское сословіе изъ среды прочаго населенія.

Въ этомъ нельзя не видѣть огромнаго шага впередъ. Въ жизни нашего государства наступилъ тотъ моментъ, когда надо было обратить серьезное вниманіе на провинцію. До 1762 года культура ограничивалась столицами; надъ остальной Россіей стояла непроницаемая темнота. Съ уходомъ дворянства изъ столицъ въ уѣздъ стали проникать лучи просвѣщенія. Дворянство явилось проводникомъ новаго направленія. Но ему надо было дать возможность распространенія послѣдняго. Это ясно поняла Екатерина, даруя дворянству особыя права и преимущества.

Дворянство силою вещей должно было стать во главѣ провинціальнаго общества; задача правительства состояла въ томъ, чтобы облегчить ему путь, чтобы дать ему возможность распространять то, что дворянство само пріобрѣло своею предшествующей жизнью въ столицѣ.

Культура и цивилизація шли къ намъ съ Запада. Насколько онѣ хороши сами по себѣ, судить не намъ. Да и врядъ ли вопросъ вообще разрѣшимъ. Врядъ ли когда-нибудь философія въ состояніи будетъ сказать, какая культура выше: европейская, индійско-азіатская или какая-нибудь другая.

Намъ важенъ одинъ лишь фактъ, и фактъ несомнѣнный, европейская культура является сильнѣйшей; предъ нею пасуютъ всѣ остальныя; объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ цѣлыя эпохи; европейская культура распространяется впередъ неудержимо; въ наше время она поглотила уже $^9/_{10}$ земного шара; хорошо ли или плохо съ нравственной точки зрѣнія, но европейской культурѣ уступили мѣсто краснокожіе въ Сѣверной Америкѣ, все малайское племя Тихаго океана, Австраліи и Южной Азіи; европейская цивилизація и культура уже господствуютъ въ Африкѣ, гдѣ не тронутыми остались лишь уголки ея дѣвственныхъ центральныхъ лѣсовъ; имъ же уступаетъ мѣсто, правда, шагъ за шагомъ и путемъ страшной борьбы и Поднебесная имперія; несомнѣнно, близокъ день,

когда китайская пятитысячелѣтняя культура сдастся безвозвратно въ плѣнъ Европѣ, заканчивая тѣмъ неудержимый поступательный ходъ цивилизаціи бѣлой расы.

Намъ кажется, что только съ этой точки зрѣнія и подлежитъ обсужденію вопросъ о европейской цивилизаціи и культурѣ. Всякое другое обсужденіе его является празднымъ умствованіемъ.

Примемъ же такое разсужденіе за исходную точку и при изученіи исторіи нашего отечества. По разнымъ историческимъ причинамъ Россія отстала отъ Запада. Въ этомъ винить ее, конечно, нельзя. Здѣсь приходится опять-таки повторить, что примѣненіе категорій «хорошаго и плохого» къ исторіи государствъ намъ представляется абсурдомъ. Куда жизнь влечетъ государство, туда оно и пойдетъ, пойдетъ неудержимо, что бы ни говорили метафизики, какъ бы ни осуждался такой процессъ съ этической точки зрѣнія.

Петръ Великій первый прорубилъ окно въ Европу, онъ первый сознаяъ именно этотъ роковой законъ, что пути Россіи лежатъ по тому же направленію, какъ и остальной Европы. Тяжело было перенести смертельный ударъ старинѣ.

Но ударъ былъ нанесенъ твердой рукой. Вліяніе западной культуры прежде всего стало распространяться въ столицахъ, въ которыхъ сосредоточилась единственно мало-мальски образованная часть русскаго общества. Ко времени вступленія на престолъ Екатерины въ столицахъ обществу уже стало тѣсно. Внѣшнимъ толчкомъ къ движенію «въ провинцію» послужилъ манифестъ 1762 года, внутренними же причинами разселенія болѣе образованнаго общества по всей Россіи и постепеннаго проникновенія идей, пріобрѣтенныхъ имъ въ столицахъ, въ слои провинціальнаго населенія послужили реформы Екатерины II. Дворянство стало во главѣ помѣстнаго общества, благодаря своей сравнительно бо́льшей культурности. Вполнѣ понятно, что, сознавая свою силу и значеніе, оно стремилось получить и власть и возможно бо́льшія привилегіи; это общечеловѣческая черта.

Только полстолѣтія позднѣе, когда просвѣщеніе и образованіе значительно болѣе распространились среди другихъ сословій, значеніе дворянства стало постепенно падать, а съ нимъ вмѣстѣ падалъ и сословный строй; при болѣе высокой культурѣ населенія сословный строй не можетъ сохраняться, что намъ показываетъ исторія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ.

Съ распространеніемъ образованія увеличивается культурность населенія, а съ поднятіемъ уровня послѣдняго силою вещей должна падать сословная обособленность. Образованіе и культура, идя рука объ руку, непобѣдимые враги сословности.

Сословный строй замѣняется классовымъ различіемъ. Другой вопросъ, насколько классовое дѣленіе лучше сословнаго; останавливаться на этомъ не наша задача. Но сходный съ западнымъ въ общихъ чертахъ, нашъ историческій процессъ имѣетъ и свои особенности. Россія шла по пути прогресса ускореннымъ шагомъ. То, на что въ Западной Европѣ требовались цѣлыя столѣтія, свершилось у насъ во сто пятьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ; благодаря этому исторія раздѣленія соціальныхъ группъ населенія Россіи не вылилась въ тѣ опредѣленныя формы, которыя мы встрѣчаемъ на Западѣ. Особо привилегированное положеніе пріобрѣло одно дворянство; только послѣднее получило характеръ сословія, въ настоящемъ значеніи этого слова; только оно одно успѣло обособиться и получить опредѣленную внѣшнюю организацію. Остальныя сословія сохранили отпечатокъ безформенности, не давшій имъ возможности организоваться; въ такомъ положеніи ихъ застигли реформы шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, подточившія начала сословнаго строя.

Итакъ, одно дворянство успѣло выдѣлиться, а способствовала такому выдѣленію сама жизнь. Какъ указано было выше, одною изъ внѣшнихъ причинъ тому было либеральное направленіе начала царствованія Екатерины. Ея первыя реформы не только организовали мѣстное общество, не только

создали и опредѣлили сословное управленіе и урегулировали вновь зарождавшіеся мѣстные интересы дворянства, но и привлекли послѣднее къ участію въ общей провинціальной администраціи и даже дали ему значительно-преобладающую роль, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же начинанія Екатерины призвали дворянство высказаться объ общегосударственныхъ вопросахъ, о чемъ его до того не только никогда не спрашивали, но и не позволяли даже помышлять. Очевидно, что такое положеніе вещей не могло не привести дворянство въ дикій восторгъ, примѣромъ котораго служитъ неумѣстное предложеніе поднести Екатеринѣ титулъ «наиболѣе ей приличествующій», на что Императрица отвѣтила Бибикову, возмутившись: «Я имъ велѣла сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ».

Выдающееся положеніе среди прочаго населенія государства, которое пріобрѣло дворянство, не могло не содѣйствовать росту желанія властвовать и обособиться. Всѣ стремленія дворянскаго сословія были направлены къ пріобрѣтенію все больших правъ и преимуществъ.

Если по своему образованію нѣкоторые представители дворянскаго сословія дѣйствительно и стояли во главѣ провинціальнаго общества, если среди сонма администраторовъ и должностныхъ лицъ этой эпохи мы находимъ очень большое количество прямо выдающихся личностей, то въ общей сложности онѣ составляли все-таки меньшинство, очень незначительное.

Это тѣневая сторона Екатерининскаго періода исторіи дворянскаго сословія; если оно было призвано стать проводникомъ цивилизаціи и культуры, оно должно было само держаться на должной высотѣ. Исторія доказала обратное; дворянство не оказалось на высотѣ своего призванія, не оправдало надеждъ Екатерины. Сословіе это увлеклось предоставленной ему властью въ личныхъ интересахъ; получая привилегированное положеніе, оно не заботилось объ интересахъ прочаго населенія, а такъ какъ, благодаря тѣмъ же историческимъ причинамъ, оно не

могло замкнуться, по примѣру западно-европейской системы феодализма, то въ этомъ же ходѣ сословнаго обособленія дворянства лежала и будущая гибель самаго принципа сословности; чинъ побѣдилъ породу; съ торжествомъ чина и служебной выслуги не могла создаться замкнутость дворянскаго сословія.

Другой причиной того, что дворянство не могло занять столь желаемаго имъ положенія, были его собственныя необразованность и невѣжество. Если лучшія части дворянскаго общества и просвѣтились и вкусили въ достаточной мѣрѣ отъ плода цивилизаціи, если въ Екатерининское царствованіе мы встрѣчаемъ цѣлую плеяду великихъ и свѣтлыхъ личностей, то, повторяемъ, общая масса дворянства была очень темна [1]. Духъ и идеи Екатерины выдвинули цѣлый рядъ передовыхъ дѣятелей, но они оставались еще только исключеніями; чтобы поднять нравственный и умственный уровень цѣлаго сословія, требуется значительное время, необходима смѣна по крайней мѣрѣ двухъ поколѣній. Въ этомъ смыслѣ плоды Екатерининскихъ реформъ могли проявиться лишь значительно позднѣе.

Посмотримъ теперь, что же представляло собою дворянство того времени. При цивилизаціи общества первымъ мѣняется его внѣшній обликъ; легче всего усваивается внѣшняя культура; затѣмъ ужъ слѣдуетъ постепенное измѣненіе отношеній общества къ искусству, къ интеллектуальнымъ интересамъ, и, наконецъ, самое медленное развитіе идетъ въ области нравственности; принципы послѣдней измѣняются лишь смѣною нѣсколькихъ поколѣній.

Примѣняя эту общую схему къ исторіи дворянства, мы

---

[1] Яркіе примѣры невѣжества дворянства того времени приводитъ намъ Гольцевъ въ своемъ трудѣ „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“ (Москва, 1886 г.). „Дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ, пишетъ Винскій („Русскій Архивъ“ 1877 года, томъ I), человѣкъ со свѣдѣніями не только не уважается, но можно сказать нѣкоторымъ образомъ обѣгается“. Правда, оба автора сгустили краски своихъ картинъ, но нельзя не признать, что уровень дворянской культуры былъ все-таки весьма низокъ и общій духъ провинціальнаго общества вѣрно опредѣленъ ими.

видимъ въ Екатерининское царствованіе первую стадію развитія общества; оно только что стало организовываться; только съ середины XVIII столѣтія у него появились общіе интересы; только съ этого времени, стало быть, могло создаться корпоративное, сословное единеніе. Здѣсь мы видимъ развитіе внѣшней культуры; внѣшній блескъ двора Екатерины служилъ дворянамъ примѣромъ [1]). Черезъ представителей правительства, ставшихъ во главѣ провинціальной администраціи, внѣшняя культура стала распространяться и въ среду уѣзднаго дворянства.

Гораздо медленнѣе шло развитіе интеллектуальныхъ интересовъ; только къ концу царствованія Екатерины немного поднялся уровень образованія дворянскаго сословія. Нравственности же культура той эпохи почти вовсе не коснулась; нравы даже къ концу XVIII столѣтія смягчились весьма незначительно [2]).

Такой ходъ исторіи вполнѣ естественъ; для нравственнаго развитія общества требуется смѣна многихъ поколѣній. Итакъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ представители дворянскаго сословія были, благодаря своей малой образованности, не на высотѣ своего призванія.

Одной изъ основныхъ чертъ, характеризующихъ нравственный уровень дворянства того времени, была его приниженность, его «подхалимство», что, впрочемъ, вполнѣ понятно; въ этомъ направленіи его воспитывало правительство; не надо

---

[1]) Столичная жизнь дворянъ, ея роскошь и блескъ хорошо описаны Гольцевымъ. „Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка“ (Москва, 1886). Ср., напр., стр. 62 и 68, а также примѣчанія № 29, 30 и 38.

[2]) Можетъ быть справедливо замѣчаніе Чечулина (Русское провинціальное общество, стр. 92), что нравственная порча шла изъ столицъ, хотя думается, фактъ этотъ не могъ имѣть большого вліянія; провинціальное общество просто не было еще достаточно просвѣщено, чтобы измѣнились нравственные его принципы. Къ тому же самый фактъ проникновенія въ провинцію „нравственной порчи“ вовсе не доказанъ авторомъ и высказывается имъ предположительно. Мы сильно сомнѣваемся въ его справедливости.

забывать, что дворяне были служилые люди, тѣ же царёвы холопы. Выслужиться всегда значило для нихъ достичь страстно желаемаго; лицо, занимающее высокій постъ, всегда являлось среди другихъ дворянъ маленькимъ богомъ, которому слѣдовало подобострастно поклоняться. Несмотря ни на какія увѣщеванія Петра Великаго, несмотря на либеральныя реформы Екатерины II, губернаторъ въ губерніи, воевода или земскій коммисаръ въ уѣздѣ всегда представлялись дворянству «яко властители». Надолго еще оставалась въ крови дворянства эта жилка служивости. Искоренить ее могло только распространеніе среди дворянства образованія.

Другою выдающеюся чертою дворянства была его бѣдность. Будучи искони сословіемъ служилымъ, оно привыкло жить на кормленіи у правительства. Помѣстья разсматривались только съ точки зрѣнія ихъ доходности; въ помѣстьѣ жилъ приказчикъ, обязанный къ опредѣленнымъ срокамъ высылать деньги своему барину, служившему гдѣ-нибудь въ столицѣ. Своими имѣніями занималась самая малая часть дворянства; очевидно, что при такомъ хозяйствѣ, доходность имѣній должна была скоро истощаться; слѣдствіемъ же было, что дворяне мало-помалу стали бѣднѣть; правительство съ своей стороны не кормило ихъ больше въ прежней мѣрѣ; выборная служба, напримѣръ, введенная реформами Екатерины, оплачивала служившихъ по выборамъ очень плохо; жизнь же въ особенности въ столицахъ все дорожала [1]). Правительство отчасти сознавало такое положеніе, но невѣрно опредѣлило его значеніе. Довольно пагубною мѣрою помощи былъ усиленный выпускъ въ обращеніе ассигнацій и разрѣшеніе дворянамъ ссудъ изъ спеціально установленнаго для этой цѣли банка [2]). Мѣры эти

---

[1]) Характерные примѣры бѣдности дворянства того времени даетъ намъ Болотовъ въ своихъ запискахъ; см., напр., томъ II, стр. 360 и др.

[2]) Говоря о первыхъ годахъ царствованія Екатерины II, Болотовъ замѣчаетъ: „Но и то правда, что мы тогда не имѣли еще бумажныхъ денегъ и не розданы еще были толь многіе милліоны оныхъ въ займы дворянству“ (томъ II, стр. 361, его записокъ).

дворянству помочь не могли; ссуда, какъ извѣстно, есть лишь палліативъ и довольно вредный; онѣ не могли, конечно, заставить дворянство серьезно взглянуть на свое экономическое положеніе и задуматься надъ будущимъ, а тѣмъ менѣе были онѣ въ состояніи поднять хотя бы временно хозяйство помѣщичьихъ деревень; деньги, получаемыя изъ банка, вмѣсто того, чтобы поступать въ имѣнія или расходоваться на образованіе дѣтей, проживались въ столицахъ на балахъ и вечеринкахъ.

Характерно описываетъ эту картину Колотовъ, въ своемъ трудѣ «Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія». Приводимъ это мѣсто полностью (стр. 62 и слѣд. части III): «Ежели бы не разлились ассигнаціи въ толикомъ множествѣ и вдругъ какъ чрезъ раздачу дворянству 22-хъ милліоновъ рублей въ займы, на двадцать лѣтъ, такъ и другими каналами, то можно твердо увѣрить, что не впали бы они (дворяне) въ толикое уничиженіе, въ какомъ видѣли ихъ въ продолженіи трехъ или четырехъ годовъ отъ рожденія.... и напослѣдокъ не распространилась бы роскошь вредная, и не возросла бы толь надъ мѣру на товары иностранные и всѣ вещи собственные дороговизна»...

И далѣе: «Но чтожъ послѣдовало? — благое вспомоществованіе сіе (ссуда изъ заемнаго банка 1786 г.) обратили большая часть дворянъ въ сущую себѣ погибель и всѣмъ соотечественникамъ въ тяжкій вредъ: ибо многіе заняли знатныя суммы на оплату долговъ, не столько единоземцамъ, сколько иностраннымъ промышленникамъ, толико расплодившимся въ обѣихъ столицахъ; многіе заплативъ малые долги остатки проиграли; другіе взявъ на поправленіе домостроительства, употребили на роскошь и мотовство; нѣкоторые построили или въ иномъ вкусѣ избрали домы; не великое число благомысленныхъ купили деревни, дабы умножить доходы свои, однакожъ не земледѣліемъ и скотоводствомъ, но легкою пашнею обр о-ками. Въ истинную же пользу обратили себѣ займы сіи новопроизшедшіе изъ купцовъ дворяне, кои тѣмъ усилили достояніе

свое въ ущербъ достоянія всего сословія Дворянскаго, прикупивъ большое число деревень и душъ такихъ людей, изъ статьи коихъ сами они на канунѣ вышли. И вотъ какъ употреблено во зло наилучшее намѣреніе Монаршее, и какъ пекутся нѣкоторые дворяне сохранять имѣніе въ рукахъ своихъ!

«Не дерзновенно и не ложно сказано, въ погибель, ибо являлись уже примѣрные того слѣды.

«Заплативши старые долги свои, проигравшіе промотавшіе домы, не приносящіе возврата, или на все сіе по частямъ употребившіе заемъ свой вскорѣ нашлись не въ состояніи платить и легкихъ процентовъ, съ лишкомъ однакожъ по 3 рубля съ каждой ревизской души причитающихся. Уже многіе учинились таковыми, и имѣнія ихъ вошли въ Опеку. Но что послѣдовать можетъ далѣе? Отвратимъ сострадательные взоры... Нѣкоторые изъ знаменитаго Дворянства Россійскаго щитаютъ за помраченіе знатности своей сойти до мѣщанской бережливости, а тѣмъ меньше унизить себя мужицкимъ прилежаніемъ къ земледѣлію и заведеніемъ мануфактуръ стать въ рядъ съ фабричными. Не явственно ли, что умноженіе на себя долговъ почитаютъ они единственнымъ и благороднѣйшимъ промысломъ» (стр. 65, 66 и 67. Часть III).

Картина непривлекательная, въ особенности, если мы ее сопоставимъ съ вышесказаннымъ о приниженности и служивости дворянскаго сословія!

Непросвѣщенность и темнота дворянскаго сословія несомнѣнно должны были вредно отозваться на Екатерининскихъ реформахъ и въ частности на положеніи самого дворянства. Призванное стать во главѣ прочаго населенія, оно несло эту тяжкую обязанность съ трудомъ; требовалось много усилій со стороны Императрицы и ея ближайшихъ сотрудниковъ, чтобы проводить реформы, задуманныя Екатериной.

Приведемъ здѣсь примѣромъ то воздѣйствіе, которое имѣла дворянская служивость на коммисію 1767 года и на составленіе мѣстными обществами дворянскихъ наказовъ. Въ

коммисіи подхалимство и приниженность дворянскаго сословія проявлялись не разъ; такъ напримѣръ, при объявленіи въ Сенатѣ манифеста объ учрежденіи коммисіи, лично пріѣхавшей туда Императрицей, это высшее въ Имперіи учрежденіе отъ лица всѣхъ подданныхъ принесло ей «рабское благодареніе». То же рабское благодареніе было выражено въ сотняхъ дворянскихъ наказовъ. Вѣрно замѣчаетъ по этому поводу «Вѣстникъ Европы» [1]), «слово рабъ, хотя и было уничтожено Императрицей, но не былъ уничтоженъ еще изъ жизни смыслъ этого слова, категорически обозначавшаго безотвѣтное подданство».

Рабская приниженность выражалась также, напримѣръ, въ высказанныхъ въ наказахъ пожеланіяхъ воздвигнуть Екатеринѣ памятникъ за дѣло, которое почти что еще не было и начато. Интереснѣе всего, что сама Екатерина сознавала этотъ недостатокъ нравственнаго развитія дворянства; тому свидѣтельствуютъ, напримѣръ, мѣры, которыя предписаны были въ обрядѣ выборовъ, для противодѣйствія чинопочитанію и раболѣпству и для способствованія съ другой стороны развитію чувства равноправности; другимъ примѣромъ можно привести дѣйствія при выборахъ С.-Петербургскаго генералъ-полицмейстера, «который назначилъ вторые выборы и не въ указъ совѣтовалъ, послѣ того, какъ при первыхъ оказались избранными одни генералы и высшіе сановники, чтобы граждане выбирали въ повѣренные изъ всякаго званія жителей, способныхъ и знающихъ городскія нужды» [2]), и только послѣ такого прямого предписанія были выбраны наравнѣ съ сановниками и другіе горожане изъ числа болѣе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ; генералъ-полицмейстеръ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ несомнѣнно по прямому указанію Императрицы.

Думается, что Екатерина не могла не сознавать, что подобное рабское преклоненіе дворянства передъ чиномъ могло быть искоренено лишь постепенно, только съ поднятіемъ уровня

[1]) Стр. 814, октябрь 1869 г.

[2]) „Вѣстникъ Европы“, X, 1869. Стр. 815.

образованія этого сословія, съ предоставленіемъ ему большей самостоятельности какъ сословію въ провинціальномъ управленіи.

Страннымъ образомъ, какъ мы уже указывали выше[1]), Императрица не обратила на этотъ фактъ достаточнаго вниманія; выборы въ коммисію 1767 года были установлены всесословные. Выборы 1766 года совершенно не были похожи на выборы въ прежнія законодательныя коммисіи. Еще проф. Латкинъ[2]), впрочемъ, отмѣтилъ ту разницу, которая существовала между выборами въ коммисіи первой половины XVIII столѣтія и выборами въ коммисію 1767 года. При выборахъ 1766 года мы уже не встрѣчаемъ тѣхъ явленій, которыя были столь характерны при выборахъ, напр., въ коммисіи 1728 года или 1761 года; «избирателей не таскаютъ подъ карауломъ, говоритъ проф. Латкинъ, къ избирательнымъ урнамъ, за ними не посылаютъ солдатъ арестовывать ихъ женъ и крестьянъ и конфисковать ихъ имущество, чтобы этимъ, по крайней мѣрѣ, заставить исполнить свой долгъ и осуществить дарованное имъ (избирателямъ) право».

Если мы къ этому присоединимъ еще то обстоятельство, что давленіе администраціи на самый актъ выборовъ въ Екатерининскую коммисію являлось рѣдкимъ исключеніемъ (проф. Латкинъ отмѣчаетъ подобные случаи въ Малороссійскомъ намѣстничествѣ, которые возникали, главнымъ образомъ, благодаря особо неумѣлому отношенію къ выборамъ генералъ-губернатора графа Румянцева), то убѣдимся въ огромной разницѣ порядковъ начала XVIII вѣка и Екатерининскаго царствованія.

III.

Въ заключеніе остановимся на фактическомъ положеніи дворянскаго сословнаго управленія, созданномъ реформами Екатерины II.

---

[1]) См. выше стр. 194.

[2]) Латкинъ. Законодательныя коммисіи въ Россіи въ XVIII ст., томъ I, стр. 242.

Благодаря манифесту 1762 года зародились мѣстные интересы; стали образовываться уѣздныя дворянскія общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало необходимымъ даровать дворянскому сословію корпоративную организацію. Еще раньше манифеста о вольности встрѣчаемъ мы подобныя попытки; хотя бы, напримѣръ, въ постановленіяхъ третьей части проекта Елисаветинской коммисіи 1762 года[1]); но тогда онѣ носили характеръ случайный, теперь же корпоративная организація дворянства стала требованіемъ самой жизни.

Первыя мѣры Екатерины II только косвеннымъ образомъ задѣли интересующій насъ вопросъ; стремленія дворянства осуществились въ 1766 году лишь фактически, при выборахъ депутатовъ въ коммисію для сочиненія проекта новаго Уложенія. Дворянство уѣзда, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Латкинъ [2]), получило въ данномъ случаѣ характеръ общественной единицы. *Юридическимъ лицомъ* правительство признало его въ 1775 году, согласно постановленіямъ Учрежденія о губерніяхъ.

Въ 1766 году, слѣдуя желаніямъ дворянства, правительство даровало ему сословный органъ — предводителя дворянства.

Судьба готовила этому новому представителю дворянскихъ интересовъ важную роль въ будущемъ историческомъ развитіи сословнаго управленія.

Каково же было его положеніе въ царствованіе Великой Императрицы? Какъ мы видѣли выше, компетенція этого сословнаго органа была весьма обширна и разнообразна. Мы не имѣемъ законодательнаго акта, опредѣляющаго весь кругъ дѣятельности предводителей; какъ мы видѣли выше, правительство издало цѣлый рядъ отдѣльныхъ указовъ, постепенно расширившихъ функціи этой должности; компетенція предводителей, такимъ образомъ, не представляла собою единаго цѣлаго, а слагалась исторически. При характеристикѣ ея необходимо проводить границу между функціями

[1]) См. выше, стр. 16.
[2]) Закон. коммисіи, стр. 406.

предводителей какъ сословныхъ представителей и возникшими уже очень скоро послѣ учрежденія этой должности, ея обще-административными обязанностями, т. е. участіемъ предводителей въ мѣстномъ управленіи. Эти послѣднія все расширялись по мѣрѣ проведенія въ жизнь реформъ Императрицы, а причинами, какъ мы припомнимъ, были общій недостатокъ людей, отчасти соображенія экономическія и, наконецъ, то обстоятельство, что въ предводители были избраны *лучшіе люди* провинціи. Кругъ дѣятельности предводителей такимъ образомъ все увеличивался, ихъ обязанности все расширялись; постепенно участіе ихъ было введено во всѣ отрасли мѣстнаго управленія. Все это не могло не отразиться отрицательно на сословномъ управленіи; предводители не могли посвящать себя вполнѣ сословнымъ нуждамъ, а благодаря тому, что значеніе выборной службы стало падать, замѣтно сталъ уменьшаться и интересъ предводителей къ дѣламъ чисто сословнымъ.

По первоначальной мысли Императрицы предводители должны были быть чисто сословными органами; зачаткомъ ихъ сословныхъ обязанностей послужила возложенная на нихъ задача составленія дворянскихъ списковъ при выборѣ депутатовъ въ коммисію 1767 года. Выросшая изъ этого обязанность предводителей вести общіе уѣздные и губернскіе списки дворянамъ, равно какъ и забота о родѣ дворянскомъ, составила ихъ основную сословную функцію. Эта послѣдняя подняла значеніе предводителей среди уѣзднаго дворянства; благодаря ей они стали во главѣ провинціальнаго общества, занявъ почетное мѣсто не только среди дворянства, но и среди правительственной администраціи; должностныя лица, какъ припомнимъ по преимуществу избирались тѣми же дворянами, нуждавшимися въ предводителѣ, какъ защитникѣ ихъ сословныхъ правъ и ходатаѣ о дѣлахъ ихъ передъ высшимъ правительствомъ. Къ такому положенію предводителей въ провинціи вела сила необходимости; но нельзя не замѣтить, что и правительство тому способствовало; многія мѣры его, какъ мы видѣли выше, были направлены къ

возвышенію значенія предводителей и къ укрѣпленію за ними того почетнаго положенія, которое они впослѣдствіи заняли.

Одною изъ главныхъ мѣръ правительства въ этомъ направленіи было установленіе принципа безвозмездности предводительской службы. Какъ извѣстно, съ самаго своего учрежденія предводительская должность была безвозмездная. Императрица вѣрно оцѣнила значеніе этого принципа, только способствовавшаго поднятію престижа предводителей.

Между тѣмъ уѣздныя дворянскія общества не всегда вѣрно понимали это начало; иногда дворяне хотѣли проявить свою особую благодарность въ видѣ назначенія предводителямъ какого-нибудь денежнаго пособія; другіе раза дворянство просто хотѣло помочь находившемуся во временной нуждѣ предводителю, выдавая ему какія-нибудь суммы; иногда здѣсь проявлялась та же приниженность, желаніе поднести мѣстному вельможѣ подарочекъ или подслужиться вліятельному предводителю; наконецъ бывали даже случаи назначенія предводителямъ изъ дворянскихъ суммъ жалованья. Но правительство, надо замѣтить, неуклонно преслѣдовало случаи денежныхъ или другихъ вознагражденій предводителей; намѣстники, Сенатъ и другія высшія учрежденія, всегда и неукоснительно отмѣняли подобныя распоряженія дворянскихъ обществъ, какъ только они доходила до ихъ свѣдѣнія. Надо сказать, что къ концу царствованія Екатерины такіе случаи встрѣчаются довольно рѣдко; неуклонное преслѣдованіе ихъ правительствомъ увѣнчалось успѣхомъ; въ сознаніе дворянскаго сословія вошло представленіе о предводительской должности, какъ о должности именно безвозмездной.

Это положеніе предводителей, занимаемое ими въ провинціи, надо всегда имѣть въ виду при изученіи исторіи дворянскаго сословнаго управленія; оно несомнѣнно способствовало поднятію значенія сословнаго управленія; предводители, упрочивая свое собственное положеніе, тѣмъ самымъ поднимали общее значеніе дворянскаго сословнаго управленія.

Что же представляло собою послѣднее?

Органами его являлись дворянскія собранія, предводители дворянства и депутаты; разборъ ихъ компетенціи показалъ намъ, что законодательство Екатерины не установило опредѣленнаго круга дѣятельности ни для собраній, ни для предводителей; функціи ихъ опредѣлились исторически, вслѣдствіе чего намъ представляется невозможнымъ дать юридическую конструкцію органовъ сословнаго управленія въ современномъ смыслѣ.

Отношенія дворянства къ сословному управленію были слѣдующія.

Въ первые годы царствованія Екатерины, сословное управленіе интересовало дворянство, провинціальное общество предалось съ увлеченіемъ и энергіей этому новому для него дѣлу; но затѣмъ мало-по-малу первый пылъ сталъ охладѣвать, интересъ къ сословнымъ дѣламъ сталъ постепенно угасать. Процессъ этотъ можно прослѣдить, напр., хотя бы на дворянскихъ съѣздахъ; первые съѣзды были чрезвычайно многолюдны; на нихъ участвовали почти поголовно всѣ дворяне уѣзда; въ послѣдующіе годы начала замѣчаться дифференціація дворянскаго общества; стали образовываться на съѣздахъ двѣ партіи. Богатое и знатное дворянство почти съ первыхъ лѣтъ выдѣлилось въ особую группу; другую же составляли мелкопомѣстные и «захудалые» дворяне. Богатое дворянство первое стало пренебрегать сословнымъ управленіемъ; выборная служба оказалась для него слишкомъ мало выгодною, интересовъ въ провинціи у этой части дворянства было мало; послѣдніе сосредоточивались въ столицахъ; къ тому же жизнь открывала имъ другіе пути и горизонты на службѣ правительственной. Оставалось слѣдовательно дворянство мелкопомѣстное; оно съ увлеченіемъ продолжало посѣщать съѣзды, замѣщать изъ своей среды должности по выборамъ и обсуждать свои мѣстные нужды и интересы. Благодаря большому количеству такихъ дворянъ, съѣзды продолжали быть многолюдными; мелкопомѣстные дворяне съѣзжались не только для обсужденія дѣлъ, ихъ привлекала въ городъ вся обстановка съѣздовъ, въ осо-

бенности губернскихъ; тутъ были балы и развлеченія, тутъ можно было познакомиться въ мѣстною знатью и повидать высшее начальство, зачастую самого намѣстника; такимъ образомъ съѣзды стали центромъ провинціальной жизни; дворяне ихъ ждали съ нетерпѣніемъ, мужья, чтобы повидать знакомыхъ и начальство, имѣть случай поговорить съ мѣстными вельможами, — жены и дочери, посмотрѣть туалеты, потанцовать и вообще повеселиться; среди однообразія деревенской жизни съѣзды стали первымъ развлеченіемъ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это имѣло и нѣкоторыя дурныя стороны. Съѣзды давали огромную власть вельможамъ и богачамъ; количественная разница двухъ группъ присутствовавшихъ не играла никакой роли; сколько бы ни было мелкопомѣстныхъ и «захудалыхъ» дворянъ на собраніи, они все равно преклонялись предъ сановниками и вельможами. Явленіе это не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій. Власть и такъ все больше и больше переходила въ руки богатаго дворянства; такимъ способомъ, слѣдовательно, создавалась мѣстная олигархія. Богатое дворянство, какъ мы видѣли, не особенно прельщалось службой по выборамъ и перестало интересоваться сословнымъ управленіемъ; оно было занято правительственными вопросами, продолжая состоять на службѣ правительственной, гдѣ легче было выдвинуться, достичь власти и почета. Все это не могло не способствовать паденію значенія выборной службы.

Фатальнымъ образомъ легъ этотъ отпечатокъ захудалости на всю послѣдующую исторію выборной службы; вплоть до реформъ XIX столѣтія выборная служба такъ и осталась службой заштатной. Да иначе и быть не могло; служба по выборамъ, какъ и самоуправленіе могутъ привиться и принести пользу государству лишь при извѣстной культурѣ общества, при извѣстномъ развитіи интеллигентныхъ силъ населенія, а этого-то и не хватало дворянству Екатерининскаго времени. Но если выборная служба получила отпечатокъ захудалости и заштатности, то, наоборотъ, правительственная служба процвѣтала.

Несмотря на новыя поприща дѣятельности, открывшіяся передъ дворянствомъ во второй половинѣ XVIII вѣка, оно все-таки оставалось все тѣмъ же служилымъ сословіемъ. Характерный примѣръ приводится Колотовымъ въ его трудѣ: «Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійской» [1]. «Всѣ тѣ дворяне, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, но токмо какъ сами въ лѣности и праздности все время провождать будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества ни въ какія полезныя науки не употребятъ, тѣхъ повелѣлъ Императоръ (Петръ III), яко нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать всѣмъ подданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества и ниже ко Двору пріѣздъ или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ».

И это постановлялъ тотъ же Петръ III, который въ 1762 году издалъ знаменитый манифестъ о вольности дворянства!

Взглядъ дворянства на правительственную службу, какъ на палладіумъ, восторжествовалъ и надъ всѣми реформами Екатерины, оставаясь основнымъ началомъ въ жизни дворянскаго сословія.

Дворянство въ Россіи никогда не переставало стремиться къ службѣ, чинъ всегда составлялъ его идеалъ; значеніе чина было, да и есть даже въ наше время, огромное; но въ тѣ времена онъ имѣлъ конечно еще бо̀льшее значеніе; чинъ давалъ и власть и почетъ, а главное—извѣстное соціальное положеніе; посредствомъ чина пріобрѣталось дворянство, а тѣмъ самымъ и особыя права и преимущества. Но въ этомъ лежитъ и заслуга чина; значеніе его было нивелирующее; благодаря ему дворянство не могло замкнуться, не въ состояніи было сложиться въ сословіе феодальное; чинъ широко раскрывалъ двери дворянскаго званія всякому состоящему на правительственной службѣ. Чинъ, однимъ словомъ, былъ тѣмъ демократическимъ началомъ, который послужилъ въ отечественной исторіи противовѣсомъ принципу сословности.

---

[1]) Часть I, стр. 20.

Отношенія дворянства къ чину проявились, напримѣръ, очень ярко на составѣ депутатовъ коммисіи 1767 года. По свидѣтельству проф. Сергѣевича [1]), представители дворянъ состояли на двѣ трети изъ военныхъ, при чемъ большая часть военныхъ (83 изъ 109) были штабъ-офицерскаго чина, «въ томъ числѣ 30 генераловъ».

Другимъ примѣромъ можетъ служить вышеуказанное распоряженіе генералъ-полицмейстера Петербурга о вторичныхъ выборахъ, такъ какъ при первыхъ оказались избранными одни генералъ-аншефы и полные генералы [2]).

Дворянство было и оставалось все тѣмъ же служилымъ сословіемъ; реформы Екатерины не измѣнили дѣла. Если послѣ изданія манифеста 1762 г. оно и стало переселяться въ свои помѣстья, то, какъ замѣчаетъ проф. Романовичъ-Славатинскій [3]), только чтобы отдохнуть отъ службы, а совсѣмъ не для посвященія своей жизни сельскому хозяйству. Прежняя служба казалась дворянству слишкомъ тяжелой, благодаря ея обязательности; въ 1762 году она перестала быть принудительной, дворянство было распущено по деревнямъ; но прежніе интересы скоро восторжествовали; съ провинціей у дворянства не было никакой связи; остальное населеніе они презирали, въ сельскомъ же хозяйствѣ ничего не понимали. «Не вслѣдствіе инстинктовъ землевладѣльческихъ, говоритъ проф. Романовичъ, но чтобъ *отлынивать* отъ службы — отдохнуть въ родномъ помѣстьѣ отъ трудностей военной дисциплины, отъ головоломной канцелярской работы», переселялось дворянство въ провинцію. Новая выборная служба и времен-

---

[1]) Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммисіи. „Вѣстникъ Европы", январь 1878 г., стр. 207. Ср. также, Брюллова, „Отечественные идеалы въ Екатерининскую эпоху". „Вѣстникъ Европы", томъ I, январь 1876 года, стр. 53.

[2]) Много примѣровъ стремленія дворянства къ правительственной службѣ даютъ намъ записки современниковъ. Ср., напр., „Записки Державина" (Сочиненія, Спб. 1871), томъ VI, стр. 405—843, „Записки Болотова", томъ III.

[3]) Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права". 1870. Стр. 490 и 491.

ная жизнь въ провинціи стали двумя излюбленными способами уклоненія отъ службы правительственной. Первое время, вслѣдствіе своей новизны, выборная служба привлекала большинство дворянскаго сословія, проживавшаго въ уѣздахъ; первые выборы были самые многолюдные, участвовали въ нихъ лучшія силы помѣстнаго дворянства. Но скоро уже началось постепенное паденіе выборной службы. Дворяне, убѣдившись въ малой выгодѣ, по отношенію къ карьернымъ вопросамъ, службы по выборамъ, стали «отлынивать» отъ нея. Число нѣтчиковъ стало все увеличиваться; многія должности оставались незамѣщенными, другія стали замѣщаться дворянствомъ мелкопомѣстнымъ и невѣжественнымъ. Служба по выборамъ перестала привлекать болѣе культурную часть дворянства; послѣднее потянулось опять въ столицы къ той же правительственной службѣ, отъ которой оно съ такой дѣтской радостью отъѣхало въ 1762 году.

При такихъ условіяхъ выборная служба не могла приносить пользы, не могла, конечно, и процвѣтать. Болѣе культурная часть дворянства переселилась скоро обратно въ столицы; въ провинціи осталась худшая часть. Слѣдствіемъ этого была остановка въ развитіи только что зарождавшейся провинціальной общественной жизни. Характерными чертами помѣстнаго общества, какъ рисуетъ ихъ Соловьевъ [1]), остались прежняя грубость нравовъ, подавленность крестьянства, своеволіе и жестокость помѣщиковъ. При такомъ положеніи дѣла, не могло быть и рѣчи, конечно, о какомъ-нибудь самоуправленіи; начала и мечты Великой Преобразовательницы Россіи въ этомъ направленіи остались безъ результата, не найдя для себя почвы въ нашей жизни, общество оказалось еще неподготовленнымъ для нихъ.

IV.

Несмотря на незаконченность и отмѣченные нами недостатки,

---

[1]) Соловьевъ. Разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. 1767 годъ. „Русскій Вѣстникъ". 1861 г., томъ 35, стр. 303 и слѣд.

реформы Екатерины принесли русскому обществу несомнѣнно огромную пользу.

Главная ихъ заслуга — нѣкоторое смягченіе нравовъ и распространеніе образованія. Если въ общемъ провинціальное общество и было еще невѣжественно и грубо, то рядомъ съ этимъ мы находимъ и проблески просвѣщенія и культуры; мы видимъ учрежденіе новыхъ школъ, бо̀льшую заботливость объ образованіи и воспитаніи молодого поколѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Колотовъ [1]), стало чувствоваться и другое отношеніе къ крѣпостнымъ, «умягчилось жестокое обращеніе помѣщика къ крестьянамъ»; реформа суда, далѣе, внесла въ свою очередь бо̀льшій порядокъ въ область правовыхъ отношеній населенія. Результаты, какъ видимъ, немаловажные [2]).

[1]) Приводимъ здѣсь характерную выписку изъ труда П. Колотова „Дѣянія Екатерины II", часть VI, стр. 134—136. *„Какая произошла съ 1775 по 1803 годъ перемѣна въ людяхъ хотя отчасти иначе воспитанныхъ*, говоритъ онъ, а именно:

„Мягкость очевидно замѣнила прежде испытанную повсюду грубость нравовъ. Судебныя дѣла съ 1776 по 1780 г., сравнены будучи въ такомъ же теченіи времени съ 1788 по 1792 г., показываютъ, сколько изъ нихъ уменьшилось уголовныхъ. Соблазнительныя спорныя схватки подъячихъ ослабѣли; полюбовныя сдѣлки замѣнили тѣ многія приказныя мѣста, которыя посѣщалъ отецъ и внукъ наслѣдующій тяжбу... Осмѣлились сомнѣваться о томъ, будто одинъ только крестьянинъ можетъ быть землевладѣльцемъ, и уже признаваемо было, что наука земледѣлія требуетъ помощи отъ другихъ познаній. Отцы начали прислушиваться къ наукамъ, кои преподавались ихъ сыновьямъ; начали примирять свои мнѣнія съ надобностями своихъ дѣтей и, наконецъ, стали уважать тѣ книги и постановленія, которыя сперва презирали. Умягчилось жестокое обхожденіе помѣщика съ крестьяниномъ. Всеобщее мнѣніе наказывало уменьшеніемъ почтенія за нечеловѣколюбивые поступки того, къ кому не смѣлъ еще прикоснуться законъ... Но если такой быстрый переходъ отъ презрѣнія къ наукамъ до любви къ нимъ, отъ жестокости до мягкости нравовъ удивляетъ и утѣшаетъ, то съ другой стороны должно признаться, что оказались также и пороки. Доброта и чувствительность, внушенныя мнѣніемъ и книгами, вбросили сѣмена разнѣженности. Юношество, напыщаясь разностію воспитанія своего съ воспитаніемъ отцовъ, не имѣло еще довольно созрѣлости, чтобъ вѣсить на вѣсахъ прибыли и потери то, что надлежало поступать по исправленному. Оно обращено было къ общественнымъ услугамъ и въ воинское состояніе; но вдругъ примѣтило разорванную цѣпь настоящихъ и еще ожидаемыхъ видовъ.

[2]) Ср. Masson, Mémoires secrets, tome I, second cahier.

Да не усмотритъ читатель здѣсь противорѣчія съ вышесказаннымъ. Общій уровень культуры дворянства былъ еще очень низокъ, невѣжество велико; но рядомъ съ этимъ замѣтенъ былъ и прогрессъ; реформы Екатерины принесли значительную пользу, какъ нами уже не разъ указывалось; но измѣнить весь строй провинціальной жизни въ нѣсколько лѣтъ онѣ, конечно, не были въ состояніи; при всѣхъ созданныхъ улучшеніяхъ, культура общества была еще незначительна.

Восторженные отзывы Колотова, приведенные выше, подтверждаются и другими современниками, напр., Болотовымъ, Винскимъ и др. [1]).

Мы не можемъ слѣдовательно отрицать пользы, принесенной начинаніями Императрицы. Но при всемъ этомъ мы должны замѣтить, что многое еще оставалось довершить въ этомъ отношеніи и что, несмотря на все созданное Государыней, провинціальное общество все-таки коснѣло въ невѣжествѣ.

Чечулинъ, отстаивая значеніе реформъ Екатерины, слѣдующимъ образомъ объясняетъ интересующее насъ явленіе [2]).

По его мнѣнію огромные успѣхи сдѣлало умственное развитіе общества, отстала же, если не ухудшилась и испортилась, нравственность. Вѣрно ли подобное объясненіе, пока сказать трудно; вопросъ еще недостаточно освѣщенъ наукой. Мы не можемъ однако согласиться съ мнѣніемъ объ «огромномъ успѣхѣ и шагѣ впередъ» культурнаго прогресса дворянскаго общества; шагъ впередъ былъ несомнѣнно сдѣланъ, грубость и неразвитость смягчены, но не въ столь значительной мѣрѣ, какъ то думаетъ Чечулинъ. Принимая во вниманіе количественную величину дворянскаго сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ то немногое число лѣтъ, которыя прошли со времени обновленія провинціи, мы и не можемъ ожидать встрѣтить крупную культурную перемѣну.

---

[1]) Ср. съ литературой, приведенной Чечулинымъ (Русское провинціальное общество) на стр. 68 и слѣд.

[2]) В. н. с., стр. 93.

Быстрому движенію послѣдней, какъ впрочемъ вѣрно замѣчаетъ тотъ же авторъ, мѣшала «недостаточная подготовленность дворянства» къ роли просвѣтителей провинціи. Другою же не менѣе маловажной причиной было отстраненіе Императрицы отъ вопросовъ внутренняго управленія. Начинанія ея были слишкомъ молоды, слишкомъ новы, чтобы найти въ самихъ себѣ достаточную силу къ самостоятельному развитію. Имъ настоятельно нужна была забота и поддержка самой Екатерины. Но поддержки этой-то и не хватило, какъ мы видѣли; къ концу царствованія Екатерины реформы ея въ дѣлѣ внутренняго управленія государствомъ стали глохнуть. Императрица была слишкомъ отвлечена дѣлами внѣшней политики.

Начинанія ея поневолѣ должны были терпѣть неудачи, встрѣчая не всегда сочувственное отношеніе даже среди ближайшихъ сотрудниковъ Императрицы.

Огромнымъ тормозомъ были также невѣжество и темнота должностныхъ лицъ; грубость и взяточничество были характерными чертами тогдашняго чиновничества [1]); ему, конечно, не по плечу были идеалы Екатерины; непросвѣщенность его содѣйствовала не въ малой мѣрѣ безуспѣшности многихъ начинаній Императрицы; для процвѣтанія ея реформъ не хватило дѣятелей.

Всякое дѣло рукъ человѣческихъ несовершенно; такъ было и съ реформами Екатерины. Въ началѣ царствованія она посвящала все свое время, все свое вниманіе вопросамъ внутренняго управленія, стремясь обновить весь государственный строй Россіи. Императрица думала и надѣялась вызвать къ жизни новые интересы дворянскаго общества; она желала вовсе отбросить покровительственную систему, давъ возможность развитія мѣстнымъ общественнымъ единицамъ; этимъ призывомъ къ жизни общественныхъ и въ частности

---

[1]) Ср. Masson, Mémoires secrets sur la Russie, tome I, second cahier, P. 76 et suiv., также записки В. Н. Геттуна. „Историческій Вѣстникъ“ 1880 года, январь.

дворянскихъ интересовъ дышали всѣ ея реформы внутренняго управленія; она мечтала реорганизовать все мѣстное управленіе, поставивъ его на новый путь, давъ ему въ руководство жизненные принципы; вспомнимъ, напр., что дворянству даровано было самоуправленіе, институтъ, которымъ оно не сумѣло воспользоваться.

«Но этимъ стремленіямъ нельзя было осуществиться, говоритъ проф. Андреевскій [1]); имъ нельзя было осуществиться при отсутствіи необходимаго условія государственной жизни — гражданской свободы большей массы подданныхъ: крестьянская зависимость составляла преграду, о которую разбивались всѣ проекты и планы государственной жизни».

Всѣ реформы Екатерины свелись, такимъ образомъ, къ усиленію централизаціи; дворянское общество не оправдало возложеннаго на него довѣрія Государыни; мѣстные общественные интересы не были еще достаточно сильны, дворянство же стало понемногу возвращаться обратно въ столицы; жизнь въ уѣздѣ не могла его удовлетворить; съ деревней ничто его не связывало; со службой же правительственной соединено было все его прошлое, всѣ его интересы и вожделѣнія. Въ провинціи правительству нужно было попрежнему работать и думать за общество. Все это неизбѣжно вело къ усиленію власти правительственныхъ органовъ, въ ущербъ самостоятельности общественнаго управленія и выборной службы. Процессъ этотъ все развивался вплоть до второй половины XIX вѣка; только реформы шестидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія положили предѣлъ ему, «призвавъ къ государственной жизни большинство русскаго народа» [2]).

Каковы же плоды реформъ Екатерины въ области дворянскаго сословнаго управленія? Здѣсь ею сдѣлано было многое. Дворянству были даны преимущества передъ другими сословіями; сословное управленіе было систематизировано и

[1]) „О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ". Ив. Андреевскій, стр. 150.

[2]) Андреевскій, тамъ же.

организовано на широкихъ и либеральныхъ началахъ; если послѣднія и не могли вполнѣ воплотиться на практикѣ, то польза, принесенная ими, все-таки несомнѣнна.

Екатерина сдѣлала для дворянства очень много; сословіе это получило новое значеніе въ государственной жизни Россіи, нравы стали постепенно смягчаться, просвѣщеніе и образованіе распространяться.

Но если многое было сдѣлано, то еще большее оставалось сдѣлать; къ несчастью, начинанія Екатерины не нашли себѣ поддержки въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи; къ концу царствованія забросила ихъ сама Государыня; преемникъ же ея старался съ корнемъ вырвать все созданное ею. Зданіе, оставленное Великой Императрицей недоконченнымъ, съ теченіемъ времени, еще болѣе обветшало и, наконецъ, изуродованное, разсыпалось подъ ударами всемогущаго и безпощаднаго Хроноса.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вступленіе на престолъ Императора Павла I. — Его міросозерцаніе; отношеніе къ дворянскому сословію.—Разрушеніе созданнаго Екатериной.—Законодательство Павла I.—Дворянское достоинство.—Дворянское сословное управленіе; ограниченія самостоятельности послѣдняго.—Положеніе предводителей дворянства; въ частности, ихъ роль при рекрутскихъ наборахъ. — Служба дворянства. — Отмѣна губернскихъ собраній и запрещеніе избраннымъ дворянствомъ отказываться отъ должности. — Отношенія Павла къ службѣ дворянства.— Результаты, къ которымъ привело его законодательство.—Положеніе дворянства и его сословнаго управленія.

I.

Конецъ 1796 года составляетъ эпоху въ русской исторіи. 6-го ноября не стало Великой Императрицы, а съ ней исчезъ Ея великій духъ, столь долго служившій Россіи свѣточемъ на пути прогресса и культуры. Со смертью ея картина сразу измѣнилась; какъ свидѣтельствуетъ Шишковъ: «насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе» — «въ одинъ часъ все перемѣнилось».

6-го ноября 1796 года на престолъ взошелъ сынъ Екатерины, Павелъ I. Воспитанный вдали отъ государственной политики, привыкшій съ дѣтства порицать всѣ начинанія своей матери и искренно ихъ ненавидѣвшій, Павелъ не могъ быть преемникомъ Императрицы въ ея великомъ дѣлѣ. Для него все созданное за долгое царствованіе его матери было гадко, нелѣпо, ненавистно. Долго онъ ждалъ того момента, когда судьба дастъ ему въ руки власть, чтобы по возможности все, безъ остатка, разрушить. Вся энергія новаго Импера-

тора была направлена къ искорененію старыхъ порядковъ, начиная съ военной формы, круглыхъ шляпъ и кафтановъ и кончая государственными учрежденіями, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго управленія.

Изучая исторію этого царствованія, мы не находимъ вовсе созидательной дѣятельности, все вниманіе правительства было направлено на искорененіе и разрушеніе стараго. Такое положеніе вещей станетъ намъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ ту атмосферу, въ которой выросъ сынъ Екатерины; среда, его окружавшая, вся жизненная обстановка, все было направлено къ старательному воспитанію въ немъ ненависти къ своей матери; подозрительный и раздражительный характеръ заставлялъ его постоянно видѣть вокругъ себя обманъ и презрительное обращеніе; ненормальность отношеній между сыномъ и матерью сказалась уже въ самомъ раннемъ періодѣ жизни Павла; еще въ 1772 году цесаревичъ, въ письмахъ къ Разумовскому, упоминаетъ о своихъ столкновеніяхъ съ матерью; хорошія мысли, счастливыя вдохновенія Павла оставались въ мірѣ грезъ, какъ вѣрно замѣтилъ Шильдеръ [1]); имъ не суждено было осуществляться; не хватало къ тому ни выдержки, ни характера, а послѣдній вмѣсто того, чтобы воспитываться и укрѣпляться, только напрасно раздражался мелочами и вредными уколами самолюбія. Съ самыхъ молодыхъ годовъ цесаревичъ постоянно и повсюду привыкъ видѣть нарушеніе его законныхъ правъ; всюду ему казалось, что его обходятъ, ставятъ въ ложное положеніе и отнимаютъ тѣ права, которыя были особенно дороги его болѣзненному и тщеславному самолюбію. Ни въ семейномъ кругу, ни во внѣшней жизни онъ не находилъ покоя. Всюду его преслѣдовала ненавистная ему опека матери. Раздражительность и подозрительность росли съ каждымъ днемъ и, казалось, со-

---

[1]) Духовный міръ цесаревича Павла въ эту эпоху хорошо охарактеризованъ Шильдеромъ, въ его трудѣ „Императоръ Павелъ I", 1901 г., стр. 82 и слѣд. См. также Mémoires secrets sur la Russie. Masson. Londres 1802, tome I, quatrième cahier.

знательно воспитывались въ цесаревичѣ. Въ этомъ заключается глубоко-трагическая черта его жизни. Одушевленный лучшими начинаніями, онъ былъ обреченъ жизнью приносить только зло своему отечеству; отъ рожденія добрый и сердечный, онъ съ возрастомъ сталъ только вспыльчивымъ, раздражительнымъ и мстительнымъ, а подъ конецъ жизни и жестокимъ. Жизнь, окружавшая его семейная обстановка, сама мать сдѣлали изъ него человѣка не вѣрившаго даже своимъ близкимъ, всюду видѣвшаго только измѣну и обманъ, жестокаго, тяжелаго деспота.

Екатерина не могла не сознавать недостатковъ сына. Она старалась все больше и больше отстранять его отъ государственной политики, а когда ея внукъ Александръ уже достаточно подросъ, она стала серіозно подумывать о престолонаслѣдіи, желая установить порядокъ преемства въ пользу внука. Эти мысли Екатерины, какъ бы онѣ ни были скрываемы, не могли остаться незамѣченными цесаревичемъ. Его ненависть къ матери достигла своего апогея, когда онъ убѣдился, что его хотятъ лишить того, къ чему направлена была вся его жизнь, всѣ его мечтанія.

Но судьба рѣшила иначе, приготовляя Россіи годину тяжелыхъ испытаній; смерть унесла Екатерину такъ внезапно, что не дала ей времени позаботиться о своемъ преемникѣ. Она умерла, не успѣвъ законнымъ образомъ утвердить свою волю.

На престолъ взошелъ Павелъ. «Онъ олицетворилъ въ себѣ живой протестъ [1]) противъ величія Россіи, воплощеннаго въ образѣ Екатерины».

Еще въ 1774 году, въ своей запискѣ «разсужденія о государствѣ вообще», цесаревичъ вѣрно охарактеризовалъ свои идеалы въ области государственнаго управленія.

Первое, что нужно было Россіи, по мнѣнію Павла Петровича, былъ покой; эта мысль была направлена противъ только

[1]) Ср. Шильдеръ, в. н. с., стр. 188.

что начавшейся войны съ Турціей; но, вѣрно замѣтилъ Шильдеръ [1]), войны Екатерины съ Турціей и Польшей принесли куда больше выгодъ Россіи, чѣмъ «крестовый походъ, предпринятый впослѣдствіи Павломъ I противъ французской республики ради спасенія царей, да еще въ союзѣ съ вѣковымъ врагомъ Россіи — Оттоманскою Портой».

Во-вторыхъ, Россіи нужна была крѣпкая центральная власть и безпощадная регламентація, съ уничтоженіемъ всякой мѣстной автономіи, будь то правительственная децентрализація или сословное управленіе или начала самоуправленія. Павелъ успѣлъ провести въ жизнь это второе начало, несмотря на свое недолгое царствованіе. Произволъ и формалистика, всеподавляющая тяжелая опека, наложенная на всякую мысль и каждое проявленіе самостоятельности, стали господствовать въ государственной жизни Россіи сразу же послѣ смерти Екатерины.

Наконецъ, третьимъ идеаломъ цесаревича была прусская военная дисциплина, которую ему удалось осуществить еще при жизни своей матери въ созданныхъ имъ гатчинскихъ войскахъ [2]) и проведенную имъ въ русскую армію послѣ восшествія на престолъ. Въ этомъ послѣднемъ крылось самое большое зло, которое онъ нанесъ Россіи; гатчинцы стали господами положенія въ самый день смерти Великой Императрицы, разрушая до тла все созданное ею. «Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, никто почти не зналъ — бѣгали, повелѣвали, учреждали» [3]). Это былъ истый бичъ конца XVIII вѣка, унесшій въ своемъ вихрѣ почти все хорошее, созданное въ предшествовавшее царствованіе. Пагубность военной системы Павла во всей своей полнотѣ проявилась въ наполеоновскихъ войнахъ, гдѣ Аустерлицъ былъ первымъ memento mori, а зло, созданное

---

1) „Императоръ Павелъ I", стр. 97, примѣчаніе.
2) Ср. тамъ же, стр. 98, примѣчаніе.
3) Ср. тамъ же, стр. 293. Записки Шишкова, стр. 9—10.

ею въ области внутренняго управленія, должно было искупаться въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ.

Очень вредно воздѣйствовала на Павла его заграничная поѣздка; пребываніе въ Берлинѣ только увеличило его преклоненіе передъ военной системой Фридриха Великаго; но кромѣ того она имѣла и другое нежелательное послѣдствіе, говоримъ про «версальскія воспоминанія» цесаревича, какъ ихъ назвалъ Шильдеръ [1]). Если въ Пруссіи Павелъ Петровичъ видѣлъ повсюду солдатовщину, процвѣтаніе военной дисциплины, солдатъ и мундиры, то во Франціи ему пришлось увидать ту безпредѣльную роскошь, изящество, высококультурное общество, которыя прославили просвѣщенный абсолютизмъ, эту эгиду французскихъ королей. Въ Парижѣ цесаревичъ ближе познакомился съ жизнью французской аристократіи, съ ея идеями и вкусами.

Еще съ дѣтства старалась воспитывать въ немъ Екатерина благородно-аристократическое направленіе; будучи сама горячей поклонницей французской философіи XVIII вѣка, Императрица желала привить эти же взгляды своему сыну и преуспѣла въ этомъ; Павелъ Петровичъ воспринялъ аристократическій духъ и направленіе, а поѣздка его во Францію еще болѣе утвердила это направленіе.

Но, къ несчастію, взгляды эти не принесли той пользы, которую ждала отъ нихъ Екатерина.

Павелъ Петровичъ не усвоилъ себѣ лучшей части философскихъ идей XVIII вѣка; въ тѣни оставалось ихъ просвѣтительно-культурное вліяніе; на дѣлѣ же проявились, а затѣмъ и разрослись непомѣрно рыцарскія идеи, т. е. именно тѣ взгляды, которые въ Западной Европѣ къ концу XVIII столѣтія уже отживали свой вѣкъ.

Политическіе идеалы Павла не могли не отразиться и на исторіи дворянскаго сословнаго управленія.

Какъ припомнимъ, Екатериной дворянство было вырвано

---

[1]) „Императоръ Павелъ I“, стр. 175.

изъ старой колеи, ему были открыты новые пути; ему дана была возможность Екатерининскимъ законодательствомъ корпоративно организоваться; у него появились свои интересы, свое, какъ бы сказать, сословное хозяйство.

Преемникъ Великой Императрицы стремился уничтожить все созданное его матерью.

Дворянство было возвращено на службу правительства. Правда, оно и само стремилось къ службѣ, какъ нами указывалось выше, но не къ тѣмъ формамъ ея, которыя водворилъ Павелъ. На неслужащее дворянство правительство стало смотрѣть косо, какъ на противный ему элементъ въ государственномъ организмѣ. По глубокому убѣжденію Павла Петровича всякій дворянинъ долженъ былъ служить, иначе онъ становился революціонеромъ, якобинцемъ. Служба опять сдѣлалась обязательной для дворянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала страшно тяжелой и несносной. Въ особенности это чувствовалось въ Петербургѣ, по близости Императора. Никто не былъ обезпеченъ отъ его гнѣва, ни поручикъ и канцелярскій служитель, ни генералъ и сенаторъ; никто не зналъ, что его ожидаетъ завтра, безпредѣльная ли милость или суровый гнѣвъ и ссылка въ Сибирь. Никакое дѣло не могло идти впередъ при такой обстановкѣ, когда главное вниманіе должно было быть обращено на внѣшность, мундиръ, хорошее состояніе парика, умѣніе стоять во фронтѣ и т. п.

Въ провинціи дѣло обстояло немногимъ лучше. Высшіе представители правительства силою вещей были пропитаны этимъ духомъ формалистики; только пройдя школу гатчинскаго фрунта и проникнувшись ею, можно было достичь высшаго положенія въ государствѣ; пройдя же такую школу, естественно, что лица, получившія въ свои руки власть, требовали неукоснительнаго выполненія тѣхъ же формъ и на своихъ подчиненныхъ вымещали озлобленіе собственнаго опыта. Всякое живое дѣло скоро заглохло. Дѣла не было, а служить надо было; вотъ та незавидная перспектива, которая открывалась дворянству этой эпохи! Общій страхъ охватилъ все сословіе;

ни въ городѣ, ни въ деревнѣ дворяне не находили себѣ покоя, всегда и всюду можно было ждать пріѣзда фельдъ-егеря, который въ нѣсколько часовъ увозилъ своего плѣнника, не предваряя объ ожидавшей его участи, или въ столицу за полученіемъ ордена, или въ Сибирь и тюрьму, на вѣчное изгнаніе. Служить дворянству нужно было, повторяемъ, такъ какъ жизнь въ деревнѣ не у дѣлъ налагала отпечатокъ неблагонадежности. Самая строгая централизація и іерархическая пирамида были всегда идеаломъ Павла.

Сословность въ первые годы царствованія Екатерины, какъ мы видѣли, достигла своего апогея. Ея реформы открыли двери новому началу, самостоятельности сословнаго управленія. Но послѣднему не суждено было развиваться.

Идеалы преемника Екатерины были во всемъ противуположны ея начинаніямъ, въ частности и независимости дворянскаго сословнаго управленія.

Военная система Павла I все нивелировала; въ вопросахъ умственнаго и нравственнаго развитія проводилось всепоглощающее равенство, наоборотъ въ соціальномъ отношеніи укрѣплялась сословная обособленность. Не малую роль играли въ этомъ отношеніи понятія Павла о рыцарствѣ. На идею рыцарства онъ смотрѣлъ какъ на «послушничество», долженствовавшее быть основнымъ принципомъ дворянскаго сословія; только изъ него послѣднее могло черпать идею чести и вѣрности, и притомъ чести сословной, а вѣрности безгласной и безсознательной.

Другимъ факторомъ паденія значенія дворянскаго сословнаго управленія и потери имъ независимости былъ тотъ подборъ гатчинцевъ — должностныхъ лицъ, о которомъ мы уже говорили выше; постепенно они заняли всѣ высшія правительственныя должности. Среди нихъ одинъ Аракчеевъ чего стоилъ! а такихъ, какъ онъ, было чрезвычайно много; извѣстно, какъ Аракчеевъ, безъ стѣсненія, вырывалъ усы у солдатъ, давалъ пощечины и солдатамъ и офицерамъ, разъ даже, «при-

шедъ въ ярость», откусилъ солдату носъ [1]). Строжайшая дисциплина прусской военной системы не могла не способстовать огрубѣнію нравовъ, а если мы вспомнимъ, что система эта была проведена не только въ войскахъ, но и во всей государственной службѣ, то яснымъ станетъ тотъ процессъ огрубѣнія и регресса, который охватилъ все общество, сокрушая немногое, уже достигнутое въ предшествовавшее царствованіе. И внѣшняя жизнь претерпѣла подобную же печальную метаморфозу; всему населенію запрещено было носить Екатерининскіе кафтаны и круглыя шляпы [2]); нивелировка интеллектуальнаго уровня общества должна была какъ бы найти себѣ внѣшнее подтвержденіе; также какъ не могло быть разницы въ убѣжденіяхъ и помыслахъ подданныхъ Императора, такъ не могло существовать и внѣшняго различія одѣянія; люди должны были разниться только по мундиру и сословнымъ преимуществамъ. Даже сама столица пережила это всеуравнивающее стремленіе Павла; Петербургъ, въ нѣсколько дней послѣ смерти Екатерины, какъ свидѣтельствуетъ намъ современникъ этого печальнаго времени Н. А. Саблуковъ, совершенно преобразился; изъ одного изъ самыхъ блестящихъ для того времени городовъ Европы, въ которомъ Великая Семирамида Сѣвера привлекала къ себѣ лучшія силы интеллигенціи міра, Петербургъ превратился въ скучный нѣмецкій городъ XVI или XV столѣтія. «Но къ несчастію перемѣна заключалась не въ одной внѣшности,—говоритъ Шильдеръ [3]), описывая первые дни воцаренія Павла Петровича,—измѣнились не только экипажи, одежда, шляпы, сапоги, измѣнился также духъ жителей. Деспотизмъ, обрушившійся на все и коснувшійся самыхъ незначащихъ сторонъ обыденной жизни, далъ почувствовать себя тѣмъ болѣе, что онъ проявился послѣ цѣлаго періода полной личной свободы».

---

[1]) Ср. Шильдеръ, „Императоръ Павелъ I", стр. 373, также труды графа Толя, Михайловскаго-Данилевскаго, Вигеля.

[2]) Mémoires secrets. Masson, tome I, page 202.

[3]) „Императоръ Павелъ I", стр. 300.

Такъ иногда нѣсколькими ударами въ самое малое время можно разрушить созданное десятками лѣтъ.

Павелъ Петровичъ рушилъ начинанія Екатерины съ какимъ-то наслажденіемъ, можно сказать съ ожесточеніемъ. Все созданное его матерью должно было съ корнемъ быть вырвано. Вся исторія его царствованія служитъ намъ живымъ примѣромъ этого процесса разрушенія; разрушались какъ общее управленіе, такъ и частныя начинанія, безъ системы, безъ послѣдовательности, безъ какого-либо общаго плана, и только потому, что данная мѣра, данное положеніе введены были Екатериной [1]). Не избѣгло этого и дворянское сословное управленіе; и въ этой области систематически преслѣдовалось все созданное Екатериной. Это послѣдовательное разрушеніе начинаній Императрицы замѣчено было даже Александромъ Павловичемъ [2]); «благосостояніе государства, пишетъ онъ, не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами, существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя были совершены; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, большую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ; достоинство здѣсь не при чемъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающимся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи». Такъ описывалъ современное ему положеніе вещей молодой цесаревичъ, и свидѣтельство его намъ очень цѣнно — оно дышитъ правдой; положеніе Россіи было именно таково; еще картиннѣе рисуетъ это же положеніе вещей самъ Шильдеръ [3]); «Павловскія преобразованія не сопровождались однимъ стѣсненіемъ въ одеждѣ,— говоритъ онъ,—и даже въ домашней жизни бѣдныхъ россіянъ,

---

[1]) Cp. Mémoires secrets. Masson, tome I, quatrième cahier.
[2]) „Императоръ Павелъ I“, стр. 368.
[3]) „Имп. Павелъ I“, стр. 304.

но они коснулись въ корнѣ и самыхъ существенныхъ сторонъ государственной жизни Имперіи». Затѣмъ приводится перечень нѣкоторыхъ крупныхъ перемѣнъ, постигшихъ законодательство Россіи; какъ этотъ перечень ни подробенъ, онъ къ несчастью далеко не исчерпываетъ разрушительной дѣятельности Павла I. «Возстановленъ былъ Литовскій статутъ въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ,—начинаетъ свое перечисленіе Шильдеръ,—введенъ снова въ употребленіе польскій языкъ, въ сношеніяхъ съ этими губерніями; возстановлены въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Выборгской губерніи старинные уставы; изъяты нѣкоторыя области изъ-подъ дѣйствія общихъ законовъ Имперіи; слѣдуетъ также упомянуть о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, касавшихся хотя и однихъ названій, но не лишенныхъ внутренняго смысла. Такъ напр., въ ноябрѣ 1797 г. повелѣно было Севастополь именовать его старымъ названіемъ Ахтіара!»

«Всѣ эти преобразованія, продолжаетъ тотъ же авторъ, или, лучше сказать, ломка установившагося разумнаго Екатерининскаго государственнаго строя, оставили глубокій слѣдъ въ послѣдовавшей жизни Россіи; они вызвали въ будущемъ немало печальныхъ явленій, которыя никогда бы не имѣли мѣста, если бы послѣ Екатерины не явился на престолѣ недоброжелатель ея 34-лѣтняго правленія, стремившійся къ тому же явить себя преобразователемъ». Печально отразилось все это и на дворянскомъ сословномъ управленіи. Многіе недостатки, отголоски которыхъ мы переживаемъ даже теперь въ началѣ XX столѣтія, были бы избѣгнуты и предотвращены, если бы реформы Екатерины нашли хоть малую поддержку въ ея преемникѣ. Но, начиная съ 6-го ноября 1796 года, дня смерти Великой Императрицы, какъ говоритъ Шильдеръ [1]), «по странной прихоти судьбы на придворной и на политической сценахъ происходитъ небывалое представленіе; примирительныя вѣянія, великодушные порывы идутъ рука объ руку съ бичеваніемъ намѣченныхъ заранѣе жертвъ, какъ отдѣльныхъ личностей,

[1]) „Имп. Павелъ I", стр. 314.

такъ и цѣлыхъ учрежденій. Благодаря подобному стеченію изумительныхъ противуположностей, новая эра является передъ нами въ видѣ сплошного тяжелаго кошмара, напоминающаго порою, по выраженію современника, «зады Іоанна Грознаго».

Тяжелыя времена настали на Руси со смертью Екатерины. И бѣдному дворянству не разъ пришлось пожалѣть Императрицу и ея великое дѣло. Ему болѣе, чѣмъ другимъ сословіямъ, пришлось претерпѣть въ это царствованіе; судьба заставляла его выносить на своихъ плечахъ не одну незаслуженную кару [1]).

[1]) Интересны разсказы Бутенева о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя переживала Москва, при вѣсти о воцареніи Императора Павла и при его пріѣздѣ въ столицу для коронаціи. Москва была въ тѣ времена центромъ, куда съѣзжалась вся знать Имперіи, она не могла не почувствовать съ особенной силой перемѣну направленія государственной политики. „Здѣсь, въ Москвѣ жили старѣйшіе и знаменитѣйшіе роды, высшее дворянство,—говоритъ Бутеневъ,—которые жили въ столицѣ по зимамъ, а лѣтомъ пребывали въ прелестныхъ подмосковныхъ дачахъ. Большею частью это были особы, занимавшія прежде высшія государственныя должности и потомъ отдыхавшія на склонѣ дней въ пышномъ бездѣйствіи, или такіе сановники, генералы и пр., самолюбіе которыхъ было оскорблено и которые показывали, что ищутъ независимости, или богатые помѣщики изъ губерній, желавшіе не столько чиновъ, сколько пользоваться своимъ богатствомъ среди удобствъ и удовольствій столицы, а въ то же время и большею возможностью лучше воспитывать своихъ дѣтей... Общество искало только разсѣянія, будучи не занято ни политикой, ни какимъ-либо серьезнымъ дѣломъ, ни едва ли литературой, о существованіи которой Карамзинъ и весьма немногіе писатели заставляли только подозрѣвать“. Понятно, что именно здѣсь, въ этомъ центрѣ аристократической жизни болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, почувствовался гнетъ царствованія Павла I, его презрительно-высокомѣрное отношеніе къ дворянству вообще и къ лицамъ, отличившимся при его матери, въ особенности. Паника охватила Москву; генералы, вельможи, все попряталось по своимъ помѣстьямъ, боясь показаться въ столицу; послѣдняя на время опустѣла, омертвѣла; но и впослѣдствіи, когда преемникъ Павла принималъ всѣ мѣры къ возстановленію старыхъ порядковъ, Москва ужъ никогда не получила обратно свой прежній видъ. Еще въ началѣ царствованія Александра высшая аристократія и дворянство вернулось въ Москву, но не успѣло еще какъ слѣдуетъ обжиться, не успѣло еще освободиться отъ тяжелаго кошмара царствованія Павла Петровича, какъ грянулъ двѣнадцатый годъ, унесшій въ пламени весь городъ; послѣ же погрома 1812 года, какъ вѣрно замѣчаетъ тотъ же Бутеневъ, „наша старая столица, приняла мало-по-малу

II.

Намъ пришлось остановиться на характеристикѣ Павла Петровича для лучшаго освѣщенія его законодательной политики; безъ знакомства съ его воспитаніемъ, характеромъ и идеалами невозможно представить себѣ и понять тотъ странный ходъ, который приняла въ это царствованіе государственная жизнь Россіи. Послѣдняя настолько разнится отъ временъ Екатерины, настолько своеобразна, возникнувъ совершенно ex abrupto, что безъ знанія исторіи Павловскаго воспитанія и развитія его міросозерцанія совершенно невозможна объективная оцѣнка его законодательства въ области внутренняго управленія.

Мы считали поэтому своимъ долгомъ, приступая къ изслѣдованію законодательства Императора Павла I, ввести читателя въ тотъ странный кругъ идей, который руководствовалъ Государемъ въ его разрушительной дѣятельности.

Перейдемъ къ разбору законодательства царствованія Императора Павла I. Въ этомъ отношеніи мы будемъ держаться, какъ и прежде, хронологическаго порядка, вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся проводить нѣкоторую параллель и отмѣчать тѣ части законодательныхъ актовъ, которыя отмѣняли или шли въ разрѣзъ съ положеніями Жалованной грамоты 1785 года.

Ко времени вступленія на престолъ Павла Петровича большинство началъ Жалованной грамоты уже вполнѣ усвоились населеніемъ; дворянство привыкло смотрѣть на тѣ права и преимущества, которыя утверждены были за нимъ въ 1785 году, какъ на свои исконныя привилегіи.

Законодательство преемника Екатерины шло въ разрѣзъ стремленіямъ дворянства и условіямъ жизни. Понятна поэтому

совершенно другой характеръ — стала болѣе и болѣе городомъ торговымъ и промышленнымъ. Новыя поколѣнія даже изъ дворянъ, сдѣлали Москву центромъ торговли, мануфактуръ и даже національной литературы".

Ср. Воспоминанія А. П. Бутенева, „Русскій Архивъ" 1881 года, томъ III, стр. 9—14.

та враждебность, съ которою были приняты дворянскимъ сословіемъ многіе, если не всѣ акты Павла Петровича. Оно лишалось иногда самыхъ близкихъ его сердцу преимуществъ; у него отнимались права и привилегіи, которыя оно привыкло считать своимъ неотъемлемымъ достояніемъ [1]).

Главнымъ образомъ подверглись кореннымъ измѣненіямъ два начала прежняго законодательства—отсутствіе принудительной службы дворянъ, право дарованное имъ еще манифестомъ Петра III, и принципъ независимаго сословнаго управленія; самостоятельность послѣдняго была сразу же упразднена, какъ противорѣчащая кореннымъ образомъ идеаламъ Павла Петровича.

Не прошло и мѣсяца послѣ смерти Екатерины, какъ появился именной указъ Сенату [2]) «о запрещеніи правительствамъ самимъ собою вводить въ дворянское достоинство и выдавать на оное грамоты безъ Высочайшаго утвержденія». Указъ этотъ не внесъ фактически никакихъ перемѣнъ; его значеніе только юридическое. Дворянину, ищущему свой родъ, было до извѣстной степени все равно, утверждалось ли его дѣло губернскимъ предводителемъ, совмѣстно съ депутатами, какъ то постановляла статья 85 Жалованной грамоты, или оно восходило на Высочайшее имя, такъ какъ подобное восхожденіе этихъ дѣлъ до Верховной Власти не могло не быть простою формальностью. Юридически же такой порядокъ вносилъ совершенно новый принципъ въ эту область, отнимая самостоятельность у сословныхъ органовъ и тѣмъ умаляя ихъ значеніе; Павелъ это понималъ очень хорошо и издалъ указъ 4-го декабря, именно имѣя въ виду принципіальную сторону дѣла; онъ не могъ допустить и мысли существованія у дворянскихъ обществъ столь важнаго права, какъ утвержденіе

[1]) Ср., напр., Записки Болотова. Приложеніе 1871 года къ „Русской Старинѣ". Записки кн. Голицина. „Русскій Архивъ", кн. I, 1874 года. Записка графа А. Р. Воронцова о Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка, представленная Имп. Александру I въ 1801 году, „Архивъ князя Воронцова", кн. 29, стр. 460.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 17608. Декабря 4-го 1796 г.

въ дворянскомъ званіи; по его понятіямъ пріобрѣтеніе дворянства было способомъ награжденія за службу, а всякое награжденіе могло исходить только отъ него.

Этимъ должна была охраняться чистота дворянскаго сословія, основною задачею котораго была служба государственная. «Дошло до Нашего свѣдѣнія,—пишетъ Павелъ въ своемъ указѣ 4-го декабря,—что съ великимъ небреженіемъ разборъ чинится въ дворянскихъ собраніяхъ по просьбамъ ищущихъ дворянства и дворянское къ тому право обращается во злоупотребленія... а потому повелѣваемъ дабы никакое въ государствѣ Нашемъ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало своихъ грамотъ на сіе достоинство не носившимъ такого преимущества, въ которомъ утвердить или въ оное вновь облещи *единственно зависитъ отъ Самодержавной Власти, Богомъ Намъ дарованной»*. Какъ видимъ, текстъ этого акта вполнѣ рельефно изображаетъ мысли Павла. Эти же начала подтвердилъ и указъ 6-го марта 1801 года [1]), изданный за пять дней до смерти Императора.

Эти два законодательныхъ акта, стоящіе такимъ образомъ на границахъ царствованія Павла Петровича, характерно рисуютъ тотъ общій путь, по которому прошла его дѣятельность.

Второй мѣрой Павла I былъ не менѣе знаменательный указъ 12-го декабря о новомъ раздѣленіи государства на губерніи [2]).

Можно съ полною увѣренностью сказать, что подобный передѣлъ губерній не вызывался какими-либо существенными соображеніями или теоретическими построеніями; цѣль была одна — разрушать все созданное Екатериной.

31-го декабря былъ изданъ, въ дополненіе къ указу 12-го декабря, штатъ новымъ губерніямъ, образованнымъ въ количествѣ 34-хъ [3]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19769.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 17634.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 17702. Новыя губерніи были: 1) Московская. 2) Петербургская, 3) Новгородская, 4) Тверская, 5) Псковская, 6) Смоленская, 7) Тульская, 8) Калужская, 9) Ярославская, 10) Костромская, 11) Владимірская, 12) Нижегородская, 13) Вологодская, 14) Архангель-

3-го января 1797 года Павелъ положилъ свою знаменитую резолюцію о примѣненіи къ дворянамъ тѣлеснаго наказанія (въ Полн. Собр. Зак. этотъ актъ не помѣщенъ); Императоръ разсуждалъ такимъ образомъ, что «какъ скоро снято дворянство, то уже и привилегія до него не касается. Почему и впредь поступать». Съ этого момента дворянъ стали, по лишеніи ихъ судомъ дворянскаго званія (!), присуждать къ наказанію кнутомъ, вырѣзыванію ноздрей, клейменію и др. позорящимъ наказаніямъ. Разсужденіе Павла не лишено казуистическаго остроумія; нельзя сказать, однако, чтобы оно сочувственно было встрѣчено дворянствомъ. Статья 15 Жалованной грамоты, говорящая, что «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго», считалась имъ за прирожденное и неотъемлемое право. Да и дѣйствительно резолюція 3-го января шла въ разрѣзъ со всѣмъ направленіемъ предшествовавшаго царствованія, ведшаго Россію по пути культуры и смягченія нравовъ. Мѣра эта, надо замѣтить, была далеко не единственною, за короткое царствованіе Павла I мы находимъ нѣсколько подобныхъ актовъ; не даромъ дворянство было приведено въ ужасъ и трепетало передъ судомъ Государя; ни отъ чего не былъ обезпеченъ россіянинъ въ эти печальныя времена [1]).

Просматривая далѣе законодательство Павла I, отмѣтимъ указъ Сенату 6-го февраля 1797 года [2]), коимъ распространялось право выбора дворянствомъ судей на губерніи Малороссійскія (Малороссійскую, Кіевскую, Подольскую, Волынскую, Минскую и Бѣлорусскую), при чемъ дворянство въ этомъ случаѣ избирало только кандидатовъ, сами же судьи утверждались Верховною Властью.

ская, 15) Вятская, 16) Казанская, 17) Пермская, 18) Кіевская, 19) Оренбургская, 20) Симбирская, 21) Пензенская, 22) Астраханская, 23) Воронежская, 24) Тамбовская, 25) Рязанская, 26) Курская, 27) Орловская, 28) Слободско-Украинская, 29) Новороссійская, 30) Малороссійская, 31) Минская, 32) Бѣлорусская, 33) Волынская и 34) Подольская.

[1]) Ср. напр., Записки Тургенева, „Русская Старина" 1885 г., томы 47 и 48; также Шильдеръ „Императоръ Павелъ I".

[2]) Полн. Собр. Зак. № 17789.

Слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ является Сенатскій указъ 19-го марта [1]), устанавливающій порядокъ составленія общаго гербовника для всего дворянства Имперіи. Этотъ указъ являлся какъ бы необходимымъ дополненіемъ къ разсмотрѣнному нами выше указу 4-го декабря.

Отношенія правительства къ службѣ дворянства измѣнились; ему нужны были подробныя свѣдѣнія о всѣхъ дворянахъ Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гарантіи противъ незаконнаго присвоенія дворянскаго званія лицами, не имѣющими на то права. Обязанности контроля попрежнему несла герольдія; въ царствованіе Екатерины губернскія мѣста не торопились составленіемъ родословныхъ книгъ; по многимъ свидѣтельствамъ современниковъ, подобныя дѣла двигались впередъ очень медленно.

Павлу I нужны были возможно точныя данныя; указъ, разсматриваемый нами, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на «понужденіи губернскихъ предводителей и уѣздныхъ депутатовъ о скорѣйшемъ доставленіи въ герольдію книгъ разобраннымъ дворянскимъ родамъ»; чтобы «губернскія правленія и присутственныя мѣста, говорится въ немъ далѣе, благоволили въ скорѣйшемъ времени доставить свѣдѣнія» какъ о мѣстѣ службы дворянъ данной губерніи, такъ и о ихъ чинахъ и орденахъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ герольдіи должны были сосредоточиться всѣ самыя подробныя свѣдѣнія относительно всего дворянскаго сословія. Трудно сказать, какія могли произойти отсюда послѣдствія. Въ успѣхѣ его можно сомнѣваться; одинъ сенатскій департаментъ, въ лицѣ герольдіи, врядъ ли могъ справиться съ такой массой дѣла; подобная централизація всегда сводится къ простой формалистикѣ и безжизненной бумажной перепискѣ.

Но Павелъ не только хотѣлъ привести въ порядокъ положеніе родословныхъ книгъ дворянскаго сословія; онъ, какъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 17881.

нами уже упоминалось, желалъ видѣть въ своей Имперіи существованіе древняго рыцарства [1]).

Однимъ изъ виднѣйшихъ установленій рыцарства была система родовыхъ гербовъ. По идеѣ Павла всякій дворянинъ долженъ былъ имѣть свой гербъ, утвержденный герольдіей. Указъ 19-го марта и возлагаетъ на послѣднюю эту трудную обязанность составленія общаго для всей Имперіи гербовника, куда должны были быть занесены гербы всего россійскаго дворянства.

Роль, которую удѣлялъ сословнымъ дворянскимъ органамъ разсматриваемый указъ, значительно сократилась и обезцвѣтилась. Оно, впрочемъ, вполнѣ понятно; разъ дворянская родословная получила новое и столь важное значеніе, правительство не могло оставить контроль веденія родословныхъ въ рукахъ самого сословія; дѣятельность предводителей вполнѣ естественно, должна была уступить мѣсто дѣятельности правительственныхъ органовъ, напр., губернскихъ правленій. Указъ 19-го марта шелъ именно въ этомъ направленіи; хотя главная работа по собиранію свѣдѣній о дворянахъ и ихъ родахъ и лежала на губернскихъ предводителяхъ и уѣздныхъ депутатахъ, но значительное право контроля и даже вмѣшательства въ эти дѣла получили губернскія правленія, что несомнѣнно умаляло независимость дворянскаго сословнаго управленія. Указъ этотъ идетъ даже дальше; свѣдѣнія о древности рода или о правильности присвоеннаго дворяниномъ

---

[1]) Свидѣтель тѣхъ временъ слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ эти „рыцарскіе“ идеалы Павла Петровича:

„Paul s'avise aujourd'hui de créer une noblesse heraldique en Russie! On n'y connaissait point anciennement cette institution gothique. Le tzar Feodor avait même fait brûler les diplomes dont voulaient se prevaloir quelques familles. Les Russes arrivent-ils déjà à leur 12-e siècle? C'etait la seule nation de l'Europe, qui dans sa marche rapide vers la civilisation eût franchi cette sottise: pourquoi veut-on maintenant l'y ramener? — pour éloigner une révolution à la française“. Трудно рельефнѣе охарактеризовать государственное значеніе павловскихъ мѣропріятій.

Mémoires secrets sur la Russie. Masson. Londres 1802, tome I, page 320.

герба могли удостовѣряться «двумя чиновниками или знатными двумя дворянами»; такія удостовѣренія доставлялись либо предводителю, либо непосредственно герольдмейстерской конторѣ.

Немного позднѣе самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія подверглась новому ограниченію.

4-го мая вышелъ указъ, запрещавшій подавать высшему правительству коллективныя ходатайства [1]). Этимъ отмѣнялись статьи 47 и 48 Жалованной грамоты, установившія право дворянскихъ собраній ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о своихъ нуждахъ и дѣлать представленія о нихъ какъ Сенату, такъ и Верховной Власти. Разъ запрещалось подавать прошенія или представленія за нѣсколькими подписями, о правѣ дворянскихъ собраній ходатайствовать о своихъ нуждахъ не могло быть рѣчи. Указомъ этимъ убитъ былъ самый жизненный нервъ сословнаго управленія; разъ не стало права дворянскихъ собраній ходатайствовать о своихъ нуждахъ, сразу исчезъ и интересъ къ сословнымъ дѣламъ, а съ нимъ вмѣстѣ должно было омертвѣть и сословное управленіе вообще.

Но къ несчастію это было только начало; цѣлый рядъ послѣдующихъ указовъ Павла I шелъ въ томъ же разрушительномъ направленіи. Сенатскій указъ 20-го іюля того же года [2]) далъ губернскимъ правленіямъ право замѣщать открывшіяся до новыхъ дворянскихъ выборовъ вакансіи по собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ въ кругъ тѣхъ органовъ, которые по мысли Екатерины должны были быть исключительно выборными отъ дворянства, вводится элементъ правительственный.

Именной указъ 28-го іюля [3]) запретилъ дворянскимъ предводителямъ отлучаться изъ уѣзда или губернскаго города безъ разрѣшенія губернаторовъ, что ставило ихъ въ нѣкоторую

[1]) Полн. Собр. Зак. № 17955.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 18057.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 18062.

зависимость отъ власти послѣднихъ. Самъ по себѣ указъ этотъ не имѣетъ большого значенія, но интересенъ намъ, какъ примѣръ общаго направленія законодательства Павла I. Губернаторы получали постепенно все бо̀льшую власть въ области сословнаго управленія.

7-го августа (1797 г.) послѣдовало напоминаніе губернскимъ правленіямъ и предводителямъ дворянства о скорѣйшемъ составленіи гербовника дворянства [1]); указъ отмѣчаетъ трудности этого дѣла и, желая помочь департаменту герольдіи, усиливаетъ ея штатъ; Павелъ особенно настаивалъ на скорѣйшемъ окончаніи работы, но послѣдняя шла чрезвычайно медленно и исполнялась врядъ ли добросовѣстно. Къ 1-му января 1798 года была закончена первая часть гербовника, и въ этотъ день былъ изданъ спеціальный манифестъ «О утвержденіи дворянскаго гербовника первой части и о выдачѣ дворянамъ копій съ онаго на пергаментѣ» [2]). Манифестъ этотъ очень характеренъ, хорошо освѣщая мысли Императора [3]); изъ его текста видно, насколько Павелъ I увлекался мыслью учредить въ Россіи средневѣковое рыцарство, нисколько не заботясь о его пригодности въ нашемъ отечествѣ. Въ продолженіе 1798 года была окончена 2-я часть гербовника, а въ самомъ началѣ 1799 года (31-го января) конфирмована и 3-я его часть.

1-го сентября того же года генералъ-прокуроръ объявилъ Сенату Императорскій указъ о новомъ порядкѣ пріема рекрутъ [4]). Пріемъ долженъ былъ производиться поуѣздно, при чемъ въ одной части уѣздовъ общее наблюденіе за этимъ дѣломъ возлагалось на губернаторовъ, въ другой на вице-губернаторовъ и, наконецъ, въ третьей на губернскихъ предводителей, дабы облегчить тѣмъ самымъ обязанности губернаторовъ, которые фактически не могли одновременно присут-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 18081.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 18302.
[3]) Въ приложеніи мы печатаемъ этотъ интересный указъ полностью.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 18126.

ствовать при наборѣ во всѣхъ уѣздахъ губерніи. Губернскій предводитель этимъ указомъ сравнивался съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, что только подтверждаетъ намъ взглядъ Павла на предводителей, какъ на правительственныхъ, а не сословныхъ органовъ. Уѣздные предводители попрежнему должны были присутствовать при пріемѣ рекрутъ.

Какъ извѣстно, Императоръ Павелъ былъ особенно строгъ въ вопросахъ военной дисциплины; за малѣйшую ошибку онъ наказывалъ безпощадно; однимъ изъ довольно часто примѣняемыхъ видовъ наказаній было исключеніе изъ военной службы; но исключенный изъ службы считался ужь болѣе никуда негоднымъ человѣкомъ! Быть же исключеннымъ со службы можно было за самый пустяшный проступокъ; случаи исключенія бывали весьма часты. Исходя изъ той мысли, что исключенный изъ военной службы былъ совершенно негодный и даже опасный элементъ общества, Павелъ I впослѣдствіи закрылъ подобнымъ лицамъ всякіе пути общественной дѣятельности, сначала запретивъ имъ участвовать въ управленіи сословномъ, отстранивъ ихъ впослѣдствіи и отъ службы правительственной.

15-го ноября 1797 года былъ изданъ первый указъ [1]) по этому вопросу, запретившій избирать дворянъ, исключенныхъ изъ военной службы, въ какія бы то ни было должности; на генералъ-прокурора возлагалась обязанность слѣдить «за тѣмъ, дабы дворяне, исключенные изъ воинской службы, сами не были ни въ какія должности избираемы и опредѣляемы, но и голосовъ отъ нихъ на выборъ другихъ не принимать». Они, слѣдовательно, теряли не только пассивное избирательное право, но и активное. Дворянинъ, провинившійся какимъ-нибудь неправильнымъ ружейнымъ пріемомъ, не сдѣлавшій должнымъ образомъ поворотъ въ строю или просто по своей внѣшности непонравившійся Императору или одному изъ приближенныхъ послѣдняго, лишался иногда права участія въ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 18245.

общественной жизни уѣзда, становился паріемъ и даже «вреднымъ элементомъ».

Вѣрно замѣчаетъ Шильдеръ, что «если принять въ соображеніе маловажность проступковъ, за которые офицеры выкидывались изъ службы, нельзя не признать, за приведеннымъ указомъ болѣе чѣмъ удручающій характеръ» [1]).

Но Павелъ не остановился на этомъ. 14-го января слѣдующаго года былъ изданъ другой указъ «о неопредѣленіи въ гражданскую службу и по выборамъ отъ дворянства выключенныхъ изъ службы за просрочку въ отпускахъ или по другимъ причинамъ воинскихъ чиновъ» [2]). У исключенныхъ изъ военной службы тѣмъ самымъ отнималась возможность какой-либо общественной дѣятельности. Понятно, что среди дворянства указъ 14-го января вызвалъ страшное негодованіе, но протестовать, конечно, никому и въ голову не приходило; на провинціальной жизни указъ этотъ отозвался крайне плачевно; правительственная служба стала не только въ тягость дворянству, но прямо ненавистной; значеніе же выборной службы пало совершенно. Началось массовое «отлыниваніе» дворянства отъ службы; общее паденіе интереса къ вопросамъ общественнымъ и сословнымъ было прямымъ слѣдствіемъ мѣропріятій Павла I.

9-го марта 1797 года послѣдовалъ коротенькій, но весьма многозначительный указъ Императора, данный Сенату, «*о бытіи губернаторамъ при дворянскихъ собраніяхъ по дѣламъ общественнымъ бывающихъ*» [3]). Указъ этотъ отмѣнялъ одно изъ основныхъ положеній Екатерининскаго законодательства; имъ уничтожена была столь ревностно отстаивавшаяся покойной Императрицей самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія. Губернаторы, присутствуя на дворянскихъ собраніяхъ, получили возможность активнаго вмѣшательства въ дѣла сословнаго управленія; даже одно присут-

[1]) „Императоръ Павелъ I“, стр. 376.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 18321.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 18421.

ствіе губернатора безъ активнаго вмѣшательства пагубно вліяло на ходъ дѣлъ; дворяне сразу же должны были почувствовать это; присутствіе губернатора вызвало окончательное охлажденіе дворянства къ общественной дѣятельности.

Указъ 9-го марта далъ въ руки губернаторовъ огромную власть; несомнѣнно, что они не ограничились однимъ формальнымъ контролемъ, а съ первыхъ же дней его изданія стали весьма активно пользоваться своимъ новымъ правомъ. Сословное управленіе скоро подпало подъ неограниченную опеку правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ остановилась его жизнь; дворянское управленіе временно омертвѣло, какъ бы впало въ глубокій обморокъ, отъ котораго ему суждено было проснуться только благодаря энергичному и смѣлому возстановленію Екатерининскихъ началъ ея внукомъ.

Насколько Павелъ не довѣрялъ дворянскому сословному управленію и мало цѣнилъ свободу и личную независимость, можно судить изъ редакціи текста разсматриваемаго указа. Въ немъ говорится, что губернаторамъ дается всепоглощающее право контроля и активнаго вмѣшательства «для соблюденія добраго порядка при дворянскихъ собраніяхъ». Итакъ, общественное дворянское управленіе подпало подъ полную и безграничную опеку администраціи; послѣдняя не замедлила воспользоваться этимъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Примѣромъ того подчиненія мѣстной администраціи, которому подверглось дворянское общественное управленіе, можетъ служить текстъ сенатскаго указа 14-го апрѣля того же года [1]), изданнаго по частному случаю. Павелъ I установилъ на содержаніе присутственныхъ мѣстъ особый налогъ съ дворянскихъ имѣній; для сбора этого налога Костромской губернскій предводитель созвалъ съѣздъ уѣздныхъ предводителей и исправляющихъ ихъ должность уѣздныхъ судей; дѣйствіе губернскаго предводителя, казалось бы, было совершенно правильно и вполнѣ естественно; въ столь важномъ вопросѣ необходимо

[1]) Полн. Собр. Зак. № 18485.

было выработать планъ общихъ дѣйствій или по крайней мѣрѣ посовѣтоваться со своими товарищами-представителями сословія, интересы котораго были затронуты самымъ существеннымъ образомъ. Но Костромское губернское правленіе усмотрѣло въ этомъ дѣйствіи губернскаго предводителя опасное для себя превышеніе власти и вмѣшательство въ его, губернскаго правленія, компетенцію, вслѣдствіе чего и предписало «считать съѣздъ уѣздныхъ предводителей въ губернскій городъ не нужнымъ, правящихъ же предводительскія должности уѣздныхъ судей и вовсе невозможнымъ».

Сенатъ въ данномъ случаѣ не поддержалъ домогательства губернскаго правленія и отмѣнилъ его постановленія, разрѣшивъ съѣзды предводителей, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы члены уѣздныхъ судовъ, исправляющіе должность уѣздныхъ предводителей, на съѣздѣ не участвовали; это исключеніе судей вполнѣ понятно; они были такъ завалены собственными дѣлами, что разрѣшать имъ отлучаться изъ уѣзда значило лишать населеніе судебной власти [1]. Указъ Сената, изданный по этому поводу, былъ разосланъ всѣмъ губернскимъ правленіямъ и казеннымъ палатамъ, для общаго руководства.

Правила о сборѣ денегъ съ дворянскихъ имѣній на содержаніе присутственныхъ мѣстъ были изданы немного позднѣе при Сенатскомъ указѣ отъ 29-го апрѣля [2].

Въ 1797 году упразднены были Верхніе земскіе суды и губернскіе магистраты. Эти два учрежденія, установленныя Екатериной, являлись совершенно лишними инстанціями; практика не оправдала необходимости ихъ существованія. За упраздненіемъ Верхнихъ земскихъ судовъ и губернскихъ магистратовъ, новыми штатами 1797 г. опеки дворянскія и сиротскіе суды были подчинены непосредственно палатамъ и расправамъ; высшею же инстанціей оставался, какъ и прежде, Сенатъ [3]. Въ по-

[1]) Этотъ же примѣръ приводитъ проф. Романовичъ-Славатинскій въ своемъ трудѣ „Дворянство въ Россіи“, стр. 443.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 18507.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 18667.

рядкѣ дѣлопроизводства опекъ и сиротскихъ судовъ и занимаемомъ ими положеніи въ уѣздной администраціи, реформы эти не произвели никакихъ перемѣнъ.

III.

Продолжаемъ разборъ Павловскаго законодательства.

Какъ мы видѣли выше, начиная съ 1776 года дворянскіе предводители были призваны къ дѣятельному участію при наборахъ рекрутъ; Екатериной руководило въ данномъ случаѣ вполнѣ правильное разсужденіе; при рекрутскихъ наборахъ затрогивались существенные интересы дворянства и для защиты послѣднихъ было вполнѣ естественно привлечь къ этому дѣлу предводителей. Указомъ 19-го сентября 1776 года были образованы особыя присутствія для завѣдыванія наборами; въ эти присутствія предводители доставляли списки рекрутъ, каждый по своему уѣзду; кромѣ того, предводители должны были «неотлучно присутствовать» при самомъ наборѣ; на обязанности ихъ лежала отвѣтственность въ правильности веденія списковъ. Практика дополнила постановленія закона.

Правительство не опредѣлило въ достаточной степени весь порядокъ производства набора; компетенція и обязанности отдѣльныхъ органовъ не были выяснены должнымъ образомъ; роль же предводителей очерчена была въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Все это привело къ тому, что въ каждой губерніи, можно сказать, почти въ каждомъ уѣздѣ практикой были созданы свои порядки; слѣдствіемъ были иногда грубыя злоупотребленія; деньги, вносимыя дворянами за рекрутъ, прилипали къ рукамъ ихъ собиравшихъ; иногда бывали двойные сборы; въ общемъ же царилъ полный хаосъ и безконтрольный произволъ капитанъ-исправниковъ, чиновниковъ казенныхъ палатъ и другихъ причастныхъ этому дѣлу учрежденій и лицъ. Предводители дворянства, между тѣмъ, вслѣдствіе невыясненности ихъ роли, оставались въ сторонѣ отъ дѣла, въ которомъ по существу и по идеѣ они должны были бы принимать самое дѣятельное участіе. Во всѣхъ указахъ Ека-

терининскаго царствованія, касательно набора рекрутъ, о предводителяхъ упоминалось лишь вскользь.

Императрица въ данномъ случаѣ слишкомъ мало обратила вниманія на важность вопроса и не дала ему достаточной опредѣленности. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но дѣло набора рекрутъ очень мало интересовало правительство; послѣднему важно было имѣть опредѣленное количество солдатъ и денегъ; какъ они набирались и собирались, правительству было все равно.

Императоръ Павелъ гораздо болѣе, чѣмъ его мать, интересуясь военнымъ дѣломъ, входя въ самыя мелочныя подробности всего, что касалось арміи и военной службы, не могъ не замѣтить вышеописанныхъ недостатковъ порядка наборовъ. Въ первый же годъ своего царствованія онъ предписалъ разслѣдованіе положенія дѣла и приведенія его въ порядокъ. Жалобы поступали со всѣхъ сторонъ. Въ одномъ мѣстѣ дворяне сами «чинили сборъ», минуя всякія административныя учрежденія, въ другомъ—деньги собирались, но въ казенную палату не попадали; иногда дѣло набора вовсе останавливалось за нескончаемыми спорами о выясненіи компетенціи заинтересованныхъ органовъ. Послѣ довольно тщательнаго разбора положенія дѣла Сенатъ издалъ указъ, въ которомъ довольно ясно очертилъ кругъ компетенціи и дѣятельности отдѣльныхъ органовъ администраціи и тѣмъ привелъ въ порядокъ эту хромавшую часть провинціальной администраціи [1]).

Указомъ этимъ роль предводителей сводилась къ слѣдующему: они должны были составлять общіе списки поуѣздно, показывая въ нихъ число рекрутъ, поставляемыхъ «натурою» и по жребію, и тѣ суммы, которыя должны были быть собираемы съ дворянъ мелкопомѣстныхъ, взамѣнъ поставки рекрутъ; такимъ образомъ въ рукахъ предводителей сосредоточилась вся подготовительная дѣятельность набора; подобный

[1]) Въ приложеніи мы печатаемъ весь текстъ этого интереснаго указа, столь характерно описывающаго положеніе рекрутскихъ наборовъ того времени.

порядокъ вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ практики; предводители являлись довольно безпристрастными посредниками между помѣщиками и крѣпостными; благодаря занимаемому ими почетному и вліятельному положенію среди уѣзднаго дворянства, они имѣли возможность стоять выше мелкихъ интригъ и легкаго подкупа; независимость ихъ отъ низшихъ правительственныхъ органовъ ограждала предводителей отъ давленія со стороны какихъ-нибудь капитанъ-исправниковъ.

Составленные предводителями списки поступали въ особыя рекрутскія присутствія, образованныя при казенныхъ палатахъ, гдѣ имъ дѣлалась провѣрка при участіи тѣхъ же предводителей; общій же контроль за всѣмъ наборомъ по губерніи оставался попрежнему за губернаторомъ. Участіе предводителей въ рекрутскомъ присутствіи было конечно необходимо для представительства дворянскихъ интересовъ.

Разобранный нами указъ принесъ дѣлу большую пользу, внеся порядокъ и организацію въ производство набора, а послѣднее дѣйствительно требовало улучшенія, близко затрагивая самые жизненные интересы всего населенія Имперіи.

Въ началѣ слѣдующаго года на предводителей была возложена еще одна новая обязанносъ [1]). Мы говоримъ про выдачу предводителями особыхъ удостовѣреній «о доказательствѣ дворянства» недорослямъ, принимаемымъ на военную службу. Строгости военной службы все увеличивались; Павелъ не желалъ допускать на военную службу недорослей не изъ дворянъ, считая ихъ недостойными этого рода службы.

Затѣмъ въ скоромъ времени изданъ былъ указъ, подтверждавшій и разъяснявшій запретъ выдачи свидѣтельствъ на дворянское званіе безъ особаго на то разрѣшенія «вышняго начальства» [2]).

У нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній [3]), послѣ указа 4-го

[1]) Полн. Собр. Зак № 18877. Февраль 1799 г.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 19020. Іюнь 1799 г.

[3]) Въ указѣ № 19020 говорится о Костромскомъ дворянскомъ собраніи.

декабря 1796 года возникло сомнѣніе въ необходимости существованія депутатскихъ собраній; дворянскія собранія не безъ нѣкотораго основанія полагали, что у нихъ отнято было указомъ 4-го декабря право не только выдавать свидѣтельства на дворянское званіе, но и разсматривать доказательства на дворянство, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ нихъ снималась отвѣтственность за правильное веденіе родословныхъ книгъ.

Разъясняя законъ 4-го декабря, Сенатъ полагалъ возстановить начала Жалованной грамоты, изложенныя въ параграфахъ 66, 67 и 85, и подтвердить право дворянскихъ собраній «разбора дворянскихъ родовъ и разсмотрѣнія ихъ доказательствъ», съ отвѣтственностью за правильное веденіе родословныхъ книгъ; толкуя же указъ 1796 года, Сенатъ пояснилъ, что имъ лишь запрещался актъ выдачи какихъ-либо свидѣтельствъ на доказательство дворянства безъ разрѣшенія высшаго начальства; «не должно выдавать просителямъ, говорится въ указѣ, никакого о семъ (о доказательствахъ дворянства) свидѣтельства». Толкованіе Сената было казуистично; указъ 1796 года категорически говоритъ: «*дабы никакое въ государствѣ Нашемъ правительство собою не вводило въ дворянство* и не выдавало своихъ грамотъ на сіе достоинство». Очевидно, что въ немъ говорится не только про выдачу свидѣтельствъ, но именно про утвержденіе въ дворянствѣ.

Императоръ Павелъ кореннымъ образомъ измѣнилъ условія пріобрѣтенія дворянства; послѣ указа 1796 года единственнымъ способомъ пріобрѣтенія этого званія было Высочайшее пожалованіе; вполнѣ понятно, что Костромское дворянское собраніе, напр., могло предположить, что дѣятельность депутатскихъ собраній вовсе прекращалась съ изданіемъ указа 1796 года. Какихъ-либо значительныхъ результатовъ эти мѣры Павла I впрочемъ не принесли; царствованіе его было слишкомъ непродолжительно.

Идеаломъ Павла, какъ мы уже говорили, была поголовная обязательная служба дворянства; въ его короткое царствованіе мы находимъ цѣлый рядъ указовъ, направленныхъ

«въ отмѣну вольности» дворянскаго сословія. Хотя послѣднее и не пользовалось своимъ правомъ не служить, но несомнѣнно считало его своимъ неотъемлемымъ преимуществомъ и встрѣчало указы Павла съ глубокимъ негодованіемъ; это направленіе его политики было, конечно, одной изъ главнѣйшихъ причинъ общаго недовольства дворянства, еще сдерживаемаго чувствомъ страха и внѣшней силой, но то и дѣло прорывавшагося въ провинціи наружу.

Приведемъ относящіеся сюда указы.

5-го октября 1799 года [1]) былъ опубликованъ запретъ принятія на гражданскую службу дѣтей дворянъ, не служащихъ, безъ особаго на то Высочайшаго разрѣшенія. Не служащіе дворяне не считались очевидно равными служащимъ; это основная мысль Павловскаго законодательства.

12-го апрѣля 1800 года [2]) былъ изданъ другой запретъ—опредѣленія на гражданскую службу отставныхъ военныхъ, если при ихъ отставкѣ не было имъ дано на то прямого разрѣшенія; отставные военные, слѣдовательно, также не считались достойными гражданской службы; всѣ эти мѣры, какъ видимъ, преслѣдовали одну цѣль — сокращеніе возможности поступленія на государственную службу тѣмъ, кои на таковой не состояли; служилое дворянство должно было стать замкнутымъ классомъ; въ ряды его новыя лица могли призываться по единому усмотрѣнію Верховной власти.

Затѣмъ въ томъ же 1800 году [3]) свободный доступъ на службу былъ закрытъ для дѣтей личныхъ дворянъ; исключеніе опять-таки могло быть сдѣлано лишь по особому Высочайшему повелѣнію; этимъ еще болѣе суживалась возможность поступленія на государственную службу.

Если мы вспомнимъ, что дворянство все-таки относилось къ службѣ государственной очень пристрастно и въ предшествующее царствованіе стремилось всѣми силами на службу,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19136.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 19376.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 19672, 30-го ноября.

но сознавало свою свободу въ этомъ отношеніи, намъ ясно станетъ то чувство негодованія, которое охватило дворянство. Служба постепенно вновь становилась принудительной, правительствомъ затруднялся доступъ въ нее элементамъ постороннимъ; законодательство Павла I противорѣчило, такимъ образомъ, не только интересамъ и вкусамъ дворянства, но и всему ходу отечественной исторіи [1]); къ счастью особеннаго вреда это новое направленіе не принесло, благодаря краткости времени царствованія этого Императора; съ его смертью же все сразу измѣнилось.

14-го октября 1799 года былъ изданъ самый важный для изучаемаго нами вопроса указъ «о дворянскихъ выборахъ въ уѣздныя мѣста и губернскіе предводители; о распространеніи права, указомъ 1797 г. предоставленнаго Литовской губерніи, опредѣлять исправниковъ и выбирать засѣдателей на Минскую, Волынскую, Подольскую, Кіевскую и Бѣлорусскую губерніи» [2]). Указъ этотъ произвелъ цѣлый переворотъ въ области сословнаго дворянскаго управленія, единственной же причиной его изданія были выставлены «неудобности, встрѣчающіяся въ выборахъ и опредѣленіи чиновниковъ». Къ несчастію, изученіе исторіи законодательства Павла Петровича намъ показываетъ, что «неудобности» главнымъ, если не исключительнымъ своимъ основаніемъ имѣли то, что начала сословнаго управленія и выборной службы были заложены Екатериной!

Текстъ указа раздѣленъ на четыре пункта болѣе или менѣе независимаго содержанія. Пунктъ первый самый важный; имъ кореннымъ образомъ мѣнялась вся система выбо-

---

[1]) Открытый, не замкнутый строй русскаго дворянства хорошо охарактеризованъ Массономъ, въ его запискахъ: „Que le terme de noblesse n'effarouche ici personne. Celle de Russie ne forme point comme celle de France ou d'Allemagne, ce corps féodal et chevaleresque, qui se croit à la lettre issu d'un autre sang que le reste des hommes, et qui en demeurait séparé par son moral et ses préjugés autant que par ses privilèges".

Mémoires secrets sur la Russie. Masson. Londres. 1802, tome II, page 35.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 19154.

ровъ; губернскія собранія были отмѣнены; выборы должны были отнынѣ производиться лишь поуѣздно. На уѣздныхъ собраніяхъ предсѣдательствовали или губернаторы или вице-губернаторы или губернскіе предводители; замѣщеніе губернатора двумя другими поименованными лицами имѣло мѣсто или при одновременности выборовъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ или при болѣзни и отсутствіи губернатора. Выборы должны были производиться одновременно съ рекрутскими наборами; предсѣдательство было возложено въ обоихъ случаяхъ на однихъ и тѣхъ же лицъ [1]).

Для выбора губернскаго предводителя былъ установленъ особый порядокъ; если дворянство, при поуѣздной баллотировкѣ, не выберетъ снова прежняго предводителя или таковой по какой-либо причинѣ выбудетъ, избраніе губернскаго предводителя должно было производиться уѣздными предводителями изъ своей среды, для чего имъ необходимо было съѣзжаться въ губернскій городъ; самое избраніе происходило или по балламъ или по жребію, что очевидно предоставлялось на усмотрѣніе самихъ избирателей, такъ какъ указъ объ этомъ ничего не упоминаетъ.

Порядокъ, установленный этимъ указомъ для выборовъ губернскихъ предводителей, былъ измѣненъ въ слѣдующемъ же году сенатскимъ указомъ 24-го октября 1800 г. [2]), изданнымъ по частному случаю, къ разсмотрѣнію котораго намъ придется вернуться немного ниже; согласно этому указу, выборы губернскаго предводителя должны были производиться попрежнему при участіи всѣхъ дворянъ, но съ тою разницей, что самый актъ выборовъ происходилъ не на общемъ губернскомъ собраніи, а на тѣхъ же уѣздныхъ, при чемъ кандидатами могли быть всѣ уѣздные предводители данной губерніи; выборы производились по балламъ, и избраннымъ считался тотъ изъ уѣздныхъ предводителей, который получалъ наиболь-

---

[1]) Ср. съ указомъ 1-го сентября 1797 г. Полн. Собр. Зак. № 18126.

[2]) Полн. Собр. Зак. 19619. Ср. также Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи“, стр. 458.

шее количество балловъ по всей губерніи. Такимъ образомъ мы видимъ, компетенція избирателей-дворянъ была сильно съужена. Сначала у сословнаго управленія была отнята самостоятельность; затѣмъ были сокращены его дѣятельность и компетенція.

Несомнѣнно, что дворянство, интересы котораго и сословное управленіе, дарованное Екатериной, сплотили и создали довольно хорошо организованныя губернскія общества, много потеряло съ отмѣной губернскихъ собраній. Мѣра 1799 года сразу же внесла разложеніе въ жизнь мѣстныхъ дворянскихъ обществъ, присутствіе же губернаторовъ и вице-губернаторовъ на уѣздныхъ собраніяхъ сдѣлало изъ послѣднихъ родъ административныхъ присутствій. Самостоятельный характеръ, при такомъ положеніи вещей, сословное управленіе неизбѣжно должно было потерять. Къ счастію, какъ увидимъ ниже, судьба этого не допустила.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору указа 14-го октября, упомянемъ здѣсь мимоходомъ, что немного спустя [1]) и дворянская родословная книга губерніи была раздѣлена на книги уѣздныя, которыя должны были вестись и содержаться поуѣздно, при чемъ было сдѣлано напоминаніе предводителямъ дворянства, «дабы они содержали дворянскія книги въ порядкѣ». Указъ этотъ подробно останавливается на способѣ веденія предводителями родословныхъ книгъ, на порядкѣ выдачи свидѣтельствъ на дворянство, а вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ обязанность ихъ отсылать эти книги въ герольдію.

Второй пунктъ указа 14-го октября говоритъ о способѣ замѣщеніи вакансій выборныхъ должностей, на случай таковыя откроются до срока новыхъ выборовъ. При прежнемъ порядкѣ, установленномъ закономъ 1796 года [2]), эти вакансіи замѣщались распоряженіемъ губернскихъ правленій; теперь же онѣ должны были замѣщаться кандидатами «изъ баллотированныхъ

---

[1]) 25-го августа 1800 г. Полн. Собр. Зак. № 19531.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 18057.

въ собраніи дворянства по выборнымъ спискамъ, кто куда выбирался и большинство избирательныхъ балловъ имѣлъ» [1]). Это нововведеніе гораздо болѣе симпатично, чѣмъ всѣ предшествовавшія ему мѣры Павла I, и стоитъ одинокимъ исключеніемъ въ законодательствѣ того времени.

Несомнѣнно, что кандидаты, избранные дворянствомъ, должны были быть болѣе подходящими для замѣщенія открывшихся вакансій, чѣмъ лица, назначаемыя губернскими правленіями. Указъ 1796 года, дозволявшій губернскимъ правленіямъ назначать своихъ кандидатовъ на должности по выборной службѣ, противорѣчилъ самымъ элементарнымъ началамъ сословнаго управленія.

Замѣтимъ, между прочимъ, что порядокъ, установленный закономъ 1799 года, послужилъ основаніемъ для учрежденія впослѣдствіи кандидатской должности въ предводители дворянства, существующей и по наше время.

Третій пунктъ указа 14-го октября распространялъ общія положенія о службѣ выборной на губерніи: Малороссійскую, Литовскую, Минскую, Волынскую, Подольскую, Кіевскую и Бѣлорусскую.

Четвертый пунктъ, наконецъ, давалъ дворянству Минской, Волынской, Подольской, Кіевской и Бѣлорусской губерній право избирать засѣдателей, согласно положенію, учрежденному для Литовской губерніи; исправники же должны были назначаться губернаторами.

Постановленія закона 1799 года не исчерпали однако всѣхъ возможныхъ случайностей; уже въ слѣдующемъ году возникло недоразумѣніе, для разъясненія котораго потребовалось изданіе сенатскаго указа [2]).

Дѣло состояло въ слѣдующемъ: по мысли и по тексту закона 1799 года уѣздныя дворянскія собранія должны были происходить во время рекрутскаго набора. Между тѣмъ въ 1800 году наборъ рекрутъ былъ отмѣненъ, а время выборовъ

[1]) Ср. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи, стр. 449.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 19619, 24-го октября 1800 г.

въ нѣкоторыхъ губерніяхъ приближалось, вслѣдствіе чего Московскій и Калужскій губернаторы возбудили передъ Сенатомъ вопросъ о дозволеніи созванія дворянскихъ собраній; на это послѣдовало довольно интересное по своей мотивировкѣ разрѣшеніе Сената. Текстъ указа гласитъ слѣдующее: «сохраняя силу Именного Его Императорскаго Величества указа, октября въ 14-й день 1799 года состоявшагося, коимъ уволены дворяне отъ съѣздовъ для выборовъ въ губернскіе города, а предписано въ облегченіе имъ производить оные выборы въ уѣздныхъ городахъ», то, несмотря на отсутствіе набора, дворянскія собранія разрѣшить и для будущаго руководства сообщить о томъ «всѣмъ губернскимъ правленіямъ указами». Стало быть Сенатъ находилъ, что дворяне *уволены* отъ общихъ губернскихъ выборовъ *въ облегченіе производить оные выборы въ уѣздныхъ городахъ!* Не думается намъ, чтобы дворянство было того же мнѣнія; надо полагать, оно не сочло себя уволеннымъ отъ какой-либо обязанности, а скорѣе ясно сознало, что его лишили довольно существеннаго права, и во всякомъ случаѣ почувствовало, что правительствомъ въ этомъ случаѣ было внесено, и притомъ сознательно, начало разложенія въ дѣло сословнаго управленія.

Указомъ 14-го октября, такимъ образомъ, отмѣнено было постановленіе статьи 37-й грамоты 1785 года, коимъ «жаловалось дозволеніе собираться въ той губерніи, гдѣ жить имѣютъ, и составлять дворянское общество въ каждомъ намѣстничествѣ и пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличностями и преимуществами». И, конечно, если не всѣ дворяне, то несомнѣнно тѣ изъ нихъ, которые интересовались сословными дѣлами и посвящали свой трудъ службѣ выборной, ясно увидали съ первыхъ же дней дѣйствія указа 14 октября, что они впредь уже не могутъ и не будутъ «составлять дворянское общество» въ губерніи.

Начало слѣдующаго года готовило дворянамъ новую крупную непріятность. 31-го марта 1800 года былъ изданъ указъ [1])

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19356.

«о распространеніи силы указа 1798 года (іюля 27-го) и на дворянъ, кои уклоняются отъ выборовъ къ должностямъ». Указъ 1798 года [1]) преслѣдовалъ гильдейскихъ купцовъ и нѣкоторые другіе городскіе классы жителей за своевольную отлучку изъ города безъ разрѣшенія начальства, т. е. устанавливалъ паспортную систему; законъ 31-го марта, хотя изданный по частному случаю и не вводившій еще для дворянства подобныхъ ограниченій во всей строгости, отнималъ у нихъ весьма важное право — свободу принимать или отказываться отъ выборной должности. Онъ былъ изданъ для насильственнаго привлеченія къ выборной службѣ тѣхъ дворянъ, которые были избраны, но не желали служить; первый подобный случай встрѣтился въ Рязанской губерніи, гдѣ нѣкоторыя лица, избранныя на разныя должности, отъ исправленія таковыхъ уклонялись. Губернаторъ донесъ объ этомъ Сенату, вслѣдствіе чего и было издано общее распоряженіе, запрещавшее избраннымъ на должность отъ нея отказываться. Лица, просрочившія свои отпуска, могли также быть привлечены къ отвѣтственности. Ссылка на указъ 1798 года неудачна; для дворянъ не устанавливалась еще настоящая паспортная система, которая вводилась закономъ 1798 года для городскихъ обывателей, тѣмъ не менѣе дворянство было лишено новымъ закономъ значительнаго преимущества. Выборная служба, ставъ обязательной, еще больше отталкивала и тяготила и такъ уже уклонявшихся отъ нея дворянъ.

Императоръ этимъ не удовольствовался; онъ не только всѣми силами стѣснялъ сословное управленіе и условія выборной службы, но постепенно сталъ замѣнять выборную службу правительственной, предоставляя право назначенія на открывающіяся вакансіи административнымъ учрежденіямъ; такое право получили, какъ мы видѣли выше, губернскія правленія; затѣмъ въ 1800 году [2]) это же право было предоставлено и герольдіи; послѣдней дано было опредѣлять

[1]) Полн. Собр. Зак. № 18605.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 19418.

уѣздныхъ судей изъ чиновниковъ, при ней находящихся. Дворянство было, такимъ образомъ, отстранено отъ замѣщенія одной изъ важныхъ уѣздныхъ должностей [1]).

Этотъ указъ имѣлъ въ виду уже не только сословное дворянское управленіе, которое Павелъ считалъ опаснымъ для общей системы централизаціи, но и выборную службу вообще, также не отвѣчавшую его идеаламъ.

9-го августа условія выборной службы были еще болѣе стѣснены. Этимъ числомъ помѣченъ указъ [2]) «о неопредѣленіи отставленныхъ изъ военной службы по выборамъ дворянскимъ безъ Высочайшаго повелѣнія». Законъ этотъ относится къ вышеразобранной категоріи постановленій, подчеркивавшихъ отлученіе отъ общественной дѣятельности отставныхъ военныхъ. Павелъ желалъ закрыть имъ всякіе пути въ этомъ направленіи. Къ результатамъ такихъ мѣръ намъ еще придется вернуться ниже.

23-го августа опубликованъ именной указъ Сенату «о выборѣ по губерніямъ отъ каждаго уѣзда по одному депутату въ помощь губернскихъ предводителей дворянства для разбору доказательствъ дворянскаго достоинства, на прежнемъ основаніи» [3]).

Очевидно, что, несмотря на упраздненіе губернскихъ собраній, депутаты были нужны правительству какъ ближайшіе помощники губернскихъ предводителей въ дѣлѣ веденія родословныхъ книгъ; намъ не удалось раскрыть ближайшихъ мотивовъ изданія этого узаконенія; по всей вѣроятности имѣлось возбужденное какимъ-нибудь губернаторомъ сомнѣніе въ необходимости депутатовъ, при измѣненіи порядка веденія родословныхъ книгъ. Правительство нашло нужнымъ сохранить должность депутатовъ дворянства, какъ органовъ, ближайшимъ образомъ завѣдывающихъ веденіемъ дворянскихъ родословныхъ книгъ; эти же обязанности хотя и раздѣлялись уѣздными

---

[1]) „Историческій вѣстникъ“ 1885 г., томъ III, стр. 645.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 19508.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 19527.

предводителями, но самая техника веденія книгъ лежала на депутатахъ, а не на предводителяхъ; послѣдніе выдавали лишь справки и свидѣтельства.

Немного позднѣе, 7-го ноября, былъ также подтвержденъ выборъ на прежнемъ основаніи секретарей дворянскихъ собраній [1]). Здѣсь въ текстѣ указа говорится о мотивѣ его изданія; возникло сомнѣніе, слѣдуетъ ли допускать выборъ секретарей дворянства, разъ упразднены губернскія собранія. Сенатъ подтвердилъ законъ 23-го августа 1800 г.; секретари, какъ и депутаты, должны были выбираться на прежнемъ основаніи; по духу законодательства Павла I не могло не чувствоваться, что дѣло шло къ совершенному упраздненію выборной службы и сословнаго управленія; общая система централизаціи должна была соединить въ рукахъ правительственныхъ органовъ всѣ отрасли мѣстнаго управленія.

Недоразумѣнія были многочисленны. Указы, лишавшіе дворянство права избранія судей, ничего не упоминали, напр., о депутатахъ; слѣдовательно, разсуждали губернаторы, при извѣстной имъ тенденціи правительства къ сокращенію выборныхъ должностей, должно считать ихъ упраздненными. Но правительство хотя и имѣло можетъ быть въ виду послѣдующее упраздненіе всѣхъ выборныхъ должностей, въ то время не желало еще приступать къ коренной реформѣ. Пока въ рукахъ губернскихъ предводителей, какъ органовъ выборныхъ и чисто сословныхъ, оставалась обязанность веденія родословныхъ книгъ и общее попеченіе объ интересахъ дворянскаго сословія, имъ нужны были и вспомогательные органы, каковыми являлись депутаты и секретари дворянскихъ собраній. Это и является, по нашему крайнему разумѣнію, ближайшимъ мотивомъ изданія только что упомянутыхъ двухъ узаконеній.

Законодательные акты Императора Павла, касавшіеся мѣстнаго управленія малороссійскихъ, остзейскихъ и польскихъ губерній, служатъ намъ новымъ свидѣтельствомъ того, съ какою неутомимою энергіею и какъ неосмотрительно раз-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19638.

рушалъ онъ все созданное его Великой предшественницей. Цѣлымъ рядомъ указовъ ввела Екатерина въ этихъ областяхъ начала Учрежденія о губерніяхъ [1]); ея сынъ въ первый же годъ своего царствованія возстановилъ прежній порядокъ въ Малороссіи [2]); въ томъ же году были упразднены учрежденія 1775 года въ губерніяхъ Виленской и Слонимской и вмѣсто нихъ образована одна — Литовская губернія, съ возстановленіемъ въ ней прежнихъ польскихъ институтовъ. Политика Екатерины состояла въ возможномъ уравненіи положенія окраинъ съ обще-русскими губерніями; Павелъ I, наоборотъ, все увеличивалъ обособленность окраинъ; дѣло это ему тѣмъ болѣе удавалось, что окраины сами стремились къ разобщенію съ Россіей

Въ губерніяхъ юго-западныхъ Павелъ пошелъ еще дальше, возстановивъ судопроизводство на польскомъ языкѣ, сыгравъ тѣмъ самымъ въ руку польскимъ сепаратистамъ, мечтавшимъ о возстановленіи царства Польскаго въ его прежнемъ величіи.

Можно цитировать еще много подобныхъ мѣръ Павла, принятыхъ имъ безъ системы и порядка и имѣвшихъ одну только общую мысль — разрушать созданное Екатериной. Сюда относятся, напр., приводимые проф. Романовичемъ [3]) указы о возстановленіи ежегодныхъ сеймовъ, о пожизненномъ выборѣ нѣкоторыхъ судебныхъ должностей, о допущеніи къ дворянскимъ выборамъ безпомѣстныхъ шляхтичей, хотя въ остальной Россіи именно это явленіе преслѣдовалось тѣмъ же Павломъ, и многіе другіе. Все это не могло не привести къ одному опредѣленному результату; какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Романовичъ [4]), «обломки Екатерининскихъ учрежденій, вмѣстѣ съ реставрированными старыми и придуманными новыми порядками», не согласованными, прибавимъ мы, и зачастую противорѣчившими другъ другу и общему духу государственнаго строя—

[1]) Полн. Собр. Зак № 15776, 15227, 15265 и 15478.
[2]) Ср. Полн. Собр. Зак. № 17594 и 18117.
[3]) Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи", стр. 476 и слѣд. П. С. З. №№ 18449, 19154, 20288, 19628.
[4]) Тамъ же, стр. 479.

«ввели въ управленіе Малороссіи и западныхъ губерній большую неурядицу, которая не могла имѣть благодѣтельныхъ послѣдствій для края».

Этимъ мы заканчиваемъ перечень законодательныхъ актовъ царствованія Павла I въ области дворянскаго сословнаго управленія. Намъ необходимо теперь обратиться къ разсмотрѣнію результатовъ, достигнутыхъ ими въ интересующемъ насъ вопросѣ.

IV.

Павлу Петровичу, какъ мы видѣли выше, нельзя отказать въ общихъ руководящихъ мысляхъ. Извѣстные политическіе и государственные идеалы у него несомнѣнно были; дѣло только въ томъ, что, необдуманно упраздняя и разрушая созданное Екатериной, онъ, въ пылу горячности, забывалъ общегосударственныя цѣли.

Намъ выше приходилось указывать на двѣ основныя идеи міросозерцанія Павла I. Одна изъ нихъ была неумолимая военная дисциплина, передъ которою все должно было преклоняться, другая же — любовь къ порядкамъ средневѣковаго рыцарства. Слѣдствіемъ первой былъ суровый духъ государственной службы вообще и въ частности службы военной, заставившій бѣжать отъ нея всю лучшую часть тогдашняго общества и положившій основаніе тому уклоненію отъ службы, противъ котораго безсильны были бороться оба сына и преемника Павла; вторая же породила стремленіе къ установленію замкнутаго аристократизма, столь не свойственнаго Россіи, что въ особенности должно было отозваться на строѣ дворянскаго сословнаго управленія.

Но кромѣ этихъ двухъ основныхъ идеаловъ Павла I, намъ необходимо отмѣтить еще двѣ черты его міросозерцанія, имѣвшія также огромное вліяніе на его отношенія къ дворянству и сословному управленію послѣдняго. Это были, во-первыхъ, отношенія Павла къ событіямъ Западной Европы и въ частности къ французской революціи, во-вторыхъ же, — идея само-

властія; «личное самовластіе въ непремѣнномъ исполненіи самымъ скорымъ образомъ его воли, какъ говоритъ князь Голицынъ, хотя бы какія дурныя слѣдствія отъ того не произошли, былъ главный его порокъ» [1]). Идея самовластія развивалась въ немъ еще съ дѣтства; отношенія Павла Петровича къ матери, окружавшая его среда въ лицѣ разныхъ гатчинцевъ, Эстергазіевъ и т. п., подозрительность цесаревича и его болѣзненное самолюбіе, постоянно оскорбляемое, — все это воспитывало въ немъ эту идею.

Всѣ несчастія французскаго короля Павелъ приписывалъ отсутствію у него твердости характера [2]). «Еще будучи великимъ княземъ, относилъ онъ все сіе (т. е. постигшія Людовика XVI бѣдствія) къ слабости въ правленіи короля французскаго». Правителю надо было быть безпощадно строгимъ, часто повторялъ Павелъ. Нельзя не замѣтить, что въ свое хотя и не продолжительное царствованіе Павелъ блестяще успѣлъ примѣнить эту мысль. Его строгость не знала предѣловъ, самовластіе же было возведено въ культъ. Кратковременность царствованія имѣло то хорошее слѣдствіе, что такое направленіе государственной политики не успѣло оказать серьезнаго вліянія на Россію.

Дворянство болѣе чѣмъ другія сословія претерпѣло отъ реформъ Павловскаго царствованія, въ особенности же досталось петербургскому чиновничеству. Павелъ держался въ этомъ случаѣ поговорки, «кому бóльшее дано, съ того бóльшее и требуется». За дворянствомъ онъ признавалъ особо привилегированное положеніе, а потому и требовалъ отъ него пожизненной службы государству.

Но мѣры Павла отличались безсистемностью. Этимъ отсутствіемъ системы объясняемъ мы нѣкоторое недоразумѣніе, вкравшееся въ нашу историческую литературу. Біографъ Павла I, Шильдеръ, указываетъ на удивительное открытіе,

---

[1]) Записки князя Ѳ. Н. Голицына. „Русскій Архивъ" 1874 годъ, книга первая, стр. 1308.

[2]) Тамъ же, стр. 1307.

сдѣланное историками послѣдняго времени [1]). «Оказывается, говоритъ онъ, что найдена руководящая мысль кратковременнаго царствованія Павла Петровича: она заключается въ уничтоженіи сословныхъ привилегій и въ водвореніи правды и законности въ государствѣ». Неяснымъ, однако, является вопросъ, почему для достиженія этой благой цѣли потребовалось произвести уравненіе сословій не въ хорошемъ, а въ дурномъ смыслѣ, т. е. отчего не старались къ правамъ дворянскаго сословія приблизить права или отсутствіе правъ прочихъ сословій, а наоборотъ? Въ сущности дѣло сводилось къ такому пріему: чтобы идти впередъ, нужно повернуть назадъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что приписываемый императору Павлу *первый шагъ къ какому-то уравненію всѣхъ сословій исполненъ былъ довольно своеобразнымъ способомъ* [2]), который по прошествіи ста лѣтъ производитъ такія же «дурныя импрессіи», какъ и на современниковъ 1797 года. Къ несчастію, Шильдеръ не цитируетъ источниковъ, откуда имъ почерпнута эта мысль. Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что она заимствована изъ записокъ Я. И. де-Санглена, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», 1882 года (томъ 36-й).

Авторъ названныхъ записокъ дѣйствительно останавливается на этомъ вопросѣ въ заключительной фразѣ XI главы. Дѣлая общую оцѣнку царствованія Павла I, де-Сангленъ говоритъ, что Императоръ хотѣлъ сильнѣе укоренить самодержавіе, но поступками своими подкапывался подъ оное. Отправляя, въ первомъ гнѣвѣ, въ одной и той же кибиткѣ, генерала, купца, унтеръ-офицера и фельдъегеря, научилъ насъ и народъ слишкомъ рано, что различіе сословій ничтожно. Это былъ чистый подкопъ, ибо безъ этого различія самодержавіе удержаться не можетъ. Онъ намъ данъ былъ или слишкомъ рано или слишкомъ поздно. Если бы онъ наслѣдовалъ престолъ послѣ Ивана Васильевича Грознаго, мы благословляли бы его царствованіе.

[1]) Шильдеръ. „Императоръ Павелъ I", стр. 326.
[2]) Курсивъ нашъ.

Но онъ явился послѣ Екатерины, послѣ вѣка снисходительности, милосердія, счастья и получилъ титулъ тирана. Онъ сдѣлался жертвою горячности своего характера» [1]). Тотъ же авторъ въ своихъ запискахъ приводитъ разговоръ Павла съ французскимъ посланникомъ, выражающій ту же мысль: «Sachez, M. l'Ambassadeur, сказалъ Павелъ, qu'il n'y a de grand Seigneur que celui auquel je parle et pendant que je lui parle» [2]). Разговоръ этотъ очень характерно рисуетъ взгляды Императора Павла I; онъ дѣйствительно такъ и смотрѣлъ на своихъ подданныхъ. Его вспыльчивость, все болѣе развивавшаяся съ теченіемъ времени, фактически дѣйствительно сравнивала всѣхъ его подданныхъ, уравнивала отдѣльныя сословія. Но отъ этого еще далеко до упраздненія сословныхъ привилегій, о которыхъ говоритъ Шильдеръ. Поведеніе Павла несомнѣнно подкапывало сословный строй, какъ вѣрно замѣчаетъ де-Сангленъ, но дѣйствія Императора въ этомъ отношеніи были вполнѣ безсознательны; онъ не отдавалъ себѣ отчета въ послѣдствіяхъ своихъ мѣропріятій, имѣвшихъ результаты обратные имъ желаемыхъ. Всѣ его указы, какъ мы видѣли, были направлены не только къ сохраненію сословнаго строя, но къ вящшему обособленію сословій. Де-Сангленъ это хорошо понималъ; онъ описывалъ только поведеніе Павла, а не его законодательную политику; въ этомъ и заключалось противорѣчіе; вспыльчивый характеръ Павла не давалъ ему возможности согласовать свое поведеніе съ тѣми идеалами, которые онъ желалъ проводить въ государственную жизнь. Намъ не удалось найти другихъ источниковъ высказаннаго Шильдеромъ мнѣнія.

Вся политика Павла, всѣ его идеалы были построены на идеѣ сословности; его любовь къ установленіямъ средневѣковаго рыцарства могла только содѣйствовать проведенію все бо̀льшей ихъ обособленности и въ частности укрѣпленію за дворянствомъ его особо привилегированнаго положенія. Да и

[1]) „Русская Старина“ 1882 года, томъ 36-й, стр. 496.

[2]) Тамъ же, стр. 497.

самъ Шильдеръ, впрочемъ, скептически относится къ приведенной имъ мысли. Неяснымъ для него является вопросъ «почему для достиженія этой благой цѣли (т. е. уравненія сословій) потребовалось произвести уравненіе сословій не въ хорошемъ, а въ дурномъ смыслѣ?» да оттого, отвѣтимъ мы, что уравненіе сословій никогда не было цѣлью государственной политики Павла; достиженіе какого-либо уравненія не входило въ разсчеты ни самого Императора, ни окружавшихъ его гатчинцевъ. Далѣе Шильдеръ прямо уже высказываетъ свое сомнѣніе, говоря, что это былъ *приписываемый* Павлу первый шагъ къ *какому-то уравненію*, исполненный *своеобразнымъ способомъ* и не принесшій никакихъ хорошихъ результатовъ, а оставившій лишь «дурныя импрессіи» какъ у современниковъ, такъ и послѣдующихъ поколѣній.

Надо думать, что здѣсь вкралась ошибка. Сословный строй укрѣпился въ царствованіе Екатерины, Павелъ же не только поддерживалъ его, но своими мѣропріятіями старательно усиливалъ обособленность сословій [1]).

Можетъ быть, впрочемъ, въ этомъ отношеніи политика дѣйствовала болѣе, чѣмъ законъ.

«Правленіе въ нашей Имперіи ужъ таково, замѣчаетъ князь Голицынъ [2]), что совѣстью болѣе дѣйствуетъ, нежели настоящимъ правомъ».

Строгость и вспыльчивость Павла не имѣли никакихъ предѣловъ; служба при такихъ обстоятельствахъ, стала чрезвычайно тяжелой [3]); все зависѣло отъ минутнаго настроенія Государя, отъ разстегнутой пуговицы или невѣрнаго фрунто-

---

[1]) Подробное перечисленіе мѣръ Императора Павла I въ дѣлѣ обособленія дворянскаго сословія или, вѣрнѣе, въ подтвержденіе правъ и привилегій этого сословія приведено у Яблочкова, „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи“. Спб. 1876 г., стр. 570—573.

[2]) Записки князя Ѳ. Н. Голицына „Русскій Архивъ“ 1874 года, томъ первый, стр. 1294.

[3]) „Непомѣрная строгость Государя, говоритъ тотъ же авторъ (стр. 1308), а особливо къ военнослужащимъ, крайне оскорбляла дворянство и отняла духъ и желаніе къ службѣ“.

вого пріема. «Каждое утро, говоритъ Шильдеръ [1]), отъ генерала до прапорщика всѣ отправлялись на неизбѣжный вахтъ-парадъ, какъ на лобное мѣсто; отсюда не исключались и лица, занимавшія должности по гражданскому управленію, такъ какъ многія, если не большинство, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ и военные чины или несли какія-нибудь обязанности по военному вѣдомству.

«Никто не зналъ, что его тамъ ожидаетъ: быстрое возвышеніе или ссылка въ Сибирь, заточеніе въ крѣпости, позорное выключеніе изъ службы или даже тѣлесное наказаніе... Дѣйствительно строгая, но вмѣстѣ съ тѣмъ нелѣпая дисциплина, постоянное ученіе, нескончаемыя взысканія и наказанія, переходившія всякіе предѣлы, заставили дворянъ толпами бѣжать изъ военной службы, которая въ мирное время представляла тысячу разъ болѣе опасностей, чѣмъ самая лютая война или самый кровопролитный штурмъ». Павелъ самъ замѣтилъ это массовое уклоненіе дворянства отъ военной службы, онъ считалъ такое явленіе, какъ свидѣтельствуетъ намъ Ковалевскій [2]), «самовольствомъ дворянъ» и запретилъ послѣднимъ начинать службу иначе, какъ въ военномъ званіи (исключеніе было сдѣлано только для коллегіи иностранныхъ дѣлъ) [3]). Но мѣра эта помогла немного; дворянство продолжало уклоняться отъ службы, отъѣзжая въ свои помѣстья, какъ улитка въ раковину при приближающейся опасности. Это отношеніе дворянства къ службѣ и причины его характерно

---

[1]) „Императоръ Павелъ I“, стр. 302.

[2]) „Графъ Блудовъ и его время“, стр. 17. Ср. также съ трудомъ Шильдера, цитирующаго то же мѣсто, стр. 303.

[3]) Интересно свидѣтельство Вигеля. Уклоняясь отъ военной службы, дворяне думали найти относительное спокойствіе на службѣ гражданской. „Строгости военной дисциплины, пишетъ названный авторъ, побѣдили неодолимое отвращеніе молодыхъ русскихъ къ подъяческой службѣ, какъ они ее называли, до того, что наконецъ запретили имъ въ нее входить“ (Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 года, томъ III, стр. 145).

Ср. также съ записками Державина. Сочиненія, томъ VI, стр. 405—843. Спб. 1871.

описываются княземъ Голицынымъ [1]). «Несносно стало служить, говоритъ онъ, а особливо военнымъ»; главной причиной были безхарактерность и вспыльчивость Павла; по природѣ своей человѣкъ одаренный, можетъ быть и добрый и благожелательный, Павелъ не умѣлъ вовсе себя сдерживать и владѣть собою. За малѣйшую провинность или погрѣшность опредѣлялись строжайшія наказанія лишь потому, что Императоръ дѣйствовалъ въ пылу гнѣва, подъ давленіемъ минутнаго настроенія.

Тягости службы не могли нравиться дворянству, привыкшему къ свободѣ и роскоши послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины. Не мудрено, что, какъ говоритъ князь Голицынъ, «дворянство не токмо что въ его время (въ царствованіе Павла I) отъ крутыхъ перемѣнъ потерпѣло, но и свойства его нѣсколько перемѣнились». «Служба пошла новая, объясняетъ свою мысль тотъ же авторъ, на другихъ правилахъ основанная, а паче всего частые штрафы, посаженіе въ крѣпость и снятіе шпагъ, всѣ сіи уничижительныя, несоразмѣрныя и необыкновенныя мѣры отвратили дворянство совершенно отъ службы. Упалъ духъ, сдѣлалось роптаніе» [2]).

Павелъ не только былъ строгъ, но зачастую жестокъ съ дворянствомъ; проповѣдуя съ одной стороны начала рыцарскаго права и чести, онъ съ другой — унижалъ дворянское званіе позорными наказаніями [3]); исторія свидѣтельствуетъ намъ о многихъ случаяхъ, когда палка Государя гуляла по

---

[1]) Записки князя Ѳ. Н. Голицына. „Русскій Архивъ" 1870 г., томъ I, стр. 1310—1315.

[2]) Тамъ же, стр. 1313.

[3]) Напр., вышеупомянутый указъ 1797 г. (см выше, стр. 234) о примѣненіи къ дворянамъ тѣлеснаго наказанія.

Тургеневъ приводитъ намъ еще худшій примѣръ (Записки А. М. Тургенева, „Русская Старина" 1885 г., томъ 48, стр. 255); онъ утверждаетъ, что „за силою" оставалось и другое положеніе „мудрой законодательницы Сѣвера, дабы безъ суда никто да не накажется"; каждый, имѣвшій власть, могъ карать кого и какъ хотѣлъ — господство полнѣйшаго произвола. Ср. также Яблочковъ. „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи". Спб. 1876 г., стр. 570, Шильдеръ. „Императоръ Павелъ I", стр. 326 и др.

спинамъ его подданныхъ; послѣднее же было несовременно; за просвѣщенное царствованіе Екатерины дворянство отвыкло отъ такого обращенія; палка Государя еще прощалась бы, но къ несчастью это неизбѣжно влекло за собою подражаніе со стороны ближайшихъ его сподвижниковъ, разныхъ Аракчеевыхъ, Кутайсовыхъ и прочихъ гатчинцевъ; имъ же, этимъ выслужившимся рядовымъ и парикмахерамъ, дворянство не могло простить подобнаго обращенія. Тургеневъ въ своихъ запискахъ говоритъ [1]), что Павелъ желалъ подражать Петру Великому; но въ чемъ же это ему удавалось? «онъ началъ бить дворянъ палкой... и лишь только поднялъ Павелъ Петровичъ палку на дворянъ, все что имѣло власть и окружало его въ Гатчинѣ, начало бить дворянъ палками. Дворянская грамота, какъ и учрежденіе объ управленіи губерній, лежали въ золотомъ ковчегѣ на присутственномъ столѣ Правительствующаго Сената, не бывъ уничтоженными, но неприкосновенными, какъ подъ спудомъ».

Что было возможно въ началѣ XVIII столѣтія, стало невозможнымъ въ концѣ его. Поведеніе гатчинцевъ могло вызвать только общій взрывъ негодованія; дворянство протестовало своимъ массовымъ уходомъ въ провинцію. Примѣръ грубому обращенію Павла даже съ ближайшими къ нему лицами приводитъ де-Сангленъ [2]). Дѣло касалось бывшаго адмирала Чичагова. Послѣдній, будучи обойденъ по службѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ своей деревнѣ со своимъ отцомъ, заслуженнымъ адмираломъ Екатерининскихъ временъ; въ это время Павелъ думалъ послать свой флотъ въ Англію; послѣдняя же заявила, что она видитъ пользу въ присылкѣ флота лишь если командовать имъ будетъ адміралъ Чичаговъ, извѣстный Англіи, какъ хорошій и опытный морякъ. Павелъ рѣшилъ призвать Чичагова для принятія командованія; но къ великому

---

[1]) Записки А. М. Тургенева. „Русская Старина" 1885 г., томъ 47, стр. 388 и 389.

[2]) Записки Я. И. де-Санглена. „Русская Старина" 1882 г., томъ 36, стр. 488.

своему недоумѣнію получилъ отказъ, въ которомъ Чичаговъ объяснялъ ему, что «русскій дворянинъ служитъ единственно изъ чести и служба его должна по справедливости обратить на себя вниманіе Императора; что онъ никогда не уповаетъ достигнуть до заслуженной славы отца своего; но, не взирая на всѣ заслуги старца, онъ былъ высланъ Его Величествомъ изъ Петербурга, гдѣ хотѣлъ получить облегченіе отъ глазной болѣзни. Долговременная усердная служба отца не уважена. Изъ чего же служить русскому дворянину? А потому, не имѣя въ виду ничего лестнаго въ будущемъ, онъ вступить въ службу не желаетъ». Результатомъ былъ насильный привозъ Чичагова въ Петербургъ. При свиданіи съ нимъ Императоръ пришелъ въ ярость, «онъ бросился на Чичагова, повѣствуетъ Тургеневъ, ругалъ, билъ его немилосердно, оборвалъ мундиръ, камзолъ и, уставши, старался вытолкать его въ двери». По настоянію старика отца, Чичаговъ все-таки принялъ командованіе эскадрой; этимъ инцидентъ былъ исчерпанъ. Случай этотъ характерно рисуетъ намъ службу дворянства, какой она представлялась въ царствованіе Павла. Не стало больше *чести служить*, дворянству служить было не изъ чего.

Мы считали необходимымъ подробнѣе остановиться на этихъ фактахъ, чтобы дать возможно полную картину государственной политики Императора Павла и того положенія, которое занимало въ это царствованіе дворянское сословіе, послѣднее же было незавидное; интеллигентный уровень попрежнему былъ еще чрезвычайно низокъ; но при Екатеринѣ дворянству дана была возможность пополнять свои знанія: жизнью въ столицѣ, практикой государственной службы, общеніемъ съ иностранцами, пріѣзжавшими ко двору Великой Императрицы, основаніемъ новыхъ школъ и многими другими мѣрами Екатерины. Теперь же все это отпало.

Большинство дворянъ пряталось въ провинціи, а тѣ немногіе смѣльчаки или счастливцы, которые остались въ столицѣ на службѣ (по частнымъ дѣламъ никто не рисковалъ пріѣзжать въ Петербургъ) не могли думать ни о чемъ другомъ

кромѣ какъ о ежедневныхъ вахтъ-парадахъ, на которыхъ всякій рисковалъ угодить по Владимiркѣ. Въ провинціи просвѣщеніе не могло быть высоко; дѣти получали домашнее воспитаніе отъ разныхъ бѣглыхъ полуграмотныхъ французовъ и нѣмцевъ; общеніе дворянства прекратилось. Картину воспитанія молодежи тѣхъ временъ даетъ намъ Бутеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]). Онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ современное ему положеніе вещей: «говорить и писать легко по-французски, кое-что знать изъ литературы, произносить наизусть и декламировать стихи,... бормотать кое-какъ по-нѣмецки, ловко танцовать менуэтъ или кадриль — вотъ что называлось получить окончательное воспитаніе, т. е. воспитаніе домашнее, такъ какъ другого воспитанія въ то время почти что не было» [2]). Въ Москвѣ дѣло обстояло немного лучше; она была дальше отъ двора; богатыя семьи продолжали на зиму пріѣзжать въ бѣлокаменную [3]); но и тамъ жизнь затихла. Вся Россія какъ бы замерла на время; какъ при какомъ-нибудь народномъ бѣдствіи, пожарѣ, наводненіи, землетрясеніи, жизнь пріостанавливается и тревожно ожидается конецъ бури, чтобы затѣмъ вновь приняться за дѣло съ новой силой, надеждами и упованіями. Дворянство какъ бы пережидало въ нѣмомъ оцѣпенѣніи прохода урагана. Все, къ чему дворянство привыкло, всѣ его традиціи, идеалы, даже мелкія привычки — все вдругъ въ продолженіе восьми часовъ, какъ говоритъ Тургеневъ [4]), оказалось не только дурнымъ, но иногда и преступнымъ.

[1]) Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русскій Архивъ" 1881 г., книга 3, стр. 15—27. Ср. также Гольцевъ. „Законодательство и нравы въ Россіи", стр. 121 и примѣчанія 36 и 37.

[2]) Тамъ же, стр. 17.

[3]) Ср. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, „Русскій Вѣстникъ" 1864 года, томъ III, стр. 156. Предупреждаемъ читателя — къ разсказамъ Вигеля слѣдуетъ, впрочемъ, относиться критически; факты имъ передаются всегда немного пристрастно, краски всегда слишкомъ сгущены.

[4]) Записки А. М. Тургенева. „Русская Старина" 1885 г., томъ 47, стр. 380.

«Всѣ пружины государственной машины были вывернуты, вѣрно замѣчаетъ тотъ же авторъ [1]), столкнуты изъ своихъ мѣстъ, все опрокинуто вверхъ дномъ и все оставлено и оставалось въ семъ исковерканномъ положеніи четыре года! Однимъ почеркомъ пера уничтожено 230 городовъ! Мѣста государственныхъ сановниковъ ввѣрены людямъ безграмотнымъ, не получившимъ никакого образованія, не имѣвшимъ даже случая видѣть что-либо полезное, поучительное».

Бросимъ теперь ретроспективный взглядъ на законодательство царствованія Павла I и на тѣ результаты, къ которымъ оно привело въ области дворянскаго сословнаго управленія.

Выше нами были рассмотрѣны двѣ категоріи законодательныхъ мѣръ Павла; одна относилась къ положенію дворянства, другая же къ дворянскому сословному управленію.

Первою проводилась сословная привилегированность дворянства. Руководствуясь своими древне-рыцарскими идеалами, Павелъ ввелъ въ Россіи дворянскій гербовникъ (указъ 1797 года); основнымъ же началомъ въ этой области было возможное ограниченіе способовъ пріобрѣтенія дворянскаго званія. По мысли Павла оно должно было пріобрѣтаться лишь пожалованіемъ Верховной Властью; въ этомъ направленіи шелъ цѣлый рядъ указовъ, ограничивавшихъ возможность вступленія въ дворянство; слѣдствіемъ этихъ же мыслей было сокращеніе компетенціи дворянскихъ собраній при утвержденіи въ дворянствѣ лицъ, ищущихъ послѣдняго (указы 1796 и 1801 гг.); затѣмъ, издано было много указовъ, запрещавшихъ поступленіе на службу отставныхъ военныхъ, лицъ не служившихъ прежде и другихъ; правительство считалось въ данномъ случаѣ съ возможностью пріобрѣтенія дворянства посредствомъ чина— выслугой. Эта политика Павла противорѣчила историческому строю дворянскаго сословія, но, благодаря кратковременности его царствованія, не могла оказать почти никакого вліянія на общій ходъ развитія русскаго дворянства.

[1]) Тамъ же, стр. 380.

Въ средѣ послѣдняго эти указы Павла вызывали только негодованіе и недовольство. Дворянство, какъ мы видѣли, стало чрезвычайно тяготиться службой, и военная и гражданская службы стали слишкомъ тяжелы дворянамъ, еще помнящимъ времена Екатерины.

Все основывалось теперь на безпощадной и безразсудной военной дисциплинѣ; Павелъ считалъ военную службу идеаломъ; только она облагораживала человѣка по его мнѣнію; отсюда то презрительное и жестокое обращеніе съ лицами отставленными отъ нея; послѣднимъ были закрыты всѣ пути къ дальнѣйшей общественной дѣятельности; Павелъ шелъ даже дальше, онъ хотѣлъ, чтобы и въ частной жизни на нихъ былъ наложенъ отпечатокъ паріевъ; быть изгнаннымъ со службы было чрезвычайно легко; многіе были выгоняемы безъ всякой вины. Общество, конечно, знало это и не могло не относиться къ такимъ несчастнымъ съ состраданіемъ. На службѣ гражданской дѣло обстояло не лучше, чѣмъ на военной. Господство произвола разрушило всякія основанія правильному функціонированію администраціи. Все это заставляло дворянство бѣжать отъ службы. Не могло это не отразиться и на службѣ выборной; самодѣятельность была убита; своевластіе губернаторовъ и другихъ высшихъ административныхъ лицъ было всеподавляюще; дворянство стало уклоняться и отъ службы выборной; многіе дворяне не пріѣзжали на выборы, предпочитая жизнь въ глуши своихъ деревень; выборы свелись къ пустой формальности; скоро и избранные къ должностямъ стали также уклоняться, не являясь «къ отправленію своихъ должностей», какъ доносили Сенату губернаторы. Слѣдствіемъ этого былъ указъ 31-го марта 1800 года [1]) объ отдачѣ такихъ дворянъ, «уклоняющихся», подъ судъ и «о чиненіи надъ ними строгаго наказанія». Но мѣры правительства конечно не могли помочь дѣлу. Силой невозможно заставить человѣка служить; причины отлыниванія и уклоне-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19356. См. выше, стр. 252.

нія дворянства отъ службы были слишкомъ серьезны, чтобы можно было ихъ отстранить подобной угрозой.

Этимъ положеніемъ вещей, этою невозможностью служить объясняется тотъ коренной переворотъ, который въ два какихъ-нибудь года свершился во взглядахъ дворянства. Исторія дворянскаго сословія показываетъ намъ, что всѣ его интересы сосредоточивались въ столицахъ, на службѣ государственной; служилымъ оно было, служилымъ и осталось, несмотря на реформы Екатерины Великой. И вотъ, вдругъ, дворянство отказывается отъ службы, бѣжитъ отъ нея, отъ своего идеала. Причины не могли не быть серьезными для такого явленія. Предшествовавшее изложеніе намъ кажется въ достаточной мѣрѣ ихъ выяснило. Но правительственная политика, вызвавшая это массовое движеніе дворянства изъ столицъ въ провинцію, со службы къ частной жизни, была преходящая, случайная въ русской исторіи. Сошелъ со сцены Павелъ Петровичъ, исчезли его сподвижники-гатчинцы, измѣнилась политика, сразу же измѣнились и отношенія дворянства къ службѣ; оно опять стало поступать на государственную службу, опять стало записывать своихъ дѣтей съ малолѣтства въ полки.

Однако законодательство Павла I. оставило все-таки извѣстныя вредныя послѣдствія; совершенно безслѣдно оно не могло пройти.

Дурныя послѣдствія проявились въ области службы выборной и сословномъ управленіи. Дворянство вернулось при Александрѣ I на службу, но только на службу государственную; выборная же не привлекла его больше; интересъ къ сословному управленію сталъ понемногу падать. Толчокъ въ этомъ случаѣ данъ былъ Павломъ, но жизнь способствовала его дальнѣйшему развитію и, если уклоненіе дворянъ отъ службы государственной было явленіемъ мимолетнымъ, изгладившимся какъ только исчезли его вызывающія причины, то начавшееся при Павлѣ I «отлыниваніе» отъ службы выборной и постепенное угасаніе интереса къ сословному управленію наоборотъ

только усиливались съ теченіемъ времени. Что дворянское сословное управленіе пало въ царствованіе Павла, совершенно понятно. Общіе интересы у дворянства исчезли, всякій заботился о своей собственной шкурѣ, собранія обратились въ подчиненные правительственной администраціи органы; послѣдняя въ лицѣ губернаторовъ получила такую всепоглощающую власть, которая широко открыла двери господству произвола и беззаконія. Сословное управленіе пало до того даже, что во многихъ уѣздахъ не хватало желающихъ нести обязанности предводителей. А между тѣмъ именно эта должность, какъ мы видѣли выше, болѣе чѣмъ какія-либо другія, сохранила свой прежній характеръ самостоятельности и могла бы, казалось соблазнять мѣстныхъ помѣщиковъ.

Возьмемъ хотя бы указъ 14-го апрѣля 1797 года[1]); полгода послѣ смерти Екатерины, мы видимъ, что въ Костромской губерніи обязанности предводителей несутъ уѣздные судьи. Тотъ же указъ свидѣтельствуетъ намъ о произволѣ мѣстной администраціи; губернское правленіе въ Костромской губерніи, безъ какого-либо распоряженія свыше, собственною властью отмѣнило съѣздъ уѣздныхъ предводителей; для возстановленія права предводителей съѣзжаться на подобные съѣзды въ губернскій городъ потребовался спеціальный указъ Сената. Очевидно, что при такихъ условіяхъ не находилось желающихъ посвящать свой трудъ общественной дѣятельности. Фактъ недостатка кандидатовъ даже на предводительскія вакансіи намъ кажется самымъ яркимъ примѣромъ положенія вещей; повторяемъ, именно предводительская должность сохранила болѣе или менѣе свою независимость, но и тутъ слѣдовательно давленіе администраціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и произвола, стало очевидно слишкомъ велико.

Таковы были взаимныя отношенія Павловскаго правительства и дворянства. Равно крупныя измѣненія были произведены за время этого царствованія и въ области дворянскаго

[1]) П. С. З. № 18485. См. выше стр. 241. Ср. также Романовичъ. „Дворянство въ Россіи“, стр. 443.

сословнаго управленія. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія отмѣна права дворянскихъ обществъ ходатайствовать о своихъ нуждахъ передъ высшимъ правительствомъ (указъ 1797 года), упраздненіе губернскихъ собраній (указъ 1799 года) и запрещеніе лицамъ избраннымъ отказываться отъ принятія должности (указъ 1800 г.). Единственно же полезнымъ мѣропріятіемъ правительства была организація дѣла рекрутскаго набора, точное опредѣленіе функцій административныхъ и сословныхъ органовъ, въ завѣдываніи которыхъ должно было находиться это дѣло, и въ частности выясненіе роли предводителей дворянства.

Въ общемъ разобранный нами періодъ исторіи дворянскаго сословнаго управленія характеризуется слѣдовательно полной потерей имъ самостоятельности и сильнымъ сокращеніемъ компетенціи его органовъ. Существенный ударъ ему нанесенъ былъ указомъ 1797 года [1]), согласно которому губернаторъ, присутствуя въ дворянскихъ собраніяхъ, получилъ возможность вполнѣ подчинить себѣ все сословное управленіе.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о личныхъ отношеніяхъ Императора къ дворянамъ. Они характеризуются вышеописаннымъ идеаломъ Павла — служащаго дворянина-рыцаря; назначеніе этого сословія — служба Императору; наградой же должны были быть преимущества предъ другими сословіями и милость Государя.

Противорѣчіемъ этому можетъ показаться разсказъ Энгельгардта объ одномъ разговорѣ съ Павломъ [2]). Императоръ спросилъ Энгельгардта, гдѣ онъ началъ службу и, получивъ отвѣтъ — «въ гвардіи», замѣтилъ: «по обыкновенію всѣхъ васъ, тунеядцевъ-дворянъ».

Фразу эту легко принять какъ направленную противъ всего дворянскаго сословія; между тѣмъ она имѣла въ виду лишь Екатерининскіе порядки, согласно которымъ молодежь записывалась въ гвардію, жила въ столицахъ, просвѣщалась,

[1]) 9-го марта. См. выше, стр. 240.
[2]) Записки Л. Н. Энгельгардта, 1766—1836. Москва 1867 г., стр. 210.

но мало занималась собственно военной службой; вотъ это-то пренебреженіе молодымъ дворянствомъ фрунтовой службой, это, какъ считалъ его Павелъ, отсутствіе дисциплины и тунеядство, и было ему столь ненавистно.

Колоссальная разница существовала между взглядами на дворянское сословіе Великой Императрицы и ея сына-преемника. Екатерина поставила своимъ принципомъ чтобы «дворяне себя чувствовали» [1]); Павелъ же ихъ унижалъ на каждомъ шагу; идеаломъ Екатерины было самоуправленіе дворянскаго сословія, идеаломъ можетъ быть слишкомъ возвышеннымъ, такъ какъ дворянство не могло имъ воспользоваться въ полной мѣрѣ; ея сынъ наоборотъ, проповѣдуя идеи средневѣкового рыцарства, не только не поддерживалъ дворянскаго сословія, но зачастую отнималъ у него самыя близкія его сердцу преимущества. Страннымъ и поучительнымъ является насмѣшка судьбы надъ мечтами и идеалами Павла, приведшая можетъ быть къ худшимъ результатамъ, чѣмъ его мысли о сословной разобщенности населенія.

Извѣстно, что Павелъ раздавалъ государственныхъ крестьянъ дворянамъ-помѣщикамъ, желая сдѣлать послѣднихъ «отеческими полиціймейстерами»; въ литературѣ высказывалось мнѣніе, что причиною жалованья дворянъ казенными крестьянами, была боязнь Павла повторенія Пугачевщины и народныхъ смятеній [2]). «Сія несчастная боязнь, говоритъ Шишковъ, часто тревожила сердце сего Монарха и была причиною тѣхъ излишнихъ осторожностей и непомѣрныхъ строгостей, какими муча другихъ и самъ онъ безпрестанно мучился и которыя, вмѣсто погашенія мнимыхъ искръ возмущенія, дѣйствительно порождали ихъ и воспламеняли». Но исторія показала какъ разъ обратное; эти раздачи казенныхъ крестьянъ бо̀льшею частью приводили именно къ народнымъ бунтамъ. Дворянство вообще, а въ особенности вновь жалуемые, разные

[1]) Записки В. С. Хвостова. „Русскій Архивъ", 1870 г., стр. 588.
[2]) Записки А. С. Шишкова, стр. 22.

бывшіе гатчинскіе капралы и унтеръ-офицеры, не понимали крестьянъ, не знали ихъ интересовъ.

Когда дворяне въ царствованіе Павла I, гонимые строгостями и жестокостями военной службы, начали селиться въ своихъ помѣстьяхъ, неизбѣжно сказалось разъединеніе этихъ двухъ сословій. Идея «отеческой полиціи» Павла I не могла найти себѣ никакого практическаго примѣненія; наоборотъ она часто приводила къ весьма печальнымъ результатамъ [1]). Мы имѣемъ здѣсь еще одинъ примѣръ несоотвѣтствія идеаловъ этого Императора съ тѣми мѣрами, которыя онъ принималъ благодаря минутнымъ и мимолетнымъ впечатлѣніямъ.

Намъ пришлось остановиться на этихъ фактахъ, въ виду ихъ характерности; они хорошо рисуютъ политику Павла и принесенные ею результаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщаютъ отношенія Императора къ дворянскому сословію. Но, повторяемъ, дворянство не было вовсе подготовлено къ такой роли отеческихъ полицмейстеровъ; его интересы лежали въ другомъ направленіи; крестьянства оно вовсе не знало и привыкло смотрѣть на него какъ на источникъ доходовъ, окупавшій жизнь въ столицахъ.

Недаромъ говоритъ Тургеневъ [2]), что коллежскій совѣтникъ по точной силѣ слова закона есть лучшій дворянинъ; «а дворянину по всѣмъ правамъ слѣдуетъ быть бояриномъ, а боярину слѣдуетъ имѣть крестьянъ; безпомѣстный дворянинъ

---

¹) Въ нашей литературѣ часто упоминается объ этой идеѣ Павла I, учредить „отеческую полицію" дворянства, но картину ея примѣненія на практикѣ, ту обстановку, въ которой она примѣнялась, и тѣ послѣдствія, которыя она вызвала, вовсе не разработаны и требуютъ настоятельно разсмотрѣнія съ историко-экономической точки зрѣнія для вѣрной оцѣнки отечественной исторіи начала XIX столѣтія. Кромѣ извѣстнаго труда Семевскаго, объ этихъ мысляхъ Павла I говорятъ еще: записки А. С. Шишкова, разсказы генерала Котлубицкаго, „Русскій Архивъ" 1866 года, записки Н. А. Саблукова, „Русскій Архивъ" 1869 года, Шильдеръ, „Императоръ Павелъ I", стр. 346.

²) См. Записки А. М. Тургенева. „Русская Старина" 1885 г., томъ 48, стр. 260.

хуже бобыля, бобыль можетъ наняться въ работники, а дворянину это воспрещено закономъ»... И именно при Павлѣ I дворяне это почувствовали болѣе, чѣмъ когда-либо; въ предшествовавшее царствованіе, если у дворянина и не было помѣстья (что впрочемъ было довольно рѣдко), служба его кое-какъ окупала жизнь; теперь же дворяне старались уклоняться отъ службы; а гдѣ имъ было скрываться отъ нея, если у нихъ не было помѣстья? Поневолѣ приходилось пресмыкаться въ канцеляріяхъ губернаторовъ, дворянскихъ опекахъ или приказахъ общественнаго призрѣнія; отсюда ясно, почему «безпомѣстный дворянинъ хуже бобыля». Лучшіе элементы ушли со службы, устранились также и отъ сословныхъ интересовъ, лишь бы въ покоѣ пожить въ помѣстьяхъ, худшимъ же широко раскрылись двери въ эти области. А такъ какъ, какъ мы увидимъ ниже, лучшіе элементы дворянства почти и не вернулись впослѣдствіи къ службѣ выборной, несмотря ни на какія побужденія правительства, худшіе элементы этого сословія тѣмъ крѣпче укрѣпились въ разъ занятомъ положеніи.

Выборная служба стала падать, сталъ исчезать и интересъ дворянства къ сословному управленію, въ провинціи понемногу угасали общественные интересы. «Все пышное государственное зданіе Екатерины было потрясено, когда съ мундировъ сорвали золото, унизили барство, словомъ сорвали съ глазъ мишуру... Et presque tous les grands devinrent d'illustres nullités» [1]). Въ нѣсколько мѣсяцевъ Павелъ I сумѣлъ разстроить все созданное его матерью, преслѣдуя каждое ея начинаніе, желая вычеркнуть изъ памяти потомковъ все, что было ею достигнуто долгими трудами.

Какъ вѣрно замѣтилъ одинъ современникъ, остановясь передъ Исакіевской церковью:

Се памятникъ двухъ царствъ
Обоимъ столь приличный,

[1]) Записки Я. И. де-Санглена. „Русская Старина“ 1882 г., томъ 36, стр. 468.

Основа его мраморна
А верхъ его кирпичный [1]).

Строить и созидать дѣло трудное и требующее всегда много времени, разрушать же можно скоро и безъ всякаго умѣнья. Исторія человѣчества это доказывала на тысячахъ примѣровъ, одинъ изъ каковыхъ передъ нашими глазами — царствованіе Императора Павла. Спасеніе было только въ кратковременности этого царствованія.

Судьба рѣшила на время прекратить испытанія России. Въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года Павла I не стало. На престолъ взошелъ Александръ I, а съ нимъ вмѣстѣ надъ Россіей взошло новое солнце, первымъ лучомъ котораго былъ манифестъ Императора о возвращеніи къ Екатерининскимъ началамъ, къ ея порядкамъ и идеаламъ въ области государственнаго управленія. Какъ одинъ человѣкъ, проснулась Россія, все зашевелилось, зажило вновь, какъ бы послѣ тяжкаго кошмара; снова пробудились надежды у дворянства, вновь появились у него и корпоративныя стремленія и общественные интересы; ожила провинція, закипѣла жизнь въ столицахъ, гдѣ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, неизвѣстно куда исчезли гатчинцы съ ихъ ненавистными вахтъ-парадами и вѣчнымъ барабаннымъ боемъ. Но такой тяжкій сонъ не проходитъ безслѣдно; многое сдѣланное Павломъ Петровичемъ успѣло пустить корни.

Манифестъ Императора Александра I обѣщалъ возвращеніе къ Екатерининскимъ началамъ, но осуществить это можно было только до извѣстной степени. Явленія послѣднихъ пяти лѣтъ не могли быть вычеркнуты со страницъ исторіи.

---

[1]) Тамъ же, стр. 490. Стихи эти принадлежатъ лейтенанту русскаго флота и поэту Акимову; въ нихъ говорится про Исакіевскую церковь, постройка которой началась еще при Екатеринѣ, а окончилась при Павлѣ; теперь на томъ же мѣстѣ стоитъ Исакіевскій соборъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вступленіе на престолъ Александра I. — Его молодые сотрудники; представители Екатерининскихъ временъ. — Первыя мѣропріятія Александра. — Неофиціальный комитетъ. — Манифестъ и докладъ Сената о возстановленіи началъ Жалованной дворянству грамоты.— Законодательство первой половины царствованія Александра I. — Предводитель дворянства какъ органъ сословнаго управленія; участіе его въ правительственной администраціи.

I.

Какъ молнія пронеслась въ мартѣ 1801 года по Россіи вѣсть о кончинѣ Императора Павла. Перечитывая мемуары и записки того времени, кажется даже страннымъ то боязливо-радостное чувство, съ которымъ встрѣчала провинція фельдъегерей, привозившихъ указъ о восшествіи на престолъ Императора Александра I.

Первою мыслью губернаторовъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ, къ которымъ пріѣзжали фельдъегеря, былъ страхъ ссылки въ Сибирь, Высочайшій выговоръ или какая-нибудь другая непріятность, обрушивающаяся изъ Петербурга. Такъ всѣ привыкли къ громовымъ указамъ Павла I. Пріѣздъ фельдъегеря въ тѣ времена большею частью былъ предвѣстникомъ ссылки въ мѣста отдаленныя или не столь отдаленныя [1]).

---

[1]) Архіепископъ Евгеній (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій) слѣдующими словами описываетъ положеніе должностныхъ лицъ въ Павловское царствованіе:

„На прошедшей недѣлѣ, разсказываетъ онъ, полученъ здѣсь указъ выслать изъ Москвы всѣхъ исключенныхъ изъ службы и не

И вдругъ, вмѣсто этого, провинція узнаетъ, что Павла Петровича больше не стало, что на престолъ взошелъ всѣми любимый и обожаемый Александръ Павловичъ.

Если мы примемъ во вниманіе ту славу, которая благодаря народной молвѣ создалась наслѣднику цесаревичу въ періодъ суроваго царствованія его отца, тотъ ореолъ, который окружалъ всегда любезнаго, добраго, образованнаго и умнаго Александра, намъ понятными станутъ чувства, обуявшія населеніе Россіи при вѣсти о его воцареніи. Дворянство провинціи радостно и шумно привѣтствовало воцареніе новаго Императора; на него оно возлагало огромныя надежды; здѣсь было не только чувство облегченія и увѣренность въ прекращеніи произвола, но и виды на будущее, на измѣненіе, улучшеніе и приведеніе въ порядокъ всего правового быта государства; населеніе Россіи и въ частности интересующее насъ дворянство настоятельно нуждались въ помощи правительства. Насколько надежды дворянства оправдались, мы увидимъ ниже, но здѣсь не можемъ не замѣтить, что восшествіе на престолъ Александра обѣщало имъ многое, сулило имъ и просвѣщеніе и реформы.

Личность новаго Императора была дѣйствительно обаятельна. Воспитанный просвѣщеннымъ и высокообразованнымъ швейцарцемъ Лагарпомъ, Александръ обязанъ былъ послѣднему, по своимъ собственнымъ словамъ [1], «всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ; началами какъ

велѣно съ ними никому ни знакомства, ни переписки вести. Причиной сему Балкъ-Полевъ, выключенный камергеръ, который отважился по Москвѣ ходить во фракѣ и круглой шляпѣ, не слушаясь запрещеній отъ полицмейстера. Государю донесено, и онъ предписалъ графу Салтыкову (Московскому генералъ-губернатору) выгнать изъ Москвы всѣхъ исключенныхъ шалуновъ и впредь не пускать, да и запретить съ ними всякое сообщеніе на дѣлахъ и письмѣ подъ опасеніемъ" (Письмо арх. Евгенія, февраль 1800 г. „Русскій Архивъ" 1870 г., стр. 770).

[1]) Разсказъ князя Адама Чарторижскаго о сближеніи его съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ, стр. 700. Статья „Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторижскій". „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 697 и слѣд.

истины, такъ и справедливости». Отъ этого царственнаго юноши, по вѣрному замѣчанію князя Чарторижскаго, вѣяло искренностью и чистотой; «въ немъ было столько рѣшительности, повидимому несокрушимой, разсказываетъ тотъ же авторъ [1]), столько самозабвенія и великодушія, что показался онъ мнѣ существомъ избраннымъ свыше, ниспосланнымъ Провидѣніемъ для блага человѣчества и моей родины».

Александръ Павловичъ, еще будучи наслѣдникомъ, въ своихъ разговорахъ съ окружавшими его тогда молодыми людьми, открыто осуждалъ деспотизмъ, превозносилъ свободу, на которую, по его же собственнымъ словамъ, имѣютъ право въ равной мѣрѣ всѣ люди. Политики отца онъ никогда не касался, но все его существо, все его міросозерцаніе какъ бы отрицало направленіе и безграничный деспотизмъ Павла I. Этого не могли не замѣтить окружавшіе его, этого не могъ не знать весь Петербургъ, а отсюда молва разносилась по всей Россіи; надежды дворянства давно были направлены на молодого цесаревича.

Намъ придется мимоходомъ остановиться на личности Александра Павловича. Исторія русскаго дворянства слишкомъ тѣсно связана съ міросозерцаніемъ царствовавшихъ Императоровъ; поэтому вѣрное историческое освѣщеніе развитія сословнаго управленія невозможно безъ удѣленія извѣстнаго мѣста изученію идей и понятій нашихъ правителей.

Молодость Александра описана въ превосходномъ трудѣ Н. К. Шильдера [2]). Названный авторъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Александра ко времени вступленія его на престолъ: «преобладаніе чувствительности, идеальныхъ порывовъ, мечтательности, политическая идилличность, характеризуютъ воспитанника Лагарпа, въ особенности въ первую эпоху его царствованія» [3]). Но рядомъ съ этимъ нельзя

---

[1]) Тамъ же, стр. 702.

[2]) Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Спб. 1897 г.

[3]) Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, томъ II, стр. 128. Ср. также „Воспоминанія Ѳаддея Булгарина“, часть II. Спб. 1846 г.

не отмѣтить и другія черты его характера, менѣе симпатичныя, но оказавшія не менѣе вліянія на отечественную исторію. Императора Александра отличало, рядомъ съ возвышенностью его политическихъ воззрѣній, отсутствіе рѣшимости, той энергіи и послѣдовательности, которыя столь необходимы правителю для проведенія своихъ идей въ дѣйствительность, для борьбы, всегда упорной, со внѣшними препятствіями жизни. У Александра были самыя идеальныя понятія, самыя лучшія намѣренія, но недоставало силы воли и характера, чтобы провести ихъ въ жизнь. У него было самое искреннее желаніе совершить коренныя преобразованія государства, создать новый строй, болѣе отвѣчающій новымъ требованіямъ культуры и просвѣщенія, сдѣлать, наконецъ, Россію свободной, но, какъ вѣрно замѣчаетъ Пыпинъ [1]), воспитаніе не дало ему для этого ясныхъ понятій ни о самой свободѣ, ни о тѣхъ системахъ государственнаго управленія, которыя однѣ могутъ обезпечить послѣднюю гражданамъ, вслѣдствіе чего планы и мечтанія его остались въ области идей, большею частью вовсе не переходя въ реальную дѣйствительность. Трудности осуществленія его идеаловъ заставили Александра не только отъ нихъ отказываться, но иногда дѣйствовать какъ разъ въ противуположную сторону. Чѣмъ долѣе царствовалъ Александръ, тѣмъ ярче становилось это противорѣчіе; продолжая заявлять о своихъ либеральныхъ намѣреніяхъ, онъ все чаще и сильнѣе раздражался противъ малѣйшаго проявленія той самой свободы, предъ которой преклонялся въ свои юношескіе годы.

Описываемая нами слабость характера Александра стала проявляться, впрочемъ, лишь позднѣе. Въ моментъ восшествія его на престолъ о ней почти никто не зналъ и мало кто подозрѣвалъ тѣ пагубные результаты, къ которымъ она должна была привести впослѣдствіи. Въ тѣ времена, повторяемъ, всѣ смотрѣли на Александра какъ на избавителя, какъ на

---

[1]) Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885 г., стр. 39.

человѣка, который всѣмъ своимъ существомъ обѣщалъ государству лучшіе годы. Да и дѣйствительно, юный наслѣдникъ престола не могъ не быть симпатичнымъ всякому; какой огромный контрастъ между всегда суровымъ, вспыльчивымъ и раздражительнымъ отцомъ и добросердечнымъ и мягкимъ сыномъ, «любившимъ земледѣльцевъ и сельскую красоту» [1]), мечтавшимъ о простой и тихой жизни въ какомъ-нибудь отдаленномъ и укромномъ уголкѣ на берегахъ Рейна.

Царствованіе Императора Александра I дѣлится историками обыкновенно на три періода: эпоху преобразованій или, какъ ее вѣрнѣе назвалъ Шильдеръ, эпоху колебаній, длившуюся отъ 1801 до 1810 года; періодъ борьбы съ Франціей, продолжавшійся до 1816 года и, наконецъ, третій періодъ — эпоху конгрессовъ и охраненія установленнаго въ Европѣ порядка, время реакціи, когда почти все созданное въ первые годы царствованія Александра было разрушаемо [2]).

Мы будемъ держаться другого дѣленія. Исторію интересующаго насъ вопроса въ царствованіе Александра I мы дѣлимъ на два періода; рѣзкимъ переломомъ ихъ былъ двѣнадцатый годъ. Первому періоду можно присвоить названіе эпохи преобразованій или колебаній Александра; за вторымъ, начавшимся въ тяжелую годину испытаній, можетъ быть съ успѣхомъ сохранено наименованіе эпохи реакціи. Такимъ образомъ выпадаетъ средній періодъ, который въ исторіи дворянскаго сословнаго управленія, какъ увидимъ ниже, игралъ очень незначительную роль и съ успѣхомъ можетъ быть присоединенъ къ началу реакціоннаго времени.

Присматриваясь ближе къ законодательству Александра I, нельзя не замѣтить ту огромную разницу, которая раздѣляла

---

[1]) Ср. Разсказъ кн. Чарторижскаго, стр. 708; см. также Lacroix, Histoire de Nicolas I, Empereur de Russie. Paris, 1864, tome I, chapitre I.

[2]) Ср. Шильдеръ, в. н. соч., томъ II, стр. 1—4; также Mémoires de M. Oginski sur la Pologne et les polonais. Paris, 1827, tome IV, livre 12, chap. I, II et VI.

эти два періода его царствованія. Александръ вступилъ на престолъ еще юношей, всѣ симпатіи его лежали на сторонѣ Франціи и совершившагося въ ней переворота, все міросозерцаніе его было наполнено самыми либеральными и идеальными стремленіями.

Въ первые мѣсяцы по восшествіи на престолъ онъ уже задумываетъ цѣлый рядъ реформъ, какъ общаго государственнаго строя, такъ и мѣстнаго управленія. Первые же годы его царствованія принесли Россіи коренныя преобразованія. Но затѣмъ жизнь начинаетъ брать свое; чѣмъ дальше переходятъ планы и мечтанія въ дѣйствительность, тѣмъ больше они встрѣчаютъ препятствій, тѣмъ сильнѣе требуютъ поддержки силы воли, а послѣдней-то и не хватало у Александра; неустойчивость взглядовъ, отсутствіе энергіи не позволяли осуществлять задуманнаго; отсюда безпрерывныя колебанія, измѣненія политики, положившія, какъ вѣрно говоритъ Шильдеръ, отпечатокъ на весь этотъ періодъ его царствованія. Удары судьбы, разочарованіе въ людяхъ понемногу мѣняютъ и самые взгляды юнаго Императора. Къ концу этого періода мы уже замѣчаемъ происшедшую въ Александрѣ крупную перемѣну.

Первымъ ударомъ былъ плачевный конецъ кампаніи 1805 года; «Аустерлицкая баталія, говоритъ Энгельгардтъ [1]), сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду». Подобная перемѣна во взглядахъ Александра не могла не оставить крупныхъ слѣдовъ въ исторіи Россіи и въ частности въ исторіи дворянства; окружавшіе его люди въ первые годы царствованія стали понемногу удаляться отъ дѣлъ; оставался одинъ Аракчеевъ, продолжавшій пользоваться безграничнымъ довѣріемъ Императора, но, благодаря своей необразованности, грубости и жестокости,

[1]) Записки Л. Н. Энгельгардта. Москва 1867 г., стр. 221; см. также Шильдеръ, в. н. соч., томъ II, стр. 145.

«приводилъ Государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію».

Подобное положеніе вещей не могло не отразиться и на дворянскомъ сословномъ управленіи.

Колебанія и борьба между различными направленіями шли crescendo вплоть до катастрофы 12-го года.

Война съ Франціей поглотила всего Александра; здѣсь онъ впервые выказалъ твердость, упорство, удивившія даже его современниковъ.

По окончаніи войны и возвращеніи Императора въ Россію, окруженнаго славой избавителя Европы, рѣшителя судебъ міра, характеръ его уже рѣзко измѣнился; политика, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя приняла совсѣмъ новое направленіе.

Современники Александра не поняли его; въ первый періодъ его царствованія русское общество рѣзко раздѣлилось на два лагеря—однихъ, поборниковъ новыхъ идей, сторонниковъ Запада, людей желавшихъ реформъ и преобразованій, и другихъ, приверженцевъ старины и древне-русскихъ порядковъ.

Оба лагеря къ концу этого періода остались недовольными Александромъ. Первые укоряли его, и вполнѣ справедливо, въ неокончаніи начатаго, неисполненіи обѣщаннаго и принесеніи высокихъ идеаловъ въ жертву частнымъ соображеніямъ. Вторые же обвиняли его въ самомъ существѣ преслѣдуемыхъ или по крайней мѣрѣ высказываемыхъ имъ идей; Карамзины, Державины, Трощинскіе — всѣ эти приверженцы старыхъ порядковъ, прославители Екатерины и ея начинаній (хотя, замѣтимъ, не всегда вѣрно оцѣнивавшіе и понимавшіе значеніе Екатерининскихъ реформъ), съ гнѣвомъ и раздраженіемъ относились къ идеаламъ и преобразовательнымъ планамъ Александра. Лица эти указывали на вредъ, приносимый Россіи реформами юнаго Императора; но ими невѣрно опредѣленъ былъ корень вреда и дурныхъ послѣдствій, несомнѣнно проявившихся даже въ первые годы этого царствованія.

Вѣрно замѣчаетъ Пыпинъ [1]), «вредно и печально было только то, что борьба противъ стараго невѣжества и грубости нравовъ въ пользу просвѣщенія и нравовъ цивилизованныхъ не была ведена съ твердостью и убѣжденіемъ, какихъ бы требовало достоинство дѣла».

Мы не беремся однако отрицать, что въ первые годы XIX вѣка было достигнуто очень многое. Реформы Александра правда во многомъ не были докончены, но ими былъ данъ толчокъ общественной жизни; дворянство ожило; вновь появился корпоративный интересъ, общество услышало призывъ сверху къ новой дѣятельности.

Приступая къ разбору исторіи первыхъ годовъ царствованія Императора Александра, намъ необходимо также остановиться и на характеристикѣ людей, его окружавшихъ. Вліяніе ихъ на правительственную политику было очень велико; подъ ихъ руководствомъ велись первыя преобразованія, черезъ ихъ руки проходили почти всѣ мѣропріятія Александра. Люди эти были несомнѣнно передовыми, лучшими представителями русскаго общества, большинство котораго все еще жило старыми порядками; сотрудники Александра, друзья его молодости принадлежали къ просвѣщенному меньшинству. Сблизились они съ Александромъ еще до его вступленія на престолъ и были связаны съ нимъ узами личной дружбы. Соединяли ихъ не только личные интересы, но общность взглядовъ, общее желаніе принести пользу отечеству, работать на благо ближнимъ; это единеніе, было несомнѣнно слѣдствіемъ личныхъ качествъ молодого Александра [2]).

О первыхъ годахъ сближенія этого кружка съ Великимъ Княземъ разсказываетъ намъ одинъ изъ участниковъ его князь Чарторижскій [3]); онъ повѣствуетъ намъ, какъ подъ

---

[1]) Пыпинъ в. н. соч., стр. 117.

[2]) Ср., напр. Пыпинъ, в. назв. соч., стр. 104, также Терновскій, Характеристика Императора Александра I. Кіевъ. 1878 г.

[3]) Разсказъ кн. Чарторижскаго, стр. 703—705.

покровительствомъ и крылышкомъ доброй бабушки вырастала ихъ дружба, какъ они все ближе сходились, толковали о государственныхъ преобразованіяхъ, о французской революціи, о политикѣ, дипломатіи и свободѣ; Екатерина и не подозрѣвала то значеніе, которое впослѣдствіи должна была имѣть эта дружба; она не предполагала, чтобы тѣ самыя либеральныя идеи, которыхъ она такъ боялась въ послѣдніе годы своего царствованія, нашли себѣ столь благодарную почву и беззавѣтныхъ защитниковъ именно въ этомъ кружкѣ, гдѣ главная роль принадлежала любимому ея внуку.

Одобреніе и снисходительное отношеніе Императрицы ограждали кружокъ отъ мести завистниковъ и порицателей.

Такимъ образомъ, здѣсь, подъ сѣнью самой Екатерины, зародилось то общеніе нѣсколькихъ избранныхъ молодыхъ людей, которое принесло впослѣдствіи столько пользы отечеству. Уже въ тѣ времена встрѣчаемъ мы имена Новосильцова, братьевъ Чарторижскихъ, Строганова.

Тяжелый періодъ Павловскаго царствованіи на время разлучилъ ихъ связь. Въ 1801 году они вновь появляются при дворѣ и съ первыхъ же дней становятся въ ряды ближайшихъ сотрудниковъ юнаго Императора.

Александръ созвалъ ихъ сразу по восшествіи на престолъ. Въ то время въ Петербургъ вернулся и бывшій воспитатель Александра Лагарпъ, хотя и на короткій срокъ. Если Новосильцовъ, Строгановъ, Чарторижскій, а отчасти и Кочубей представляли собой мощную юную силу, неудержимо увлекавшую Александра на путь реформъ самыхъ либеральныхъ, то Лагарпъ являлся элементомъ консервативнымъ и сдерживающимъ. Онъ былъ и старше и опытнѣе остальныхъ; жизнь уже успѣла разбить многіе его идеалы; въ особенности въ періодъ участія его въ правительствѣ родного кантона. Его разумные совѣты часто останавливали увлекавшихся молодыхъ людей, заставляли ихъ и въ особенности самого Александра, питавшаго безпредѣльное довѣріе къ своему бывшему воспи-

тателю, серьезнѣе обдумывать и взвѣшивать проводимыя ими мѣры [1]).

Совершенно иная роль выпала на долю дѣятелей двухъ прежнихъ царствованій.

Къ сотрудникамъ Павла молодой Императоръ относился откровенно несочувственно и недовѣрчиво; съ представителями же Екатерининскаго времени онъ поступалъ осторожнѣе. Уже въ первые мѣсяцы его правленія исчезли съ политической сцены такіе люди, какъ графъ Кутайсовъ, этотъ factotum Императора Павла, всесильный временщикъ Обольяниновъ, нелѣпо—грубый и жестокій полиціймейстеръ генералъ Эртель; отрицательное отношеніе къ нимъ Александра вполнѣ понятно; они не подходили ни съ какой стороны къ его міросозерцанію; гатчинскіе порядки должны были исчезнуть навсегда. Правда уцѣлѣлъ Аракчеевъ, и нельзя сказать, чтобы на пользу Россіи, но это было единственное исключеніе.

Другое положеніе заняли дѣятели временъ Великой Императрицы. И къ нимъ Александръ относился несочувственно [2]), но политическія соображенія заставляли его считаться съ мнѣніями этихъ стариковъ. Это были Державинъ, Трощинскій, Беклешевъ, Семенъ и Александръ Романовичи Воронцовы, Завадовскій, Марковъ; всѣ они не внушали довѣрія Александру, но считаться съ ними ему приходилось; желая представить свое царствованіе какъ бы продолженіемъ и развитіемъ дѣятельности своей бабки, ему приходилось щадить и ея сотрудниковъ и дѣятелей; они не могли быть поставлены на одну ногу съ Обольяниновыми и Эртелями.

Екатерининскіе старики стали во главѣ оппозиціи; они не могли понять либеральныхъ стремленій того кружка молодыхъ людей, который окружалъ Александра. Идеи послѣднихъ были для нихъ слишкомъ новы, а потому и непонятны. На этихъ двухъ поколѣніяхъ ясно сказалась разница идей

---

[1]) Ср. также Шильдеръ, в. н. соч., томъ II.

[2]) Ср. Шильдеръ в. н. соч., томъ II, стр. 29, также И. И. Дмитріевъ, „Взглядъ на мою жизнь“, стр. 179 и слѣд. Москва 1866 г.

XVIII и начала XIX вѣка. Молодежь воспитана была на западно-европейскихъ идеалахъ, далеко ушедшихъ впередъ отъ Екатерининской эпохи. Такъ образовались съ самаго начала этого царствованія двѣ рѣзко различныхъ партіи русскаго общества; одна стремилась къ свободѣ и просвѣщенію, съ юными сотрудниками столь же юнаго Императора во главѣ, другая—всѣми силами старалась бороться противъ новаго теченія, прославляя прежніе Екатерининскіе порядки. Пока самъ Александръ былъ на сторонѣ первыхъ, у юныхъ либераловъ была и власть и возможность работать; какъ только Государь сталъ склоняться къ реакціи, высоко подняли свои головы представители стараго порядка и съ удивительной быстротой сумѣли уничтожить почти все хорошее, созданное въ первые годы правленія Александра. Молодые сотрудники его, «вѣрившіе не въ прошедшее, а въ будущее, которое имъ казалось такъ легко создать по идеалу» ихъ воспріимчивыхъ душъ и пламенныхъ стремленій [1]), должны были къ концу перваго періода царствованія этого Государя одинъ за другимъ уступать мѣсто людямъ другого направленія, дѣятелямъ, не понимавшимъ, что живительное движеніе впередъ нашего интеллигентнаго общества уже нельзя было болѣе остановить мирнымъ образомъ. Реакція должна была дѣйствовать силой, а тамъ, гдѣ есть принужденіе, всегда появляются вредныя послѣдствія и уродливыя формы соціальныхъ явленій. Характерно въ этомъ отношеніи мнѣніе старика Семена Романовича Воронцова. „Alexandre, a eu le malheur, пишетъ онъ [2]), d'être entouré par des *faiseurs*, lesquels remplis d'amour-propre et de vanité se sont crus supérieurs au grand fondateur de l'Empire Russe. Ces messieurs ont commencé à tra-

[1]) Предисловіе А. Попова къ запискѣ Д. П. Трощинскаго Объ учрежденіи министерствъ. Сборникъ Русскаго Историч. Об-ва 1868 г. томъ III, стр. 8. Ср. также Воспоминанія Ѳаддея Булгарина, часть II. Спб. 1846 г.

[2]) Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du C-te T. Rostoptchine, rassemblés par son fils, Bruxelles. 1864, стр. 372—373.

vailler sur la pauvre Russie par des règlements qui paraissaient tous les jours; ces messieurs étaient des machines à règlement; ils ne faisaient que cela avec autant de vitesse que d'ignorance et de légèreté... Ils voulaieut faire des essais sur la malheureuse Russie, et ils ignoraient que les essais ne sont bons qu'en physique et en chimie, mais qu'ils sont fatales en jurisprudence, en administration et en économie politique». Въ этихъ строкахъ вылилась вся программа тѣхъ представителей русскаго общества, которые считали политику Александра I пагубной для Россіи; по своимъ понятіямъ, по тому образованію, которое они получили еще въ XVIII столѣтіи, они не въ состояніи были понять значенія новаго теченія, не могли дать себѣ отчета въ степени его жизненности. Эти два противуположныя теченія русскаго интеллигентнаго общества начала XIX вѣка весьма различно относились къ дворянскому вопросу. Тогда какъ молодое поколѣніе стояло, какъ увидимъ ниже, за уравненіе сословій, представители старыхъ порядковъ отстаивали Екатерининскій принципъ сословности. Оба направленія имѣли различное воздѣйствіе на исторію дворянскаго сословнаго управленія. Эту борьбу двухъ теченій русской интеллигенціи начала XIX вѣка надо имѣть постоянно въ виду при изученіи данной эпохи. Ниже мы увидимъ къ какимъ она привела практическимъ результатамъ.

II.

По восшествіи на престолъ Александръ издалъ манифестъ, въ которомъ торжественно объявлялъ народу о своемъ намѣреніи вернуться къ политикѣ Екатерины II и ея идеаламъ. Въ немъ онъ обѣщалъ управлять страной «по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки, Государыни Императрицы Екатерины Великія, коей память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея мудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы».

Этимъ Александръ какъ бы хотѣлъ вычеркнуть со страницъ исторіи годы царствованія Павла; но послѣднее было конечно невозможно; нельзя было не считаться съ явленіями предшествовавшихъ годовъ; послѣдующая дѣятельность юнаго Императора это доказала.

Да и полное возвращеніе къ Екатерининской политикѣ оказалось также неосуществимымъ. Возвратъ къ прошлому въ государственной жизни никогда невозможенъ. Слова манифеста имѣли лишь то значеніе, что этимъ Императоръ какъ бы обѣщалъ вновь открыть двери прогрессу, культурѣ и господству законности. Государь хотѣлъ искоренить тотъ произволъ, который въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ совершенно остановилъ развитіе русскаго общества.

Вслѣдъ за манифестомъ о восшествіи на престолъ былъ изданъ цѣлый рядъ указовъ въ облегченіе положенія населенія. Такъ 13-го и 15-го марта было разрѣшено изгнаннымъ и исключеннымъ со службы, безъ суда или по суду, считаться получившими отставку [1]); значеніе этой мѣры для дворянства было весьма велико, если вспомнимъ то безчисленное количество изгнанныхъ дворянъ, которые въ предшествовавшее царствованіе лишились пенсіи и всякихъ средствъ существованія.

Затѣмъ послѣдовали и другіе указы, шедшіе въ томъ же освободительно-либеральномъ направленіи [2]); отъ всѣхъ отъ нихъ вѣяло просвѣщеніемъ и гуманностью; такіе указы, какъ, напр., объявленный 19-го марта Петербургскому оберъ-полицмейстеру «о границахъ власти полицейскихъ, дабы послѣдніе не дерзали никому никакихъ обидъ и притѣсненій», не были похожи на распоряженія Павла, отдаваемыя имъ на вахтъ-парадахъ.

Но, измѣняя такимъ образомъ общее направленіе государственной политики, Александръ не разрушалъ правительственныхъ учрежденій прежняго царствованія. Остались, напр.,

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19782 и 19788.

[2]) Ср., напр., Шильдеръ, в. н. с., томъ II, стр. 16.

основанныя Павломъ медицинскія управленія, удѣльное вѣдомство и многія другія; поддерживался прежній взглядъ на намѣстниковъ, какъ органовъ исключительныхъ и временныхъ; не возстановлялись упраздненныя Павломъ среднія инстанціи мѣстнаго управленія и т. д.

Въ такомъ положеніи вещей нельзя не видѣть мудрости правительства; будучи несогласнымъ съ прежнимъ направленіемъ, оно не разрушало безразсудно, какъ то дѣлалъ Павелъ, всего созданнаго въ предшествовавшее царствованіе, а старалось лишь вводить новый духъ и понятія въ администрацію. Система же учрежденій должна была быть измѣнена согласно опредѣленному плану.

Программу послѣдняго предполагалось изложить въ коронаціонномъ манифестѣ.

Еще задолго до коронаціи проектъ этого акта всесторонне обсуждался въ такъ называемомъ неофиціальномъ комитетѣ, состоявшемъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Императора, Строганова, Новосильцова, Чарторижскаго и Кочубея. Каждая статья проекта разсматривалась отдѣльно; дошедшіе до насъ отрывки журналовъ этого комитета свидѣтельствуютъ намъ о томъ вниманіи, съ какимъ относились члены комитета къ составленію манифеста.

Въ немъ должно было быть повторено обѣщаніе Александра, данное въ его первомъ манифестѣ, «объ употребленіи всѣхъ силъ своихъ къ усчастливленію Россіи», а затѣмъ любимѣйшая мысль его о томъ, «что не народы сдѣланы для государей, а государи промысломъ Божьимъ установлены для пользы и благополучія народовъ, подъ державою ихъ живущихъ».

Къ несчастью, актъ этотъ такъ и остался необнародованнымъ. Сентябрьскій коронаціонный манифестъ вовсе не былъ похожъ на первоначальный проектъ неофиціальнаго комитета. Вся лучшая часть оказалась выпущенной, что свело текстъ къ нѣсколькимъ громкимъ, но пустымъ фразамъ.

Какъ увидимъ ниже, такова была судьба многихъ обѣщаній Александра.

Начала, изложенныя въ проектѣ коронаціоннаго манифеста, можно раздѣлить на двѣ категоріи; одними должны были утверждаться уже существующіе порядки, другія говорили о предполагаемыхъ новыхъ установленіяхъ. По вѣрному замѣчанію Шильдера, судьба этихъ двухъ категорій была діаметрально противуположной [1]); мѣры утвержденія существующихъ порядковъ впослѣдствіи почти всѣ были приняты, новыя же начала такъ и остались проектами, никогда не исполненными. Къ нимъ относились, напр., тѣ статьи манифеста, въ которыхъ говорилось о свободѣ вѣры, мысли и слова, объ усовершенствованіи общаго законодательства, о покровительствѣ торговлѣ и о реформѣ уголовнаго права и судопроизводства. Измѣнившіеся взгляды Императора не дали осуществиться этимъ либеральнымъ предначертаніямъ комитета.

Къ началамъ, утверждавшимъ порядки прежнихъ правительствъ, принадлежало и возстановленіе положеній дворянской и городской Жалованныхъ грамотъ Екатерины, огражденіе права личности, напр., личной безопасности, права свободнаго выѣзда за границу, уничтоженіе конфискаціи имуществъ и многія другія изъ области права уголовнаго и гражданскаго.

Насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ тѣ статьи проекта, которыми должны были быть возстановлены начала Жалованной грамоты 1785 года.

Необходимо обратиться къ исторіи составленія проекта коронаціоннаго манифеста. Какъ указано было выше, написанъ онъ былъ членами неофиціальнаго комитета.

Приступая къ разработкѣ дворянскаго вопроса, нѣкоторые члены комитета высказались за полное возстановленіе, безъ какихъ-либо измѣненій, Жалованной грамоты 1785 года; но большинство членовъ справедливо возстало противъ подобнаго воскрешенія грамоты.

---

[1]) Шильдеръ, в. н. соч., томъ II, стр. 78.

Ими указывалось, что, во-первыхъ, во многихъ своихъ положеніяхъ она значительно устарѣла; практика доказала недостатки и неприменимость нѣкоторыхъ ея началъ; во-вторыхъ, самыя понятія общества начала XIX столѣтія уже были другія; къ законодателю предъявлялись иныя требованія; взгляды, интересы и стремленія дворянскаго общества измѣнились, что дѣлало нецѣлесообразнымъ огульное возстановленіе началъ Екатерининскихъ временъ.

Такъ напр., Новосильцовъ думалъ, что необходимо провести нѣкоторую разницу между дворянами образованными и необразованными; онъ предлагалъ лишить послѣднихъ избирательнаго права или по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, «которые не имѣютъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, а равно тѣхъ, кои сдѣлались недостойными чести присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ жестокимъ обращеніемъ со своими крестьянами». Мысль эта нашла себѣ примѣненіе немного позднѣе; въ разбираемомъ нами манифестѣ Александръ не нашелъ возможнымъ дать ей выраженіе, но впослѣдствіи издалъ спеціальный указъ, лишившій права голоса на дворянскихъ собраніяхъ «лицъ безграмотныхъ и не имѣющихъ понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ» [1]). Трудно сказать, почему государь не пожелалъ говорить объ этомъ въ коронаціонномъ манифестѣ; думается, что ему не хотѣлось раздражать этимъ общества; слишкомъ большая часть дворянъ оказалась бы исключенной такимъ постановленіемъ, что вызвало бы нежелательное недовольство; какъ мы знаемъ, текстъ этого манифеста былъ расчитанъ и на сочувствіе и на необходимый для дальнѣйшихъ преобразованій подъемъ духа общества.

Александръ относился къ привилегированному положенію дворянства весьма несочувственно. Въ первые годы своего

[1]) См. мою статью о предводителѣ дворянства, какъ органѣ сословнаго и земскаго самоуправленія, стр. 107. Мартъ 1902 г. „Журналъ Министерства Юстиціи“.

царствованія это несочувствіе не разъ находило себѣ выраженіе.

При обсужденіи проекта того же манифеста въ засѣданіи неофиціальнаго комитета 15-го іюля 1801 года Государь предложилъ вмѣсто Новосильцовскаго другое дѣленіе; онъ желалъ провести рѣзкую границу между дворянами служащими и приносящими пользу отечеству и тѣми, которые проводили свою жизнь въ своихъ помѣстьяхъ въ праздности; другими словами мнѣніе Александра было направлено къ тому, къ чему клонила сама жизнь. Дворянство все болѣе прикрѣплякъ государственной службѣ; чинъ долженъ былъ окончательно побѣдить породу.

Александръ, впрочемъ, шелъ еще дальше, онъ хотѣлъ вовсе уничтожить сословный строй государства и ввести лишь дѣленіе на классы, совершенное отсутствіе замкнутости которыхъ должно было стереть сословныя привилегіи. Насколько ему удалось провести эти идеи въ жизнь, мы увидимъ ниже [1]).

Только что разобранный обмѣнъ мнѣній нѣкоторыхъ членовъ неофиціальнаго комитета по изслѣдуемымъ вопросамъ даетъ намъ поводъ къ разсмотрѣнію дѣятельности этого комитета въ интересующей насъ области, въ виду того важнаго значенія, которое онъ оказалъ на ходъ отечественной исторіи. Имъ не разъ затронуты были вопросы сословнаго управленія, слѣдствіемъ же преній комитета былъ не одинъ указъ Императора.

Мысль объ учрежденіи такого комитета подалъ гр. Строгановъ; въ запискѣ своей отъ 9-го мая 1801 года [2]) онъ

---

[1]) Ср. Пыпинъ, в. н. соч., стр. 89.

[2]) Записка эта и предшествовавшіе ей переговоры Строганова съ Императоромъ Александромъ изложены у Шильдера въ приложеніи IV ко II тому его труда (стр. 330—348). Изъ этихъ записокъ Строганова можно почерпнуть драгоцѣнныя свѣдѣнія относительно первыхъ шаговъ Александра по пути реформъ, а также довольно вѣрную оцѣнку характера Александра и его понятій о государственномъ управленіи. Результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ, въ которыхъ вылились почти всѣ преобразовательные планы сотрудниковъ Александра, и была записка 9-го мая, а слѣдствіемъ послѣдней учрежденіе неофиціальнаго комитета. См. также Богдановичъ, „Исторія царств. Имп. Александра I“, Спб. 1869 г. томъ I, стр. 132.

изложилъ тѣ причины, которыя по его мнѣнію вызывали необходимость учрежденія негласнаго комитета, для разсмотрѣнія и обсужденія всѣхъ предпринимаемыхъ правительствомъ реформъ и мѣропріятій. Юные сотрудники Александра готовили себя къ преобразованію Россіи; имъ хотѣлось обновить весь строй государства. Понятно, что такія обширныя реформы нуждались во всестороннемъ обсужденіи; негласность же комитета нужна была, дабы не возбуждать преждевременнаго любопытства общества, относительно плановъ и проектовъ еще не обсужденныхъ и не спѣлыхъ [1]). Александръ Павловичъ пошелъ навстрѣчу этому предложенію и отнесся къ нему вполнѣ сочувственно, но по нѣкоторымъ политическимъ соображеніямъ отложилъ немного утвержденіе проекта Строганова относительно учрежденія, какъ онъ самъ называлъ его, этого «комитета общественной безопасности» [2]).

Первое его засѣданіе состоялось лишь 24-го іюня 1801 года, въ составъ же его вошли тѣ самые друзья дѣтства Александра, о которыхъ мы говорили выше, графъ П. А. Строгановъ, Н. Н. Новосильцовъ, князь Адамъ Чарторижскій и графъ В. П. Кочубей. Дѣятельность этого комитета остается не вполнѣ выясненной исторіей; протоколы его засѣданій не велись офиціально, а записывались частнымъ образомъ Строгановымъ; французскій подлинникъ ихъ и по настоящее время еще не обнародованъ, имѣются лишь переводы на русскомъ языкѣ; одинъ изъ нихъ появился въ «Вѣстникѣ Европы», другой же, болѣе полный, приведенъ Богдановичемъ, въ его «Исторіи царствованія Императора Александра I-го» [3]).

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи мы будемъ держаться

---

[1]) Шильдеръ, в. н. соч., томъ II, стр. 24.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

[3]) Богдановичъ. „Исторія царствов. Имп. Аллександра I“, томъ I, приложеніе стр. 38—91.

текста «извлеченій изъ засѣданій неофиціальнаго комитета», напечатаннаго у Богдановича.

Программа работъ комитета была установлена слѣдующая: она была раздѣлена на три части, изученіе состоянія государства въ настоящемъ его видѣ, административныя реформы и составленіе новаго Уложенія. Затѣмъ, въ первомъ засѣданіи рѣшено было первый вопросъ раздѣлить также на три части, на вопросъ «о защитѣ страны съ суши и съ моря», вопросъ «о политическихъ отношеніяхъ ея къ другимъ государствамъ» и на вопросъ «о внутреннемъ состояніи страны, преимущественно въ статистическомъ и административномъ отношеніяхъ». Насъ могутъ интересовать слѣдовательно вторая часть и третій вопросъ первой части. Но первая часть труда, т. е. изученіе дѣйствительнаго состоянія страны, подвигалась впередъ очень медленно и скоро была совсѣмъ заброшена, что впрочемъ вполнѣ понятно; жизнь стала выдвигать такое количество вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія, что членамъ комитета некогда было заниматься изученіемъ положенія государства. Все вниманіе ихъ сосредоточилось на самихъ реформахъ; все время совѣщаній поглощалось обсужденіемъ тѣхъ нововведеній, которыя требовали наискорѣйшаго обнародованія.

Дебаты перваго совѣщанія намъ уже извѣстны; на немъ обсуждался проектъ коронаціоннаго манифеста, тутъ же, какъ припомнимъ, былъ затронутъ вопросъ о раздѣленіи дворянъ на цензовыя категоріи, смотря по образованію или умственному ихъ развитію, раздѣленіе, не нашедшее себѣ впрочемъ прямого осуществленія на практикѣ. Императоръ Александръ во время преній на этомъ засѣданіи лишній разъ высказалъ свое отвращеніе къ сословнымъ привилегіямъ. Засѣданія 1801 года были почти цѣликомъ посвящены обсужденію проекта преобразованія Сената и крестьянскому вопросу, но при разсмотрѣніи послѣдняго на одномъ изъ засѣданій (18-го ноября) былъ затронутъ и дворянскій вопросъ.

Возражая против немедленнаго освобожденія крестьянъ, нѣкоторые члены комитета находили, что такая мѣра могла бы послужить причиной возникновенія серьезнаго недовольства въ государствѣ. Вотъ это-то мнѣніе и дало поводъ графу Строганову коснуться вопроса о положеніи дворянства. «Чье недовольство было опасно государству, спрашиваетъ Строгановъ, да и кто вообще могъ быть недоволенъ реформой крестьянскаго вопроса?» Дворянство по его мнѣнію не могло идти въ расчетъ, опасно было только недовольство тѣхъ 9 милліоновъ рабовъ, которые всѣ жаждутъ свободы, стремятся къ признанію ихъ также людьми, а не вещами, къ утвержденію за ними правъ личности. Дворянство не было опасно государству; среди него не могло и возникнуть недовольства, а если бы и возникло, то не было опасно; положеніе этого сословія было слишкомъ зависимо, слишкомъ много у правительства было способовъ его притѣснить и оказать необходимое давленіе.

Все дворянство Строгановъ раздѣляетъ на двѣ категоріи, одна изъ нихъ — дворянство помѣстное, живущее въ своихъ деревняхъ, другая—дворянство служащее. Первое составляетъ вредный элементъ государства; не получивъ никакого образованія, не имѣя никакихъ интересовъ, кромѣ удовлетворенія своихъ ближайшихъ потребностей, дворяне этой категоріи живутъ на счетъ производительныхъ силъ другихъ классовъ населенія, не принося государству ни малѣйшей пользы; они представляютъ собою по словамъ Строганова «сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу — наиболѣе тупое». Къ несчастью, намъ остается только вполнѣ присоединиться къ взглядамъ Строганова; помѣстное дворянство тонуло въ грубости и невѣжествѣ. Лучи просвѣщенія проникали въ провинцію только исключеніями.

Вторая группа дворянства служащаго не была опасна государству; недовольство здѣсь, по вѣрному замѣчанію Строганова, было невозможно. Оно слишкомъ зависѣло отъ правительства. Лучшая его часть не оказала бы сопротивленія,

такъ какъ освобожденіе крестьянъ могло быть ею только привѣтствуемо, большая же часть «къ несчастью ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служитъ, плутуя, но не сопротивляясь»; такіе люди, равнодушные къ общественному благу, не въ состояніи противодѣйствовать правительственной политикѣ. Строгановъ совершенно вѣрно опредѣляетъ отношеніе дворянства къ своимъ сословнымъ интересамъ. «Всякая мѣра, говоритъ онъ, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностью и *именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія*» [1]). Предшествовавшее изложеніе подтверждаетъ справедливость этихъ словъ. Исторія дворянскаго сословія показываетъ намъ все растущее влеченіе дворянства къ службѣ; чѣмъ болѣе оно прикрѣплялось къ службѣ, тѣмъ меньше тяготѣло къ сословнымъ интересамъ. Оба предшествовавшія царствованія много тому способствовали; интересы дворянства, какъ мы видѣли, все болѣе сосредоточивались въ столицахъ около правительства и мимолетныя мѣры послѣдняго, направленныя къ созданію корпоративныхъ интересовъ и самостоятельнаго сословнаго управленія, были большею частью безуспѣшны.

Мнѣніе графа Строганова весьма цѣнно для насъ, такъ какъ показываетъ насколько вѣрно понимали юные сотрудники Александра недостатки современнаго имъ общественнаго строя; дворянство, его жизнь и стремленія были охарактеризованы въ цитированномъ мнѣніи Строганова безусловно правильно и безпристрастно; въ послѣдующемъ изложеніи намъ не разъ придется указывать на это все растущее отвращеніе дворянства отъ своихъ собственныхъ сословныхъ интересовъ, главной причиной чему служилъ все тотъ же всесильный чинъ.

Слѣдующее засѣданіе, въ которомъ рѣчь шла о дворянствѣ,

---

[1]) Богдановичъ, в. назв. соч., томъ I, приложеніе, стр. 51—52.

состоялось 6-го января 1802 [1]); въ немъ по предложенію Александра обсуждалась записка Державина о преобразованіи герольдіи. По предложенію автора записки, герольдія должна была состоять лишь изъ выборныхъ отъ дворянства членовъ, включая и сенаторовъ. Для производства такихъ выборовъ дворянство должно было собираться поуѣздно, при чемъ дворяне первыхъ восьми классовъ избирали кандидатовъ на мѣста первыхъ четырехъ классовъ; сенаторы должны были назначаться правительствомъ изъ числа такихъ кандидатовъ; прочіе чины герольдіи избирались на обыкновенныхъ дворянскихъ собраніяхъ. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, комитетъ нашелъ, что лица первыхъ четырехъ классовъ недостаточно извѣстны провинціальнымъ избирателямъ; въ Имперіи ихъ было слишкомъ много; выборы привели бы къ избранію такого значительнаго количества кандидатовъ, что у правительства фактически оставалось бы попрежнему совершенно произвольное право назначать кого ему угодно.

Второе соображеніе было еще болѣе вѣско. Дворянскіе выборы за послѣднее десятилѣтіе были въ слишкомъ большой зависимости отъ мѣстной правительственной власти, въ частности отъ власти губернаторовъ; при существовавшемъ положеніи вещей свободный выборъ былъ почти невозможенъ, а при такой власти правительства выборное начало теряло всякій смыслъ. Комитетъ совершенно вѣрно замѣтилъ Державину, что подобныя мѣры «въ Россіи были еще несвоевременными», съ чѣмъ согласился и самъ Александръ, отклонивъ вовсе этотъ проектъ.

Здѣсь опять-таки необходимо отмѣтить ту вѣрную точку зрѣнія, которую приняли дѣятели начала царствованія Императора Александра по отношенію къ организаціи дворянскаго сословнаго управленія. Первою несомнѣнно должна была быть возстановлена самостоятельность этого управленія; необходимо было принять всѣ мѣры къ ограниченію власти правитель-

---

[1]) Богдановичъ, тамъ же, стр. 60.

ственныхъ органовъ въ этой области, а затѣмъ уже можно было приступить и къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ. Но, какъ увидимъ ниже, сотрудникамъ Александра этого не удалось сдѣлать, чему причиной было отвлеченіе ихъ вниманія болѣе настоятельными нуждами государственнаго управленія; вопросъ сословнаго управленія справедливо считался ими второстепеннымъ; покуда само дворянство не ощущало достаточной потребности въ самостоятельномъ сословномъ управленіи, покуда корпоративные интересы его были довольно незначительны, забота правительства объ организаціи этой области была второстепенною. Не въ организаціи сословнаго управленія лежалъ центръ тяжести, а во взглядѣ самого дворянства на службу. Вопросъ о реформѣ герольдіи поднимался еще разъ въ неофиціальномъ комитетѣ, именно въ засѣданіи 17-го марта 1802 года [1]). Но на этотъ разъ проектъ по повелѣнію Государя даже не обсуждался. Александръ справедливо указалъ комитету, что такой проектъ долженъ быть предварительно согласованъ съ новымъ учрежденіемъ министерствъ. Съ общаго согласія обсужденіе проекта преобразованія герольдіи было отложено на позднѣйшее время, но уже въ программу совѣщаній проектъ этотъ болѣе не включался.

Просматривая далѣе записки Строганова, мы видимъ, что въ одномъ изъ своихъ засѣданій комитетъ коснулся вопроса о положеніи органовъ дворянскаго сословнаго управленія. 12-го марта имъ обсуждалась записка графа Воронцова, составленная по поводу проекта учрежденія министерствъ.

Въ виду важности вопроса комитетъ счелъ нужнымъ отдать проектъ учрежденія министерствъ на разсмотрѣніе этого стараго и опытнаго государственнаго дѣятеля. Въ упомянутомъ засѣданіи читалась та часть записки Воронцова, которая ка-

---

[1]) Богдановичъ, в. н. с., стр. 70. Содержаніе этого проекта намъ не удалось разыскать. Извѣстно только одно изъ его положеній, что должностныя лица герольдіи должны были быть всѣ выборныя отъ дворянства.

салась взаимоотношеній мѣстной администраціи и централь-ныхъ учрежденій министерствъ [1]).

Въ проектѣ была выражена мысль, что предводители дворянства должны были «относиться къ нему (министру внутреннихъ дѣлъ) по всѣмъ дѣламъ своихъ обязанностей». Воронцовъ вѣрно возражалъ, что подобное положеніе дѣла затруднило бы напрасно работу министерства, загромоздивъ дѣлопроизводство рѣшеніемъ слишкомъ незначительныхъ вопросовъ, имѣющихъ лишь мѣстный характеръ, и нисколько не помогло бы провинціи; проектъ по его мнѣнію проводилъ слишкомъ большую централизацію. Авторъ записки справедливо полагалъ, что дѣла сословнаго управленія, представителями котораго были предводители, должны были непремѣнно рѣшаться на мѣстѣ же, иначе управленіе это потеряло бы окончательно свою самостоятельность. Исключеніе могли составлять дѣла, наиболѣе важныя и касающіяся общихъ правительственныхъ вопросовъ и всего благосостоянія государства.

Мнѣніе Воронцова было принято комитетомъ во вниманіе; предводители дворянства по проекту учрежденія министерствъ получили бо̀льшую самостоятельность, чѣмъ то предполагалось первоначально. Здѣсь можно отмѣтить одно обстоятельство. Подобное рѣшеніе вопроса намъ кажется навязывалось само собой, если серьезнѣе вдуматься въ положеніе дворянскаго сословнаго управленія; послѣднее имѣло смыслъ лишь при полной независимости отъ центральной власти. Между тѣмъ, какъ видно изъ изложеннаго, комитетъ не оградилъ въ достаточной мѣрѣ такую его независимость. Съ другой стороны мы знаемъ, что члены комитета въ принципѣ не только ничего не имѣли противъ самостоятельнаго сословнаго управленія, но относились къ нему вполнѣ сочувственно.

Дѣло, стало быть, сводилось къ недосмотру, къ недостаточно точной обработкѣ проекта учрежденія министерствъ.

---

[1]) Богдановичъ, тамъ же, стр. 85.

Этотъ недостатокъ работъ комитета былъ отмѣченъ не разъ въ нашей исторической литературѣ; на него не преминули указать также и враги молодыхъ людей, окружавшихъ Александра, говоримъ про Екатерининскихъ дѣятелей, которые съ Державинымъ во главѣ старались всѣми силами забросать грязью членовъ неофиціальнаго комитета.

Мы не беремся винить молодежь въ такомъ поверхностномъ отношеніи къ дѣлу; на нихъ лежало слишкомъ большое количество работы; жизнь же выставляла слишкомъ большую массу вопросовъ, требовавшихъ полнаго вниманія, нуждавшихся въ немедленномъ разрѣшеніи.

На 1802 году обрываются записки графа Строганова; комитетъ еще засѣдалъ въ 1803 году, но уже значительно рѣже; другія занятія и въ особенности затрудненія, возникшія во внѣшней политикѣ, отвлекли вниманіе Государя, члены же комитета были такъ обременены текущими дѣлами (каждый изъ нихъ стоялъ во главѣ отдѣльной отрасли управленія), что не имѣли времени собираться попрежнему; впрочемъ при отсутствіи Государя изъ комитета, значеніе его скоро пало. Послѣднее именно и заключалось въ личномъ присутствіи Александра и въ участіи его въ преніяхъ, выяснявшихъ главнѣйшіе вопросы государственной политики.

Въ концѣ 1803 года дѣятельность неофиціальнаго комитета прекратилась совершенно. Многія его работы были распредѣлены по министерствамъ, нѣкоторыя поручены отдѣльнымъ лицамъ, главнѣйшая же его задача — составленіе новаго Уложенія, отошла къ законодательной коммисіи.

О столь раннемъ прекращеніи работъ неофиціальнаго комитета можно только пожалѣть. Изученіе его журналовъ показало намъ, насколько вѣрно понимались его членами положеніе и стремленія современнаго имъ общества. Дворянскій вопросъ, между прочимъ, получилъ весьма вѣрное освѣщеніе. Но изъ обширныхъ замысловъ молодыхъ сподвижниковъ Александра лишь малая доля осуществилась на практикѣ.

III.

Переходимъ теперь къ изученію законодательныхъ актовъ перваго періода царствованія Императора Александра; нашею системой, какъ и прежде, будетъ разсмотрѣніе, во-первыхъ, отдѣльныхъ мѣръ правительства, его указовъ и распоряженій, а, во-вторыхъ, тѣхъ общихъ результатовъ, къ которымъ привело законодательство этого періода.

Мы видѣли выше, что Императоръ Александръ I сразу по восшествіи на престолъ началъ осуществлять свои преобразовательные планы. Въ первые мѣсяцы его царствованія изданъ былъ цѣлый рядъ узаконеній, въ корнѣ измѣнявшихъ направленіе правительственной политики.

Одной изъ первыхъ мѣръ было возстановленіе началъ дворянской грамоты 1785 года. Возвращаясь въ вопросѣ сословной организаціи къ началамъ своей бабки, Александръ открыто высказалъ свое несочувствіе имъ; возстановленіе Жалованной грамоты было лишь данью, которую юный Императоръ платилъ общественному мнѣнію. Дворянство было слишкомъ угнетено, слишкомъ принижено политикой Павла I; ему во что бы то ни стало надо было дать какое-нибудь удовлетвореніе. Вполнѣ сознавая такое положеніе вещей, своимъ друзьямъ Александръ все-таки выражалъ свое недовольство; по его понятіямъ, сословная привилегированность не была желательна; всѣ классы населенія должны были имѣть равное положеніе; выдвигать людей могли только личныя ихъ заслуги; мы видимъ здѣсь примѣненіе началъ философіи XVIII вѣка. Не надо забывать, что неоспоримыя для насъ истины въ тѣ времена исповѣдывались лишь самыми передовыми и просвѣщенными представителями общества.

Въ этихъ взглядахъ Александра его величайшая заслуга. Онъ настаивалъ на важности выясненія «правъ гражданина», на предоставленіи каждому подданному неограниченной свободы дѣлать все, «что не можетъ быть вредно для прочихъ» [1])

[1]) Ср. Шильдеръ, в. н. соч., томъ II, стр. 24.

подобныя мысли не могли не оживить интеллигентной части общества, не могли пройти безслѣдно; онѣ дали новый толчокъ общественной жизни.

Идеалы Александра не могли примириться съ началами сословности, а между тѣмъ Жалованная грамота 1785 года была построена именно на нихъ; отсюда понятны его слова, что онъ возстановляетъ грамоту противъ своего желанія, отдавая тѣмъ лишь дань времени.

2-го апрѣля 1801 года былъ изданъ манифестъ «о возстановленіи Жалованной дворянству грамоты» [1]), въ которомъ излагались причины существованія въ государствахъ привилегированныхъ сословій, признаніе ихъ правъ въ Россіи законодательствомъ Екатерины Великой и торжественное обѣщаніе утвердить и оградить на будущее время «въ справедливости, святости и неприкосновенности преимущества дворянства».

Манифестъ довольно подробно останавливался на историческомъ происхожденіи привилегированности, какъ награды за заслуги предковъ; дворянство, говоритъ манифестъ, «шествуя безпреткновенно въ путяхъ чести и истиннаго просвѣщенія, покрыло себя славою вездѣ, гдѣ велѣнія его монарховъ и государственныя пользы отверзали поле его дѣйствію». Всѣ предки Наши, читаемъ далѣе, а въ особенности возлюбленная бабка Наша Императрица Екатерина II, высоко цѣнили заслуги дворянства и отличали его предъ прочими сословіями. Въ заключеніе манифестъ призываетъ дворянство къ усердной помощи правительству, направившему всѣ свои силы къ возведенію «Россіи на ту степень силы и блаженства, къ коему Всевышній ее предуставилъ». Только въ этихъ послѣднихъ словахъ выразилось пожеланіе самого Александра; первая часть текста не соотвѣтствовала его идеаламъ.

Воспитанный высокопросвѣщеннымъ швейцарцемъ Лагарпомъ, окруженный столь же просвѣщенными сотрудниками,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19810.

Александръ не могъ не чувствовать того страшнаго противорѣчія, которое заключалось въ словахъ манифеста съ дѣйствительной жизнью; заслуги предковъ, по не разъ высказываемому самимъ имъ мнѣнію, не могли выдвигать и ставить въ особое положеніе потомство, безъ нарушенія началъ справедливости; личныя заслуги отходили на второй планъ; между тѣмъ именно эти послѣднія болѣе всего цѣнились имъ.

На основаніи этого манифеста, Сенату было предписано составить докладъ объ изданныхъ за послѣднее время законоположеніяхъ, противорѣчащихъ началамъ дворянской грамоты; ему предоставлено было согласовать ихъ съ грамотой, возстановивъ всѣ прежде дарованныя дворянству права и преимущества.

5-го мая послѣдовало Высочайшее утвержденіе доклада Сената по этому вопросу [1]. Докладъ состоялъ изъ восьми пунктовъ, въ которыхъ Сенатъ изложилъ свои соображенія о возстановленіи восьми положеній грамоты 1785 года, отмѣненныхъ въ царствованіе Императора Павла I.

Первой, конечно, была возстановлена тѣлесная неприкосновенность дворянскаго сословія; торговая казнь была слишкомъ несовременнымъ явленіемъ. Въ тѣ времена, когда уже слышались голоса за проведеніе начала: «тѣлесное наказаніе да не коснется» русскаго человѣка, примѣненіе его къ «благородному» было слишкомъ позорно! Во второмъ и третьемъ пунктѣ возстановлялись права дворянства по государственной службѣ. Какъ указывалось нами въ своемъ мѣстѣ, Павелъ запретилъ дворянамъ поступать на службу безъ особаго разрѣшенія Сената или Высочайшей Власти; лишеніе дворянства этого права имѣло нѣкоторыя дурныя послѣдствія; хотя возстановленіе его и должно было снова сильно увеличить при-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19856. 5-го мая 1801 г.

Докладъ Сената цитируется у Шторха, но безъ комментаріевъ. H. Storch, Russland unter Alexander dem Ersten. S.-Peterburg u. Leipzig 1805. B. 7, VII, S. 262—267. Трудъ этотъ, могущій служить хорошей справочной книгой первыхъ годовъ царствованія Александра I, не даетъ однако почти никакого критическаго матеріала.

токъ дворянства на государственную службу, лишая провинцію значительной части болѣе культурнаго общества, съ другой стороны оно имѣло и хорошія стороны. Поступая на службу въ юные годы и проходя ее «отъ первыхъ степеней канцелярскихъ свѣдѣній и способности въ дѣлахъ», дворяне лучше подготовлялись къ государственной дѣятельности. Но дурныя стороны этого направленія получили впослѣдствіи перевѣсъ; упомянутыя соображенія Сената, впрочемъ, заключали въ себѣ извѣстную долю правды.

Близко соприкасающимся къ этому былъ вопросъ о правѣ дворянъ по собственному усмотрѣнію выбирать себѣ родъ службы или даже вовсе отъ нея отказываться.

Павелъ, имѣя совершенно особый взглядъ на государственную службу, всѣми силами затруднялъ переходъ отъ одного рода службы къ другому, а во многихъ случаяхъ даже и вовсе запрещалъ его; такъ наприм., отставнымъ военнымъ была закрыта гражданская служба; о неслужащихъ дворянахъ Павелъ отзывался всегда очень неодобрительно. Эти взгляды нарушали одно изъ коренныхъ правъ дворянскаго сословія, дарованное ему еще манифестомъ 1762 года, согласно которому всякій дворянинъ былъ воленъ служить или не служить и равно выбирать себѣ родъ службы. Мы видѣли выше, что дворяне не особенно цѣнили это право покуда оно у нихъ было; большинство дворянъ продолжало посвящать всю свою жизнь государственной службѣ; но лишившись этой привилегіи, дворянство почувствовало его цѣну. Жизнь даетъ намъ тысячу подобныхъ примѣровъ подтвержденія пословицы, «что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ». Впослѣдствіи мы увидимъ, что дворянство опять совершенно забыло о своемъ правѣ «не служить» или во всякомъ случаѣ не пользовалось имъ. Въ эти же годы оно громко взывало къ правительству, жалуясь на тяжести службы и прося предоставленія ему прежней свободы. Сенатъ въ докладѣ своемъ просилъ о подтвержденіи права дворянъ не служить и разрѣшенія свободно избирать родъ службы.

Далѣе, докладъ Сената переходитъ къ разсмотрѣнію вопросовъ дворянскаго сословнаго управленія. Пунктъ четвертый говоритъ о возстановленіи губернскихъ дворянскихъ собраній, отмѣненныхъ Павломъ. Для правильнаго развитія сословнаго управленія губернскія собранія имѣли большое значеніе; къ тому же отмѣна ихъ не вызывалась никакими опредѣленными соображеніями, развѣ только боязнью правительства протестовъ противъ злоупотребленій его органовъ. Губернскія собранія давали сословному управленію бо̀льшее объединеніе, предоставляя возможность дворянамъ обсуждать общіе вопросы, касающіеся интересовъ всего сословія; уѣздъ былъ для этой цѣли слишкомъ малой единицей; мѣра эта должна была поднять, несомнѣнно, значеніе сословнаго управленія.

Постановленія, касающіяся уѣздныхъ собраній, остались безъ измѣненій.

Затѣмъ должны были быть отмѣнены строгія наказанія, положенныя Павломъ для тѣхъ дворянъ, которые уклонялись отъ выборной службы. Вмѣсто насильственнаго отправленія къ мѣсту служенія, преданія суду и надзору полиціи, Сенатомъ предполагалось лишать уклоняющихся мѣста, а поступокъ ихъ представлять на усмотрѣніе дворянскихъ собраній, ихъ избравшихъ. Такое рѣшеніе вопроса объяснялось гуманнымъ направленіемъ того времени и вполнѣ соотвѣтствовало либерализму правительственной политики, но врядъ ли оправдывалось фактической обстановкой дѣла. Насильственное принужденіе къ несенію выборной службы въ томъ видѣ, какъ его практиковало Павловское правительство, не могло конечно принести пользы, но предоставленіе вопроса рѣшенію дворянскихъ собраній также нисколько не помогало дѣлу.

Какъ увидимъ ниже, правительство впослѣдствіи само убѣдилось въ безуспѣшности подобныхъ мѣръ. Съ теченіемъ времени дворянство стало все больше уклоняться отъ выборной службы, не предоставлявшей ему желанныхъ выгодъ; «отлыниваніе» дворянства стало общимъ явленіемъ; оно было для

сословнаго управленія пагубно, но правительство оказалось безсильнымъ бороться съ нимъ. Мѣры противъ уклоняющихся отъ выборной службы дворянъ становились все строже, нисколько не помогая положенію вещей.

Пунктъ пятый доклада Сената вполнѣ оправдывался теченіемъ политики и направленіемъ общественнаго мнѣнія, но въ жизни оказался несоотвѣтствующимъ требованіямъ и обстановкѣ дѣла; постановленіе это было разсчитано на такое положеніе дворянскаго сословнаго управленія, которое, къ несчастью, оно никогда не заняло въ исторіи дореформенной Россіи. Только реформы Александра II нѣсколько измѣнили дѣло.

Пунктъ шестой говоритъ объ очень важномъ правѣ дворянскаго сословія, подавать коллективныя ходатайства правительству и Верховной Власти.

Отмѣненное Павломъ еще въ 1797 году, это право было весьма существенно для развитія сословнаго управленія; благодаря ему, главнымъ образомъ, могли доходить до правительства заявленія о нуждахъ сословія, о тѣхъ интересахъ и стремленіяхъ, которые требовали удовлетворенія, о тѣхъ сторонахъ сословнаго управленія наконецъ, которыя требовали измѣненія законоположеній и новаго приспособленія къ мѣняющимся условіямъ жизни. Дворянству Сенатъ предполагалъ разрѣшить, попрежнему подавать правительству «прошенія за многими подписями», «по собственнымъ ихъ дѣламъ, не одному, а многимъ лицамъ принадлежащимъ... предоставляя однакожь свободу и чрезъ одного повѣреннаго приносить прошенія сего рода».

Наконецъ седьмой и восьмой пункты говорятъ о порядкѣ доказательства дворянскаго происхожденія и способѣ веденія родословныхъ книгъ. Павелъ, какъ припомнимъ, сосредоточилъ все это дѣло въ герольдіи и не разрѣшалъ утвержденія дворянства безъ особаго на то указа. Сенатъ поспѣшилъ возстановить прежній порядокъ, при которомъ веденіе дворянскихъ родословныхъ книгъ, равно какъ право разсмотрѣ-

нія и утвержденія ходатайствъ лицъ, ищущихъ дворянства, лежало на губернскихъ предводителяхъ и дворянскихъ собраніяхъ. Въ докладѣ справедливо указывалось, что при такихъ дѣлахъ рѣчь обыкновенно шла не о пожалованіи кого-либо дворянствомъ, а лишь о разсмотрѣніи доказательствъ наличности правъ даннаго лица, что несомнѣнно не имѣло ничего общаго съ возведеніемъ въ дворянское достоинство. Лица, искавшія возведенія въ дворянство, должны были обращаться съ подобными ходатайствами въ Сенатъ, который въ свою очередь представлялъ окончательное рѣшеніе вопроса на Высочайшее усмотрѣніе. Въ послѣднемъ случаѣ Сенатомъ не сдѣлано было разницы между ищущими дворянства почетными гражданами, татарскими мурзами, лишенными этого права въ 1798 году однодворцами или «людьми другого состоянія, кои не принадлежатъ къ обществу дворянства». Составленіе герольдіей дворянскаго гербовника должно было происходить по порядку, установленному Павломъ I [1]).

5-го мая докладъ Сената былъ Высочайше утвержденъ, ставъ такимъ образомъ дѣйствующимъ закономъ.

Возстановленіе только что разсмотрѣнныхъ правъ дворянскаго сословнаго управленія способствовало въ значительной мѣрѣ развитію его самостоятельности; оно подняло также его значеніе въ глазахъ помѣстнаго дворянства и оживило интересъ послѣдняго къ вопросамъ сословнымъ. Такой результатъ, хотя и временный и мало повліявшій на дальнѣйшій ходъ исторіи дворянскаго сословія, заслуживаетъ однако полнаго вниманія. Онъ оказалъ дворянству, несмотря на свой временный характеръ, большую услугу.

Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему разбору законодательства перваго періода царствованія Императора Александра I-го.

---

[1]) По Жалованной дворянству грамотѣ родословная дворянская книга раздѣлялась на шесть частей, гербовникъ же Павла всего только на три части.

Намъ придется здѣсь имѣть дѣло съ двумя группами законодательныхъ актовъ; одна касалась положенія предводителей дворянства, какъ органовъ сословныхъ, ихъ взаимныхъ отношеній и нѣкоторыхъ судебныхъ функцій; вторая же возлагала на нихъ участіе въ правительственной администраціи.

Обратимся сначала къ первой.

Основнымъ началомъ предводительской должности была ея безвозмездность, какъ нами указывалось выше. Правительство съ первыхъ временъ учрежденія этого органа всегда старательно проводило принципъ безвозмездности его службы. Этого же направленія держалось оно и въ царствованіе Александра I-го; практика не разъ вызывала недоразумѣнія, но послѣднія неукоснительно разрѣшались въ сказанномъ смыслѣ. Къ этой области принадлежитъ, напр., указъ 3-го сентября 1801 года [1]). Дворяне Новгородской губерніи рѣшили собирать по 5 копѣекъ съ души «на жалованіе уѣзднымъ дворянскимъ предводителямъ». Постановленіе это было отмѣнено правительствомъ; но надо замѣтить, что указъ въ данномъ случаѣ главную тяжесть кладетъ не на вопросъ о жалованіи, а на производство «незаконныхъ поборовъ» [2]), хотя и первый фактъ признанъ былъ также противузаконнымъ.

Опредѣленіе предводителямъ жалованья несомнѣнно измѣнило бы въ корнѣ основной характеръ этой должности. Сознавая это, правительство всегда строго преслѣдовало всякіе виды вознагражденія предводителей.

Другимъ примѣромъ этого же направленія правительственной политики можетъ служить указъ 30-го мая 1804 г. [3]), запретившій выдавать предводителямъ дворянства прогонныя деньги при поѣздкахъ ихъ по уѣздамъ и въ губернскій го-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 19999.

[2]) Ср. въ особ. съ опредѣленіемъ Правит. Сената, изданнымъ по этому поводу.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 21311.

родъ для присутствованія при рекрутскихъ наборахъ; министръ финансовъ въ представленіи своемъ Сенату вполнѣ правильно полагалъ, что подобныя поѣздки предводителей по дѣламъ рекрутскаго набора входили въ прямой кругъ ихъ обязанностей и не могли вызывать слѣдовательно надобности въ особыхъ расходовъ со стороны государственнаго казначейства; иначе, какъ писалъ министръ финансовъ, графъ Васильевъ, «надлежало бы выдавать прогоны и капитанъ-исправнику, при всякой его въ уѣздъ по его обязанности отлучкѣ». Сенатъ развилъ эту точку зрѣнія; въ постановленіи своемъ онъ прибавилъ, что и по духу предводительской службы не полагалось имъ какого-либо вознагражденія, такъ какъ значеніе «поста сего (предводительскаго) одно уваженіе къ довѣренности, дѣлаемой имъ отъ цѣлаго дворянскаго корпуса, и изъ усердія къ обществу». Сенатъ такимъ образомъ не преминулъ воспользоваться случаемъ, представившимся ему въ настоящемъ дѣлѣ, чтобы лишній разъ подчеркнуть безвозмездный характеръ предводительской службы. Подобные случаи впрочемъ представлялись на практикѣ довольно рѣдко, и правительству не часто приходилось напоминать дворянству о принципѣ безвозмездности; послѣдній довольно строго проводился самимъ дворянствомъ.

Не разъ возникалъ въ практикѣ дворянскаго сословнаго управленія другой вопросъ—объ отношеніяхъ уѣздныхъ предводителей къ губернскимъ. Законъ не опредѣлилъ точно ихъ взаимоотношеній; губернскіе предводители по положенію своему стояли выше уѣздныхъ, но законодательство не установило іерархической подчиненности; наоборотъ правительство всегда отстаивало самостоятельность уѣздныхъ предводителей и не позволяло губернскимъ относиться къ нимъ какъ къ подчиненнымъ себѣ органамъ. Но неопредѣленность закона вызывала весьма вредныя послѣдствія. Исторія показываетъ намъ, что губернскіе предводители зачастую старались стать по отношенію къ предводителямъ уѣзднымъ въ начальническое положеніе. Правительству приходилось довольно

часто вмѣшиваться въ такія дѣла, о чемъ свидѣтельствуетъ не одинъ указъ.

Такъ 28-го іюня 1808 года [1]) Сенатъ издалъ указъ, запрещавшій губернскимъ предводителямъ принимать жалобы отъ дворянъ на уѣздныхъ предводителей и ставить себя въ положеніе начальства надъ послѣдними. Поводомъ послужили дѣйствія Смоленскаго губернскаго предводителя дворянства Лесли, принимавшаго жалобы на предводителей уѣздныхъ и устроившаго третейское разбирательство надъ дѣйствіями одного предводителя; Сенатъ постановилъ — объявить чрезъ губернское правленіе губернскому предводителю дворянства, что онъ не имѣетъ права принимать жалобы «отъ дворянъ другъ на друга, а кольми паче на избраннаго самими ими уѣзднаго предводителя». Если дѣло состояло въ нарушеніи чьего-либо права, то, по справедливому замѣчанію Сената, оно подлежало рѣшенію судебныхъ мѣстъ, въ общемъ порядкѣ, если же рѣчь шла о «порочномъ поступкѣ» или признаніи дворянина недостойнымъ предводительскаго званія, то такое постановленіе могло исходить только отъ дворянскаго собранія, которое одно имѣло право дѣлать подобныя опредѣленія, по большинству голосовъ; при этомъ инціатива дѣла принадлежала опять-таки не губернскому предводителю, а депутатскому собранію; въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ губернскій предводитель, хотя и являлся предсѣдателемъ собранія, однако не имѣлъ никакихъ активныхъ правъ и голосъ его равенъ былъ голосамъ прочихъ членовъ собранія. Если же стороны предпочитали подчиниться рѣшенію третейскаго суда, то избраніе таковаго зависѣло всецѣло отъ дворянскаго собранія; губернскій предводитель и въ этомъ случаѣ не имѣлъ никакихъ преимущественныхъ правъ.

Но несмотря на ясность разбираемаго указа, установившаго полную независимость уѣздныхъ предводителей, несмотря на то, что о какомъ-нибудь подчиненіи губернскому

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 23128.

предводителю уѣздныхъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ послѣдніе обязаны были первымъ «одними токмо свѣдѣніями касательно общаго по губерніи о дворянахъ и о ихъ имѣніи положенія и расположенія, а отвѣтомъ не иначе какъ по особому токмо отъ правительства на губернскаго предводителя возложенію какого-либо разбора» и наконецъ несмотря на распоряженіе Сената объ объявленіи этого указа черезъ губернскія правленія всѣмъ предводителямъ дворянства, подобныя злоупотребленія со стороны губернскихъ предводителей повторялись на практикѣ довольно часто.

Уже черезъ годъ послѣ этого указа (въ 1809 г.) на разрѣшеніе правительства снова поступило аналогичное дѣло. Ярославскій губернскій предводитель дворянства Майковъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ на то, что уѣздные предводители «не имѣютъ должнаго уваженія къ его предписаніямъ и не исполняютъ ихъ, несмотря на двукратное повтореніе» [1]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ разъяснилъ Майкову ошибочность его взглядовъ на положеніе губернскихъ предводителей, сославшись на указъ Сената 1808 года.

Это начало проводилось правительствомъ и въ другихъ случаяхъ, напр., при разрѣшеніи уѣзднымъ предводителямъ брать отпуска и отлучаться безъ испрашиванія на то согласія губернскихъ предводителей.

Въ разобранномъ только что рядѣ постановленій правительства необходимо различать двѣ стороны.

Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ является указъ Сената 1808 года. Онъ говоритъ, во-первыхъ, о правѣ суда губернскихъ предводителей надъ дворянами, во-вторыхъ же, о власти ихъ надъ уѣздными предводителями. Относительно второго положенія вопросъ былъ, какъ мы видѣли, разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ; въ послѣдующей своей дѣятельности правительство никогда не мѣняло своего взгляда

---

[1]) Ср. Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи", стр. 458.

на этотъ предметъ. Уѣздные предводители не были подчинены губернскимъ; такое подчиненіе противорѣчило бы основному характеру ихъ должности. Правительство, какъ увидимъ ниже, всегда успѣшно защищало эту самостоятельность уѣздныхъ предводителей.

Но если второй вопросъ всегда разрѣшался единообразно, то наоборотъ въ отношеніи къ первому мы видимъ значительныя колебанія. Правительство то безусловно запрещало предводителямъ присвоивать себѣ какія-либо судебныя функціи, кромѣ конечно третейскаго разбирательства споровъ, имѣвшихъ чисто мѣстный характеръ, то прямо поручало ихъ вѣдѣнію судебныя разбирательства. Второе даже преобладало; какъ увидимъ ниже, высшее правительство въ лицѣ Сената, Комитета министровъ и даже самого Государя возлагало зачастую на предводителей активное участіе въ разрѣшеніи судебныхъ споровъ, разсмотрѣніи жалобъ и притязаній помѣщиковъ другъ къ другу, равно какъ и къ крестьянамъ. Если губернскіе предводители никогда не пріобрѣли власти надъ уѣздными, то наоборотъ въ данномъ отношеніи, благодаря содѣйствію правительства, за ними утвердилось впослѣдствіи право разбирать споры помѣстныхъ дворянъ и даже нѣкоторая дисциплинарная власть надъ ними. Правда, законодательные акты объ этомъ прямо не говорятъ; даже скорѣе напротивъ, какъ, напр., указъ 1808 года отрицаетъ подобное право предводителей. Но многочисленныя свидѣтельства современниковъ подтверждаютъ намъ противное; за предводителями фактически утвердилась дисциплинарная власть надъ дворянскимъ сословіемъ. Герценъ разсказываетъ намъ про такой случай [1]): предводитель дворянства слѣдилъ по его словамъ за нравственностью дворянъ его уѣзда; случилось, что дворянинъ обезчестилъ дѣвушку, дочь адвоката въ Москвѣ; предводитель дворянства того уѣзда, къ обществу котораго принадлежалъ этотъ дворянинъ, вытребовалъ его къ себѣ и настоялъ

[1]) „Долгъ прежде всего“ Герцена.

на женитьбѣ послѣдняго на обезчещенной. О той же власти предводителей свидѣтельствуютъ намъ Вигель [1]) и многіе другіе. Объясненіе этому можно легко найти въ невѣжественномъ состояніи общества; оно не могло обойтись безъ подобныхъ внѣшнихъ принужденій; предводители, какъ представители дворянства, несли отвѣтственность предъ правительствомъ во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся сословныхъ интересовъ, и не могли не пріобрѣсть такихъ quasi-судебныхъ функцій среди дворянства. Благодаря тому, что они были лучшими, болѣе образованными людьми провинціи, взоры дворянъ поневолѣ обращались именно къ нимъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ; правительство же силою необходимости должно было обращаться иногда къ помощи предводителей, какъ наиболѣе близкихъ къ интересамъ дворянства. Такъ напримѣръ, при разслѣдованіи поступающихъ въ комитетъ министровъ жалобъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ, комитетъ зачастую возлагалъ на губернскихъ предводителей участіе въ веденіи слѣдствія; они являлись въ этихъ случаяхъ естественными защитниками и представителями интересовъ помѣщиковъ.

Судебная компетенція предводителей дворянства такимъ образомъ силою необходимости все развивалась и укрѣплялась. Процессъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что законодательствомъ эти функціи все-таки не были утверждены; существованіе ихъ было чисто фактическое.

Въ послѣдующемъ изложеніи намъ не разъ придется на нихъ указывать.

IV.

Теперь намъ необходимо разсмотрѣть тѣ законодательные акты, которые возлагали на предводителей дворянства участіе въ правительственной администраціи.

---

[1]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, стр. 520. „Русск. Вѣстникъ“ 1864 г. IV. Ср. также протоколъ засѣданія госуд. совѣта отъ 22-го сентября 1802 года и журналы Комитета министровъ: 19-го марта 1809 г. (стр. 267), 11-го августа 1809 г. (стр. 335) и 30-го ноября 1809 г. (стр. 405).

Положеніе, занимаемое предводителями среди прочихъ провинціальныхъ органовъ, оставалось прежнее, установленное еще Учрежденіемъ о губерніяхъ Екатерины Великой; губернскій предводитель имѣлъ въ губерніи первое послѣ губернатора мѣсто, уѣздный же продолжалъ стоять во главѣ уѣздныхъ чиновъ.

Просматривая законодательство этой эпохи, мы видимъ, что на предводителей дворянства возлагались правительствомъ все новыя обязанности въ самыхъ различныхъ отрасляхъ провинціальной администраціи.

9-го сентября 1801 года [1]) изданъ былъ указъ о возстановленіи пяти губерній, упраздненныхъ Павломъ. Учрежденіе этихъ новыхъ губерній потребовало ихъ разграниченія отъ прежнихъ; отмежеваніе земель было возложено на правительственныхъ землемѣровъ, подъ надзоромъ уѣзднаго суда; указъ коснулся и предводителей дворянства; они должны были при производствѣ этихъ дѣлъ присутствовать въ уѣздномъ судѣ на правахъ членовъ; возложеніе на предводителей участія въ межевомъ дѣлѣ, встрѣчаемое нами впервые, оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что правительству въ столь близко затрагивающемъ дворянскіе интересы вопросѣ необходимо было имѣть представителя этого сословія для устраненія могущихъ возникать недоразумѣній.

Предводители дворянства прежде не участвовали въ межевыхъ дѣлахъ; правительство обращалось къ нимъ лишь по тѣмъ вопросамъ, въ которыхъ надо было рѣшить какой-либо споръ помѣщиковъ; указъ же 1801 года создалъ новую функцію; предводитель въ этомъ случаѣ призывался какъ ходатай и защитникъ дворянскихъ интересовъ.

Гораздо болѣе важнымъ представляется участіе предводителя въ разрѣшеніи споровъ между помѣщиками и ихъ крестьянами. Въ этомъ отношеніи въ царствованіе Александра I на долю предводителей выпала огромная роль. Исторія даетъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 20004.

намъ много доказательствъ гуманныхъ стремленій Государя; онъ всѣми силами старался облегчить положеніе крестьянства; многія мѣры, изданныя имъ, были направлены къ ограниченію помѣщичьей власти. Предводители дворянства, будучи съ одной стороны представителями сословныхъ интересовъ, съ другой же органами общей администраціи, должны были неизбѣжно занять видное мѣсто въ такихъ вопросахъ; положеніе ихъ было однако немного двусмысленное; они одновременно должны были являться защитниками помѣщичьихъ правъ, въ интересахъ которыхъ врядъ ли было облегченіе участи крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть представителями правительственной власти, стремившейся ограничить помѣщичій произволъ; выходъ для нихъ былъ одинъ; только благодаря тому, что предводители, какъ наиболѣе просвѣщенные представители общества, какъ лучшій элементъ провинціи, сами понимали все значеніе этой политики правительства, могли они ей способствовать; благодаря своему лучшему образованію, они могли понять, что центръ тяжести вопроса заключался не въ сохраненіи за помѣщиками права жизни и смерти надъ безгласными рабами, а въ возможномъ облегченіи участи послѣднихъ, въ сокращеніи и обузданіи власти дворянства.

Такая мысль, какъ свидѣтельствуютъ намъ современники, была довольно распространена въ тѣ времена [1]); мы находимъ не одного представителя дворянства, громко заявлявшаго о необходимости освобожденія крестьянъ. Благодаря своему положенію, предводители дворянства, повторяемъ, должны были неизбѣжно принять въ этой дѣятельности правительства активное участіе. Такъ, въ сдѣлкахъ между помѣщикомъ и крестьянами предводитель дворянства являлся непремѣннымъ участникомъ.

Сдѣлки между помѣщиками и крестьянами или, какъ они тогда назывались, «условія» должны были совершаться со-

---

[1]) Ср. съ литературой, приведенной Семевскимъ въ его классическомъ трудѣ о крестьянахъ.

гласно установленнымъ закономъ 1803 года [1]) правиламъ. Дѣла эти должны были поступать на Высочайшее имя, черезъ губернскаго предводителя дворянства, на обязанности котораго лежало удостовѣреніе, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сторонами соблюдены были всѣ предписанныя закономъ формальности; губернскій предводитель при замѣченныхъ упущеніяхъ, имѣлъ право вернуть все дѣло уѣздному предводителю для «нужнаго пополненія» (п. 8); если же сдѣлка или условіе совершены были правильно, онъ представлялъ ее на Высочайшее усмотрѣніе, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Роль губернскаго предводителя въ данномъ случаѣ была чисто охранительная; онъ отвѣчалъ лишь за закономѣрное выполненіе всѣхъ требуемыхъ закономъ условій. Гораздо активнѣе была дѣятельность уѣздныхъ предводителей; они участвовали непосредственно въ заключеніи сдѣлокъ; совмѣстно съ земскимъ исправникомъ они обязаны были слѣдить за добровольностью заключенія этихъ условій; подпись предводителя по словамъ указа 21-го февраля (п. 4) свидѣтельствовала о согласіи крестьянъ на сдѣлку, а также о томъ, что согласіе крестьянъ не было вынуждено или подложно. Подобныя дѣла поступали довольно часто на рѣшеніе высшаго правительства; послѣднему приходилось разбирать самыя разнообразныя претензіи помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Можно различить два способа рѣшенія такихъ дѣлъ. Одни восходили по инстанціямъ судебнымъ на утвержденіе Сената и Государственнаго совѣта, другія же — по администраціи на усмотрѣніе Комитета министровъ и Государя. Первый порядокъ носилъ характеръ формальный; судебныя мѣста по своему положенію не могли относиться иначе къ подобнаго рода спорамъ и тяжбамъ, какъ съ чисто формальной точки зрѣнія примѣненія закона. Второй же способъ рѣшенія болѣе считался съ индивидуальной и жизненной обстановкой дѣлъ. Благодаря ему они часто восходили до Государя, который

[1]) Полн. Собр. Зак. указы 20-го и 21-го февраля 1803 г. № 20620 и 20625.

обыкновенно передавалъ ихъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ или, въ болѣе важныхъ случаяхъ, Комитету министровъ. И Комитетъ и министръ почти всегда прибѣгали къ помощи предводителей дворянства [1]), что вполнѣ оправдывалось тѣмъ положеніемъ, которое занимали предводители въ провинціи. Они не разъ помогали правительству въ правильномъ разрѣшеніи возникавшихъ въ этой области вопросовъ. Правительство же могло вполнѣ положиться на отзывъ предводителей; иногда въ наиболѣе важныхъ случаяхъ, когда затрагивались интересы цѣлаго общества, дѣло передавалось на обсужденіе дворянскихъ собраній. Такое положеніе вещей проводило громадную разницу между рѣшеніями министра и Комитета министровъ и постановленіями судебныхъ мѣстъ; въ отличіе отъ послѣднихъ, первыя всегда основывались «на опытѣ и нравственномъ убѣжденіи».

Середонинъ, въ своей исторіи Комитета министровъ, даетъ намъ не одинъ примѣръ участія въ подобныхъ дѣлахъ предводителей дворянства [2]). Комитетъ министровъ поручалъ слѣдствіе по такимъ дѣламъ обыкновенно губернатору и губернскому предводителю дворянства, давая имъ на помощь иногда и другихъ должностныхъ лицъ губернскаго управленія. Иногда слѣдствіе поручалось всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, съ губернскимъ во главѣ, подъ наблюденіемъ губернатора или вице-губернатора; привлеченіе уѣздныхъ предводителей имѣло мѣсто лишь въ болѣе важныхъ дѣлахъ.

Просматривая далѣе тѣ отрасли мѣстнаго управленія, въ которыхъ долженъ былъ принимать участіе предводитель дворянства, упомянемъ попутно объ усовершенствованіи путей сообщенія. Какъ общее правило, заботы такого рода не касались предводителей, но иногда правительство считало нужнымъ привлекать и ихъ къ этому дѣлу; такъ напр., при разсмотрѣніи въ Комитетѣ министровъ жалобы Новгородскаго граж-

---

[1]) Ср. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ составленный С. М. Середонинымъ. Спб. 1902 г. Томъ I, стр. 324.

[2]) Середонинъ, в. назв. соч., томъ I, стр. 330, 350 и др.

данскаго губернатора на плохое состояніе дорогъ и мостовъ въ его губерніи, при чемъ замѣчено было, что передача ихъ во вновь учрежденное вѣдомство путей сообщенія мало помогло ихъ усовершенствованію, Комитетъ министровъ возложилъ заботы объ исправленіи этихъ дорогъ на особый комитетъ, въ составъ котораго включены были и предводители дворянства [1]); это, впрочемъ, можетъ быть объяснено еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что требуемыя для исправленія дорогъ и содержанія ихъ суммы должны были быть собираемы посредствомъ особаго сбора; на предводителяхъ лежала, слѣдовательно, кромѣ заботы объ усовершенствованіи путей сообщенія, и обязанность слѣдить за равномѣрнымъ и справедливымъ разложеніемъ только что упомянутаго сбора.

Несравненно бо́льшее значеніе имѣли обязанности предводителей дворянства, возложенныя на нихъ положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1805 года [2]).

Этимъ положеніемъ впервые въ нашемъ законодательствѣ регулировался вопросъ о земскихъ повинностяхъ, находившійся прежде въ самомъ хаотически-безпорядочномъ состояніи; имъ точно опредѣлено было также понятіе о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ, существовавшихъ и раньше [3]).

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ дѣлѣ предводителямъ дворянства была удѣлена значительная роль. На безпорядки и неблагоустройство дѣла земскихъ повинностей указываютъ вводныя слова новаго положенія; министру внутреннихъ дѣлъ предписано было составить докладъ о тѣхъ способахъ, которые слѣдовало бы примѣнить «для общаго ихъ (земскихъ повинностей) по государству уравненія». Докладъ министра, Высочайше утвержденный, былъ представленъ въ Сенатъ для распубликованія «и приведенія его въ надлежащее дѣйствіе до общаго земскихъ повинностей по государству уравненія». Положеніе это, хотя и названное въ указѣ Сената

[1]) Ср. Середонинъ, в. назв. соч., томъ I, стр. 512.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 21737, 2-го мая 1805 г.
[3]) См. выше, стр. 122.

предварительнымъ, получило впослѣдствіи значеніе постояннаго закона. На немъ основаны были всѣ дальнѣйшія мѣропріятія правительства въ этой области.

Земскія повинности раскладывались на всѣ сословія, въ томъ числѣ и на дворянство; правительство, издавая положеніе 1805 года, озаботилось о представительствѣ въ столь важномъ дѣлѣ интересовъ дворянства. Такъ въ § 10 говорится объ избраніи дворянскими собраніями особыхъ депутатовъ «для учиненія раскладки повинностей». Смѣта раскладокъ разсматривалась и утверждалась дворянскимъ собраніемъ, депутаты же слѣдили за производствомъ сбора (§ 13). По окончаніи года какъ смѣта, утвержденная дворянствомъ, такъ и докладъ депутатовъ о производствѣ сбора должны были быть представлены министру внутреннихъ дѣлъ (§ 18).

Кромѣ только что указанныхъ спеціальныхъ депутатовъ отъ дворянства, въ этомъ дѣлѣ принимали участіе и предводители; они должны были присутствовать при торгахъ «на поставки и починки по исправленію земскихъ потребностей» (§ 20); они являлись также посредствующими органами въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство предполагало произвести какія-нибудь работы хозяйственнымъ способомъ (§ 22); предводители должны были, затѣмъ, слѣдить на мѣстѣ за производствомъ работъ и за «земскими чиновниками», которымъ подобныя работы были непосредственно поручены. При этомъ положеніе указывало и на причину возложенія на предводителей обязанности такого надзора — работы по земскимъ повинностямъ обыкновенно исполнялись помѣщичьими крестьянами и за отвѣтственностью дворянъ (§ 37).

Мы видимъ здѣсь, что интересы дворянства были близко затронуты; вполнѣ понятно, слѣдовательно, что правительство удѣлило дворянскимъ обществамъ обширную долю участія въ этомъ дѣлѣ. Дворянское собраніе имѣло огромное значеніе въ данномъ случаѣ; правительственнымъ органамъ, какъ, напр., губернатору или прокурору, было предоставлено лишь право надзора; вся активная дѣятельность лежала почти исключи-

тельно на дворянствѣ и его представителяхъ. Дворянскія собранія утверждали смѣты земскихъ раскладокъ (§ 13); они же распоряжались оставшимися за минувшее трехлѣтіе суммами (§ 24); дворянскія собранія утверждали, далѣе, доклады депутатовъ «о употребленіи сборовъ» (§ 26). Ближайшее руководство сборами лежало на обязанности депутатовъ, о которыхъ мы говорили выше; они собирались въ особое собраніе и, по утвержденной общимъ дворянскимъ собраніемъ смѣтѣ, распредѣляли сборъ на отдѣльныхъ лицъ, установляя мѣру сбора и порядокъ его взысканія (§ 33). Если же представлялся случай, не терпящій отлагательства, т.-е. долженствовавшій быть рѣшеннымъ до очереднаго дворянскаго собранія, то положеніе разрѣшало помѣстнымъ дворянамъ собраться въ особое «частное» уѣздное собраніе, которому было предоставлено право избранія особыхъ депутатовъ для рѣшенія вопросовъ, возникшихъ по такимъ безотлагательнымъ нуждамъ. Въ число ихъ могли быть избираемы и предводители дворянства (§ 30).

Положеніе о земскихъ повинностяхъ 1805 года, какъ мы уже упомянули, точно опредѣлило понятіе «дворянскихъ складокъ» и установило тѣ начала, которыя должны были отличать складки отъ земскихъ повинностей (§ 41). Вопросу о складкахъ посвященъ шестой отдѣлъ положенія, озаглавленный «о добровольныхъ дворянскихъ складкахъ». Основнымъ признакомъ такихъ складокъ была попрежнему ихъ добровольность; какъ говоритъ положеніе, подъ это понятіе подходятъ тѣ сборы, которые должны были быть «учреждаемы въ собраніяхъ дворянскихъ самимъ дворянствомъ, по собственному подвигу его и по раскладкѣ имъ самимъ установленной на предметы общеполезные» (§ 42), при чемъ подъ словомъ «общеполезные» слѣдуетъ понимать такіе предметы, которые касались дворянскаго сословія, а не всего населенія губерніи.

Изъ этого понятія о дворянскихъ складкахъ, по тексту положенія, исключались слѣдующіе сборы: 1) сборы, установленные «на исправленіе земскихъ повинностей» вообще,

2) пожертвованія «одного или многихъ частныхъ лицъ, на пользу общую приносимыя», не имѣющія слѣд. въ виду чисто сословныхъ интересовъ, и 3) «приношенія, дѣлаемыя дворянствомъ по подпискѣ» (§ 43). Этотъ послѣдній родъ сборовъ вызывалъ на практикѣ большія недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что положеніе 1805 года устанавливаетъ для такихъ «приношеній по подпискѣ» особый признакъ отсутствія принудительнаго участія въ приношеніяхъ даже тѣхъ лицъ, которыя высказывались въ ихъ пользу на дворянскихъ собраніяхъ; здѣсь имѣютъ значеніе слова «по подпискѣ»; только послѣдняя, т.-е. добровольная подпись даннаго лица, обязывала его уплатить извѣстную сумму; подпись эта не могла быть вынуждаема; въ этомъ лежитъ и различіе отъ складокъ, такъ какъ участіе въ послѣднихъ могло быть принудительное, посредствомъ постановленія большинства голосовъ, покрывавшихъ несогласіе меньшинства. Такое тонкое различіе этихъ понятій не могло не вызывать очень частыхъ недоразумѣній; дворяне зачастую принуждались къ участію въ такихъ подпискахъ, не носившихъ характера складокъ, какъ дворянскими собраніями, такъ и правительственными органами; губернаторы оказывали довольно часто давленіе на отдѣльныхъ лицъ, заставляя ихъ участвовать въ подпискахъ, къ которымъ по закону они вовсе не обязаны были примыкать [1]).

Дворянскія складки, впервые установленныя резолюціями 1778 года и затѣмъ болѣе точно опредѣленныя Жалованной грамотой (§ 54), составлялись постановленіемъ дворянскаго собранія; въ этомъ отношеніи законъ 1805 года сохранилъ прежній порядокъ (§ 44). Имъ былъ только болѣе точно описанъ способъ учрежденія складокъ. Инціатива въ этомъ дѣлѣ была предоставлена губернскому предводителю дворянства, съ предварительнаго согласія губернатора; губернскій предводи-

[1]) Бо́льшая ясность въ разграниченіи этихъ двухъ родовъ сборовъ (складокъ и сборовъ по подпискѣ) была установлена лишь закономъ 1831 года, разграничившимъ эти два понятія. Ср. Романовичъ „Дворянство въ Россіи“, стр. 430.

тель разсылалъ дворянамъ своей губерніи повѣстки, въ которыхъ должны были быть подробно объяснены мотивы учрежденія складки. Въ виду того, что по постановленію дворянскаго собранія складка могла получить принудительную силу, дворянамъ предоставлялось право передавать свой голосъ по довѣренности, при невозможности личнаго участія въ дворянскомъ собраніи (§ 45).

Принудительный характеръ такого постановленія дворянскаго собранія ясно былъ выраженъ въ § 46, въ которомъ говорится, что неявившіеся на собраніе дворяне «должны повиноваться опредѣленію онаго, большинствомъ голосовъ принятому». Такимъ образомъ здѣсь заключается второй признакъ понятія дворянской складки: добровольность ея должна быть понимаема какъ отсутствіе принужденія со стороны правительства; принудительный характеръ придавался складкѣ постановленіемъ дворянскаго собранія, что и отличало ее отъ добровольной подписки.

При такихъ постановленіяхъ дворянскихъ собраній требовалось обыкновенное большинство, т. е. 2/3 голосовъ, считая въ томъ числѣ присутствующихъ лично и голосующихъ по довѣренностямъ (§ 47) [1]); одно лицо могло слѣдовательно имѣть нѣсколько голосовъ. Положеніе предоставляло дворянскимъ собраніямъ извѣстную принудительную власть. Уклоняющихся отъ уплаты установленныхъ по складкѣ сборовъ собраніе могло удалять впредь отъ присутствованія въ со-

---

[1]) При разсмотрѣніи положенія 1805 г. въ Государственномъ совѣтѣ, графъ Н. П. Румянцевъ подалъ особое мнѣніе по этому вопросу; онъ находилъ, что простое большинство въ данномъ случаѣ недостаточно для принужденія къ новому сбору дворянъ губерніи. Графъ думалъ установить особый цензъ для участія дворянъ въ рѣшеніи вопроса о складкахъ; цензъ предлагался въ 500 душъ крѣпостныхъ, а для мелкопомѣстныхъ право соединяться съ такимъ расчетомъ, чтобы всякая группа мелкопомѣстныхъ дворянъ, имѣющая въ общемъ — 500 душъ, получала бы также одинъ голосъ. Мнѣніе это было отклонено совѣтомъ. См. Архивъ Госуд. совѣта т. III, ч. I, ст. 682, также Середонинъ, в. н. соч., томъ I, стр., 269, и Щегловъ, в. н. с., стр. 275.

браніяхъ дворянства «яко нехотящихъ участвовать въ общемъ дѣлѣ дворянства» (§ 49). Подобное положеніе вполнѣ понятно; правительство не желало допускать вмѣшательства въ эти дѣла своихъ органовъ, ограждая «добровольность» складокъ въ выше приведенномъ смыслѣ; для правильнаго исполненія такихъ постановленій дворянскихъ собраній, надо было предоставить послѣднимъ возможность осуществлять ихъ при необходимости посредствомъ принужденія [1]).

Самая раскладка подобнаго рода сборовъ производилась по расчету числа крѣпостныхъ душъ, при отсутствіи же таковыхъ, по расчету доходности имущества дворянъ (§ 50). Общій же надзоръ за этими постановленіями дворянскихъ собраній, т. е. за законностью цѣли складки, лежалъ на начальникѣ губерніи, обязанномъ доносить о складкахъ и цѣли ихъ установленія министру внутреннихъ дѣлъ общимъ порядкомъ (§ 51) [2]).

Этимъ исчерпываются постановленія новаго положенія 1805 года. Оно ввело въ нашу провинціальную жизнь слѣдующее новое начало—участіе дворянскихъ собраній и предводителей дворянства въ составленіи смѣтъ и раскладкѣ земскихъ повинностей и одновременно точно установило понятіе и порядокъ составленія дворянскихъ складокъ.

Дѣло земскихъ повинностей близко соприкасалось съ вопросомъ народнаго продовольствія. Оба эти вопроса составляли, по свидѣтельству современниковъ, больную сторону провинціальной жизни. Просматривая исторію Комитета министровъ [3]), мы видимъ въ какомъ печальномъ положеніи было дѣло на-

---

[1]) Середонинъ приводитъ въ своей исторіи Ком. министровъ примѣры огражденія высшимъ правительствомъ независимости дѣятельности въ этихъ дѣлахъ дворянскихъ собраній. См. в. назв. соч., томъ I, стр. 275—276; но рядомъ съ этимъ находимъ мы случай принужденія со стороны мѣстныхъ властей, бывшій въ 1808 году при объявленіи о принудительныхъ сборахъ на учрежденіе военно-учебныхъ заведеній. Тамъ же, стр. 273.

[2]) Примѣры контроля правительствомъ цѣлей дворянскихъ складокъ приведены у Середонина, в. назв. соч., томъ I, стр. 269—272 и 274.

[3]) Середонинъ, в. назв. соч., томъ I, глава 2-я.

роднаго продовольствія въ началѣ XIX столѣтія. Правительство думало помочь, учреждая хлѣбные магазины, но когда въ послѣднихъ встрѣчалась надобность, когда магазины эти должны были приходить мѣстному населенію на помощь — они оказывались почти всегда пустыми; все состоявшее на бумагѣ «благополучнымъ» въ примѣненіи къ дѣлу становилось совершенно непригоднымъ и неподготовленнымъ [1]. Мѣропріятія правительства были совершенно безуспѣшны, а безпрестанныя войны, которыя въ тѣ времена вела Россіи, только ухудшали положеніе вещей. Исторія намъ показываетъ, что предводители дворянства принимали немалое участіе въ заботахъ о народномъ продовольствіи. Комитетъ министровъ не разъ обращался за содѣйствіемъ къ дворянскимъ обществамъ; но помощь послѣднихъ оказывалась мало существенной. Дворянство дѣйствовало слишкомъ эгоистично; заботы о народномъ продовольствіи, въ частности о хлѣбныхъ магазинахъ, были для него слишкомъ обременительны. Даже помощь предводителей мало помогала правительству [2].

Ни внезапныя ревизіи, ни строгіе указы правительства не приносили пользы. Дворянство выказало несокрушимое упорство, врядъ ли могущее быть поставленное ему въ заслугу. Видя безрезультатность своихъ мѣръ, правительство прибѣгло къ другому способу; оно учредило въ губерніяхъ комитеты, въ составъ которыхъ включило наравнѣ съ сословными органами и своихъ представителей [3]. Эти смѣшанные комитеты дѣйствовали гораздо успѣшнѣе. Учрежденіе ихъ состоялось уже во второй половинѣ царствованія Императора Александра (въ 1816 г.) и намъ, слѣдовательно, придется вернуться къ разсмотрѣнію этого вопроса въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) Середонинъ, тамъ же, стр. 154.

[2]) Такъ, напр., надзоръ за хлѣбными магазинами былъ порученъ еще закономъ 1799 года предводителямъ дворянства, но магазины все-таки пустовали; правительство передало впослѣдствіи надзоръ за ними земскимъ судамъ, что, впрочемъ, также нисколько не помогло дѣлу. Ср. Середонинъ, в. н. соч., т. I, стр. 155.

[3]) Середонинъ, тамъ же, стр. 157.

Замѣтимъ здѣсь только, что правительство Императора Александра I, не рѣшивъ вполнѣ вопроса о народномъ продовольствіи, все-таки значительно подвинуло дѣло впередъ и подготовило рѣшеніе его послѣдующему царствованію. Характерной въ этомъ случаѣ является роль дворянства; преслѣдованіе личныхъ интересовъ заглушало въ немъ обще-государственную пользу; дѣйствію этого фактора подвергались даже предводители, эти «лучшіе люди» провинціи. Объясненіе ему и отчасти оправданіе можно найти лишь въ невѣжествѣ и грубости тѣхъ временъ; дворянство еще не доросло до пониманія обще-государственныхъ цѣлей.

Характерной чертой первой половины царствованія Императора Александра I является нескончаемая череда войнъ, которыя вела Россія. Рядомъ съ работами о мирномъ преуспѣяніи государства правительству безпрестанно приходилось прилагать всѣ усилія и отечеству нашему напрягать всѣ свои силы въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Внутреннія нужды при этомъ отходили на второй планъ; удовлетвореніе ихъ отлагалось до болѣе спокойнаго времени. Несомнѣнно, что войны Александра не могли не отразиться и на дворянскомъ сословномъ управленіи; по занимаемому дворянствомъ положенію ему пришлось стать во главѣ арміи; къ дворянству въ особенности обращались тѣ призывы правительства, которые мы встрѣчаемъ въ манифестахъ этого времени. Такъ въ 1806 году Государь обращался «съ полной надеждой къ знаменитому сословію... службою и вѣрностью на ратномъ полѣ и величайшими пожертвованіями жизнью и собственностью положившаго основу величества Россіи» [1]).

Въ этой могучей борьбѣ регулярной арміи оказалось мало; надо было подкрѣпить ее ополченіемъ. Правительству пришлось прибѣгнуть къ помощи дворянства, того сословія, «извѣстная готовность котораго во всякое время, когда служба его общему добру нужна и надобна, по первому призыву отъ

[1]) Манифестъ 30-го ноября 1806 г. Полн. Собр. Зак. № 22374.

Самодержавной Власти, не щадитъ ни труда, ни самого живота для службы государственной». Манифестъ 1806 года созывалъ ополченіе всего государства; имъ организовались ополченскія войска по губерніямъ; нѣсколько губерній вмѣстѣ составляли областное земское войско, съ назначаемымъ Государемъ главнокомандующимъ во главѣ. Ополченія губернскія находились подъ начальствомъ выборныхъ командировъ и выборныхъ же офицеровъ. Въ каждой губерніи избирался одинъ командующій и нѣкоторое число тысячныхъ, пятисотенныхъ и др. ополченныхъ офицеровъ (ст. 5 и 6 манифеста). Вполнѣ понятно, что правительство прибѣгло въ данномъ случаѣ къ выборному началу.

Въ такомъ важномъ дѣлѣ могла помочь только добровольная помощь. Активное участіе въ немъ неизбѣжно должно было пасть и на предводителей дворянства. Они, во-первыхъ, совмѣстно съ губернаторами участвовали въ опредѣленіи того количества милиціи, которое могла выставить данная губернія; во вторыхъ, они же распредѣляли по отдѣльнымъ помѣщикамъ это общее количество и опредѣляли, сколько данное лицо должно было поставить людей. Распредѣлительные списки утверждались затѣмъ дворянскими собраніями (ст. 8 и 9). Наконецъ, на предводителей была возложена обязанность собиранія и храненія оружія; всѣ частныя лица, имѣвшія въ своемъ распоряженіи какое-либо оружіе, обязывались доставлять таковое предводителямъ дворянства, передававшимъ его командующему губернскимъ ополченіемъ (ст. 14). Кромѣ того, манифестъ 1806 года говоритъ общимъ образомъ, что предводители обязаны были способствовать приведенію въ исполненіе всѣхъ вообще приказовъ и распоряженій милиціоннаго начальства (ст. 19).

Правительство издало по этому поводу на имя губернскихъ предводителей дворянства именные указы [1]), въ которыхъ оно повторно призывало дворянство къ оказанію помощи отечеству.

[1]) Полн. Собр. Зак. № 22384.

Ближайшія подробности ополченнаго дѣла были опредѣлены инструкціей 4-го декабря [1]), данной начальникамъ губерній. Дворянство губерній должно было быть созвано въ чрезвычайное собраніе, при чемъ на повѣсткахъ должны были быть указаны, причина созыва и срокъ (ст. 1). На предводителей была возложена обязанность составленія общихъ списковъ жителей губерніи и распредѣленіе, сначала по уѣздамъ, а потомъ и по помѣщикамъ того количества людей, которое должна была поставить въ ополченіе данная губернія (ст. 3). Составленные такимъ образомъ списки должны были быть внесены на утвержденіе дворянскаго собранія; послѣднее открывалось, какъ и обыкновенное, начальникомъ губерніи, при чемъ читался манифестъ 30-го ноября; затѣмъ дворянство приступало къ выборамъ командующаго и другихъ офицеровъ, списки коихъ сообщались впослѣдствіи главнокомандующему и Государю (ст. 8 и 9); послѣ выборовъ слѣдовало разсмотрѣніе и утвержденіе составленныхъ предводителями списковъ, распредѣляющихъ количество ополченцевъ по отдѣльнымъ помѣщикамъ. Собраніе назначало также въ уѣзды, волости и селенія ополченныхъ офицеровъ для наблюденія за сборомъ установленнаго количества ополченцевъ (ст. 14). Собираніе и храненіе денегъ и провіанта возлагалось на особо выбранныхъ дворянскимъ собраніемъ лицъ (ст. 10). Надзоръ за всѣмъ этимъ дѣломъ, какъ за поступленіемъ ополченцевъ, такъ и за денежными суммами и поставкой провіанта, возлагался на предводителей дворянства (ст. 10). Они же должны были принять мѣры къ оповѣщенію населенія, что всѣ эти чрезвычайныя мѣры вызывались настоятельною необходимостью, «что, по словамъ инструкціи, вооруженіе сіе на защиту православныя вѣры и собственныхъ семействъ и домовъ ихъ есть временное служеніе отечеству» (ст. 20). Эта послѣдняя обязанность была, конечно, наиболѣе трудная. Какъ награда за нее, предводителямъ обѣщалось, что «скорое и благоуспѣшное

[1]) Полн. Собр. Зак. № 22385.

исполненіе сей мѣры поставится въ особенную честь и заслугу каждому предводителю» (ст. 19).

Помощь дворянства была настоятельно нужна правительству [1]); этимъ объясняется кажденіе дворянскому самолюбію. Этому сословію оказывались всевозможныя льготы.

Такъ, мы находимъ немного позднѣе указъ, данный на имя министра внутреннихъ дѣлъ [2]), о предоставленіи дворянству, желающему поступить на военную службу, нѣкоторыхъ льготъ. Этимъ указомъ правительство торжественно обѣщало принимать на военную службу всѣхъ дворянъ, которымъ минуло 16 лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляло неимущимъ дворянамъ, которые бы выразили желаніе поступить на военную службу, но по свидѣтельству предводителей не имѣли бы достаточныхъ средствъ для пріѣзда въ столицу, право полученія прогонныхъ денегъ. «Симъ распоряженіемъ, говорилось въ указѣ, достаточно облегчены будутъ благородному юношеству средства ко вступленію въ службу *соотвѣтственно ихъ званію* [3]), наипаче въ такое время, когда честь и польза государства призываютъ къ службѣ каждаго члена благороднаго сословія, знаменитаго своею любовью и вѣрностью къ отечеству». Нельзя болѣе характерно описать мотивы этихъ мѣропріятій правительства!

Правительство, если припомнимъ, всегда смотрѣло на службу дворянства какъ на соотвѣтствующее его званію занятіе; въ данномъ же случаѣ ему нужна была и помощь и особое рвеніе дворянства; отсюда тѣ похвалы и превозношенія доблестей и заслугъ дворянства; этимъ же объясняются и льготы, которыя предоставлены были правительствомъ благородному сословію.

Немного спустя дворянству было предоставлено еще одно

---

[1]) Роль, которую сыграло въ эту эпоху дворянство, описана, напр., въ запискахъ Сергѣя Николаевича Глинки. „Русскій Вѣстникъ“. іюль 1865 г.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 22493, 14-го марта 1807 г.

[3]) Курсивъ нашъ.

преимущество въ вознагражденіе ревностнаго служенія отечеству «въ подвижномъ земскомъ войскѣ».

10-го марта 1808 г. [1]) изданъ былъ указъ «о допущеніи къ дворянскимъ выборамъ служившихъ въ подвижномъ земскомъ войскѣ чиновниковъ и получившихъ первые офицерскіе чины при увольненіи отъ службы». Такіе дворяне прежде не имѣли права участія въ дворянскихъ выборахъ; исключеніе было сдѣлано въ данномъ случаѣ какъ бы въ награду лицамъ, служившимъ въ ополченіи, при чемъ была установлена обязательность ограничительнаго толкованія этого постановленія во всѣхъ спорныхъ случаяхъ; такимъ образомъ, законъ этотъ расширилъ кругъ лицъ, имѣвшихъ право участія въ дворянскихъ выборахъ.

Хотя всѣ эти мѣропріятія правительства носили чисто временный характеръ, они все-таки оказали огромное вліяніе на всю послѣдующую исторію дворянскаго сословія. Дворянство, какъ нами не разъ указывалось, имѣло всегда преобладающее тяготѣніе къ государственной службѣ. Оно не преминуло, конечно, съ радостью воспользоваться льготами 1806 и 1807 годовъ; впослѣдствіи, при минованіи надобности въ усиленной помощи этого сословія, когда правительство думало вновь вернуться къ прежнему положенію вещей, оно уже не могло отнять у дворянства данныхъ ему преимуществъ безъ вызова большого недовольства.

Но, кромѣ того, сама жизнь мѣшала этому; скоро правительству вновь потребовалось прибѣгнуть къ помощи дворянства; 12-й годъ былъ еще тяжелѣе; напряженіе силъ Россіи все росло и правительству вновь пришлось обращаться съ высокопарными и льстивыми обѣщаніями всякихъ льготъ къ тому же дворянству.

Все это не могло не способствовать тому исконному стремленію къ службѣ, которое всегда составляло основную черту русскаго дворянства. Намъ еще не разъ придется указывать

[1]) Полн. Собр. Зак. № 22887.

на все растущее поглощеніе интересовъ дворянскаго сословія выгодами государственной службы. Мѣропріятія же 1806 и 1807 годовъ были сильнымъ толчкомъ въ этомъ направленіи.

Роль предводителей дворянства не могла, конечно, ограничиться только что описанными обязанностями. Имъ приходилось помогать правительству почти во всѣхъ вопросахъ, вызываемыхъ многосложными заботами объ удовлетвореніи военныхъ нуждъ этого времени. На предводителяхъ лежала не только обязанность сбора ополченія и отвѣтственность за правильное и успѣшное его выполненіе, но и участіе въ рекрутскихъ наборахъ, провіантированіи армій, ликвидаціонныхъ коммисіяхъ и т. п.

При рекрутскихъ наборахъ роль предводителей оставалась та же, какъ и прежде; они участвовали въ пріемныхъ коммисіяхъ наравнѣ съ губернаторами и вице-губернаторами [1]) и являлись представителями и защитниками интересовъ помѣщиковъ.

Огромныя арміи того времени вызывали особыя заботы правительства по вопросу провіантированія ихъ. И въ этомъ отношеніи ему пришлось опять-таки прибѣгнуть къ помощи предводителей. Дворянство различныхъ губерній заключило съ правительствомъ цѣлый рядъ контрактовъ на поставки провіанта военному вѣдомству, при чемъ предводители естественно явились въ этихъ сдѣлкахъ посредниками [2]).

Послѣ окончанія войны, эти чрезвычайныя функціи сословныхъ представителей прекратились не сразу. Расчеты дворянства съ военнымъ вѣдомствомъ требовали значительнаго времени; предводители же во всѣхъ этихъ дѣлахъ занимали свое прежнее положеніе защитниковъ интересовъ дворянства; особенное значеніе представляли собою дѣла о зачетѣ рекрутскихъ квитанцій, объ уплатѣ правительствомъ денегъ за по-

---

[1]) Ср. напр., П. С. З. № 23263, п. 5, 23848, 24369, 24773 и др.

[2]) Ср. съ примѣрами, приводимыми Д. Б. Мертваго въ его запискахъ, стр. 275—279 и 283. Особое приложеніе къ „Русскому Архиву“ 1867 года.

ставленный арміи провіантъ и окончательное сведеніе счетовъ по вопросамъ поставки рекрутъ и по другимъ натуральнымъ повинностямъ.

Изложенное свидѣтельствуетъ намъ, какъ съ теченіемъ времени все расширялась компетенція предводительской должности. Правительство присоединяло къ ней все новыя обязанности. Замѣтимъ здѣсь, что въ 1811 году, когда учреждены были спеціальные оспенные комитеты [1]), предводители дворянства получили и въ нихъ довольно видное участіе. Компетенція ихъ увеличилась еще одною функціей. На нихъ было возложено не только участіе на правахъ членовъ въ дѣлахъ этихъ комитетовъ, но и трудная обязанность воздѣйствія «всѣми мѣрами» на населеніе, въ видахъ привлеченія его къ прививкамъ [2]). Какъ извѣстно, русскій человѣкъ всегда подозрительно относился къ врачамъ и ихъ «ухищреніямъ и выдумкамъ». Крестьяне всѣми силами уклонялись отъ прививокъ и выказывали открыто недовѣріе и недоброжелательство къ нимъ; уговариваніе населенія въ данномъ случаѣ было задачей вовсе не легкой, тѣмъ болѣе, что и сами дворяне не оказывали дѣлу никакого содѣйствія; они относились довольно равнодушно къ оспеннымъ эпидеміямъ.

Мало осталось такимъ образомъ областей мѣстной администраціи, въ которыхъ подъ тѣмъ или другимъ видомъ не принимали бы участія предводители дворянства.

Въ заключеніе намъ необходимо указать еще на два распоряженія правительства, расширившихъ компетенцію дворянскаго сословнаго управленія.

Въ 1808 году учреждены были квартальныя коммисіи, на обязанность которыхъ возложена была раскладка нѣкоторыхъ вновь введенныхъ налоговъ. Дворянскія собранія получили право избирать своего представителя въ названныя коммисіи, для защиты дворянскихъ интересовъ [3]).

Нѣчто аналогичное, но съ болѣе временнымъ и мѣстнымъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 24622, мая 3-го 1811 года.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 24681, іюня 19-го, 1811 года.
[3]) Журналы засѣданія Комитета министровъ, томъ I, стр. 210[2].

характеромъ, мы встрѣчаемъ въ постановленіи Комитета министровъ того же года, коимъ предоставлялось дворянству имѣть своего выборнаго представителя въ Подольскомъ комитетѣ «о переселеніи евреевъ»; при этомъ было разрѣшено совмѣстительство званія члена этого комитета съ любою должностью по выборамъ отъ дворянства [1]).

Мы заканчиваемъ на этомъ перечисленіе тѣхъ новыхъ функцій, которыя правительство возложило на органы дворянскаго сословнаго управленія за первую половину царствованія Императора Александра I.

---

[1]) Тамъ же, стр. 211[1]. Засѣданіе 13-го октября 1808 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Принципъ самостоятельности дворянскаго сословнаго управленія.—Власть губернаторовъ.—Политика правительства.—Взгляды дворянства.—Вопросные пункты Ярославскаго предводителя Майкова.—Положеніе выборной службы дворянства и отношенія къ ней послѣдняго.—Служба правительственная.—Недовольство дворянства и причины, его вызывавшія.—Указъ объ экзаменахъ.—Взгляды Сперанскаго на дворянство и сословное управленіе.—Русское общество первыхъ годовъ XIX столѣтія.

I.

Выяснивъ въ предшествовавшей главѣ функціи предводителя дворянства, намъ приходится теперь обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ отношеній, которыя установились въ этомъ періодѣ отечественной исторіи между дворянскимъ сословнымъ управленіемъ съ одной стороны и правительствомъ и его органами, съ другой. Это дастъ намъ картину того положенія, которое заняло въ XIX столѣтіи сословное управленіе и освѣтитъ дальнѣйшій ходъ развитія стремленій и интересовъ дворянства.

Отношенія эти, надо замѣтить, не всегда носили мирный характеръ; иногда они обострялись и переходили въ открытыя столкновенія. Такъ, Дубровинъ въ своей статьѣ о русской жизни начала XIX-го вѣка приводитъ намъ примѣръ столкновенія правительственнаго органа съ дворянствомъ [1]; представители Олонецкаго дворянства были приняты губернаторомъ сидя и въ шлафрокѣ (!), при чемъ одинъ изъ избранныхъ не

[1]) „Русская Старина“ 1899 г., № 3.

былъ утвержденъ въ должности. Дворянство подало правительству протестъ, въ которомъ справедливо указывало, что при подобныхъ отношеніяхъ губернатора дворянскіе выборы теряли свой смыслъ; въ своемъ протестѣ оно говорило и о неприличіи пріема и произвольномъ неутвержденіи избраннаго; правительство поставило на видъ губернатору непристойность его поведенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашло нужнымъ наказать и дворянство; послѣднему объявлено было Высочайшее неудовольствіе, а губернскій предводитель и неутвержденный въ должности дворянинъ Рудниковъ были посажены въ крѣпость; Рудниковъ не былъ утвержденъ потому, что находился въ то время подъ судомъ. Оправдывая неутвержденіе Рудникова и одобряя выговоръ, сдѣланный губернатору за его высоко-неприличное поведеніе, мы не можемъ не замѣтить, что дворянство нисколько не заслужило какой бы то ни было кары, а наказаніе крѣпостью губернскаго предводителя было и вовсе незаконно. Дворянское сословное управленіе только и имѣло извѣстный смыслъ при независимости отъ администраціи; за указаніе на это вполнѣ справедливое положеніе правительство наложило наказаніе, да еще весьма строгое!

Подобныя столкновенія были не рѣдки, но надо сказать, что поводомъ къ нимъ слишкомъ часто бывали злоупотребленія, допускаемыя самими дворянскими обществами; нельзя поэтому возлагать всю вину на правительственные органы; какъ увидимъ ниже, дворянство давало слишкомъ къ тому широкія возможности; чаще всего недоразумѣнія возникали вслѣдствіе допущенія собраніями къ выборамъ лицъ, не имѣющихъ на то права.

Такъ по свидѣтельству Дубровина [1]), дворянскіе выборы рѣдко проходили безъ шума, брани и самыхъ крупныхъ скандаловъ. «Тутъ было все, говоритъ онъ, пристрастіе, ябедничество, допущеніе лицъ, не имѣющихъ права баллотироваться, покровительство пороку и клевета на людей честныхъ». Затѣмъ

[1]) Выше назв. статья. „Русская Старина“ 1899 г., томъ 97, стр. 556.

слѣдуетъ длинный рядъ примѣровъ подобныхъ злоупотребленій; особое вниманіе возбуждаютъ случаи избранія лицъ, состоящихъ подъ судомъ; какъ увидимъ ниже, правительство принуждено было разъ навсегда запретить выборъ подобныхъ лицъ; между тѣмъ нарушенія этого постановленія встрѣчаются очень часто; съ нимъ приходилось бороться не только мѣстнымъ властямъ, но и высшему правительству; дѣла и жалобы такого рода не разъ восходили на рѣшеніе Комитета министровъ, неукоснительно державшагося упомянутаго направленія; лица, состоявшія подъ судомъ и слѣдствіемъ, отстранялись отъ дворянскихъ выборовъ [1]). Но безпорядки иногда не ограничивались этимъ, а переходили въ настоящія буйства; такъ, въ 1808 году на выборахъ Подольской губерніи разыгрался такой скандалъ, что пришлось вызвать полицію, арестовать многихъ дворянъ и уволить отъ службы губернскаго маршала и вице-губернатора [2]). Нѣчто подобное произошло въ 1809 году на выборахъ Орловской губерніи, гдѣ губернатору также пришлось прибѣгнуть къ аресту дворянъ за буйство и «непристойные поступки», слѣдствіемъ чего было преданіе виновныхъ суду [3]). Еще худшій инцидентъ случился на Виленскихъ выборахъ 1809 года, когда «средь великаго шума и смятенія» были сорваны печати съ баллотировальнаго ящика, погашены свѣчи и уничтоженъ списокъ дворянъ [4]).

Правительство не могло не принимать самыхъ строгихъ мѣръ къ водворенію порядка, но послѣднія не могли не отзываться на самостоятельности дворянскаго сословнаго управленія. Власть губернаторовъ подобными мѣропріятіями только усиливалась, независимость сословнаго управленія неизбѣжно уменьшалась. Правда, слышались голоса, что главный очагъ такихъ

---

[1]). Ср. напр., Журналы Комитета министровъ 1802—1826 гг. Томъ I, стр. 206[1] и 404[2], засѣданія комитета отъ 9-го октября 1808 г. и 30-го ноября 1809 г.

[2]) См. Журналы Комитета отъ 22-го сентября 1808 г. (стр. 180,[2]), 13-го октября 1808 г. (стр. 209,[1]), 13-го октября 1809 г. (стр. 368,[1]).

[3]) См. Журналы Комитета отъ 25-го августа 1809 г. (стр. 345,[1]).

[4]) Дубровинъ, в. назв. статья. „Р. Стар.“ 1899 г., томъ 97, стр. 560.

безпорядковъ находился въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши; примѣромъ, молъ, была польская шляхта, привыкшая безчинствовать на сеймахъ, «обыкшая буйствовать»; эти пагубныя привычки отозвались будто бы и на дворянскихъ выборахъ, введенныхъ тамъ русскимъ правительствомъ [1]). Ревизіи нашли, напр., большіе безпорядки и злоупотребленія въ мѣстныхъ повѣтовыхъ книгахъ, куда безъ всякаго права и порядка вносились всѣ и каждый, чѣмъ-либо угодный губернскому маршалу, но, къ несчастью, исторія показываетъ намъ, что явленіе это не носило мѣстнаго характера; мы встрѣчаемъ примѣры безпорядковъ и злоупотребленій не въ одномъ Литовскомъ краѣ. Они происходили, какъ мы видѣли, и въ Олонецкой и въ Курской и Орловской губерніяхъ; то же встрѣчаемъ мы въ 1811 году въ Тульской губерніи. Правительство иногда думало помочь дѣлу крутыми мѣрами; за послѣднія стоялъ самъ Государь, котораго подобные безпорядки сильно безпокоили и огорчали.

Въ 1809 году министръ внутреннихъ дѣлъ князь Куракинъ предложилъ довольно суровую мѣру; въ случаѣ безпорядковъ на выборахъ, по его мнѣнію, слѣдовало увольнять допустившихъ безпорядки губернаторовъ, отстранять дворянство на два трехлѣтія вовсе отъ выборовъ, а выборныя должности замѣщать лицами по назначенію отъ правительства; Комитетъ министровъ конечно не могъ согласиться на такую крайнюю мѣру [2]); она слишкомъ противорѣчила либеральнымъ мечтаніямъ правительства; реакція еще не успѣла оказать своего воздѣйствія.

Но рядомъ съ этимъ нельзя не сказать, что дѣйствія самого правительства не всегда были корректны. Преслѣдуя, какъ мы только что видѣли дворянскія неурядицы, оно зачастую пристрастно становилось на сторону своихъ представи-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 23513.

[2]) Ср. П. С. З. № 25513 и журналъ Комитета министровъ отъ 3-го марта 1809 года; архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по департаменту полиціи, дѣло № 446.

телей, какъ, напримѣръ, хотя бы въ приведенномъ случаѣ съ Олонецкимъ губернаторомъ. Оно слишкомъ ревностно охраняло авторитетъ губернаторовъ, все болѣе ограничивая этимъ самостоятельность и независимость дворянскаго сословнаго управленія.

Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ приводится Середонинымъ [1]).

Правительство сдѣлало выговоръ всему дворянству Рязанской губерніи за ссылки въ преніяхъ дворянскаго собранія на личности и «за образованіе партіи»; объясненіе такому странному распоряженію можно найти во внѣшней обстановкѣ тогдашнихъ выборовъ; думается намъ, не самое образованіе партіи преслѣдовалось правительствомъ, а поведеніе этой партіи.

Правительство всегда строго преслѣдовало тѣ случаи, когда дворянскія собранія начинали обсуждать обще-государственные вопросы; такъ, Виленскому дворянству было выражено Высочайшее недовольство, а губернатору и губернскому маршалу строжайшій выговоръ за допущеніе на дворянскомъ собраніи обсужденія вопроса объ освобожденіи крестьянъ. «Дворяне, замѣтилъ Александръ, хотя можетъ быть движимые человѣколюбивыми и благородными намѣреніями, нарушили, однако, при семъ случаѣ предѣлы, предписываемые умѣренностью, хладнокровіемъ и законами» [2]). Это мѣропріятіе правительства легко объяснимо; законъ безусловно воспрещалъ дворянству обсужденіе обще-государственныхъ вопросовъ, и всякое нарушеніе этого начала всегда строго преслѣдовалось; офиціальнымъ объясненіемъ и оправданіемъ служило то соображеніе, что большинство дворянства было еще слишкомъ невѣжественно, чтобы заниматься обще-государственными вопросами; насколько такой взглядъ справедливъ, трудно сказать; думается нѣкоторая доля правды въ немъ заключается.

Но вышеприведенную правительственную политику отстаи-

---

[1]) Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 265.
[2]) Середонинъ, тамъ же, стр. 265.

ванія авторитета своихъ органовъ quand même мы конечно не можемъ оправдать.

При такомъ покровительствѣ дѣйствіямъ губернаторовъ, какъ въ описанномъ случаѣ въ Олонецкой губерніи, не принимавшемъ въ расчетъ законность этихъ требованій, правительство уничтожало, а не поддерживало авторитетъ своихъ представителей, и одновременно подрывало значеніе дворянскаго сословнаго управленія, отнимая у него всякую независимость. Въ дворянствѣ этимъ искусственно развивались только приниженность и угодливость губернаторамъ.

Подобная политика правительства уже въ началѣ царствованія Императора Александра I принесла свои нежелательные плоды. «Дворяне, *желая угодить правительству*, пишетъ Вигель [1]), дѣлали большія пожертвованія на устройство училища и губернской гимназіи». Невольно спрашиваешь себя, не было ли здѣсь просто принужденія губернатора. Тотъ же авторъ даетъ намъ и другой подобный примѣръ. При опредѣленіи отца его на губернаторство въ Пензу «дворянство, обрадованное пріѣздомъ послѣдняго, желая чѣмъ-нибудь ему угодить, не нашло ничего лучше, какъ друга его Ч. единогласно избрать своимъ губернскимъ предводителемъ» [2]). Правда, къ свидѣтельствамъ Вигеля надо относиться довольно осторожно; случай, разсказанный имъ, можетъ быть не имѣлъ вовсе характера угожденія его отцу, но былъ тѣмъ не менѣе вполнѣ возможенъ; положеніе губернатора и его отношенія къ дворянству несомнѣнно должны были вызывать со стороны послѣдняго самую приниженную угодливость. Но, въ общемъ, въ первую половину царствованія Александра I постановленія правительства, подобныя тому, которое оно приняло въ дѣлѣ Олонецкихъ дворянъ, являются исключеніемъ; наоборотъ, политика этого періода была направлена скорѣе на огражденіе независимости дворянскаго сословнаго управленія.

---

[1]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г., т. III, стр. 185.

[2]) Тамъ же, томъ IV, 1864 г., стр. 542.

Свидѣтельствомъ тому могутъ служить слѣдующія распоряженія правительства.

16-го августа 1802 года изданъ былъ указъ о результатахъ ревизіи Калужской губерніи, произведенной сенаторомъ Державинымъ [1]. Безпорядки и злоупотребленія, которые онъ тамъ нашелъ, были очень велики и касались всѣхъ областей провинціальной администраціи, въ томъ числѣ и дворянскихъ выборовъ. Такъ, губернаторъ позволялъ себѣ, «присутствуя самъ въ дворянскихъ выборахъ, вмѣшиваться въ оные, и по случаю подаванныхъ прошеній на пристрастную баллотировку не токмо не пресѣкъ безпорядку, но угрожалъ, что ежели другіе кто будутъ выбраны, то на мѣстахъ долго не останутся». Подобное положеніе дѣла, конечно, было недопустимо. Правительство, воспользовавшись случаемъ, не только прекратило безпорядки въ Калужской губерніи и отдало губернатора подъ судъ, но сочло нужнымъ издать общій указъ [2] всѣмъ губернаторамъ, напоминая имъ, что они не имѣли права вмѣшиваться въ дѣла дворянскихъ собраній и «тѣмъ менѣе домогаться по желанію своему однихъ избраніе, а другихъ удаленіе отъ должностей» (п. 5).

Далѣе, мы должны упомянуть объ указѣ, данномъ на имя Псковского гражданскаго губернатора въ апрѣлѣ 1803 года [3]. Изданъ онъ былъ по поводу уклоненія уѣздныхъ предводителей отъ исполненія «предписаній губернскаго начальства по дѣламъ общественнымъ», вслѣдствіе чего Государь рѣшилъ объявить такимъ уклоняющимся предводителямъ, что «доколѣ они не приведутъ дѣла къ окончательному рѣшенію, до тѣхъ поръ собраніе ихъ распущено не будетъ и что на будущее время въ подобныхъ уклоненіяхъ таковымъ же образомъ отъ правительства поступаемо будетъ». Правительство въ этомъ случаѣ опять-таки стало на сторону своихъ органовъ и при-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 20374, 16-го августа 1802 г. См. Storch, Russland unter Alexander dem Ersten. Band. 3, V, S. 120 u. f.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 20372, 16-го августа 1802 г.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 20734.

няло довольно рѣшительную мѣру; но случай этотъ надо, думается, признать исключительнымъ; текстъ указа даетъ основаніе предполагать, что предводители уклонялись вообще отъ всякихъ дѣлъ, что конечно было недопустимо; въ тѣхъ случаяхъ, когда органы сословнаго управленія не исполняли законныхъ требованій губернаторовъ, правительство не могло не поддерживать послѣднихъ; здѣсь огромная разница съ приведенными выше примѣрами своевластія и произвола начальниковъ губерній.

Для отвращенія возникшихъ недоразумѣній въ способахъ обращенія и формѣ сношеній губернаторовъ съ предводителями въ 1808 году (28-го мая) [1], былъ изданъ указъ, установившій форму этихъ сношеній. Обыкновенная переписка должна была вестись «отношеніями», а не предписаніями; послѣднія могли издаваться только высшими властями или въ точно указанныхъ закономъ случаяхъ. Этимъ постановленіемъ ограждалась въ нѣкоторой степени самостоятельность сословнаго управленія.

Другой указъ, шедшій въ томъ же направленіи, былъ изданъ въ 1811 году [2]); онъ опредѣлилъ права прокурора, владѣющаго въ той же губерніи, гдѣ онъ состоялъ на службѣ, недвижимымъ имуществомъ. Въ такомъ случаѣ, прокуроръ, хотя и имѣлъ достаточный цензъ для участія въ выборахъ, не могъ пользоваться этимъ правомъ, а долженъ былъ «дѣйствовать единственно по обязанностямъ своего званія». Этимъ также ограждалась независимость дворянскихъ выборовъ отъ правительственныхъ органовъ. У прокурора явилась бы слишкомъ большая возможность воздѣйствія на дворянскіе выборы, дворянство же по отношенію къ нему стало бы слишкомъ зависимо, если бы ему было предоставлено право активнаго участія въ выборахъ. Практика очевидно дала правительству нѣсколько примѣровъ злоупотребленій прокуроровъ подобнымъ совмѣстительствомъ, вслѣдствіе чего ему и пришлось разъяснить, что если бы у прокуроровъ и былъ достаточный имуществен-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 23042.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 24539, 27-го февраля 1811 года.

ный цензъ, участіе ихъ въ выборахъ было все-таки невозможно на все время занятія ими этой должности.

Но и тутъ мы не находимъ единства дѣйствія. Ограждая одними указами независимость сословнаго управленія, правительство другими, можетъ быть незамѣтно для себя самого, проводило обратное начало. Къ разряду послѣднихъ, напр., можно причислить принципъ награжденія предводителей и маршаловъ лишь по представленіямъ губернаторовъ о ихъ заслугахъ. Такъ въ 1808 году Комитетъ министровъ, разсматривая представленіе Кіевскаго губернскаго маршала о награжденіи орденомъ св. Владиміра повѣтовыхъ маршаловъ нѣсколькихъ уѣздовъ его губерніи, постановилъ ходатайство это отклонить, такъ какъ «*одобреніе* службы маршаловъ должно быть дѣлаемо начальникомъ губерніи»[1]). Если принять во вниманіе общечеловѣческую слабость—любовь къ внѣшнимъ знакамъ отличія и честолюбіе большинства людей, здѣсь можно сразу усмотрѣть установленіе правительствомъ нѣкоторой зависимости предводителей и маршаловъ отъ губернаторовъ; всякій предводитель, желавшій отличиться, долженъ былъ неизбѣжно заискивать расположенія къ себѣ начальника губерніи; подобное положеніе дѣла не могло не отразиться отрицательно на самостоятельности сословнаго управленія. Страннымъ можетъ показаться, что упомянутое постановленіе Комитета министровъ состоялось по поводу доклада министра внутреннихъ дѣлъ; графъ Кочубей очевидно не отдавалъ себѣ отчета въ принципіальномъ значеніи вопроса; дѣятели того времени не сознавали всю важность значенія этого принципа; но винить ихъ въ этомъ, полагаемъ, нельзя; прежде чѣмъ проводить начала децентрализаціи, необходимо было установить крѣпкія основы центральной власти.

Можно сказать, такимъ образомъ, что какъ распоряженія правительства, такъ и поведеніе самого дворянства вели къ однимъ и тѣмъ же результатамъ—усиленію власти губернаторовъ

---

[1]) Журналы Комитета министровъ 1802—1826, томъ I, стр. 169,₂, засѣданіе 15-го сентября 1808 г.

и соотвѣтственному сокращенію и умаленію независимости дворянскаго сословнаго управленія.

Но къ этому съ теченіемъ времени присоединилась еще одна причина, вызванная нескончаемыми войнами, которыя вело правительство. Намъ необходимо отмѣтить здѣсь ту задачу, которая была возложена на сенаторовъ-ревизоровъ. Въ каждое генералъ-губернаторство, составлявшее ополченный округъ, было назначено по одному сенатору, для наблюденія за точнымъ и скорымъ исполненіемъ губернскими властями распоряженій и предписаній правительства. Эти сенаторы, по замѣчанію Дмитріева [1]), были какъ бы посредниками между военными и гражданскими властями; надъ правительственными органами они имѣли право надзора, а рядомъ съ этимъ контролировали и сословное дворянское управленіе, наблюдали и доносили правительству объ отношеніяхъ къ дѣлу помѣстнаго дворянства; такимъ образомъ, положеніе этихъ сенаторовъ получило особое значеніе въ исторіи интересующаго насъ вопроса; они не только должны были узнавать и доносить объ «общемъ образѣ мнѣній, обнаруженныхъ въ дворянскихъ собраніяхъ, въ градскихъ обществахъ, равно какъ и селеніяхъ», относительно всего, что касалось народнаго ополченія, но получили право активнаго вмѣшательства въ дѣла общественнаго управленія дворянства; они должны были присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ, *руководить преніями и безъ всякаго принужденія* склонять дворянство «къ цѣли общественной пользы, возбуждая гдѣ нужно соревнованіе и внушая довѣренность и уваженіе къ правительству» [2]); если мы примемъ во вниманіе при этомъ тогдашнее значеніе сенатора, властолюбіе высшаго чиновничества и приниженность уѣзднаго дворянства, мы поймемъ, что «внушенія довѣренности и уваженія къ правительству» неизбѣжно должны были проводиться силою и принужденіемъ.

---

[1]) И. И. Дмитріевъ. „Взглядъ на мою жизнь". Москва, 1866 года, стр. 152—155.

[2]) Тамъ же, стр. 153.

Иногда, правда, обширныя полномочія сенаторовъ приносили пользу; такъ, напр., сенаторъ Дмитріевъ сумѣлъ отстоять интересы мелкопомѣстныхъ дворянъ своего района; по его донесеніямъ слишкомъ тяжело обложенные бѣднѣйшіе дворяне (имѣвшіе «не болѣе трехъ или осьми душъ») были освобождены отъ поставки рекрутъ, замѣненной небольшимъ денежнымъ сборомъ или даже совсѣмъ сложенной [1]), но, въ общемъ, назначеніе въ губерніи сенаторовъ, для завѣдыванія дѣломъ народнаго ополченія, не могло не оставить въ провинціальной жизни глубокихъ слѣдовъ не въ пользу самостоятельности дворянскаго сословнаго управленія. По окончаніи войны временныя мѣры были отмѣнены, но послѣдствія ихъ воздѣйствія все же остались. Все, что шло къ усиленію власти правительственныхъ органовъ и въ ущербъ независимости сословнаго управленія, слишкомъ легко и крѣпко прививалось въ нашей общественной жизни; власть губернаторовъ по отношенію къ дворянскому общественному управленію все увеличивалась, какъ ни старалось правительство изданіемъ отдѣльныхъ актовъ отстаивать самостоятельность сословнаго управленія. Первый толчокъ былъ данъ въ концѣ царствованія Екатерины; огромное развитіе власть губернаторовъ получила въ Павловское время; теперь же, въ царствованіе Александра, не могли остановить этотъ ростъ власти разрозненные и безсистемные указы правительства. Губернаторамъ же, испробовавшимъ удовольствіе властвованія, невозможно было отъ него отказаться.

Положеніе значительно ухудшалось отсутствіемъ у правительства какого-либо общаго плана дѣйствія; политика его, какъ мы видѣли, колебалась, то отстаивая самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія, то подчиняя его все растущей власти губернаторовъ. Такое положеніе вещей только возбуждало въ провинціи рознь и взаимную вражду. «Дворяне, говоритъ Сумароковъ [2]), возстаютъ на губернатора, гу-

[1]) Тамъ же, стр. 155.

[2]) Записка о новомъ устройствѣ всѣхъ частей въ губерніяхъ. Архивъ Государственнаго Совѣта, дѣла Комитета 1826 года, № 84.

бернаторъ на нихъ. Ни съ кѣмъ коротко знакомымъ быть нельзя, дабы не привели въ партію. То и дѣло бѣгаютъ въ Петербургъ съ ябедами и вывозятъ оттуда указы».

Слѣдствія были очень печальны, плоды этого направленія сказались уже въ концѣ царствованія Александра. Все сильнѣе становилась разобщенность правительства съ обществомъ съ одной стороны, съ другой же убивалось постепенно значеніе сословнаго управленія и интересъ къ нему помѣстнаго дворянства. Отсюда то «отлыниваніе» и уклоненіе дворянства всякими способами отъ выборной службы, съ которымъ правительство безсильно и безрезультатно боролось въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія.

Гуманные указы и либеральныя распоряженія Императора Александра I, какъ вѣрно замѣтилъ Дубровинъ [1]), приводившіе въ восторгъ современниковъ и въ особенности иностранцевъ, не исполнялись чиновничествомъ, разбивались объ упорное противодѣйствіе бюрократіи, въ своихъ выгодахъ предпочитавшей старые порядки. Молодая и интеллигентная часть общества, во главѣ котораго стояли юные друзья и сотрудники Императора, была слишкомъ малочисленна и неопытна въ государственныхъ дѣлахъ, чтобы побороть косность тогдашняго общества; задачи представившіяся этой маленькой группѣ людей, были слишкомъ для нея тяжелы; стремясь преобразовать высшее управленіе, она должна была пренебрегать вопросами мѣстной администраціи [2]), вводя реформы въ одной области, она неизбѣжно должна была упускать интересы другихъ, и, наконецъ, сама погибла въ этой борьбѣ, опиравшейся на невѣжество и некультурность русскаго общества.

II.

Просматривая законодательство первой половины царствованія Императора Александра I, намъ необходимо остановиться на

[1]) Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. „Русская Старина“ 1899 г., январь, стр. 4.

[2]) Какъ, напр., въ вышеприведенномъ примѣрѣ доклада гр. Кочубея.

пространномъ и интересномъ указѣ Сената 1809 г. [1]), изданномъ по поводу цѣлаго ряда вопросовъ, возбужденныхъ уже извѣстнымъ намъ энергичнымъ Ярославскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Майковымъ. Онъ жаловался, во-первыхъ, на часто происходившія увольненія отъ службы избранныхъ дворянствомъ должностныхъ лицъ безъ особыхъ на то причинъ и просилъ правительство сдѣлать распоряженіе, дабы губернское правленіе запрашивало предварительно мнѣніе или ставило бы, по крайней мѣрѣ, въ извѣстность дворянское собраніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ, что существующія узаконенія въ достаточной мѣрѣ ограждаютъ отъ произвольнаго увольненія лицъ, служащихъ по выборамъ, и предлагалъ предоставлять вопросъ объ увольненіи выборныхъ должностныхъ лицъ на рѣшеніе дворянскаго собранія лишь при существованіи сомнѣнія у губернскаго правленія; но Сенатъ не согласился съ подобной неопредѣленной уступкой, сославшись на указъ 12-го августа 1803 года, предоставлявшій право увольненія выборныхъ должностныхъ лицъ полному усмотрѣнію губернскаго правленія. Съ мнѣніемъ Сената врядъ ли можно согласиться; право контроля въ этомъ дѣлѣ дворянскихъ собраній могло быть только полезно.

Во-вторыхъ, Ярославскій предводитель просилъ правительство доставлять дворянскимъ собраніямъ всѣ распоряженія и указы, наравнѣ съ губернскими присутственными мѣстами; неполученіе собраніями распоряженій правительства имѣло зачастую слѣдствіемъ большія затрудненія «въ рѣшеніяхъ дворянскихъ дѣлъ»; министръ съ этимъ согласился; Сенатъ о немъ не упомянулъ, предоставивъ, по всей вѣроятности, его приведеніе въ исполненіе усмотрѣнію министра.

Усмотрѣнію послѣдняго былъ предоставленъ также и третій пунктъ ходатайства Майкова, въ которомъ онъ просилъ доставлять губернскому предводителю дворянства свѣдѣнія изъ губернскаго правленія о службѣ выборныхъ отъ дворянства

[1]) Полн. Собр. Зак. № 23538, мая 15-го.

лицъ, «кои необходимо нужны ему для точнаго выполненія правилъ, предписанныхъ для производства дворянскихъ выборовъ». Это справедливое притязаніе Майкова было удовлетворено.

Сенатъ также не отвѣтилъ непосредственно на 5 и 6 вопросы Ярославскаго предводителя; очевидно и здѣсь онъ согласился съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, предоставивъ ему и право распоряженія. Вопросы эти касались отпусковъ губернскихъ предводителей дворянства и порядка замѣщенія отсутствующихъ предводителей. Кн. Куракинъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, сослался въ своемъ рѣшеніи на указъ 31-го іюля 1797 года, которымъ установлялось право губернатора разрѣшать губернскимъ предводителямъ кратковременныя отлучки, но съ тѣмъ, чтобы предводитель «всегда обязанъ по призыву начальника губерніи являться къ своему мѣсту безъ промедленія». Здѣсь мы встрѣчаемъ опять-таки лишній поводъ подчиненія предводителей власти губернаторовъ; ссылка кн. Куракина на указъ Павла I была совершенно несостоятельна.

Замѣщать губернскаго предводителя при кратковременныхъ отлучкахъ долженъ былъ уѣздный предводитель губернскаго города, что оправдывалось соображеніями удобства; при отпускахъ губернскаго предводителя, болѣзняхъ его или др. обстоятельствахъ, «къ заступленію сей должности препятствующихъ», замѣщать его, согласно еще Екатерининскому постановленію, долженъ былъ тотъ, кто «при выборахъ былъ вторымъ кандидатомъ въ губернскіе предводители».

Гораздо труднѣе было правительству рѣшить четвертый вопросъ Майкова, касавшійся цензовыхъ условій участія въ дворянскихъ выборахъ. Майковъ спрашивалъ: «могутъ ли баллотировать и баллотированы быть дворяне, кои получили оберъофицерскіе чины при отставкѣ или послѣ изданія дворянской грамоты, бывъ удостоены выборомъ дворянства и награждены чинами въ продолженіе уже оной, равно какъ и служившіе въ милиціи». Относительно послѣднихъ, вопросъ уже былъ

разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ въ указѣ Сената 1808 года (10-го марта)[1]. Что же касается дворянъ, хотя и не имѣвшихъ прежде чиновъ, но избранныхъ дворянствомъ на какую-либо должность и получившихъ чины во время исправленія таковой, «само собою разумѣется, остаются въ правѣ избирать и быть избираемы и на будущее время». Оставалась слѣдовательно лишь категорія дворянъ, не имѣвшихъ чиновъ и не выслуживших ихъ по выборной службѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ справедливо полагалъ отстранить ихъ отъ выборовъ; кн. Куракинъ придавалъ этому особое значеніе, находя, что участіе въ выборахъ такихъ дворянъ противорѣчило «кореннымъ основаніямъ дворянской грамоты»; онъ предлагалъ обратить особое вниманіе губернаторовъ на отстраненіе этой категоріи лицъ отъ выборной службы, «поставя сіе положеніе подъ непремѣнное наблюденіе министра внутреннихъ дѣлъ». Страннымъ кажется только одно обстоятельство, почему изъ цѣлаго ряда вопросовъ о цензѣ дворянскихъ выборовъ кн. Куракинъ выдѣлилъ именно этотъ; на нашъ взглядъ, всѣ они въ равной мѣрѣ важны и предоставленіе лишь этого вопроса «особому вниманію губернаторовъ и министра» ничѣмъ не оправдывалось.

Сенатъ остановился также на рѣшеніи вопроса о правѣ участія въ дворянскихъ выборахъ лицъ, состоявшихъ подъ судомъ и освобожденныхъ отъ него въ силу Высочайшаго манифеста; относительно лицъ, состоявшихъ подъ судомъ, вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно; участіе ихъ въ выборахъ было, конечно, нежелательно; что же касается участія въ выборахъ лицъ, освобожденныхъ въ силу Высочайшаго манифеста, то каждый подобный случай долженъ былъ быть представленъ на разрѣшеніе герольдіи, составлявшей особый докладъ по такимъ дѣламъ на утвержденіе Сената[2].

---

[1]) См. выше, стр. 329.

[2]) Въ 1810 году (21-го января П. С. З. № 24095) Сенатъ и вовсе отнялъ у дворянъ, „кои были подъ судомъ и онымъ не оправданы, а только прощены по милостивымъ манифестамъ“, право участія въ

Для губерній бывшаго Царства Польскаго было допущено исключеніе; въ нихъ къ выборамъ должны были допускаться дворяне, не имѣющіе чиновъ и не выслужившіе таковыхъ по выборамъ; исключеніе это было сдѣлано на срокъ, установленный Высочайшимъ указомъ 8-го іюня 1802 года, по истеченіи котораго польскія губерніи должны были быть вполнѣ сравнены съ русскими. Къ этой же области принадлежитъ указъ 1807 года [1]), лишившій избирательнаго права, какъ активнаго, такъ и пассивнаго, тѣхъ дворянъ, которые владѣли лишь домомъ, а не имѣніемъ.

Вопросы, касавшіеся ценза, возбуждали на практикѣ цѣлый рядъ недоразумѣній. Мы постоянно встрѣчаемся съ указами, рѣшавшими тотъ или другой частный вопросъ, касательно ценза. Положенія Екатерининскаго законодательства были крайне неполны, практика давно уже доказала это. Между тѣмъ правительство все еще медлило изданіемъ общаго акта, рѣшеніемъ вопроса во всей его совокупности, предпочитая изданіе спеціальныхъ и частныхъ указовъ, иногда противорѣчившихъ другъ другу и только запутывавшихъ дѣло. Лишь въ 1831 году находимъ мы, наконецъ, полное рѣшеніе этого вопроса. Здѣсь мы имѣемъ несомнѣнно одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ законодательства тѣхъ временъ.

III.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того положенія, которое занимала выборная служба въ первую половину царствованія Александра.

Намъ необходимо указать здѣсь на тотъ разладъ, существовавшій между теоретическими взглядами правительства на дворянское сословное управленіе и выборную службу дворян-

---

дворянскихъ выборахъ. Подобное распоряженіе вполнѣ понятно; дворяне эти, хотя и освобожденные отъ наказаній, являлись все-таки нежелательнымъ элементомъ въ дворянскомъ сословномъ управленіи.

[1]) Полн. Собр. Зак. № 22540.

ства и практикой, т. е. издаваемыми имъ распоряженіями, разладъ и несоотвѣтствіе, которые съ теченіемъ времени все увеличивались и страшно вредили успѣшному развитію и процвѣтанію какъ сословнаго управленія, такъ и выборной службы.

Правительство возлагало на выборную службу большія надежды, постоянно увеличивало кругъ компетенціи выборныхъ должностныхъ лицъ; стремленія эти и надежды имѣли своимъ корнемъ либеральные взгляды окружавшихъ Императора дѣятелей; между тѣмъ, тѣ мѣропріятія, которыя принимало правительство, то направленіе, котораго держалась мѣстная администрація, а въ столицахъ приверженцы старыхъ порядковъ, были причиною того, что въ законодательство все чаще стали проскакивать указы, противорѣчившіе вышеописаннымъ идеаламъ юнаго поколѣнія. Самъ Императоръ Александръ, его ближайшіе сотрудники первыхъ годовъ царствованія, просвѣщенная часть русскаго общества — всѣ стремились къ возможно бо́льшему расширенію компетенціи выборныхъ органовъ, къ замѣщенію этихъ должностей людьми достойными, къ возложенію новыхъ задачъ какъ на представителей сословнаго управленія, такъ и на выборныя должности общей администраціи. Но стремленія эти находили себѣ малое осуществленіе на практикѣ; указы иногда вовсе не примѣнялись, иногда же толковались администраціей въ обратную сторону ихъ дѣйствительнаго назначенія. Причинами тому были, во-первыхъ, малый интересъ, который представляла собою для дворянства выборная служба; лучшіе люди стали понемногу уклоняться отъ нея; а во-вторыхъ, несамостоятельность сословнаго управленія, все увеличивающаяся зависимость его отъ правительственныхъ органовъ; какъ мы видѣли выше, правительство далеко не всегда защищало его самостоятельность и не ограждало его отъ произвола губернаторовъ. Послѣдніе же, по вѣрному замѣчанію Середонина [1]), слишкомъ часто пользовались своимъ авторитетомъ, давая чувствовать избраннымъ отъ

[1]) Ср. Середонинъ, в. назв. соч., томъ I, стр. 277.

дворянства должностнымъ лицамъ не только ихъ подчиненность, но и полную зависимость.

Успѣшному развитію и процвѣтанію выборной службы противодѣйствовала также некультурность и необразованность провинціальнаго дворянства. Низкій культурный уровень дворянскаго общества способствовалъ развитію приниженности и заискиванія у сильныхъ міра сего.

Примѣромъ можетъ служить одновременное избраніе Трощинскаго въ губернскіе предводители по Кіевской и Полтавской губерніямъ [1]); онъ предпочелъ губернію Полтавскую, въ которой былъ избранъ единогласно, «потому что надѣется быть болѣе полезнымъ тамъ, гдѣ находитъ болѣе единодушія» (!). Мотивами избранія Трощинскаго въ предводители, служили не столько его личныя заслуги и качества, сколько занимаемое имъ положеніе въ кругу высшей администраціи и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Самъ Трощинскій чрезвычайно вѣрно опредѣлилъ роль и значеніе выборной службы того времени. Въ своей запискѣ объ учрежденіи министерствъ [2]) онъ защищаетъ привилегіи дворянства, но при непремѣнномъ условіи состоянія его на службѣ; по его мнѣнію только черезъ государственную службу можетъ пріобрѣтать дворянство свое политическое значеніе и «гражданское существованіе». Изъ этого слѣдуетъ, что «дворяне, по рожденію не участвующіе въ выборахъ и слѣдственно не имѣющіе за себя никакихъ представителей въ правительствѣ, относительно политическихъ правъ находятся на низшей степени, нежели мѣщане и купечество. Съ другой стороны дворяне, находящіеся въ службѣ, дѣлаясь чуждыми пользамъ

---

¹) Предисловіе А. Попова къ запискѣ Д. П. Трощинскаго объ учрежденіи министерствъ, стр. 10. Сбор. Русскаго Ист. Общ., томъ 3; аналогичный случай мы имѣемъ въ выборѣ Московскимъ губернскимъ предводителемъ Н. С. Мордвинова. Гр. Н. С. Мордвиновъ. Историческая монографія, сост. В. С. Иконниковымъ. Изд. Кожанчикова. Спб. 1873 года, стр. 76. См. также записки Сергѣя Николаевича Глинки. „Русскій Вѣстникъ“, іюль, 1865 года.

²) Записка напечатана въ третьемъ томѣ Сб. Р. И. О., стр. 54.

своего состоянія, пріемлютъ интересы корпуса чиновниковъ, отъ котораго они заимствуютъ главнѣйшее свое уваженіе. А отъ сего происходитъ, что даже и дворянскіе предводители ничто другое есть, *какъ только представители служащихъ или вышедшихъ изъ службы чиновниковъ* [1]). Въ другихъ земляхъ дворянство получаетъ всѣ права съ рожденіемъ. Находясь или не находясь въ службѣ, оно пользуется одинаковымъ политическимъ вліяніемъ».

Авторъ записки настаиваетъ на этой мысли; по его мнѣнію дворянство не можетъ быть отождествлено съ чиновничествомъ; оно съ послѣднимъ «*никогда* не можетъ составить ничего общаго». Между тѣмъ въ тѣ времена, какъ и теперь впрочемъ, дворянство фактически отождествлялось съ чиновничествомъ; по словамъ того же Трощинскаго «*даже въ тѣхъ дѣлахъ*, которыя *только до него касаются*, оно (дворянство) тогда только пріобрѣтаетъ политическое вліяніе, когда вступаетъ въ корпусъ правительственныхъ чиновниковъ». У насъ имѣются только два класса людей: «*управляющіе и управляемые*, изъ которыхъ первые могутъ дѣлать все, а послѣдніе ничего, даже въ законномъ пользованіи небольшимъ числомъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ законами [2])».

Нельзя вѣрнѣе охарактеризовать положеніе дворянства! Старый дѣятель Екатерининскихъ временъ, Трощинскій хорошо зналъ Россію, хорошо понималъ, что дворянство исторически отождествлено было съ чиновничествомъ и составляло съ нимъ одно цѣлое. Онъ видѣлъ на опытѣ въ теченіе своей долголѣтней общественной дѣятельности, что всѣ мѣры правительства, направленныя на созданіе независимаго сословнаго управленія или самоуправленія, на выдѣленіе отъ чиновничества помѣстнаго дворянства и учрежденіе неслужащаго аристократическаго класса — всегда оставались безуспѣшными и не приводили ни къ какимъ результатамъ; Трощинскій вѣрно полагалъ, что чинъ окончательно побѣдилъ породу, что

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Тамъ же, стр. 56.

дворянство и не могло дать ничего, кромѣ чиновничества, такъ какъ всегда оставалось сословіемъ служилымъ, т. е. зависимымъ. Правда, въ той же своей запискѣ Трощинскій высказывался за желательность измѣненія положенія вещей, но самъ же не находилъ никакихъ средствъ; практика доказывала ему, что способовъ къ тому не было и не могло быть.

Какъ бы мы ни относились къ Трощинскому, какія бы взгляды и дѣйствія ни ставили въ вину этому представителю реакціоннаго направленія, въ данномъ отношеніи мы не можемъ не согласиться съ нимъ; онъ даетъ намъ вполнѣ вѣрную, хотя и печальную характеристику стремленій и интересовъ дворянскаго сословія.

Ни Александръ, ни его сотрудники тѣхъ временъ этого не сознавали; увлекаемые идеалами и реформами въ духѣ философіи XVIII вѣка, они не могли отдать себѣ отчета въ глубинѣ корней такому явленію, что заранѣе осудило на безплодность ихъ слабыя попытки помочь дѣлу.

Говоримъ слабыя попытки потому, что серьезныхъ преобразованій въ области провинціальнаго управленія они и не пробовали проводить. Дѣятельность ихъ въ интересующемъ насъ вопросѣ ограничилась полумѣрами. Задача была выше ихъ силъ.

О хорошихъ намѣреніяхъ молодыхъ сотрудниковъ Александра свидѣтельствуетъ не одинъ указъ. Но огромность и трудность задачи не давали имъ возможности сосредоточиться и систематизироваться. Такъ было и съ сословнымъ управленіемъ и съ вопросами касавшимися положенія выборной службы. Этимъ объясняется, напримѣръ, что правительство смотрѣло на выборную службу не только благосклонно, но возлагало на нее большія надежды; сюда относятся такіе указы, какъ изданный 31-го марта 1802 года [1]), которымъ дворянству даровано было право избирать своего представителя въ уѣздные суды, для присутствія при разборѣ всѣхъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 20284.

дѣлъ, касавшихся дворянскихъ интересовъ; другіе указы этого же рода увеличивали число должностей, замѣщаемыхъ по выборамъ; такъ въ иныхъ уѣздахъ увеличено было число засѣдателей, въ другихъ измѣненъ былъ порядокъ избранія исправниковъ[1]). Интересенъ указъ 1-го августа 1801 года[2]), которымъ опредѣлялось производство въ чины вообще, и въ частности лицъ, служащихъ по выборамъ; послѣдняго касается третій пунктъ указа; согласно тексту его, изложенному, замѣтимъ, очень неясно, правомъ на дальнѣйшее произ- водство пользуются только тѣ лица, «кои имѣютъ чины ниже мѣстъ ими занимаемыхъ и не иначе, какъ когда въ продолженіе двухъ трехлѣтій безпрерывно они служили». Такимъ образомъ закрывался этимъ лицамъ доступъ къ высшимъ степенямъ служебной іерархіи.

Тотъ же третій пунктъ указа 1801 года интересенъ намъ и въ другомъ отношеніи. Имъ окончательно сравнена была выборная служба со службой государственной, съ точки зрѣнія даруемыхъ ею преимуществъ. Именно эта сторона дѣла должна была представиться дворянству особенно привлекательной, если вспомнимъ его стремленія къ службѣ; но результаты получились обратные желаемымъ правительствомъ. Выборная служба фактически не могла сравняться съ правительственной; на ней нельзя было двигаться вверхъ по іерархической лѣстницѣ; выгоды, ею представляемыя, не были равны выгодамъ правительственной службы; вслѣдствіе всего этого выборная служба неизбѣжно должна была занять второстепенное положеніе. Одновременно же, благодаря этимъ же мѣрамъ правительства, она теряла окончательно свою самостоятельность, а вмѣстѣ съ нею и всякое значеніе.

Желая помочь дѣлу, правительство незамѣтно для самого себя только вредило ему; такъ, напримѣръ, производство въ чины по выборной службѣ было поставлено въ зависимость

¹) Полн. Собр. Зак. № 21648.
²) Полн. Собр. Зак. № 19961.

отъ губернаторовъ, равно какъ награжденіе орденами и другими знаками отличія; безъ свидѣтельства губернатора «объ отличности служенія» выборнаго должностного лица послѣдній не могъ добиться никакой награды. Такое положеніе вещей не могло не ронять значенія выборной службы—печальнымъ же слѣдствіемъ было массовое уклоненіе дворянства и отъ выборовъ и отъ занятія выборныхъ должностей.

Уже въ первые годы XIX столѣтія мы встрѣчаемъ частыя жалобы губернаторовъ на нежеланіе дворянства служить по выборамъ, бывшее поводомъ обнародованія нѣсколькихъ указовъ.

20-го августа 1802 года [1]) изданъ именной указъ Сенату «о неуклоненіи дворянства и купечества отъ выборовъ». Сенату было предписано объявить по губерніямъ, что до Государя дошли свѣдѣнія объ уклоненіи дворянства отъ выборной службы и ему «весьма пріятно будетъ, ежели они съ большею ревностью собираться станутъ къ ихъ выборамъ и съ возможнымъ безпристрастіемъ, по силѣ законовъ, удостоивать лучшихъ людей къ опредѣленію въ должности, для составленія ихъ же собственнаго и прочаго народа блага». Вотъ этого-то «составленія собственнаго и прочаго народа блага» дворянство не хотѣло, да и не могло понять.

Другою мѣрою правительства противъ уклоненія дворянства отъ выборной службы былъ указъ 20-го іюля 1808 года [2]); имъ постановлялось, что, при нежеланіи дворянства занимать выборныя должности, послѣднія должны были замѣщаться чиновниками отъ герольдіи; поводомъ къ изданію этого указа послужили безпорядки и упорное нежеланіе псковскихъ дворянъ замѣщать нѣкоторыя должности по выборамъ; по повелѣнію Государя, на вакансіи Псковской губерніи были назначены чиновники отъ герольдіи; Александръ кромѣ того приказалъ распространить эту мѣру на всѣ губерніи Имперіи, что Сенатомъ и было сдѣлано указомъ 20-го іюля.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 20381.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 23170.

Такая мѣра представляется намъ вполнѣ справедливой, хотя и наносившей сильный ударъ началамъ выборной службы; разъ дворяне не желали пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, правительству приходилось назначать своихъ чиновниковъ. Само дворянство такимъ образомъ способствовало паденію значенія выборной службы. Оно потеряло къ послѣдней всякій интересъ. Такъ, напримѣръ, въ 1809 году на выборы по Волынской губерніи явилось всего 78 человѣкъ, а довѣренностей было представлено 531 [1]).

Правительство думало помочь дѣлу, запретивъ голосованіе по довѣренностямъ [2]), но и это ни къ чему не привело, какъ увидимъ ниже.

Выборная служба становилась для дворянства тяжелой обязанностью; время выборовъ было лишь предлогомъ дворянамъ собраться, покутить, повеселиться; объ общественныхъ и сословныхъ дѣлахъ никто не заботился [3]). Правда, нѣкоторыя должности замѣщались все-таки лучшими людьми провинціи, какъ, напримѣръ, предводительскія. Случаи подобные разсказанному Дубровинымъ [4]) о предводителѣ Измайловѣ,

---

[1]) Середонинъ, в. н. с., томъ 1, стр. 261.

[2]) Докладъ Сената, запрещавшій выборы по довѣренностямъ, слушался въ Государственномъ Совѣтѣ и былъ одобренъ 20 голосами противъ 3 и затѣмъ Высочайше утвержденъ и опубликованъ 14-го ноября 1810 года (П. С. З. № 24423).

[3]) Ср. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. „Русскій Вѣстникъ", 1864 годъ, мартъ, стр. 185.

[4]) Такъ, Дубровинъ повѣствуетъ намъ, что въ 1805 году Измайловъ уже заранѣе распредѣлилъ между своими приверженцами разныя должности и требовалъ отъ остальныхъ дворянъ ихъ избранія. „При открытіи собранія онъ запретилъ секретарю дворянства читать весь обрядъ выборовъ и статьи закона, а приказалъ прочитать только начало и конецъ. Когда стали баллотировать его на прежнюю должность, то по его приказанію уѣздные предводители поставили, каждый предъ собою, баллотировальные ящики съ наружными перегородками ничѣмъ не закрытыми такъ, что каждый могъ видѣть, кто и куда кладетъ шаръ; они же отбирали у многихъ дворянъ шары и сами клали въ правую избирательную перегородку. Затѣмъ каждый уѣздный предводитель почтительно подносилъ свой ящикъ Измайлову и поздравлялъ его съ выборами на прежнюю должность. Кто

извѣстномъ своимъ жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными, надменнымъ и грубымъ обращеніемъ съ дворянами, которыхъ онъ не только обиралъ деньгами, но понукалъ, какъ своими крѣпостными, являлся все-таки исключеніемъ. Большинство предводителей было на высотѣ своего положенія.

Но нельзя того же сказать про прочихъ избираемыхъ дворянствомъ должностныхъ лицъ. Мѣста по выборамъ стали замѣщаться худшей частью дворянства, мелкопомѣстнымъ и неимущимъ; о какой-нибудь самостоятельности выборныхъ должностныхъ лицъ и рѣчи быть не могло; дворянство слѣпо подчинялось власти губернатора и окружавшихъ ближайшихъ его сотрудниковъ.

Къ изложеннымъ причинамъ паденія значенія выборной службы съ теченіемъ времени стала присоединяться еще одна— говоримъ про противуположеніе двухъ классовъ, дворянства богатаго и знатнаго съ одной стороны и мелкопомѣстнаго и неимущаго, съ другой.

Выборная служба перестала привлекать лучшую часть дворянства, болѣе интеллигентныхъ и образованныхъ ея представителей, что неизбѣжно вело къ замѣщенію выборныхъ должностей дворянствомъ мелкопомѣстнымъ и неимущимъ. Послѣднее же было въ полной зависимости отъ губернаторовъ и администраціи, ихъ слѣпыми орудіями.

«На службу по выборамъ, говоритъ Дубровинъ [1]), шли тѣ, которые готовы были переносить всякія непріятности и униженія, угождать лицамъ, имѣвшимъ голосъ, связи и богатство; тѣ, которые готовы были на всѣ несправедливости, лишь бы нажиться отъ промышленниковъ, поселянъ, купцовъ, бѣглыхъ и воровъ».

изъ дворянъ оспаривалъ такой порядокъ выборовъ, тому Измайловъ грозилъ мщеніемъ и обѣщалъ сдѣлать его несчастнымъ".

Подобные же примѣры приводитъ Дубровинъ и относительно нѣкоторыхъ выборовъ Костромской и Нижегородской губерній.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. „Русская Старина" 1899 г., томъ 97, стр. 551 и слѣд.

[1]) В. наз. статья, стр. 568. Также стр. 562.

Нежеланіе лучшей части дворянства служить по выборамъ очень безпокоило правительство [1]), но, невѣрно опредѣляя причины этому явленію и не имѣя общаго плана дѣйствія, оно безсильно было бороться со все растущимъ зломъ.

Угрозы же его конечно не могли помочь дѣлу; «удивительно, пишетъ современникъ, что и суда не боятся и если только станешь выговаривать, то извиняясь просятъ отдать ихъ подъ судъ; лучше хотятъ быть подъ судомъ, только бы впредь отъ службы (читай выборной) быть свободными». Причины, какъ видимъ, подобнаго отношенія дворянства къ выборной службѣ были многочисленны, корни же его чрезвычайно глубоки [2]).

Но если таково было положеніе выборной службы, то правительственная наоборотъ не переставала привлекать дворянство. Какъ мы видѣли, уже съ первыхъ мѣсяцевъ царствованія Александра дворянство стало возвращаться на службу. Интеллигентная часть общества понемногу переѣзжала въ столицы; провинціальная обстановка была ей слишкомъ тяжела; только въ Петербургѣ или Москвѣ могла она найти и просвѣщеніе и бо́льшую культуру.

Интересно отмѣтить здѣсь одинъ указъ, вызвавшій въ столицѣ цѣлую бурю; говоримъ про указъ 5-го декабря 1802 года [3]) о 12-лѣтней службѣ дворянства въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ.

---

[1]) См. напр. П. С. З., указъ № 21648. При разсмотрѣніи его проекта въ Комитетѣ министровъ было даже предложено вовсе лишить дворянство нѣкоторыхъ губерній права замѣщать выборныя должности, но Комитетъ на это не согласился. Середонинъ, в. н. ст., томъ I, стр. 190.

[2]) Мы не можемъ въ данномъ случаѣ согласиться съ Дубровинымъ, полагающимъ, что главною и почти единственною причиною было отсутствіе образованія, невѣжество и общее нежеланіе и неумѣніе дворянства работать (в. наз. ст., стр. 565). Причины эти конечно имѣли огромное значеніе, но онѣ были далеко не единственными.

[3]) П. С. З. № 20542. Державинъ въ своихъ запискахъ (томъ VI, стр. 498) утверждаетъ, что указъ этотъ, вслѣдствіе его выхода изъ министерства, никогда не былъ приведенъ въ дѣйствіе. Ср. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. Band 2, V, Seite 141.

Когда проектъ указа разсматривался въ Сенатѣ, одинъ изъ сенаторовъ, графъ Северинъ Потоцкій, нашелъ, что онъ противорѣчитъ правамъ дворянства, дарованнымъ ему Жалованной грамотой 1785 года, и, опираясь на существовавшее будто бы право Сената протестовать противъ изданія указовъ несогласныхъ съ изданными ранѣе законами, требовалъ отмѣны его [1]).

Въ Сенатѣ, при обсужденіи мнѣнія Потоцкаго, поднялся цѣлый скандалъ, прекратившійся лишь благодаря находчивости министра юстиціи Державина, прибѣгнувшаго къ установленному еще Петромъ Великимъ праву генералъ-прокурора водворять порядокъ на засѣданіяхъ Сената, ударомъ молотка по столу. Потоцкій и другіе поддерживавшіе его сенаторы указывали на нарушеніе права дворянства, дарованнаго ему манифестомъ 1762 года; но, какъ справедливо возразилъ имъ Державинъ, начала новаго указа существовали уже съ давнихъ поръ; еще Екатериною было установлено, что срокъ службы дворянства въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ долженъ былъ быть не менѣе 12 лѣтъ и никогда не вызывалъ затрудненій на практикѣ; всякій могъ выйти въ отставку въ любой моментъ, по болѣзни, большинство же дворянъ достигало оберъ-офицерскихъ чиновъ гораздо скорѣе и получало тѣмъ самымъ право ухода въ отставку. Центръ тяжести всего вопроса конечно лежалъ не въ недовольствѣ дворянства, какъ утверждали Потоцкій и его сторонники, а въ стремленіи ихъ расширить власть Сената въ области законодательства.

Дворянство, какъ вѣрно замѣтилъ Державинъ, не могло тяготиться такимъ закономъ, такъ какъ на практикѣ значеніе его было ничтожно; права же дворянъ служить или не служить указъ этотъ нисколько не нарушалъ, опредѣляя лишь условія одного рода службы, именно военной; противорѣчія стало быть не было никакого [2]).

[1]) Ср. Записки Г. Р. Державина, отд. VIII, стр. 785—792. Сочиненія Державина, изд. Грота, томъ VI, 1871 г. также Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. Paris 1887, tome I, page 342 et suiv.

[2]) Рамки нашего изслѣдованія не даютъ намъ права разсмотрѣть

Невѣжество и грубость провинціальнаго дворянства были еще чрезвычайно велики; стоитъ взять записки любого современника, чтобы убѣдиться въ этомъ. Должностныя ли лица, выбираемыя дворянствомъ, чиновники ли, назначаемые правительствомъ—всѣ были на равной высотѣ; борьба правительства съ невѣжествомъ чиновничества была очень тяжелая. Не помогали Высочайшіе указы, оставались безъ вліянія выраженія личнаго неудовольствія самого Императора. Возьмемъ для примѣра хотя бы волокиту правительственныхъ мѣстъ; сколько ни громило центральное правительство своихъ провинціальныхъ представителей за нее, сколько ни каралъ ихъ самъ Александръ, относясь къ подобнымъ случаямъ иногда съ чрезвычайной строгостью—ничего не помогало; но и высшія учрежденія вели дѣла немногимъ лучше; вспомнимъ, какъ относился къ своимъ обязанностямъ хотя бы Сенатъ; характернымъ въ этомъ случаѣ былъ указъ Александра, данный на имя генералъ-прокурора Беклешева [1]); но и онъ не могъ воздѣйствовать; по замѣчанію Дубровина, «рескриптъ этотъ остался лишь свидѣтелемъ, какъ не исполнялась воля Императора, который принужденъ былъ и послѣ того неоднократно повторять свои требованія о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла» [2]). Правительство думало помочь дѣлу, усиливая штаты чиновниковъ; на первый взглядъ дѣйствительно можетъ показаться, что причиной волокиты былъ недостатокъ рабочихъ рукъ; функціи и дѣятельность административныхъ и судебныхъ мѣстъ все расширялись, количество же должностныхъ мѣстъ оставалось прежнее. Но причины лежали глубже; здѣсь былъ не простой недостатокъ людей, а недоброкачественность ихъ; людей навѣрное бы

этотъ вопросъ подробнѣе. Значеніе его въ исторіи русскаго государственнаго права и въ частности въ исторіи Сената чрезвычайно велико, въ литературѣ же онъ почти не затронутъ. Ср. Mémoires du prince A. Czartoryski, Шильдеръ, в. назв. соч., томъ II, стр. 100, Записки Державина, томъ VI, глава 14, біографія Державина, томъ VIII его сочиненій, стр. 808 и слѣд.

[1]) Отъ 9-го октября 1801 г. Архивъ Сената.

[2]) Дубровинъ, в. назв. ст., „Рус. Старина“ 1899 г., томъ 98, стр. 489.

хватило, но они были не тѣ, которые требовались. Поэтому правительству скоро пришлось убѣдиться на дѣлѣ, что простымъ увеличеніемъ штатовъ дѣлу не поможешь. Карамзинъ [1]) въ своей запискѣ вѣрно подмѣтилъ: «сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ, сколько чиновниковъ ненужныхъ», а дѣла оставались попрежнему нерѣшенными; недостатокъ ощущался не въ людяхъ, а въ образованныхъ, честныхъ и добросовѣстныхъ работникахъ.

Должностныя лица несомнѣнно не были на высотѣ своего призванія; всюду царили произволъ и невѣжество; своевластіе правителей не знало предѣловъ и всесильно господствовало среди беззащитнаго общества. Стоитъ вспомнить, напр., тѣ печальныя обстоятельства, которыя раскрыты были ревизіями Лопухина и Нелединскаго [2]) въ Слободско-Украинской губерніи, тѣ препирательства, которыя происходили въ Сенатѣ, напр., при обсужденіи вопроса о дозволительности принимать правительственными органами цѣнные подарки отъ своихъ подчиненныхъ. Повторяемъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, можно взять любыя записки и мемуары начала XIX вѣка [3]).

Между тѣмъ нужда въ рабочихъ рукахъ все увеличивалась; преобразованія Александра I требовали сотни новыхъ исполнителей.

Дворянству представилась широкая возможность посвятить свой трудъ государственной службѣ, и, надо сказать, оно этимъ не преминуло воспользоваться. Какъ мы знаемъ, на службу дворянство продолжало смотрѣть, какъ на единственно достойное занятіе. «Жить въ отставкѣ, говоритъ напр., Лубяновскій въ своихъ воспоминаніяхъ [4]), у кого нѣтъ ни кола, ни двора своего, и кто не знатенъ, не славенъ — не забавная проза.

[1]) Записка Карамзина, „Русскій Архивъ" 1870 г. (прилож.), стр. 2306.

[2]) Записки И. В. Лопухина. Лондонъ. 1860, стр. 107—117.

[3]) Ср. съ примѣрами, приводимыми Дубровинымъ, в. назв. ст., „Русс. Старина" 1899 г., томъ 98, стр. 53—75.

[4]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. 1777—1834. Москва 1872, стр. 272.

Бѣда нашей братьѣ съ *нашимъ дворянскимъ образованіемъ* [1]): на то и дворянинъ, чтобы служить; а вытолкни тебя служба за порогъ, не знаешь куда дѣваться»; въ одинаковыхъ выраженіяхъ говоритъ объ этомъ и Вигель [2]): «встарину были благоразумнѣе; были однакоже семейства и мое въ томъ числѣ, которыя въ отставкѣ видѣли уничиженіе, потерю всѣхъ надеждъ, лишеніе всѣхъ удовольствій самолюбія». Здѣсь отразился исконный взглядъ дворянства на службу; трудно описать его болѣе рельефно [3]).

---

1) Курсивъ нашъ.

2) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, „Рус. Вѣстникъ", мартъ, 1864 г., стр. 141.

3) Приводимъ здѣсь очень интересное мѣсто изъ воспоминаній Ѳ.П. Лубяновскаго, рисующаго намъ ту потребность въ рабочихъ рукахъ, которую вызвала собою реформа центральнаго правительства и въ особенности учрежденіе министерствъ. „М-во вн. дѣлъ, говоритъ Лубяновскій, съ учрежденія его было обширнѣе нынѣшняго. Изъ отрывковъ его впослѣдствіи составились департаменты, цѣлыя министерства. Называли его иногда блистательнымъ, а оно въ сравненіи съ нынѣшними министерствами было не только скромно, но на людей даже скупо. Нынче сто рукъ нужны тамъ, гдѣ тогда одиннадцатая была лишнею. Едва ли однакоже это можно безусловно приписать лишь раздѣленію работы, впрочемъ до роскоши дробному. Нужда здѣсь, кажется, сама о себѣ промышляетъ: тысячи молодыхъ людей всякаго званія, рѣдкій изъ нихъ не нищій, приготовляютъ себя по отеческому преданію къ статской службѣ дома, въ судахъ, въ частныхъ, публичныхъ заведеніяхъ, и какъ на морѣ волна за волной, такъ они толпа за толпой спѣшатъ выйти на этотъ берегъ. Изъявъ немногихъ, которымъ способности, болѣе или менѣе обработанныя наукой, и еще немногихъ, которымъ счастливые случаи прелагаютъ дорогу, большая часть и то не всѣ правильно, изучаютъ одно ремесло, немудреное, но въ ихъ глазахъ выше всякой промышленности, ремесло владѣть перомъ какъ челнокомъ за ткацкимъ станкомъ; этимъ ремесломъ начинаютъ и оканчиваютъ служебное поприще, не приготовивъ себя ни къ чему иному, не имѣвъ къ тому и способовъ. Гдѣ же внѣ службы эти люди съ семьями нашли бы себѣ кусокъ насущнаго хлѣба? Надобно и то сказать, что вѣкъ нашъ мало что оставилъ на мѣстѣ, чего не переломалъ бы и не переиначилъ; пришли съ нимъ новыя идеи, новыя надобности, новыя требованія, между прочимъ и въ управленіи и въ письмоводствѣ по стремленію къ централизаціи и къ такъ называемому упрощенію, къ точной во всемъ большомъ и маломъ отчетности, къ вящшему всего усовершенствованію. На все это нужны руки и не въ маломъ числѣ". Стр. 206—208, Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, 1777—1834 годовъ, Москва 1872.

Но правительство не могло довольствоваться услугами одного дворянства; последнее было слишкомъ необразовано. Вновь учрежденные университеты и высшія училища давали слишкомъ малое число образованныхъ чиновниковъ, нужда въ которыхъ все увеличивалась.

Къ какому же средству прибѣгло правительство? Оно нашло достаточный контингентъ для своихъ новыхъ канцелярій и департаментовъ въ лицѣ семинаристовъ. Новыя мѣста центральнаго управленія заполнялись послѣдними; правительству пришлось предпочесть семинаристовъ въ силу необходимости, по негодности къ новымъ задачамъ самого дворянства.

Сторонники прежнихъ порядковъ и Екатерининскихъ временъ были этимъ очень недовольны; они справедливо видѣли въ немъ подрывъ принципа сословности, но вмѣсто того, чтобы искать объясненія такому явленію въ качествахъ дворянства, они перешли на личности, обвиняя во всемъ Сперанскаго, бывшаго семинариста, покровительствовавшаго по ихъ мнѣнію «своимъ собратіямъ по происхожденію», сотоварищамъ «родного класса» [1]).

Но, какъ указалъ еще біографъ Сперанскаго [2]), обвиненія эти лишены всякаго основанія. Здѣсь было не узкое покровительство интересамъ касты, а общая нужда въ людяхъ и работникахъ. Правительство брало семинаристовъ на службу, только благодаря ихъ лучшему образованію и большей привычкѣ къ труду.

Эта политика правительства не могла не оставить глубокихъ слѣдовъ на строѣ дворянскаго сословія. Какъ мы знаемъ, русское дворянство никогда не было замкнутымъ сословіемъ. Теперь же, съ открытымъ допущеніемъ къ службѣ, дававшимъ возможность пріобрѣтенія благородства, «захудалыхъ» семинаристовъ, доступъ въ него сдѣлался еще легче, двери отворились еще шире всякому.

---

¹) См., напр., записки Державина, томъ VI, стр. 481—482.

²) Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго, томъ I, стр. 102. Также Ѳ. Дмитріевъ, „Сперанскій", „Русскій Архивъ" 1868 года.

«Въ кабинетѣ Сперанскаго, говоритъ Вигель[1]), и въ новыхъ петербургскихъ канцеляріяхъ, прибавимъ мы, въ это самое время зародилось совсѣмъ новое сословіе, дотолѣ неизвѣстное, которое, безпрестанно умножаясь, можно сказать, какъ сѣткой покрываетъ нынѣ всю Россію —сословіе бюрократовъ». Тотъ же авторъ вѣрно подмѣтилъ причину этого новаго явленія; «желая облагородить гражданскую службу, говоритъ онъ, Сперанскій думалъ сдѣлать сіе посредствомъ просвѣщенія: по нуждѣ въ добромъ согласіи съ закоренѣлыми въ лихоимствѣ умными людьми, онъ въ то же время хотѣлъ въ иныхъ правилахъ воспитать новое поколѣніе чиновниковъ, которое мысленно составлялъ онъ изъ людей неизвѣстнаго происхожденія» [2]).

Въ послѣднихъ словахъ Вигеля слышится то же обвиненіе, которое сдѣлано было Сперанскому Державинымъ, т. е. въ предпочтеніи имъ «людей неизвѣстнаго происхожденія»; но что же было дѣлать, когда представители «извѣстнаго происхожденія» совершенно не отвѣчали новымъ требованіямъ жизни!

Правительство брало молодыхъ людей образованныхъ тамъ, гдѣ оно ихъ находило; не его вина, если таковыхъ можно было найти только въ среднихъ классахъ населенія [3]).

IV.

Все это не могло не вызывать неудовольствія среди дво-

---

[1]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. „Русскій Вѣстникъ", 1864 г., т. IV, стр. 479.

[2]) Тамъ же, стр. 481.

[3]) Очень интересенъ въ этомъ отношеніи отзывъ иностранца. Свободный доступъ въ дворянское сословіе считалось историкомъ Раббе большимъ достоинствомъ русскаго государственнаго строя. „A cet égard, пишетъ онъ, la Russie semble considérablement en avant de beaucoup d'autres Etats!" съ чѣмъ мы должны вполнѣ согласиться; незамкнутость дворянскаго сословія, всегда отличавшая его, является несомнѣннымъ достоинствомъ, какъ бы ни протестовали, представители „благородныхъ родовъ", Щербатовы, Державины и др. (Histoire d'Alexandre I, Empereur de toutes les Russies, par A. Rabbe. Paris 1826, tome I, page 217).

рянства; съ теченіемъ времени проявленіе его все усиливалось.

Дворянство не могло быть довольно своимъ положеніемъ; съ одной стороны ему казалось, что отъ него отнимаются его привилегіи, что на ряду съ нимъ, а иногда и выше, ставились низшіе, захудалые классы, съ другой же оно чувствовало, что помочь этому могли только дѣятельность, работа и образованіе, другими словами жизнь принуждала дворянство выйти изъ его косности, вступить въ житейскую борьбу собственными средствами, а не полагаться болѣе на защиту правительства. Представители стараго порядка были недовольны тѣмъ, что политика правительства построена была на преобразованіяхъ. Недовольство, признаки котораго проявлялись уже въ первые годы царствованія Александра, съ теченіемъ времени только усиливалось, распространялось шире и шире и къ концу царствованія того же Императора совершенно побѣдило тѣ благія начинанія, которыя успѣли провести въ жизнь юные сотрудники Государя.

Въ изучаемую нами эпоху мы видимъ, какъ росло и развивалось это недовольство. Проявленіе его было подмѣчено еще въ 1803 году [1]). Недовольно *впередъ,* пишетъ Пыпинъ [2]), было старое чиновничество, которое тревожили въ привычной его рутинѣ и которое опасалось потерять значеніе при новыхъ порядкахъ; лѣнивое барство и дворянство, которое страшилось попытокъ освобожденія крестьянъ; недовольны были и философы крѣпостного права, въ число которыхъ не усумнился стать Карамзинъ.

Недовольство это вызывалось также идеями самого Александра. Выше намъ уже разъ пришлось коснуться взглядовъ Государя на привилегіи дворянскаго сословія [3]). Въ первые годы своего царствованія онъ часто высказывалъ эти мысли;

---

[1]) Ср. Журналъ неофиціальнаго комитета 9-го ноября 1803 г.

[2]) Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, Спб., 1885, стр. 102.

[3]) См. выше стр. 292.

рѣзче всего онѣ проявились при обсужденіи проекта манифеста о возстановленіи Жалованной дворянству грамоты. Александръ прямо заявилъ на засѣданіи неофиціальнаго комитета, что «возстановляетъ грамоту противъ своей воли и что исключительность дарованныхъ ею правъ всегда была ему противна» [1]. По мнѣнію Государя выдѣлять людей могли только личныя заслуги; ему хотѣлось провести какъ можно рѣзче различіе между лицами, оказавшими странѣ своимъ трудомъ какую-нибудь пользу, и людьми, проводящими жизнь въ праздности. Государственная служба должна была первенствовать, что не могло нравиться представителямъ старыхъ порядковъ, той части дворянства, которая привыкла проживать въ праздности отцовскіе капиталы, пользуясь привилегіями, доставляемыми ему правительствомъ, и не давая послѣднему ничего въ обмѣнъ.

Интересно замѣтить, что Александръ не измѣнилъ своего взгляда по этому вопросу даже въ тѣ времена, когда реакціонная партія уже торжествовала побѣду. Такъ въ 1814 году, при составленіи благодарственнаго манифеста за участіе народа въ Отечественной войнѣ, Государь полагалъ, что воинство должно быть поставлено на первое мѣсто въ манифестѣ; Шишковъ, писавшій манифестъ, поставилъ на первое мѣсто «всероссійское дворянство», въ виду того, что послѣднее, «яко цѣлое, долженствуетъ преимуществовать предъ частью самого себя», на что Государь отвѣтилъ съ насмѣшкой: «вотъ стану я равнять такого-то съ такимъ-то» (при этомъ онъ назвалъ двухъ лицъ по именамъ). Шишковъ думалъ возражать Александру, но Императоръ обрѣзалъ его и приказалъ повелительнымъ тономъ поставить воинство на первое мѣсто, т. е. выше дворянства, при чемъ говорилъ «такъ гнѣвно, что Шишковъ принужденъ былъ замолчать» [2].

По понятіямъ Шишкова и другихъ представителей реак-

---

[1]) Ср. Шильдеръ, в. назв. соч., томъ II, стр. 79.

[2]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова (изд. Кисилева и Самарина, Берлинъ 1870), томъ I, стр. 308. Также Шильдеръ, в. назв. соч., томъ III, стр. 256.

ціи, Александръ, высказывая подобныя мысли, совершалъ преступленіе «противъ русской національности»; исторія же доказала, что эти взгляды лишь нарушали эгоистическіе расчеты представителей реакціи. Но въ примѣненіи на дѣлѣ они оказались лишь пустыми фразами. Характерно было участіе въ обсужденіи этого вопроса графа Аракчеева, переданное намъ Шильдеромъ [1]). «Лукавый царедворецъ, говоритъ названный авторъ, не проронилъ ни единаго слова, не заступившись ни за реакціонныя мысли Шишкова, не отстаивая либеральныхъ мечтаній Александра»; Аракчеевъ несомнѣнно чувствовалъ, что мысли Государя, имъ высказываемыя въ данномъ случаѣ, уже не могли имѣть никакихъ реальныхъ послѣдствій и являлись лишь слабымъ безсознательнымъ отголоскомъ юношескихъ годовъ и вліянія такихъ людей, какъ Лагарпъ. Противорѣчить же Императору Аракчеевъ всегда считалъ и безполезнымъ и опаснымъ.

Время значительно измѣнило міросозерцаніе Александра, а главное провело рѣзкую границу между тѣмъ, о чемъ онъ мечталъ, и тѣмъ, что проводилъ въ жизнь [2]).

Въ разсматриваемый нами періодъ отрицательное отношеніе Императора къ дворянству еще имѣло огромное практическое значеніе, что и вызывало недовольство послѣдняго; Александръ откровенно несочувствовалъ косной аристократіи и ея привилегіямъ.

Представители же ея все громче заявляли о ненарушимости «исконныхъ правъ дворянскаго сословія», о необходимости для самодержавія привилегированнаго дворянства. Войны 1806 и 1807 годовъ только усилили недовольство дворянства; хотя ревизующіе сенаторы и доносили изъ провинціи, что все обстоитъ благополучно [3]), хотя правительство не

¹) Шильдеръ, в. н. с., томъ III, стр. 258.

²) Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, стр. 25.

³) Ср., напр., со свѣдѣніями приводимыми сенаторомъ И. В. Лопухинымъ, въ его запискахъ (изд. Герцена, Лондонъ, 1860 г.); главы VIII и IX, стр. 167 и слѣд.

видѣло въ недовольствѣ этого сословія серьезной опасности, оно все-таки имѣло большое значеніе.

Къ этому же времени впервые стали проявляться результаты отсутствія у Александра твердости характера и опредѣленнаго политическаго плана. Онъ сталъ колебаться въ своей политикѣ; враги реформъ сразу это почувствовали; съ этой поры походъ противъ либерализма начала XIX вѣка сталъ на болѣе твердую почву.

Тильзитскій миръ составляетъ въ этомъ отношеніи эпоху; съ одной стороны съ этого времени Александръ отступился отъ друзей своей юности и либеральнаго направленія; съ другой же заключеніе этого мира вызвало уже нескрываемое болѣе недовольство дворянства. Тильзитскій миръ противорѣчилъ всей предыдущей политикѣ Россіи; общество привыкло видѣть во Франціи своего исконнаго врага; вспомнимъ только манифесты, призывавшіе народъ на «борьбу съ антихристомъ» и т. п., и вдругъ однимъ почеркомъ пера все измѣнялось; какъ вѣрно замѣтилъ Дубровинъ [1]), общество не ошибалось въ этомъ случаѣ; миръ съ Франціей былъ непроченъ, не могъ принести Россіи никакой пользы и былъ выгоденъ одному Наполеону; дворянство сознавало, говоритъ авторъ, «что Наполеонъ не можетъ остаться въ покоѣ и не перестанетъ воевать, пока не сломитъ себѣ шею; но прежде чѣмъ это случится, пройдетъ еще нѣсколько томительныхъ лѣтъ, полныхъ тревоги и опасностей и будущее въ своемъ теченіи поставитъ Россію въ еще болѣе трудное положеніе». Исторія къ несчастью подтвердила эти опасенія.

Осужденіе Тильзитскаго мира находимъ мы во всѣхъ слояхъ общества; заключеніемъ его были недовольны какъ дворянство, такъ и крестьянство, купечество, однимъ словомъ недовольна была вся Россія. Можно повторить слова Шишкова, что Тильзитскій миръ уничтожилъ чело могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для нея условій, превратив-

---

[1]) Дубровинъ, в. н. с., „Русская Старина“ 1898 года, томъ 96, стр. 502.

шихъ презираемаго доселѣ и страшившагося насъ Бонапарта въ грознаго Наполеона [1]).

Картину всеобщаго неудовольствія и возмущенія передаетъ намъ извѣстное анонимное письмо 1807 года, будто бы поданное Императору Александру [2]).

Письмо это призывало Государя «положиться болѣе всего на дворянство, на сію истинную подпору трона». Представители реакціи умѣло воспользовались этимъ положеніемъ вещей; они смѣло и громко стали говорить, что причиной всему были реформы начала царствованія и ненавистныя имъ либеральныя идеи.

Дворянство не только шумѣло и кричало, какъ то думаетъ Дубровинъ [3]); оно имѣло дѣйствительныя причины къ недовольству; затронуты были его самые живые интересы; ему грозили отнятіемъ его привилегій и преимуществъ.

Послѣдствія этого недовольства были огромны; оно вело за собой, какъ увидимъ ниже, полное торжество представителей старыхъ порядковъ, Карамзиныхъ, Державиныхъ, Трощинскихъ, Шишковыхъ и окружавшаго ихъ сонма болѣе мелкихъ дѣятелей.

Императоръ понемногу отступался отъ своего прежняго направленія, все больше отдавая себя въ руки реакціи. Такимъ образомъ, какъ говоритъ Шильдеръ [4]), «насталъ тотъ періодъ царствованія Александра, когда все измѣнилось въ немъ, когда онъ долженъ былъ разорвать прежніе союзы, уда-

---

[1]) Записки Шишкова, Берлинъ, томъ I, стр. 95. Ср. также Шильдеръ, в. назв. соч., томъ II, стр. 210 и слѣд. Дубровинъ, в. назв. статья, глава I и II, „Русская Старина“ 1898, томъ 96. Бутеневъ, Воспоминанія, „Русскій Архивъ“, 1881, кн. III. Вигель, Воспоминанія. „Русскій Вѣстникъ“ 1864, V, статья „Императоръ Александръ I“. „Русская Старина“ 1899, VI, VII и VIII. Булгаринъ, Воспоминанія ч. III, стр. 327. Вяземскій, томъ VII, полн. собр. соч.

[2]) См. Чтенія московскаго общества исторіи и древностей 1873 г. кн. III, стр. 154, также Дубровинъ, в. назв. ст., глава II, стр. 509.

[3]) Дубровинъ, в. н. с., „Русская Старина“ 1898 года, томъ 96, стр. 516.

[4]) Шильдеръ, в. назв. соч., томъ II, стр. 212, также Соловьевъ, „Императоръ Александръ Первый“, изд. 1877 г., стр. 157.

лить отъ себя прежнихъ любимцевъ, когда притворство сдѣлалось для него необходимостью».

Недовольство же дворянства все увеличивалось; все способствовало тому, и внѣшняя политика правительства, съ его нескончаемыми войнами, и внутреннія мѣропріятія, предпринимаемыя безъ опредѣленнаго плана и большею частью не доводимыя до конца, взгляды самого Императора и дѣятельность его новыхъ сотрудниковъ. Вслѣдъ за тяжелыми войнами 1806 и 1807 годовъ дворянству нанесенъ былъ новый ударъ. 9-го августа 1809 года былъ изданъ указъ объ экзаменахъ для производства въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника [1]).

Указъ этотъ вызвалъ чрезвычайное негодованіе русскаго общества, исторія его подписанія была слѣдующая [2]). Сперанскій, воспользовавшись временнымъ нездоровьемъ Императора, поднесъ ему на разсмотрѣніе проектъ указа, которымъ устанавливались экзамены для лицъ, представленныхъ къ производству въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника. Чинъ, со временъ указа Екатерины Великой, установившаго сроки выслуги [3]), представлялся дворянству, какъ нѣчто почетное, какъ извѣстнаго рода титулъ, особое преимущество, служившее знакомъ отличія отъ прочихъ «подлыхъ» классовъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ чинъ, какъ награда, имѣлъ большое значеніе въ рукахъ правительства, возбуждая тщеславіе и честолюбіе дворянства.

Образованіе тогдашняго дворянства стояло на очень низкой степени развитія; дворяне большею частью воспитывались дома разными иноплеменными гувернерами, бывшими сами

---

[1]) П. С. З. № 23771.

[2]) Ср. бар. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго, т. I, стр. 176 и слѣд., также Богдановичъ, Исторія царств. Александра I, томъ III, стр. 17 и слѣд.

[3]) П. С. З. № 16930. 16-го декабря 1790 года; Императоръ Павелъ въ 1799 году (9-го декабря № 19219) распространилъ срокъ выслуги на всѣ чины до статскаго совѣтника.

весьма мало образованными; нѣкоторые, правда, учились въ Московскомъ университетѣ, но и послѣдній давалъ весьма малое; только самая небольшая часть дворянства получала хорошее образованіе, благодаря особымъ условіямъ, въ которыхъ жили болѣе богатые дворяне. Императоръ Александръ, какъ мы уже указывали, былъ этимъ очень озабоченъ. Онъ хорошо сознавалъ, что для дальнѣйшаго движенія по пути прогресса развитіе нашего общества въ первую очередь требовало лучшаго образованія. Слѣдствіемъ этого были тѣ многочисленныя мѣропріятія правительства въ области народнаго просвѣщенія, учрежденіе особаго министерства, цѣлаго ряда университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, поощрительные и благодарственные указы правительства (напр., указъ Тульскому губернатору 1801 г.) и т. п. Но опытъ показалъ, что всего этого было недостаточно; дворянство не особенно стремилось къ просвѣщенію.

Отсюда проистекало то предпочтеніе, даваемое правительствомъ семинаристамъ, о которомъ мы говорили выше. Отсюда же и мысль Сперанскаго объ установленіи особыхъ экзаменовъ для лицъ, желающихъ двигаться по іерархической лѣстницѣ.

Чины составляли для дворянства желанную цѣль; между тѣмъ получались они не заслугами и отличіями, а исчисленіемъ лѣтъ, проведенныхъ на службѣ, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ, благодаря протекціи и знакомству. Желая улучшить положеніе вещей и побудить дворянство къ образованію, Сперанскій и предполагалъ прибѣгнуть къ установленію спеціальныхъ экзаменовъ, но указъ этотъ шелъ въ разрѣзъ со всѣмъ укладомъ жизни русскаго дворянства; онъ слишкомъ противорѣчилъ его основнымъ традиціямъ и стремленіямъ и вызвалъ только ненависть со стороны представителей этого сословія къ его автору. Дворянство увидало въ немъ нарушеніе своихъ привилегій. На Сперанскаго посыпались самые нелѣпые, самые злые упреки. Ярче всего возмущеніе сказалось въ извѣстной запискѣ Карамзина. Но,

какъ вѣрно замѣтилъ баронъ Корфъ [1]), Карамзинъ и его сторонники возмущались лишь одною стороной вопроса, и въ нѣкоторомъ отношеніи они были правы; другая сторона его осталась въ тѣни; между тѣмъ нельзя отрицать, что указъ этотъ могъ принести огромную пользу, несмотря на свои недостатки и противорѣчіе стремленіямъ дворянства. Главнымъ недостаткомъ указа была несовершенная обработка подробностей; начала имъ установляемыя не были въ достаточной мѣрѣ соображены съ указаніями практики; постановленія были слишкомъ общи; предметы испытаній не были согласованы съ дѣйствительными потребностями службы; какъ указалъ еще Карамзинъ, къ чему было совѣтнику губернскаго правленія основательное изученіе геометріи и физики, когда онъ не зналъ своего родного языка; составитель указа 1809 года упустилъ изъ виду, что «экзаменъ *въ наукахъ* часто бываетъ совершенно ложнымъ мѣриломъ для сужденія о *дѣловой* способности чиновниковъ» [2]). Эти недостатки указа были причиной его безуспѣшности; прямыхъ результатовъ онъ не далъ и не могъ дать; зато косвенныя послѣдствія были огромны. Онъ явился такимъ же стимуломъ для дворянства, какимъ было привлеченіе правительствомъ на службу семинаристовъ; но дѣйствіе оказалось въ данномъ случаѣ еще значительнѣе. Дворянство получило сильный толчокъ къ выходу изъ косности; борьба за существованіе должна была сдѣлать свое дѣло. То поколѣніе, которое во время его изданія уже занимало должностныя мѣста, не могло конечно исправиться, чиновники, если и взялись за книжки, то только формально; новыхъ знаній имъ подобная работа, эти спѣшно нахватанныя свѣдѣнія не могли дать; зато молодое поколѣніе «двинулось къ образованію». «Можно кажется безошибочно утверждать, говоритъ баронъ Корфъ [3]), что въ этомъ отношеніи законъ 1809 года, несмотря на то, что дѣйствіе его, вскорѣ осла-

[1]) Жизнь гр. Сперанскаго, томъ I, стр. 181.
[2]) Бар. Корфъ, в. назв. соч., томъ I, стр. 183.
[3]) Тамъ же, стр. 185.

бленное разными перемѣнами и изъятіями, не было допущено до полнаго развитія, принесъ болѣе плода, нежели всѣ прочія мѣры, когда-либо принятыя правительствомъ... Дѣло было сдѣлано, въ Россіи стали учиться».

Дворянство возмущалось; на составителя указа сыпались самыя ужасныя обвиненія; представители реакціи метали громы и молніи; сразу же послѣ изданія его стали дѣлаться исключенія, затѣмъ ограниченія его дѣйствія; съ уходомъ же со сцены общественной дѣятельности Сперанскаго онъ и вовсе былъ отмѣненъ. Несмотря на все это, пользу указъ объ экзаменахъ все-таки принесъ огромную.

Черезъ четыре дня послѣ высылки Сперанскаго изъ Петербурга, разсказываетъ намъ его біографъ [1]), изъ дѣйствія этого указа изъяты вѣдомства военное и морское, а въ 1812 году [2]) пріостановлено его дѣйствіе и по отношенію къ гражданской службѣ, но съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что лица, получившія чины безъ установленнаго экзамена, оставались въ тѣхъ же вѣдомствахъ. Затѣмъ были сдѣланы исключенія въ пользу лицъ, оканчивающихъ высшія учебныя заведенія, наконецъ цѣлый рядъ вѣдомствъ и должностей были вовсе освобождены отъ экзаменовъ при производствѣ въ чины. Въ 1812 году былъ составленъ спеціальный комитетъ для пересмотра этого закона, приведшій къ окончательной отмѣнѣ его въ 1834 году.

Недовольство дворянства закономъ объ экзаменахъ вполнѣ понятно. Ему гораздо пріятнѣе былъ прежній порядокъ, когда, ничего не дѣлая, можно было зарабатывать чины и привилегіи.

Просмотримъ для характеристики дворянскихъ взглядовъ на этотъ вопросъ нѣкоторыя изъ обвиненій, возводимыхъ на указъ 1809 года. «Чины получать даромъ, пишетъ Вигель [3]), можно было только въ Петербургѣ и немногіе соглашались

---

[1]) Тамъ же, стр. 185.
[2]) П. С. З. № 25047, 21-го марта 1812 г.
[3]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, „Русскій Вѣстникъ", т. VII, стр. 69.

оставаться въ немъ цѣлую жизнь». Если первую часть цитаты можно считать болѣе или менѣе правильной, такъ какъ въ провинціи несомнѣнно отъ чиновниковъ требовалось большее количество труда, то вторая, утверждавшая, что дворяне предпочитали жить въ провинціи, расходится съ правдой. Дворянство стремилось всѣми силами въ столицы, совершенно пренебрегая провинціальными интересами. Самъ же Вигель немного далѣе указываетъ на него. Это стремленіе дворянства въ столицы убивало всякое значеніе сословнаго управленія и выборной службы, терявшихъ лучшихъ представителей общества. Далѣе Вигель говоритъ [1]), что «Сперанскій представлялъ русскихъ какъ народъ упрямый, лѣнивый, неблагодарный, не чувствующій цѣны мудрыхъ о немъ попеченій, народъ, коему не иначе, какъ насильно, можно творить добро. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ онъ въ глазахъ государя число праздношатающихся молодыхъ дворянъ-чиновниковъ». Этими словами авторъ бьетъ въ самый центръ вопроса. Положеніе дворянства было дѣйствительно таково, что на путь просвѣщенія его могли выдвинуть лишь насильственныя мѣры; само дворянство не шло навстрѣчу этому; правительству приходилось прибѣгать къ мѣрамъ насильственнымъ именно потому, что другія оказывались явно недѣйствительными. Что же касается размноженія «праздношатающихся молодыхъ дворянъ-чиновниковъ», то увеличеніе числа чиновниковъ вызывалось, какъ мы видѣли выше, все растущимъ кругомъ дѣятельности центральнаго управленія; учрежденіе министерствъ несомнѣнно сильно увеличило число должностныхъ лицъ, но что большинство молодыхъ дворянъ были «праздношатающіеся», въ этомъ виноватъ не Сперанскій, а сами дворяне, воспитывавшіе своихъ дѣтей въ праздности и спеціально культивировавшіе въ нихъ убѣжденіе, что работа не дворянскихъ рукъ дѣло.

Съ этой точки зрѣнія понятны были тѣ порицанія и то возмущеніе, которыя вызвала обязанность держать какимъ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 71.

нибудь «заслуженнымъ коллежскимъ совѣтникамъ» экзаменъ; но что же было дѣлать, когда эти заслуженные чины обрѣтались въ полномъ невѣжествѣ и иногда едва умѣли писать! «Никто не хотѣлъ вѣрить, пишетъ тотъ же авторъ [1]), что строгое исполненіе сего указа было возможно». Оно дѣйствительно оказалось невозможнымъ, какъ мы сказали выше, но пользу указъ этотъ все-таки принесъ огромную и въ этомъ его заслуга. Указъ объ экзаменахъ обнажилъ стремленія дворянскаго сословія во всей ихъ полнотѣ; по отношенію общества къ нему можно отлично судить объ идеалахъ дворянства.

Совершенно аналогичное воздѣйствіе имѣлъ и другой указъ того же года, установившій новый порядокъ придворной службы [2]). Придворное званіе не влекло больше за собой производства въ чины; всякій камергеръ или камеръ-юнкеръ долженъ былъ состоять на службѣ по какому-нибудь вѣдомству «наравнѣ съ прочими дворянами». Можно предполагать, что мѣру эту провелъ самъ Александръ, всегда относившійся къ придворнымъ чинамъ отрицательно и называвшій ихъ, по свидѣтельству Богдановича, «полотерами».

Если указъ объ экзаменахъ возбудилъ противъ себя почти поголовно все дворянство, то послѣдній привелъ въ ярость высшую аристократію, обвинявшую Сперанскаго въ измѣнѣ отечеству, видѣвшую въ немъ «подлаго проходимца», семинариста, проводившаго подобныя мѣры лишь подъ вліяніемъ классовой ненависти [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 71.

[2]) П. С. З. № 23559 и 23781. Ср. бар. Корфъ, в. н. с., т. I, стр. 173 и слѣд. Богдановичъ, в. н. с., т. III, стр. 17 и слѣд.

[3]) Картинно выражается по этому поводу Вигель: „Можно ли было ожидать отъ графчика или князька, наслѣдника 20, 30 или 50 тысячъ душъ, чтобы онъ охотно, въ званіи канцелярскаго служителя, подчинилъ себя засаленному повытчику и по его приказанію переписывалъ бумаги?.. Всѣ эти баричи числились только по департаментамъ, а главное начальство само способствовало ихъ повышенію. Указъ, объявленный въ день Свѣтлаго Воскресенія, произвелъ между знатью нѣкоторый ропотъ; дворяне же и разночинцы тому обрадовались, особенно же тѣ, кои, подобно мнѣ, воспитаніемъ, образова-

V.

Но было ли право русское общество?

Ни аристократія, ни дворянство не были правы, обвиняя Сперанскаго въ желаніи уничтожить вовсе привилегированный классъ и сравнить его съ прочими сословіями Имперіи. Это свидѣтельствуютъ мысли его, изложенныя въ планѣ [1]) объ общемъ преобразованіи учрежденій Имперіи; документъ этотъ показываетъ намъ, что авторъ его не только не стремился къ установленію всеобщаго равенства, но прямо говорилъ о необходимости «высшаго класса», который онъ желалъ преобразовать по образцу англійской аристократіи. Сперанскій справедливо указывалъ на недостатки русскаго дворянства, на его косность, невѣжество и отсутствіе стремленій къ просвѣщенію. «Я желалъ бы, пишетъ онъ, чтобы кто-нибудь показалъ мнѣ, какая есть разница между отношеніемъ крѣпостныхъ къ ихъ господамъ и отношеніемъ дворянъ къ верховной власти. Развѣ послѣдняя не имѣетъ надъ дворянами той же самой власти, какъ дворяне надъ крѣпостными? Итакъ, вмѣсто этой пышной классификаціи русскаго народа на различныя сословія, на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, я нахожу въ Россіи только два сословія: это — *рабы верховной власти и рабы землевладѣльцевъ*». Чего же хотѣлъ Сперанскій взамѣнъ существующаго порядка вещей?

Населеніе Россіи должно было быть раздѣлено на два класса, высшій и низшій. «Высшій классъ долженъ быть основанъ на правѣ первородства, пишетъ Сперанскій [2]), зани-

ніемъ своимъ почитали себя равными баричамъ, но дотолѣ не смѣли имъ завидовать". Здѣсь характерно сказался взглядъ чиновника-бюрократа, ненавидящаго родовыя аристократическія преимущества. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. „Русскій Вѣстникъ" 1864 года, томъ VII, стр. 69.

[1]) Ср. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I", томъ II, приложеніе XII, стр. 372—395; Пыпинъ, „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", стр. 154—166; „Сперанскій", статья Погодина, „Русскій Архивъ" 1871 года.

[2]) Пыпинъ, в. назв. соч., стр. 160.

мать первыя государственныя должности и блюсти законы. Связанный съ народомъ неразрушимыми связями родства и владѣнія, онъ будетъ связанъ съ престоломъ столь же неразрушимыми связями почестей и отличій; онъ составитъ такимъ образомъ истинную монархическую аристократію». Низшій классъ долженъ былъ состоять изъ всѣхъ тѣхъ, «кто не будетъ по праву первородства или по волѣ монарха призванъ въ классъ высшій». Но такая реформа противорѣчила бы всей исторіи нашего дворянства; а потому силой необходимости она никогда не могла бы найти себѣ примѣненія на практикѣ. Правда, дворяне, какъ говоритъ самъ Сперанскій, въ судахъ засѣдали рядомъ съ представителями другихъ классовъ населенія, правда также, что Императоръ своею властью могъ возводить кого угодно въ дворянство [1]), но разница настоящаго положенія дворянства отъ проектируемаго Сперанскимъ лежала гораздо глубже. Возведеніе въ дворянское достоинство Верховной властью всегда являлось исключеніемъ. Дворянство пріобрѣталось главнымъ образомъ службой, что давало возможность всякому вступить въ его ряды, русское дворянство никогда не было и не могло стать сословіемъ замкнутымъ.

Въ другомъ отдѣлѣ плана [2]) тотъ же авторъ немного измѣнилъ свой взглядъ на дворянство. Здѣсь ужъ мы не находимъ того строгаго разграниченія двухъ классовъ. Дворянство, какъ высшій классъ, само раздѣлено на два вида, потомственнаго и личнаго; потомственное дворянство пріобрѣтается лишь особыми заслугами; дѣти потомственныхъ дворянъ сами получаютъ дворянское достоинство, только прослуживши опредѣленный срокъ; отказъ отъ государственной службы или выходъ изъ нея до окончанія опредѣленнаго закономъ срока влечетъ за собою потерю дворянства. Въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 161.

[2]) См. раздѣлъ третій. Раздѣленіе состояній, составъ ихъ, права по состояніямъ и образъ переходовъ. Приложеніе XII ко II тому „Императоръ Александръ I", Шильдера, стр. 380.

этомъ отношеніи Сперанскій обратилъ гораздо бо́льшее вниманіе на государственную службу и тѣмъ всталъ ближе къ дѣйствительности.

Онъ вѣрно опредѣлилъ значеніе сословнаго управленія. Первымъ условіемъ онъ ставилъ наличіе у дворянства мѣстныхъ интересовъ; послѣднихъ же онъ не находилъ, и, намъ кажется, исторія достаточно подтвердила правильность такого взгляда. Вторымъ условіемъ ставилась самостоятельность сословнаго управленія и независимость его отъ правительственныхъ органовъ; и этого Сперанскій не находилъ въ провинціальной жизни. Тамъ, какъ мы знаемъ, господствовала безконтрольная власть губернаторовъ; дворянское же сословное управленіе играло самую жалкую и второстепенную роль; Сперанскій не ошибался и въ этомъ отношеніи; о самоуправленіи не могло быть и рѣчи. Дворянство все еще не было готово къ этому; помочь дѣлу могло только образованіе.

Но все же планъ Сперанскаго былъ слишкомъ отвлеченный и не соотвѣтствовалъ укладу русской жизни; поэтому провести его на практикѣ было бы невозможно. Покуда говорилось о «необходимости строгой отчетности», объ «ограниченіи произвола и пристрастія начальствующихъ, какъ министровъ, такъ и другихъ», о «принужденіи дворянства къ образованію», предлагались не только вполнѣ возможныя, но и необходимыя мѣропріятія, но когда авторъ переходилъ къ обсужденію «политическаго строя всего государства», реорганизаціи «управленія» и необходимости обратить вниманіе на весь составъ имперіи, онъ удалялся въ область несбыточныхъ мечтаній [1]). «Онъ не чувствовалъ, пишетъ его біографъ [2]), или скрывалъ отъ себя, что по крайней мѣрѣ частью своихъ замысловъ опережаетъ и возрастъ своего народа и степень его образованности и самодѣятельности; не чувствовалъ, что

[1]) Ср. съ мнѣніемъ, поданнымъ Государю Мордвиновымъ въ поддержаніе плановъ Сперанскаго. Гр. Н. С. Мордвиновъ, историческая монографія, составленная В. С. Иконниковымъ, изд. Кожанчикова, Спб. 1873 года, стр. 123.

[2]) Баронъ Корфъ, в. назв. соч., томъ I, стр. 110.

строитъ безъ фундамента, т. е. безъ достаточной подготовки умовъ въ отношеніяхъ нравственномъ, юридическомъ и политическомъ; наконецъ, что, увлекаясь живымъ стремленіемъ къ добру, къ правдѣ, къ возвышенному, онъ, какъ сказалъ когда-то нѣмецкій писатель Гейне, хочетъ *ввести будущее въ настоящее* или, какъ говорилъ Фридрихъ Великій про Іосифа II, дѣлаетъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго». Безусловно вѣрными были лишь взгляды Сперанскаго на роль и значеніе современнаго ему дворянскаго сословнаго управленія.

Дворянство, въ общемъ, не доросло еще до тѣхъ началъ и идей, которыя старались проводить сотрудники первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Современники этой эпохи поражались той свободой мысли, той перемѣной, которую они встрѣчали въ первые годы XIX вѣка въ средѣ столичнаго общества, но къ несчастью перемѣна эта не свидѣтельствуетъ намъ объ уровнѣ всего русскаго общества. Просвѣтительныя и либеральныя идеи проникали въ него, но кругъ ихъ дѣйствія былъ еще чрезвычайно ограниченъ. Только самое малое меньшинство двигалось впередъ, остальная часть дворянства коснѣла въ невѣжествѣ; только въ Петербургѣ или Москвѣ находимъ мы первые лучи просвѣщенія, первые шаги по пути прогресса, лучшее образованіе и нѣкоторое количество интеллектуальныхъ интересовъ.

Просвѣщеніе несомнѣнно дѣлало успѣхи, но послѣдніе врядъ ли можно отнести къ провинціальному обществу.

«Инымъ слѣдомъ кажется, вышедши на свѣтъ, обозначился у насъ XIX вѣкъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лубяновскій [1]), не взявъ себѣ отъ предшественника своего ни вѣры въ старинныя установленія, въ отеческія преданія, ни той власти, которая невидимая умѣетъ держать всякаго въ своей границѣ и въ общежитіи слыветъ авторитетомъ. Оттого духъ, словно изъ-подъ пресса, излился на всяку плоть. Надобно было видѣть тогда движеніе свѣжей по виду, здоровой и радостной жизни; молодое, и не по однимъ только

[1]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго. Москва 1872 г., стр. 209—210.

лѣтамъ, поколѣніе прощалось не до свиданья, а уже на вѣки-вѣковъ съ старосвѣтскими предразсудками; кругомъ пошли головы отъ смѣлаго говора о государственныхъ вопросахъ и рѣзкаго указанія, чему и какъ быть по извѣстной запискѣ Лагарпа; вслухъ развивались такія идеи, которыя можетъ быть и до того были не совсѣмъ новы у насъ, но были безгласны и безсловесны: надежда, какъ видно, веселила сердца. Вслушиваясь въ бесѣды, въ этихъ надеждахъ и радостяхъ я впервые услышалъ рѣчь о людяхъ aux idées libérales или, какъ тогда переводили, о людяхъ съ высшимъ взглядомъ, о необходимости общаго преобразованія, о конституціи».

Но подобныя положенія относятся къ несчастью только къ избранному меньшинству; остальное дворянство если и повторяло за образованными представителями его громкія фразы и либеральныя мысли, то только въ подражаніе, не понимая ихъ смысла и значенія; правда, общество отказывалось отъ «старосвѣтскихъ предразсудковъ», и это уже была громадная заслуга, но «развивавшіяся вслухъ» идеи были бо̀льшею частью лишь фразами; идеи не соотвѣтствовали развитію и понятіямъ дворянства провинціи, гдѣ грубость и невѣжество господствовали еще въ полной мѣрѣ [1]).

Возьмемъ для примѣра факты изъ калужскаго слѣдствія Державина [2]). Оно открыло, напр., что губернаторъ не только

---

[1]) Совершенно вѣрно опредѣлила положеніе вещей госпожа Сталь. Она справедливо указала на несоотвѣтствіе „фразъ идеямъ", создававшее иллюзіи относительно степени образованія и просвѣщенія русскаго общества. Она такъ же вѣрно отмѣтила консерватизмъ чиновной аристократіи. „Привыкши, пишетъ она, быть абсолютными господами своихъ крестьянъ, аристократы хотятъ, чтобы монархъ въ свою очередь былъ всемогущъ, чтобы поддерживать іерархію деспотизма". Не ускользнуло отъ ея вниманія и отношеніе дворянства къ службѣ. Всѣ классы общества по ея мнѣнію были въ равной мѣрѣ несамостоятельны и невѣжественны. Dix années d'exil. Oeuvres complètes de M-me de Stael, tome II, pages 390—406. См. также Погодинъ, статья о Сперанскомъ, „Русскій Архивъ" 1871 года. Пыпинъ, в. н. с., глава V.

[2]) Записки Державина, томъ VI Сочиненій, изд. Грота, Спб. 1871 года, отд. VIII, стр. 767—768 и 775.

бралъ взятки, покровительствовалъ смертоубійству, разорялъ купцовъ, но вообще «неистовствовалъ» и «замѣченъ былъ въ мерзкихъ и мучительскихъ поступкахъ»; при этомъ дѣятельное участіе принималъ мѣстный архіерей. Затѣмъ, тотъ же губернаторъ, обвинявшійся и въ буйствѣ и неблагопристойныхъ поступкахъ, ѣздилъ въ губернскомъ правленіи верхомъ на раздьяконѣ, водилъ въ дворянское собраніе француженку, свою любовницу, напивался пьянъ и «выбивалъ по улицамъ окны».

Державинъ даетъ и другой примѣръ.

Нижегородскій губернаторъ распорядился наказать ассесора уголовной палаты «палками» за то, что онъ затѣялъ на улицѣ ссору, а когда предсѣдатель палаты указалъ ему, что исполненіе подобнаго «приказанія» не дѣло палаты и что послѣдняя можетъ опредѣлить виновному наказаніе только по законамъ, когда дойдетъ дѣло «по суду», губернаторъ пожаловался министру внутреннихъ дѣлъ на предсѣдателя «за непослушаніе». Послѣ долгихъ препирательствъ предсѣдатель этотъ былъ отрѣшенъ правительствомъ отъ должности и только впослѣдствіи удалось Державину (бывшему тогда министромъ юстиціи) выхлопотать ему отставку и доказать его невинность [1]). Такими мѣрами поддерживало правительство престижъ своихъ органовъ! Интересны также въ этомъ отношеніи взгляды людей тѣхъ временъ на взяточничество. Послѣднее считалось вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Такъ Державинъ, напр., ставитъ себѣ въ заслугу, что ему удалось исходатайствовать указъ, проведшій разграниченіе между берущими и дающими взятки. Первые должны были наказываться гораздо строже вторыхъ, которымъ смягчающимъ вину обстоятельствомъ служило будто бы желаніе посредствомъ взятки или подарка «избавиться отъ несносной волокиты и притѣсненія въ производствѣ». Этимъ же указомъ проводилось различіе между «зловреднымъ лихоимцемъ» и «принимателемъ изъ крайней

---

[1]) Тамъ же, стр. 810.

нужды», такъ какъ жалованье канцелярскихъ чиновниковъ не могло окупать ихъ жизни[1])! И это были взгляды и поступки лицъ, которыя по своему положенію должны были бы стоять во главѣ общества. Кому бы какъ ни губернаторамъ показывать примѣръ прочимъ дворянамъ. Но, повторяемъ, удивляться этому нельзя; примѣры разныхъ Измайловыхъ, и др. мы найдемъ сотнями въ любыхъ запискахъ или воспоминаніяхъ современниковъ.

Только въ столицахъ находимъ мы немного лучшее положеніе вещей. Въ Москвѣ жило старое барство, представители дворянства Екатерининскихъ временъ, въ Петербургѣ же проживала чиновная аристократія, то «желанное» общество, попасть въ среду котораго было мечтою всякаго чиновника.

Петербургское общество раздѣлялось на два класса, на высшую аристократію и на прочихъ чиновниковъ-дворянъ, наполнявшихъ многочисленныя канцеляріи. «Богатыя фортуны, описываетъ намъ эту высшую Петербургскую аристократію Вигель [2]), не были еще раздѣлены между потомками, не были еще въ раздробь промотаны. Онѣ принадлежали по большей части людямъ, коимъ титулъ и высокій чинъ давали, хотя иногда новую, но настоящую знатность. Камергерство четвертаго класса и камеръ-юнкерство пятаго сыновьямъ ихъ, однимъ въ двадцать пять, другимъ въ восемнадцать лѣтъ, открывали рано дорогу къ почестямъ. Унизительная, убійственная обязанность переписывать въ канцеляріяхъ бумаги для нихъ не существовала. Предшественники Екатерины, какъ и она сама, какъ и сынъ ея, возводя кого-нибудь на высокую степень, давали ему средства не только поддержать блескъ даруемаго ему титула, но даже разливать его на своихъ потомковъ». Авторомъ указывается и причина постепеннаго исчезновенія этого аристократическаго класса; существованіе его было возможно лишь, покуда представители его обладали извѣстнымъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 826, пунктъ 14.

[2]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г., IV, стр. 473.

достаткомъ; съ прожитіемъ послѣдняго они постепенно исчезали; правительство перестало ихъ финансировать, къ работѣ же этотъ классъ людей не привыкъ; одинъ за однимъ представители его стали сходить со сцены. Несмотря на извѣстныя внѣшнія препятствія, доступъ въ этотъ классъ былъ все-таки легкій. Какъ вѣрно замѣтилъ Вигель, «настоящей аристократіи (какъ замкнутаго класса) нѣтъ и не можетъ быть, гдѣ нѣтъ между ею и другими состояніями рѣзкой черты. Государственная служба открывала каждому дорогу къ самымъ высшимъ должностямъ и чинамъ.

Молодые люди, «безвѣстная молодежь», тянулись за богачами-аристократами, несмотря на всѣ превратности судебъ. «Сколько разъ на чердакѣ или почти въ подвалѣ, пишетъ тотъ же авторъ [1]), въ уединенной кельѣ моей, при тускломъ свѣтѣ одной сальной свѣчи, сравнивалъ я участь ихъ съ моею». Дворянъ такъ и тянуло къ этой знати, къ чиновнымъ почестямъ, къ пріобрѣтенію въ Петербургскомъ обществѣ извѣстнаго положенія, къ полученію «превосходительнаго титула». Между тѣмъ сонмъ молодыхъ людей, безъ дѣла околачивавшихся въ канцеляріяхъ или переписывавшихъ ненужныя бумаги и выписывавшихъ изъ дѣлъ столь же ненужныя справки, отрывался тѣмъ самымъ отъ жизни, обезличивался и пропадалъ для общества [2]); провинція не привлекала ихъ, дворянскіе сословные интересы были имъ вовсе чужды.

Такъ образовался тотъ классъ бюрократовъ, принесшій столько вреда нашему отечеству, такъ параллельно исчезалъ у дворянства всякій интересъ къ своимъ сословнымъ дѣламъ, а съ нимъ вмѣстѣ уничтожалось и значеніе дворянскаго сословнаго управленія. Къ концу разбираемаго нами періода все выше поднимала голову реакція, съ знаменитымъ исторіографомъ во главѣ [3]). Дворянство постепенно переходило

---

1) Тамъ же, стр. 475.

2) Ср. съ картиной канцелярской жизни этой эпохи, рисуемой Вигелемъ. Тамъ же, стр. 471.

3) Ср. Пыпинъ, в. н. соч., глава IV.

на сторону этой партіи, подталкиваемое собственной неудовлетворенностью и недовольствомъ правительственной политикой. Послѣдняя же, какъ мы видѣли, давала къ тому слишкомъ много поводовъ. По вѣрному замѣчанію самого Карамзина, недовольной была вся Россія; «жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ, пишетъ онъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры».

Печально отозвалось такое направленіе общественной мысли на дворянскомъ сословномъ управленіи и выборной службѣ. Абсентеизмъ все усиливался; дворянство прямо бѣжало изъ провинціи; мѣстные интересы его постепенно исчезали, терялась связь съ деревней.

Въ столицахъ же, вмѣсто того, чтобы стать на путь прогресса, дворянство лишь околачивалось въ министерскихъ канцеляріяхъ или безцвѣтно проводило свои дни въ военныхъ экзерциціяхъ.

Правда, рядомъ съ этимъ мы видимъ, что въ интеллигентной части общества происходило обратное; среди молодого поколѣнія мы находимъ и движеніе впередъ и стремленіе къ образованію, подъемъ духа и вѣру въ будущее Россіи. Но немногочисленны были представители этой части общества; съ теченіемъ же времени число ихъ еще сократилось. Неудержимой волной надвигалась реакція.

Столичная служба совершенно обезцвѣчивала дворянство; оно неизбѣжно стало сливаться и отождествляться съ чиновничествомъ, со все крѣпнущей бюрократіей. «Кромѣ страсти властвованія и наживаться, дворянинъ не имѣетъ ни слабостей, ни пороковъ, но любитъ и поощряетъ ихъ въ другихъ, ибо уважать ему несносно, презирать усладительно», такъ картинно рисуетъ положеніе служащаго дворянства извѣстный намъ Вигель [1]).

Параллельно шло паденіе значенія выборной службы и дворянскаго сословнаго управленія. Знаменательно, что по-

[1]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, стр. 482.

слѣднія два явленія въ одинаковой степени отмѣчены были какъ представителями прогрессивнаго, такъ и реакціоннаго направленія.

Какъ мы выше видѣли, вѣрно опредѣлилъ это положеніе Сперанскій, вѣрно оцѣнилъ его и Карамзинъ, борецъ реакціи [1]). И тотъ и другой ярко отмѣтили тотъ малый интересъ дворянства къ своимъ сословнымъ нуждамъ, который характеризовалъ его въ ту эпоху. Оба они какъ бы говорили всему дворянству: «Вы не способны ни къ какому прогрессу: довольствуйтесь быть тѣмъ, чѣмъ васъ сдѣлали ваши правители; не пробуйте никакой реформы, чтобы не надѣлать глупостей» [2]). Разница заключалась лишь въ томъ, что одинъ изъ нихъ старался бороться съ косностью дворянства, другой же наоборотъ поставилъ себѣ эту косность идеаломъ. Общество склонилось на сторону послѣдняго мнѣнія.

Къ концу изучаемаго нами періода реакція торжествовала полную побѣду. Взгляды и идеалы Карамзина пришлись современному ему дворянству какъ разъ по плечу.

---

[1]) См. Записка Карамзина, напечатанная приложеніемъ къ „Русскому Архиву“ 1870 г., такъ же бар. Корфъ, „Жизнь гр. Сперанскаго“, томъ I, стр. 143.

[2]) Tourgueneff. La Russie et les Russes, Paris 1847 г., томъ I, стр. 462—469.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Второй періодъ царствованія Императора Александра I.—Перемѣна въ его міросозерцаніи и политикѣ.—Дворянство и его отношенія къ сословнымъ интересамъ.—Торжество реакціи.—Положеніе предводителей дворянства.—Постепенное расширеніе ихъ функцій.—Вопросы избирательнаго права.—Право дворянскихъ собраній представлять ходатайства высшему правительству.

I.

Незамѣтно пролетѣли первые годы царствованія Императора Александра; насталъ тяжелый 12-й годъ.

Все измѣнилось въ эти ужасныя времена, переживаемыя нашей родиной. Перемѣнилась государственная политика; на смѣну юнымъ сотрудникамъ Императора явились новые люди, новые дѣятели. Да и самъ Александръ сильно перемѣнился.

Свѣтлые года его царствованія, какъ неясный призракъ отошли теперь въ какое-то далекое прошлое. Почва къ такой перемѣнѣ готовилась уже давно. Еще со времени войны 1806 года встрѣчаемъ мы отдѣльные признаки и факты, предвѣщавшіе перемѣну политики. Отечественная война явилась заключительнымъ аккордомъ.

По окончаніи этой тяжелой борьбы, когда воинственный пылъ, удовлетворенный успѣхами, сталъ понемногу угасать, глаза каждаго русскаго устремились на внутреннюю жизнь государства, на свои домашніе интересы. Но Россія была уже не та; война 12-го года ее совершенно переродила; и провинціальное и столичное общества не были похожи на преж-

нихъ; война оставила неизгладимые слѣды на строѣ всего дворянскаго сословія.

Уже въ 1810 году отношенія Франціи становились все болѣе натянутыми. Правительство начало готовиться къ войнѣ. Первыя же военныя дѣйствія показали недостаточность наличныхъ силъ арміи, вслѣдствіе чего пришлось прибѣгнуть къ испытанной уже мѣрѣ народнаго ополченія. Правительство воспользовалось программой дѣйствія 1806 года; вновь были изданы манифесты, призывавшіе всѣ классы населенія къ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ [1]; при этомъ роль дворянства была совершенно тождественна той, которую оно играло пять лѣтъ тому назадъ; ему пришлось ставить въ ополченіе своихъ людей, избирать офицеровъ и командующихъ и т. п. [2])

Сознаніе опасности, которой подверглось отечество, заставляло населеніе напречь всѣ свои силы въ этой гигантской борьбѣ. Не отстало отъ другихъ сословій и дворянство; говоря словами благодарственнаго манифеста, «предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходили потребное къ ополченію число людей» и въ высшей степени содѣйствовали окончательному успѣху кампаніи [3]. Зато правительство и стара-

---

[1]) 6-го іюля 1812 года.

[2]) См. выше стр. 325 и слѣд.—Также Шильдеръ. Императоръ Александръ I, томъ III. Записки гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. „Русскій Архивъ" 1867 года; Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. „Русскій Вѣстникъ" 1864, IX. Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русскій Архивъ" 1881, кн. III. Подробно описываетъ чтеніе манифеста 6-го іюля и то дѣйствіе, которое оно произвело на дворянство, Нелединскій. Архивъ князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, Хроника недавней старины. Спб. 1876. стр. 129—133.

[3]) Описаніе помощи, которую оказывало дворянство, какъ деньгами, такъ и натуральными повинностями, мы находимъ у Середонина, глава „о дворянствѣ", томъ I, стр. 231 и слѣд. Примѣромъ тѣхъ благодарностей, которыя расточало правительство по отношенію къ дворянству, можетъ служить грамота, пожалованная Псковскому дворянству и распубликованная во всеобщее свѣдѣніе Сенатомъ 24-го сентября 1812 г. П. С. З. № 25458. Манифесты, рескрипты и указы, изданные по поводу войны 1812 года, напечатаны въ приложеніяхъ къ запискамъ адмирала Шишкова, въ первомъ томѣ (изд. Кисилева и Самарина, Берлинъ 1870 г.).

лось отблагодарить дворянство по окончаніи войны, давъ ему нѣкоторыя льготы, восхваляя его заслуги въ пышныхъ фразахъ манифестовъ. По возвращеніи Государя изъ Парижа, дворянскія общества избрали особыхъ депутатовъ, для принесенія поздравленій съ благополучнымъ окончаніемъ войны и за «совершеніе Его Величествомъ достославныхъ подвиговъ, не только для блага своихъ, но и чужихъ народовъ».

Но возвратился въ Россію Александръ уже не прежнимъ человѣкомъ; измѣнились его политика и міросозерцаніе. Пережитое Императоромъ за эти годы и тяжелыя испытанія, обрушившіяся на Россію, не могли не оставить глубокаго слѣда въ его міросозерцаніи. «Разставшись подъ вліяніемъ роковыхъ событій, пишетъ Шильдеръ [1]), съ тѣми гуманистическими идеалами, которые до нѣкоторой степени воодушевляли его съ юныхъ лѣтъ, и вступивъ на религіозную почву, Александръ по свойствамъ своего характера и здѣсь руководствовался идеальными стремленіями, не разставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ присущей ему сантиментальной романтикою». «Наслѣдственные инстинкты, умѣрявшіеся доселѣ подъ вліяніемъ полученнаго воспитанія, окрѣпли подъ напоромъ жизни и обстоятельствъ; они одержали верхъ надъ привитыми взглядами и убѣжденіями» [2]). Вотъ этотъ-то процессъ усиленія наслѣдственныхъ инстинктовъ и оказалъ огромную услугу реакціи; привитой либерализмъ долженъ былъ постепенно уступать взглядамъ, наслѣдованнымъ отъ отца-деспота. Особымъ факторомъ въ этомъ отношеніи явились кромѣ того мистическія идеи, скоро заполнившія міросозерцаніе Императора Александра. Этотъ мистицизмъ, завоевывавшій себѣ все большую почву въ тогдашнемъ обществѣ, совершенно поглотилъ Государя. Заграничный походъ, жизнь въ европейскихъ столицахъ, общеніе съ піэтистами и мистиками всѣхъ странъ только усиливали это новое настроеніе Александра. Голицыну по словамъ Шильдера оставалось только радоваться, «какъ исполински пошелъ Императоръ по пути

[1]) Шильдеръ, в. н. с. томъ III, стр. 322.
[2]) Шильдеръ, в. н. с. томъ IV, стр. 4.

религіи»[1]). Александръ сильно измѣнился въ своихъ отношеніяхъ къ окружавшимъ его лицамъ; строгость и вспыльчивость его стали непомѣрны [2]).

Несомнѣнно, что весьма важнымъ факторомъ, дѣйствовавшимъ въ этомъ же направленіи, было воспоминаніе о трагической кончинѣ Павла; не многіе біографы Императора Александра упоминаютъ объ этомъ; между тѣмъ по свидѣтельству Чарторійскаго [3]), мысль эта несомнѣнно удручала и преслѣдовала Александра.

Мистицизму Государя обязаны своимъ происхожденіемъ и священный союзъ и конституція Польши; онъ же толкнулъ Александра къ реакціи. Императоръ казался теперь «скучнымъ и даже сердитымъ; наступало тихое, но сумрачное время» [4]). Все свое время онъ сталъ посвящать военщинѣ, парадамъ и армейской дисциплинѣ; главной его заботой былъ «наружный видъ его арміи», управленіе же и внутренняя жизнь государства перестали его интересовать.

Отмѣтить увлеченіе Императора Александра военщиной намъ важно въ виду того огромнаго вліянія, которое это новое направленіе оказало на положеніе государственной службы и слѣдовательно и дворянства; это увлеченіе военной дисциплиной выдвинуло на сцену общественной дѣятельности новыхъ людей, въ частности графа Аракчеева, этого злого генія второй половины царствованія Александра. Государь по справедливому замѣчанію его біографа [5]), уже не искалъ больше смѣлыхъ реформаторовъ; ему нужны были прежде всего «исправные дѣлопроизводители, бдительные и строгіе блюстители внѣшняго порядка».

---

[1]) Тамъ же, стр. 326. и Разсказы князя Голицина, „Русскій Архивъ", 1886 г. кн. II, стр. 93.

[2]) Ср. воспоминанія Михайловскаго-Данилевскаго, его рукописный журналъ; воспоминанія любимаго генералъ-адъютанта Александра, князя Волконскаго и другихъ.

[3]) Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'Empereur Alexandre I, Paris 1887.

[4]) Шильдеръ, в. н. с. томъ III, стр. 258.

[5]) Шильдеръ, в. н. с. томъ IV, стр. 4.

Многіе дѣятели и высшіе сановники были смѣщены и замѣнены новыми. Государственный корабль взялъ новый курсъ. Надъ Россіей, какъ и надъ всей Европой опускалась темная завѣса сплошной реакціи [1]).

Характерно, что въ это время Александръ все чаще сталъ высказывать свое отрицательное отношеніе къ Екатеринѣ и ея начинаніямъ [2]); только одинъ разъ при объѣздѣ въ 1817 году Новороссійскаго края, отозвался Государь похвально о дѣяніяхъ Великой Императрицы, по отношенію къ «Таврическому царству», какъ любила его называть Екатерина. Александръ и прежде во многомъ расходился съ воззрѣніями своей бабки; возьмемъ хотя бы его отрицательное отношеніе къ дворянскимъ привилегіямъ; но теперь, чувство недовольства Екатерининской политикой все усиливалось, подъ вліяніемъ растущаго въ самомъ характерѣ и духовномъ существѣ Александра противорѣчія.

«Воображеніе Государя было раздражено и настроено къ впечатлительности, умъ встревоженъ. Подозрительность и недовѣріе возростали и къ сожалѣнію ими часто пользовались во вредъ другимъ. Духъ австрійской политики, олицетворяемой тогда Меттернихомъ, и полное господство Аракчеева налагали печать на весь ходъ государственнаго управленія» [3]). Послѣднее же все болѣе переходило въ руки «безъ лести преданнаго», скоро ставшаго настоящимъ правителемъ государства [4]).

---

[1]) Шильдеръ, в. н. с., томъ III, стр, 360. Ср. также: Богдановичъ, Исторія царствованія Императора Александра I, томъ V, глава 64. Шильдеръ, Императоръ Александръ I, томъ III, глава 11. Терновскій, Характеристика Императора Александра I, Разсказы князя Голицына, „Русскій Архивъ" 1886 г. кн. II, стр. 52.

[2]) Михайловскій-Данилевскій. „Рукописный Журналъ" 1816 года.

[3]) Е. Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время, глава VII.

[4]) О положеніи, занимаемомъ въ эту эпоху Аракчеевымъ см. болѣе подробныя изслѣдованія, какъ-то: Е. Ковалевскій, Графъ Блудовъ и его время; Богдановичъ, Исторія царствованія Императора Александра I, томъ VI; Шильдеръ, Императоръ Александръ I, томъ III и IV; Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго, томъ II; Записки Марченка; Воспоминанія Бороздина, графъ Аракчеевъ и военныя

Къ концу царствованія Императора Александра, пишетъ Вигель [1]), «безсильная геронтократія дремала у государственнаго кормила: старики—Лобановъ, Татищевъ, Ланской, Шишковъ казались болѣе призраками министровъ, чѣмъ настоящими министрами; всѣми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всѣхъ бодрствовалъ одинъ всѣмъ ненавистный Аракчеевъ».

Вліяніе этого человѣка на управленіе Россіи было огромно, но нельзя сказать, чтобы оно заслуживало похвалу. Духъ Аракчеева, его понятія о жизни мертвили все окружающее; все приносилось въ жертву всесильной формалистикѣ. Прежніе дѣятели, задѣтые въ своемъ самолюбіи всемогуществомъ временщика, жалуются въ одинъ голосъ на водворившійся теперь порядокъ вещей; мы имѣемъ свидѣтельства какъ Гурьева, такъ и Козодавлева, Уварова, Голицына [2]); характернѣе всѣхъ описываетъ новые порядки графъ Кочубей. «Никто съ системою дѣлами управленія не занимается [3])... Внутреннее правленіе идетъ столь слабо, тогда какъ напротивъ военная часть усовершается болѣе и болѣе... Государственныя установленія наши все въ той же запутанности».

Каково же было настроеніе дворянскаго сословія этой эпохи и куда направлены его вожделѣнія?

По отношенію дворянства къ идеѣ сословности, его можно раздѣлить на три части, на дворянъ, жившихъ въ Петербургѣ, на проживавшихъ въ Москвѣ и, въ третьихъ, жительствовавшихъ въ провинціи. По отношенію же его къ либерализму, прогрессу и культурѣ—дворянство дѣлилось на двѣ партіи, одну, меньшую, поклонницу культурныхъ и обществен-

---

поселенія; графъ Мордвиновъ, Иконникова; Записки графа Комаровскаго, „Русскій Архивъ" 1867 г.; Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, „Русскій Вѣстникъ" 1864 г. Записки инженернаго офицера Мартоса, „Русскій Архивъ" 1893 г., кн. 2, стр. 530 и слѣд.

[1]) Воспоминанія, часть VII, стр. 100, также Шильдеръ, в. назв. соч. томъ IV, стр. 321.

[2]) Ср. письма назв. лицъ къ Сперанскому. Сборникъ въ память гр. Сперанскаго.

[3]) Тамъ же, стр. 155—167.

ныхъ интересовъ, жившую теперь воспоминаніемъ минувшихъ лѣтъ, видѣннымъ въ Западной Европѣ и надеждами на лучшее будущее, и вторую, значительно бо́льшую, количественно подавляющую первую, состоявшую на службѣ и только въ ней видѣвшую свой идеалъ и назначеніе.

Присмотримся ближе къ дворянскому обществу.

На Петербургскомъ дворянствѣ фатально лежалъ отпечатокъ чиновничества и служивости; здѣсь всѣ интересы сосредоточивались на государственной службѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же Петербургѣ находимъ мы и самое сильное вліяніе западно-европейской цивилизаціи и культуры; Петербургское общество имѣло постоянную возможность поддерживать связь съ идеями Запада и завоеваніями человѣческаго духа и мысли.

Войны царствованія Александра и въ особенности Отечественная сильно этому способствовали. Офицерство, побывавшее за границей, ознакомившееся близко даже съ жизнью пресловутаго Парижа, при своемъ возвращеніи на родину принесло съ собой поклоненіе новымъ идеямъ. Но дома эти люди не могли найти удовлетворенія; общество, которое ихъ встрѣтило на родинѣ, не понимало ихъ, оказавшись ниже ихъ по своему духовному развитію. Отъ этого неизбѣжно долженъ былъ произойти расколъ въ обществѣ, развитіе духовнаго міросозерцанія пошло по ложному пути.

Дѣйствительность не удовлетворяла такихъ людей; они знали и чувствовали, что есть что-то лучшее; имъ знакомы были идеи свободы и просвѣщенія, уже получившія на Западѣ осуществленіе. Поневолѣ они стали искать удовлетворенія въ области мистицизма; нѣчто аналогичное происходило и въ другихъ странахъ Европы, но благодаря тому, что новыя идеи находили себѣ скорѣйшее воплощеніе въ жизни, процессъ увлеченія общества мистицизмомъ никогда не достигалъ тѣхъ размѣровъ, которые онъ получилъ въ просвѣщенной части русскаго общества. «Мистическая вздорологія». какъ назвалъ ее Карамзинъ, получила въ петербургскомъ обществѣ чрезвычайное распространеніе; ею оказались заражены и министерства,

съ ихъ новыми канцеляріями, и армія, и учено-литературныя общества; мистицизмъ проникалъ всюду; даже въ учебныхъ заведеніяхъ находилъ онъ себѣ обильную почву [1]).

Сословныхъ интересовъ у петербургскаго общества не было никакихъ; все вниманіе, вся его жизнь сосредоточивались на службѣ; къ тому же была окончательно порвана связь съ провинціей. Дворянство, которое жило въ Петербургѣ, не желало да и не могло способствовать развитію идеи сословности; послѣдняя вполнѣ противорѣчила всѣмъ понятіямъ, всему направленію петербургскаго дворянства, а такъ какъ послѣднее поставляло руководителей государственной политики, то понятно, что политика эта не могла съ своей стороны содѣйствовать развитію идеи сословности. Дворянское сословное управленіе не находило себѣ поддержки у правительства, что обрекало его, какъ увидимъ ниже, на гибель.

Съ другой стороны, начало сословности не находило себѣ поддержки и въ провинціи. Просвѣщенные представители провинціальнаго общества открыто осуждали его, прочіе же косвенно обрекали на смерть, сосредоточивая свое вниманіе не на сословныхъ интересахъ, а на службѣ правительственной.

Мы не находимъ въ эту эпоху общественнаго единенія провинціальнаго дворянства. Не существовало никакой внутренней связи, единяющей отдѣльныхъ дворянъ, проживавшихъ въ уѣздѣ. Каждый жилъ своею самостоятельной жизнью, нисколько не заботясь о сосѣдѣ. Сословные вопросы почти никогда не возбуждались на дворянскихъ собраніяхъ. Почвы къ развитію самостоятельности дворянскаго сословнаго управленія такимъ образомъ не было и въ провинціи.

Оставалась Москва.

Здѣсь и только здѣсь находимъ мы у дворянства сословные интересы.

Въ Москвѣ *доживали* «бывшіе правительственные дѣятели», вельможи и министры, и «отставныя, какъ назвалъ ихъ

---

[1]) Ср. Шильдеръ, в. н. с., томъ IV, стр. 12.

Грибоѣдовъ, красавицы, фрейлины Екатерины Первой»; среди ея жителей встрѣчаемъ мы такія имена, какъ графа Платона Зубова, княгини Е. Р. Дашковой; здѣсь же проживали графъ Растопчинъ, графъ А. И. Морковъ, Лопухинъ, Нелединскій, графъ Левъ Разумовскій и другіе сановники прежнихъ временъ. Всѣ эти лица доживали тамъ свой вѣкъ, какъ вѣрно замѣтилъ князь Вяземскій [1]); они «ретировались въ свои внутренніе покои», чуждаясь новой жизни, новыхъ идей; дѣйствительно, разница ихъ міросозерцанія съ окружающимъ была огромная; старикамъ справедливо могло казаться, что «каждый теперь съ жизни на юру, съ жизни на маковкѣ, прямо и скоропостижно падаетъ въ могилу».

Но рядомъ съ этими стариками, съ этими «выбросками крушеній отъ слѣдующаго царствованія», ютились бѣдные дворяне, частью нахлѣбничавшіе у богачей и вельможъ, повторявшіе за ними рѣчи недовольства и порицавшіе униженіе знати, частью же состоявшіе на службѣ въ мѣстныхъ канцеляріяхъ.

Кромѣ того въ московскомъ обществѣ встрѣчаемъ мы еще цѣлый сонмъ иностранцевъ, разныхъ бароновъ Жерамба, проживавшихъ на счетъ тѣхъ же вельможъ и сановниковъ и яро поддерживавшихъ въ личныхъ интересахъ ихъ идеи о сословной привилегированности дворянства. Иностранцы эти жили паразитами, извлекая изъ своего положенія возможно большія выгоды.

Другими словами, все московское дворянство, такъ какъ служилый его элементъ былъ весьма незначителенъ, стояло за сословную привилегированность дворянства; одни защищали эти начала по убѣжденію, другіе стояли за нихъ изъ видовъ личныхъ, пользуясь той благодарной почвой, которую находили въ недовольствѣ вельможъ-благодѣтелей, ихъ кормившихъ. Горизонтъ московскаго дворянства былъ можетъ быть и «чище», но и значительно уже и ограниченнѣе прочаго общества. Москва

[1]) Хроника недавней старины; изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, Спб. 1876 г., стр. 311.

тѣхъ временъ, что бы ни говорилъ князь Вяземскій [1]), была Москвою грибоѣдовской, съ ея Фамусовыми и Молчалиными. Образованная Москва стушевывалась, пропадала въ общей массѣ преклоненія предъ идоломъ «старины».

Таковы были взгляды дворянства на идею сословности; одно московское дворянство поддерживало ихъ; и Петербургъ и провинція увлечены были иными интересами.

По отношенію же дворянскаго сословія къ прогрессу и культурѣ, можно провести другое дѣленіе.

Во второмъ періодѣ царствованія Императора Александра все сильнѣе стала чувствоваться дифференціація общества по отношенію къ либерализму; оно раздѣлилось на двѣ противуположныя партіи; съ теченіемъ времени этотъ расколъ все болѣе отдѣлялъ названныя двѣ группы одну отъ другой. Представители одной части общества, обнадеженные преобразовательными попытками начала царствованія, зараженные вліяніемъ Запада, громко просили о довершеніи начатыхъ реформъ; «событія 12-го года, говоритъ Пыпинъ [2]), и послѣдующихъ годовъ дали толчокъ, который не могъ пройти безплодно для общественнаго сознанія. Новое поколѣніе видѣвшее европейскую борьбу и вновь воспринявшее европейскіе идеалы, прониклось горячимъ чувствомъ общаго блага, человѣческаго достоинства, просвѣщенія и общественной свободы... Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта часть общества должна была чувствовать себя одинокой среди безучастнаго большинства... Направленіе это выдѣлилось изъ общей жизни, приняло свой особый опредѣленный характеръ, создало впослѣдствіи тайныя общества. Большинство же общества, блестящимъ представителемъ котораго былъ Карамзинъ, защищало существующій порядокъ, противодѣйствуя всякимъ либеральнымъ и преобразовательнымъ начинаніямъ изъ принципа».

Колеблясь между этими двумя теченіями, правительство не сразу встало на сторону реакціи; нѣсколько лѣтъ еще слы-

---

1) Тамъ же, стр. 301.
2) В. н. соч., стр. 343.

шались отголоски прежнихъ лучшихъ временъ. Такъ, оно не противилось, напр., проявленію въ обществѣ иногда даже крайняго либерализма; иногда же само высказывалось, хотя и съ запинками, въ пользу либеральныхъ реформъ; вспомнимъ только рѣчь Александра при открытіи польскаго сейма, проектъ государственнаго устройства Новосильцева, основанный на идеѣ народнаго представительства [1]) и др. Но подобные проблески прежняго направленія терялись въ общей массѣ противоположныхъ имъ мѣропріятій, только доказывая отсутствіе твердости въ правительственной политикѣ. Это хорошо чувствовали представители либерализма, но были не въ силахъ помочь дѣлу. Большинство общества, косное и невѣжественное было противъ нихъ. Заслуга освободительнаго движенія того времени заключается въ томъ, что «несмотря на разныя увлеченія и крайности, оно съ перваго раза поставило тѣ вопросы, которые были дѣйствительными очередными вопросами нашей внутренней жизни» [2]).

Но правительственная политика не удовлетворяла и реакціоннаго большинства; послѣднее также требовало болѣе рѣшительныхъ мѣръ, заявляя о необходимости уничтоженія всего начатаго правительствомъ въ первые годы XIX столѣтія. Получивъ нѣкоторыя уступки, реакція желала все большаго и добилась своего въ концѣ концовъ.

Правительство, оказавшееся такимъ образомъ между двухъ огней, уступило реакціи; понемногу стало уничтожаться все созданное въ началѣ царствованія. Расколъ въ обществѣ все увеличивался, внося смуту и рознь на всемъ протяженіи государства и приведя къ печальнымъ событіямъ 1825 года.

II.

Намъ необходимо теперь обратиться къ изученію законодательства второй половины царствованія Императора Але-

[1]) Проектъ Новосильцева напечанъ у Пыпина (в. н. с.) въ видѣ приложенія къ VII главѣ, стр. 496 и слѣд.

[2]) Пыпинъ, в. н. с., стр. 355.

ксандра I; при этомъ первоначально мы разсмотримъ тѣ акты, которые относятся до положенія предводителей дворянства, а затѣмъ и прочіе законы, касающіеся интересующей насъ области.

Функціи предводителей въ области сословнаго управленія оставались въ общемъ прежнія; дѣйствующимъ закономъ этого періода слѣдовательно нужно признать Жалованную грамоту 1785 года; ея начала оставались неизмѣнными; правительству приходилось только ихъ развивать, разъяснять возникавшія изъ практики недоразумѣнія и пополнять по мѣрѣ выясненія опытомъ ихъ пробѣлы. Поэтому мы не находимъ въ разбираемомъ періодѣ какихъ-либо общихъ узаконеній и принципіальныхъ разрѣшеній вопросовъ дворянскаго сословнаго управленія; указы, изданные правительствомъ, носятъ скорѣе характеръ актовъ, разъясняющихъ общія начала этой области государственнаго управленія; мы имѣемъ слѣдовательно лишь законодательное толкованіе.

Въ равной мѣрѣ мало затронуты были и компетенція и положеніе другихъ органовъ сословнаго управленія.

Этимъ объясняется немногочисленность законодательныхъ актовъ этого періода исторіи сословнаго управленія; указовъ, касающихся положенія органовъ дворянскаго сословнаго управленія, издано было всего четыре; первый изъ нихъ, изданный 19-го іюля 1818 года [1]), устанавливалъ для губернскихъ предводителей дворянства V классъ должности, дабы «поставить званіе это на степень должнаго уваженія».

Дворянство, какъ нами не разъ отмѣчалось, видѣло въ службѣ свое главнѣйшее назначеніе, сосредоточило на ней всѣ свои интересы; правительство это сознавало и поддерживало; такимъ образомъ мѣры его, подобныя вышеприведенному указу, ближайшею цѣлью имѣли уравненіе положенія сословныхъ органовъ съ прочими правительственными; на первый взглядъ можетъ показаться, что подобный законъ

¹) Полн. Собр. Зак. № 27421.

могъ только способствовать поднятію значенія сословнаго управленія, даровавъ его органамъ новое преимущество; но на дѣлѣ оказалось какъ разъ обратное; получая новыя служебныя преимущества, предводители дворянства и прочіе органы сословнаго управленія неизбѣжно теряли свою самостоятельность, свое независимое положеніе и если и не потеряли ихъ окончательно, то только благодаря нѣкоторымъ случайнымъ и косвеннымъ факторамъ.

Аналогичное значеніе имѣлъ указъ 1822 года [1]), даровавшій дворянскимъ депутатамъ IX классъ.

Къ этой же области относится также указъ 4-го декабря 1816 года [2]), изданный по поводу пререканій, возникшихъ между Курскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и другими членами мѣстной ликвидаціонной коммисіи; названный предводитель, состоя въ чинѣ генералъ-маіора, не желалъ занимать въ коммисіи мѣста «ниже вице-губернатора и губернскаго прокурора». Комитетъ министровъ, разсматривавшій докладъ по этому дѣлу министра юстиціи, опредѣлилъ, что «губернскій предводитель, *представляя въ лицѣ своемъ сословіе дворянства*, по дѣламъ до цѣлой губерніи относящимся, и гдѣ его присутствіе признано будетъ нужнымъ вообще съ губернскими чиновниками, долженъ, не взирая даже на чинъ, почтенъ быть особеннымъ уваженіемъ», для чего ему слѣдуетъ всегда занимать мѣсто «послѣ губернатора или исправляющаго должность его, а за нимъ уже вице-губернаторъ и прочіе чины по прежнему старшинству». Опредѣленіе Комитета получило Высочайшее утвержденіе и затѣмъ было распубликовано Правительствующимъ Сенатомъ и разослано всѣмъ начальникамъ губерній для руководства. Съ такою мотивировкой указа нельзя не согласиться; губернскому предводителю по должности его приличествовало первое послѣ губернатора мѣсто въ провинціальномъ управленіи, что, впрочемъ, и раньше проводилось правительствомъ.

¹) Полн. Собр. Зак. № 28927. 13-го февраля.
²) Полн. Собр. Зак. № 26536.

Наконецъ четвертый указъ, изданный 18-го ноября 1821 года [1]), устанавливалъ форму сношеній предводителей дворянства съ губернскими правленіями и палатами. Поводомъ послужилъ вопросъ, поставленный Новгородскимъ губернскимъ прокуроромъ, могутъ ли губернскія правленія и палаты посылать предводителямъ указы и требовать отъ нихъ рапорты, наравнѣ съ другими губернскими присутственными мѣстами, или «они должны имѣть съ ними (предводителями) сношенія». Сенатъ разъяснилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: съ предводителями дворянства ни губернское правленіе, ни палаты не могли входить въ непосредственныя сношенія, а тѣмъ болѣе посылать указы и требовать рапорты.

Указъ 30-го апрѣля 1806 года опредѣлилъ форму сношеній губернскихъ учрежденій съ депутатскимъ дворянскимъ собраніемъ по дѣламъ дворянскихъ родословныхъ книгъ, поставивъ собранія на равное съ прочими присутственными мѣстами положеніе. По дѣламъ же, не касавшимся родословныхъ книгъ, вышеназванныя учрежденія могли сноситься съ предводителями лишь черезъ посредство губернаторовъ.

Донесеніе Новгородскаго прокурора показываетъ намъ, что губернскія правленія стремились стать по отношенію къ предводителямъ дворянства въ начальственное положеніе; стоя въ центрѣ губернской администраціи, правленія желали подчинить себѣ и дворянское сословное управленіе; изъ этого видно, насколько пало значеніе послѣдняго; при нормальномъ положеніи вещей, не могла бы возникнуть и мысль о такомъ его подчиненіи. Какъ правильно разъяснилъ Сенатъ, между губернскими правленіями и палатами съ одной стороны и предводителями дворянства, съ другой, не могли существовать непосредственныя сношенія, и тѣмъ болѣе начальническія отношенія. Сенатъ несомнѣнно поступилъ правильно, воспретивъ правительственнымъ органамъ подобное превышеніе власти. Но для насъ, повторяемъ, важно отмѣтить лишь фактъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 28811.

возможности возникновенія даже сомнѣнія въ данномъ случаѣ, свидѣтельствующемъ намъ о томъ направленіи, которое принимало въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи дворянское сословное управленіе; самостоятельность и независимость его постепенно исчезали, что подчиняло его все болѣе власти правительственной администраціи.

Таковы тѣ четыре указа, которые непосредственно касались положенія предводителей [1]). Также немногочисленнны были указы, касавшіеся ихъ сословныхъ функцій; актами этого періода были лишь разъяснены нѣкоторые спорные вопросы и дополнены узаконенія предшествовавшаго времени.

Сюда относится, во-первыхъ, указъ 1816 года, установившій болѣе точное разграниченіе земскихъ повинностей и добровольныхъ складокъ [2]); онъ является законодательнымъ толкованіемъ положенія 1805 года [3]).

До свѣдѣнія правительства дошло, говорится въ немъ, что предводители дворянства налагаютъ на мѣстныхъ дворянъ незаконные поборы, подъ видомъ добровольныхъ складовъ; между тѣмъ по «самому наименованію добровольныхъ складокъ, имъ несвойственно, когда бы одни располагали собственностью другихъ безъ ихъ на то согласія». Этимъ стало быть, подтверждается одно изъ необходимыхъ и основныхъ условій понятія «дворянской складки», — ихъ добровольность, т. е. обязательное отсутствіе принужденія, независимо отъ источника послѣдняго; не могли установлять складки ни само правительство или его органы, ни предводители дворянства.

Этотъ же признакъ добровольности подтверждаютъ пункты 5-й и 6-й названнаго указа, въ которыхъ говорится, что «выполненіе» добровольныхъ складокъ можетъ быть обращено лишь на тѣхъ, которые лично «изъявили на то волю» или

---

[1]) Кромѣ этихъ четырехъ указовъ, въ 1819 году былъ изданъ еще одинъ (П. С. З. № 27733), разрѣшившій совѣстнымъ судьямъ баллотироваться на должность губернскаго предводителя „наравнѣ съ прочими кандидатами".

[2]) Полн. Собр. Зак. № 26316, 14-го іюня 1816 г.

[3]) См. выше, стр. 320 и слѣд.

дали по сему предмету довѣренность; другихъ же «отнюдь не принуждать къ тому». На предводителяхъ такимъ образомъ лежала лишь обязанность сбора денегъ съ тѣхъ изъ дворянъ, которые *добровольно* рѣшили принять участіе въ данной складкѣ.

Это условіе всегда требовалось и Комитетомъ министровъ [1]. Что же касается предмета складокъ, то большею частью послѣдній составляло устройство различныхъ сословныхъ учрежденій, въ частности учебныхъ заведеній [2]; иногда складки составлялись для поднесенія подарковъ, что не особенно поощрялось правительствомъ. Особенно интереснымъ въ этомъ отношеніи для насъ представляется дѣло объ ассигнованіи Владимірскимъ дворянствомъ своему губернскому предводителю генералъ-маіору Меркулову 50,000 рублей, для оплаты его долговъ, дабы тѣмъ самымъ дать ему возможность сохранить «приличіе съ званіемъ губернскаго предводителя соединенное». Комитетъ министровъ, согласившись съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ, разрѣшилъ этотъ сборъ, въ видѣ дворянской складки. Но съ этимъ не согласился князь Лобановъ-Ростовскій, министръ юстиціи; онъ справедливо указалъ, что подобныя приношенія съ одной стороны давали поводъ къ нескончаемымъ злоупотребленіямъ, съ другой же, противорѣчили основному характеру предводительской должности — ея безвозмездности. Мнѣніе министра юстиціи было утверждено Государемъ [3].

Правительство, какъ нами указывалось выше, всегда отстаивало принципъ безвозмездности предводительской должности и преслѣдовало малѣйшія отступленія отъ него; вотъ почему намъ кажется странной только что приведенная точка зрѣнія Комитета министровъ. Какъ графъ Кочубей, такъ и Комитетъ, не обратили достаточнаго вниманія на этотъ случай и чуть

---

[1]) Середонинъ, в. назв. соч., томъ I, стр. 269—271.

[2]) Тамъ же, стр. 272 и слѣд.

[3]) Сборн. истор. мат., извлеч. изъ архива Собств. Его Величества канцеляріи, вып. III, № 644.

было не создали опаснаго прецедента, который въ будущемъ могъ оказаться весьма чреватымъ послѣдствіями.

Указы 4-го апрѣля 1817 года и 30-го сентября 1822 года[1]) были единственнымъ исключеніемъ въ эмомъ періодѣ исторіи, которымъ устанавливалась новая функція предводительской должности, а именно, ими былъ опредѣленъ новый порядокъ учрежденія опекъ надъ совершеннолѣтними дворянами въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не было ни генералъ-губернаторовъ, ни военныхъ губернаторовъ, ни управляющихъ гражданскою частью; для ускоренія производства такихъ дѣлъ въ названныхъ губерніяхъ учрежденіе опеки надъ имѣніемъ совершеннолѣтняго дворянина зависѣло не отъ дворянскаго собранія, какъ того требовала статья 84 Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, а отъ «собранія губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства той губерніи, совокупно съ дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ». Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ предводители дворянства получили очень важное право. Страннымъ и необъяснимымъ является только то, что подобный порядокъ установленъ былъ указами 1817 и 1822 годовъ лишь для нѣкоторыхъ губерній, точно присутствіе генералъ-губернатора, военнаго губернатора или управляющаго гражданскою частью могло въ чемъ-нибудь мѣнять суть дѣла.

По самому характеру ихъ должности, предводителямъ или вѣрнѣе собраніямъ предводителей, такое право должно бы быть предоставлено, съ тѣмъ, конечно, чтобы надзоръ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ дворянскимъ собраніямъ.

Правительство какъ будто опасалось распространить это положеніе на всю Россію, полагая, что оно поведетъ къ злоупотребленіямъ со стороны предводителей. А поводы опасаться злоупотребленій у правительства были; несмотря на то, что предводителями были лучшіе люди провинціи, наиболѣе образованные ея представители, мы иногда встрѣчаемъ все-таки примѣры злоупотребленій съ ихъ стороны [2]).

[1]) Полн. Собр. Зак. № 29193.

[2]) Ср. хотя бы съ примѣрами, приводимыми Середонинымъ (в.

III.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію предводительскихъ функцій въ области правительственнаго управленія. Одною изъ главныхъ заботъ правительства того времени было продовольственное дѣло; предводителямъ дворянства по прежнему было удѣлено въ немъ не малое участіе.

Нескончаемыя войны Александровскаго царствованія и въ особенности война Отечественная не могли не воздѣйствовать пагубно на сельское хозяйство; голодовки участились и принимали иногда угрожающіе размѣры. Правительство, помогая населенію, вынуждено было не разъ прибѣгать къ помощи предводителей, какъ лицъ знавшихъ нужды населенія и имѣвшихъ не малое вліяніе на помѣщиковъ. Уже въ 1812 году на предводителей была возложена обязанность закупки хлѣба для крестьянъ [1]). Но подобными отдѣльными закупками нельзя было ограничиться, когда неурожаи значительно усилили голодъ въ провинціи.

Между тѣмъ, продовольственное дѣло стояло очень плохо, злоупотребленія были повсемѣстны; правительству пришлось обратить на это серьезное вниманіе; всѣ мѣры, предпринятыя имъ въ первую половину царствованія, оказались недостаточными. Въ то время ближайшее завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ лежало на обязанности министерства полиціи. Уже въ началѣ 1817 года министерство это серьезно принялось за обсужденіе вопроса. Для этой цѣли оно обратилось циркулярно къ дворянскимъ обществамъ и начальникамъ губерній, предоставивъ имъ высказаться о тѣхъ мѣрахъ, которыя по ихъ мнѣнію слѣдовало принять для облегченія нуждъ населенія. Всѣ отвѣты дворянскихъ обществъ и губернаторовъ признавали настоятельность преобразованія всего дѣла, всѣ

н. с.) въ первомъ томѣ, стр. 281 и 446, гдѣ предводители обвинялись въ растратахъ и взяточничествѣ; ср. также съ разсказомъ А. Кошелева (записки, Берлинъ, 1884 г., стр. 57 и 58).

[1]) Варадиновъ, Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, часть II, книга I, стр. 242.

они сошлись также на необходимости устройства запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ; но затѣмъ мнѣнія расходились въ вопросѣ о завѣдываніи этими магазинами. Одни высказывались за порученіе этого дѣла уѣзднымъ предводителямъ дворянства и назначеннымъ имъ въ помощь особымъ депутатамъ отъ дворянства; другіе просили объ учрежденіи уѣздныхъ комитетовъ, въ составъ коихъ также были бы включены предводители дворянства и наконецъ третьи, очень незначительное меньшинство, предполагали поручить все дѣло земской полиціи. Самая же выдача хлѣба голодающимъ должна была происходить по мнѣнію однихъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ предводителей, по мнѣнію же другихъ, могла быть предоставлена самимъ помѣщикамъ, подъ извѣстнымъ контролемъ администраціи [1]).

Правительство избрало средній путь, учредивъ особые комитеты. Мѣры 1807 и 1808 годовъ, были хотя и чрезвычайно строги, хотя и обставили дѣло храненія хлѣба въ запасныхъ магазинахъ разными ограничительными условіями и цѣлымъ рядомъ формальностей, на опытѣ оказались безрезультатными. Хлѣбные магазины бывали въ порядкѣ лишь до того момента, когда въ нихъ возникала потребность; какъ только показывался голодъ въ данной мѣстности и начальство предполагало помочь выдачею запасовъ, магазины оказывались пустыми и расхищенными. Причину, почему даже предводители дворянства не могли прежде справиться съ этимъ дѣломъ, справедливо указываетъ Варадиновъ [2]); «по времени, говоритъ онъ, открылось по многимъ губерніямъ совсѣмъ тому противное (т. е. благополучію состоянія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, о которомъ доносили мѣстныя власти), потому что предводители и *при семъ случаѣ не имѣли такого уполномочія* [3]) отъ губернскаго начальства, какое предоставлено было земскимъ полиціямъ. *Отъ такого двуначальственнаго управленія не могло произойти желательнаго успѣха*. Не-

[1]) Варадиновъ, в. н. с., часть II, книга I, стр. 508 и 509.
[2]) Варадиновъ, в. н. с., часть II, книга I, стр. 505 и 506.
[3]) Курсивъ нашъ.

доимки и запутанность достигали такой степени, что отъ неимѣнія во многихъ магазинахъ ни книгъ, ни тетрадей о приходахъ и расходахъ хлѣба многіе крестьяне не знали, кѣмъ и сколько внесено его, и кто сколько долженъ» [1]).

Такой результатъ на нашъ взглядъ вполнѣ понятенъ. Предводители дворянства не были вовсе подходящими органами для веденія этого дѣла. Покуда правительство прибѣгало къ ихъ помощи, какъ дѣятелямъ второстепеннымъ, предводители могли приносить большую пользу, будучи знакомы съ нуждами и крестьянъ и помѣщиковъ, но какъ только на нихъ возложили все дѣло, они не могли уже съ нимъ справиться. Ни положеніе предводителей, ни ихъ правовая компетенція не давали имъ возможности стать во главѣ отдѣльной и самостоятельной отрасли правительственной администраціи; какими бы достоинствами они ни обладали, само существо ихъ должности противорѣчило возложенію на нихъ чисто административныхъ функцій.

Совсѣмъ другое дѣло, когда имъ поручалось *участіе* въ какой-либо отрасли администраціи; тутъ они являлись опытными и знающими представителями интересовъ помѣстнаго населенія, цѣнными помощниками правительственныхъ органовъ. Правительство, какъ увидимъ ниже часто пользовалось услугами предводителей въ этомъ отношеніи и всегда съ огромной для себя пользой.

Въ данномъ же случаѣ оно пошло, уже слишкомъ далеко, привлекши предводителей не только какъ помощниковъ или второстепенныхъ участниковъ, правительственной администраціи, но возложивъ на нихъ завѣдываніе самостоятельной отраслью; отсюда тѣ пререканія и недоразумѣнія съ губернаторами, отсюда тотъ недостатокъ средствъ, имѣвшихся въ распоряженіи предводителей, для предотвращенія злоупотребленій, отсюда наконецъ и то грустное явленіе, что, какъ только оказывалась нужда въ хлѣбныхъ магазинахъ, послѣдніе ока-

---

[1]) Слова указа 21-го августа 1816 года, П. С. З. № 26406.

зывались пустыми. Государственный Совѣтъ, на усмотрѣніе котораго былъ представленъ министерствомъ полиціи проектъ реорганизаціи всего продовольственнаго дѣла и между прочимъ и вышеприведенныя мнѣнія дворянскихъ обществъ и начальниковъ губерній, ясно созналъ прежнюю ошибку правительства.

15-го февраля 1818 года были учреждены временные губернскіе комитеты подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ [1]). Въ составъ ихъ вошли губернскіе предводители дворянства. Правительство полагало «вмѣнить помѣщикамъ въ обязанность ни подъ какимъ видомъ не допускать своихъ крестьянъ до недостатка въ продовольствіи, подъ страхомъ примѣненія къ нимъ указа 1811 года, при чемъ предводители дворянства должны только наблюдать, чтобы крестьяне не терпѣли голода» [2]). Такимъ образомъ на предводителей возложена была обязанность надзора; они должны были слѣдить за правильнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ помѣщиками ихъ обязанностей.

Но и временные комитеты также не помогли дѣлу; при неурожаяхъ нѣкоторыхъ губерній послѣдующихъ годовъ, оказалось, что «собственные способы губерній сихъ въ отношеніи хлѣбныхъ запасовъ не доставили никакихъ пособій, хотя временно недостатки продовольствія отвратить могущихъ», вслѣдствіе чего правительство въ 1822 году установило новый порядокъ; учреждены были въ губерніяхъ уже постоянныя коммисіи народнаго продовольствія, составъ которыхъ былъ опредѣленъ почти тотъ же, какъ и комитетовъ 1817 года [3]), но съ иною компетенціей [4]). Указомъ 14-го апрѣля 1822 года было постановлено, что во всѣхъ губерніяхъ прежде, чѣмъ

[1]) П. С. З. № 27272; см. также журналъ засѣданія Комитета министровъ отъ 21-го августа 1817 года и указъ 28-го марта 1818 года № 27323.

[2]) Ср. Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 161. Журналъ засѣданія Комитета министровъ отъ 8-го января 1819 года № 43.

[3]) Сверхъ лицъ, составлявшихъ прежніе комитеты, въ коммисіи были включены два уѣздныхъ предводителя и одинъ непремѣнный членъ отъ дворянства.

[4]) Ср. П. С. З. № 29000, 14-го апрѣля 1822 года.

приступать къ составленію хлѣбныхъ запасовъ, долженъ былъ рѣшаться, «особымъ собраніемъ» вопросъ, слѣдуетъ ли на случай голодовки составлять подобные запасы или же для данной губерніи предпочтительно имѣть денежный на сей предметъ капиталъ [1]). Собранія эти составлялись подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, предводителей уѣздныхъ, губернскаго прокурора и управляющаго удѣльной конторой, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не имѣлось предводителей, послѣдніе замѣнялись предсѣдателями обѣихъ палатъ (п. 5 и 6). Участіе предводителей дворянства въ коммисіяхъ вполнѣ оправдывалось тѣми же соображеніями, изложенными выше; зная интересы и нужды мѣстнаго населенія, они могли давать коммисіямъ цѣнныя и полезныя указанія, что было особенно важно при рѣшеніи вопроса о томъ, что для данной губерніи предпочтительнѣе, денежный ли капиталъ или хлѣбный запасъ натурою. Порядокъ же выдачи крестьянамъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ былъ установленъ аналогичный съ тѣмъ, какой существовалъ и прежде, согласно указу 21-го августа 1816 года [2]); говоря словами этого указа, «храненіе въ магазинахъ запасовъ, цѣлость ихъ и перемѣна стараго хлѣба на новый возложены на попеченіе и отвѣтственность самихъ помѣщиковъ въ ихъ имѣніяхъ, безъ всякаго вліянія на это дѣло уѣздныхъ предводителей дворянства и земскихъ судовъ» [3]). На предводителяхъ лежала обязанность доставленія начальникамъ губерній свѣдѣній о запасахъ, имѣвшихся въ каждомъ уѣздѣ.

Возложеніе отвѣтственности за храненіе хлѣбныхъ запасовъ на самихъ помѣщиковъ и отстраненіе отъ этого дѣла предводителей было постановлено согласно личному желанію Александра. Государь полагалъ «предоставить все это дѣло въ полное распоряженіе помѣщиковъ, ибо правительство довольно

---

[1]) Мы имѣемъ здѣсь такой же порядокъ, какъ тотъ, который былъ установленъ въ 1816 году. № 26406.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 26406.

[3]) Указъ 14-го апрѣля 1822 года.

уже обязываетъ ихъ къ содержанію запасовъ въ исправности, угрожая отдать въ противномъ случаѣ имѣніе въ опеку»; кромѣ того запрещено было, также по Высочайшему повелѣнію, выдавать дворянамъ ссуды подъ продовольственные запасы, а равно раздача продовольственныхъ капиталовъ дворянству въ долгъ, «ибо, справедливо говорится въ Высочайшемъ повелѣніи, тогда при нуждѣ никогда не будетъ денегъ въ надлежащее время въ наличности [1]).

Такимъ образомъ за предводителями дворянства осталось лишь право надзора; отъ активнаго участія они были отстранены, что нельзя не признать цѣлесообразнымъ; право же надзора имѣло значеніе въ виду занимаего предводителями положенія среди остальнаго провинціальнаго общества.

Но надо замѣтить, старанія правительства въ дѣлѣ народнаго продовольствія не увѣнчались успѣхомъ. Устройство хлѣбныхъ магазиновъ оказывалось на практикѣ еще лучшимъ средствомъ [2]); правда они зачастую существовали лишь на бумагѣ, но другія мѣры, предпринимаемыя правительствомъ оставались вовсе недѣйствительными; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ магазины все-таки существовали и приносили пользу голодающему населенію; это и было причиной тому, что въ 1816 и 1822 годахъ, когда поднимался вопросъ о составленіи продовольственныхъ капиталовъ повсемѣстно, правительство не рѣшилось все-таки окончательно упразднить хлѣбные магазины и предоставило рѣшеніе вопроса особымъ совѣщаніямъ [3]).

Съ юридической точки зрѣнія аналогичной является компетенція органовъ дворянскаго сословнаго управленія въ дѣлѣ земскихъ повинностей. Начала, установленныя положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1805 года, были разобраны выше; здѣсь намъ приходится упомянуть лишь вторично объ указѣ

---

[1]) Ср. Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 175. Варадиновъ, в. н. с., ч. II, кн. 2, стр. 156.

[2]) Первая попытка устройства хлѣбныхъ магазиновъ принадлежитъ инниціативѣ правительства Императора Александра I.

[3]) Ср. Середонинъ, в. назв. соч., томъ I, стр. 197.

1816 года [1]) и отмѣтить значеніе указа 14-го декабря того же года [2]). Первый изъ нихъ ввелъ въ наше законодательство обязательное условіе ограничительнаго толкованія понятія земскихъ повинностей, перечисленныхъ въ названномъ указѣ. «Всѣ тѣ сборы, которые не входили въ это генеральное росписаніе земскихъ повинностей, должны быть причислены, говоритъ указъ, къ добровольнымъ пожертвованіямъ и складкамъ». Компетенція предводителей дворянства заключалась въ правѣ контроля за выполненіемъ помѣщиками ихъ обязательствъ въ этой области, къ доставленію правительству свѣдѣній объ имущественномъ положеніи дворянъ и къ участію въ составленіи отчетовъ по сборамъ и выполненію этихъ повинностей (п. 17 и 18), другими словами на нихъ лежали тѣ же обязанности, какъ въ дѣлѣ продовольственномъ.

Второй указъ, распубликованный 14-го декабря 1816 года, опредѣлялъ районъ дѣйствія положенія о земскихъ повинностяхъ; дѣйствіе положенія не распространялось на губерніи Лифляндскую, Курляндскую и Эстляндскую, въ коихъ предоставлено дворянству «пользоваться прежнимъ правомъ, основаннымъ на ихъ привилегіяхъ». Подобное постановленіе оправдывалось особымъ положеніемъ и удовлетворительной постановкой дѣла въ прибалтійскомъ краѣ.

Просматривая далѣе законодательство второй половины царствованія Александра I, мы находимъ слѣдующія узаконенія, расширявшія компетенцію органовъ сословнаго управленія. Положеніе о провіантскомъ управленіи 1816 года [3]) упоминаетъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ предводителей дворянства, при чемъ функціи ихъ опредѣлялись почти тождественно съ тѣми, которыя они несли въ дѣлѣ земскихъ повинностей; они должны были, слѣдовательно, съ одной стороны, доставлять правительству необходимыя ему свѣдѣнія объ имуще-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 26316, іюня 14-го 1816 года.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 26558

[3]) Полн. Собр. Зак. № 26206, 23 марта 1816 г. Подробности оказанія помощи дворянствомъ правительству въ дѣлѣ провіантированія арміи, см. у Середонина, в. н. соч., томъ I, стр. 252 и слѣд.

ственномъ положеніи помѣщиковъ и слѣдить, съ другой, за исполненіемъ помѣщиками возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. О томъ же упоминаетъ и указъ 28-го іюня 1823 года [1]). За предводителями попрежнему оставалась обязанность участія въ дѣлѣ набора рекрутъ; указъ 1823 года [2]) подтверждаетъ это, постановляя, что предводителями должны были доставляться свѣдѣнія о количествѣ душъ, которыми владѣли отдѣльные помѣщики.

Войны царствованія Императора Александра принудили правительство принять цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію населенію тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя эти войны влекли за собой. Одной изъ такихъ мѣръ было учрежденіе послѣ окончанія Отечественной войны такъ называемыхъ ликвидаціонныхъ коммисій. Цѣль ихъ [3]), была въ производствѣ «расчета съ обывателями въ забранныхъ для продовольствія войскъ припасахъ»; райономъ же дѣйствія былъ сѣверо-западный край и тѣ губерніи, «въ коихъ происходили военныя дѣйствія». Губернскіе предводители входили въ ихъ составъ наравнѣ съ вице-губернаторомъ, прокуроромъ и чиновникомъ «отъ провіантскаго штата». Но дѣла по расчету съ мѣстнымъ населеніемъ, по замѣчанію Середонина [4]), «тянулись необыкновенно долго и къ концу царствованія не были еще кончены».

Уже немного спустя послѣ окончанія Отечественной войны дворянскія общества стали сами отказываться отъ слѣдуемыхъ имъ суммъ за военныя поставки; Середонинъ приводитъ намъ цѣлый рядъ примѣровъ, въ которыхъ дворянскія собранія различныхъ губерній объявляли правительству о своемъ желаніи прекратить расчеты съ казной по поставкамъ про-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 29522. Ср. выше съ участіемъ предводителей дворянства въ продовольственныхъ комитетахъ. Положеніе созданное этимъ указомъ для предводителей дворянства совершенно аналогично съ тѣмъ, которое было установлено положеніемъ о продовольственныхъ коммисіяхъ 1822 года (29000), см. выше стр. 405.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 29592, 16-го августа 1823 г.

[3]) Сб. ист. мат. Соб. Е. В. К., вып. IV, № 337.

[4]) Середонинъ, в. н. соч., т. I, стр. 247.

віанта и фуража [1]). Видную роль при этомъ играли предводители дворянства, бывшіе необходимыми посредниками между дворянскими обществами и правительствомъ. Но послѣднее признавало за ними лишь посредничество, возлагая само рѣшеніе вопроса на дворянскія собранія; такъ, Комитетъ министровъ замѣтилъ Калужскимъ предводителямъ, ходатайствовавшимъ предъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ о принятіи правительствомъ пожертвованія «всѣми претензіями дворянства къ казнѣ» и просившимъ позволенія устроить для этой цѣли подписку, что подобныя просьбы «нельзя считать за согласіе всѣхъ дворянъ губерніи» и что для рѣшенія ихъ требовался опросъ всѣхъ дворянъ, «кто на какую сумму отказывался отъ претензіи, не ставя несогласіе никому въ вину, ни въ укоризну, молчаніе же принимать за совершенное несогласіе». Подобное рѣшеніе вопроса вполнѣ понятно; предводители Калужской губерніи взяли на себя слишкомъ многое; они не могли говорить въ такомъ важномъ вопросѣ отъ имени всего дворянства губерніи, которое ихъ на то не уполномочило; рѣшеніе его въ сущности не могло даже зависѣть отъ дворянскаго собранія; каждый изъ дворянъ пострадавшихъ губерній получилъ по отношенію къ казнѣ именную претензію, которой не могло распоряжаться ни дворянское общество, ни представители послѣдняго; отказъ отъ такого личнаго права зависѣлъ только отъ самого управомоченнаго.

Также отрицательно отнеслось правительство къ ходатайству Московскаго главнокомандующаго объ испрошеніи предводителямъ Московской губерніи почетныхъ наградъ, за отказъ московскаго дворянства въ пользу казны отъ своихъ претензій за забранныя въ 1812 году для войскъ продукты и вещи; Комитетъ министровъ нашелъ, что подобныя награжденія предводителей неприличны, такъ какъ они «въ числѣ прочихъ дворянъ воспользуются Монаршею грамотой» [2]).

Далѣе, намъ приходится упомянуть: объ участіи предво-

---

[1]) В. назв. соч., томъ I, стр. 246—252.

[2]) Журналъ засѣданія Комитета отъ 16-го января 1817 года.

дителей дворянства, согласно указу 1815 года [1]), въ народной переписи, гдѣ они также оказывали правительству значительную помощь (§ 9); объ участіи ихъ въ особыхъ комитетахъ, учреждаемыхъ для разсмотрѣнія вопроса объ увеличеніи штатовъ полиціи; Комитеты эти открывались правительствомъ по ходатайствамъ губернаторовъ объ усиленіи полицейскихъ штатовъ [2]); объ участіи предводителей въ дѣлѣ исправленія земскихъ дорогъ. Такъ Владимірскій губернскій предводитель дворянства просилъ у правительства, чтобы оно возобновило денежный сборъ на нужды дорожной повинности въ виду того, что сборъ этотъ «составлялъ для Владимірской губерніи единственное средство къ уравненію и облегченію повинности» [3]). Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не какую-либо спеціальную функцію предводителей дворянства; забота о дорожной повинности была лишь разновидностью ихъ участія въ дѣлѣ земскихъ повинностей вообще, выдѣленную лишь по особымъ обстоятельствамъ.

Наконецъ въ 1817 году на Петербургскаго предводителя было возложено участіе въ совѣтѣ кредитныхъ установленій, на правахъ члена [4]), а въ 1823 году всѣмъ предводителямъ поручена еще одна новая обязанность—участіе въ надзорѣ за бѣглыми и бродягами [5]).

Итакъ, мы видимъ, что правительство, постепенно все расширяло кругъ компетенціи предводительской должности, возлагая на нее все большее участіе въ дѣлахъ правительственной администраціи и пользуясь услугами ея въ самыхъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 25882, 20-го іюня. Такъ наз. ревизскія коммисіи.

[2]) Середонинъ, в. назв. соч., томъ I, стр. 463.

[3]) Варадиновъ, в. н. соч., часть II, кн. 2, стр. 439.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 26834. См. мою статью о предводителѣ дворянства, какъ органѣ самоуправленія. Журналъ министерства юстиціи, мартъ, 1902 года, стр. 104. Къ той же категоріи принадлежитъ указъ 1812 года, установившій участіе дворянскихъ депутатовъ въ засѣданіяхъ коммисіи погашенія долговъ (Полн. Собр. Зак. № 24992).

[5]) Полн. Собр. Зак. № 30473.

разнообразныхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія; причиной тому было то особое положеніе, которое заняли предводители въ провинціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо замѣтить, что участіе предводителей въ правительственной администраціи было весьма активно; они не только являлись представителями сословныхъ интересовъ; въ такомъ случаѣ юридически они занимали бы положеніе чисто сословныхъ органовъ; но, наоборотъ, предводители дѣятельно участвовали въ мѣстномъ управленіи, имѣя, какъ мы видѣли, обширныя функціи почти во всѣхъ отрасляхъ администраціи; такая постановка дѣла мѣняла и характеръ предводительской должности; послѣдняя не имѣла больше чисто сословной компетенціи. Такимъ образомъ создалась двойственность этой должности; предводитель дворянства былъ и сословнымъ и правительственнымъ органомъ одновременно, съ нѣкоторымъ только преобладаніемъ перваго элемента надъ вторымъ. Эта особая черта правового положенія предводителей продержалась вплоть до реформъ шестидесятыхъ годовъ. Она сослужила предводителямъ нѣкоторую услугу въ томъ отношеніи, что содѣйствовала сохраненію за ними ихъ высокаго положенія и престижа, но одновременно она способствовала паденію значенія сословнаго управленія; предводители сохраняли за собой свое прежнее положеніе не вслѣдствіе крѣпнущаго корпоративнаго единенія дворянства, а именно потому, что стали дѣятельными и необходимыми помощниками правительства въ провинціальномъ управленіи.

IV.

Просмотримъ теперь также немногочисленные указы разбираемаго періода, относившіеся до дворянскихъ выборовъ. Первоначально намъ необходимо остановиться на тѣхъ законодательныхъ актахъ, которые касались избирательнаго ценза.

Въ 1815 году былъ вновь поднятъ вопросъ о допущеніи къ участію въ дворянскихъ выборахъ лицъ, прежде судившихся. Какъ извѣстно, вопросъ этотъ уже былъ принципіально

разрѣшенъ Сенатомъ въ отрицательномъ смыслѣ [1]); но въ названномъ году, указомъ отъ 9-го декабря [2]) было сдѣлано нѣсколько исключеній.

Дѣло въ томъ, что на практикѣ подобныя лица зачастую не только допускались къ выборамъ, но были избираемы на самыя разнообразныя должности, включая предводительскія [3]); Сенату пришлось уступить, слѣдствіемъ чего и было допущеніе въ 1815 году къ выборамъ Калужской губерніи тѣхъ дворянъ, которые прежде судились «за маловажные проступки» и «подвергшихся замѣчаніямъ, выговорамъ и денежнымъ пенямъ» или освобожденныхъ отъ суда въ силу Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, при условіи, «если дворянство будетъ имѣть къ нимъ довѣренность и признаетъ ихъ способными и достойными», что было для даннаго случая, конечно, лишнее, такъ какъ подобныя лица уже бывали не разъ на выборахъ Калужской губерніи и занимали нѣкоторыя должности.

Затѣмъ для тѣхъ же дворянъ Калужской губерніи, судившихся, но отъ суда освобожденныхъ согласно Высочайшему манифесту 30-го августа 1814 года, состоялось особое постановленіе; списокъ ихъ долженъ былъ быть представленъ Сенату съ указаніемъ, кто и за какіе проступки или преступленія былъ преданъ суду, послѣ чего отъ послѣдняго уже зависѣло опредѣлить, кто изъ этихъ дворянъ могъ принимать участіе въ дворянскихъ выборахъ и кто этого права лишался. Пользуясь этимъ прецедентомъ, министръ юстиціи, въ 1815 году внесъ въ Сенатъ предложеніе о распространеніи силы этого постановленія на всѣ губерніи Имперіи, мотивируя его тѣмъ соображеніемъ, что разъ дворянское общество признавало возможнымъ избрать судившагося раньше дворянина и оказывало ему довѣріе, правительству не зачѣмъ было тому препятствовать, тѣмъ болѣе, что практика дворянскихъ выборовъ зачастую игнорировала запрещеніе Сената. Послѣдній согласился

---

[1]) См. выше, стр. 347.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 26016.

[3]) Ср. Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 281 и 446.

съ доводами министра юстиціи и постановилъ предписать всѣмъ губернскимъ правленіямъ сообщать въ Сенатъ списки тѣхъ дворянъ, кои, хотя и судились, но отъ суда освобождены были въ силу манифеста 30-го августа 1814 года, при этомъ въ спискахъ этихъ указывать, «по какому случаю, кѣмъ былъ преданъ суду и до какой степени сіе доведено и не былъ ли кто изъ нихъ допущенъ къ дворянскимъ выборамъ или по онымъ утвержденъ въ должности»; Сенатъ оставилъ за собой право указывать губернскимъ правленіямъ, кто изъ такихъ лицъ могъ быть допущенъ къ выборамъ и кто будетъ впредь лишенъ этого права. Дворянъ же, судившихся за проступки маловажные и подвергшихся лишь замѣчаніямъ, выговорамъ или денежнымъ взысканіямъ, дозволено было допускать къ выборамъ, на томъ же условіи, какъ то рѣшено было относительно дворянъ Калужской губерніи.

Немного спустя вновь возникъ подобный же вопросъ. Казанскимъ предводителемъ избранъ былъ нѣкій Киселевъ, нѣсколько разъ судившійся и ко времени своего избранія обвинявшійся во взяточничествѣ; дѣло по жалобѣ губернатора было представлено на рѣшеніе Комитета министровъ, который вполнѣ правильно постановилъ произвести новые выборы, Киселева же предводителемъ не утвердилъ. Но противъ этого мнѣнія выступилъ министръ юстиціи, полагая, что неутвержденіе Киселева было незаконно, покуда судомъ не была доказана его вина, такъ какъ въ пререканіяхъ его съ губернаторомъ, по мнѣнію князя Лобанова-Ростовскаго, виноватъ былъ губернаторъ, а не Киселевъ [1]). Съ подобной постановкой вопроса врядъ ли можно согласиться; уже самое допущеніе къ выборамъ вышепоименованныхъ категорій лицъ не вполнѣ отвѣчало пользѣ дѣла, избраніе же предводителями людей, подобныхъ Киселеву, было чрезвычайно вредно для мѣстнаго управленія.

Но, повторяемъ, практика продолжала допускать такіе случаи и Сенату приходилось выдерживать довольно значи-

[1]) Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 446.

тельную борьбу съ этимъ зломъ. Свидѣтельства современниковъ показываютъ намъ безуспѣшность мѣропріятій Сената; послѣдній не могъ одинъ бороться съ этимъ явленіемъ, дворянство же нисколько ему не помогало.

Въ 1817 году возникъ другой вопросъ избирательнаго права. Рѣшеніе его, хотя и послѣдовало по частному случаю, но распространено было впослѣдствіи на всю Имперію. Вопросъ возникъ по поводу принужденія къ выборной службѣ въ Новороссійскихъ губерніяхъ дворянъ, «не имѣющихъ собственнаго имѣнія въ этомъ краѣ» [1]). Сенатъ разъяснилъ, что участіе подобныхъ лицъ было возможно только при двухъ условіяхъ, чтобы за женами ихъ числилось имѣніе и чтобы, какъ активное, такъ и пассивное избирательное право было предоставлено имъ лишь «съ обоюднаго согласія, какъ дѣйствительнаго дворянства губерніи, такъ и ихъ собственнаго», другими словами требовалось постановленіе по сему предмету дворянскаго собранія съ одной стороны и согласія даннаго лица съ другой. Подобный порядокъ значительно расширялъ кругъ лицъ, могущихъ принимать участіе въ дворянскихъ выборахъ. Вопросъ этотъ сначала обсуждался въ Комитетѣ министровъ, получилъ затѣмъ Высочайшее утвержденіе и разосланъ былъ при указѣ Сената всѣмъ губернскимъ правленіямъ.

12-го февраля 1820 года [2]) былъ изданъ указъ «о недопущеніи къ дворянскимъ выборамъ чиновниковъ безъ аттестатовъ объ увольненіи отъ послѣдняго мѣста служенія». Такое постановленіе вполнѣ понятно, если мы примемъ во вниманіе, что аттестаты не выдавались лишь тѣмъ чиновникамъ, которые или еще не сдали своей должности, или не представили отчетовъ и уклонялись, говоря словами указа, «отъ законной отвѣтственности». Понятно, что такія лица являлись крайне нежелательнымъ элементомъ.

Намъ необходимо остановиться теперь на правѣ дворян-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 26617.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 28143.

скихъ обществъ ходатайствовать о своихъ нуждахъ передъ высшимъ правительствомъ. Нельзя сказать, чтобы дворянство часто пользовалось имъ, правительство же относилось къ нему всегда отрицательно. Присылка къ Государю депутацій почти всегда отклонялась подъ самыми разнообразными предлогами. Обыкновенно выставлялся тотъ мотивъ, что поѣздка депутатовъ будетъ стоить дворянству большихъ расходовъ, а ходатайство можно представить и письменно. Подобные отвѣты получили [1]: Смоленское дворянство въ 1814 году, Волынское дворянство въ 1817 году, Владимірское въ 1821 году; дѣла такого рода обыкновенно шли черезъ Комитетъ министровъ, мотивомъ же, руководившимъ дворянскими обществами, было чаще всего желаніе выразить правительству за ту или другую мѣру свою благодарность. Но бывали и исключенія, когда правительство разрѣшало дворянству присылать депутаціи. Такъ, въ 1813 году разрѣшеніе пріѣхать ко Двору дано было Огинскому, депутату отъ Виленскаго дворянства, ходатайствовавшему о нуждахъ, потерпѣвшихъ отъ 12-го года Виленскихъ дворянъ [2]. Другимъ примѣромъ можетъ служить разрѣшеніе, данное Гродненскому дворянству въ 1821 году; Комитетъ министровъ, по представленію графа Кочубея, думалъ отклонить ходатайство Гродненскихъ дворянъ, руководствуясь *обычнымъ порядкомъ*, но Государь посмотрѣлъ на дѣло иначе и положилъ весьма интересную резолюцію на положеніи Комитета (№ 1034 — 1821 года). «Съ симъ положеніемъ Комитета не могу согласиться, писалъ Александръ, ибо всякій имѣетъ право прислать ко Мнѣ просьбу свою въ собственныя руки, кольми паче нельзя сего отнять права у цѣлаго сословія дворянства, обитающаго въ одной губерніи; и для того предоставить имъ на волю прислать ли свою просьбу прямо ко Мнѣ въ собственныя руки посредствомъ почты или посред-

---

[1]) Ср. Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 266 и слѣд.

[2]) Memoires de M. Oginski sur la Pologne et les polonais. Paris 1827, томъ IV, стр. 153.

ствомъ одного депутата»[1]). Но фактъ этотъ является только счастливымъ и рѣдкимъ исключеніемъ въ разсматриваемую эпоху.

Министры Александра держались другой политики: Они всѣми способами всегда старались отклонять подобныя ходатайства дворянскихъ обществъ. Это право дворянства, надо замѣтить, всегда было несимпатично правительству, но прежде послѣднее не противодѣйствовало ему такъ открыто; теперь же представители реакціи ревниво охраняли Верховную Власть отъ непосредственныхъ сношеній съ населеніемъ; всякія ходатайства дворянства должны были проходить черезъ фильтръ администраціи, губернаторовъ, министровъ и Комитета министровъ. Такимъ образомъ фактически было пріостановлено одно изъ важнѣйшихъ правъ дворянскихъ обществъ, введенныхъ Екатериной въ огражденіе независимости сословнаго управленія.

Этою же политикой объясняется ревнивое отношеніе правительства ко всякой попыткѣ дворянскихъ обществъ выйти изъ тѣсной сферы предоставленной имъ компетенціи; разъ дворянствомъ возбуждался какой-либо общій вопросъ, ему сейчасъ же ставилось на видъ «превышеніе власти», выходъ изъ сферы его компетенціи; такъ, напр., Комитетъ министровъ сдѣлалъ замѣчаніе Виленскому губернатору, «допустившему обсужденіе на собраніи дворянства вопроса объ увольненіи крестьянъ»[2]); въ этомъ же родѣ былъ данъ отвѣтъ Минскому дворянству, просившему о порученіи губерніи Литовскому военному губернатору; Комитетъ отвѣтилъ, что подобная просьба «не имѣетъ основанія и принесена по такому предмету, который до маршала не принадлежитъ». При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи о развитіи самостоятельности и независимости дворянскаго сословнаго управленія, а тѣмъ болѣе о началахъ самоуправленія.

Столкновенія, подобныя только что описаннымъ, были до-

¹) Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 267.
²) Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 268.

вольно часты въ тѣ времена, а причиной тому была неопредѣленность закона. Какъ припомнимъ, компетенція дворянскихъ собраній никогда не была точно выяснена; законодательство, начиная съ Жалованной грамоты, говорило о ней лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ.

Политика же правительства была направлена на возможное ея ограниченіе; только чисто сословные и чисто мѣстные вопросы могли обсуждаться дворянскими собраніями, за чѣмъ зоркимъ окомъ слѣдили всевластные губернаторы; интересно отмѣтить здѣсь, что чѣмъ шире становился кругъ дѣятельности предводителей, тѣмъ все болѣе ограничивалась компетенція дворянскихъ собраній, противупоставленіе, впрочемъ, чисто случайное. Подобная политика не могла, конечно, способствовать поднятію значенія все ниже падающаго дворянскаго сословнаго управленія.

Намъ остается упомянуть о компетенціи депутатскихъ собраній. Въ изучаемую эпоху она немного расширилась новою обязанностью доставленія во вновь учрежденную коммисію погашенія долговъ свѣдѣній о помѣщичьихъ доходахъ, которыя нужны были въ виду установленія временнаго подоходнаго налога [1]). Затѣмъ, начиная съ 1822 года [2]), депутатскія собранія должны были участвовать въ учрежденіи опекъ надъ имѣніями дворянъ; имъ же было поручено веденіе формулярныхъ списковъ лицъ, служащихъ по выборамъ. Компетенція депутатскихъ собраній, впрочемъ, была также мало опредѣлена, какъ и компетенція дворянскихъ собраній; она также складывалась ad hoc; отдѣльныя функціи ихъ выяснялись сначала путемъ практики, а затѣмъ уже санкціонировались законодательствомъ; только въ царствованіе Николая I компетенція депутатскихъ собраній была дѣйствительно опредѣлена закономъ 1831 года.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 24992. 1812 года.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 29193.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Губернскія правленія и губернаторы; ихъ отношенія къ дворянскому сословному управленію. — Вопросъ освобожденія крестьянъ; участіе предводителей дворянства въ разборѣ споровъ помѣщиковъ съ крестьянами. — Уклоненіе дворянства отъ выборной службы и стремленіе его къ службѣ правительственной. — Результаты, къ которымъ привело законодательство Императора Александра I.

I.

Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, способствовавшихъ все большему паденію значенія сословнаго управленія, было уже указанное нами усиленіе власти правительственныхъ органовъ.

Интересно отмѣтить здѣсь, растущую рядомъ съ властью губернаторской, власть губернскихъ правленій, явленіе, также имѣвшее немалое воздѣйствіе на интересующую насъ область.

Поводомъ къ пріобрѣтенію губернскими правленіями нѣкоторой власти надъ дворянскимъ сословнымъ управленіемъ былъ тотъ способъ, которымъ обнародывались указы и распоряженія правительства. Всѣ они шли черезъ губернскія правленія; имъ же поручалось не только распубликовывать, но и объявлять дворянскимъ собраніямъ новые законы, новыя распоряженія, касательно ценза или исключенія той или другой категоріи лицъ изъ участія въ выборахъ и т. д. По закону, имъ не принадлежала, конечно, никакая власть надзора или контроля; ни Жалованная грамота 1785 года, ни послѣдующее законодательство не устанавливали подобнаго права.

То обстоятельство, что вопреки этому губернскія правленія

все-таки получили нѣкоторую контролирующую власть, а иногда присвоивали себѣ и право активнаго вмѣшательства въ дѣла дворянскихъ собраній, свидѣтельствуетъ намъ лишь объ общемъ направленіи, которое приняли сословное управленіе въ своемъ развитіи, правительство же въ своей политикѣ.

Очень интереснымъ въ данномъ отношеніи является указъ 30-го января 1818 года [1]), «о подтвержденіи губернскимъ правленіямъ, дабы они по предмету уклоненій дворянъ отъ службы по выборамъ дворянства и въ прочемъ руководствовались непремѣнно изображенными въ законахъ правилами». Онъ характеризуетъ, во-первыхъ, роль губернскихъ правленій въ этомъ дѣлѣ, указывая, во-вторыхъ, на все увеличивающееся явленіе уклоненія дворянъ отъ выборной службы. Указъ 30-го января изданъ былъ по поводу случившихся въ Смоленской губерніи безпорядковъ. Дворяне этой губерніи, какъ видно изъ текста его, упорно не желали нести выборной службы и подъ самыми разнообразными предлогами уклонялись отъ общественной дѣятельности. Губернаторъ по этому поводу счелъ своимъ долгомъ донести Сенату, не желая, «чтобы сіе могло оставаться на случай на отвѣтственности губернскаго правленія». Если мы примемъ во вниманіе, къ тому же, что увольненіе дворянъ отъ службы по выборамъ зависѣло также отъ губернскаго правленія, то намъ яснымъ станетъ то огромное значеніе, которое, хотя только фактически, пріобрѣли правленія.

Не надо забывать, что вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же правленія были канцеляріями губернаторовъ и исполнителями ихъ приказовъ, что не могло не способствовать усиленію ихъ власти. Многочисленные примѣры вмѣшательства губернскихъ правленій въ дѣла дворянскихъ собраній и выборную службу дворянъ, подобныя имѣвшему мѣсто въ Смоленской губерніи, показываютъ намъ, что правленія эти пріобрѣтали все бо̀льшее значеніе [2]). Кромѣ того, стоя во главѣ земской полиціи, а

[1]) Полн. Собр. Зак. № 27247.

[2]) Другимъ примѣромъ можетъ служить мотивировка указа 31-го іюля 1820 года (П. С. З. № 28368). Сенату пришлось разрѣшать слѣ-

послѣдняя состояла почти исключительно изъ выборныхъ отъ дворянства должностей, правленія имѣли косвенную возможность активнаго вмѣшательства въ дѣла по выборной службѣ — явленіе уже совершенно ненормальное.

Тотъ же указъ 1818 года свидѣтельствуетъ намъ о томъ весьма печальномъ явленіи, съ которымъ пришлось бороться правительствамъ Александра I и въ особенности Николая I и которое ни тотъ, ни другой Императоръ не въ силахъ были устранить. «Отлыниваніе» дворянъ все усиливалось. Уже Смоленскій губернаторъ въ своемъ рапортѣ 1817 года говоритъ о «весьма примѣтномъ уклоненіи дворянъ отъ исполненія обязанностей, по избранію общества на нихъ возлагаемыхъ». «Многіе изъ нихъ, говорится въ томъ же рапортѣ, или не вступя еще въ должность, или пробывъ въ оной малое время, находятъ способъ за болѣзнями и подъ разными предлогами избѣгнуть службы; *сіе встрѣчается такъ часто, что по нѣкоторымъ мѣстамъ не достаетъ даже и кандидатовъ*».

Сенатъ въ данномъ случаѣ ограничился лишь указаніемъ на уже существующія узаконенія относительно способовъ пресѣченія уклоненія дворянства отъ выборной службы, какъ-то Высочайше конфирмованный докладъ Правительствующаго Сената отъ 5-го мая 1801 года и указы отъ 20-го іюля 1808 и 17-го декабря 1811 годовъ. Но ссылка эта конечно не

дующій курьезный вопросъ: „имѣетъ ли право губернское правленіе само собою употреблять дворянъ безъ сношенія съ губернскимъ предводителемъ въ каковыя-либо коммисіи, а наипаче въ таковыя, кои до обязанности дворянъ принадлежать вовсе не могутъ, какъ напримѣръ, надзоръ за купеческой фабрикой“. Вотъ до какихъ размѣровъ иногда простиралось самовластіе правленій! Но указъ этотъ подчеркиваетъ, что вопросъ въ данномъ случаѣ рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ потому, что „надзоръ за купеческой фабрикой не входилъ въ обязанности дворянъ по выборной службѣ“, стало быть правительство тѣмъ самымъ молчаливо соглашалось на право вмѣшательства губернскихъ правленій въ дѣла дворянскаго сословнаго управленія, и если бы существовала подобная выборная должность, правленіе могло настаивать на правѣ дворянъ данной губерніи имѣть надзоръ за купеческой фабрикой.

помогла дѣлу; корни явленія лежали глубже. «Уклоненіе» дворянства отъ выборной службы все усиливалось и приняло такіе размѣры и съ такою неизбѣжною необходимостью, что правительству скоро пришлось обратить на него самое серьезное вниманіе.

Власть губернаторовъ изо дня въ день все увеличивалась; они стали полными хозяевами губерній, а съ усиленіемъ ихъ власти все учащались случаи злоупотребленій ими своимъ положеніемъ; примѣры тому мы находимъ массами въ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ, въ дѣлахъ Комитета министровъ, разбиравшаго жалобы на подобныя злоупотребленія [1]), въ указахъ, наконецъ, помѣщенныхъ какъ въ особыхъ сборникахъ [2]), такъ и въ полномъ собраніи законовъ. При малѣйшихъ безпорядкахъ или недоразумѣніяхъ, губернаторы всегда немедленно же возбуждали ходатайство «объ усиленіи для приведенія дѣлъ въ порядокъ власти и надъ населеніемъ и надъ чиновниками другихъ вѣдомствъ, непосредственно имъ не подчиненныхъ». И надо замѣтить, правительство бо́льшею частью удовлетворяло ихъ ходатайства; иногда, впрочемъ, ставилось условіе временности; но послѣдняя длилась годами.

Характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ, приводимый Середонинымъ [3]); Тверской губернаторъ, «озабочиваясь правильностью выборовъ», потребовалъ отъ дворянъ представленія ему списка всѣхъ прибывшихъ къ выборамъ дворянъ, списка избранныхъ кандидатовъ и доказательства права участія въ выборахъ всѣхъ наличныхъ дворянъ. Собраніе ему списковъ не доставило, послѣ чего губернаторъ не утвердилъ никого изъ избранныхъ и представилъ министру внутреннихъ дѣлъ рапортъ, въ которомъ объяснялъ свой поступокъ опасеніемъ

---

[1]) Ср. напр., Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 454 и слѣд.; Журналы Комитета министровъ за года 1812—1826.

[2]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеч. изъ Архива С. Е. В. Канцеляріи.

[3]) В. н. с., томъ I, стр. 263.

«допустить такіе безпорядки въ настоящее особенно время, чтобы они не послужили дурнымъ примѣромъ для другихъ сословій». Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, что хотя нѣкоторыя лица и были избраны дворянами, не имѣвшими права присутствовать на выборахъ, губернаторъ все-таки не имѣлъ основаній отказать въ утвержденіи ихъ. Губернатору было поставлено на видъ неумѣстность выраженія «въ нынѣшнее особенно время», такъ какъ никакихъ причинъ къ подобнымъ опасеніямъ не имѣлось. Для нѣкоторыхъ должностей были назначены новые выборы, съ тѣмъ, чтобы дворяне, не внесшіе въ родословную книгу своихъ фамилій, сдѣлали это въ теченіе года. Кромѣ того, было сдѣлано замѣчаніе губернскому предводителю, допустившему неправильности.

Комитетъ министровъ утвердилъ распоряженіе министра, но по докладѣ его Аракчеевымъ Государю все дѣло было снова возвращено Комитету, при чемъ въ Петербургъ вызванъ былъ для объясненій Тверской губернаторъ.

Послѣдній постарался свалить всю вину на прокурора, не остановившаго во́-время безпорядковъ, неутвержденіе же избранныхъ объяснялъ тѣмъ, что въ выборахъ участвовали лица, не имѣвшія на то права. Вопросъ, слѣдовательно, заключался въ томъ, использовалъ ли губернаторъ всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи средства къ предотвращенію случившагося и не было ли его требованіе о необходимости производства новыхъ выборовъ лишь желаніемъ дать дворянамъ почувствовать свою власть; министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ вслѣдствіе этого «произвести новые выборы; прежніе считать недѣйствительными; къ выборамъ допустить лишь тѣхъ дворянъ, кои имѣли на это право, сдѣлать замѣчанія и губернскому предводителю и губернатору, дворянамъ же объявить немедля, чтобы желающіе участвовать въ выборахъ внесли свои фамиліи въ родословную книгу». Одобренное Комитетомъ мнѣніе это получило затѣмъ Высочайшую санкцію. Дѣло это хорошо рисуетъ намъ взаимоотношенія губернаторовъ и дворянскаго сословнаго управленія.

Но, въ данномъ случаѣ, правительство, въ видѣ исключенія стало на сторону дворянства, говоримъ въ видѣ исключенія, такъ какъ въ изучаемый періодъ правительство старательно ограждало авторитетъ своихъ провинціальныхъ представителей.

Очень интересно мнѣніе Сперанскаго объ отношеніяхъ губернаторовъ къ предводителямъ дворянства, высказанное имъ въ одномъ изъ писемъ къ Столыпину изъ Пензы (1818 года) [1]). «Предводитель, говоритъ онъ, ничего не можетъ значить, есть ли губернаторъ не беретъ взятокъ и немного разумѣетъ свое дѣло». Губернскій предводитель дворянства являлся какъ бы противовѣсомъ губернаторскому произволу, единственнымъ защитниковъ дворянъ отъ злоупотребленій начальника губерніи и въ этомъ Сперанскій совершенно вѣрно подмѣтилъ его главную задачу; разъ губернаторъ не злоупотреблялъ своею властью, не грабилъ населеніе, отданное ему «на кормъ», значеніе предводителя стушевывалось. Такое ненормальное положеніе вещей создало для предводителей особое значеніе въ губернской администраціи. Пользуясь нѣкоторой независимостью, они являлись слабымъ противовѣсомъ все растущей власти губернаторовъ, защитниками интересовъ дворянскаго сословія отъ произвола всесильныхъ начальниковъ губерній, тѣхъ самыхъ начальниковъ, которымъ они, какъ органы провинціальной администраціи, были прямо подчинены; отсюда тѣ неизбѣжные конфликты, тѣ недоразумѣнія, которые характеризуютъ отношенія правительственныхъ органовъ къ сословному управленію всей первой половины XIX столѣтія. «До Комитета часто доходили, говоритъ Середонинъ [2]), пререканія коронныхъ властей и дворянскихъ чиновниковъ и послѣднему приходилось такимъ образомъ устанавливать извѣстный modus vivendi».

«Губернаторы, продолжаетъ тотъ же авторъ, не упускали

---

[1]) Письма Сперанскаго къ А. А. Столыпину, XII, стр. 446, „Русскій Архивъ“ 1871 года.

[2]) В. н. с., томъ I, стр. 276.

случая, чтобы воспользоваться своимъ авторитетомъ и дать почувствовать должностнымъ лицамъ отъ дворянства не только ихъ подчиненность, но и полную зависимость... Кто пожелаетъ служить, цитируетъ авторъ слова современника, когда теперь исправникъ, по закону хозяинъ уѣзда, цензоръ нравовъ, блюститель благоденствія и порядка, помыкается губернаторами и даже ихъ чиновниками и, какъ гончая собака, по произволу ихъ скачетъ изъ одной губерніи въ другую на гауптвахту... Въ должностяхъ штатныхъ, приводитъ онъ свидѣтельство другого современника, т. е. отъ правительства назначаемыхъ, чиновникъ переноситъ съ терпѣньемъ встрѣчающіяся непріятности и неудачи по службѣ, ибо имѣетъ въ виду лишь свою карьеру. Служащіе же по выборамъ не могутъ имѣть сего въ предметѣ, а главная цѣль ихъ и награда должны быть польза уѣзда, самостоятельность мѣста (должности) и уваженіе согражданъ». «Неудивительно, замѣчаетъ Середонинъ [1]), что при такихъ порядкахъ кого ни выберутъ, всѣ рапортуются больными; суда не боятся, извиняясь, просятъ отдать ихъ подъ судъ; лучше хотятъ быть подъ судомъ, только быть свободными отъ службы; такимъ образомъ и слагался тотъ порядокъ, при которомъ люди съ именемъ, дарованіемъ и честностью стали мало-по-малу уклоняться отъ служенія, а на службу по выборамъ шли тѣ, которые готовы были переносить всѣ непріятности и униженія, лишь бы нажиться отъ промышленниковъ, поселянъ, купцовъ, бѣглыхъ и воровъ».

Затѣмъ тотъ же авторъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ тѣхъ безпорядковъ и неурядицъ, которые происходили отъ подобнаго положенія вещей на дворянскихъ выборахъ. Такъ, напр., въ Подольской губерніи, гдѣ на различныя должности слѣдовало избрать 371 лицо, по спискамъ числилось всего 1185 дворянъ, изъ коихъ около трети отсутствовало или занимало коронныя должности, а изъ остальныхъ многіе имѣли право на законное уклоненіе отъ выборной службы, какъ,

---

[1]) В. н. с., томъ I, стр. 277 и слѣд.

напр., лица, уже прослужившія одно трехлѣтіе по выборамъ; на замѣщеніе открывшихся вакансій было налицо столько же избирателей, сколько свободныхъ мѣстъ, о какомъ-нибудь выборѣ, слѣдовательно, не могло быть и рѣчи. Губернаторъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, просилъ Комитетъ министровъ (дѣло № 1898, 1822 года) разрѣшенія «позволить двумъ уѣздамъ имѣть одного маршала». Другіе примѣры пререканій предводителей съ правительственными органами, на этотъ разъ съ генералъ-губернаторомъ, мы имѣемъ въ случаяхъ, приведенныхъ Середонинымъ [1]), относительно споровъ, возникшихъ между маршалами Могилевской губерніи и генералъ-губернаторомъ, и между дворянствомъ и военными властями въ Волынской губерніи, гдѣ дворянство подало ревизовавшему губернію сенатору Сиверсу обширную жалобу на обращеніе съ дворянствомъ генерала Комбурлея.

Смоленскій предводитель Лесли жаловался на произволъ и злоупотребленія губернатора и ходатайствовалъ, «чтобы увольненіе выборныхъ дворянскихъ чиновниковъ не зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія губернатора», но просьба его была «оставлена безъ послѣдствій» (дѣло № 1603, 1820 г.), губернатору же поставлено было на видъ, «чтобы не отрѣшалъ и не предавалъ суду безъ вины». Примѣры подобныхъ столкновеній и самыхъ странныхъ притязаній, какъ со стороны мѣстныхъ дворянскихъ обществъ и ихъ представителей, такъ и со стороны начальниковъ губерній, можно увеличить до безконечности, стоитъ обратиться къ любымъ запискамъ современниковъ.

Споры губернаторовъ съ предводителями правительство разрѣшало довольно безпристрастно, отстаивая въ большинствѣ случаевъ интересы дворянства, но при жалобахъ губернаторовъ на другихъ выборныхъ отъ дворянства должностныхъ лицъ оно почти всегда брало сторону губернаторовъ.

Выборная служба падала въ своемъ значеніи; на нее не шли «лучшіе» представители общества, вслѣдствіе чего вы-

---

[1]) В. н. с. томъ I, стр. 278 и слѣд.

борныя, въ особенности полицейскія, должности замѣщались самыми захудалыми элементами провинціи, а иногда, какъ при выборахъ 1822 года въ Подольской губерніи, и вовсе не замѣщались.

Примѣры же злоупотребленій со стороны, напр., исправниковъ столь многочисленны [1]), что всякому безпристрастному читателю яснымъ станетъ желаніе правительства, а зачастую и самого дворянства, чтобы полицейскія должности замѣщались не по выборамъ, а по назначенію. Мы видимъ, что правительство впослѣдствіи пошло по этому пути; начиная съ 12-го года все чаще попадаются намъ, если мы внимательно просмотримъ законодательные акты этого періода, указы, устанавливавшіе назначеніе въ той или другой мѣстности исправниковъ и другихъ полицейскихъ органовъ отъ правительства, вмѣсто прежнихъ выборныхъ отъ дворянства.

Такъ, напр., въ 1816 году опредѣлено было назначать, а не избирать, исправниковъ и засѣдателей земскихъ судовъ въ Виленской губерніи (П. С. З. № 26132, 26088) то же начало было распространено въ 1818 году на Минскую губернію (П. С. З. № 27612). Такіе же примѣры представляютъ собой указы 11-го апрѣля 1823 г. [2]), 2-го сентября 1824 г. [3]) и вышеразобранный указъ 16-го января 1817 г. [4]), хотя въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ только ходатайство губернатора о замѣщеніи вакансій земскихъ исправниковъ по назначенію правительства, не удовлетворенное Сенатомъ. Мы приводимъ его здѣсь потому именно, что подобное требованіе губернатора свидѣтельствуетъ намъ о необходимости для правительства замѣщенія выборныхъ должностей, вслѣдствіе уклоненія дворянства, назначеніемъ собственныхъ чиновниковъ.

Интересно отмѣтить, что въ эту эпоху замѣчается по всей

---

[1]) Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 279. Подобные же примѣры приводитъ Варадиновъ въ своей исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, часть II, кн. 2; см., напр., стр. 360 и слѣд.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 29419.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 30048.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 26617.

Россіи увеличеніе числа должностныхъ лицъ, какъ по выборной, такъ и по правительственной службѣ. Такъ, во многихъ уѣздахъ увеличено число засѣдателей въ земскихъ судахъ, въ другихъ введены прежде не существовавшія должности по дворянскому сословному управленію и т. п. [1]). Очевидно, что въ такихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе роста населенія, развитія торговли или тому подобныхъ причинъ наличный составъ администраціи не могъ справляться со все растущимъ количествомъ дѣла.

II.

Въ изучаемую нами эпоху реакція торжествовала почти во всѣхъ областяхъ государственной жизни; нѣкоторое исключеніе составляла только одна политика правительства въ крестьянскомъ вопросѣ. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, находимъ мы отголоски прежнихъ лѣтъ. Правительство не покровительствовало идеѣ крѣпостничества; и думается, главной причиной было настроеніе въ этомъ отношеніи самого Александра.

Исторія крестьянскаго вопроса достаточно выяснена въ литературѣ [2]), къ тому же обсужденіе его вывело бы насъ изъ рамокъ нашего изслѣдованія; намъ необходимо указать здѣсь лишь на ту роль, которую въ этомъ дѣлѣ сыграли органы дворянскаго сословнаго управленія — предводители дворянства.

Несмотря на явное сочувствіе Императора дѣлу освобожденія крестьянъ, сказавшееся, напр., въ изданіи закона о

[1]) См. П. С. З. № 25338 (1813 г.), 25515 (1814 г.), 27529 (1818 г.), 27365 (1818 г.), 27859 (1819 г., объ учрежденіи предводительской должности для Бугурусланскаго уѣзда), 28803 (1821 г.), 29333, 29515, 29523, 29571, 29710 (1823 г.) и др.

[2]) См., напр., труды Семевскаго, Тургенева (въ особ. второй томъ), Пыпина, Шильдера (IV томъ), статью „Русскаго Архива" 1877 года (кн. 2). „Черты стариннаго дворянскаго быта", стр. 479 и слѣд. Записки Лопухина (стр. 194 и слѣд.). Гр. Мордвиновъ, Иконникова, глава VI стр. 209 и слѣд. Ковалевскій, гр. Блудовъ и его время и др.

вольныхъ хлѣбопашцахъ, въ поощреніи дворянъ Прибалтійскаго края, приступившихъ къ подобному освобожденію, нашедшихъ выраженіе и отголосокъ въ проектахъ реформъ Сперанскаго, Новосильцова и другихъ, нельзя сказать, чтобы дворянство относилось къ этой идеѣ сочувственно. Наоборотъ въ средѣ дворянскаго общества въ большинствѣ случаевъ встрѣчаемъ мы сопротивленіе и негодованіе. Подобное отрицательное отношеніе дворянства вполнѣ понятно; посвящая всю свою жизнь службѣ, оно было оторвано отъ интересовъ провинціи, на крестьянъ же смотрѣло какъ на источникъ доходовъ; помѣстья кормили своихъ владѣльцевъ, нужды же крестьянъ никого не интересовали. Только малое число дворянъ жило въ своихъ помѣстьяхъ, какъ картинно говоритъ Ковалевскій [1]), «вдали отъ двора, близко къ народу, знало его, помогало въ бѣдѣ и нуждахъ не по одному своекорыстному расчету, а по сочувствію къ той средѣ, въ которой постоянно находилось. Въ этомъ дворянствѣ, чуждомъ интригъ боярской думы и царскаго двора, жила и живетъ безусловная преданность престолу, тѣсно связанная съ религіознымъ вѣрованіемъ и любовью къ отечеству». Только эта малая доля дворянскаго общества искренно относилась къ дѣлу освобожденія крестьянства и сочувствовала ему, желая поднять значеніе провинціальной жизни, стремясь видѣть въ провинціи дѣятельное и живое, самостоятельное и организованное общество, а не однихъ чиновниковъ, заботящихся лишь о своей карьерѣ.

Но большинство побѣдило, побѣдило даже самого Александра; вотъ почему такіе законы, какъ положеніе о вольныхъ хлѣбопашцахъ, не имѣли почти никакихъ послѣдствій, вотъ почему безъ вліянія остались и всѣ проекты подобныхъ же законовъ, какъ, напр., проекты флигель-адъютанта Киселева, Аракчеева и другихъ [2]).

Торжествовала та часть дворянства, которая присоедини-

[1]) Графъ Блудовъ и его время, стр. 8 и слѣд.
[2]) Ср. IV томъ труда Шильдера, стр. 40 и слѣд.

лась ко мнѣнію высказанному по этому вопросу Державинымъ, а послѣдній полагалъ, что «въ нынѣшнемъ состояніи народнаго просвѣщенія не выйдетъ изъ того никакого блага государственнаго, а напротивъ того вредъ, что чернь обратитъ свободу въ своевольство и надѣлаетъ много бѣдъ...» почему онъ и «сумнѣвается о удобности и пользѣ сдѣлать владѣльческихъ крестьянъ свободными» [1]).

Насколько это мнѣніе оправдывалось дѣйствительностью, показываетъ исторія реформъ шестидесятыхъ годовъ, когда дворяне повторяли тѣ же доводы, приводили тѣ же соображенія объ опасности и преждевременности ея, скрывая подъ ними лишь свои личныя выгоды. Но у самого Александра, хотя и не хватило характера и силы воли провести въ жизнь освобожденіе крестьянъ, всегда проявлялось все-таки симпатичное отношеніе къ этому сословію. Въ спорахъ помѣщиковъ съ крестьянами Государь почти всегда бралъ сторону послѣднихъ, относясь къ нимъ снисходительнѣе, чѣмъ къ ихъ владѣльцамъ; Александръ почти всегда смягчалъ участь крестьянъ, подвергаемыхъ правительствомъ тому или другому наказанію, о чемъ свидѣтельствуетъ намъ цѣлый рядъ журналовъ Комитета министровъ [2]). Самое разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ происходило обыкновенно на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя собирали особо назначенныя слѣдственныя коммисіи или отдѣльныя лица.

Александръ обыкновенно поручалъ разслѣдованіе такихъ споровъ предводителямъ дворянства; эти же послѣдніе почти всегда участвовали и въ слѣдственныхъ коммисіяхъ, назначаемыхъ Сенатомъ или Комитетомъ министровъ. Въ этомъ участіи въ производствѣ подобныхъ слѣдствій и заключалась главная дѣятельность предводителей дворянства въ области разбираемаго вопроса. Такъ, на журналѣ Комитета министровъ о взятіи подъ опеку имѣнія дворянина К-скаго за жестокое

---

[1]) Записки Державина, отд. VIII, стр. 816. Томъ VI сочиненій Державина.

[2]) Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 349.

обращеніе съ крестьянами Александръ надписалъ: *«чтобы губернскій предводитель дворянства имѣлъ наблюденіе за этимъ имѣніемъ»* [1]). По дѣлу о жалобѣ крестьянъ Воронежской губерніи на помѣщика Б—на Государь повелѣлъ произвести слѣдствіе «вице-губернатору, съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями», передъ тѣмъ, чтобы внести его на вторичное разсмотрѣніе Комитета министровъ [2]). Разслѣдованіе дѣла помѣщицы Воронежской губерніи кн. К—ной-Р—ской было также по приказанію Александра поручено коммисіи, въ составѣ губернатора, вице-губернатора и уѣзднаго предводителя дворянства [3]). Иногда губернаторы по собственному почину обращались за содѣйствіемъ къ предводителямъ дворянства; такъ было въ Симбирской губерніи; въ имѣніи помѣщицы Н—вой (Ставропольскаго уѣзда) были открыты большія злоупотребленія и жестокости, въ которыхъ крестьяне обвиняли приказчика Семенова; губернаторъ выѣхалъ лично на слѣдствіе и пригласилъ съ собой мѣстнаго предводителя дворянства [4]), а затѣмъ, вернувшись обратно въ Симбирскъ, «приказалъ губернскому правленію дать всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ предписаніе, дабы они вмѣнили себѣ въ обязанность имѣть наблюденіе за обращеніемъ помѣщиковъ или ихъ управляющихъ» [5]). Подобный же примѣръ мы имѣемъ въ дѣлѣ крестьянъ гр. Разумовскаго, Ораніенбаумскаго уѣзда, когда губернаторъ при вторичномъ слѣдствіи выѣхалъ къ мѣсту производства его, въ сопровожденіи губернскаго предводителя [6]). Порученія о производствѣ слѣдствія давались предводителямъ и Комитетомъ министровъ. При разборѣ того же дѣла о жалобѣ крестьянъ гр. Разумовскаго, Комитетъ, не довольствуясь свѣдѣніями, собранными губернаторомъ, полагалъ поручить производство новаго слѣд-

---

[1]) Тамъ же, стр. 350 и 338.
[2]) Тамъ же, стр. 350.
[3]) Тамъ же, стр. 351.
[4]) Тамъ же, стр. 330.
[5]) Тамъ же, стр. 331.
[6]) Тамъ же, стр. 343.

ствія тремъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства; но Государь отклонилъ это предположеніе Комитета и приказалъ передать дѣло губернатору, возложивъ на него обязанность разсмотрѣнія претензій крестьянъ и изысканія мѣръ къ уменьшенію и приведенію въ соразмѣрность платимаго ими оброка; прежде чѣмъ принять какое-либо рѣшеніе, губернаторъ долженъ былъ снестись съ мѣстными предводителями и затребовать отъ нихъ заключенія. Губернаторъ передалъ предполагаемые имъ проекты мѣропріятій на разсмотрѣніе особаго комитета, составленнаго изъ губернскаго предводителя и трехъ уѣздныхъ (Царскосельскаго, Ораніенбаумскаго и Новоладожскаго), который и выработалъ цѣлую программу дѣйствія [1]. Иногда участіе въ этихъ дѣлахъ возлагалось на предводителей Сенатскими указами, какъ то было, напр., въ 1818 г., когда къ участію въ выработкѣ мѣръ къ облегченію положенія крестьянъ Мозырскаго уѣзда были привлечены губернскій и уѣздные маршалы [2].

Споры помѣщиковъ съ крестьянами и жалобы послѣднихъ на притѣсненія и жестокости ихъ владѣльцевъ зачастую разбирались дворянскими собраніями, которыя въ такихъ случаяхъ поручали производство слѣдствія опять-таки предводителямъ. Послѣдній порядокъ на нашъ взглядъ представляется вполнѣ естественнымъ. Дворянскія собранія имѣли право примѣненія къ подобнымъ лицамъ дисциплинарныхъ наказаній и кромѣ того могли фактически оказывать гораздо бо̀льшее воздѣйствіе на дворянъ, чѣмъ правительственные органы, въ рукахъ которыхъ было только одно законное средство — преданіе суду; средства же, которыми располагали дворянскія собранія, разнообразились до безконечности; намъ кажется, что съ нравственной точки зрѣнія кара или недовѣріе дворянскаго собранія должна была имѣть бо̀льшее значеніе для дворянъ, чѣмъ судебное наказаніе. Примѣры разбирательства такихъ дѣлъ дворянскими со-

[1]) Тамъ же, стр. 344.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 27316, 23-го марта.

браніями приводитъ намъ Середонинъ, но указывая при этомъ, что постановленія собраній должны были представляться ими на утвержденіе высшаго правительства. Послѣднее несомнѣнно должно было имѣть извѣстный контроль надъ этимъ дѣломъ. Такъ, жалоба на безпорядки въ Калужскомъ имѣніи помѣщика З—ва разсматривалась мѣстнымъ дворянскимъ собраніемъ, постановившимъ «запретить З—ву наказывать крестьянъ»; съ этимъ не согласился ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни Комитетъ министровъ [1]). Дѣло Симбирскаго помѣщика Т—ва также разбиралось мѣстнымъ дворянскимъ собраніемъ, при чемъ предполагалось взять имѣніе этого дворянина подъ опеку; но собраніе послѣднее предложеніе отклонило, такъ какъ на бѣду мѣстныхъ крестьянъ имѣніе принадлежало не самому помѣщику, а его женѣ, почему дворянство и нашло «несправедливымъ» отдавать его подъ опеку [2]). Въ этихъ дѣлахъ, возникавшихъ обыкновенно вслѣдствіе несоразмѣрной тяжести налагаемыхъ помѣщиками повинностей, дворянскому собранію чаще всего приходилось рѣшать именно этотъ вопросъ, насколько барщина и другія повинности соотвѣтствовали тому, что крестьяне въ состояніи были дать. Такъ, напр., въ дѣлѣ крестьянъ Ярославской помѣщицы Н—вой, дворянское собраніе сначала обсуждало вопросъ о размѣрѣ барщины, опредѣливъ ее въ «три дня работы на господина», а затѣмъ уже перешло къ разсмотрѣнію вопроса виновности помѣщицы въ жестокости [3]). То же самое мы видимъ и при разборѣ Вологодскимъ дворянскимъ собраніемъ жалобы на помѣщика К—скаго; собраніе въ данномъ случаѣ опредѣлило взимать съ крестьянъ оброкъ по 20 руб. съ души [4]).

Примѣры слѣдствія произведеннаго предводителями дворянства по такимъ дѣламъ по порученію дворянскихъ собраній, мы имѣемъ въ дѣлѣ о злоупотребленіяхъ помѣщицы Московской

---

[1]) В. н. с., томъ I, стр. 333.
[2]) Тамъ же, стр. 337.
[3]) Тамъ же, стр. 347.
[4]) Тамъ же, стр. 348.

губерніи П—вой и вышеупомянутаго Симбирскаго помѣщика Т—ва; въ первомъ случаѣ слѣдствіе, произведенное предводителемъ, выяснило, что жалоба крестьянъ была вызвана желаніемъ помѣщицы переселить ихъ въ другую мѣстность, во-второмъ же — слѣдствіе установило всѣ подробности чрезвычайно тяжкаго для крестьянъ помѣщика Т—ва оброка [1]).

При опредѣленіи размѣра оброка или барщины, мнѣніе предводителя имѣло, конечно, огромное значеніе; съ одной стороны, благодаря своему положенію, близкому къ обстановкѣ помѣщичьей жизни, предводитель всегда былъ въ состояніи выяснить всѣ подробности дѣла и судить о фактической его обстановкѣ, съ другой же, то обстоятельство, что предводительская должность замѣщалась обыкновенно людьми передовыми и болѣе образованными, сужденія предводителей имѣли гораздо бо̀льшій вѣсъ.

Правда, иногда встрѣчались случаи злоупотребленій и со стороны предводителей, но были они чрезвычайно рѣдки; по крайней мѣрѣ намъ не удалось изъ всей обильной литературѣ Александровскаго царствованія, извлечь болѣе трехъ-четырехъ примѣровъ подобныхъ злоупотребленій [2]). Одинъ изъ нихъ приводится Середонинымъ [3]). «Крестьяне села Михайловскаго, Костромской губерніи, пишетъ онъ, принадлежавшіе прежде одному помѣщику и впослѣдствіи проданные имъ, подали жалобу, что дворовая женщина Григорьева застрѣлена поваромъ по приказанію прежняго владѣльца, который ведетъ самую распутную жизнь и насилуетъ крестьянскихъ женъ и дочерей; что Чухломскій предводитель дворянства, производившій по этому дѣлу слѣдствіе, купилъ ихъ на имя своей матери, а потому не оказалъ имъ законной защиты». Страннымъ кажется въ этомъ дѣлѣ одно обстоятельство, что Комитетъ министровъ, на разсмотрѣніе коего дѣло было предста-

[1]) Тамъ же, стр. 335 и 337.
[2]) См. выше, стр. 401.
[3]) Тамъ, же, стр. 333.

влено, не обратилъ никакого вниманія на участіе въ немъ Чухломскаго предводителя. Но, повторяемъ, случаи злоупотребленій со стороны предводителей дворянства были рѣдкимъ исключеніемъ.

Этимъ положеніемъ, занятымъ предводителями въ разбираемомъ вопросѣ, и объясняется то довѣріе, съ которымъ относилось къ нимъ правительство, привлекая ихъ къ участію въ разборѣ жалобъ и споровъ крестьянъ съ ихъ владѣльцами [1]). Въ 1818 году, при разслѣдованіи дѣла о злоупотребленіяхъ Симбирской помѣщицы Н—вой (см. выше), правительство даже прямо указало на обязанность предводителей въ такихъ случаяхъ «наблюденія за обращеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами»... «ибо самое званіе, предводителями носимое, возлагаетъ на нихъ сію священную обязанность, и напоминаніе имъ объ этомъ письменно всегда можетъ быть полезно, разумѣя само собой, что подобнаго рода переписка между сими лицами должна оставаться единственно къ взаимному ихъ свѣдѣнію и наблюденію» [2]). Мы имѣемъ такимъ образомъ, какъ ясно слѣдуетъ изъ приведеннаго мнѣнія, выраженнаго между прочимъ лично Александромъ, лишь нравственную обязанность предводителей; юридической обязанности участія въ такихъ дѣлахъ законодательство на нихъ не возложило, но правительство, нравственно обязывало ихъ оказывать помощь въ такихъ дѣлахъ; помощь же эта, какъ мы видѣли, была весьма существенная. Лишь гораздо позднѣе такая фактическая обстановка дѣла, эта нравственная обязанность предводителей, «по самому званію ими носимому», обратилась въ обязанность юридическую, закрѣпленную за ними законодательнымъ актомъ.

Императоръ Александръ относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ правительственнымъ органамъ въ дѣлѣ разсмотрѣнія жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ; просматривая журналы

---

[1]) Ср. ст. М. Назимова. Въ провинціи и Москвѣ съ 1812 по 1828 г., „Русскій Вѣстникъ“ 1876 года, томъ 124, стр. 94.

[2]) Середонинъ, в. н. с., стр. 331.

Комитета министровъ, мы можемъ найти очень много резолюцій Государя, въ которыхъ подчеркивалось такое недовѣріе и отмѣчались факты недонесенія мѣстнымъ начальствомъ «о противозаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщиковъ», и стараніе замять подобныя дѣла, скрывая ихъ отъ вѣдѣнія центральной власти и самого Александра [1]).

Но мѣропріятія правительста въ этой области оставались безуспѣшными, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія поддержки и сочувствія имъ въ средѣ самого дворянства.

Большинство смутъ, жалобъ и недовольства крестьянства происходило отъ чрезмѣрной величины оброка и барщины; желая помочь дѣлу, и высшее правителство, и мѣстные органы, и сами предводители всѣми силами и средствами старались оградить крестьянство отъ злоупотребленій помѣщичьей властью; установить для послѣдней извѣстныя границы, извѣстную мѣру; но средства бывшія въ рукахъ администраціи и предводителей, были недостаточны и недѣйствительны; въ большинствѣ случевъ предводители, напр., принуждены были ограничивать свою дѣятельность предоставленіемъ «статьи сей по прежнему совѣсти помѣщиковъ» [2]), а къ чему это приводило, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ намъ современники, описывая картинки изъ жизни разныхъ Измайловыхъ, Салтычихъ и т. п. помѣшиковъ-извергoвъ.

III.

Намъ остается теперь указать на отношенія дворянства къ выборной службѣ и резюмировать тѣ результаты, къ которымъ пришло законодательство Александровскаго царствованія.

Кардинальнымъ фактомъ этой эпохи было все усиливающееся уклоненіе дворянства отъ выборной службы.

Одной изъ способствовавшихъ тому причинъ надо признать многочисленныя войны, которыя вело правительство.

---

[1]) Ср., напр., Середонинъ, в. н. с., томъ I, стр. 353.

[2]) Тамъ же, стр. 345.

Побывавъ за границей, познакомившись съ европейскими порядками, будучи, въ особенности послѣ походовъ 1813 и 1814 годовъ, въ состоянiи сравнить образъ жизни западнаго общества съ порядками русской провинцiальной жизни, молодое поколѣнiе вполнѣ естественно не находило удовлетворенiя въ той обстановкѣ, которую встрѣтило дома. Вслѣдствiе этого, дворяне стали стремиться всѣми способами устроиться или пристроиться какъ-нибудь въ Петербургѣ и въ крайнемъ случаѣ въ Москвѣ, лишь бы уйти отъ провинцiальнаго невѣжества, поближе къ центру, гдѣ можно было найти хоть немного культурнаго общенiя. Провинцiя стала все больше пустѣть; въ столицахъ же накапливалось огромное количество дворянъ, по преимуществу приписавшихся или причислившихся къ центральному управленiю, министерскимъ канцелярiямъ, департаментамъ, и т. п.

Очевидно, что жизнь въ Петербургѣ хотя бы «причисленными» была имъ привлекательнѣе засѣдательскихъ и исправническихъ мѣстъ провинцiи; отсюда проистекало съ одной стороны чрезвычайное переполненiе центральнаго управленiя, ничего не дѣлающими и праздными молодыми людьми и недостатокъ людей въ провинцiи, съ другой. Такъ, при поѣздкѣ Государя на югъ въ 1816 году, его постоянный спутникъ Михайловскiй-Данилевскiй отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ то малое количество дворянъ, которое собиралось ко встрѣчи Александра [1]); «въ Волынской губернiи находили мы, пишетъ упомянутый авторъ, только разоренiе и жалобы. Въ Черниговской встрѣчали насъ всего лишь человѣкъ 20 дворянъ». Только въ Полѣсскихъ губернiяхъ обстояло дѣло немного лучше. Благодаря болѣе развитому сословному интересу и лучшему образованiю, польская шляхта не имѣла такого тяготѣнiя къ центру, какъ въ губернiяхъ великорусскихъ. Тотъ же авторъ отмѣчаетъ и другую разницу положенiя дворянскаго общества губернiй бывшаго Царства Польскаго и россiйскихъ; между

---

[1]) Ср. Шильдеръ, в. н. с., томъ IV, стр. 60 и примѣчанiе № 70.

тѣмъ какъ въ первыхъ маршалы при встрѣчахъ устраиваемыхъ Императору держали себя съ полнымъ достоинствомъ, какъ и подобаетъ представителямъ дворянства и наиболѣе образованной части населенія,—предводители дворянства русскихъ губерній «не могли при Государѣ отворить рта и только низкими поклонами показывали свою преданность. Они болѣе являли изъ себя метръ д'отелей, занимавшихся угощеніемъ, нежели представителей дворянства».

Припомнимъ, что въ предводители выбирались все-таки лучшіе представители помѣстнаго дворянства; прочіе должности поголовно замѣщались «захудалыми» и мелкопомѣстными дворянами, находившими въ выборной службѣ хоть малое подспорье своему экономическому нищенству.

Совершенно аналогичное мнѣніе находимъ мы и въ запискахъ великаго князя Николая Павловича. «Дворянство довольно многочисленно, но живетъ по деревнямъ», записано въ его дневникѣ (проѣздъ черезъ городъ Порховъ въ 1816 г. [1]); если дворянство стало быть и жило въ провинціи, то только «отдыхая по своимъ помѣстьямъ» и не желая принимать участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Представители же болѣе интеллигентнаго общества уходили въ столицы, гдѣ проживали большею частью въ праздности и роскоши.

О томъ, что дворянство жило въ столицахъ выше своихъ средствъ, мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства современниковъ [2]); для характеристики приведемъ напр., записки Гакстгаузена [3]). «Les paysans, пишетъ онъ, cultivaient la terre et payaient la redevance au seigneur, qui vivait avec sa famille à Moscou. Son genre de vie moitié européen et moitié oriental se distinguait surtout par un grand luxe de dvoroviés

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Николай I, томъ I, стр. 69.

[2]) Ср. хотя бы съ мыслями высказанными С. Г. Волконскимъ, въ его запискахъ, Спб. 1902 г., стр. 399.

[3]) Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie par le Baron A. de Haxthausen. Hanovre 1847, томъ I, стр. 41 и слѣд.

et de chevaux»; такъ, число дворовыхъ иногда доходило до 1,000 человѣкъ—содержаніе же ихъ стоило зачастую самыхъ невѣроятныхъ денегъ. Правда, Отечественная война, разорившая дворянство и въ частности тѣхъ представителей его, которые проживали и имѣли все свое имущество въ Москвѣ, сильно сократила этотъ «стиль жизни», но основныя черты ея остались старыя; дворянство продолжало «проживаться» въ столицахъ, избѣгая деревни и провинціальной жизни, живя выше средствъ, тратя свои капиталы и совершенно теряя привычку къ труду.

Къ разсматриваемому періоду исторіи уже можно отнести замѣчаніе того же автора [1]): «tant que la noblesse n'aura pas un système d'exploitation rurale qui lui rende le séjour de la campagne agréable *et nécessaire*, elle ne se décidera jamais à s'y établir. Jusqu'à présent (т. е. 1847 годъ) en Russie cette classe, comme l'aristocratie italienne, habite en grande partie les villes, et vit du revenu de ses terres ou de l'obrok...

...«La noblesse persistait dans cette funeste voie [2]), s'adonnant au luxe, contractant de nonvelles dettes, grevant ses propriétés d'hypothèques et finit enfin par se trouver dans l'obligation de vendre ses biens», а это послѣднее явленіе только увеличивало число «служилыхъ», кормящихся на счетъ правительства.

Чинъ получилъ новыя данныя къ торжеству надъ породой. «Bientôt, какъ говоритъ тотъ же авторъ [3]), toutes les charges et tous les emplois du gouvernement finirent par tomber entre les mains de ces seigneurs (tschinovniki) par le droit du rang; ils accaparèrent toutes les branches de l'administration qu'ils poussèrent dans la voie qui leur convenait le plus et une fois maîtres de ces puissants moyens ils ne tardèrent pas à conquérir une influence et une force tout à fait dangeureuses pour l'Etat. Et réellement hors du tschine il n'y avait ni considération ni pouvoir à espérer».

[1]) Тамъ же, стр. 151.
[2]) Тамъ же, стр. 101.
[3]) Тамъ же, стр. 102.

Къ чину стремились и купцы и разночинцы [1]), что и понятно; торжество чина неизбѣжно должно было быть паралельнымъ паденіемъ начала сословности.

Къ мыслямъ Гакстгаузена прибавимъ лишь слѣдующее: предшествующее изученіе исторіи русскаго дворянства показало намъ, что царская служба, а съ нею вмѣстѣ и чинъ всегда составляли идеалъ его, ту цѣль, къ которой оно стремилось въ теченіе столѣтій [2]).

Въ царствованіе Императора Александра I стремленіе это получило лишь новое подтвержденіе, какъ мы видѣли выше; въ эту эпоху зародился въ Россіи новый классъ — бюрократія; послѣдняя стала возможной лишь съ момента дифференціаціи областей государственнаго управленія, со времени учрежденія министерствъ; бюрократія, появившаяся въ началѣ XIX столѣтія, стала расти и развиваться съ непомѣрной быстротой.

Для нея чинъ представлялся главной опорой. Вслѣдствіе этого съ момента учрежденія министерствъ, чинъ получаетъ новое значеніе; дворянство же, все больше и больше отождествляется и сливается съ бюрократіей: другими словами, дворянство, преслѣдуя свои старые идеалы, карьеру и чинъ, доставляетъ тѣмъ самымъ главный контингентъ для бюрократіи. Вотъ почему на нашъ взглядъ въ царствованіе Александра I, эти уже старинныя стремленія дворянства получаютъ новое значеніе.

Самъ Императоръ Александръ сознавалъ это; всегда относясь къ дворянству и его привилегіямъ несочувственно, какъ нами указывалось выше, онъ во вторую половину своего царствованія уже прямо жалуется на дворянство и на то господство въ его интересахъ карьеризма и поклоненія чину, которое нами только что отмѣчалось. Такъ, въ одномъ разговорѣ своемъ съ англійскимъ генераломъ Вильсономъ, Але-

[1]) См. Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, примѣчаніе № 87, стр. 530.

[2]) Ср. Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго, „Русская Старина" 1874 года, томъ XI.

ксандръ прямо указывалъ, что «къ сожалѣнію, немногіе лишь изъ окружающихъ его лицъ, получили надлежащее воспитаніе и отличаются твердыми правилами»... «Немного у меня говоритъ онъ, такихъ, на кого я могъ бы положиться съ увѣренностью; всюду увлеченія, французское вѣтрогонство и пороки» [1]). Другой разъ, во время одного изъ своихъ путешествій по Крыму, Александръ принялъ и обласкалъ сестру генерала Рудзевича, начальника штаба 2-й арміи и, когда Данилевскій сказалъ ему, что подобное отношеніе къ семьѣ генерала было послѣднему дороже всякихъ наградъ и лентъ, Государь выразился такъ: «я не различаю, ни дворянъ, ни разночинцевъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; *мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо.* Рудзевичъ татаринъ, но мнѣ дороже, чѣмъ иной столбовой дворянинъ» [2]). Такое отношеніе Императора къ дворянству конечно могло только поощрять вышеописанное стремленіе послѣдняго къ чину и государственной службѣ.

Либерализмъ начала столѣтія исчезъ, «какъ будто ушелъ въ землю; все умолкло. Но тогда-то именно и началъ онъ (либерализмъ) дѣлаться опаснымъ... Наступило время полнаго расцвѣта тайныхъ обществъ»; либерализмъ, не находя себѣ болѣе свободнаго выхода, сталъ выражаться въ неестественныхъ и вредныхъ формахъ тайныхъ и революціонныхъ обществъ. Тотъ подъемъ духа и «замѣчательное пробужденіе общественнаго сознанія», которымъ сопровождалась для русскаго общества Отечественная война, не могутъ, къ несчастью быть отнесены ко всему дворянству; большинство сословія осталось внѣ движенія; провинція была еще слишкомъ темна, чиновничество же было все поглощено служебными и личными интересами. «Люди союза благоденствія» и другіе представители либеральнаго меньшинства, правда, составляли количественно гораздо большую группу, чѣмъ либералы первыхъ лѣтъ царствованія, правда, что тѣ самыя идеи, которыя прежде понимались лишь неясно «теперь стали представляться гораздо

[1]) Ср. Шильдеръ, в. н. с, томъ III стр. 107.
[2]) Шильдеръ, в. н. с., томъ IV, стр. 102.

отчетливѣе и реальнѣе», но было бы ошибкой, по нашему крайнему разумѣнію, думать, что въ этомъ движеніи принимало участіе все дворянство, все русское общество.

Пыпинъ, конечно правъ, утверждая, что «въ обществѣ уже стало пропадать то наивное или лицемѣрное самодовольство, которое питалось грубой лестью національному самолюбію» [1]), но здѣсь нельзя видѣть всего русскаго общества того времени; такое опредѣленіе степени развитія общественныхъ идей можетъ касаться лишь меньшинства, проживавшаго въ столицахъ.

Большинство дворянства, въ особенности провинціальнаго, отличалось еще крайнимъ невѣжествомъ; въ провинціи царила еще грубость нравовъ и почти полное отсутствіе образованія. Рядомъ съ невѣжествомъ господствовали его неизмѣнные спутники—взяточничество и карточная игра, о чемъ свидѣтельствуютъ записки Михайловскаго-Данилевскаго, по словамъ котораго, «изъ ста домовъ въ девяносто домахъ играютъ»; онъ не видалъ, чтобы «гдѣ-нибудь занимались чѣмъ-либо другимъ кромѣ картъ» [2]); это и понятно, при отсутствіи какихъ-либо другихъ интересовъ, карточная игра составляла единственный ресурсъ для препровожденія времени, что же касается взяточничества, то роль, сыгранная этимъ порокомъ въ русскомъ обществѣ, уже слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы намъ приходилось на немъ останавливаться [3]).

Выборная служба, благодаря грубости и невѣжеству провинціальнаго общества, представляла собой картину не особенно привлекательную. Лицъ, избираемыхъ дворянствомъ, особенно судей и засѣдателей, можно раздѣлить на двѣ катего-

---

[1]) В. н. с., стр. 467.

[2]) Шильдеръ, в. н. с., томъ IV, стр. 251.

[3]) Ср. Дубровинъ, Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка, „Русская Старина“ 1899, № 2; Записки Лопухина, „Русскій Архивъ“ 1884, № 1; Вяземскій, полн. собр. соч. томъ VIII; Записки Стогова, „Русская Старина“ 1886 г. № 10; Записки Жихарева, „Русскій Архивъ“ 1891 г. № 1; Письма де Местра, „Русскій Архивъ“ 1871 г. томъ I; Записки Сумарокова, „Архивъ Государственнаго Совѣта“, дѣло Комитета 1826 г. № 84; Назимовъ, „Русскій Вѣстникъ“ 1876 г. № 7, и мн. др.

ріи, на ничего не знающихъ и «докъ» [1]). Первые, работая добросовѣстно были непріятны дворянству и потому, послѣ перваго же трехлѣтія возвращались «восвояси къ ненависти и упрекамъ собратій за строгое исполненіе должности». Такіе судьи, говоритъ Дубровинъ, будучи мало или совсѣмъ необразованы, сами не знали, какъ приступиться къ дѣламъ, и, не имѣя для руководства яснаго и опредѣленнаго закона, «попадали прямо въ руки секретарей и вполнѣ зависѣли отъ нихъ». Ко второму разряду принадлежали тѣ, «которые, не забывая себя, старались угодить собратьямъ помѣщикамъ своего уѣзда и за то были выбираемы на нѣсколько трехлѣтій подъ рядъ. Это были люди опытные въ томъ, чтобы склонить вѣсы правосудія на ту сторону, которая больше дастъ»(!). Отсюда понятно, что въ общемъ «въ судахъ царили несправедливость и безчинства всякого рода, полное неуваженіе къ личности истца и подсудимаго» [2]). Но волокита и взяточничество господствовали во всѣхъ отрасляхъ администраціи и выборныя должности мало чѣмъ отличались отъ должностей замѣщаемыхъ по назначенію отъ правительства [3]).

«Справедливости, замѣтилъ Дубровинъ, стыдно было показаться въ тогдашніе суды, гдѣ царствовали ложь, обманъ и неправда» [4]). Подобныя же картины рисуютъ намъ авторъ статьи «Изъ очерковъ недавней старины» [5]), Сперанскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Столыпину [6]), и цѣлый рядъ другихъ современниковъ. Всюду встрѣчаемъ одну и ту же безотрадную обстановку, одно и то же ужасное невѣжество. Особенно скверно отражалось такое состояніе общества на отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, о чемъ свидѣтель-

[1]) Дубровинъ, в. н. с., „Русская Старина" 1899, № 2, стр. 63 и слѣд.

[2]) Примѣромъ волокиты и торжества неправды можетъ служить извѣстное дѣло Ширкова, обвинявшагося въ убійствѣ дѣвицы Алтуховой.

[3]) Ср. ст. М. Назимова, Въ провинціи и Москвѣ съ 1812 по 1828 г. „Русскій Вѣстникъ" 1876 г., томъ 124.

[4]) В. н. с., „Русская Старина" 1899, № 2, стр. 67.

[5]) „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 1253.

[6]) „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 449.

ствуетъ намъ, кромѣ многочисленныхъ записокъ и воспоминаній, и само законодательство; просматривая, напр., полное собраніе законовъ, можно найти цѣлый рядъ указовъ о наказаніи и взысканіи съ помѣщиковъ за жестокости, учиненныя надъ дворовыми и крестьянами [1]); а вѣдь до правительства доходили только важнѣйшіе случаи злоупотребленій; можно себѣ представить, что происходило въ провинціи въ помѣщичьей жизни. Подобные примѣры можно было бы увеличить до безконечности [2]). Всѣ они только подтверждають все ту же печальную картину невѣжественнаго состоянія общества, передъ которымъ конечно блекли тѣ слабые проблески культуры и просвѣщенія столицъ, о которыхъ мы упоминали выше. Правительство было конечно не въ силахъ бороться съ этимъ. Большинство мѣръ, имъ предпринимаемыхъ, совершенно ни къ чему не приводили.

Мѣры, направленныя къ улучшенію провинціальной администраціи, можно раздѣлить согласно съ мнѣніемъ Середонина [3]) на три категоріи: подъ первую подойдутъ тѣ, которыя имѣли въ виду «улучшеніе существовавшихъ учрежденій»; сюда относятся слѣдовательно мѣропріятія, вносившія «частичныя поправки къ Учрежденію о губерніяхъ 1775 г.», какъ напр., увеличеніе числа чиновниковъ и ихъ содержанія, стараніе привлечь лицъ болѣе достойныхъ, усиленіе штатовъ, перераспредѣленіе губерній и другихъ административныхъ округовъ и т. п. Очевидно, что мѣры этого рода существу дѣла не приносили никакой пользы. Вторую категорію составляютъ тѣ мѣропріятія, «которыя передавали областное управленіе въ общественныя руки». И наконецъ третій путь къ улучшенію положенія вещей было усиленіе личной власти высшихъ органовъ, какъ, напр., генералъ-губернаторовъ. Послѣдній способъ былъ въ глазахъ правительства наиболѣе дѣйствитель-

---

[1]) Напр. № 20217, 20576, 20964 и др.

[2]) Ср. напр., Середонинъ, в. н. с., томъ I, глава о мѣстномъ управленіи, стр. 431 и слѣд.

[3]) В. н. с., томъ I, стр. 461.

нымъ. Александръ въ первые годы своего царствованія возлагалъ большія надежды на помощь самого общества, т. е. на второе изъ перечисленныхъ трехъ средствъ; но общество оказалось не на высотѣ своего призванія. Какъ и попытка Екатерины II дать дворянству самоуправленіе, такъ и надежды и нѣкоторыя, хотя и слабыя, стремленія правительства Александра I призвать общество «къ устроенію провинціи», къ участію и улучшенію областного управленія — оказались безрезультатными, и благодаря одной и той же причинѣ, — неподготовленности къ такой задачи дворянскаго сословія. Общественныя силы не оправдали надеждъ Александра, также какъ прежде дворянство, не оправдало довѣрія Великой Императрицы.

По вѣрному замѣчанію Середонина «культурныя силы мѣстнаго общества были еще слишкомъ слабы» [1]), повсюду становилось все замѣтнѣе «постоянное уклоненіе сословій отъ службы по выборамъ», а какъ слѣдствіе этого, постепенное усиленіе власти губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ. Во вторую половину царствованія Императора Александра I, уклоненіе дворянства отъ выборной службы стало обращать на себя серьезное вниманіе правительства.

Правда и прежде правительство принуждено было предпринимать нѣкоторыя мѣропріятія въ этомъ направленіи. Какъ нами указывалось въ своемъ мѣстѣ, былъ изданъ цѣлый рядъ указовъ, имѣвшихъ цѣлью препятствовать уклоненію дворянства отъ выборной службы [2]), но мѣропріятія правительства того періода носятъ еще характеръ случайный; до его свѣдѣнія только исключеніями доходили случаи уклоненія дворянъ той или другой губерніи отъ выборовъ или исполненія возложенныхъ на нихъ дворянскими собраніями обязанностей. Во вторую же половину царствованія Александра подобнаго рода

---

¹) В. н. с, томъ I, стр. 462.

²) Напр. указы, помѣщенные въ П. С. З. подъ № 20381, 20734, дѣло, разсматривавшееся въ Комитетѣ министровъ въ 1810 году, журналы, томъ II, стр. 111—112.

дѣла все чаще стали восходить на разрѣшеніе высшаго правительства; у послѣдняго даже нѣсколько разъ возникала мысль изданія особаго узаконенія, для принужденія дворянъ къ несенію выборной службы. Подобный случай представился на разрѣшеніе Комитета министровъ въ 1822 году, когда имъ разсматривалось распоряженіе Рязанскаго, Тульскаго, Орловскаго, Воронежскаго и Тамбовскаго генералъ-губернатора Балашова, не позволившаго служащимъ по выборамъ дворянамъ «считать себя свободными отъ службы, пока не будутъ разсмотрѣны вѣдомости о неоконченныхъ дѣлахъ» [1]). Но правительство опасалось принимать слишкомъ крутыя мѣры и распространять ихъ на всю Россію, справедливо считая, что онѣ могутъ только усилить зло и умножить затрудненія; если дворянство не желало нести выборную службу, правильно разсуждалъ Комитетъ министровъ, силой его къ тому не принудишь. Иначе посмотрѣлъ на дѣло Александръ; онъ не только одобрилъ распоряженіе Балашова, но повелѣлъ «распространить такой порядокъ и на другія губерніи, при подобной же запущенности дѣлъ». Государь, какъ вѣрно замѣтилъ Середонинъ [2]), «смотрѣлъ на службу по выборамъ, какъ на обязанность дворянства». Еще характернѣе сказался этотъ взглядъ въ резолюціи положенной Александромъ по дѣлу объ уклоненіи отъ выборной службы Оренбургскихъ мурзъ; Государь повелѣлъ, черезъ Аракчеева, «объявить этимъ мурзамъ законъ Петра Великаго, по которому *дворяне, не желающіе служить, подлежатъ положенію въ подушной окладъ*» [3]). Нельзя сказать, чтобы это мнѣніе соотвѣтствовало основнымъ положеніямъ нашего тогдашняго законодательства; имъ игнорировались, какъ манифестъ 1762 года, такъ и Жалованная грамота дворянству, столь торжественно подтвержденная самимъ же Александромъ; да и помочь дѣлу подобныя распоряженія не могли; мнѣніе Комитета министровъ намъ пред-

[1]) Середонинъ, в н. с., томъ I, стр. 259.
[2]) В. н. с., томъ I, стр. 259.
[3]) Тамъ же, стр. 260.

ставляется гораздо болѣе благоразумнымъ. Объясняется же мысль Александра съ одной стороны уже указаннымъ выше отрицательнымъ его отношеніемъ къ сословнымъ привилегіямъ, съ другой же, въ частности для даннаго случая, сознаніемъ Государя, что мѣры правительства въ дѣлѣ привлеченія дворянства къ выборной службѣ, оказывались совершенно безрезультатными; безсиліе борьбы правительства съ этимъ явленіемъ несомнѣнно сильно раздражало вспыльчиваго Александра.

Перечисленіе главнѣйшихъ мѣропріятій правительства въ этомъ вопросѣ мы имѣли въ вышеразобранномъ указѣ 1818 года [1]) «о подтвержденіи губернскимъ правленіямъ дабы, они по предмету уклоненій дворянъ отъ службы по выборамъ дворянства и въ прочемъ, руководствовались непремѣнно изображенными въ законахъ правилами»; но всѣ они, повторяемъ, оставались безуспѣшными [2]).

IV.

Резюмируемъ теперь тѣ результаты, къ которымъ привела исторія дворянства къ концу царствованія Императора Александра I. Сословная связь дворянства все слабѣла, а главной причиной тому было отсутствіе сословныхъ интересовъ, съ одной стороны, и господство среди дворянства идеала государственной службы и чина, съ другой. Не сословные интересы составляли главный предметъ вѣдѣнія дворянскихъ собраній, не сословныя, а административныя обязанности и функціи, опредѣляли кругъ дѣятельности сословныхъ органовъ; какъ вполнѣ вѣрно отмѣтилъ эту мысль впослѣдствіи самъ законодатель, главнымъ «предметомъ обыкновенныхъ губернскихъ собраній было *избраніе чиновниковъ въ разныя должности*» [3]).

---

[1]) П. С. З. № 27247, 30-го января 1818 г. (см. выше стр. 420). Въ названномъ актѣ перечисляются узаконенія 5-го мая 1801 г., 30-го мая 1808 и 18-го декабря 1811 годовъ (Ср. П. С. З. № 23170, 23538, и 2142).

[2]) Ср. Письмо Сперанскаго № V, „Русскій Архивъ“ 1869 года, стр. 1976.

[3]) Томъ III Св. Зак., Уставъ о службѣ по выборамъ, ст. 1.

Нельзя болѣе точно и опредѣленно высказать исторически сложившееся положеніе вещей; оно соотвѣтствовало какъ вѣковой политикѣ правительства, такъ и стремленіямъ и вожделѣніямъ самого дворянства.

Но выборная служба, обречена была на потерю всякаго значенія, а съ паденіемъ послѣдняго она перестала интересовать дворянство; сословіе это начало всѣми силами и средствами уклоняться отъ выборпой службы, ставшей для него тяжелой и непривлекательной обязанностью. Первое мѣсто заняла служба правительственная; только на ней и преимущественно въ управленіи центральномъ можно было достичь власти и почета—этого идеала дворянства, а невѣжество русскаго общества широко открывало двери произволу и полному господству провинціальныхъ администраторовъ. «Неразвитость общественныхъ элементовъ, говоритъ Ѳ. Дмитріевъ [1]), долго дѣлала ихъ неспособными къ государственной роли. Въ обществѣ, сознающемъ интересы народнаго единства и умѣющемъ жертвовать имъ частной выгодѣ, бюрократія не мыслима».

Однако можетъ быть можно согласиться съ тѣмъ же авторомъ, защищающимъ мысль, что въ тѣ времена бюрократія все-таки принесла извѣстную пользу нашему отечеству; при неразвитости тогдашняго общества, бюрократія была единственнымъ элементомъ, давшимъ государству новыя формы управленія. Корни вреда, по нашему мнѣнію, лежали не въ образованіи этого новаго класса, а въ томъ, что интересы и стремленія дворянства были поглощены идеей правительственной службы и карьеризма, въ томъ именно, что бюрократія такъ легко и совершенно поглотила дворянское сословіе; отсюда проистекало все бо́льшее господство центра въ ущербъ провинціи, все бо́льшее усиленіе власти правительственныхъ органовъ и соотвѣтствующее паденіе значенія общественнаго и сословнаго управленія. Вѣрно замѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ Вигель, что «въ Россіи всѣ хотятъ возвышенія мѣста служенія своего, поднятія своей должности и своей особы;

[1]) „Сперанскій", статья въ „Русскомъ Архивѣ" 1868 г., стр. 1622.

оттого-то совсѣмъ неважныя управленія успѣваютъ дѣлаться особыми министерствами» [1]). Это же явленіе было причиной и другихъ печальныхъ слѣдствій, а именно: оторванности правительства отъ реальныхъ интересовъ провинціальной жизни съ одной стороны и разрыва послѣднихъ связей дворянства съ землей, съ другой.

Живя въ Петербургѣ, проводя дни свои въ департаментахъ и канцеляріяхъ, дворяне конечно потеряли всякую связь съ деревней; ихъ не интересовало вовсе то, что дѣлалось въ провинціи; въ большинствѣ случаевъ они даже не знали, что тамъ происходило; между тѣмъ эти лица, «привыкшія съ такимъ презрѣньемъ смотрѣть на все, что происходитъ въ провинціи» [2]), управляли ею, что не могло не отзываться весьма губительно на развитіи послѣдней. Второе слѣдствіе было подмѣчено еще Гакстгаузеномъ [3]); правда, въ Россіи уже давно не существовало «крѣпкой» связи дворянства съ землей; дворянство, какъ сословіе служилое, тѣмъ самымъ принуждено было проживать вдали отъ своихъ помѣстій; но въ XIX столѣтіи связь его съ землей порывается окончательно; отсюда та «легкость, съ которой продавались помѣстья, бывшія по 200 лѣтъ во владѣніи одной и той же фамиліи, та рѣдкость имѣній, которыя могли бы называться *фамильнымъ именемъ* владѣльца» [4]). Во всемъ первенствовала служба — «*чинъ продолжалъ быть честнѣе сословія*» [5]).

Изъ двухъ же родовъ службы, по назначенію отъ правительства и по выборамъ отъ дворянства, только первая привлекала и интересовала дворянство, только она «открывала

---

[1]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. „Русскій Вѣстникъ“, 1864 года, т. VIII, стр. 592.

[2]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. „Русскій Вѣстникъ“, 1865 г., т. III, стр. 195.

[3]) Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, vol. III, Berlin. 1853; первыя сто страницъ.

[4]) Романовичъ-Славатинскій. „Дворянство въ Россіи“, стр. 492. Ср. также со взглядами, высказанными декабристомъ С. Г. Волконскимъ въ его запискахъ.

[5]) Тамъ же, стр. 491.

широкое поприще повышеній и наградъ, вмѣстѣ съ пріятностями городской или даже столичной жизни... Служба же по выборамъ осталась удѣломъ дворянъ небогатыхъ или отставныхъ»; лучшая часть дворянства «не шла» ни въ исправники, ни въ уѣздные судьи, ни тѣмъ болѣе въ засѣдатели [1]). Выборная служба все падала въ своемъ значеніи и «средствъ исправленія» тому не было ни у монарха, ни у его правительства. На высотѣ своего призванія оставались одни предводители дворянства, рѣзко выдѣляясь среди прочей провинціальной администраціи. Одни они представляли собою «лучшихъ людей».

Правда «либеральное направленіе, созрѣвшее къ концу царствованія Александра, не осталось отрывочнымъ фактомъ въ нашей внутренней исторіи. Напротивъ, оно бросило прочные корни въ общественномъ сознаніи» [2]), но мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ меньшинствомъ общества; большинство же не только не слѣдовало, но и не могло слѣдовать за меньшинствомъ; до этого оно еще не доросло; представители послѣдняго были даже ненавистны остальнымъ. Отсюда трагическая катастрофа 1825 года; «противъ либерализма было направлено суровое преслѣдованіе, говоритъ Пыпинъ, цѣлое поколѣніе исчезло изъ общества, но идеалы его остались достояніемъ мыслящихъ людей и продолжали жить и развиваться въ ихъ средѣ».

«Періодъ, наступившій со смертью Александра, былъ очень непохожъ на прежнія времена; въ общественной жизни произошелъ переломъ, слишкомъ неблагопріятный для прежняго движенія умовъ; строгая опека останавливала его»... Въ этомъ мы и видимъ торжество невѣжества, того самаго, которое составляло въ тѣ времена отличительную черту дворянскаго общества. «Но внутри работа мысли продолжалась, говоритъ тотъ же авторъ: идеалы предыдущаго поколѣнія сохранили

---

[1]) Градовскій, в. н. статья въ „Сборникѣ Государ. знаній, томъ VI, стр. 146.

[2]) Пыпинъ, в. н. с., стр. 475.

свою привлекательность и пріобрѣтали новую силу подъ вліяніемъ новыхъ изученій и новаго практическаго опыта; люди, ставшіе жертвой своихъ стремленій, сохранили за собой тайныя, невысказываемыя симпатіи, которыя усиливали интересъ къ ихъ идеямъ». Но увы, сколько требовалось еще жертвъ для торжества этихъ идей.

Правда, этимъ только подтверждается историческая истина, что если идея жизнена, «легіоны палачей не умертвятъ безсмертную».

Либеральныя идеи должны были на время попрятаться въ темные уголки русскаго общества. Дворянству предоставлена была широкая возможность наслаждаться временнымъ покоемъ, оно могло продолжать коснѣть въ своемъ невѣжествѣ и грубости, не будучи затронуто всесильнымъ просвѣщеніемъ. Первые проблески движенія впередъ по пути прогресса были затушены восторжествовавшей реакціей.

Но жизнь знаетъ свои пути, наказанія ея неумолимы и неизбѣжны, если ей ставятся преграды. Реакція этой эпохи носила сама въ себѣ свое наказаніе. Дворянство, *какъ привилегированное сословіе,* было обречено на смерть; стремясь къ чину и карьерѣ, оно все больше сливалось и отождествлялось съ бюрократіей и готовило себѣ конецъ, настигшій его во второй половинѣ XIX вѣка.

Дворянство конца царствованія Александра Перваго съ полнымъ успѣхомъ могло примѣнить къ себѣ знаменитыя слова Горація [1]):

Damnosa quid non inminuet dies
Aetas parentum, pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vicisiorem!

(Чего не измельчитъ гибельное время! Поколѣніе отцовъ, которое хуже дѣдовъ, произвело насъ негоднѣйшихъ, а отъ насъ вскорѣ будетъ еще болѣе порочное потомство).

---

[1]) О. VII, книга III.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вступленіе на престолъ Императора Николая I. — Его взглядъ на дворянское достоинство.—Комитетъ 6-го декабря 1826 г.—Аристократическія тенденціи комитета.—Мнѣнія, высказанныя по этому поводу въ средѣ Государственнаго Совѣта.—Записка Вел. Кн. Константина Павловича. — Взглядъ Императора Николая на государственную службу.—Жизнь и интересы дворянскаго общества.—Его экономическое положеніе.

I.

Конецъ 1825 года ознаменовался рядомъ тяжелыхъ событій. Въ ноябрѣ скончался Императоръ Александръ I; извѣстно, какими обстоятельствами сопровождалось воцареніе его брата. Николай Павловичъ во многомъ представлялъ діаметральную противуположность Александру; главная его отличительная черта была замѣчательная твердость характера и опредѣленный и ясный взглядъ на жизнь.

Главнѣйшія черты характера Николая стали обрисовываться уже съ дѣтскихъ лѣтъ; уже съ ранняго возраста, говоритъ Шильдеръ [1]), стали проявляться и настойчивость, и стремленіе повелѣвать, и та сердечная доброта, и страсть къ военщинѣ, которыя не покидали его до самаго гроба.

Особенно важными послѣдствіями отозвалась позднѣе его страсть къ военщинѣ; она кромѣ того къ несчастью была связана въ міросозерцаніи молодого Великаго Князя съ грубостью, а подобное заблужденіе въ свою очередь имѣло слѣд-

[1]) Ср. Шильдеръ, Императоръ Николай I, томъ I, стр. 18.

ствіемъ заносчивость и самонадѣянность [1]). Грубость и заносчивость, постоянное и во всемъ проявляемое желаніе повелѣвать, только усиливались съ годами; ихъ могло смягчить только нѣжное и заботливое воспитаніе, но ихъ-то и не хватало.

Николай Павловичъ росъ на попеченіи генераловъ, плохо понимавшихъ свою задачу. Одинъ изъ современниковъ даетъ намъ слѣдующую картину характера Великаго Князя: «онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія» [2]). И дѣйствительно—велики были напасти этого царствованія, только чрезвычайная сила воли Николая давала ему возможность выхода изъ тѣхъ трудныхъ положеній, въ которыя ставила его судьба. Въ этомъ заключается основная черта различія между царствованіями двухъ братьевъ. Насколько Александръ былъ нерѣшителенъ, насколько онъ всегда колебался между противоположными рѣшеніями, настолько братъ его былъ твердъ и непреклоненъ, скажемъ, даже стремителенъ.

Вѣрно замѣчаетъ Шильдеръ [3]), въ 1825 году «престолъ занялъ Государь непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, съ вполнѣ опредѣлившимся міросозерцаніемъ и обладающій твердымъ характеромъ. Вскорѣ всѣмъ стало ясно, что наступила новая эпоха, въ которой требовалось безпрекословное повиновеніе всемогущей и ясно выраженной волѣ воцарившагося монарха». Въ этихъ немногихъ словахъ ярко обрисованъ нравственный обликъ Николая и хорошо отмѣчена та разница

---

[1]) В. н. с. томъ I, стр. 22.

[2]) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, „Русскій Вѣстникъ", 1864 г. часть 5-я, стр. 70.

[3]) Шильдеръ, в. н. с., томъ I, стр. 313.

характеровъ двухъ братьевъ, которая была причиной новому направленію государственной политики. «Хотя Императоръ Николай и утверждалъ въ письмахъ къ цесаревичу, говоритъ его біографъ [1]), что начала, которыми руководствовался покойный ангелъ (Александръ), служатъ ему катехизисомъ, но по своимъ убѣжденіямъ и вполнѣ національному характеру онъ не замедлилъ вступить на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, по которому слѣдовалъ его предмѣстникъ».

Другимъ отличительнымъ признакомъ новаго царствованія была политика палліативовъ; правительство не задавалось болѣе планами общихъ реформъ, но вводило въ законодательство частныя мѣры и поправки, въ большинствѣ случаевъ въ видѣ временныхъ правилъ [2]). По отношенію къ дворянскому сословному управленію правительствомъ хотя и были изданы общіе законодательные акты, какъ, напр., вошедшіе въ IX-й томъ Свода Законовъ «законы о состояніяхъ», но основные принципы ихъ были прежніе.

Общее направленіе сословной политики оставалось такимъ образомъ то же, какъ и въ предшествовавшее царствованіе; правительство продолжало смотрѣть на дворянство, какъ на сословіе служилое и давало ему преимущество лишь постольку, поскольку оно посвящало свою жизнь и интересы службѣ.

Какъ выяснено нами было выше, въ царствованіе Императора Александра зародилось сильное недовольство русскаго общества; чувство это все росло и разразилось наконецъ ужасной катастрофой 14-го декабря. Къ этому времени особенно тягостнымъ стало положеніе крестьянства.

Людямъ вернувшимся изъ походовъ 1813 и 1814 годовъ «поступки помѣщиковъ съ крестьянами» не могли не казаться «ужасными» [3]); барщина и оброкъ не могли не представляться преступленіями надъ личностью человѣка. Особенно же вред-

---

[1]) Шильдеръ, в. н. с., томъ I, стр. 313.

[2]) См. предисловіе (стр. VII) ко 2-му тому (часть 1-я) Историческаго обзора дѣятельности Комитета министровъ, Середонина.

[3]) Записки А. Д. Боровкова, „Русская Старина" 1898 г., томъ 96-й, стр. 360.

нымъ стало мелкопомѣстное дворянство, силившееся жить выше средствъ, эксплоатируя даровой трудъ крѣпостныхъ, вѣчно ропчущее, недовольное, «мучающее по прихоти» своихъ крестьянъ.

Но событія 14-го декабря не принесли ожидаемыхъ результатовъ; послѣдствія были противоположныя. День этотъ оставилъ на міросозерцаніи Николая I неизгладимый отпечатокъ; его природная суровость и повелительность только усилились. Чреватыми эти событія оказались и для исторіи дворянскаго сословнаго управленія. Служба государству стала единственной причиной существованія дворянскихъ сословныхъ привилегій [1]).

Вторымъ ударомъ для Россіи было польское возстаніе 1831 года, «довершившее пагубное вліяніе, оставленное въ умѣ Николая Павловича событіями 14-го декабря».

«Закончился столь тревожный всякими событіями 1831 г., пишетъ Шильдеръ [2]), для Россіи наступило мирное восемнадцатилѣтіе, продолжавшееся безъ перерыва до венгерской войны 1849 года. Чего не могло бы быть достигнуто для благосостоянія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ! Но Государь былъ уже не тотъ, какимъ онъ явился на престолѣ въ 1825 году... Отнынѣ Императоръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону абсолютизма, погубившаго его отца и столь много повредившаго его брату въ общественномъ уваженіи». Жизнь давала слишкомъ обильную пищу природнымъ наклонностямъ Николая Павловича.

Февральская революція и послѣдовавшія за ней волненія во всей Европѣ довершили этотъ процессъ. Николай I сталъ смотрѣть съ ненавистью на всякое проявленіе общественной самостоятельности. Взгляды его были характерно выражены въ манифестѣ, изданномъ по поводу событій 1848 года въ

---

[1]) Впечатлѣніе, произведенное на общество вступленіемъ на престолъ Имп. Николая, хорошо описано въ письмахъ графа Стединга, стр. 259—300, Comte de Stedingk, Mémoires posthumes, Paris. 1847.

[2]) Шильдеръ, в. н. с., томъ II, стр. 395.

Западной Европѣ. Здѣсь же картинно высказались и его отношенія къ дворянству. Для поясненія приведемъ разговоръ Государя съ статсъ-секретаремъ барономъ Корфъ, которому было поручено редактированіе текста этого манифеста. Разбирая положенія манифеста баронъ Корфъ замѣтилъ:

«Дозвольте, Государь, повергнуть на ваше усмотрѣніе одну только мысль».

«Что такое? Говори».

«Не позволите ли включить въ манифестъ хотя два слова о дворянствѣ: оно всегда окружало престолъ своею преданностью, и особенный призывъ отъ васъ польститъ лучшему его чувству».

«Я самъ объ этомъ думалъ, и сперва, въ черновомъ моемъ проектѣ, именно сказано было: всѣ государственныя сословія; но послѣ мнѣ показалось, что слово сословіе не совсѣмъ умѣстно при теперешнемъ духѣ и обстоятельствахъ. Гдѣ же полагалъ бы ты сказать о дворянствѣ?»

«Я указалъ мѣсто. Онъ перечелъ раза два или три громко это мѣсто и пробѣжавъ потомъ снова про себя весь проектъ сказалъ:

«Нѣтъ, право, и такъ очень хорошо; если упоминать отдѣльно о дворянствѣ, то прочія состоянія могутъ огорчиться, а вѣдь это еще не послѣдній манифестъ; вѣроятно, что за нимъ скоро будетъ и второй, уже настоящее воззваніе, и тогда останется время обратиться къ дворянству, а теперь пусть будетъ такъ, какъ есть» [1])...

Государственную службу Императоръ Николай ставилъ очень высоко, на выборную же службу смотрѣлъ, какъ на родъ службы государственной. Въ этихъ взглядахъ находится и ключъ къ пониманію его отношеній къ дворянству; для него дворянинъ и государственный слуга были синонимами; «*мы всѣ*, писалъ онъ въ одной изъ своихъ резолюцій на

[1]) Изъ Записокъ бар. М. А. Корфъ „Русская Старина" 1900 года, томъ 101, стр. 567; это же мѣсто записокъ барона Корфъ цитировано у Шильдера, Имп. Николай I, томъ II, стр. 627—628.

положенія Комитета министровъ, *на службѣ*, не за тѣмъ, чтобы гулять, а чтобы дѣло дѣлать» [1]).

Мы никакъ не можемъ согласиться съ Середонинымъ [2]), утверждающимъ, что «Николай Павловичъ чрезвычайно высоко ставилъ значеніе дворянства въ государствѣ»; не дворянство, а *службу* дворянства высоко цѣнилъ этотъ монархъ; этотъ взглядъ красной нитью проходитъ черезъ всю исторію дворянскаго управленія этого царствованія. Дворяне, какъ впрочемъ, замѣчаетъ нѣсколько далѣе самъ Середонинъ, были прежде всего «прирожденными слугами русскихъ государей». Этотъ же взглядъ сказался и въ приведенномъ выше разговорѣ Государя со статсъ-секретаремъ барономъ Корфъ [3]). Въ вопросахъ общегосударственныхъ, гдѣ служба не играла первенствующей роли, дворянство должно было занимать совершенно равное съ другими сословіями положеніе. Но надо сказать, что само дворянство шло навстрѣчу подобнымъ взглядамъ Императора; явленіе, подготовлявшееся всей предшествующей исторіей этого сословія, получило теперь возможность полнаго проявленія въ жизни. Отнынѣ каждый дворянинъ *долженъ былъ* служить; на молодого дворянина, окончившаго курсъ наукъ и не поступающаго на службу, смотрѣли косо, какъ на лицо, не исполняющее своихъ обязанностей; подобный фактъ общество считало даже проявленіемъ «плохого вкуса»

---

[1]) Середонинъ, в. н. с., томъ II, часть I, стр. 229.

[2]) Середонинъ, в. н. с., томъ II, часть I, стр. 228.

[3]) Если Николай I такъ высоко ставилъ государственную службу, то и требованія къ ней онъ предъявлялъ очень большія.

Для примѣра можно привести положенія Комитета министровъ 1834 и 1850 годовъ, а равно резолюцію Государя 1842 года (Середонинъ, в. н. с, томъ II, часть 2, стр. 33, 35 и 41). Вопросъ, въ последнемъ случаѣ шелъ о ненаграждeніи орденами недворянъ, впредь до достиженія ими 8 класса. Николай по этому поводу написалъ: „это по моему мнѣнію было бы несправедливо, ибо какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, кто разъ допущенъ и служитъ наравнѣ съ родовыми дворянами, тотъ въ случаѣ отличія имѣть долженъ равное право къ награжденію орденомъ; но какъ тѣхъ, такъ и другихъ слѣдуетъ вносить въ думу". Въ этихъ немногихъ строкахъ хорошо отразился взглядъ Государя на службу и дворянство.

и неприличіемъ. На службу не шла только самая бѣдная часть дворянства, обнищавшіе мелкопомѣстные его представители, по занимаемому ими общественному положенію не отличавшіеся, впрочемъ, ничѣмъ отъ однодворцевъ. Изъ различныхъ родовъ службы первое мѣсто занимала служба военная [1]), затѣмъ шла гражданская правительственная служба и наконецъ, «худшая» въ глазахъ дворянства, служба выборная, какъ «наименѣе выгодная».

Очень характернымъ является разборъ Комитетомъ министровъ, въ концѣ царствованія Николая I, вопроса о положеніи въ государствѣ мелкопомѣстнаго дворянства.

Князь Чернышевъ, со свойственною ему откровенностью, высказался за обращеніе подобныхъ дворянъ въ крестьянское сословіе [2]); подготовительными же мѣрами, чтобы «не очень обозлить дворянство», онъ считалъ слѣдующія: 1) предварительное перечисленіе ихъ въ разрядъ однодворцевъ, 2) запись дѣтей ихъ въ кантонисты и 3) отобраніе у нихъ крестьянъ. Государь положилъ по этому поводу слѣдующую резолюцію, «мнѣніе ваше совершенно согласно съ моимъ; предоставляю вамъ сіе исполнить чрезъ Комитетъ министровъ».

Эта резолюція является какъ бы итогомъ царствованія Николая Павловича, характернымъ опредѣленіемъ всей его политики въ изучаемой области. Дворянство, или по крайней мѣрѣ часть его, несомнѣнно должно было «озлиться», усматривая въ подобной мѣрѣ нарушеніе всѣхъ его исконнихъ преимуществъ.

Эта точка зрѣнія объясняетъ намъ и то «колебаніе» правительства, въ вопросѣ о положеніи и характерѣ выборной службы, о которомъ говоритъ Середонинъ [3]). Съ одной стороны правительство расширяло будто бы избирательное право

---

[1]) Ср., напр., Paul Lacroix, Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, Paris 1871, tome VI, ch. 205, p. 403 et suiv.

[2]) Ср. Середонинъ, в. назв. соч., томъ II, ч. 1, стр. 240; также журналъ Комитета министровъ № 121, 1854 года.

[3]) Тамъ же, стр. 243.

дворянскаго сословія, предоставляя ему избирать предсѣдателей уголовныхъ и гражданскихъ палатъ (законъ 1831 года), съ другой же, суживало то же право, опредѣливъ назначеніе органовъ земской полиціи губернскими правленіями (законъ 1837 года). Разъ мы примемъ во вниманіе взглядъ правительства на выборную службу, какъ на родъ службы правительственной, намъ яснымъ станетъ, что никакихъ колебаній въ данномъ случаѣ не было; правительство, разсматривая дѣятельность администраціи, руководствовалось лишь указаніями опыта, установляя выборныя должности тамъ, гдѣ требовали того интересы управленія, и замѣняя ихъ должностями по назначенію, когда практика выясняла недѣйствительность работы выборныхъ органовъ. Мѣриломъ были интересы правительственной администраціи, а не сословные. Если же мы, встанемъ на точку зрѣнія интересовъ дворянства, взязъ за критерій оцѣнки понятіе независимаго и самостоятельнаго сословнаго управленія, политика Николая I конечно представится намъ противорѣчивой и колеблющейся. Но повторяемъ, такой ходъ разсужденія кажется намъ ошибочнымъ; правительство этой эпохи смотрѣло на выборную службу какъ на родъ службы правительственной; этимъ положеніемъ и должно руководствоваться при изученіи исторіи того времени; суженіе или расширеніе избирательнаго права дворянства было лишь средствомъ улучшенія положенія правительственной администраціи, интересы же сословные играли очень второстепенную роль.

II.

Обстоятельства, сопровождавшія вступленіе Николая Павловича на престолъ, вся окружающая его обстановка, проявлявшееся вездѣ недовольство и общій ропотъ всѣхъ сословій заставили молодого Государя съ первыхъ же дней обратить самое серьезное вниманіе на необходимость «исправленія» правительственной машины. Все указывало ему на существованіе коренныхъ недостатковъ во всѣхъ частяхъ государствен-

наго управленія. Вполнѣ ясно это сознавая, Николай I въ первый же годъ своего царствованія предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ къ выясненію причинъ этихъ недостатковъ и средствъ ихъ исправленія.

Однимъ изъ самыхъ видныхъ мѣропріятій въ этомъ направленіи было созваніе Комитета, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ «Комитета 6-го декабря» (1826 года). Работы этого Комитета для насъ важны въ двоякомъ отношеніи. Въ матеріалахъ, касающихся дѣятельности его мы находимъ, во-первыхъ, вѣрное отраженіе взглядовъ какъ самого Государя, такъ и правительства на значеніе и положеніе дворянскаго сословія, а во-вторыхъ, нѣкоторые журналы Комитета даютъ намъ цѣнныя данныя относительно законодательныхъ актовъ, касающихся интересующаго насъ вопроса; въ Комитетѣ 6-го декабря разсматривался проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ положенія «о дворянскихъ выборахъ», изданнаго въ 1831 году и включеннаго въ IX-й томъ Свода Законовъ.

Къ изслѣдованію журналовъ Комитета, въ которыхъ разсматривался упомянутый проектъ, мы вернемся ниже при подробномъ изученіи исторіи закона 1831 года, теперь же обратимся къ выясненію взглядовъ правительства на дворянство.

Осенью 1827 года Комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса о государственныхъ состояніяхъ. Основаніями къ разсужденію, по словамъ журнала 7-го сентября [1]) послужили журналы Государственнаго Совѣта и составленные имъ проекты манифеста и указа Сенату, а равно и записка министра финансовъ — объ учрежденіи новаго состоянія «гражданства». Основною мыслью всѣхъ этихъ проектовъ было «удержаніе вреднаго стремленія купцовъ, ученыхъ и художниковъ къ достиженію дворянскаго достоинства», т.-е. огражденіе дворянства отъ наплыва разночинцевъ, сдѣлавъ его сословіемъ замкнутымъ.

---

[1]) Журналы засѣданій Комитета 6-го декабря. Сб. Р. И. О., томъ 74, стр. 158.

Интересно отмѣтить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ такое же стремленіе къ обособленію нѣкоторой части дворянства, какъ и въ 1767 году; и здѣсь, и 60 лѣтъ тому назадъ правительство объявило, что приступаетъ къ реформѣ законовъ о состояніяхъ; въ обоихъ случаяхъ на этотъ призывъ нѣкоторая часть дворянскаго сословія отозвалась тѣмъ же требованіемъ — устраненія нивелирующаго значенія чина, упраздненія этого послѣдняго, какъ способа пріобрѣтенія дворянства. Разница только въ источникѣ такой мысли. Въ 1767 году за нее стояло родовитое дворянство, разсѣянное по всей Россіи, остатокъ древнихъ бояръ, въ требованіяхъ котораго говорила древне-аристократическая гордость; въ 1827 году отстаивали замкнутость дворянства высшіе представители бюрократіи, видѣвшіе въ такой привилегированности скорѣе личныя выгоды. Какъ въ первомъ, такъ и во-второмъ случаѣ требованія эти не были удовлетворены; они слишкомъ противорѣчили жизни; но въ 1827 году они имѣли еще меньшій успѣхъ, чѣмъ въ Екатерининское время, представляя собою интересы еще гораздо меньшей части дворянства. Чинъ не могъ перестать «представлять удобнѣйшій и всегда успѣшный путь къ достиженію дворянства»! Между тѣмъ, просматривая журналы Комитета 6-го декабря, мы видимъ, что о возможности подобной реформы въ средѣ правительства думали весьма серьезно; на ея сторонѣ былъ даже самъ Государь.

Основная мысль, руководившая Комитетомъ, выразилась въ слѣдующихъ строкахъ журнала засѣданія 7-го сентября [1]):

«Въ то время, когда дворянское достоинство сопряжено закономъ съ классными чинами, число служащихъ по военной и гражданской части было вообще велико. Всѣ мѣста могли быть заняты родовыми дворянами, или по крайней мѣрѣ, введеніе въ среду ихъ нѣсколькихъ разночинцевъ не могло имѣть важныхъ послѣдствій. Нынѣ же съ перемѣною обстоя-

---

¹) Сб. Р. И. О., томъ 74, стр. 159.

тельствъ настоитъ, по мнѣнію Комитета, нужда самая большая измѣнить отчасти изданныя тогда узаконенія».

Исходя изъ этой мысли, Комитетъ полагалъ необходимымъ создать сословіе «гражданства», подраздѣливъ его не только на гражданство потомственное и личное, но и создавъ совершенно новое понятіе гражданства именитаго; послѣднее являлось бы, такимъ образомъ, переходной ступенью между другими сословіями и дворянствомъ; только изъ него и только посредствомъ Высочайшаго пожалованья за особыя заслуги должно было рекрутироваться дворянское сословіе. Главнымъ же контингентомъ этого новаго сословія были бы всѣ не дворяне, состоящіе на государственной службѣ.

Преимуществами дворянства должны были быть: право владѣть крѣпостными, право учреждать майораты, право участія въ выборной службѣ, разныя выгоды при поступленіи на военную и гражданскую службу и при полученіи перваго офицерскаго или класснаго чина и нѣкоторыя почетныя преимущества, какъ, напр., право пріѣзда дѣтей къ Высочайшему двору и т. п.

Преимуществами же именитыхъ гражданъ были бы: право быть избираемыми во всѣхъ губерніяхъ, *по волѣ дворянства* и съ собственнаго согласія на мѣста, зависящія отъ дворянскихъ выборовъ, исключая званія предводителей и депутатовъ [1]), право имѣть родовой гербъ съ шлемомъ, но безъ короны и, наконецъ, нѣкоторыя выгоды при вступленіи на службу и полученіи перваго класснаго чина.

Пассивное избирательное право было, какъ видимъ, ограничено условіемъ согласія на то дворянства, что исключало понятіе сословнаго представительства гражданства; въ дѣлахъ же дворянскаго сословія именитые граждане не имѣли ни права участія, ни значенія, такъ какъ, имѣя только пассивное избирательное право, они не могли занимать мѣста предводителей

---

[1]) Комитетъ равнымъ образомъ полагалъ дозволить и гражданамъ избирать дворянъ на мѣста, зависящія отъ гражданскихъ выборовъ.

и депутатовъ, т.-е. чисто сословныхъ органовъ. Кромѣ того занятіе той или другой должности по выборамъ поставлено было для именитыхъ гражданъ въ зависимость отъ ихъ собственнаго желанія, тогда какъ для дворянъ существовала обязанность принять должность, при избраніи на нее. Всѣ эти положенія вполнѣ оправдывались взглядомъ Комитета на дворянство; желая ограничить право пріобрѣтенія дворянства и сдѣлать это сословіе замкнутымъ, Комитетъ вполнѣ естественно отстранялъ отъ дворянскаго сословнаго управленія всѣ прочія сословія и, если и допускалъ занятіе выборныхъ должностей именитыми гражданами, то безъ дарованія имъ какого-либо права участія въ дворянскихъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ, создавалось изъ чиновничества новое сословіе, или вѣрнѣе классъ, дворянство же должно было стать особо привилегированнымъ сословіемъ, доступъ въ которое былъ чрезвычайно труденъ. Но подобное положеніе слишкомъ противорѣчило требованіямъ жизни; оно шло въ разрѣзъ со всей исторіей дворянства.

Уже въ слѣдующемъ засѣданіи въ средѣ Комитета возникли сомнѣнія, какъ именовать новое состояніе; именитое гражданство казалось нѣкоторымъ членамъ слишкомъ звучнымъ и высокимъ, а потому предложено было наименованіе «благороднаго гражданства». Затѣмъ Комитетъ нашелъ возможнымъ устранить одно условіе, затрудняющее пріобрѣтеніе дворянства, а именно допущеніе въ дворянское сословіе лишь лицъ, состоящихъ въ высшей степени гражданства, для чего въ проектъ была включена оговорка, что если и «лучшіе россійскіе купцы» окажутъ какія-либо особыя заслуги передъ государствомъ, то по Высочайшему усмотрѣнію и они могли быть возведены въ дворянство [1]). Въ виду того, что Государь не согласился на наименованіе высшаго гражданскаго сословія «благороднымъ», въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ засѣданій Комитетъ предложилъ новый терминъ, гражданъ «перво-

[1]) Засѣданіе Комитета 18-го сентября.

степенныхъ» [1]). Но Николай Павловичъ не согласился и съ и мъ; Комитету пришлось вновь выдумывать новый терминъ; послѣ нѣкоторыхъ преній остановились на «чиновномъ гражданствѣ», выражавшемъ по крайней мѣрѣ откровенно цѣль и составъ этого новаго «состоянія».

Въ засѣданіи Комитета 9-го ноября весь проектъ новаго закона о состояніяхъ былъ еще разъ прочтенъ и окончательно принятъ; новыя законоположенія о дворянствѣ должны были, по мнѣнію Комитета [2]), оградить его въ достаточной мѣрѣ «отъ непріятнаго ему и вреднаго государству прилива разночинцевъ».

Нѣсколько дней спустя [3]), Комитетъ, обсуждая положеніе выборныхъ должностей среди прочей административной іерархіи, высказался за необходимость установленія соразмѣрности «между большею или меньшею важностью должности и тѣмъ званіемъ, которое избираемый на оную занималъ дотолѣ въ государственной службѣ или также по выборамъ». Какъ мы увидимъ ниже, служба по выборамъ должна была сдѣлаться лишь видомъ обще-государственной. Комитетъ отложилъ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, какъ и вопроса о необходимости введенія возрастнаго ценза, до времени обсужденія проекта «новыхъ правилъ для дворянскихъ выборовъ». Новое положеніе о состояніяхъ предполагалось издать въ видѣ манифеста, проектъ котораго и разрабатывался Комитетомъ 6-го декабря. Когда же проектъ былъ окончательно одобренъ, Комитетъ внесъ его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта [4]), подъ наименованіемъ «проекта дополнительнаго закона о состояніяхъ».

---

[1]) Засѣданіе 25-го сентября.

[2]) Сб. Р. И. О., томъ 74, стр. 194.

[3]) Засѣданіе 13-го ноября 1827 года.

[4]) Проектъ этотъ печатался нѣсколько разъ, по мѣрѣ его обработки. Первоначальный проектъ, въ той редакціи, въ которой онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, напечатанъ въ Сборн. Рус. Истор. Общ., томъ 90, стр. 363, откуда мы и будемъ заимствовать его положенія.

Манифестъ этотъ, служа введеніемъ къ «дополнительному» закону о состояніяхъ, долженъ былъ объяснять необходимость реформы; въ немъ проводилась уже извѣстная намъ мысль: дворянство должно было стать сословіемъ замкнутымъ, доступъ въ среду котораго могъ происходить лишь двумя способами, рожденіемъ и Высочайшимъ пожалованіемъ. Пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, говорится въ манифестѣ, послужило къ «его раздробленію и смѣшенію, къ потерѣ чистоты, вслѣдствіе чего состояніе это могло, наконецъ, содѣлаться удѣломъ праздности и тяжкимъ бременемъ государству» — мысль несомнѣнно вѣрная; но ошибочно было предположеніе, что предлагаемыя мѣры могли измѣнить положеніе вещей и помочь дѣлу. «Время настало, говорится немного далѣе, довершить сіи начинанія (введеніемъ условій затрудняющихъ пріобрѣтеніе дворянства), установить порядокъ службы не на чинахъ, но на должностяхъ, присвоить каждому мѣсту свойственное ему значеніе, каждому служащему лицу приличное уваженіе и вѣрную надежду повышенія по мѣрѣ заслугъ въ его званіи».

Положенія эти представляются намъ чрезвычайно эфемерными, идеалами, оторванными отъ дѣйствительности. Не въ соотвѣтствіи чиновъ должностямъ лежала причина паденія значенія дворянства и возрастанія силы бюрократіи, а во всемъ строѣ жизни дворянъ, ихъ интересахъ и стремленіяхъ; доказательствомъ вѣрности нашего утвержденія служитъ вся исторія дворянскаго сословія.

Вслѣдъ за манифестомъ, игравшимъ роль введенія, долженъ былъ быть напечатанъ дополнительный законъ, въ которомъ сначала изложены были способы пріобрѣтенія каждаго отдѣльнаго званія, а потомъ права и преимущества ихъ. Высшей степени гражданства присвоено было въ проектѣ наименованіе «чиновнаго», второй «именитаго», а третьей степени «почетнаго гражданства».

Проектъ этотъ разбирался въ Государственномъ Совѣтѣ весною 1830 года [1]). Просмотримъ тѣ измѣненія, которыя внесъ въ него Совѣтъ.

[1]) 90-й томъ, Сб. Р. И. О., стр. 394 и слѣд.

Государственный Совѣтъ въ первомъ же своемъ засѣданіи [1]) единогласно пришелъ къ заключенію, что военные и гражданскіе чины впредь не должны болѣе «приносить собою» дворянства. Относительно вопроса опредѣленія правъ и преимуществъ дворянскаго сословія, Совѣтъ нашелъ лучшимъ не перечислять ихъ въ манифестѣ, сославшись просто на дворянскую грамоту; по вѣрному замѣчанію Совѣта, въ проектѣ не были переименованы всѣ привилегіи дворянства, что могло ввести дворянъ въ заблужденіе относительно тѣхъ правъ, которыя были дарованы сословію грамотой 1785 года, но не поименованы въ дополнительномъ законѣ.

Но уже въ 10-мъ засѣданіи, въ которомъ Совѣтъ занимался вопросомъ положенія дворянства, въ средѣ Совѣта возникли сомнѣнія, послѣдствіемъ чего была уже гораздо менѣе категоричная редакція вышеразобранныхъ статей. Поводомъ же послужила пространная записка Московскаго генералъ-губернатора, князя Голицына 1-го [2]).

Князь Голицынъ всталъ на совершенно вѣрную, по нашему мнѣнію, точку зрѣнія, утверждая, что покамѣстъ служба государственная составляла палладіумъ стремленій дворянства, что поддерживалось въ немъ самимъ правительствомъ и развито было исторически, служба эта своей наградой должна ео ipso вести за собой пріобрѣтеніе дворянскаго званія. Исходя изъ той же мысли о первенствующемъ значеніи службы, князь Голицынъ полагалъ также несправедливымъ выдѣлять чиновниковъ не дворянъ, въ особое сословіе или классъ чиновныхъ гражданъ. Московскій генералъ-губернаторъ вѣрно основывалъ свои разсужденія на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что не дворянство, какъ таковое, первенствовало въ глазахъ правительства, а дворянство, какъ сословіе служилое; изъ этого должна была проистекать обязанность правительства поддерживать государственную службу на возможной высотѣ.

---

[1]) 90-й томъ, стр. 395.

[2]) Текстъ записки напечатанъ въ 90-мъ томѣ Сборника Р. И. О. стр. 572—577.

Насколько подобное разсужденіе было согласно съ дѣйствительностью, видно изъ того, что Государственный Совѣтъ недолго колебался въ принятіи предложеній князя Голицына, Въ журналѣ засѣданія 14-го апрѣля [1]) сказано, что «Совѣтъ не находитъ затрудненія замѣнить опредѣляемое проектомъ чиновное гражданство званіемъ личнаго дворянства, существующимъ уже въ Россіи... Симъ уменьшится число разрядовъ, въ гражданствѣ, и какъ дворянство, такъ и гражданство одинаково подраздѣлены будутъ на потомственное и личное». Но этимъ краткимъ постановленіемъ Совѣта незамѣтно для себя всталъ уже на совершенно иную точку зрѣнія и радикально измѣнилъ тѣ начала, на которыхъ основывалъ свои разсужденія, Комитетъ 6-го декабря. Разъ чиновничество дѣлалось личнымъ дворянствомъ, то тѣмъ самымъ оно присоединялось къ дворянскому сословію, чего Комитетъ 6-го декабря не хотѣлъ допустить. По его проекту, чиновничество должно было составить, если не отдѣльное сословіе, то во всякомъ случаѣ отдѣльный отъ дворянства классъ; теперь же съ извѣстнымъ чиномъ всякое лицо, состоящее на государственной службѣ, получало возможность вступить въ ряды дворянства. Такой ходъ преній Совѣта былъ вполнѣ естественнымъ, если принять во вниманіе исторію дворянства, но положеніе это разрушало всѣ напыщенныя и громкія фразы о государственной пользѣ существованія особо привилигированнаго и замкнутаго сословія, о которыхъ мы говорили выше, цитируя журналы Комитета 6-го декабря.

Отъ этого разсужденія былъ одинъ шагъ и до второго, также высказаннаго княземъ Голицынымъ; говоримъ о пріобрѣтеніи высшими чинами потомственнаго дворянства. Князь Голицынъ полагалъ, что такимъ чиномъ долженъ былъ быть дѣйствительный статскій совѣтникъ или IV классъ должности. Совѣтъ правда не принялъ этого предложенія такъ же легко, какъ принялъ первое, но единодушнаго отклоненія его мы все-таки

---

[1]) 90-й томъ, стр. 421.

не находимъ; только 13 членовъ указали на противорѣчіе такого постановленія со словами манифеста и мнѣніемъ Комитета 6-го декабря [1]).

Интересно отмѣтить, что среди этихъ тринадцати мы находимъ имя князя Голицына 1-го, того самаго, который поднялъ этотъ вопросъ. Князь Голицынъ находилъ подобное постановленіе, установляющее чинъ, какъ условіе пріобрѣтенія потомственнаго дворянства, противорѣчащимъ всѣмъ мнѣніямъ, дотолѣ высказаннымъ по сему предмету, и можетъ быть даже нежелательнымъ въ принципѣ, но полагалъ, что правительству необходимо уступить въ данномъ случаѣ «въ угодность господствующимъ предразсудкамъ!»

Другіе семь членовъ [2]) прямо высказались за желательность этой мѣры, утверждая, что «по значительности генеральскаго званія, по обязанности достигать онаго долговременною безпорочною службой и отличіями и вообще для поддержанія должнаго къ сему званію уваженія, особенно нужнаго въ военной службѣ», она даже необходима. Представители этого мнѣнія считались съ жизнью.

Остальные 7 членовъ воздержались отъ подачи голоса по этому вопросу [3]).

Государь согласился съ мнѣніемъ семи членовъ. Въ этомъ случаѣ сказалось еще разъ отношеніе Николая Павловича къ службѣ. Ея интересы всегда первенствовали въ его глазахъ, имъ онъ всегда давалъ предпочтеніе передъ интересами сословными.

Наконецъ послѣдній отголосокъ первоначальныхъ взглядовъ находимъ мы въ журналѣ засѣданія 26-го апрѣля [4]), когда нѣкоторые члены Совѣта нашли неудобнымъ обнародо-

[1]) Гр. Кочубей, Ланской, Васильчиковъ, гр. Толь, кн. Меньшиковъ, Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Голицынъ 1-й, Энгель, Сукинъ, гр. Нессельродъ, гр. Чернышевъ, Блудовъ, Дашковъ.

[2]) Его Императорское Высочество, Мордвиновъ, гр. Толстой, кн. Долгорукій, гр. Канкринъ, Закревскій, Хитрово.

[3]) Кн. Волконскій, кн. Голицынъ 2-й, Тутолминъ, Балашевъ, Кушниковъ, Оленинъ и Вилламовъ.

[4]) 90-й томъ, стр. 435.

ваніе дополнительнаго закона о состояніяхъ, предполагая, что онъ можетъ вызвать недовольство среди дворянства; но большинство нашло, что подобныя опасенія не имѣютъ основанія, такъ какъ «дворянство потомственное ничего въ коренныхъ правахъ своихъ не теряетъ».

Такимъ образомъ безъ результата осталась эта попытка ограничить доступъ въ дворянское сословіе. Требованія эти, сами по себѣ довольно логичныя, не могли найти осуществленія, такъ какъ слишкомъ противорѣчили дѣйствительности; русское дворянство никогда не было и никогда не могло стать сословіемъ замкнутымъ.

Согласно окончательной редакціи проекта, потомственное дворянство пріобрѣталось IV степенью, личное же — XII по службѣ военной и VIII степенью по службѣ гражданской.

По разсмотрѣніи проекта дополнительнаго закона о состояніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ былъ возвращенъ Комитету 6-го декабря, но здѣсь уже не обсуждались принципіальныя его положенія; Комитетъ рѣшалъ лишь вопросъ о его изданіи; нѣкоторыя лица находили нежелательнымъ изданіе всего закона заразъ, предпочитая обнародованіе его частями. Мысль эта поддерживалась особенно усердно цесаревичемъ [1]).

Въ вопросѣ ограниченія условій пріобрѣтенія дворянскаго званія цесаревичъ пошелъ еще дальше, чѣмъ князь Голицынъ и поддержавшіе въ Государственномъ Совѣтѣ это мнѣніе семь членовъ. По мысли Константина Павловича, какъ Жалованная грамота, такъ и указы Александра I незыблемо установили то начало, что всякій чинъ eo ipso влечетъ за собою дворянское достоинство, а начиная съ VIII степени и потомственное дворянство, и слѣдовательно измѣнять это законоположеніе значило бы, по его мнѣнію, нарушать права лицъ уже состоящихъ на службѣ и совершать несправедливость по

¹) Цесаревичъ прислалъ Государю по этому поводу довольно подробную записку; переписка съ цесаревичемъ по этимъ вопросамъ напечатана въ 90-мъ томѣ, С. Р. И. О., стр. 467 и слѣд.

отношенію ко вновь поступающимъ на службу. Корни этого замѣчанія лежатъ все въ томъ же взглядѣ на государственную службу и въ оцѣниваніи положенія дворянства только какъ сословія служилаго

Очень интересное замѣчаніе сдѣлалъ цесаревичъ на статьи проекта (ст. ст. 8 и 9—16-го §), говорившія объ избирательномъ правѣ личныхъ дворянъ; послѣднимъ было предоставлено право участія какъ въ выборахъ дворянскихъ, такъ и городскихъ. Константинъ Павловичъ высказалъ вполнѣ справедливыя сомнѣнія въ пользѣ для городского общественнаго управленія участія въ немъ личныхъ дворянъ, безъ какого-либо другого цензового условія, тогда какъ, напр., отъ горожанъ требовалось владѣніе недвижимостью; «такимъ образомъ въ Петербургѣ, напримѣръ, все управленіе перешло бы въ руки военныхъ оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, конечно вовсе чуждыхъ знанію и чувствованію потребностей города [1]).

Государь отмѣтилъ на запискѣ: «графъ Толстой будетъ имѣть честь объяснить Е. И. Высочеству сіе недоразумѣніе».

Недоразумѣніе же состояло въ томъ, какъ разъяснилъ впослѣдствіи Комитетъ [2]), что личнымъ дворянамъ предполагалось предоставленіе только активнаго избирательнаго права; какъ будто это могло опровергнуть возраженія Константина Павловича! Для поясненія своей мысли Комитетъ нѣсколько измѣнилъ редакцію 9-й статьи (§ 16).

Возраженія свои цесаревичъ заключилъ слѣдующимъ образомъ: первыя статьи проекта, говоритъ онъ [3]), «кажется слишкомъ оскорбительны для нынѣшнихъ чиновниковъ, достигшихъ степеней, пріобрѣтающихъ дворянское достоинство. Весьма полезно поддержать и отличить древнее дворянство, но сіе можно

---

[1]) 90-й томъ, стр. 473.
[2]) 90-й томъ, стр. 483.
[3]) 90-й томъ, стр. 477.

кажется сдѣлать безъ укоризны дворянству новому [1]). Оно теперь многочисленно и доселѣ въ бѣдствіяхъ Россіи не оставалось позади». Съ замѣчаніемъ этимъ нельзя не согласиться.

Еще опредѣленнѣе цесаревичъ высказался во второй своей запискѣ, уже прямо указывая на фактическую обстановку дѣла. Проектомъ, писалъ онъ, «въ одно время уничтожается установленный издревле законами порядокъ достиженія потомственнаго дворянства посредствомъ чиновъ и умаляется истинное достоинство россійскихъ орденовъ, учрежденныхъ коренными законами въ награду мужества и въ воздаяніе мирныхъ трудовъ и превосходства въ гражданскихъ добродѣтеляхъ» [2]). Такимъ образомъ, въ заключеніе, Константинъ Павловичъ вторично ставилъ вопросъ, какая «несомнительная польза или выгода можетъ произойти» отъ введенія въ наше законодательство новыхъ ограничительныхъ условій пріобрѣтенія дворянства. Гораздо болѣе дѣйствительной мѣрой въ данномъ отношеніи, по его мнѣнію, было бы введеніе новыхъ ограниченій въ порядокъ опредѣленія къ должностямъ, сокращеніе штатовъ и т. п. мѣры, которыя улучшили бы составъ служащихъ и тѣмъ самымъ предохранили бы дворянство отъ пополненія его рядовъ нежелательными элементами, допуская только лучшихъ представителей чиновничества къ тѣмъ степенямъ чиновъ и должностямъ, которые давали бы дворянское достоинство. Цесаревичъ шелъ даже дальше въ этомъ направленіи, предлагая вернуться къ идеѣ 1809 года объ экзаменахъ на чинъ [3]). Разсужденія цесаревича по нашему мнѣнію были конечно гораздо логичнѣе и болѣе считались съ дѣйствительностью, чѣмъ вышеразобранныя аристократическія тенденціи Комитета 6-го декабря; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что мѣры къ ихъ примѣненію были предложены Константиномъ Павловичемъ слишкомъ крайнія.

[1]) Государь отмѣтилъ въ этомъ мѣстѣ „Можетъ весьма быть исправлено".

[2]) 90-й томъ, стр. 510.

[3]) 90-й томъ, стр. 561.

Особо стояло въ этомъ дѣлѣ мнѣніе адмирала Мордвинова, отстаивавшаго совершенное уничтоженіе чиновъ и «возвращеніе правъ уму и наукамъ» [1])! Но при господствовавшемъ взглядѣ на государственную службу голосъ адмирала оставался одинокимъ, мнѣніе же его «оставлено безъ послѣдствій» [2]).

Разобранный нами проектъ, принятый Государственнымъ Совѣтомъ и еще разъ просмотрѣнный Комитетомъ 6-го декабря, былъ представленъ «къ окончательной конфирмаціи», но таковой никогда не получилъ. На этомъ дѣло и остановилось.

Аристократическія тенденціи Комитета 6-го декабря потерпѣли крушеніе. Также какъ во времена Екатерининской коммисіи, вожделѣнія небольшой группы дворянства не были удовлетворены правительствомъ, такъ какъ слишкомъ дисгармонировали со всей исторіей дворянскаго сословія; служба и чинъ вновь торжествовали побѣду.

III.

Въ нашей литературѣ нѣсколько разъ поднимался вопросъ о причинахъ оставленія Государемъ проекта вышеразобраннаго закона безъ послѣдствій [3]). Одни полагаютъ, что въ этомъ отношеніи сильное вліяніе оказали вѣскія возраженія Константина Павловича, другіе думаютъ, что причиной неутвержденія проекта были разногласія, возникшія при его разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ; ближе къ истинѣ стоитъ предположеніе Иконникова; по его мнѣнію, Государю просто было не до того; внѣшнія затрудненія отвлекли его вниманіе, сначала революція во Франціи, а затѣмъ и польское возстаніе; такая мысль подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что хотя проектъ этотъ никогда не получалъ законо-

[1]) Графъ Н. С. Мордвиновъ, Иконникова. Спб. 1873 г., стр. 549.

[2]) Желающіе изслѣдовать этотъ вопросъ подробнѣе найдутъ въ 90-мъ томѣ Сборника Р. И. О. обильнѣйшій матеріалъ, относящійся до исторіи составленія законовъ, вошедшихъ въ третій томъ Свода Законовъ.

[3]) Напр., бар. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго, томъ II, стр. 331—337, Иконниковъ, графъ Н. С. Мордвиновъ, стр. 542 и др.

дательной санкціи и былъ, по прекращеніи дѣятельности Комитета 6-го декабря, сданъ «на храненіе» въ первое отдѣленіе государственной канцеляріи, онъ все-таки не остался безъ вліянія на дальнѣйшее законодательство.

Но по нашему мнѣнію главною причиной въ данномъ случаѣ было уже отмѣченное нами выше несоотвѣтствіе стремленій Комитета 6-го декабря идеямъ самого Императора. Николай Павловичъ правда не высказался открыто, противъ сужденій Комитета во время работъ послѣдняго, но, зная его взглядъ на государственную службу, не трудно понять его отрицательное отношеніе къ началамъ проекта. Впослѣдствіи Государь уже открыто сталъ на точку зрѣнія первенства интересовъ государственной службы и проводилъ ее неукоснительно въ теченіе всего дальнѣйшаго своего царствованія.

Строгость Николая I общеизвѣстна; особенно же она сказалась по отношенію къ губернаторамъ; Середонинъ въ своей исторіи Комитета министровъ приводитъ длинный рядъ его резолюцій, въ которыхъ сказалась эта чрезвычайная взыскательность [1]). Она передалась и министрамъ Николая I; назовемъ для примѣра генералъ-адъютанта графа А. А. Закревскаго, финляндскаго генералъ-губернатора, назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ прежней должности [2]).

Директора дрожали передъ нимъ, пишетъ современникъ, какъ маленькіе мальчики [3]); дисциплина была введена чрезвычайно строгая, формализмъ же доходилъ до крайней щепе-

[1]) Ср. глава II-я, 2-й части, II-го тома (стр. 55 и слѣд.) в. н. с, Середонина; также P. Lacroix Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, Empereur de Russie. Paris 1865, tome 2, ch. 69, p. 405 et suiv.

[2]) Интересно, что новый министръ, по словамъ современника (Пржецлавскаго) съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, своимъ двойникомъ велъ постоянно переписку; графъ Закревскій подписывалъ предписанія и онъ же подписывалъ отвѣты. Между этими двумя сановниками царствовало примѣрное единомысліе (!) тѣмъ болѣе, что званію финляндскаго генералъ-губернатора присвоено было большое содержаніе!

[3]) Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. „Русская Старина“, 1874 г., т. II, стр. 683.

тильности; была введена цѣлая система самыхъ разнообразныхъ взысканій за малѣйшіе недосмотры и погрѣшности.

Подобная обстановка работы чиновничества сильно способствовала его обезличенію.

Дворянство, благодаря уже раньше не разъ отмѣченному нами стремленію къ государственной службѣ, все больше сливалось съ бюрократіей, интересы же послѣдней лежали въ карьеризмѣ; этотъ процессъ за царствованіе Николая I все развивался, составляя одну изъ характернѣйшихъ его чертъ.

Отсюда тотъ ложный взглядъ, что служба есть идеалъ дворянина—не служить неприлично. Несмотря на желаніе Николая I охранять права дворянскаго сословія въ томъ видѣ, какъ они установлены были Жалованной грамотой 1785 года, политика его царствованія, какъ увидимъ ниже, шла въ разрѣзъ съ Екатерининскими началами.

Интересно отмѣтить одну мысль Николая; онъ находилъ, что для пользы службы молодымъ людямъ слѣдуетъ начинать ее въ провинціи и, только пройдя извѣстный стажъ въ учрежденіяхъ губернскихъ, они могли опредѣляться къ должностямъ центральнаго вѣдомства. Вслѣдствіе этого, въ 1837 году было постановлено, чтобы всякій молодой дворянинъ, желающій поступить на государственную службу, долженъ былъ начинать ее въ мѣстахъ губернскихъ и только по прошествіи трехъ лѣтъ онъ могъ быть переведенъ въ министерство. Губернаторамъ поручался надзоръ за этими молодыми людьми, «съ тѣмъ, чтобы они пеклись о нихъ не только какъ начальники, но какъ отцы семействъ, коимъ поручаются дѣти благовоспитанныя, для первыхъ шаговъ на поприщѣ службы, и о поведеніи ихъ доносили бы Его Императорскому Величеству каждые полгода» [1]).

Немного спустя (въ 1840 г.) положеніе это было смягчено для лицъ, окончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній съ правомъ на классный чинъ: они должны были служить въ

[1]) 2-е П. С. З. № 9894 и 10561, 23-го янв. 1837 г. и 28-го сентября 1837 г.

провинціи всего одинъ годъ, послѣ чего могли быть переведены въ канцелярію Сената, гдѣ должны были оставаться не менѣе 5 лѣтъ; при плохой же работѣ въ Сенатѣ ихъ можно было на три года «возвращать въ мѣста губернскія» [1]).

Основная мысль, этихъ законоположеній, о необходимости для молодыхъ людей начинать службу въ провинціи, какъ единственный способъ ознакомленія съ жизнью, вполнѣ вѣрна, но способъ ея примѣненія былъ избранъ неправильный [2]).

Интересно попутно отмѣтить роль, которую должны были играть въ данномъ случаѣ губернаторы; на нихъ, кромѣ всей тяжести администраціи, теперь лежала еще обязанность воспитывать юношество, роль дядекъ молодыхъ дворянъ. Мѣры эти, какъ и законъ объ экзаменахъ Сперанскаго, встрѣтили самое отчаянное сопротивленіе со стороны дворянства. Его неудержимо тянуло въ столицу; только здѣсь оно находило удовлетвореніе своимъ честолюбивымъ стремленіямъ, только въ Петербургѣ могло оно достичь власти и почета, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться и культурнымъ общеніемъ и общественной жизнью—и вдругъ дворянскую молодежь стали отправлять насильно въ провинцію, т. е. туда, откуда она бѣжала, гдѣ жить ей было противно и тѣсно.

Вотъ почему ясно, что мѣры эти нисколько не могли помочь дѣлу и не привели ни къ какимъ результатамъ; дворянство стало уклоняться отъ такой службы; теперь не только выборная, но и гражданская служба въ провинціальныхъ мѣстахъ перестала его привлекать; большинство его шло на военную службу или по крайней мѣрѣ, помощью вліятельныхъ родственниковъ старалось устроиться въ министерствахъ; здѣсь эти самые молодые дворяне кутили, проживались, «писали» въ канцеляріяхъ, все больше отрываясь отъ жизни. «Нужно жертвовать государству своимъ временемъ, трудомъ, вкусомъ и въ особенности избѣгать тѣхъ ненавистныхъ стра-

---

[1]) 2-е П. С. З. № 13455, 7-го мая 1840 г.

[2]) Ср. Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи стр. 201.

стей, пишетъ одинъ современникъ [1]), которыя хотя и копошатся у подножія древа, но тѣмъ не менѣе опасны. И вотъ этихъ-то усилій не хотятъ сдѣлать наши вельможи, а потомъ сами удивляются неудачному ходу ихъ предпріятій». Но надо замѣтить, что въ данномъ отношеніи еще сдерживали дворянство строгости Николаевскаго царствованія; не будь ихъ, мы бы увидали еще болѣе печальную картину.

Но строгость Государя съ теченіемъ времени стала отпугивать дворянство даже отъ столь любимой имъ военной службы. Фактъ этотъ отмѣченъ барономъ Корфъ, въ его запискахъ [2]); въ 1849 году былъ стѣсненъ пріемъ студентовъ въ университеты; названный авторъ по этому поводу говоритъ, со словъ великой княгини Елены Павловны, что причиной такого распоряженія было желаніе, «стѣснивъ средства къ поступленію въ университеты, снова побудить черезъ то молодыхъ дворянъ идти на военную службу».

Картинно описываетъ господство бюрократіи въ своихъ донесеніяхъ шефу жандармовъ М. Фокъ [3]). Другой современникъ также рисуетъ намъ захватывающее вліяніе, оказываемое на молодыхъ людей, порядковъ того времени [4]). Авторъ, начавъ съ писца, прошелъ въ одной изъ Московскихъ канцелярій всѣ іерархическія ступени; первое его впечатлѣніе, попавъ въ канцелярію, гдѣ его заставили переписывать бумаги, было, что все, что онъ писалъ, хотя и касалось самыхъ ближайшихъ интересовъ населенія провинціи, не заключало въ себѣ этихъ жизненныхъ интересовъ—все было поглощено формальностями. «Но, пишетъ онъ, если бы я замѣтилъ эти формальности, я бы сдѣлался никуда негоднымъ, по тогдашнему, чиновникомъ

---

[1]) Петербургское общество при восшествіи на престолъ Императора Николая, по донесеніямъ М. М. Фока „Русская Старина“ 1881 г., томъ 32, стр. 317.

[2]) Изъ записокъ бар. М. А. Корфъ, „Русская Старина“, 1900 г., томъ 102, стр. 45.

[3]) Петербургское общество при восшествіи на престолъ Императора Николая. „Русская Старина“, 1881 года, томъ 32-й, стр. 320.

[4]) „Между строками одного формулярнаго списка“ „Русская Старина“ 1881 года, томъ 32-й, стр. 820 и слѣд.

и возненавидѣлъ бы формальности... Однако этого не случилось. Случилось нѣчто другое. Сравнивая свой трудъ съ трудами сослуживцевъ и жаждою ихъ къ наживѣ, я непомѣрно возвысился въ своемъ собственномъ мнѣніи. Стыдно вспомнить, какъ съ комичною гордостью, я отвергалъ скромныя приношенія просителей, говоря имъ что взятокъ я не беру. Но въ то же время я заботился только о соблюденіи формъ, а не о защитѣ пригнетенныхъ, ко мнѣ прибѣгавшихъ». Канцелярская среда засасывала еще свѣжую молодежь и перерождала ее. «Чѣмъ болѣе я знакомился съ порядками министерскихъ производствъ, говоритъ тотъ же авторъ, тѣмъ яснѣе для меня выступало наружу несогласіе жизни съ официальною бумагой». Такъ было не только въ центральномъ вѣдомствѣ, тотъ же порядокъ находимъ мы во всякомъ «казенномъ мѣстѣ», въ губерніи, уѣздѣ, въ столицѣ и городѣ. Вся правительственная администрація застыла въ бюрократическихъ формахъ, а дворянство не прекращало поставлять ежегодно сотни новыхъ чиновниковъ. «Среда и общество чиновниковъ были испорчены до мозга костей» [1]). Живя въ городахъ, преимущественно въ столицахъ, дворянство все болѣе отдалялось отъ интересовъ провинціи. Средства къ жизни доставлялись ему службой и крѣпостными; но столичная жизнь требовала бóльшаго, чѣмъ то, что приносилось дворянству этими двумя источниками.

Такимъ образомъ, еще выше отмѣченный нами процессъ обѣднѣнія дворянства безпрепятственно прокладывалъ себѣ путь все въ новыхъ слояхъ общества. «De ceux qui se vouent au service de l'état (а имя имъ было легіонъ) et qui par cette raison négligent leurs affaires particulières, пишетъ Тургеневъ [2]), la plus grande partie meurent appauvris, obérés, et ne lèguent à leurs enfants, avec quelques honneurs stériles, que les débris de leurs biens patrimoniaux. Plusieurs sans doute s'enrichissent au service, mais leur richesse n'est que

[1]) Тамъ же, стр. 821.

[2]) La Russie et les Russes, pas N. Tourgueneff, tome II, p. 27. Paris 1847.

trop souvent acquise par des voies illégitimes, rarement elle provient de récompenses accordées par le gouvernement», и прибавимъ мы, если и встрѣчаются случаи увеличенія состоянія, то подобныя увеличенія всегда носили характеръ случайный и временный; такія состоянія не сохранялись долѣе двухъ поколѣній.

Тургеневъ слѣдующими словами описываетъ стремленіе дворянства къ государственной службѣ [1]): «L'opinion que tout noble doit servir, que l'importance personnelle, n'est donnée que par le service, s'est tellement enracinée chez les Russes, qu'ils trouvent tout naturel que les jeunes gens des premières familles commencent leur carrière par les plus minces emplois. Passe encore pour le service militaire; mais il en est de même pour toutes les carrières. Ainsi l'on voit dans les bureaux des ministères, comme dans les ambassades, de jeunes grands seigneurs passer leur temps à copier des paperasses de toute espèce. On s'excuse en disant que cela forme les jeunes gens. Oui, si l'on veut en faire des machines». Расчетъ бюрократической системы именно въ томъ и состоитъ, чтобы бумага убивала жизненные интересы.

Соглашаясь съ этими взглядами Тургенева, мы не можемъ не отмѣтить и нѣкоторую ихъ односторонность. Опредѣляя вполнѣ вѣрно положеніе и силу бюрократіи, названный авторъ немного далѣе [2]) указываетъ на замкнутость дворянскаго сословія, на его стремленія къ ограниченію возможности доступа новыхъ элементовъ въ его среду и справедливо возстаетъ противъ подобнаго порядка вещей. Здѣсь, намъ кажется, Тургеневъ увлекся тѣми аристократическими тенденціями, которыя проявились въ самомъ началѣ царствованія Императора Николая I и сказались между прочимъ и въ работахъ Комитета 6-го декабря. Но идеи эти принадлежали очень незначительному меньшинству общества и не имѣли никакихъ реальныхъ послѣдствій. Дворянское сословіе не сдѣлалось замкнутымъ,

[1]) Тамъ же, стр. 19.
[2]) Тамъ же, стр. 23.

никогда таковымъ не было и не стало имъ и впослѣдствіи; табель о рангахъ Петра Великаго всегда ограждала его отъ этого. Обобщеніе, дѣлаемое въ данномъ случаѣ Тургеневымъ, не оправдывается фактической обстановкой дѣла.

Болѣе вѣрно опредѣляетъ эти тенденціи дворянства Шницлеръ. «On parle souvent, говоритъ онъ [1]), d'un prétendu parti aristocratique assez fort quelquefois, dit-on, pour imposer sa propre volonté au souverain ou du moins pour suspendre les effets de la sienne; on le représente boudant le maître, se tenant à l'écart, et prenant à tâche d'enrayer le char de l'état sur la pente rapide du progrès», намекая этимъ на Панинскія попытки. Но далѣе авторъ самъ указываетъ, что представители этихъ идей всегда были въ очень незначительномъ меньшинствѣ и за двумя, тремя исключеніями, никогда не имѣли никакого вліянія на государственныя дѣла.

IV.

«Взрывъ 14-го декабря былъ какъ бы предостереженіемъ, показавъ правительству всю опасность пренебреженія къ внутренней жизни мыслящихъ классовъ населенія страны», пишетъ современникъ [2]). Правительство не понимало жизненности идей либеральнаго меньшинства; наоборотъ оно открыто и всѣми силами ему противодѣйствовало, заставляя его прятаться въ тайныхъ обществахъ и запрещаемыхъ собраніяхъ и союзахъ.

Въ нѣкоторыхъ фактахъ, правда можно усмотрѣть желаніе правительства помочь дѣлу, сознаніе опасносности грозившей ему изъ тайниковъ интеллигентнаго общества [3]), но на прак-

[1]) Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas, par J. H. Schnitzler. Paris 1847, tome second, page 39.

[2]) Петербургское общество при восшествіи на престолъ Императора Николая, по донесеніямъ М. М. Фока—А. Х. Бенкендорфу, „Рус. Старина“ 1881 г., томъ 32, стр. 165.

[3]) Тамъ же, стр. 303 и слѣд. Ср. также Бѣляевъ, Воспоминанія, „Рус. Старина“, 1881 г, томъ 30; Шницлеръ, в. н. с., томъ II, глава 7-я; послѣдній по этому поводу замѣчаетъ: „ce vertige libéral était un véritable danger et les hommes de la vieille école n'étaient pas seuls à le dire“ (стр. 54).

тикѣ не было принято ни одной мѣры, не было издано ни одного указа, могущаго хоть въ малой мѣрѣ удовлетворить либерально настроенныя партіи.

Нельзя не сказать, что дворянство въ данномъ случаѣ было само виновато. Среди него господствовала все та же инерція, все то же стремленіе къ личнымъ выгодамъ и прежнее пренебреженіе къ общественнымъ вопросамъ. Самъ Фокъ говоритъ, «дворянство должно было бы первымъ подавать примѣръ во всемъ, что касается улучшенія порядка вещей, а между тѣмъ оно не рѣшается приняться за это и съ большимъ стараньемъ заняться необходимыми дѣлами» [1]).

Меньшинство правда протестовало противъ косности дворянскаго сословія, но голосъ его оставался неуслышаннымъ; недовольство продолжало чувствоваться повсемѣстно, выражаясь скорѣе безсознательно.

Интересно отмѣтить этотъ безсознательный протестъ общества, о которомъ говорятъ почти всѣ современники. Протестъ выражался въ отрицаніи прежнихъ общественныхъ формъ; люди старались пренебрегать старыми обычаями и правилами; общество желало жить на новый ладъ; но конечно подобная форма протеста имѣла свою дурную сторону; послѣдствіемъ ея была разнузданность, а не освобожденіе, распущенность, а не любовь къ свободѣ. «Новая, зарождавшаяся жизнь, пишетъ одинъ современникъ [2]), какъ весенній воздухъ, проникая повсюду, не просвѣтляла, а опьяняла головы». Въ обществѣ мы видимъ «презрѣніе приличій», господство оргій, царство «травіатъ»; въ особенности стала чувствоваться разнузданность нравовъ среди женщинъ высшаго общества.

Но оговоримся, у этого протеста были и хорошія стороны. Новый духъ сталъ повсюду класть свою неизгладимую печать; въ литературѣ, въ наукѣ, въ семейной жизни, музыкѣ и художествѣ. Не надо забывать, что именно къ этому періоду русской исторіи принадлежатъ славнѣйшія русскія имена: Пуш-

---

¹) В. н. ст., стр. 304.

²) Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, томъ I, стр. 238

кина, Лермонтова, Глинки, Бѣлинскаго и многихъ другихъ. Возрожденіе несомнѣнно шло впередъ, но шло скачками, пробиваясь какъ родникъ между неподвижно-мертвыми скалами; то здѣсь, то тамъ вспыхивали огоньки просвѣщенія и культуры, заражая собою окружающее общество, но теряясь затѣмъ въ массѣ; требовалось еще значительное время, чтобы либеральное движеніе приняло всеобъемлющую форму [1]).

Надо замѣтить, что кромѣ вышесказаннаго отсутствія образованія, просвѣтительное движеніе чрезвычайно тормозилось плохимъ финансовымъ положеніемъ дворянства. Послѣднее было далеко не блестящее. Уже сразу по воцареніи Николая Павловича отовсюду стали слышаться жалобы дворянскихъ обществъ на финансовыя затрудненія.

Въ однѣхъ мѣстностяхъ еще отзывались послѣдствія войнъ начала XIX столѣтія, въ другихъ экономическое состояніе дворянства было подорвано цѣлымъ рядомъ неурожаевъ. Можно привести нѣсколько примѣровъ ходатайствъ дворянскихъ обществъ объ облегченіи ихъ финансоваго положенія [2]); такъ—Полтавская и Черниговская губерніи просили объ облегченіи имъ платежа податей, Могилевское и Витебское дворянства просили о продленіи силы указа 11-го апрѣля 1823 года, въ силу котораго подати собирались только въ половинномъ размѣрѣ и о разсрочкѣ 24-хъ-лѣтняго долга на 48 лѣтъ; Смоленское дворянство просило разсрочить долги по недоимкамъ и ссудамъ. Таврическое—ходатайствовало о дозволеніи возвратить полученную въ ссуду соль натурой; Екатеринославское—облегчить правила винокуренія, уменьшить земскія повинности и не взыскивать недоимки и т. д. Рядъ такихъ примѣровъ можно увеличить до безконечности.

Укажемъ здѣсь только на одинъ фактъ, отмѣченный Середонинымъ [3]), что дворянство начинало дорожить землей; по нѣкоторымъ ходатайствамъ дворянскаго сословія замѣтно, что

[1]) Ср. Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ—„Вѣстникъ Европы“ 1873 года.

[2]) Середонинъ, в. н. соч., томъ II, часть I, стр. 231.

[3]) Тамъ же, стр. 232.

оно старалось удержать землю въ своихъ рукахъ, «предугадывая вѣроятно, говоритъ названный авторъ, что недолго останется въ его распоряженіи крѣпостной трудъ». Въ воздухѣ уже чувствовались освободительныя вѣянія, и дворянство не могло не сознавать этого; крѣпостной трудъ былъ несомненно главнымъ его подспорьемъ; имѣя «своихъ» крестьянъ, дворяне могли посвящать жизнь государственной службѣ, столь имъ дорогой; они могли проживать, благодаря даровому труду, въ столицахъ, гдѣ жизнь была дорога и не окупалась получаемымъ жалованьемъ.

Земля никогда не была «главнымъ источникомъ положенія и значенія» дворянства въ Россіи, какъ то думаютъ нѣкоторые изслѣдователи [1]); она была для него только дойной коровой. Дворянство въ Россіи никогда не было сословіемъ земледѣльческимъ и на помѣстья свои смотрѣло только съ узко утилитарной точки зрѣнія.

Оно не умѣло использовать всего значенія земли; интересы его сосредоточивались на государственной службѣ и имѣли мало общаго съ провинціей, въ этомъ заключается главнѣйшая причина упадка экономическаго состоянія дворянскаго сословія, вызвавшаго столь пагубныя послѣдствія.

Дворянство тянулось на службу, что не могло не отрывать его отъ земли; отсюда то громадное увеличеніе числа мелкопомѣстныхъ и даже вовсе безземельныхъ дворянъ.

Правительство правда боролось съ этимъ явленіемъ, но безуспѣшно. Если мы возьмемъ журналы Комитета министровъ царствованія Николая I, то увидимъ, что правительство предпринимало цѣлый рядъ мѣръ для борьбы со все растущимъ количествомъ мелкопомѣстнаго и безземельнаго дворянства [2]). Такъ Комитетомъ министровъ устроено было переселеніе безземельныхъ дворянъ въ Сибирь и Закавказье; отъ дворянскихъ обществъ требовался пересмотръ доказательствъ на дворянское званіе, при чемъ при малѣйшемъ сомнѣніи должны были

¹) См. напр., Середонинъ, в. назв. соч., томъ II, часть I, стр. 232.

²) Ср. съ данными, приводимыми Середонинымъ, в. н. с., томъ II, ч. I, стр. 234 и слѣд.

исключаться изъ списковъ дворянъ всѣ лица, не могущія доказать своего дворянскаго происхожденія; предлагалось, далѣе не признавать дворянами всѣхъ не владѣющихъ опредѣленнымъ количествомъ душъ [1]),—но по признанію самого Комитета «всѣ мѣры, принятыя по этому вопросу до настоящаго времени (1851 года!) не имѣли желаннаго успѣха» [2]); мы же прибавимъ и *не могли имѣть* никакого успѣха. «Число такихъ дворянъ, говорится въ томъ же журналѣ, весьма значительно и потому дѣйствительно необходимо озаботиться не только устройствомъ ихъ быта, но и уменьшеніемъ ихъ числа».

Мы утверждаемъ, что въ данномъ отношеніи не могли помочь никакія мѣры правительства; явленіе это было вызвано всей предшествовавшей исторіей дворянскаго сословія; необходимо было измѣнить весь строй жизни, всѣ основныя начала государственной политики, а этого-то правительство Николая I и не сдѣлало.

Какъ мы уже замѣтили выше, отличительнымъ признакомъ этого царствованія и было *отсутствіе общихъ реформъ*; правительство ограничилось лишь частными мѣрами.

Разсмотрѣніе законодательства этого царствованія, къ которому мы теперь перейдемъ, подтвердитъ высказанныя положенія. Николай I продолжалъ политику своего старшаго брата; но различіе состоитъ въ томъ, что при гораздо болѣе опредѣленномъ направленіи были достигнуты и гораздо бо̀льшіе результаты; это сказалось и въ тѣхъ итогахъ, къ которымъ привело законодательство изучаемой эпохи; прежнія начала были теперь собраны и систематизированы. Впервые послѣ Жалованной грамоты 1785 года, находимъ мы общія положенія, объединившія разрозненные акты 45-лѣтняго періода исторіи дворянскаго сословнаго управленія и согласовавшія ихъ съ указаніями практики. Въ этомъ заключается, можно сказать, единственная заслуга правительства Николая I.

---

[1]) Государь предложилъ дѣтей мелкопомѣстныхъ дворянъ отдавать въ кантонисты, а потомъ опредѣлять на службу рядовыми, но затѣмъ отказался отъ этой мѣры.

[2]) Середонинъ, тамъ же, стр. 238. Журналъ 1851 года № 112.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Необходимость кодификаціи законодательства.—Порученіе министерству внутреннихъ дѣлъ составленія проекта закона о дворянскихъ выборахъ. — Вопросъ объ избирательномъ цензѣ. — Разсмотрѣніе проекта новаго закона въ Комитетѣ 6-го декабря. — Вторичное разсмотрѣніе проекта въ томъ же Комитетѣ. — Записка губернатора Жмакина.—Приложенія къ проекту.—Измѣненія, внесенныя въ него Государственнымъ Совѣтомъ.—Записка графа Литта.—Взгляды Государственнаго Совѣта на выборную службу и на положеніе органовъ дворянскаго сословнаго управленія.

I.

Исторія дворянскаго сословнаго управленія предыдущаго царствованія выяснила намъ ту разрозненность, которая господствовала въ законодательствѣ интересующей насъ области; объединеніе и обновленіе его были крайне необходимы. Правительство Николая Павловича сознавало это и пошло навстрѣчу такому требованію жизни. Уже въ первые мѣсяцы новаго царствованія оно приступило къ систематизаціи законодательства; задача предстояла довольно трудная; необходимо было не только собрать разрозненные законы и распоряженія, но объединить ихъ и главное согласовать съ указаніями опыта и практики сорокалѣтняго функціонированія органовъ сословнаго управленія.

Ближайшимъ поводомъ послужили тѣ безпорядки, которые происходили на дворянскихъ собраніяхъ и все учащались къ концу царствованія Императора Александра [1]). Николай Пав-

[1]) Ср. Середонинъ, в. назв. соч., томъ II, часть 1, стр. 245.

ловичъ совершенно вѣрно опредѣлилъ корень этого зла, указывая министрамъ на разрозненность законодательства.

Почти сразу по своемъ вступленіи на престолъ онъ повелѣлъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому составить «проектъ положенія о дворянскихъ выборахъ и о другихъ дѣйствіяхъ собраній дворянства». Но работа въ министерствѣ шла очень медленно; Государь, ненавидѣвшій волокиту, нѣсколько разъ справлялся у Ланского о судьбѣ проекта [1]); въ концѣ 1827 года управляющій министерствомъ получилъ Высочайшее повелѣніе «объ ускореніи представленіемъ новаго положенія о дворянскихъ выборахъ» [2]). Наконецъ въ февралѣ 1828 года готовый проектъ министерства былъ представленъ Государю [3]).

Очень интересны доводы министерства внутреннихъ дѣлъ, о «необходимости нѣкоторыхъ измѣненій касательно порядка дворянскихъ выборовъ, которая была издавна ощутительна».

«Дворяне, читаемъ мы въ представленіи министерства, прежде вмѣнявшіе себѣ въ честь служеніе по выборамъ, стали уклоняться отъ оныхъ, несмотря на выгоды съ симъ служеніемъ сопряженныя и на пользу всего ихъ состоянія: потому ли, что избраніе въ должности, завися не отъ лучшихъ дворянъ въ собраніи, но отъ большинства, составленнаго изъ дворянъ мѣлкопомѣстныхъ и не всегда образованныхъ, падаютъ

---

[1]) На запросъ Николая Павловича о судьбѣ проекта (1-го декабря 1827 г.) министерствомъ доложено было, что онъ готовъ, но что по важности вопроса предполагалось первоначально его разсмотрѣть въ Совѣтѣ министерства; въ 1828 году проектъ былъ внесенъ на обсужденіе Комитета 6-го декабря, вмѣстѣ съ отвѣтами на запросы министерства изъ провинціи (Бумаги Комитета 6-го декабря, дѣло № 225).

Взгляды Комитета и Государственнаго Совѣта на вопросъ объ ограниченіи способовъ пріобрѣтенія дворянства нами разобраны были выше. См. главу X, п. 2.

[2]) 1-го декабря (см. дѣло Гос. Архива по департаменту Законовъ 1831 года № 60).

[3]) Матеріалы, которыми мы пользовались при изученіи исторіи составленія проекта новаго закона о дворянскихъ выборахъ, хранятся въ архивѣ Государственнаго Совѣта. См. въ особ. дѣло департамента Законовъ 1831 года, № 60 и бумаги Комитета 6-го декабря 1826 года.

слишкомъ часто на людей недостойныхъ, сравненіе и сообщество съ коими оскорбляетъ достойнѣйшихъ, потому ли, что средства уклоняться отъ выборовъ не были пресѣчены закономъ, потому ли, наконецъ, что неопредѣлительность въ мѣрѣ вліянія и власти губернскаго начальства надъ собраніемъ дворянства и произвольное часто замѣщеніе избранныхъ чиновниковъ другими отвращали способныхъ и заслуженныхъ дворянъ отъ поприща, коего непріятные случаи были всегда предъ ихъ глазами. Отъ сихъ особливо причинъ, полагать можно, происходитъ недостатокъ въ чиновникахъ по уѣзднымъ судамъ и земскимъ полиціямъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ медленность и замѣшательство въ теченіи дѣлъ и многія иныя неустройства, губернское начальство въ разныхъ мѣстахъ принуждено бываетъ опредѣлять отъ короны на мѣста, зависящія отъ выборовъ; сія мѣра, по нуждѣ принятая, лишь подаетъ дворянамъ болѣе повода къ уклоненію отъ оныхъ.

Таковыя отступленія отъ порядка предначертаннаго при установленіи службы по выборамъ нѣсколько уже разъ обращали на себя вниманіе правительства».

Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на неудачную попытку въ этомъ отношеніи предыдущаго царствованія; управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ и министръ полиціи генералъ-адъютантъ Балашевъ, которымъ въ 1811 году (мартъ мѣс.) было по Высочайшему повелѣнію поручено выработать «общія для произведенія дворянскихъ выборовъ правила», писали Александру, что составленіе такихъ правилъ преждевременно и даже невозможно до «общаго устройства губерній», мысль съ которой едва ли можно согласиться; если бы предполагалось вводить какую-нибудь реформу въ дѣлѣ сословнаго управленія, то взглядъ этотъ могъ бы оправдываться подобнымъ соображеніемъ; но вопросъ въ данномъ случаѣ шелъ о кодификаціи и систематизаціи извѣстной области законодательства, что несомнѣнно не только могло, но должно было быть давно уже предпринято правительствомъ, чего какъ мы знаемъ исполнено не было.

Правительство Николая Павловича вѣрнѣе оцѣнило положеніе вещей, обративъ вниманіе на необходимость объединенія законодательства. Въ разбираемомъ представленіи министерства внутреннихъ дѣлъ прямо говорится, что «первымъ шагомъ къ составленію новаго положенія долженствовало быть *соображеніе* существующихъ узаконеній съ замѣченными въ исполненіи оныхъ неудобствами». Этого-то важнаго «перваго шага» во времена Александра I и не было сдѣлано.

Новое правительство, при разработкѣ даннаго вопроса, поставило себѣ главнѣйшей цѣлью «возвышеніе выборовъ въ общемъ мнѣніи». Предшествовавшее изложеніе выяснило въ достаточной мѣрѣ, насколько подобное «возвышеніе въ общемъ мнѣніи» было необходимо и желательно. Безъ него и дворянское сословное управленіе и выборная служба были излишни и безцѣльны.

Останавливаясь въ своемъ представленіи на причинахъ паденія значенія выборной службы, министерство старалось установить и тѣ мѣры, которыя по его мнѣнію, могли бы помочь дѣлу. Изъ послѣднихъ самою дѣйствительною должно было быть введеніе ограниченій активнаго избирательнаго права и одновременное расширеніе пассивнаго избирательнаго права, при чемъ руководствомъ должно было служить «сравненіе числа дворянъ, участвующихъ въ выборахъ по каждому уѣзду, съ количествомъ имущества имъ принадлежащаго», другими словами, министерство предполагало ввести имущественный цензъ.

Такого рода начало почти вовсе отсутствовало въ предшествовавшемъ законодательствѣ; цензъ, дававшій право участія въ дворянскихъ выборахъ, установленный еще Жалованной дворянству грамотой, былъ, какъ мы знаемъ, очень незначителенъ; практика же давно доказала желательность введенія ограничительныхъ цензовыхъ условій.

Эти постановленія проекта министерства объ ограничительномъ имущественномъ цензѣ и составляютъ по справед-

ливому замѣчанію Ланского «главное отличіе этого закона отъ существовавшихъ прежде постановленій».

Въ своемъ представленіи 1828 года министерство внутреннихъ дѣлъ подробно разбираетъ вопросъ о цензѣ; по его мнѣнію, цензъ изъ подоходнаго, какъ то установлено было Жалованной грамотой [1], долженъ былъ быть обращенъ въ имущественный и опредѣляемъ не «исчисленіемъ дохода, что всегда подавало поводъ къ злоупотребленіямъ», а количествомъ владѣемой каждымъ дворяниномъ недвижимой собственностью. При этомъ министерство предлагало слѣдующія цензовыя условія:

1) Дворянамъ, имѣющимъ за собою не менѣе ста душъ крестьянъ съ землею или же 1,500 десятинъ земли незаселенной, предоставить полное право присутствовать на выборахъ и непосредственно баллотировать въ должности избираемыхъ.

2. Тѣмъ изъ дворянъ, за коими состоитъ не менѣе пяти душъ крестьянъ или 75 десятинъ земли незаселенной, оставить голосъ во всѣхъ дѣлахъ и положеніяхъ собранія дворянства, кромѣ баллотированія въ должности. Въ семъ же послѣднемъ отношеніи дать имъ право избирать изъ среды себя на каждыя сто душъ по одному уполномоченному.

3. Право быть избираемыми распространить на всѣхъ дѣйствительныхъ дворянъ вообще, безъ различія въ количествѣ собственности.

Этими мѣропріятіями предполагалось ограничить вліяніе на сословныя дѣла мелкопомѣстнаго дворянства. Намъ представляется однако, что министерство немного преувеличивало въ данномъ случаѣ пользу ограничительнаго ценза. Исторія дворянскаго сословнаго управленія показываетъ, что корни зла, съ которымъ старалось бороться министерство, лежали значительно глубже. Новыя постановленія о цензѣ, какъ уви-

[1] Согласно грамотѣ 1785 года участіе въ дворянскихъ выборахъ опредѣлялось сторублевымъ доходомъ съ недвижимой собственности. См. выше, стр. 157.

димъ ниже, несомнѣнно, принесли извѣстную пользу, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ ожидалось правительствомъ.

Кромѣ только что разобранныхъ постановленій о цензѣ, министерствомъ предполагалось внести еще слѣдующія частныя измѣненія въ дѣйствующее законодательство: «возложеніе составленія дворянскихъ списковъ исключительно на предводителей, надзоръ за тѣмъ, чтобы каждый дворянинъ непремѣнно былъ записанъ въ родословной книгѣ своей губерніи, пресѣченіе возможности уклоняться отъ участія въ выборахъ и отъ принятія должностей» (министерство, какъ видимъ, поверхностно отнеслось къ факту уклоненія дворянства отъ выборовъ, считая явленіе это второстепеннымъ, тогда какъ роль его была чрезвычайно велика); далѣе министерствомъ намѣчалась необходимость болѣе точнаго выясненія взаимоотношеній сословныхъ и правительственныхъ органовъ, — вопросъ также не малой важности.

«На сихъ началахъ составленный» и въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ разсмотрѣнный проектъ новаго закона «о дворянскихъ выборахъ и другихъ дѣйствіяхъ собраній дворянства» былъ представленъ управляющимъ министерствомъ 1-го февраля 1828 года на Высочайшее усмотрѣніе.

Записку свою Ланской заключаетъ слѣдующими словами: «Смѣю думать, говоритъ онъ, что предполагаемыя въ проектѣ постановленія могутъ служить къ улучшенію сей важной части внутренняго государственнаго управленія. Но въ то же время дерзаю присовокупить, что желаемый успѣхъ зависитъ главнѣйше отъ тѣхъ мѣръ, кои приняты будутъ до общаго устройства губерній, и что безъ внимательнаго соображенія съ ними всѣ частныя измѣненія въ дворянскихъ выборахъ будутъ всегда недостаточны и неблагонадежны».

Государь вполнѣ согласился съ мнѣніемъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, слѣдствіемъ чего было Высочайшее повелѣніе о внесеніи проекта новаго закона не въ Государственный Совѣтъ, а въ Комитетъ 6-го декабря,

задачей котораго, какъ извѣстно, были пересмотръ и объединеніе всего законодательства, касавшагося мѣстнаго управленія.

II.

Посмотримъ теперь, какова была дальнѣйшая судьба министерскаго проекта и что высказано было по его поводу въ Комитетѣ 6-го декабря.

Въ засѣданіи 11-го марта 1828 года предсѣдатель предложилъ членамъ Комитета приступить къ разсмотрѣнію этого проекта, при чемъ первымъ на очередь былъ поставленъ вопросъ о цензѣ [1]. Комитетъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ министерства о необходимости проведенія нѣкотораго различія между активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ, принявъ въ принципѣ вышеприведенныя мысли министерства; но вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ отмѣтилъ нѣкоторую несоразмѣрность въ опредѣленіи количества незаселенной земли «противъ числа душъ», а также «призналъ за нужное допустить въ избиратели и дворянъ, владѣющихъ значительными заведеніями». Комитетъ исправилъ въ этомъ случаѣ довольно важный недосмотръ министерства; включеніе дворянъ, владѣющихъ фабриками и заводами въ число избирателей представляется конечно вполнѣ справедливымъ. Кромѣ того Комитетъ ограничилъ еще болѣе цензовыя условія, предоставляя избирательное право слѣдующимъ лицамъ: 1) дворянамъ, имѣющимъ за собою не менѣе ста душъ крестьянъ или 3,000 десятинъ незаселенной земли (вмѣсто 1,500 десятинъ проектированныхъ министерствомъ); 2) дворянамъ, владѣющимъ «разными значительными заведеніями, какъ-то: садами, фабриками, мельницами, даже и безъ положеннаго выше числа душъ или количества земли, если только оныя заведенія приносятъ не менѣе 2,000 рублей чистаго ежегоднаго дохода» [2]. «Желающему

[1]) См. Сборникъ Рус. Ист. Об-ва, томъ 74, стр. 290, журналъ 92-го засѣданія Комитета 6-го декабря.

[2]) Такимъ образомъ Комитетъ вновь ввелъ подоходный цензъ, противъ котораго возставало министерство внутреннихъ дѣлъ;

пользоваться правомъ избранія по таковымъ заведеніямъ», говорится въ журналѣ, необходимо еще до выборовъ представить «законныя доказательства, какъ на дѣйствительное право владѣнія, такъ и на количество получаемаго дохода». 3) Дворянамъ, имѣющимъ за собою сто душъ, но малыми участками и въ разныхъ губерніяхъ, при чемъ участки эти должно было «складывать въ счетъ и по онымъ пользоваться полнымъ правомъ избранія въ одной изъ тѣхъ губерній, гдѣ пожелаетъ быть для сего записаннымъ», и 4) дворянамъ, имѣющимъ за собой полные участки по сто душъ и болѣе во многихъ губерніяхъ, съ правомъ «въ каждой изъ оныхъ пользоваться полнымъ правомъ избранія, когда только присутствуютъ на производимыхъ въ ней выборахъ».

Какъ видимъ, Комитетъ измѣнилъ положенія министерства довольно существеннымъ образомъ. Онъ вовсе отвергъ право выбора черезъ уполномоченныхъ, установивъ для всѣхъ дворянъ однородныя условія и допустивъ участіе въ выборахъ только для дворянъ, владѣющихъ имѣніями, хотя и расположенными въ различныхъ губерніяхъ, но составляющими въ общемъ требуемую цензомъ сумму.

Кромѣ имущественнаго ценза Комитетъ предлагалъ установить еще служебный, предоставляя активное право лишь тѣмъ дворянамъ, кои достигли «низшей изъ поименованныхъ въ сравнительномъ росписаніи степеней по гражданской службѣ», говоря языкомъ современнымъ, получившимъ первый классный чинъ, или же тѣмъ, которые прослужили одно трехлѣтіе «въ должности, отъ выборовъ дворянскихъ зависящей».

Затѣмъ Комитетъ перешелъ къ разсмотрѣнію началъ пассивнаго избирательнаго права; основная мысль министерскаго проекта о допущеніи «быть избираемыми всѣхъ дѣйствительныхъ дворянъ вообще, безъ различія въ количествѣ собственности», была принята Комитетомъ безъ возраженій, но впослѣдствіи значительно дополнена и развита. Онъ полагалъ

перечисленіе „заведеній" носитъ характеръ примѣровъ и не должно считаться исчерпывающимъ.

необходимымъ пассивное избирательное право предоставить наравнѣ съ дворянами и вновь созданному классу чиновнаго гражданства, о которомъ мы говорили выше; согласно мнѣнію Комитета чиновный гражданинъ могъ быть избираемъ, хотя бы онъ и не владѣлъ недвижимостью и не состоялъ на государственной или общественной службѣ; другими словами для чиновнаго гражданства были устранены всякія цензовыя условія. Подобная постановка вопроса несомнѣнно шла въ разрѣзъ съ дворянскими сословными интересами; предоставляя чиновному гражданству столь обширное право, Комитетъ тѣмъ самымъ не только вводилъ этотъ бюрократическій классъ въ сословное управленіе, но и опредѣлялъ тотъ путь, по которому сословное управленіе должно было впредь развиваться. Интересы послѣдняго должны были все болѣе отождествляться съ интересами администраціи; здѣсь слѣдовательно опять-таки проявилось прежнее стремленіе правительства къ уничтоженію самостоятельности сословнаго управленія, къ созданію и въ этой области обширнаго поля воздѣйствія административнаго произвола.

Предоставляя столь широкое пассивное избирательное право всякому дворянину и «чиновному гражданину», Комитетъ поставилъ однако условіемъ, чтобы избраніе подобныхъ лицъ происходило лишь при ихъ согласіи на принятіе должности. Наоборотъ, дворянинъ, «пользующійся полнымъ правомъ избранія», могъ быть избранъ и безъ собственнаго согласія, т. е. обязанъ былъ въ случаѣ избранія принять должность, если только лично присутствовалъ на выборахъ и «принималъ въ нихъ участіе». Послѣдняя прибавка мало понятна; почему собственно обязанность эта возлагалась только на принимавшихъ въ выборахъ участіе? и чѣмъ это участіе должно было выражаться? думается Комитетъ хотѣлъ сдѣлать различіе между дворянами пріѣзжавшими на выборы въ видѣ развлеченія отъ деревенской скуки, для вечеровъ, обѣдовъ и баловъ, и тѣми, которые съѣзжались для участія въ общественныхъ дѣлахъ и рѣшенія вопросовъ о мѣстныхъ нуждахъ; непонятнымъ остается,

почему Комитетъ не пожелалъ обязать всякаго дворянина пользовавшагося «полнымъ правомъ избранія» и присутствующаго на выборахъ, принимать должность, если на него падетъ выборъ дворянства.

Можно впрочемъ предполагать, что Комитетъ просто не обсудилъ вопроса достаточно внимательно, слѣдствіемъ чего и было такое странное постановленіе. Въ томъ же журналѣ 92-го засѣданія находимъ мы еще одно постановленіе касательно пассивнаго избирательнаго права, а именно—дворянинъ, имѣющій за собой не менѣе пяти душъ крестьянъ съ землей или 150 десятинъ незаселенной земли, можетъ быть избираемъ и безъ собственнаго согласія и даже заочно «въ той губерніи, гдѣ онъ имѣетъ постоянное жительство и записанъ въ родословную книгу».

Такимъ образомъ, дворяне этой категоріи были поставлены въ еще худшія условія, что уже совершенно противорѣчило основной мысли правительства о возможно большемъ отстраненіи отъ выборной службы мелкопомѣстнаго дворянства. Очевидно, что дворяне, при существовавшихъ въ тѣ времена условіяхъ дѣятельности низшихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, возлагали бы эти малопривлекательныя должности именно на дворянъ мелкопомѣстныхъ; результатомъ же должно было быть именно то, чего правительство старалось избѣжать—созданіе такихъ условій, при которыхъ выборная служба должна была неизбѣжно потерять всякое значеніе.

Здѣсь впрочемъ необходимо сдѣлать оговорку. Въ только что разобранныхъ предположеніяхъ Комитета 6-го декабря не содержится прямого установленія обязанности для избранныхъ дворянъ принимать должность; этотъ пробѣлъ былъ восполненъ Комитетомъ въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій.

Разсмотрѣвъ вопросы избирательнаго права и рѣшивъ ихъ довольно поверхностно, Комитетъ перешелъ къ обсужденію мѣропріятій, могущихъ поднять значеніе выборной службы вообще и въ частности выборныхъ должностей судебнаго вѣдомства. Для послѣднихъ онъ желалъ установить несмѣняемость;

должности эти слѣдовательно впредь должны были замѣщаться не на три года, а пожизненно, съ правомъ выхода въ отставку по минованію перваго трехлѣтія; лица судебнаго вѣдомства, вышедшія въ отставку, сохраняли однако за собой право вновь баллотироваться на любую должность, въ томъ числѣ и на прежнюю; иниціатива должна была въ такомъ случаѣ исходить отъ самого баллотирующагося. Выходъ въ отставку могъ состояться «на общихъ основіяхъ для гражданской службы установленныхъ». Предоставленіе дворянству права замѣщать судебныя должности пожизненно, показалось впрочемъ Комитету слишкомъ широкимъ и «могущимъ вызвать неудобства», въ виду чего предложено было нѣкоторыми членами установить первоначально шестилѣтній срокъ, по миновaніи котораго уже предоставить дворянству замѣщать эти должности пожизненно; но большинство и съ такой редакціей не согласилось, послѣ чего, какъ сказано въ журналѣ, «сужденіе о семъ отложено до другого времени». Осторожность Комитета въ виду важности вопроса вполнѣ понятна.

Вернувшись къ разсмотрѣнію этого вопроса, въ засѣданіи 18 марта [1]), Комитетъ высказался за желательность производства выборовъ на должности по судебному вѣдомству, не по уѣздно, а по губерніямъ. Затѣмъ онъ установилъ обязанность принятія должности, при чемъ право выставленія кандидатуры принадлежало исключительно самимъ желающимъ баллотироваться. Этимъ восполненъ былъ вышеуказанный пробѣлъ министерскаго проекта. Всѣ эти правила распространены были и на выборы уѣздныхъ исправниковъ, съ тою только разницей, что дворянство выбирало не самого исправника, а двухъ кандидатовъ; утвержденіе одного изъ нихъ въ должности должно было зависѣть отъ Правительствующаго Сената, которому имена кандидатовъ сообщались губернскимъ правленіемъ. Такой порядокъ и въ особенности участіе въ этомъ дѣлѣ губернскаго правленія устанавливалъ зависимость исправниковъ отъ правительства, умаляя ихъ самостоятельность.

[1]) 94-е засѣданіе, стр. 294.

Какъ увидимъ ниже, эта все возраставшая зависимость выборныхъ органовъ пагубно вліяла на ихъ дѣятельность и значеніе.

Засѣдатели уѣздныхъ управъ должны были попрежнему избираться на три года и утверждаться губернскимъ правленіемъ. Также оставленъ былъ неизмѣненнымъ прежній порядокъ избранія предводителей дворянства, на три года и по уѣздно; но утвержденіе ихъ должно было зависѣть впредь отъ губернскаго правленія. Намъ представляется порядокъ утвержденія предводителей губернскимъ правленіемъ вовсе несовмѣстимымъ съ значеніемъ и положеніемъ этой должности. И такъ уже зависимость предводителей отъ правительственныхъ органовъ была слишкомъ велика и вредно отзывалась на ихъ самостоятельности; предоставляя утвержденіе ихъ губернскимъ правленіямъ, Комитетъ былъ безусловно неправъ. Къ несчастью намъ не удалось найти ни въ Архивѣ Государственнаго Совѣта, ни въ дѣлахъ Комитета 6-го декабря матеріаловъ, могущихъ освѣтить тѣ соображенія, которыми Комитетъ въ данномъ случаѣ руководствовался, принимая столь странное рѣшеніе, противорѣчащее основнымъ принципамъ сословнаго управленія.

Неизмѣримо лучше были обставлены Комитетомъ выборы губернскихъ предводителей; дворянство должно было избирать двухъ кандидатовъ, представляя ихъ *непосредственно* на утвержденіе Государя. Нельзя не признать такой порядокъ наилучшимъ. До полученія Высочайшаго утвержденія должность губернскаго предводителя поручалась уѣздному предводителю губернскаго города.

Затѣмъ Комитетъ перешелъ опять къ обсужденію вопроса объ установленіи обязанности для лицъ, избранныхъ на дворянскихъ выборахъ, принимать должности [1]).

Послѣ довольно продолжительнаго обмѣна мнѣній Комитетъ пришелъ къ заключенію, что установленіе такого правила не желательно; разъ дворянство по той или другой при-

¹) См. выше, стр. 493.

чинѣ уклонялось отъ выборной службы, то силой его не заставишь служить и польза отъ такой службы представлялась бы весьма сомнительной. Всѣ неудобства, происходящія отъ уклоненія дворянства отъ выборной службы, могли быть избѣгнуты, по мнѣнію Комитета, не подобнымъ строгимъ правиломъ, а «единственно возвышеніемъ въ общемъ мнѣніи губернскихъ мѣстъ и должностей, зависящихъ отъ выборовъ».

Мысль эта несомнѣнно вѣрна; установленіе обязательности принятія выборной должности не приносило ни въ одномъ государствѣ, ни въ одной избирательной системѣ существенной пользы [1]); причины уклоненія дворянства отъ этого рода службы были иныя.

Но, исходя изъ вѣрной мысли, Комитетъ невѣрно опредѣлилъ средства. Онъ надѣялся достигнуть цѣли «опредѣленіемъ обязанностей чиновниковъ, служащихъ по выборамъ, и отношеній ихъ къ мѣстному начальству, соразмѣрнымъ увеличеніемъ окладовъ ихъ жалованья и другими выгодами; тогда правительству дана будетъ возможность, говорится въ журналѣ, разрѣшить всѣ затрудненія однимъ повелѣніемъ, чтобы каждый дворянинъ могъ быть избираемъ въ должности судебныя и по земскимъ управамъ во всѣхъ уѣздахъ своей губерніи безъ различія, и въ то же время имѣлъ бы право отказываться свободно отъ принятія оныхъ, по своему усмотрѣнію». Кромѣ того, Комитетъ предлагалъ установить для лицъ, занимающихъ должности по выборамъ, право на пенсію, «сравнивъ ихъ въ семъ отношеніи съ чиновниками по другимъ отраслямъ государственной службы». Въ этомъ-то *сравненіи* и лежалъ корень зла. Послѣдующая практика показала, что дѣло не было вовсе такъ просто, какъ полагалъ Комитетъ.

Проектированныя мѣропріятія, большая часть которыхъ нашла себѣ осуществленіе впослѣдствіи, дѣйствительно сравнили, даже отождествили службу выборную со службой правительственной,

---

[1]) Ср. съ положеніями, высказанными по этому поводу въ моей статьѣ „Избирательное право". „Вѣстникъ Права", январь, 1904 года.

но не подняли ея значенія, а скорѣе содѣйствовали ея еще бóльшему паденію.

Къ этому вопросу намъ, впрочемъ, еще придется вернуться, отмѣтимъ здѣсь одно хорошее слѣдствіе преній Комитета, мысль объ установленіи обязанности принятія выборной должности лицомъ, избраннымъ на нее, была отклонена.

Этимъ закончились «предварительныя сужденія» Комитета по интересующему насъ вопросу. Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, при разборѣ проекта министерства внутреннихъ дѣлъ, Комитетъ постоянно дѣлалъ ссылки на свои «предварительныя сужденія».

4-го апрѣля Комитетъ приступилъ къ подробному разсмотрѣнію статей проекта министерства [1]). Въ этомъ засѣданіи были установлены слѣдующія положенія: во-первыхъ, былъ рѣшенъ вопросъ объ участіи въ выборахъ нѣсколькихъ братьевъ одной семьи; если каждый изъ братьевъ дворянской семьи былъ отдѣленъ, т. е. имѣлъ самостоятельное хозяйство, то тѣмъ самымъ и получалъ право участвовать въ дворянскихъ выборахъ; если же раздѣла не было, то право участія получалъ лишь старшій братъ; при отдѣленіи нѣкоторыхъ членовъ семьи, изъ неотдѣленныхъ въ выборахъ могъ участвовать только тотъ, которому отсутствующій изъ собранія отецъ или старшій братъ передавали свой голосъ. Пассивное избирательное право принадлежало всѣмъ отдѣленнымъ и неотдѣленнымъ братьямъ въ равной мѣрѣ.

Во-вторыхъ, было постановлено, что имущественный цензъ тѣхъ дворянъ, которые владѣли домами, дачами, садами и т. п., опредѣляется согласно получаемому ими доходу, считая по 5 процентовъ съ законной оцѣнки, при чемъ размѣръ ценза былъ установленъ въ 2,000 рублей; обладаніе этимъ подоходнымъ имущественнымъ цензомъ давало какъ пассивное, такъ и активное избирательное право.

Въ третьихъ, было подтверждено правило, что всякій дво-

---

[1]) Журналъ 97-го засѣданія, стр. 303.

рянинъ, избранный на должность, имѣетъ право отъ принятія ея отказаться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Комитетъ нашелъ нужнымъ установить другую обязанность для дворянства, присутствованія на выборахъ своей губерніи; «отъ хорошаго дѣйствія избирателей, читаемъ мы въ журналѣ 4-го апрѣля, долженствуетъ главнѣйше зависѣть успѣхъ новаго порядка при выборахъ, слѣдовательно нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ мѣръ строгости для собранія на оныя всѣхъ имѣющихъ право». Такое постановленіе, какъ мы знаемъ, для нашего законодательства было не ново; и прежде правительство обязывало дворянство присутствовать на выборахъ; но мы видѣли выше, что подобныя мѣры всегда оказывались безрезультатными; мало установить обязанность, необходимо воздѣйствовать на тѣ причины, которыя заставляютъ людей уклоняться отъ исполненія такихъ обязанностей; этого-то правительство и не дѣлало или вѣрнѣе при его политикѣ не было въ состояніи сдѣлать. Какъ увидимъ ниже, и въ Николаевское царствованіе только что приведенное постановленіе Комитета осталось простымъ пожеланіемъ.

4-го апрѣля былъ поднятъ, кромѣ того, вопросъ объ участіи въ выборахъ дворянства лицъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, но въ виду возникшихъ разногласій рѣшеніе его было отложено.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію правъ и обязанностей органовъ дворянскаго сословнаго управленія, Комитетъ остановилъ свое вниманіе на средствахъ проведенія въ законѣ возможно точнаго различія между собраніями дворянства обыкновенными и чрезвычайными; первыми должны были быть тѣ, которыя собираются каждые три года, слѣдовательно, собранія періодичныя; вторыя же были тѣ, которыя могли быть «созываемы» во всякое время по усмотрѣнію губернскаго правленія; замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ терминъ установленный Жалованной грамотой «позыва» былъ замѣненъ болѣе современнымъ словомъ «созыва».

Этотъ признакъ различія обыкновенныхъ собраній отъ

чрезвычайныхъ проводится во всемъ послѣдующемъ законодательствѣ и, по нашему мнѣнію, какъ въ тѣ времена, такъ и теперь, является единственно вѣрнымъ, такъ какъ всѣ другія, проводимыя въ нашей литературѣ [1]), носятъ характеръ случайный или временный.

Отмѣтимъ также ту роль, которую Комитетъ предоставилъ губернскому правленію, давъ ему право созывать дворянскія собранія. Значеніе этого правительственнаго органа въ области сословнаго управленія все росло.

Близко стоитъ къ этому другой вопросъ, затронутый въ томъ же засѣданіи, объ участіи въ дворянскихъ собраніяхъ прокурора; Комитетъ сталъ здѣсь на вполнѣ раціональную точку зрѣнія — присутствіе прокурора было признано вреднымъ и неумѣстнымъ, могущимъ подавать только лишній поводъ къ неудовольствіямъ и пререканіямъ; губернское начальство имѣло по мнѣнію Комитета «всю возможность узнавать» о безпорядкахъ и нарушеніяхъ закона дворянскими собраніями и «употреблять для ихъ прекращенія средства гораздо скорѣе, нежели дойдетъ до него формальное о томъ извѣщеніе прокурора». Включеніе въ министерскій проектъ статей, устанавливающихъ право губернскаго прокурора присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ, было основано по мнѣнію Комитета лишь на «общемъ понятіи о надзорѣ прокурорскомъ во всѣхъ мѣстахъ губернскихъ». Исходя изъ этихъ соображеній, Комитетъ исключилъ совершенно эти статьи, возложивъ отвѣтственность «за правильность дѣйствій дворянства и за сохраненіе порядка въ собраніи на предводителей и въ особенности на губернскаго». Такой порядокъ, конечно, гораздо болѣе соотвѣтствовалъ сущности дѣла и той роли, которую должны были играть въ сословномъ управленіи предводители; можно только пожалѣть, что Комитетъ не провелъ послѣдовательно эту точку зрѣнія въ прочихъ постановленіяхъ разбираемаго нами проекта. Интересы дворянскаго сословнаго

---

[1]) Ср. съ курсами русскаго государственнаго права.

управленія требовали полной самостоятельности дѣятельности его органовъ, между тѣмъ правительство ему постоянно въ этомъ отказывало. Затѣмъ въ этомъ же засѣданіи было подтверждено право дворянскаго сословія ходатайствовать о своихъ нуждахъ передъ Верховной властью. Далѣе Комитетъ высказался за сохраненіе за Новороссійскими, Малороссійскими, Бѣлорусскими и Польскими губерніями обычая созывать дворянскія собранія не въ обще-установленный срокъ и въ заключеніе предложилъ новый порядокъ сообщенія дворянамъ губерніи избирательныхъ списковъ; списки разсылались прежде на провѣрку всѣмъ дворянамъ по мѣсту ихъ жительства, Комитетъ же нашелъ болѣе удобнымъ созваніе для провѣрки списковъ особыхъ уѣздныхъ собраній.

Въ слѣдующемъ засѣданіи 8-го апрѣля Комитетъ коснулся только вопроса о переходѣ владѣнія цензовымъ имуществомъ изъ однѣхъ рукъ въ другія [1]. Свѣдѣнія «объ умноженіи или уменьшеніи» недвижимой собственности должны были представляться предводителемъ, по мнѣнію Комитета, лишь разъ въ трехлѣтіе, передъ созывомъ очередныхъ дворянскихъ собраній.

18-го апрѣля Комитетъ продолжалъ чтеніе министерскаго проекта [2]. Постановленія этого засѣданія не имѣютъ для насъ особаго значенія. Комитетомъ была немного измѣнена редакція нѣкоторыхъ статей проекта, для согласованія ихъ съ вышеразобранными общими положеніями.

Въ засѣданіи 22-го апрѣля Комитетъ разсматривалъ «обрядъ выборовъ» [3], при этомъ были выработаны слѣдующія начала:

1. Тѣ изъ дворянъ, которые не имѣли активнаго избирательнаго права, могли участвовать во всѣхъ засѣданіяхъ собранія, въ коихъ не производились выборы.

2. Дворяне и чиновные граждане, которымъ предоставлено

---

[1]) 99-е засѣданіе, стр. 309.
[2]) 103-е засѣданіе, стр. 320.
[3]) 104-е засѣданіе, стр. 321.

было пассивное избирательное право, обязаны были извѣщать за 4 мѣсяца до начала выборовъ, «въ какія именно должности они желаютъ быть избраны», первые — своего уѣзднаго предводителя, граждане же губернскаго предводителя.

3. Разсмотрѣніе такихъ заявленій должно было происходить за 2 мѣсяца до начала выборовъ на особыхъ уѣздныхъ собраніяхъ.

4. Уѣздныя собранія, кромѣ того, должны были провѣрять поуѣздные списки дворянъ и избирать особаго депутата для провѣрки денежной отчетности по земскимъ повинностямъ.

5. Эти послѣдніе должны были собираться въ губернскомъ городѣ и вырабатывать совмѣстно отчетъ для представленія губернскому дворянскому собранію.

6. Губернскія собранія должны были разсматривать этотъ отчетъ и только послѣ того могли приступать къ выборамъ; смѣты же на будущее трехлѣтіе вносились въ дворянское собраніе лишь для свѣдѣнія. Нельзя не пожалѣть, что въ послѣднемъ случаѣ у дворянскаго сословія отнято было право разсмотрѣнія этихъ смѣтъ, что могло бы создать весьма полезное право активнаго контроля.

Далѣе Комитетъ нашелъ нужнымъ предоставить дворянству право выбирать на каждую должность кандидата для замѣны избраннаго на должность въ случаѣ выбытія послѣдняго; такое постановленіе, по справедливому замѣчанію Комитета, сокращало выборы, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивало постоянное занятіе данной должности лицомъ выборнымъ.

Этого же вопроса касалось и другое постановленіе Комитета; въ случаѣ недостатка дворянъ въ данномъ уѣздѣ, дворянству предоставлялось производить выборы «на мѣста того уѣзда всею губерніею», при отсутствіи же и въ губерніи достаточнаго числа дворянъ, желающихъ занять выборныя должности, замѣщеніе ихъ должно было происходить по назначенію правительства; Комитетъ не предвидѣлъ, какъ часто правительству придется прибѣгать къ такому способу замѣ-

щенія выборныхъ должностей къ концу царствованія Императора Николая I.

Лицо, избранное на должность, не отказавшееся отъ нея, но не явившееся «къ исправленію ея» въ 4-хъ мѣсячный срокъ, должно было подвергаться взысканію; если къ неявкѣ имѣлись законныя причины, то лицо это оставалось впредь кандидатомъ на данную должность.

Порядокъ увольненія выборныхъ должностныхъ лицъ, до истеченія трехлѣтія, на которое они избраны, по мнѣнію Комитета, долженъ былъ быть поставленъ въ зависимость отъ согласія губернскаго предводителя и депутатскаго собранія, увольненіе же губернскихъ предводителей — отъ Высочайшаго соизволенія; имѣя общее право надзора надъ органами сословнаго управленія и лицами, служащими по выборамъ, губернскіе предводители должны были получить и нѣкоторое право контроля въ дѣлѣ увольненія ихъ отъ должности.

Отвѣтственность выборныхъ должностныхъ лицъ за незаконныя дѣянія была вполнѣ сравнена съ отвѣтственностью правительственныхъ чиновниковъ.

Затѣмъ Комитетъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса о награжденіи выборныхъ должностныхъ лицъ за ихъ службу. Въ этомъ отношеніи мы видимъ въ постановленіяхъ Комитета господство прежней тенденціи, приравненія службы выборной къ службѣ правительственной.

Такъ, представленіе къ наградамъ лицъ, служащихъ по выборамъ, а слѣдовательно и органовъ дворянскаго сословнаго управленія, должно было идти черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ на утвержденіе Сената. Такая роль министерства не могла не отзываться пагубно на самостоятельности выборныхъ органовъ; другими словами здѣсь имѣлся лишній способъ административнаго воздѣйствія правительства на выборную службу; неизбѣжнымъ же слѣдствіемъ должно было быть пропорціональное увеличенію правительственнаго контроля паденіе значенія выборной службы. Правительство Николая I этого къ несчастью не сознавало.

Примѣромъ можетъ служить слѣдующее постановленіе Комитета: для лицъ, прослужившихъ по выборамъ опредѣленное количество лѣтъ, предположено было награжденіе извѣстнымъ орденомъ; министерскій проектъ установлялъ даже различіе между наградами общими и особенными (§ 136), но Комитетъ призналъ послѣднее постановленіе излишнимъ.

Изъ этой области случайно былъ исключенъ вопросъ о чинопроизводствѣ по выборной службѣ; говоримъ случайно, такъ какъ исключеніе его было вызвано тѣмъ соображеніемъ, что, одновременно съ разработкой интересующаго насъ вопроса, правительство вырабатывало проектъ новаго устава о службѣ гражданской и предполагало вовсе упразднить гражданскіе чины; руководствуясь этимъ, Комитетъ и постановилъ исключить изъ проекта закона о дворянскихъ выборахъ и выборной службы все, что касалось чинопроизводства. Но къ несчастью начинанія правительства въ этомъ отношеніи не осуществились, чинъ остался въ нашемъ законодательствѣ основнымъ началомъ государственнаго строя.

На этомъ засѣданіи окончено было чтеніе интересующаго насъ проекта; Комитетъ постановилъ передать его министерству для согласованія съ выработанными началами, новую же редакцію разсмотрѣть впослѣдствіи «при окончательномъ образованіи губернскаго управленія».

III.

Переработанный министерствомъ согласно указаніямъ Комитета 6-го декабря, проектъ закона о дворянскихъ выборахъ поступилъ осенью того же 1828 года снова на разсмотрѣніе Комитета. Обсуждая его въ засѣданіяхъ 25-го, 28-го ноября и 2-го декабря, Комитетъ сдѣлалъ нѣкоторыя новыя измѣненія [1].

Вниманіе его было остановлено вопросомъ возрастнаго ценза, которому, замѣтимъ, при первоначальномъ разсмотрѣ-

[1]) 106, 107 и 108 засѣданія, стр. 328, 331 и 334.

ніи проекта не было вовсе удѣлено мѣста. Комитетъ нашелъ излишнимъ постановленіе о 25-лѣтнемъ возрастѣ, какъ необходимомъ условіи участія дворянъ въ выборахъ; по его мнѣнію, «когда достигнувшій обыкновеннаго, общими законами установленнаго, совершеннолѣтія дворянинъ можетъ не только располагать свободно всѣмъ своимъ имуществомъ, но даже по назначенію правительства исправлять важныя въ государственной службѣ должности, то нѣтъ причины не допускать его и пользоваться своимъ правомъ на выборахъ». Противъ этого взгляда можно возразить, что польза дѣла, можетъ быть, требовала установленіе болѣе зрѣлаго возраста для замѣщенія должностей по выборной службѣ.

Болѣе справедливымъ представляется намъ второе положеніе Комитета. Проектъ предлагалъ считать «вступленіе въ бракъ» условіемъ, освобождающимъ дворянина отъ обязанности присутствовать на выборахъ; Комитетъ указалъ по этому поводу, что «сіе не должно препятствовать дворянину исполнять обязанности, съ коими соединены столь важныя преимущества», да и самые выборы занимали очень немного времени, отъ 12 до 15 дней. Отъ присутствія на выборахъ, по мнѣнію Комитета, могла избавлять только смерть «самыхъ ближайшихъ родственниковъ». Эти исключенныя Комитетомъ постановленія проекта, несомнѣнно, являлись излишними.

Интересно отмѣтить, что въ этомъ засѣданіи (25-го ноября) Комитетъ предложилъ дополнить постановленіе о правѣ дворянства ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о нуждахъ своего сословія правомъ «представленія объ исправленіи происходящихъ мѣстно для той губерніи даже и отъ какого-либо общаго постановленія неудобствъ». Такое, хотя и ограниченное интересами «одной» губерніи, право дворянства «представлять» правительству о неудобствахъ его мѣропріятій, какъ мы видѣли выше, никогда не покровительствовалось правительствомъ; постановленіе Комитета шло въ разрѣзъ со всей предшествовавшей политикой и потому не нашло сочувствія въ высшихъ кругахъ правящаго общества.

Въ томъ же засѣданіи, наконецъ, находимъ мы еще одно довольно мало понятное постановленіе о «правилахъ для составленія дворянскихъ складокъ».

«Для предупрежденія злоупотребленій, читаемъ въ журналѣ 106-го засѣданія, кои легко могутъ быть и прежде нерѣдко бывали при распоряженіяхъ о складкахъ сего рода, положено, не именуя собираемыхъ такимъ образомъ денегъ общественною дворянскою кассой, сказать, что дворяне, присутствуя на губернскомъ съѣздѣ, имѣютъ право добровольными между собою подписками составлять суммы для какого-либо общеполезнаго назначенія, но что каждая изъ такихъ суммъ остается собственностью дворянъ, дѣйствительно участвовавшихъ въ составленіи оной и что сіи только дворяне могутъ тогда же или впослѣдствіи располагать ею, совѣщаясь о семъ на губернскихъ собраніяхъ и постановляя свои рѣшенія единогласно или по большинству, по крайней мѣрѣ, двухъ третей голосовъ всѣхъ представившихъ обѣщанную при подпискѣ часть суммы и прибывшихъ на съѣздъ».

Неяснымъ представляется, какія собственно злоупотребленія имѣлись Комитетомъ въ виду. Изъ текста журнала можно усмотрѣть, что старанія Комитета были направлены на огражденіе интересовъ тѣхъ дворянъ, кои не желали участвовать въ складкѣ; онъ думалъ оттѣнить понятіе «добровольности» дворянскихъ складокъ, установляя порядокъ распоряженія ими; складкой могли распоряжаться всѣ участвующіе въ ней и присутствующіе на губернскомъ собраніи; постановленія ихъ были обязательны для отсутствующихъ участниковъ, но не могли затрагивать интересовъ не участвующихъ въ складкѣ. Этимъ должна была быть внесена бо́льшая ясность въ это дѣло; не рѣшеннымъ остается только вопросъ, могло ли подобное постановленіе оградить распоряженіе дворянскими складками отъ злоупотребленій, какъ то думалъ Комитетъ.

Въ засѣданіи 28-го ноября былъ сокращенъ до 3-хъ мѣсяцевъ срокъ подачи заявленій о желаніи баллотироваться тѣми дворянами, кои имѣютъ только пассивное избирательное

право, а равно и чиновными дворянами [1]. Устанавливая извѣстный срокъ продолжительности дворянскихъ собраній, отъ 12 до 15 дней, Комитетъ полагалъ предоставить губернскому правленію право разрѣшать и болѣе продолжительныя собранія, разъ того требовали дѣла дворянства. Правленія, такимъ образомъ, получали все новыя права по отношенію къ сословному управленію. Вводъ въ должность, по мнѣнію Комитета, долженъ былъ въ губернскихъ мѣстахъ производиться губернаторомъ, въ уѣздныхъ же предводителями, а при отсутствіи ихъ — предсѣдателями уѣздныхъ судовъ.

Наконецъ, въ томъ же засѣданіи былъ опредѣленъ размѣръ взысканія съ неявившагося къ исправленію своей должности кандидата; при непредставленіи имъ законныхъ причинъ къ неявкѣ, съ него взыскивалось сто рублей въ пользу дворянской кассы.

Въ послѣднемъ засѣданіи, 2-го декабря [2]), было подтверждено правило, что при отсутствіи губернскаго предводителя мѣсто его заступаетъ не старшій изъ уѣздныхъ предводителей, а уѣздный предводитель губернскаго города.

Затѣмъ Комитетъ сдѣлалъ очень важное постановленіе о порядкѣ преданія суду и наложенія взысканій на предводителей дворянства; ни преданіе суду, ни наложеніе штрафовъ, пеней или др. взысканій не могло происходить иначе, какъ съ разрѣшенія Сената, что въ значительной степени устраняло административное воздѣйствіе правительственныхъ органовъ на дѣятельность предводителей дворянства.

Въ заключеніе, Комитетъ снова остановился на «способахъ сдѣлать службу по выборамъ болѣе привлекательной для людей истинно достойныхъ довѣренности дворянства и правительства». Но способы эти сводились, какъ и прежде, къ уравненію выборной службы со службой правительственной, къ предоставленію лицамъ, служащимъ по выборамъ, общеслужебныхъ преимуществъ, пенсій, чиновъ, орденовъ; дальше

[1]) См. выше, стр. 501.
[2]) 108-е засѣданіе, стр. 334.

этого разсужденія Комитеты не шли; нельзя не удивляться тому, что среди членовъ Комитета никѣмъ и ни разу не поднятъ былъ вопросъ, поможетъ ли дѣлу подобное уравненіе обоихъ видовъ службы, въ состояніи ли такія мѣры дѣйствительно возвысить въ общественномъ мнѣніи службу по выборамъ и увеличатъ ли онѣ притокъ къ ней истинно достойныхъ людей.

На этомъ окончилась работа Комитета 6-го декабря.

Пересмотрѣнный и разобранный имъ проектъ былъ возвращенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ для переработки и, затѣмъ, весною 1831 года внесенъ министерствомъ по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ министровъ. 2-го іюня 1831 года положеніемъ послѣдняго проектъ переданъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта съ приложеніемъ обширной справки о тѣхъ узаконеніяхъ, которыя, будучи изданы въ царствованія Павла I и Александра I, измѣняли начала Жалованной грамоты 1785 года [1]).

Но, Комитету 6-го декабря пришлось еще разъ вернуться къ обсужденію интересующаго насъ вопроса.

Въ засѣданіи 26-го января 1830 года [2]) предсѣдатель Комитета внесъ на его разсмотрѣніе записку Симбирскаго гражданскаго губернатора Жмакина, съ нѣкоторыми замѣчаніями на проектъ положенія о дворянскихъ выборахъ. Предсѣдатель желалъ воспользоваться «свѣдѣніями сего чиновника, долговременною опытностью пріобрѣтенными». Нѣкоторыя замѣчанія Жмакина дѣйствительно указали нѣсколько пробѣловъ въ положеніи о выборахъ. Общія разсужденія его основаны на приведенныхъ выше взглядахъ самого Комитета;

---

[1]) Этотъ проектъ былъ единственнымъ изъ разсмотрѣнныхъ въ Комитетѣ 6-го декабря, который получилъ впослѣдствіи реальное осуществленіе. Какъ извѣстно, всѣ проекты, разработанные въ Комитетѣ 6-го декабря, кромѣ закона о дворянскихъ выборахъ, никогда не получили законодательной санкціи.

(Ср. стр. 335, второго тома, Жизни графа Сперанскаго, барона М. А. Корфъ, Спб., 1861 года).

[2]) 139-е засѣданіе, стр. 434.

главною причиной паденія значенія выборной службы Жмакинъ считалъ все возрастающее вліяніе мелкопомѣстнаго дворянства и «непрестанное умноженіе оныхъ, происходящее какъ отъ раздробленія имуществъ, такъ и отъ легкости, съ коей доселѣ всякій могъ вступать въ дворянское званіе и быть избирателемъ». Мысли, изложенныя въ этой запискѣ, представляютъ собою, впрочемъ, только незначительныя дополненія началъ проекта.

Такъ, для установленія болѣе точныхъ условій опредѣленія подоходнаго ценза съ домовъ, фабрикъ, мельницъ и т. п. Жмакинъ считалъ необходимымъ, чтобы дворянинъ, владѣющій подобнымъ имуществомъ, представлялъ законное удостовѣреніе, что имущество это «находится въ исправномъ состояніи»; иначе могло случиться, что за первое трехлѣтіе доходъ значительно уменьшился бы, а владѣлецъ все-таки не переставалъ бы пользоваться избирательнымъ правомъ. Затѣмъ этого права должны были лишаться тѣ дворяне, имѣніе коихъ взято въ опеку за злоупотребленія помѣщичьей властью. Наоборотъ, избирательное право оставалось за дворянами, освобожденными въ силу всемилостивѣйшихъ манифестовъ отъ суда, если они обвинялись лишь въ «медленномъ производствѣ или иныхъ маловажныхъ упущеніяхъ», а не въ лихоимствѣ или уголовныхъ преступленіяхъ. Этими постановленіями, какъ видимъ, были восполнены довольно важные пробѣлы проекта; въ особенности это относится къ постановленію, лишающему избирательнаго права дворянъ, имѣнія коихъ взяты въ опеку. Комитетъ вовсе упустилъ изъ виду желательность отстраненія этого элемента отъ дѣла дворянскихъ выборовъ.

Далѣе Жмакинъ полагалъ освободить земскихъ полицейскихъ чиновъ отъ обязанности присутствія на выборахъ въ губернскомъ городѣ. Положеніе это сомнительной пользы; конечно, отлучка полицейскихъ чиновъ могла вредно отзываться на интересахъ уѣзднаго населенія, но съ другой стороны отсутствіе этой значительной категоріи участниковъ дворянскихъ собраній могло вредить дѣлу сословнаго управленія.

Отказывающіеся отъ принятія какой-либо должности дворяне должны были заявлять объ этомъ, по мнѣнію Жмакина, непремѣнно до окончанія выборовъ; подобное начало коментаріевъ не требуетъ. Въ кандидаты на предсѣдательскія и засѣдательскія должности въ губернскихъ судахъ могли баллотироваться, по мнѣнію того же автора, лишь тѣ изъ дворянъ, кои прослужили уже не менѣе одного трехлѣтія въ этихъ должностяхъ; но въ виду того, что подобное постановленіе могло «на первый разъ весьма стѣснить дворянство въ выборахъ», Жмакинъ предлагалъ не включать этого постановленія въ проектъ закона, а лишь имѣть его въ виду для будущаго. Такое постановленіе, несомнѣнно, было бы полезно. Кандидатами, кромѣ того, могли считаться только тѣ, которые получили больше избирательныхъ, чѣмъ неизбирательныхъ голосовъ.

Въ заключеніе авторъ этой записки полагалъ дать губернскимъ предводителямъ новое и очень важное право и значительно расширить компетенцію депутатскихъ собраній.

Касательно губернскаго предводителя Жмакинъ говоритъ, что это должностное лицо, «по званію своему обязанное сохранять пользы дворянства, должно имѣть право, когда найдетъ сіе необходимымъ по важности и роду дѣла и *не собирая дворянъ*, входить съ представленіемъ о ихъ нуждахъ къ министру внутреннихъ дѣлъ».

Такое право губернскаго предводителя вполнѣ соотвѣтствовало его положенію, какъ главному органу сословнаго управленія и было даже необходимо. Дворянство всегда имѣло возможность контролировать дѣятельность предводителей и порицать ее въ случаяхъ неправильныхъ или вредныхъ по мнѣнію общества дѣйствій.

Между тѣмъ, губернскіе предводители, стоя во главѣ сословнаго управленія, лучше кого-либо могли судить о нуждахъ мѣстнаго дворянскаго общества, защищать ихъ и ходатайствовать о нихъ передъ правительствомъ; такое право, слѣдовательно, будучи очень полезнымъ для дѣла сословнаго управленія, не нарушало прерогативъ самого дворянства.

Что же касается компетенціи депутатскаго собранія, то Жмакинымъ предполагалось предоставить ему не только составленіе родословныхъ книгъ, но и разсмотрѣніе «всѣхъ вообще возникающихъ между двумя общими собраніями дворянства дѣлъ, въ томъ числѣ и объ отысканіи кѣмъ-либо правъ дворянства». Такимъ образомъ создавался новый постоянный органъ дворянскаго сословнаго управленія.

Въ этомъ отношеніи намъ очень цѣнно указаніе Жмакина, какъ провинціальнаго дѣятеля, близко знакомаго съ функціонированіемъ мѣстныхъ органовъ; очевидно, что предводители, обремененные обще-административными обязанностями, не вполнѣ удовлетворяли нуждамъ дворянскаго сословія; дворянскія собранія, какъ органы періодическіе, не могли также управлять сословными интересами въ той мѣрѣ, какъ требовала того жизнь; вопросы могли возникать ежедневно, рѣшеніе же ихъ не могло быть отложено до слѣдующаго дворянскаго собранія. Будь предводители чисто сословные органы, ихъ было бы конечно вполнѣ достаточно для дѣла сословнаго управленія; но, какъ мы знаемъ, на обязанности предводителей лежало участіе въ общей администраціи, и, какъ доказала исторія, эти обще-административныя обязанности были весьма обременительны. Отсюда весьма понятно, что у лица, близко знакомаго со всей подноготной провинціальной жизни и искренно желавшаго улучшенія положенія сословнаго управленія, могла возникнуть мысль объ учрежденіи новаго органа; вполнѣ естественно, что взглядъ Жмакина долженъ былъ упасть на депутатское собраніе, до того времени имѣвшее очень узкую и спеціальную задачу веденія родословныхъ дворянскихъ книгъ. Симбирскій губернаторъ вполнѣ справедливо полагалъ, что роль столь необходимаго по его мнѣнію новаго органа сословнаго управленія съ успѣхомъ могла выполняться именно депутатскимъ собраніемъ. Комитетъ 6-го декабря вполнѣ согласился съ этими взглядами и охотно присоединился къ мнѣнію Жмакина, сдѣлавъ только одну оговорку, что депутатское собраніе могло составляться не изъ всѣхъ

депутатовъ отъ каждаго уѣзда; для рѣшенія дѣлъ достаточно было присутствія 4 депутатовъ; уѣздные депутаты могли установить извѣстную очередь между собой для присутствія въ губернскомъ городѣ и участія въ работахъ депутатскаго собранія. Предсѣдательство въ собраніи оставалось за губернскимъ «предводителемъ или заступающимъ его мѣсто».

Мы не можемъ не согласиться со взглядами Жмакина на роль губернскаго предводителя и депутатскаго собранія въ дѣлѣ сословнаго управленія. Мысли Симбирскаго губернатора были приняты Комитетомъ 6-го декабря; согласно имъ были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ редакціи статей проекта, уже находившагося въ то время на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта.

Итакъ, резюмируя здѣсь начала, изложенныя въ проектѣ министерства новаго положенія о дворянскихъ выборахъ и другихъ дѣйствіяхъ собраній дворянства, а также высказавшихся въ работахъ Комитета 6-го декабря взглядахъ правительства Николаевскаго царствованія, можно сказать слѣдующее [1]).

Основною цѣлью, какъ министерскаго проекта, такъ и предположеній Комитета, было поднятіе значенія выборной службы и дворянскаго сословнаго управленія, не измѣняя впрочемъ «первобытной силы и общихъ основаній», заложенныхъ еще Екатерининской грамотой 1785 года. Средствами же къ тому должны были быть слѣдующія мѣропріятія: ограниченіе активнаго избирательнаго права болѣе строгими цензовыми условіями, параллельное расширеніе права пассивнаго, т. е. круга избирателей, дарованіе новыхъ правъ и большей самостоятельности нѣкоторымъ органамъ сословнаго управленія, отстраненіемъ, напр., прокурорскаго надзора и, наконецъ, поощреніе дворянъ къ выборной службѣ постепеннымъ отождествленіемъ ея со службой правительственной, «пре-

[1]) Ср. Варадиновъ, Исторія м—ва внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1862, часть III, кн. I, стр. 377.

доставленіемъ разныхъ выгодъ и наградъ», здѣсь-то мы и усматриваемъ то противорѣчіе, которое и послужило главнѣйшею причиной недостиженія намѣченными мѣропріятіями желаннаго результата; средства не соотвѣтствовали цѣли; послѣдующая практика показала, что предначертанныя мѣропріятія не могли поднять значенія выборной службы и не могли также помочь дѣлу сословнаго управленія, хотя и внесли значительныя улучшенія. Пока вопросъ касался интересовъ сословнаго управленія и того положенія, которое должны были занимать въ государствѣ его органы, предполагаемыя реформы были полезны; къ этой категоріи относятся, напр., предположенія о расширеніи компетенціи губернскихъ предводителей и депутатскихъ собраній, объ отстраненіи прокурорскаго надзора и установленіи имущественнаго и подоходнаго ценза. Но какъ только рѣчь заходила о положеніи выборной службы и отношеній, которыя должны были господствовать между органами выборными и правительственными, и министерскій проектъ, и Комитетъ 6-го декабря сейчасъ же становились на точку зрѣнія полнаго господства правительственной службы и правительственной администраціи, не замѣчая или можетъ быть не желая видѣть, что этотъ принципъ противорѣчилъ самостоятельности выборныхъ органовъ и органовъ сословнаго управленія, а, какъ доказалъ опытъ, только такая самостоятельность и могла поднять значеніе выборной службы. Неправильной также являлась постановка той роли, которую должны были играть губернскія правленія, какъ органы правительственнаго надзора, и то постоянно прорывающееся стремленіе предоставленія лицамъ, служащимъ по выборамъ, «выгодъ, наградъ и отличій». Этотъ взглядъ на преобладаніе правительственнаго элемента и былъ корнемъ всего зла; онъ былъ главной причиной безуспѣшности и безрезультатности стараній правительства внести большій порядокъ въ дворянскіе выборы и улучшить положеніе дворянскаго сословнаго управленія.

IV.

Прослѣдимъ теперь дальнѣйшую судьбу интересующаго насъ проекта. Весною 1831 года онъ былъ переданъ по Высочайшему повелѣнію на разсмотрѣніе Комитета министровъ, но послѣдній не обсуждалъ его. Выслушавъ лишь мнѣнія нѣсколькихъ членовъ, Комитетъ въ засѣданіи 2-го іюня положилъ испросить новое Высочайшее повелѣніе о передачѣ проекта прямо въ Государственный Совѣтъ, что и было исполнено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Послѣднее представило Совѣту осенью 1831 года свой собственный проектъ, разсужденія и замѣчанія Комитета 6-го декабря, обширную справку о законахъ и распоряженіяхъ правительства, изданныхъ съ 1785 года, а равно записки сенатора князя Долгорукаго, статсъ-секретаря Марченко, Тульскаго и Рязанскаго губернскихъ предводителей и положенія Комитета министровъ отъ 4-го октября и 5-го ноября 1827 года. Остановимся немного на только что упомянутыхъ запискахъ.

Сенаторъ князь Долгорукій 1-го декабря 1826 года представилъ слѣдующія соображенія «къ улучшенію дворянскихъ выборовъ» [1]; во-первыхъ, по его мнѣнію слѣдовало установить болѣе высокій подоходный цензъ, а во-вторыхъ, предоставить служащимъ по выборамъ «пользоваться чинами и знаками отличія наравнѣ съ чиновниками, отъ короны служащими». Мы имѣемъ здѣсь блестящій примѣръ взглядовъ той партіи, которая стремилась къ полному отождествленію выборной службы со службой «отъ короны», не взвѣшивая какъ слѣдуетъ послѣдствій, которыя съ необходимостью должны были вести дворянское сословное управленіе не къ возвышенію, а все къ большему паденію.

Въ своей запискѣ князь Долгорукій ополчается противъ преобладанія на выборахъ мелкопомѣстнаго дворянства; онъ правильно замѣчаетъ, что 100-рублевый цензъ, установленный Жалованной грамотой, не соотвѣтствовалъ вовсе требова-

[1]) См. приложеніе 6-е.

ніямъ «новаго времени»; взамѣнъ онъ предлагалъ раздѣлить цензъ на двѣ категоріи—условій активнаго и пассивнаго избирательнаго права, установивъ для перваго 1,000-рублевый подоходный цензъ, оставивъ для второго прежній 100-рублевый. При такомъ порядкѣ вещей, «баллотирующіе владѣльцы имѣній, пишетъ авторъ, уже для своей собственности будутъ при выборахъ безпристрастными; а баллотируемые хорошимъ прехожденіемъ службы станутъ стараться обратить на себя вниманіе избирателей». Насколько эти «соображенія» князя Долгорукаго были недостаточны и не глубоко продуманы, уже показалъ намъ разборъ журналовъ Комитета 6-го декабря.

Статсъ-секретарь Марченко въ своей запискѣ 1827 года [1]) счелъ своимъ долгомъ обратить вниманіе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ на только что приведенныя соображенія князя Долгорукаго, удостоившіяся Высочайшаго одобренія; здѣсь важно отмѣтить только тотъ фактъ, что уже въ 1827 году правительство ясно сознавало необходимость установленія новыхъ болѣе строгихъ цензовыхъ условій для дворянскаго избирательнаго права, а равно раздѣленіе права активнаго отъ пассивнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, изыскивало средства къ поощренію служащихъ по выборамъ; въ какомъ направленіи шли эти «поощренія» мы видѣли выше.

Туда же направлены были и доводы Тульскаго губернскаго предводителя дворянства, изложенные въ его всеподданнѣйшей запискѣ отъ 23-го декабря 1826 года [2]). Разница ихъ отъ мнѣнія князя Долгорукаго заключалась только въ томъ, что Тульскій предводитель предлагалъ установить гораздо болѣе высокій цензъ и давалъ еще большее преимущество дворянамъ состоятельнымъ. Активное избирательное право предоставлялось въ данномъ случаѣ дворянамъ, пользующимся доходомъ въ три тысячи рублей въ годъ. Пассивное же право, хотя и предоставлялось дворянамъ, не имѣвшимъ такого дохода, но

---

[1]) См. приложеніе 6-е.
[2]) См. приложеніе 6-е.

со слѣдующимъ ограниченіемъ: всѣ «богатые» помѣщики получали предпочтительное право быть избираемыми, съ тѣмъ, чтобы лица, имѣющія болѣе 3000 рублей дохода, служили безвозмездно; только если не имѣлось «богатыхъ» кандидатовъ, можно было избирать остальныхъ дворянъ. Въ данномъ случаѣ высказаны были очень вѣрныя мысли о преимуществахъ безвозмездной службы и участіи въ дѣлѣ сословнаго управленія состоятельнаго дворянства; «богатые помѣщики, пишетъ авторъ, не имѣя нужды извлекать пользу отъ временной своей должности, безъ сомнѣнія удовольствуются благороднымъ честолюбіемъ судьи справедливаго»; съ этимъ нельзя не согласиться, весь вопросъ въ томъ, насколько такіе теоретическіе взгляды примѣнимы были къ русской жизни; вполнѣ сочувствуя, напр., пользѣ преобладанія въ сословномъ управленіи состоятельнаго элемента, мы позволяемъ себѣ усомниться въ возможности ихъ проведенія на практикѣ; по крайней мѣрѣ опытъ доказалъ, что въ первой половинѣ XIX столѣтія они не могли найти никакой почвы къ осуществленію.

Далѣе Тульскій губернскій предводитель предлагалъ установить обязанность какъ для избирателей, такъ и для избираемыхъ, заставляя первыхъ принимать участіе въ выборахъ подъ страхомъ штрафа въ пятьсотъ рублей, обязывая вторыхъ въ трехмѣсячный срокъ, а для живущихъ за границей въ 6-ти мѣс. срокъ, являться къ исправленію должности, на которую они были избраны, при чемъ за первую и вторую неявки съ нихъ предполагалось взыскивать штрафъ въ размѣрѣ годового содержанія, «положеннаго по мѣсту, на занятіе котораго онъ будетъ избранъ», за третью же—исключеніе изъ избирательныхъ списковъ «по всей Россійской Имперіи»; отъ неявки къ исправленію должности должны были избавлять, впрочемъ, нѣкоторые въ законѣ перечисленные случаи. «Для дворянъ, праздно проживающихъ въ столицахъ или расточающихъ имущества за границей, мѣра сія будетъ справедливымъ возмездіемъ», прибавляетъ авторъ записки. Трудно согласиться съ подобными крутыми мѣрами; онѣ конечно не могли принести

желаннаго результата; какъ мы видѣли впрочемъ, Комитетъ 6-го декабря справедливо отклонилъ мысль объ установленіи такихъ строгихъ началъ.

Насъ нисколько не удивляетъ, зная эти взгляды Тульскаго предводителя, найти далѣе въ представленной имъ запискѣ цѣлую систему награжденія лицъ, служащихъ по выборамъ, чинами и орденами. Онъ былъ вполнѣ послѣдователенъ, когда предлагалъ, напр., чтобы «дворяне, пройдя постепенно всѣ должности и достигнувъ званія предсѣдателя, удостоиваемы были къ чину статскаго совѣтника», или чтобы уѣздный предводитель по прошествіи двухъ трехлѣтій награждался чиномъ коллежскаго совѣтника, а губернскій — чиномъ статскаго совѣтника.

Гораздо мягче и болѣе согласованы съ требованіями жизни были мысли Рязанскаго губернскаго предводителя, изложенныя въ представленіи отъ 30-го мая 1827 года [1]). Названнымъ авторомъ предлагалось установленіе ценза «примѣняясь къ рекрутской повинности»; активное право признавалось за дворянами, владѣющими не менѣе 21 душой, пассивное же—всякому дѣйствительному дворянину, «ибо и между ними, говорится въ упомянутомъ представленіи, есть достойные люди»; кромѣ того эти дворяне, не имѣющіе избирательнаго голоса, по мнѣнію Рязанскаго предводителя, будутъ служить тѣмъ ревностнѣе, «дабы впредь быть избранными»; главною же цѣлью подобнаго цензоваго условія было бы прекращеніе раздробленія дворянскихъ имѣній «для избѣжанія рекрутской повинности». Для дворянъ, пользующихся активнымъ избирательнымъ правомъ, установлялась обязанность присутствія на выборахъ, если только они не состояли на службѣ, не перешли предѣльнаго возраста и не страдали болѣзнью или увѣчьемъ; санкціей же этой обязанности присутствія на выборахъ было лишеніе избирательнаго права тѣхъ дворянъ, кои въ теченіе трехъ сроковъ сряду не являлись къ выборамъ безъ законнаго на то осно-

---

[1]) См. приложеніе 6-е.

ванія. Какъ видимъ, Рязанскій предводитель болѣе считался со стремленіями дворянскаго сословія и фактической обстановкой дѣла, чѣмъ его Тульскій коллега.

Намъ остается еще упомянуть о взглядахъ, высказанныхъ по тѣмъ же вопросамъ Комитетомъ министровъ въ засѣданіяхъ 4-го октября и 5-го ноября 1827 г. [1]). Въ указанныхъ двухъ засѣданіяхъ Комитетъ министровъ разсматривалъ рапортъ ревизовавшаго Костромскую губернію сенатора Дурасова. Послѣдній высказался между прочимъ и объ усмотрѣнныхъ имъ недостаткахъ дворянскаго сословнаго управленія и выборной службы. Дурасовъ также жаловался, главнымъ образомъ, на вредное вліяніе мелкопомѣстнаго дворянства; 100 руб. подоходный цензъ не могъ служить гарантіей участія въ дѣлѣ дворянскихъ выборовъ лицъ достойныхъ и надежныхъ; примѣръ Костромской губерніи, говоритъ онъ, показываетъ, какъ часто выборныя должности замѣщаются совершенно нежелательными элементами; такъ, въ выборахъ участвовали зачастую лица, находившіяся прежде подъ судомъ, не владѣвшія никакимъ имуществомъ, а не только приносившимъ сторублевый доходъ, дворяне моложе 25 лѣтъ и т. д. Основная мысль была все та же. По мнѣнію названнаго сенатора необходимо было установленіе болѣе строгихъ цензовыхъ условій, устраненіе отъ выборовъ, по возможности, мелкопомѣстныхъ дворянъ и другихъ нежелательныхъ элементовъ. Такъ, напр., Дурасовъ предлагалъ установить «по крайней мѣрѣ» 1000 рублевый подоходный цензъ для права участія на дворянскихъ выборахъ. Комитетъ министровъ вполнѣ согласился съ его доводами, но рѣшенія, какъ мы знаемъ, никакого не принялъ.

Мы привели здѣсь эти отдѣльныя мнѣнія нѣкоторыхъ представителей тогдашней администраціи для характеристики взглядовъ, господствовавшихъ въ тѣ времена; всѣ они сходились на одномъ — на необходимости поднять значеніе выборной службы; главнымъ средствомъ представлялось имъ — установ-

[1]) См. приложеніе 6-е.

леніе ограничительныхъ цензовыхъ условій и отстраненіе мелкопомѣстнаго дворянства; но затѣмъ, большая часть общества и въ особенности та, которая сопричастна была къ правительственной политикѣ, придавала слишкомъ большое значеніе вопросу уравненія выборной службы со службой правительственной; яркимъ ея представителемъ былъ, напр., Тульскій предводитель дворянства. Думается, что въ средѣ высшаго правительства онъ имѣлъ не мало товарищей по взглядамъ; свидѣтельствомъ тому служатъ хотя бы пренія, происходившія въ средѣ Комитета 6-го декабря.

V.

Посмотримъ теперь, какія измѣненія были внесены въ интересующій насъ проектъ Государственнымъ Совѣтомъ, разсматривавшимъ его въ октябрѣ и ноябрѣ мѣс. 1831 года. На журналахъ Совѣта ярко отразились взгляды правящихъ круговъ той эпохи [1]).

12-го октября проектъ поступилъ изъ департамента законовъ на разсмотрѣніе общаго собранія. Послѣднее по предложенію предсѣдателя сперва приступило къ обсужденію «главныхъ началъ» проекта, а затѣмъ стало разбирать его постатейно.

На первую очередь былъ, конечно, поставленъ вопросъ о цензѣ. Общее собраніе вполнѣ присоединилось ко взглядамъ, изложеннымъ въ проектѣ; оно указало только на необходимость согласованія новыхъ цензовыхъ условій съ началами Жалованной грамоты 1785 года; но журналъ, надо замѣтить, написанъ довольно казуистично; общее собраніе почему-то силилось доказать, что вновь вводимыя цензовыя условія согласны съ положеніями грамоты; казалось бы, если практика доказала безусловную необходимость установленія ограничительнаго ценза, а таковая признавалась, какъ мы видѣли, всѣми, то почему же требовалось еще «сообразить сіи положенія» съ грамотой при помощи разныхъ витіеватыхъ фразъ?

---

[1]) Матеріалами послужили намъ дѣла Архива Государственнаго Совѣта и въ особенности дѣло № 60 по Д—ту Законовъ.

Совѣтъ принялъ всѣ три основныхъ начала избирательнаго права проекта. Имъ было утверждено и различіе цензовыхъ условій активнаго и пассивнаго права, и установленіе ограничительныхъ условій для права активнаго и предоставленіе, наконецъ, пассивнаго права дворянамъ личнымъ и не владѣющимъ вовсе недвижимымъ имуществомъ. Въ одномъ отношеніи только общее собраніе пошло дальше проекта. По мнѣнію его слѣдовало предоставить пассивное избирательное право также «безчиновнымъ», т. е. неслужащимъ дворянамъ. Подобное расширеніе пассивнаго права не можетъ не быть привѣтствуемо; принципіально разсуждая, трудно привести какіе-нибудь доводы въ пользу отстраненія отъ службы по выборамъ дворянъ, не имѣющихъ чиновъ; казалось бы даже скорѣе наоборотъ, можно только присоединиться къ мнѣнію Государственнаго Совѣта, что привлеченіе неслужащихъ молодыхъ дворянъ, «нерѣдко разстраивающихъ имѣнія родителей», лишь «утверждало бы ихъ въ нравственности».

Непріятно звучитъ первая фраза журнала, утверждающая, что изложенная мѣра возможна въ виду того, что «служба по выборамъ дворянства признается службой государственной». Такимъ образомъ мысль объ отождествленіи этихъ двухъ родовъ службы считалась Совѣтомъ уже совершившимся фактомъ; и дѣйствительно она съ этого времени уже является непреложнымъ и непоколебимымъ началомъ нашего законодательства.

Разсмотрѣвъ начала избирательнаго права, Совѣтъ измѣнилъ наименованіе самого закона; онъ нашелъ болѣе подходящимъ назвать его положеніемъ «о порядкѣ дворянскихъ собраній и службы по выборамъ дворянства» [1]).

Затѣмъ разсматривался вопросъ о правѣ дворянства ходатайствовать о своихъ нуждахъ передъ Верховною властью; статья проекта, утверждавшая за дворянствомъ это право,

[1]) Впослѣдствіи заголовокъ былъ еще разъ измѣненъ, а именно въ засѣданіи 23-го октября. Подъ этимъ новымъ заголовкомъ „Положенія о порядкѣ дворянскихъ собраній, выборовъ и службы по онымъ“, законъ и былъ изданъ и включенъ затѣмъ въ полное собраніе (№ 4989, 6-го декабря 1831 г.).

требовала испрошенія предварительнаго Высочайшаго разрѣшенія; по поводу этого постановленія въ средѣ Государственнаго Совѣта возникли сомнѣнія, а именно нѣкоторые члены полагали, что оно ограничиваетъ права дворянства. Въ журналѣ мы находимъ изложеніе выгодъ, какъ для правительства, такъ и для дворянства и мѣстной администраціи проистекающихъ изъ такого права дворянскихъ обществъ; послѣднее должно было служить средствомъ сближенія правительства съ провинціальными интересами, могло доставлять Верховной власти необходимыя ей свѣдѣнія о мѣстныхъ нуждахъ и «способахъ къ умноженію общей государственной выгоды» и т. д.

Какъ извѣстно, прежнія правительства всегда настаивали на безусловной необходимости спеціальнаго разрѣшенія на каждое представленіе Верховной власти депутацій или ходатайствъ. Непреклонность правительственной политики въ этомъ отношеніи заставила Совѣтъ уклониться отъ рѣшенія вопроса; несмотря на высказанныя нѣкоторыми членами вѣскія соображенія въ пользу отмѣны такого порядка предварительныхъ разрѣшеній, онъ ограничился лишь представленіемъ всѣхъ доводовъ pro et contra на благоусмотрѣніе Государя.

Вопросъ шелъ конечно не столько о правѣ дворянскихъ обществъ, сколько о государственной политикѣ и такое рѣшеніе Совѣта вполнѣ понятно; его задача заключалась только во всестороннемъ освѣщеніи вопроса, рѣшеніе котораго зависѣло исключительно отъ Императора.

Затѣмъ Совѣтъ перешелъ къ разсмотрѣнію постановленій, касающихся дворянскихъ складокъ; какъ мы видѣли выше, институтъ этотъ былъ хорошо разработанъ закономъ 14-го іюня 1816 года, и положеніемъ о земскихъ повинностяхъ 1805 года [1]); Совѣтъ подробно разобралъ всѣ законодательные акты предшествовавшихъ царствованій, изданные касательно этого вопроса, и остановился на началахъ закона 1816 года; складки слѣдовательно попрежнему могли быть двухъ родовъ, «общеполезныя и необходимыя для дворянства всей губерніи»,

---

¹) См. выше, стр. 320 и 399.

когда принятіемъ ея двумя третями дворянства она становилась обязательной для всего дворянства губерніи, и «не составляющей общей надобности для всего дворянства», участіе въ которой было обязательно только для подписавшихся дворянъ.

Въ томъ же засѣданіи Совѣтъ внесъ незначительныя редакціонныя поправки въ нѣкоторыя статьи проекта. Такъ, напр., вопросъ былъ поднятъ о правѣ участія въ выборахъ дворянства въ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ, дворянъ не имѣющихъ класснаго чина; нѣкоторые члены находили вполнѣ допустимымъ и согласнымъ съ общимъ духомъ проекта такое расширеніе избирательнаго права; но Совѣтъ и на этотъ разъ не рѣшился высказать опредѣленнаго мнѣнія, замѣтивъ только, что, если такое распространеніе избирательнаго права и не будетъ принято правительствомъ, то во всякомъ случаѣ статьи проекта, касающіяся этого вопроса, должны быть согласованы съ будущимъ новымъ закономъ о службѣ гражданской.

Въ статьяхъ, касавшихся «порядка дворянскихъ собраній», и опредѣлявшихъ цензовыя условія, Совѣтъ нашелъ «желательнымъ» опредѣлить, что цензовыми «душами» могли быть не толькокрѣпостные крестьяне, но и колонисты, половники и «люди вольные по условію»; «лишать таковыхъ владѣльцевъ права избирать въ должности, читаемъ въ журналѣ, было бы въ особенности преградою къ постепенному освобожденію крестьянъ»; положеніе вполнѣ справедливое; къ тому же трудно усмотрѣть собственно разницу въ пользѣ участія въ дѣлахъ сословнаго управленія или выборной службы дворянъ, владѣющихъ крѣпостными или, напр., «людьми вольными по условію»; но и тутъ Совѣтъ поставилъ лишь вопросъ «не признается ли нужнымъ измѣнить редакцію соотвѣтствующаго параграфа».

Въ статьѣ, опредѣлявшей подоходный цензъ, Совѣтъ сдѣлалъ добавленіе, что имуществомъ, дающимъ право участія въ выборахъ, должно признаваться не только то, которое приноситъ дѣйствительный доходъ въ 2,000 рублей, но и «могу-

щее» приносить такой доходъ; центръ тяжести въ вопросѣ опредѣленія этого вида ценза перенесенъ былъ, такимъ образомъ, на оцѣнку имущества, такъ какъ, какъ правильно замѣтилъ Совѣтъ, «зажиточный дворянинъ, вельможа или сановникъ, не отдающій своего дома въ наемъ и, слѣдовательно, не получающій съ него дохода», лишался проектомъ избирательнаго права.

Далѣе, Совѣтъ точнѣе формулировалъ обязанность дворянъ принимать участіе въ выборахъ, а равно и должности, на которую они избраны. Здѣсь были сдѣланы нѣкоторыя существенныя дополненія; такъ, дворянинъ, владѣющій нѣсколькими имѣніями, расположенными въ разныхъ губерніяхъ, обязанъ былъ участвовать въ выборахъ лишь въ одной губерніи, по своему выбору, участіе въ прочихъ губерніяхъ предоставлялось его усмотрѣнію; такое же точно постановленіе было включено и въ опредѣленіе обязанности принятія должности.

Въ заключеніе Совѣтъ выслушалъ записку оберъ-камергера графа Литта «по проекту о выборахъ дворянскихъ» (отъ 19-го октября 1831 года) [1]. Государь, очень интересуясь всестороннимъ освѣщеніемъ вопроса дворянскаго сословнаго управленія и выборной службы дворянства, велѣлъ разослать проектъ закона всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта, для ознакомленія и представленія замѣчаній.

Рѣдко встрѣчаемъ мы въ исторіи нашего законодательства столь заботливое отношеніе правительства къ выработкѣ законопроектовъ [2].

---

[1]) См. приложеніе 7-е.

[2]) Въ бумагахъ Комитета 6-го декабря находится по этому же поводу составленная, малоинтересная, впрочемъ, записка члена Государственнаго Совѣта Меншикова; авторъ ея не высказываетъ какихъ-либо принципіальныхъ взглядовъ, останавливаясь лишь на общеизвѣстныхъ фактахъ, какъ, напр., на вредномъ вліяніи на сословное управленіе мелкопомѣстнаго дворянства и т. п.

Зато гораздо большій интересъ возбуждаетъ, находящееся въ тѣхъ же бумагахъ (дѣло № 190) письмо на Высочайшее имя поручика Колобова. Здѣсь мы находимъ чрезвычайно вѣрную оцѣнку положенія вещей въ провинціи.

Въ письмѣ этомъ справедливо указывается, что главнымъ недо-

Въ запискѣ графа Литта очень интересно, хотя и довольно кратко, изложена исторія выборной службы въ Россіи, начиная со временъ Петра Великаго; перечислены также всѣ теоретическіе доводы въ пользу существованія выборной службы, какъ-то: лучшая администрація, привлеченіе къ общественной дѣятельности лучшихъ элементовъ провинціи и т. п. и, наконецъ, приведены семь статей, которыми авторъ записки считалъ необходимымъ дополнить проектъ; хотя во вступленіи графъ Литта и заявляетъ, что «по внимательномъ разсмотрѣніи проекта ему казалось, что въ ономъ нѣтъ никакихъ недостатковъ, что всѣ предметы, къ сей мѣрѣ относящіеся, изложены въ должной полнотѣ и ясности», сдѣланныя имъ замѣчанія все-таки весьма существенны и потому не могутъ быть нами обойдены молчаніемъ.

Графъ Литта, во-первыхъ, полагалъ необходимымъ исключить постановленіе о необходимости «состоянія избираемаго въ предводители дворянина въ пятомъ классѣ»; вполнѣ достойный и способный къ исправленію этой должности дворянинъ лишался права быть избраннымъ только потому, что не имѣлъ достаточно высокаго чина; это постановленіе проекта проти-

---

статкомъ выборной службы и законодательства о дворянскомъ сословномъ управленіи было подавляющее всякую самостоятельность всевластіе правительственныхъ органовъ; и губернаторы, и губернскія правленія имѣли, по мнѣнію Колобова, слишкомъ огромную и широкую власть; онъ ратуетъ, напр., за отмѣну утвержденія должностныхъ лицъ губернаторами; вступленіе ихъ въ должность должно бы происходить eo ipso; далѣе имъ указывается на вредное вліяніе порядка награжденія лицъ, служащихъ по выборамъ; порядокъ этотъ, несомнѣнно, предавалъ въ руки правительства выборныхъ отъ дворянства и дѣлалъ ихъ послушными и безвольными агентами администраціи. Колобовъ далѣе указывалъ и на недостаточность матеріальнаго обезпеченія дворянъ, служащихъ по выборамъ, что несомнѣнно также вредно отзывалось на подборѣ личнаго состава.

Такимъ образомъ, взгляды Колобова доказываютъ и подтверждаютъ правильность высказанныхъ нами мыслей; къ несчастью правительство Николая I не сознавало огромнаго значенія тѣхъ явленій на которыя уже въ тѣ времена у него имѣлось достаточно указаній, въ томъ числѣ и письмо Колобова; въ этомъ и заключается главная причина неудачи и безуспѣшности его мѣропріятій въ этой области.

ворѣчило, по мнѣнію автора, основнымъ началамъ сословнаго управленія. Во-вторыхъ, онъ возставалъ противъ права предводителей дворянства представлять отъ своего имени просьбы и жалобы дворянъ высшему правительству, тогда какъ одновременно законъ требовалъ отъ самихъ дворянъ предъявленія подобныхъ просьбъ и жалобъ лишь подписанными всѣми наличными въ собраніи дворянами; право предводителей не считаться съ мнѣніемъ собранія было, по мнѣнію автора, слишкомъ широкимъ. Въ третьихъ, графъ Литта считалъ постановленіе статьи, опредѣляющей обязанность отсутствующаго дворянина принять должность, на которую онъ избранъ, слишкомъ категоричнымъ; по его мнѣнію, слѣдовало бы предоставить такимъ лицамъ право впослѣдствіи оправдываться и указать тѣ законныя причины, которыя препятствовали имъ въ срокъ явиться къ исправленію должности. При опредѣленіи понятія дворянской складки, графъ стоялъ за установленіе полной добровольности, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ участію въ складкѣ обязывались только тѣ, «кои выразили свое согласіе подписью».

Затѣмъ, авторъ записки отстаиваетъ пользу 6-ти лѣтней службы въ нѣкоторыхъ должностяхъ, предполагаемой проектомъ въ замѣну 3-хъ лѣтней; особливо это новое положеніе было бы полезно для должности земскихъ исправниковъ.

Графъ Литта коснулся также вопроса денежныхъ штрафовъ; по его мнѣнію болѣе справедливымъ было бы опредѣленіе размѣра штрафа не по состоянію виновнаго, какъ то предлагалъ проектъ, а по важности вины.

Въ заключеніе же имъ было предложено увеличеніе размѣра денежнаго вознагражденія по нѣкоторымъ выборнымъ должностямъ.

Въ запискѣ графа Литта мы имѣемъ свидѣтельство трезваго государственнаго дѣятеля, вполнѣ вѣрно понимавшаго значеніе и смыслъ дворянскаго сословнаго управленія и выборной службы. Можно пожалѣть только, что въ архивахъ не сохранилось слѣдовъ того, какъ приняты были его взгляды

Государственнымъ Совѣтомъ; несомнѣнно однако только, что взгляды эти отразились, какъ увидимъ ниже, на окончательной редакціи интересующаго насъ законодательнаго акта.

На этомъ засѣданіе 19-го октября было закрыто. Слѣдующее засѣданіе состоялось 23-го октября. Въ этотъ день былъ поднятъ вопросъ объ участіи въ дворянскихъ выборахъ, черезъ представителей, лицъ женскаго пола; Совѣтъ рѣшилъ его въ утвердительномъ смыслѣ, какъ то предполагалось, впрочемъ, и проектомъ и департаментомъ законовъ; интереснымъ представляется лишь желаніе Совѣта непремѣнно согласовать свои постановленія съ началами Жалованной грамоты и казуистическое оправданіе нововведеній.

Только что упомянутымъ измѣненіемъ Совѣтъ ввелъ въ наше законодательство новое начало: владѣніе опредѣленнымъ количествомъ недвижимаго имущества давало теперь eo ipso право на участіе въ дворянскихъ выборахъ; если владѣльцемъ было лицо женскаго пола, то ему предоставлялось передавать свое право голоса по довѣренности «ближайшему родственнику».

Въ томъ же засѣданіи Совѣтъ подтвердилъ начало, установленное закономъ 3-го марта 1805 года, предоставлявшее избирательное право заставнымъ и пожизненнымъ владѣльцамъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы такое владѣніе опредѣлялось не менѣе какъ 100 душами и уже существовало до момента избранія не менѣе 10 лѣтъ.

Въ томъ же засѣданіи былъ пополненъ небольшой пробѣлъ проекта; въ число условій, лишающихъ права участія въ «положеніяхъ дворянства», было включено Совѣтомъ нахожденіе дворянина «подъ судомъ, пока не оправдается».

Въ слѣдующемъ засѣданіи, 26-го октября, адмиралъ Мордвиновъ внесъ поправку въ постановленіе о правѣ дворянокъ передавать свой голосъ для участія въ дворянскихъ собраніяхъ близкимъ родственникамъ; по его мнѣнію необходимо было предоставить дворянкамъ полную свободу передавать

свой голосъ кому онѣ хотѣли, лишь бы такое довѣренное лицо пользовалось прочими условіями требуемыми закономъ. Дѣйствительно, ограниченіе дворянокъ правомъ порученія своего голоса исключительно ближнимъ родственникамъ не находитъ себѣ никакихъ логическихъ основаній; возьмемъ хотя бы такой простой примѣръ, какъ приведенный Мордвиновымъ—дворянки, не имѣющей вовсе близкаго родственника.

Переходя къ вопросу о порядкѣ утвержденія избранныхъ дворянствомъ, Совѣтъ, по предложенію предсѣдателя, остановился на обсужденіи мнѣнія департамента законовъ; послѣдній считалъ необходимымъ предоставленіе губернскому собранію нѣкотораго права контроля надъ уѣздными выборами; согласно министерскому проекту, всѣ лица, избранныя на уѣздномъ собраніи, утверждались либо губернаторомъ либо губернскимъ правленіемъ; департаментъ же законовъ предлагалъ слѣдующій порядокъ: всѣ списки избранныхъ на уѣздныя должности, прежде ихъ утвержденія, должны были быть прочтены на губернскомъ дворянскомъ собраніи; здѣсь, если кто-нибудь изъ присутствующихъ требовалъ перебаллотировки, губернскій предводитель предлагалъ такое требованіе на обсужденіе собранія, при поддержкѣ его $^2/_3$ наличныхъ дворянъ должна была происходить перебаллотировка; департаментомъ были приведены довольно вѣскіе доводы въ защиту такого порядка, какъ-то: достиженіе большей осторожности и осмотрительности при уѣздныхъ выборахъ, лучшее обезпеченіе выбора достойныхъ представителей уѣзда и др.

Общее собраніе согласилось съ доводами департамента и постановило принять его предложеніе, измѣнивъ соотвѣтственно редакцію нѣкоторыхъ статей проекта.

На этомъ же засѣданіи вновь зашла рѣчь о пресловутомъ «уравненіи» правъ и положенія выборной службы со службой правительственной.

Предсѣдатель Совѣта предложилъ немного смягчить категоричное постановленіе проекта; по его мнѣнію, «хотя служба всѣхъ служащихъ по выборамъ дворянства должна быть при-

знаваема государственною», принципъ, глубоко укоренившійся въ міросозерцаніи правительства,—необходимо было все-таки провести нѣкоторое различіе между служебнымъ положеніемъ органовъ сословнаго управленія, предводителей и депутатовъ и органами судебными и полицейскими; первые, по его мнѣнію, хотя и должны были числиться заурядъ въ V или VI классѣ, но не могли получать жалованья и имѣть правъ «по обыкновенному порядку гражданской службы», вторые же должны были пользоваться всѣми правами коронной службы.

Совѣтъ вполнѣ согласился съ предсѣдателемъ и принципіально высказался за соотвѣтствующія измѣненія статей проекта, упустивъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ виду, что такое постановленіе противорѣчило какъ основному направленію правительственной политики, такъ и взглядамъ, высказаннымъ ранѣе самимъ же Совѣтомъ; такое рѣшеніе впрочемъ не могло имѣть реальныхъ послѣдствій. Затѣмъ Совѣтъ перешелъ къ обсужденію вопроса о замѣщеніи должностей при открывающихся вакансіяхъ кандидатами; онъ совершенно вѣрно полагалъ, что кандидатомъ могло считаться только то лицо, которое на выборахъ получитъ больше избирательныхъ, чѣмъ неизбирательныхъ шаровъ; въ противномъ случаѣ, баллотировавшійся кандидатъ, какъ «отвергнутый обществомъ», выбывалъ изъ списка; при отсутствіи въ уѣздахъ достаточнаго числа избранныхъ кандидатовъ, замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ предоставлялось губернскому собранію, выборы коего производились уже на всю губернію.

На слѣдующемъ засѣданіи, 29-го октября, Совѣтъ постановилъ предоставить секретарямъ дворянства право «пользоваться полученіемъ чиновъ въ общемъ ходѣ ихъ служенія, наравнѣ съ предводителями дворянства и депутатами». Такимъ образомъ были выдѣлены въ особую категорію всѣ органы дворянскаго сословнаго управленія; но, оговоримся, эта мѣра имѣла чисто теоретическое значеніе; практически силою необходимости дѣло должно было оставаться по старому; и дѣйствительно, служебныя преимущества, которыхъ не были лишены

органы сословнаго управленія, какъ увидимъ ниже, продолжали составлять для нихъ конечную цѣль ихъ вожделѣній, а съ тѣмъ вмѣстѣ все больше должна была усиливаться зависимость этихъ органовъ отъ правительства.

Очень интереснымъ и характернымъ представляется намъ слѣдующій фактъ: въ томъ же засѣданіи, когда рѣчь зашла о порядкѣ преданія суду органовъ сословнаго управленія и нѣкоторыми членами Совѣта былъ возбужденъ вопросъ о желательности въ такихъ случаяхъ установленія предварительнаго сношенія губернскаго начальства, предающаго суду, съ губернскимъ предводителемъ дворянства и участія въ судѣ депутата отъ дворянства, Совѣтъ, рѣшительно отвергнувъ это предложеніе, нашелъ, что оно могло лишь *чрезмѣрно* ослабить власть губернскаго начальства и являлось бы «какимъ-то недовѣріемъ къ суду». Исходная точка зрѣнія такого разсужденія была діаметрально противоположна первой, изложенной выше; но въ различіе отъ той, эта послѣдняя вполнѣ гармонировала съ общими взглядами правительства, первая же представляетъ собою лишь случайный откликъ идеи независимаго сословнаго управленія, не находившей себѣ почвы ни въ нашемъ законодательствѣ, ни въ жизни русскаго общества.

Но Государственный Совѣтъ пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи; въ томъ же засѣданіи обсуждался вопросъ о правѣ участія въ дворянскихъ выборахъ губернскаго прокурора, при условіи владѣнія имъ въ той губерніи недвижимымъ имуществомъ; министерскій проектъ имѣлъ особую статью, говорившую объ этомъ въ томъ смыслѣ, что прокуроръ, хотя бы и владѣлъ достаточнымъ цензомъ, никогда не могъ участвовать въ выборахъ и другихъ постановленіяхъ дворянскихъ собраній. Департаментъ законовъ эту статью исключилъ, полагая вовсе отстранить прокурора отъ дѣлъ дворянскихъ собраній, и присоединился такимъ образомъ ко взглядамъ Комитета 6-го декабря); отстраненіе прокурора отъ дѣлъ сословнаго управленія было бы только желательно; но Совѣтъ

разсуждалъ иначе; по его мнѣнію въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго присутствіе прокурора было даже необходимо, такъ какъ полагаться на однихъ предводителей будто бы тамъ нельзя было; впрочемъ, Совѣтъ не далъ болѣе точныхъ данныхъ, почему собственно предводители оказались вдругъ подъ подозрѣніемъ. Далѣе Совѣтъ разсуждалъ, что «ввести прокуроровъ въ собраніе токмо по нѣкоторымъ губерніямъ, не сдѣлавъ онаго повсюду, было бы для тѣхъ губерній оскорбленіемъ», а потому «обязать ихъ присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ и возложить на нихъ наблюденіе за порядкомъ и законностью дѣлопроизводства сихъ послѣднихъ!» Прокуроры кромѣ того должны были «изъяснять дворянству въ случаяхъ сомнѣнія законы». Совѣтомъ далѣе была включена также и вышеприведенная статья министерскаго проекта, выпущенная департаментомъ законовъ, въ силу которой прокуроръ, хотя бы и владѣлъ достаточнымъ имущественнымъ цензомъ, не могъ участвовать въ дѣлахъ собранія.

Такимъ образомъ, какъ видимъ, Совѣтъ сдѣлалъ значительный шагъ назадъ; постановленіе это оказалось чревато послѣдствіями; прокуроры силой необходимости не могли ограничиваться однимъ «изъясненіемъ законовъ»; роль ихъ съ теченіемъ времени становилась все болѣе и болѣе активной, а чѣмъ болѣе правительственная администрація получала право вмѣшательства въ дѣла сословнаго управленія, тѣмъ ниже падало значеніе этого послѣдняго; плодотворную роль въ жизни государства оно могло играть лишь при полной самостоятельности и независимости, а этихъ двухъ элементовъ у него всегда недоставало. Далѣе Совѣтъ рѣшилъ включить въ число лицъ, коимъ предоставлено было какъ активное, такъ и пассивное избирательное право, дворянъ, «числящихся по арміи», наравнѣ съ «числящимися по герольдіи»; при избраніи кого-либо изъ подобныхъ лицъ, «числящихся по арміи» на какую-либо должность, губернаторъ обязанъ былъ немедленно же увѣдомлять инспекторскій департаментъ главнаго штаба.

Окончивъ обсужденіе статей проекта, Совѣтъ перешелъ къ разсмотрѣнію приложеній. Первымъ изъ нихъ была «табель должностямъ, замѣщаемымъ по дворянскимъ выборамъ и классамъ».

Во главѣ списка стоялъ губернскій предводитель, коему присвоивался V классъ заурядъ. Совѣтъ нашелъ необходимымъ «присвоить» губернскому предводителю IV классъ, такъ какъ въ губерніи онъ занималъ первое мѣсто послѣ губернатора и слѣдовательно былъ старше вице-губернатора и предсѣдателей палатъ, состоявшихъ въ V классѣ; губернскіе предводители были конечно достойны такого повышенія!

Были повышены въ классѣ и совѣстные судьи; Совѣтъ приравнялъ ихъ къ прочимъ судьямъ. Земскіе исправники и уѣздные судьи были также повышены въ классѣ (изъ VIII-го они были переведены въ VII классъ).

Относительно класса дожности уѣздныхъ предводителей въ средѣ Совѣта возникли сомнѣнія; дѣло въ томъ, что въ губерніяхъ польскихъ и малороссійскихъ уѣздные предводители состояли въ V классѣ, въ прочихъ же губерніяхъ въ VII; представлялись двѣ возможности—присвоить всѣмъ предводителямъ либо V, либо VI классъ; но поставить ихъ въ V классъ, Совѣтъ не нашелъ возможнымъ, такъ какъ въ томъ же классѣ состояли предсѣдатели палатъ; между тѣмъ, предводители, какъ предсѣдатели дворянскихъ опекъ, находились въ прямомъ подчиненіи сихъ послѣднихъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Совѣтъ рѣшилъ принять предложеніе департамента законовъ объ уравненіи предводителей всѣхъ губерній, присвоеніемъ имъ VI класса дожности; «установленіе повсемѣстнаго единообразія въ преимуществахъ, читаемъ мы въ журналѣ, требуетъ самая справедливость, а посему Совѣтъ находитъ и возможнымъ и цѣлесообразнымъ понизить классъ должности предводителей губерній польскихъ и малороссійскихъ безъ ущерба для ихъ положенія въ средѣ прочей администраціи».

Эти казуистичныя пренія ярко характеризуютъ бюрокра-

тическое отношенiе Совѣта къ дѣлу. Правительство Николая I было вполнѣ убѣждено, что главная основа всякой администрацiи заключалась въ iерархическомъ подчиненiи однихъ органовъ другимъ. Какъ будто качество работы предводителей могло измѣниться отъ того, состояли ли они въ VII, VI или въ V классахъ. Исторiя къ несчастью показала намъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ привела подобная система.

Затѣмъ, ознакомившись съ остальными приложенiями, Совѣтъ, въ засѣданiи 2-го ноября, возбудилъ довольно важный вопросъ объ имущественномъ цензѣ лицъ, баллотирующихся въ предводители. Статьи проекта были довольно неопредѣленны и могли вызвать значительныя недоразумѣнiя; такъ, пассивное право могло быть толкуемо весьма широко и признаваться за лицами, вовсе не владѣющими недвижимымъ имуществомъ, которыя слѣдовательно могли быть избираемы и въ предводители дворянства; между тѣмъ послѣднiе, какъ предсѣдатели дворянскихъ собранiй, должны были участвовать во всѣхъ дѣлахъ дворянства, въ томъ числѣ и въ выборахъ; участiе же въ выборахъ для прочихъ дворянъ обусловливалось непремѣннымъ владѣнiемъ недвижимостью, такимъ образомъ предводитель, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ выборовъ, отъ этого условiя оказывался избавленнымъ, что противорѣчило тѣмъ началамъ, согласно которымъ законодатель стремился ограничить активное избирательное право; Совѣтъ справедливо указалъ на это противорѣчiе и на необходимость его исправленiя. Послѣ нѣкоторыхъ пренiй рѣшено было включить въ проектъ слѣдующiя постановленiя: въ предводители дворянства могли избираться только тѣ дворяне, «кои по владѣнiю недвижимостью» имѣютъ активное избирательное право; въ предводители же губернскiе, кромѣ уѣздныхъ, могли баллотироваться и совѣстные судьи, но съ тѣмъ условiемъ, чтобы и они удовлетворяли условiямъ активнаго избирательнаго права, т. е. также владѣли бы опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ.

Такое ограниченiе права избранiя въ предводители дво-

рянства представляется вполнѣ правильнымъ; чѣмъ затруднительнѣе были условія избранія предводителей дворянства, тѣмъ болѣе обезпечивался лучшій подборъ личнаго состава этой должности.

Въ засѣданіи 3-го ноября Совѣтъ рѣшилъ представить на предварительное одобреніе Государя основныя нововведенія проекта, а затѣмъ уже испросить его дальнѣйшихъ указаній относительно всего проекта. Эти три положенія изложены въ журналѣ въ слѣдующей формѣ:

«1) Главные виды Правительства по настоящему предмету состоятъ въ томъ, дабы выборъ дворянства поставить въ положеніе соотвѣтственное цѣли учрежденія.

«2) По сему всѣ мѣры, въ проектѣ Департамента Законовъ заключающіяся, направлены къ тому, дабы выборы возвысить сколь можно въ общемъ мнѣніи: для сего ограниченъ классъ избирателей и расширенъ классъ избираемыхъ; для сего поставляется въ обязанность какъ служащимъ въ томъ городѣ, гдѣ производятся выборы, такъ и пріѣзжающимъ въ отпускъ, брать участіе въ дѣлахъ собраній дворянства, а лица, числящіяся не у дѣлъ, при герольдіи, поставляются въ равныя обязанности съ неслужащими.

«3) Что числящіеся по арміи суть также чины не занятые службою, введеніе ихъ въ равныя обязанности съ дворянами, числящимися при герольдіи, не препятствуя назначеніямъ по военной службѣ, если бы кто изъ нихъ получилъ оное, занимая должность по выборамъ, не можетъ разстраивать и сей послѣдней службы, ибо въ оной для всякой должности назначается кандидатъ на случай вакансіи, по присоединеніи и числящихся по арміи къ выполненію обязанностей по принадлежности ихъ къ сословію дворянъ губерніи».

Государь, согласившись въ принципѣ съ изложенными началами, внесъ слѣдующую поправку: «право участія въ выборахъ предоставляется дворянамъ, состоящимъ на дѣйствительной военной службѣ, только съ разрѣшенія ихъ начальства и лишь если они не заняты своими по службѣ обязанностями»;

дворяне, числящіеся на военной службѣ, получаютъ право участвовать въ дворянскихъ выборахъ и право быть избранными на должности по выборной службѣ только, когда «состоятъ по арміи за полученныя въ сраженіяхъ раны» [1]). Первая часть этого постановленія вызывалась соображеніями военной дисциплины, вторая же намъ кажется несправедливымъ ограниченіемъ правъ дворянства; объясненіе этому мы находимъ въ извѣстномъ намъ взглядѣ Николая Павловича, превозносившемъ выше всего государственную службу.

Заключительное засѣданіе Совѣта по интересующему насъ вопросу состоялось 12-го ноября. Въ немъ былъ еще разъ прочтенъ проектъ закона со всѣми приложеніями; сдѣлавъ нѣсколько редакціонныхъ поправокъ, Совѣтъ постановилъ «принять проектъ и поднести его Государю Императору при манифестѣ».

Проектъ былъ утвержденъ, а манифестъ подписанъ Государемъ 6-го декабря, послѣ шести лѣтъ обсужденія его различными законодательными инстанціями! Получивъ наконецъ санкцію, проектъ воплотился въ законъ. Но уже годъ спустя, при изданіи IX-го тома свода законовъ, онъ вновь претерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія; послѣдующее же законодательство постоянно вносило въ него все новыя поправки. Тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ отмѣтить огромное значеніе этого законодательнаго акта съ точки зрѣнія кодификаціонной; разбросанное и часто противорѣчивое законодательство предшествующихъ царствованій было наконецъ собрано и систематизировано. Въ этомъ мы видимъ главную заслугу закона 1831 года.

---

[1]) Письмо предсѣдателя Государственнаго Совѣта, адресованное Совѣту 9-го ноября 1831 года, за № 292.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Манифестъ и законъ 6-го декабря 1831 года. — Органы дворянскаго сословнаго управленія.—Дворянскія собранія, обыкновенныя и чрезвычайныя; составъ собраній и положенія избирательнаго права; компетенція собраній, губернскихъ и уѣздныхъ.—Депутатскія собранія. — Предводители дворянства, ихъ функціи и порядокъ преданія суду.—Обрядъ выборовъ.—Отношенія правительственныхъ органовъ къ дворянскому сословному управленію. — Основныя начала закона 1831 года.—Отождествленіе выборной службы со службой правительственной.

I.

Послѣ долгихъ вышеразобранныхъ нами перипетій новый законъ о дворянскихъ выборахъ былъ наконецъ санкціонированъ 6-го декабря 1831 года. Введеніемъ къ нему служилъ обширный манифестъ, въ которомъ правительство торжественно объявляло дворянству, что это новое положеніе должно было быть лишь подтвержденіемъ и дополненіемъ началъ, установленныхъ Жалованной грамотой Екатерины Великой; здѣсь же отмѣчена была и та безусловная необходимость систематизаціи и кодификаціи сословнаго законодательства, о которой мы упоминали выше; «правительственныя распоряженія послѣднихъ 45 лѣтъ, говорится въ манифестѣ, разрѣшая постепенно встрѣчавшіяся частныя затрудненія и недоразумѣнія, не могли предотвратить другихъ, болѣе общихъ, мало-по-малу открывшихся неудобствъ», въ устраненіи коихъ и лежала главная задача новаго закона. Однимъ изъ главныхъ «неудобствъ» существовавшаго порядка вещей признавалось все возрастающее вліяніе мелкопомѣстнаго

дворянства, средствомъ же исправленія должны были служить болѣе точныя постановленія избирательнаго права и въ особенности введеніе болѣе строгихъ цензовыхъ условій. «Утверждая сіе положеніе (т. е. выработанный Государственнымъ Совѣтомъ проектъ), читаемъ далѣе въ манифестѣ, Мы рѣшились съ тѣмъ вмѣстѣ явить дворянскому сословію новые знаки Нашего особеннаго благоволенія. Отнынѣ не токмо нѣкоторые члены, но и самые предсѣдатели губернскихъ судебныхъ палатъ будутъ избираемы дворянствомъ и утвержденіе тѣхъ, коихъ оно удостоитъ выбора въ губернскіе предводители, предоставляется Нашему собственному усмотрѣнію». Этими нѣсколькими строками дворянство несомнѣнно получило два очень важныхъ новыхъ преимущества. Мы надѣемся, говорится въ заключительной фразѣ манифеста, что дворянство въ будущемъ «устремится съ рвеніемъ къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей—избранію чиновниковъ истинно достойныхъ имени блюстителей общественнаго порядка и правосудія». Но надежды правительства не оправдались! Законъ 1831 года о порядкѣ дворянскихъ собраній, выборовъ и службы по онымъ, изданный 6-го декабря [1]), черезъ годъ уже подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, при изданіи IX-го тома свода законовъ.

При дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться текста IX-го тома изданія 1832 года, попутно указывая тѣ измѣненія, которыя были сдѣланы именно при изданіи этого тома свода и которыя слѣдовательно его отличаютъ отъ законодательнаго акта 1831 года [2]). Интересующаго насъ вопроса дворянскаго сословнаго управленія касаются слѣдующія части IX-го тома: книга первая, главы II и III, о правахъ и преимуществахъ дворянскаго состоянія, какъ «въ составѣ дворянскихъ обществъ», такъ и «въ особенности каждому лицу принадлежащихъ», а также отчасти и книга вторая, объ актахъ состояній, раздѣлъ второй, глава I, объ актахъ состоянія дворянскаго.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4989.

[2]) Отличіе отъ закона 6-го декабря 1831 года столь невелико, что отдѣльный разборъ этого закона представляется излишнимъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію положеній этихъ частей IX-го тома, руководствуясь при этомъ тѣмъ порядкомъ, въ какомъ они изложены въ сводѣ законовъ.

Начинается этотъ отдѣлъ съ основного положенія дворянскаго сословнаго управленія, что «дворяне каждой губерніи составляютъ отдѣльное дворянское общество» (ст. 50). Этимъ слѣдовательно подтверждается постановленіе грамоты 1785 г., что дворянское общество губерніи является юридическимъ лицомъ (ст. 37). Исторія сословнаго управленія показала намъ, что правительство всегда считало, начиная съ 1785 года, губернскія дворянскія общества юридическими лицами, за исключеніемъ короткаго промежутка въ царствованіе Павла; у нихъ было свое имущество, свои органы; они могли заключать гражданскія сдѣлки на общихъ основаніяхъ частнаго права; правительство же всегда относилось къ нимъ какъ къ юридическимъ лицамъ, подтвержденіемъ чего должна была служить Высочайшая грамота, даруемая каждому губернскому дворянскому обществу (ст. 51).

Органами сословнаго управленія попрежнему оставались дворянскія собранія, депутатскія собранія, губернскіе и уѣздные предводители дворянства.

Разсмотримъ положеніе этихъ органовъ, каждаго въ отдѣльности.

Дворянскія собранія раздѣлялись на губернскія и уѣздныя, обыкновенныя и чрезвычайныя. Интересно, что подъ этими статьями (52 и 53) кодификаторомъ не сдѣлано ссылки на предшествующее законодательство, а подъ послѣдующими статьями не указаны соотвѣтствующія постановленія грамоты 1785 года. Объясняется это съ одной стороны многочисленностью, съ другой же противорѣчивостью этихъ постановленій.

Обыкновенныя собранія созываются губернаторомъ черезъ каждые три года (ст. 54), о чемъ дворяне увѣдомляются за 4 мѣсяца, черезъ земскую и городскую полицію, а равно и распубликованіемъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (ст. 55);

обыкновенное время созыва такихъ собраній установлено законодательствомъ на декабрь или январь, какъ наиболѣе удобное для помѣщиковъ время; но губернатору, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и согласія губернскаго предводителя, предоставляется переносить срокъ созыва и на другое время. Въ полномъ собраніи законовъ весьма часто встрѣчаются даже именные указы о разрѣшеніи дворянскимъ обществамъ отдѣльныхъ губерній переносить срокъ созыва собраній съ одного времени на другое; намъ представляется вполнѣ достаточнымъ въ данномъ отношеніи тотъ порядокъ, который былъ введенъ закономъ 1831 года (§ 4) и утвержденъ статьей 56, IX-го тома Свода [1]); разрѣшеніе министра требуется для извѣстнаго контроля надъ дѣлами дворянскихъ собраній; восхожденіе же вопроса о срокѣ созыва собраній на Высочайшее усмотрѣніе представляется излишнимъ. Причиной появленія такихъ Высочайшихъ указовъ можно считать отсутствіе въ законодательствѣ опредѣленнаго порядка рѣшенія этого вопроса, вслѣдствіе чего ходатайства о созывѣ собраній на другіе сроки носили характеръ случайный.

Чрезвычайныя собранія созывались губернскими предводителями, съ разрѣшенія губернатора, тѣми же способами, какъ и обыкновенныя (ст. 57). Предоставленіе права созыва чрезвычайныхъ собраній губернскимъ предводителямъ, а обыкновенныхъ — губернаторамъ является противорѣчіемъ; оно вкралось въ законодательство, по нашему мнѣнію, случайно; съ теоретической точки зрѣнія слѣдовало бы вообще предоставить право созыва всѣхъ собраній предводителямъ; но правительство не желало отказываться хотя бы и отъ такого малозначащаго права контроля. Созывъ обыкновенныхъ собраній, такимъ образомъ, остался во власти губернатора; когда зашла рѣчь о собраніяхъ чрезвычайныхъ, то, вполнѣ естественно, взоры правительства обратились на губернскихъ предводителей; мотивы и причины созыва собраній чрезвы-

[1]) Тотъ же порядокъ повторяютъ ст. 738 и 739 и прим. 1 и 2, III-го тома Св. Зак.

чайныхъ, хотя закономъ точно и не опредѣлены (по словамъ статьи 58 предметъ ихъ опредѣляется «свойствомъ и настоятельностью нужды»), но подразумѣваются дѣла и нужды сословнаго управленія, не терпящія отлагательства; послѣднія же могли быть извѣстны только предводителямъ, а никакъ не губернаторамъ; отсюда естественно, что иниціативу созыва собранія, для рѣшенія такихъ вопросовъ, необходимо пришлось предоставить именно предводителямъ.

Обыкновенныя уѣздныя собранія созываются поуѣздно, за три мѣсяца до губернскихъ собраній (ст. 59); чрезвычайныя же уѣздныя собранія, которыя могутъ состояться въ любое время, созываются уѣздными предводителями, съ разрѣшенія губернскаго предводителя и губернатора (ст. 60).

Составъ дворянскихъ собраній опредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ собраніяхъ имѣютъ право участвовать лишь потомственные дворяне, при чемъ одни изъ нихъ имѣютъ «право голоса въ дѣлахъ собранія», другіе его не имѣютъ (ст. 63) [1]. Право участія въ дѣлахъ и право голоса предоставляется дворянамъ при слѣдующихъ условіяхъ (ст. 64) [2]: 1) при честномъ и неукоризненномъ поведеніи и ненахожденіи въ явномъ порокѣ или подозрѣніи, 2) когда они записаны въ родословную книгу губерніи, 3) владѣютъ въ той же губерніи недвижимостью, 4) при достиженіи гражданскаго совершеннолѣтія, т. е. 21-го года отъ роду, 5) при состояніи «по крайней мѣрѣ» въ XIV чинѣ или по прослуженіи трехъ лѣтъ по выборамъ, 6) не имѣя чина, при пожалованіи орденомъ (здѣсь сдѣлана совершенно лишняя прибавка, что подъ это правило не могутъ быть подводимы купцы; главное условіе, поставленное этимъ закономъ для участія въ дворянскихъ собраніяхъ — является потомственное дворянство, которое исключаетъ, слѣдовательно, купцовъ во всякомъ случаѣ). Кромѣ того, отъ лицъ, желающихъ принять участіе въ собра-

[1]) То же постановленіе повторяется статьей 743, III-го тома Свода Законовъ. Уставъ о службѣ по выборамъ дворянскимъ.

[2]) См. также статью 744, III-го тома.

нiи, требуется предъявленiе нѣкоторыхъ документовъ, какъ, напр., выписка изъ метрической книги о срокѣ рожденiя (могущая быть замѣненной выпиской изъ формуляра отца или свидѣтельствомъ, подписаннымъ «нѣсколькими» дворянами), аттестатъ о службѣ, указъ объ увольненiи въ отпускъ и т. п. доказательства законнаго присутствiя и права жительства лица въ данномъ городѣ.

Въ перечисленныхъ условiяхъ совершенно неопредѣленнымъ понятiемъ было первое изъ нихъ, честное и неукоризненное поведенiе и ненахожденiе «въ подозрѣнiи»; оно взято дословно изъ Жалованной грамоты; впрочемъ, оправданiемъ можетъ служить мiросозерцанiе тѣхъ временъ; законодатель не отдавалъ себѣ отчета въ расплывчатости и неопредѣленности подобныхъ идей. Необходимость класснаго чина, какъ припомнимъ, не безъ основанiя оспаривалась еще при выработкѣ проекта; но взглядъ правительства на службу какъ на мѣрило общественной дѣятельности восторжествовалъ здѣсь, какъ и въ прочихъ областяхъ Николаевскаго законодательства. Награжденiе орденомъ, какъ условiе, дающее право участвовать въ дворянскихъ собранiяхъ, впервые включено въ законодательство Высочайше утвержденнымъ мнѣнiемъ Государственнаго Совѣта отъ 29-го iюля 1832 года. Въ законѣ 1831 года мы его не находимъ; положенiе это стоитъ, конечно, въ тѣсной связи съ предшествующимъ.

Для простого участiя на дворянскихъ собранiяхъ требовалось владѣнiе недвижимостью безъ количественнаго опредѣленiя такого владѣнiя; достаточно было слѣдовательно одной десятины или маленькой лачужки; всякiй дворянинъ, прiобрѣтавшiй недвижимость, обязанъ былъ въ теченiе года, а при жительствѣ за границей двухъ лѣтъ, записаться въ губернскую родословную книгу и въ уѣздный дворянскiй списокъ (ст. 65) [1].

Перечисленныя условiя давали дворянину право не только присутствовать на дворянскихъ собранiяхъ, но и «участвовать

[1]) См. статьи 745 и 782, III-го тома.

въ положеніяхъ онаго». Новыя цензовыя условія, какъ показала дальнѣйшая практика, нисколько не измѣнили обычный составъ дворянскихъ собраній; дворяне, подавляющее большинство которыхъ были мелкопомѣстные представители сословія, удовлетворяющіе этимъ условіямъ, и составляли главный контингентъ дворянскихъ собраній; именно они и рѣшали дѣла сословнаго управленія.

Кромѣ нихъ законъ зналъ еще два вида участниковъ дворянскихъ собраній. Одинъ изъ нихъ—дворяне, не удовлетворяющіе вышеописаннымъ условіямъ, которые все-таки могутъ «быть въ собраніи» (ст. 66) [1]); для этого требовалось лишь быть потомственнымъ дворяниномъ; эта категорія дворянъ могла присутствовать въ собраніи, не имѣя права голоса въ дѣлахъ его, чего раньше не допускалось.

Вторую категорію членовъ собраній составляли тѣ дворяне, которые не только участвовали въ дѣлахъ, но и имѣли активное избирательное право. Для этой группы лицъ перечисленныя въ статьѣ 64 условія были недостаточны; какъ говоритъ статья 69 [2]), «право избирать въ должности, истекая изъ соединенія сихъ же условій, зависитъ сверхъ того отъ качества и количества состоящей за дворяниномъ недвижимой собственности»; опредѣленіе же условій этого ценза помѣщено въ уставѣ о службѣ по общественнымъ выборамъ. Здѣсь-то мы и находимъ тѣ новыя цензовыя начала, о которыхъ намъ приходилось говорить, разсматривая журналы Государственнаго Совѣта и Комитета 6-го декабря.

Основнымъ условіемъ для активнаго избирательнаго права было владѣніе 100 душами крестьянъ или 100 чел. поселянъ, или 3,000 десятинъ земли незаселенной (ст. 750, III-го тома свода законовъ, уставъ о службѣ по выборамъ дворянскимъ).

Изложивъ основное условіе, законъ далѣе переходитъ къ установленію способа извѣщенія предводителей о перемѣнахъ,

[1]) См. статью 746, III-го тома.
[2]) См. ст. 749, III-го тома.

происходящихъ въ имущественномъ положенiи дворянъ, а также къ перечисленiю нѣкоторыхъ другихъ способовъ опредѣленiя имущественнаго ценза, дающаго активное избирательное право.

Всякiй дворянинъ обязанъ извѣщать своего уѣзднаго предводителя каждые три года и притомъ не позднѣе, какъ за три мѣсяца до губернскаго собранiя, о своемъ имущественномъ положенiи; такимъ образомъ предводители могли провѣрять, имѣютъ ли данные дворяне право участвовать въ выборахъ или нѣтъ, и на основанiи этихъ свѣдѣнiй составлять списки такихъ дворянъ поуѣздно, включая новыхъ, въ случаѣ прiобрѣтенiя ими требуемаго имущественнаго ценза, и исключая тѣхъ, кои онаго лишались (ст. 751 III-го тома).

Если дворянинъ имѣлъ нѣсколько «полныхъ участковъ», т. е. по 100 душъ или по 3,000 десятинъ земли незаселенной въ разныхъ губернiяхъ, то могъ участвовать и въ выборахъ по этимъ губернiямъ (ст. 752).

Если же онъ владѣлъ требуемымъ количествомъ имущества, но «малыми участками», другими словами имущество это было раздроблено и находилось въ разныхъ губернiяхъ, не составляя ни въ одной изъ нихъ полнаго ценза, то ему предоставлялось выбрать какую-нибудь одну губернiю, въ которой онъ и могъ участвовать въ дворянскихъ выборахъ (ст.753).

Дворянинъ, имѣющiй полный имущественный цензъ, могъ передать свой голосъ своему неотдѣленному сыну, если только послѣднiй удовлетворялъ прочимъ условiямъ, требуемымъ закономъ для участiя въ рѣшенiяхъ дворянскихъ собранiй (IX томъ, ст. 64).

Такое же право предоставляется и лицамъ женскаго пола, при владѣнiи ими достаточнымъ имуществомъ (ст. 754 и 755, III-го тома). Законъ впрочемъ дѣлаетъ извѣстную оговорку; дворянка не могла поручать своего голоса, кому угодно; предпочтенiе отдавалось мужу, сыну и зятю и, только при неимѣнiи вовсе такихъ родственниковъ, она могла довѣрять свой голосъ лицу постороннему; какъ видимъ, взгляды, высказанные адмираломъ

Мордвиновымъ въ Государственномъ Совѣтѣ, имѣли свое воздѣйствіе, хотя и не осуществились полностью [1]); близкіе родственники все-таки получили извѣстное преимущество.

Статья 756 предоставляетъ право участія въ дворянскихъ выборахъ также заставнымъ и пожизненнымъ владѣльцамъ. Но здѣсь введено ограниченіе, предположенное общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта; право участія въ выборахъ получили только тѣ изъ заставныхъ и пожизненныхъ владѣльцевъ, кои владѣли имуществомъ на означенныхъ основаніяхъ не менѣе 10 лѣтъ, а количество душъ было не менѣе 100.

При нераздѣльномъ владѣніи, владѣльцы должны были избирать одного уполномоченнаго, исключая случая совладѣнія братьевъ, когда голосъ принадлежалъ по праву старшему брату; количество имущества опредѣляло и число уполномоченныхъ; на каждыя 100 душъ или 3,000 десятинъ земли незаселенной совладѣльцы должны были избирать изъ своей среды одного уполномоченнаго; возможность избранія лица посторонняго такимъ образомъ исключалась (ст. 757).

Затѣмъ законъ установилъ также подоходный цензъ, отчасти санкціонируя этимъ мнѣніе Государственнаго Совѣта (ст. 759). Говоримъ отчасти потому, что подоходный цензъ былъ введенъ не для всей Россіи, какъ то предполагалось Совѣтомъ, а только для двухъ губерній: С.-Петербургской и Московской, и 3 областей: Кавказской, Таврической и Бессарабской. Согласно этому въ названныхъ мѣстностяхъ требовалось пользованіе 2,000 р. годового дохода или возможность полученія таковаго «по справедливой оцѣнкѣ имущества». Но законъ внесъ и другое ограниченіе (ст. 758); имъ точно былъ опредѣленъ родъ имущества, а именно для губерній Петербургской и Московской, а равно для Кавказской области это были дома и дачи, а для областей Кавказской и Бессарабской и Таврической губерніи владѣніе землями и садами; предположеніе Государственнаго Совѣта о распространеніи этого начала на всѣ губерніи

---

[1]) См. выше, стр. 525.

не было слѣдовательно принято; постановленія закона значительно ограничили активное избирательное право, основанное на подоходномъ цензѣ. Трудно найти причину такого измѣненія предположеній Государственнаго Совѣта; здѣсь по всей вѣроятности отозвалась просто новизна дѣла.

Владѣльцы имущества, приносящаго требуемый для участія въ выборахъ доходъ, обязывались представлять каждые три года, притомъ не позднѣе какъ за три мѣсяца до губернскаго собранія, доказательства наличности требуемаго закономъ дохода «по справедливой оцѣнкѣ имущества» (ст. 759).

Таковы были общія постановленія имущественнаго ценза, дающаго право участія въ дворянскихъ выборахъ.

Но кромѣ нихъ законодательство ввело еще одинъ видъ участія въ выборахъ, а именно черезъ уполномоченныхъ. Подобное право предоставлялось тѣмъ дворянамъ, которые владѣли не менѣе какъ пятью душами крестьянъ или же 150 десятинами незаселенной земли.

Дворяне этой категоріи имѣли право избирать такое число уполномоченныхъ, которое соотвѣтствовало бы общему требованію активнаго избирательнаго права, т. е. по одному на каждыя 100 душъ или на каждыя 3,000 десятинъ земли незаселенной; неполные участки, лежащіе въ разныхъ уѣздахъ, могли быть соединяемы въ одинъ, при чемъ требовалось только извѣщеніе уѣзднаго предводителя того уѣзда, по которому данный сборный участокъ будетъ числиться, выборъ же уѣзда предоставлялся усмотрѣнію самихъ дворянъ; такимъ образомъ каждые 20 мелкопомѣстныхъ дворянъ могли имѣть своего представителя на дворянскихъ выборахъ (ст. 761). Но законъ шелъ еще дальше въ этомъ направленіи, опредѣливъ, что если при выборѣ уполномоченныхъ останется еще общій остатокъ не менѣе какъ въ 50 душъ или 1,500 десятинъ незаселенной земли, то и на означенный остатокъ могъ быть избранъ уполномоченный (ст. 763). Ст. 764 подтверждаетъ, что такіе уполномоченные «имѣютъ на выборахъ голосъ *во всемъ равный* съ дворянами, избирающими непосредственно».

Въ статьяхъ 765—768 говорится объ обязанности дворянъ увѣдомлять подлежащихъ предводителей о своемъ имущественномъ положеніи и о всякихъ измѣненіяхъ въ немъ.

На обязанности же предводителя лежало наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этихъ требованій, при чемъ уѣздные предводители доносили о возникающихъ «недоразумѣніяхъ и сомнѣніяхъ» губернскому предводителю, который въ свою очередь представлялъ рѣшеніе такихъ вопросовъ дворянскому собранію (ст. 769). Установленіе въ данномъ случаѣ права надзора за этимъ дѣломъ дворянскаго собранія вполнѣ логично; послѣднее должно было рѣшать всѣ подобныя дѣла, въ которыхъ на первомъ планѣ стоялъ интересъ сословный.

II.

Покончивъ съ условіями, дающими право участвовать на дворянскихъ собраніяхъ, законодатель переходитъ къ опредѣленію случаевъ, лишающихъ такого права. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, во-первыхъ, аренда недвижимаго имущества, если арендаторъ—дворянинъ не владѣетъ кромѣ аренды другой недвижимостью на правѣ собственности, во-вторыхъ, владѣніе заставное и пожизненное, если не истекли требуемыя закономъ 10 лѣтъ владѣнія, въ третьихъ, отдача недвижимости въ заставное владѣніе, что также лишаетъ дворянина права участія въ дворянскихъ собраніяхъ на весь срокъ заставы; надо сказать, что перечисленіе этихъ трехъ условій представляется совершенно лишнимъ, такъ какъ смыслъ ихъ ясенъ уже изъ редакціи статей, опредѣляющихъ общія требованія, необходимыя для права участія на собраніяхъ.

Въ четвертыхъ, лишаются права участія тѣ дворяне, имѣнія коихъ взяты въ опеку «за долги и казенныя взысканія»; при этомъ въ текстѣ закона сказано, что подъ эту категорію подходятъ тѣ дворяне, *все* имущество которыхъ находится въ опекѣ; если слѣдовательно въ опеку взята лишь часть его, то право участія на собраніяхъ еще не отпадаетъ, хотя на нашъ взглядъ слѣдовало бы конечно приравнять и тѣхъ

и другихъ подъ общую норму; очевидно, что дворяне лишаются въ такомъ случаѣ права участія въ дѣлахъ сословнаго управленія, такъ какъ не представляются болѣе достаточно надежными, мысль, съ которою можно согласиться, но тогда столь же ненадежными и нежелательными являются и тѣ, у которыхъ въ опеку взята часть имѣній.

Подъ эту же категорію подводятся закономъ, какъ лишенные права участія въ собраніяхъ, и тѣ дворяне, имѣніе коихъ отдано въ эксдивизію или въ управленіе кредиторовъ, черезъ посредническую коммисію, а равно и дворяне, состоящіе подъ судомъ, «пока не оправдаются» (ст. 70) [1]).

Мотивы этого постановленія тѣ же самые, какъ и предыдущаго. Затѣмъ подъ эту же категорію, лишенныхъ права участія, подходятъ и тѣ, которымъ при увольненіи со службы или по приговору судебныхъ мѣстъ прямо запрещено опредѣленіе къ должности, и тѣ, имѣнія коихъ взяты въ опеку за злоупотребленія помѣщичьей властью (ст. 71) [2]). Эта категорія дворянъ также исключалась на основаніи недостаточнаго довѣрія къ ней общества, что впрочемъ вполнѣ понятно.

Относительно дворянъ, состоявшихъ подъ судомъ, но обвинявшихся лишь въ маловажныхъ проступкахъ или освобожденныхъ въ силу Всемилостивѣйшихъ манифестовъ, въ законѣ говорится только, что они «могутъ быть допускаемы къ дѣламъ собранія дворянства» (примѣчаніе къ ст. 71). Статья эта взята изъ закона 1831 года (§ 41, примѣч.); но здѣсь въ ней пропущена существенная ссылка, лишившая ее прежней ея опредѣленности; дѣло въ томъ, что по закону 1831 года (§ 69) рѣшеніе въ данномъ случаѣ предоставлялось самому дворянскому собранію; губернскій предводитель докладывалъ послѣднему о такихъ дворянахъ, излагая и обстоятельства дѣла, за которое они судились; собраніе же рѣшало, кого изъ нихъ допустить и кого исключить.

[1]) Ср. также ст. 760, примѣч. 2, III-го тома Св. Зак., уставъ о службѣ по выборамъ дворянскимъ.

[2]) Также ст. 760 и примѣч. 1.

Въ IX-мъ томѣ изданія 1832 года ссылка эта исчезла, а съ нею вмѣстѣ и точность редакціи § 69; въ статьѣ 95, въ которой говорится о правѣ собранія исключать дворянъ изъ своей среды, текстъ составленъ безъ прямого указанія на вышеописанный порядокъ; между тѣмъ порядокъ этотъ продолжалъ существовать въ нашемъ законодательствѣ; дѣло въ томъ, что постановленіе это было перенесено въ уставъ о службѣ по выборамъ (ст. ст. 790, 791 и 797, III-го тома св. законовъ), въ которомъ говорится, что за три дня до открытія губернскаго собранія начальникъ губерніи представляетъ губернскому предводителю списки всѣхъ дворянъ губерніи, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ, «для соображенія». По открытіи собранія и приводѣ дворянъ къ присягѣ, губернаторъ передаетъ также губернскому предводителю свои предложенія, которыя и выслушиваются собраніемъ въ первую очередь. Затѣмъ собраніе приступаетъ къ разсмотрѣнію списковъ дворянъ, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ, а также списковъ, доставленныхъ уѣздными предводителями, тѣхъ, которые отъ суда и слѣдствія освобождены въ силу Высочайшихъ манифестовъ; дворяне, состоящіе подъ судомъ, вовсе не допускаются къ участію въ собраніяхъ; относительно же остальныхъ собраніе само рѣшаетъ, кого изъ нихъ допустить и кого устранить. По закону 1831 года требовалось при этомъ постановленіе большинства $^{2}/_{3}$ голосовъ (§ 55), по статьѣ же 797 — простое большинство. Затѣмъ собраніе выслушиваетъ объясненія дворянъ, не явившихся на собраніе, и чтеніе списка дворянъ, не представившихъ объясненій; если объясненія эти признаются собраніемъ недостаточными или если ихъ вовсе не представлено, собраніе имѣетъ право наложить на такихъ лицъ взысканіе — въ первый разъ въ видѣ замѣчанія, во второй въ видѣ штрафа отъ 7 руб. 50 коп. до 75 руб. въ пользу дворянской казны, въ третій же разъ «исключить такого дворянина на время изъ дворянскаго собранія»; измѣненія рѣшеній могли происходить только при новомъ постановленіи по тому же дѣлу дворянскаго же собранія; нельзя

сказать, чтобы послѣдняя мѣра — исключеніе изъ дворянскаго собранія — была дѣйствительной; не явившійся дворянинъ обыкновенно самъ не желалъ участвовать въ собраніи, и исключеніе его только снимало съ него тяжелую обязанность.

Только что перечисленныя начала чрезвычайно важны и являются основой дѣятельности всякихъ общественныхъ представительныхъ учрежденій.

Они предоставили дворянскимъ собраніямъ возможность провѣрки полномочій своихъ участниковъ и отстраненія нежелательныхъ и вредныхъ элементовъ.

Далѣе законъ запрещаетъ участіе въ дѣлахъ собранія и даже входъ въ него губернаторамъ (ст. 72), даже если бы они случайно были помѣщиками той же губерніи; какъ мы знаемъ, наше законодательство не всегда придерживалось этого здраваго принципа отстраненія отъ дѣлъ дворянскихъ собраній начальниковъ губерній; начало это разъяснено выше, и мы не считаемъ нужнымъ къ нему возвращаться [1]).

Вопросъ о присутствіи въ собраніи прокуроровъ рѣшенъ въ разсматриваемомъ законѣ на основаніи мнѣній, высказанныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ [2]); онъ присутствуетъ «для изъясненія законовъ въ случаѣ возникающихъ сомнѣній», но не можетъ принимать участія въ дѣлахъ собранія, даже если владѣетъ въ той губерніи недвижимостью. Въ редакціонномъ отношеніи введено здѣсь маленькое улучшеніе, такъ какъ касающіеся этого вопроса два параграфа (51 и 63) закона 1831 года изложены въ одной статьѣ (73), но мы не можемъ не повторить вышеизложеннаго мнѣнія о вредномъ вліяніи, которое неизбѣжно долженъ былъ оказывать такой порядокъ

---

[1]) См. также ниже и ср. ст. 785, III-го тома св. зак.

[2]) См. выше стр. 528. Правительство Николая I впрочемъ уже высказывалось по этому поводу. См. указы 15 марта 1827 г. (П. С. З. № 960) и 27 декабря 1829 г. (П. С. З. № 3383). Но надо сказать, что въ обоихъ случаяхъ редакція указовъ была крайне неопредѣленна и роль и компетенція прокуроровъ въ дѣлахъ дворянскихъ собраній совершенно не выяснены, что могло только давать „оку государева“ лишній поводъ къ злоупотребленіямъ.

вещей на самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія.

Но законодатель не удовольствовался и этимъ. Статья 794 (III-го тома) даетъ прокурору право, при несогласіи съ дворянскимъ собраніемъ, доносить объ этомъ министру юстиціи, чѣмъ слѣдовательно вводилась еще одна инстанція надзора надъ дѣлами дворянскихъ собраній. Таковы были стремленія правительства подчинять своей опекѣ всѣ стороны государственной жизни [1]).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію постановленій, опредѣляющихъ условія пассивнаго избирательнаго права; условія активнаго права, какъ мы видѣли, изложены и въ IX томѣ и въ III-мъ, начала же, опредѣляющія пассивное право, помѣщены исключительно въ III-мъ томѣ, въ отдѣленіи третьемъ второй главы, подъ заголовкомъ «о лицахъ, избираемыхъ въ должности». Статья 770 ставитъ слѣдующія общія условія: «въ должности по выбору дворянства, говорится въ ней, могутъ быть избираемы: 1) потомственные дворяне, имѣющіе право участвовать въ дѣлахъ собранія (744, 755 и 756), 2) потомственные дворяне, не владѣющіе недвижимостью и не имѣющіе права участвовать въ собраніяхъ, по этой послѣдней причинѣ (744 и 746), 3) потомственные дворяне, не владѣющіе недвижимостью и ранѣе нигдѣ не служившіе и слѣдовательно не имѣющіе чина; (но эта категорія дворянъ могла быть избираема только на одну должность попечителей хлѣбныхъ магазиновъ, зато по прослуженіи въ ней три года такимъ лицамъ уже открывались и прочія должности, согласно пункту второму), 4) личные дворяне, если они удовлетворяютъ требованіямъ статьи 744, могутъ быть избираемы согласно статьѣ 848, въ засѣдатели земскихъ судовъ, а въ случаѣ недостатка

[1]) Имѣя въ виду эти факты, мы конечно не можемъ согласиться съ г. Дитятинымъ, утверждающимъ, что „черезъ все столѣтіе (1762—1861 гг.) проходитъ одна идея — освобожденіе личности отъ слишкомъ тѣсной государственной опеки“. Въ царствованіе Императора Николая I опека правительства чувствовалась сильнѣе, чѣмъ когда-либо (в. н. статья, стр. 35).

дворянъ потомственныхъ, по усмотрѣнію собранія дворянства, и въ земскіе исправники».

Для губерній Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и Бѣлостокской требовалось, для пользованія пассивнымъ избирательнымъ правомъ, еще одно условіе — состояніе ранѣе на государственной службѣ, военной или гражданской, не менѣе 10 лѣтъ (примѣч. къ ст. 770). Это чрезвычайно строгое сравнительно съ требованіями статьи 770 условіе вызывалось опасеніемъ правительства политическихъ безпорядковъ и вреднаго вліянія нѣкоторой части населенія этихъ губерній, возстановленныхъ національной враждой противъ всего русскаго.

Далѣе, избираемы могли быть дворяне, получившіе въ сраженіяхъ раны, но съ увѣдомленіемъ о состоявшихся выборахъ инспекторскаго департамента военнаго министерства (771). Какъ припомнимъ, на включеніе постановленія такого рода вліялъ лично Государь.

Также могли быть избираемы дворяне, «находящіеся не у дѣлъ» и только числящіеся по герольдіи, о чемъ послѣднюю увѣдомляютъ губернаторы (ст. 772). Пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользуются также дворяне, судившіеся за маловажные служебные проступки, освобожденные отъ суда въ силу Всемилостивѣйшихъ манифестовъ (ст. 773 и 760, примѣч. 2), оставленные въ подозрѣніи, судившіеся за проступки, не влекущіе за собой «позорнаго наказанія или иного безчестья». Нельзя сказать, чтобы подобный широкій взглядъ законодателя оправдывался пользою дѣла; правда, что выборы такихъ дворянъ зависѣли отъ довѣрія къ нимъ общества, что устанавляло извѣстную гарантію противъ выборовъ лицъ недостойныхъ, но гарантія эта была очевидно недостаточна; гораздо цѣлесообразнѣе было бы вовсе не допускать эту категорію дворянъ къ участію въ выборной службѣ, отъ чего послѣдняя могла бы только выиграть.

Примѣчаніе къ статьѣ 770 упоминаетъ о священнослужителяхъ изъ дворянъ, указывая, что они не имѣютъ права

участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ, согласно постановленію устава объ обще-гражданской службѣ.

Дворяне, имѣющіе пассивное избирательное право согласно пунктамъ 2—4, статьи 770, должны заявлять заранѣе своимъ предводителямъ о желаніи баллотироваться, по крайней мѣрѣ за 4 мѣсяца до начала выборовъ (ст. 775). Для дворянъ же, пользующихся правомъ участія въ собраніяхъ, но отсутствующихъ или выбирающихъ за себя уполномоченныхъ, существовало обратное правило; имъ необходимо было заявлять предводителямъ о своемъ нежеланіи служить по выборамъ, иначе они обязаны были принимать должность, если бы собраніе того захотѣло (ст. 776). Присутствующій же на выборахъ дворянинъ можетъ отказаться отъ выборной службы; но заявленія эти должны быть дѣлаемы непремѣнно до начатія выборовъ (ст. 777).

Такимъ образомъ пассивное избирательное право было поставлено законодателемъ въ очень широкія рамки; избраннымъ могъ быть почти всякій дворянинъ; такой порядокъ несомнѣнно долженъ былъ вредно отразиться на положеніи выборной службы; но страннымъ образомъ это не сознавалось правительствомъ; ни въ бумагахъ Комитета 6-го декабря, ни въ журналахъ Государственнаго Совѣта, какъ мы видѣли выше, нигдѣ мы не находимъ ни малѣйшаго указанія на опасность слишкомъ большого расширенія круга избираемыхъ, между тѣмъ мысль эта кажется на первый взглядъ довольно простой.

III.

Просматривая далѣе постановленія свода законовъ, касающіяся интересующей насъ области, мы находимъ подтвержденіе цѣлаго ряда статей Жалованной грамоты, говоримъ про §§ 50—53, даровавшіе дворянскимъ обществамъ право избирать себѣ секретаря, имѣть свою печать, архивъ и домъ въ губернскомъ городѣ. Въ области сословнаго управленія пре-

имущества эти (если можно ихъ такъ назвать) играютъ, конечно, небольшую роль (ст. 74—77, IX-го тома).

Далѣе законъ переходитъ къ опредѣленію компетенціи дворянскихъ собраній, при чемъ сначала разбирается кругъ дѣятельности собраній обыкновенныхъ уѣздныхъ, потомъ уѣздныхъ чрезвычайныхъ, а затѣмъ уже собраній губернскихъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ. Во главѣ функцій уѣздныхъ собраній поставлены выборы какъ своихъ собственныхъ органовъ, такъ и должностныхъ лицъ въ уѣздную администрацію; затѣмъ идутъ выборы особой коммисіи для провѣрки отчетовъ дворянскихъ суммъ, а равно и суммъ, собранныхъ на земскія повинности, при чемъ члены этой коммисіи должны съѣзжаться въ губернскій городъ и тамъ заканчивать свой отчетъ до открытія губернскаго собранія (ст. 78).

Еще до выборовъ уѣздныя собранія провѣряли право наличныхъ дворянъ присутствовать въ собраніи, а равно тѣ причины, которыя были выставлены отсутствующими, для объясненія ихъ неявки. Жалобы приносились не непосредственно дворянскому собранію, а депутатскому собранію, которое въ свою очередь представляло объясненія собранію губернскому, какъ послѣдней рѣшающей инстанціи (ст. 779 и 788). Затѣмъ слушался списокъ тѣхъ дворянъ, которые, не имѣя права участвовать въ собраніи, выразили желаніе баллотироваться (ст. 780), послѣ чего уже собраніе приступало къ упомянутымъ выше выборамъ.

Компетенція чрезвычайныхъ уѣздныхъ собраній опредѣлена крайне туманно; эти собранія, говорится въ статьѣ 79, IX-го тома «составляются для предметовъ другого рода (чѣмъ обыкновенныя!) сообразно обстоятельствамъ и нуждѣ»; кругъ дѣятельности былъ, слѣдовательно, самый широкій. Нельзя не посѣтовать, что въ сводѣ законовъ всѣ статьи, касавшіяся «службы по выборамъ», выдѣлены были въ особый уставъ, что могло создавать на практикѣ только лишнія затрудненія.

Главной задачей губернскихъ обыкновенныхъ собраній было также замѣщеніе по выборамъ опредѣленныхъ должно-

стей въ губернской администраціи и избраніе сословныхъ органовъ, при чемъ ближайшее опредѣленіе порядка выборовъ также выдѣлено въ уставъ о службѣ по выборамъ (ст. 80) [1]). Послѣ выборовъ на обязанности губернскихъ собраній лежало обсужденіе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ были затронуты интересы всего губернскаго дворянскаго общества; здѣсь подтверждено было право дворянства представлять о своихъ нуждахъ высшему правительству, черезъ губернскаго предводителя и губернатора, а въ случаяхъ «важныхъ» и Верховной власти (ст. 81). Эти представленія обставлены особыми формальностями. Какъ припомнимъ, правительство относилось къ нимъ всегда несочувственно, усматривая въ нихъ посягательство на свою прерогативу, въ особенности же враждебно смотрѣло оно на депутаціи, отправляемыя къ Государю, и отклоняло ихъ подъ самыми разнообразными предлогами [2]). Отсюда произошли и ограниченія закона 1831 года и IX-го тома свода законовъ (§ 8 и ст. 82). Дворянство могло предста-

---

[1]) Для производства выборовъ полагалось обыкновенно отъ 12 до 15 дней, продленіе этого срока зависѣло отъ разрѣшенія начальника губерніи (ст. 796, III-го тома).

[2]) Ср. съ выше привед. примѣрами изъ труда Середонина. Онъ, между прочимъ, приводитъ намъ два очень характерныхъ примѣра изъ царствованія Императора Николая (томъ II, часть I, стр. 255 и 256).

Въ 1834 году произошли нѣкоторыя недоразумѣнія на выборахъ въ Курской губерніи, при чемъ, при избраніи нѣкоего Григорьева предводителемъ, дворянство выразило желаніе послать въ Петербургъ депутацію; описывая этотъ случай, Середонинъ замѣчаетъ, что, при разсмотрѣніи дѣла въ Комитетѣ министровъ, этотъ послѣдній „*по обычаю* отклонилъ присылку дворянской депутаціи"; авторъ вполнѣ справедливо считаетъ такой порядокъ *обычно* установившимся; правительство всегда старалось отклонять присылку депутацій. Еще характернѣе второй примѣръ. На слѣдующихъ выборахъ въ той же Курской губерніи дворяне опять постановили ходатайствовать о посылкѣ депутаціи. На этотъ разъ послѣдовала резолюція самого Государя. На докладѣ Комитета министровъ (1837 года № 564) Императоръ написалъ „Солнцева (избраннаго предводителемъ) утвердить, но впредь держаться строго закона, присылку депутатовъ отклонить *по обыкновенному*". Это замѣчаніе намъ ясно показываетъ, что и Николай Павловичъ считалъ обычнымъ явленіемъ и даже обязательнымъ не допускать присылки депутацій въ столицу.

влять ходатайства о своихъ нуждахъ Государю двоякимъ путемъ — или отправляя ходатайства по почтѣ, адресуя конвертъ въ собственныя Его Величества руки, или посылкой депутаціи. Послѣдняя должна была состоять не болѣе какъ изъ трехъ лицъ, каждому изъ которыхъ должно было быть дано особое «уполномочіе», подписанное губернскимъ и уѣздными предводителями [1]), въ которомъ должны были быть подробно изложены всѣ «предметы» ходатайства. Выборъ такихъ депутатовъ долженъ былъ происходить передъ самымъ закрытіемъ собранія; объ избранныхъ депутатахъ губернаторъ обязанъ былъ доносить министру внутреннихъ дѣлъ; какъ видимъ, здѣсь внесено нѣкоторое облегченіе формальностей, такъ какъ не требовалось болѣе предварительнаго испрашиванія разрѣшенія правительства. Но дальнѣйшая практика показываетъ, что правительство оставалось при старой точкѣ зрѣнія, продолжая относиться къ подобнымъ депутаціямъ крайне несочувственно и всегда требуя предварительнаго разрѣшенія.

Отсутствіе свободной возможности сношенія съ Верховной властью несомнѣнно должно было также вліять на умаленіе значенія сословнаго управленія.

На обязанности дворянскаго собранія попрежнему оставался надзоръ за правильнымъ веденіемъ родословныхъ книгъ и дворянскихъ списковъ (Жалованная грамота, ст. 88, законы о состояніяхъ, ст. 83—85).

Компетенція чрезвычайныхъ губернскихъ собраній, какъ нами уже указывалось, опредѣлена весьма общимъ постановленіемъ (ст. 86).

Затѣмъ законъ переходитъ къ институту дворянской складки (ст. 87 и слѣд.); имъ устанавливается два рода складокъ, согласно указаніямъ Государственнаго Совѣта [2]): складки «на

---

[1]) Въ случаѣ избранія губернскаго предводителя въ число депутатовъ, уполномочія подписывались *всѣми* уѣздными предводителями.

[2]) См. выше, стр. 520.

надобности необходимыя дворянству всей губерніи и общеполезныя» и складки «на издержки частныя, общей надобности не представляющія».

Перваго рода складки носили характеръ принудительнаго участія, вторыя были совершенно добровольныя. Этимъ измѣнялись прежнія постановленія о безусловной добровольности всякихъ складокъ. Для перваго рода складокъ былъ установленъ слѣдующій порядокъ: если большинство двухъ третей присутствующихъ на собраніи дворянъ постановляло сдѣлать такую складку, то губернаторъ представлялъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, а послѣдній Комитету министровъ; Комитетъ же въ свою очередь, если одобрялъ назначеніе складки, представлялъ дѣло на Высочайшее утвержденіе, послѣ чего участіе въ складкѣ становилось обязательнымъ для всѣхъ дворянъ губерніи, какъ присутствовавшихъ въ томъ собраніи, въ которомъ поднятъ былъ вопросъ о ней, такъ и отсутствовавшихъ или несоглашавшихся съ постановленіемъ собранія.

При второго рода складкахъ участіе въ нихъ было обязательно только для изъявившихъ свое согласіе на нее. Губернатору предоставлялось право наблюдать за *законностью* предмета и утвержденіе ихъ, о чемъ онъ сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ для свѣдѣнія.

Санкція этихъ постановленій приведена въ статьѣ 99-й. Если окажется, что собраніе сдѣлало положеніе противное законамъ, предводители уплачиваютъ штрафъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія, губернскій — 200 рублей, а уѣздные по 100 рублей, дворянство же, т.-е. всѣ присутствовавшіе дворяне, 500 рублей; кромѣ того сдѣлана оговорка, что противузаконными *не* считаются заявленія правительству о мѣстныхъ нуждахъ, ходатайства о прекращеніи злоупотребленій или устраненіи административныхъ неудобствъ.

Страннымъ можетъ показаться лишь средство борьбы съ противузаконными постановленіями собраній — денежный штрафъ; объясненіе этому мы находимъ въ господствовавшемъ въ тѣ времена взглядѣ на всесильное значеніе денежной пени.

Далѣе законъ переходитъ къ перечисленію имущественныхъ правъ дворянскаго общества, подразумѣвая здѣсь только губернское общество[1]). Послѣднее имѣло право составлять казну, выдавать изъ этой казны ссуды дворянамъ подъ недвижимость, брать на себя подряды, при чемъ полномочія на нихъ должны были быть подписаны не менѣе какъ двумя третями присутствовавшихъ дворянъ; отвѣтственность за выполненіе подряда лежала только на подписавшихся, а не на дворянахъ всей губерніи (ст. 94).

Затѣмъ слѣдуетъ уже упомянутая нами статья 95 (ср. также ст. 797, III-го тома; см. выше, стр. 545), дающая дворянскому собранію право исключать изъ своей среды порочныхъ дворянъ, состоявшихъ подъ судомъ, безчестныхъ и т. п. Такое постановленіе дворянскаго собранія не подлежитъ обжалованію въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и приводится въ исполненіе немедленно; жалобу можно подавать въ Сенатъ въ кассаціонномъ порядкѣ на нарушенія формальныя.

Охраненіе тишины и спокойствія въ дворянскихъ собраніяхъ лежитъ на обязанности предводителей (ст. 101—103); при возникновеніи безпорядковъ губернскій предводитель долженъ сообщать о нихъ губернатору, который имѣетъ право призвать виновныхъ и имъ сдѣлать внушеніе или предложить собранію наложить на виновныхъ штрафъ (отъ 25 до 250 рублей) или даже исключить ихъ изъ собранія на основаніи статьи 95. Эта функція предводителя, какъ мы знаемъ, возникла исторически; еще указъ 1766 года о созывѣ депутатовъ въ коммисію 1767 года говоритъ, что предводители суть «блюстители порядка» въ собраніяхъ дворянства.

Въ заключеніе скажемъ здѣсь, что закономъ 1831 года была установлена обязанность всякаго дворянина участвовать на собраніяхъ; обязанность эта существовала и раньше, но

[1]) Въ законѣ правда это ясно не выражено, но оно слѣдуетъ изъ порядка расположенія статей; кромѣ того, уѣздное общество не составляло юридическаго лица и потому не могло имѣть имущественныхъ правъ.

никогда не была выражена въ такой категорической формѣ. О ней говоритъ статья 782, III-го тома, изданія 1832 года, и статья 94, того же тома, изданія 1842 года (уставъ о службѣ по выборамъ). Законными причинами неявки на дворянскія собранія были: 1) служба, 2) болѣзнь, 3) производство судебныхъ дѣлъ въ другомъ мѣстѣ, требовавшее личнаго присутствія, 4) смерть или тяжкая болѣзнь ближайшаго «родственника»[1]), 5) несчастіе, случившееся въ имѣніи, и 6) достиженіе дворяниномъ 60 лѣтъ отъ роду (ст. 783). Если одна изъ приведенныхъ причинъ мѣшала дворянину прибыть на собраніе, онъ долженъ былъ немедленно же сообщить объ этомъ своему уѣздному предводителю.

IV.

Вторымъ органомъ дворянскаго сословнаго управленія было депутатское собраніе, какъ говоритъ ст. 61, «въ каждой губерніи, гдѣ есть дворянство, полагается депутатское собраніе».

Оно состояло попрежнему (Жал. грам. ст.: 67 и 75) изъ губернскаго предводителя, какъ предсѣдателя, и депутатовъ по одному отъ каждаго уѣзда (ст. 104)[2]). Послѣдніе избирались на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ.

Главною и почти единственною задачею депутатскихъ собраній было веденіе родословныхъ книгъ; собраніе же провѣряло, дополняло и исправляло эти книги, давало выписки изъ нихъ, выдавало грамоты, справки и т. п., другими словами къ вѣдѣнію его относилось все, что только могло имѣть какое-нибудь отношеніе къ дворянскимъ родамъ; отъ него зависѣло «признать кого-либо сочленомъ дворянскаго общества»; оно могло удостовѣрять, что данное лицо дворянинъ. Начала эти, повторяемъ, были установлены еще Жалованной грамотой и ни

---

[1]) По этому поводу въ Государственномъ Совѣтѣ, какъ припомнимъ, возникли сомнѣнія.

[2]) Ср. также ст. 788, III-го тома Св. Законовъ.

въ чемъ существенномъ измѣнены не были (ст. 105—110). Законодательство начала XIX столѣтія не разъ ихъ подтверждало [1]).

Кромѣ перечисленныхъ функцій, у депутатскихъ собраній было еще одно право, а именно наложеніе опекъ на дворянъ «за жестокіе поступки» (ст. 105, п. 6), дававшее имъ нѣкоторый контроль надъ помѣщичьей властью. Но, какъ увидимъ ниже, главная роль въ этихъ вопросахъ принадлежала предводителямъ. Мы имѣемъ здѣсь отголосокъ тѣхъ мѣропріятій, которыми правительство старалось оградить крѣпостныхъ отъ злоупотребленій помѣщиковъ; правительство установило въ данномъ случаѣ новый способъ наложенія опекъ, желая создать лишнюю инстанцію для огражденія интересовъ помѣщичьихъ крестьянъ; практическая польза его была невелика, нравственное же значеніе онъ все-таки имѣлъ [2]).

Дѣла рѣшались въ депутатскомъ собраніи постановленіями $^2/_3$ голосовъ (ст. 111). Статья 112 освобождаетъ депутатское собраніе отъ обязанности представлять протоколы своихъ засѣданій прокурору, что ставило собраніе въ нѣкоторое привилегированное положеніе по сравненію съ прочими органами провинціальной администраціи. Депутатскія собранія пользовались вообще сравнительно большей самостоятельностью, чѣмъ другіе сословные органы, что, напр., особенно рельефно выступаетъ изъ факта подчиненія депутатскихъ собраній непосредственно Сенату и уравненія ихъ въ положеніи съ губернскими палатами; къ Сенату кромѣ того поступали жалобы на собра-

---

[1]) Ср., напр., указы въ П. С. З. №№ 19527, 19856, 29193, 2-е — 1674, 1773 и 3948.

[2]) Кромѣ того депутатскія собранія, какъ выше было сказано, разсматривали списки всѣхъ дворянъ губерніи и опредѣляли кто изъ нихъ могъ участвовать на губернскомъ собраніи, кто не могъ, кто имѣлъ избирательное право активное и кто только пассивное; просматривали затѣмъ заявленія тѣхъ дворянъ, кои не явились и прислали свои объясненія, и наконецъ списки тѣхъ, которые и не явились и не представили никакихъ оправданій; они подготовляли этимъ работу губернскому собранію, которому принадлежало окончательное рѣшеніе такихъ вопросовъ (ст. 788—789, III-го тома).

нія (ст. 114, 115). Присвоеніе этому органу сравнительно большей самостоятельности объясняется тѣмъ родомъ дѣлъ, которыя были ему подвѣдомственны.

Высшей инстанціей въ дѣлѣ завѣдыванія дворянскими родословными была герольдія; низшей же — депутатскія собранія; дѣла подобнаго рода мало затрогивали политику и правительству не зачѣмъ было установлять особое право контроля; нѣкоторое право надзора правительственные органы тѣмъ не менѣе все-таки имѣли. Согласно статьѣ 116, если бы оказались «въ дѣлахъ депутатскихъ собраній медленность и упущенія», губернское правленіе могло ставить ихъ на видъ собранію и «требовать надлежащихъ объясненій», если же и подобная мѣра дѣлу не помогала, то правленіе должно было доносить о томъ герольдіи. Какъ видимъ, законодатель никакъ не могъ отдѣлаться отъ стремленія все опекать, всюду слѣдить за порядкомъ; даже въ такомъ маловажномъ дѣлѣ, гдѣ принципіально признана была необходимость полной независимости [1]), оно все-таки предоставило губернскому правленію нѣкоторое право надзора.

Кромѣ того статья 116 была добавлена слѣд. примѣчаніемъ: во всѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ существовали депутатскія собранія, учреждалась еще особая коммисія для «обревизованія» ихъ, въ составѣ предсѣдателя, совѣстнаго судьи и членовъ, обоихъ кандидатовъ въ предсѣдатели палатъ, и двухъ членовъ депутатскаго собранія, при чемъ кандидаты могли быть замѣняемы лицами по выбору дворянства; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ предсѣдатели и кандидаты ихъ не избирались дворянствомъ, послѣднему предоставлялось замѣнять ихъ однимъ дворяниномъ по выбору собранія (ст. 729, примѣч. 4, III-го тома).

Нельзя сказать, чтобы коммисія эта была удачно составлена; приведенный составъ не могъ конечно гарантировать безпристрастности рѣшеній коммисіи. Къ тому же учрежденіе

---

[1]) Ср. съ указами, П. С. З. №№ 2210, 287136 и 2-го изданія № 960.

ея тѣмъ менѣе понятно, что контроль надъ дѣйствіями депутатскихъ собраній былъ вполнѣ достаточный въ лицѣ губернскаго дворянскаго собранія. Такимъ образомъ создана была совершенно лишняя инстанція, только затруднявшая движеніе дѣлъ. Учрежденіе этой коммисіи, есть основаніе предполагать, произошло совершенно случайно.

Компетенція такихъ ревизіонныхъ коммисій опредѣлялась закономъ слѣд. образомъ [1]): онѣ имѣли право требовать отъ дворянскихъ депутатскихъ собраній свѣдѣнія: «1) составлены ли по формѣ, разосланной при указѣ Сената отъ 25 августа 1800 года, дворянскія родословныя книги и внесены-ли въ оныя всѣ тѣ дворяне, которые въ губерніи владѣютъ недвижимымъ имѣніемъ и могли утвердить дворянство свое доказательствами; 2) имѣютъ ли у себя уѣздные предводители дворянства по формѣ, въ дворянской грамотѣ изображенной, списки по алфавиту всѣмъ дворянскимъ родамъ, въ уѣздѣ, недвижимымъ имѣніемъ владѣющимъ, и доставляли ли таковые списки за своимъ подписаніемъ къ губернскому предводителю; 3) получали ли уѣздные предводители дворянства на основаніи указа Сената 25 августа 1800 г. свѣдѣнія о вновь вступающихъ въ число дворянъ каждаго уѣзда и вновь рождающихся дворянахъ мужского пола и доставляли ли о нихъ списки въ дворянскія собранія, для внесенія въ дворянскую родословную книгу».

Наконецъ третьимъ органомъ дворянскаго сословнаго управленія являются предводители дворянства. Они попрежнему избирались дворянствомъ—губернскій, на всю губернію, уѣздные же, по одному на уѣздъ; первый стоялъ во главѣ губернскаго дворянскаго общества, вторые же во главѣ уѣздныхъ обществъ.

Законъ сначала перечисляетъ функціи предводителей вообще (ст. 119), а затѣмъ «въ особенности» функціи губернскаго (ст. 120) и уѣздныхъ предводителей (ст. 121). Но замѣтимъ

---

[1]) Выс. утв. мнѣніе Государственнаго Совѣта 20 апрѣля 1834 г. См. дѣла Архива Государственнаго Совѣта.

здѣсь же, что этотъ перечень не исчерпываетъ дѣйствительнаго круга дѣятельности предводителей.

Къ общимъ обязанностямъ предводителей относятся слѣдующія дѣла: 1) представительство передъ правительствомъ въ дѣлахъ дворянскаго сословія; предводители являются попрежнему ходатаями дворянскаго общества; 2) посредничество между правительствомъ и дворянскими собраніями и предложеніе на обсужденіе собраній всѣхъ предметовъ, по коимъ правительство требуетъ заключенія дворянскаго общества, объявленіе собранію отзывовъ и распоряженій правительства и передача послѣднему мнѣній дворянства; губернскіе предводители пользуются даже еще большимъ правомъ; они не только ставятъ вопросы о сословныхъ нуждахъ на обсужденіе собранія, но могутъ сноситься съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, «въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства», помимо дворянскаго собранія (ст. 86). Это постановленіе даетъ губернскимъ предводителямъ чрезвычайно широкія полномочія. 3) Далѣе, законъ возлагаетъ на предводителей храненіе и расходованіе дворянскихъ суммъ; 4) предсѣдательство и наблюденіе за тишиной и спокойствіемъ въ дворянскихъ собраніяхъ, приводъ избранныхъ на должности къ присягѣ и наконецъ закрытіе собраній; 5) предводители принимали также дѣятельное участіе въ составленіи родословныхъ книгъ, въ наложеніи опекъ, въ собираніи свѣдѣній о поведеніи и образѣ жизни дворянъ и въ выдачѣ «о томъ въ нужныхъ случаяхъ свидѣтельствъ»; они кромѣ того должны были участвовать въ судѣ, при разборѣ дѣлъ по обвиненію чиновниковъ въ развратномъ поведеніи; 6) предводители должны были собирать свѣдѣнія «о вновь рождающихся дворянахъ», о сиротахъ дворянскихъ и сообщать о послѣднихъ приказамъ общественнаго призрѣнія; 7) наконецъ на предводителей возлагалась обязанность участвовать въ качествѣ членовъ въ самыхъ разнообразныхъ обще-административныхъ учрежденіяхъ, какъ, напр., въ рекрутскомъ присутствіи, въ продовольственныхъ коммисіяхъ, въ коммисіяхъ по разложенію земскихъ повинностей и въ цѣломъ рядѣ другихъ.

Къ разсмотрѣнію этихъ послѣднихъ функцій, возлагающихъ на предводителей обязанность участія въ общей администраціи, намъ придется вернуться ниже.

Въ компетенцію губернскихъ предводителей кромѣ того входили слѣдующіе предметы (ст. 120): разсмотрѣніе просьбъ «служащихъ по выборамъ дворянства чиновниковъ, объ увольненіи ихъ отъ службы за болѣзнью и изъявленіе на то согласія или отказа». Право это давало предводителямъ огромную власть по отношенію къ служащимъ по выборамъ; «отлыниваніе» и уклоненіе дворянъ отъ службы происходило чаще всего на почвѣ «болѣзни»; предводители слѣдовательно должны были противодѣйствовать этому явленію; правительство по крайней мѣрѣ надѣялось на ихъ помощь; но фактически оказалось, что они дѣлу не помогли и причина тому можетъ быть признана только одна—уклоненіе дворянства стояло въ связи со всѣмъ строемъ жизни дворянскаго общества.

Далѣе, черезъ губернскихъ предводителей должны были идти просьбы объ увольненіи крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы, участіе въ составленіи смѣтъ земскимъ повинностямъ и отчетовъ по сбору этихъ повинностей, а также представленіе министру внутреннихъ дѣлъ замѣчаній депутатскихъ собраній относительно земскихъ повинностей и присутствіе въ казенной палатѣ при торгахъ «на исправленіе» этихъ повинностей. Кромѣ того они засѣдали въ разныхъ комитетахъ и комисіяхъ, о чемъ сказано будетъ ниже.

Къ компетенціи же уѣздныхъ предводителей принадлежали слѣдующія дѣла (ст. 121): веденіе списковъ дворянъ уѣзда, предсѣдательство въ дворянской опекѣ и въ ревизской комисіи, дѣло воспитанія и обученія дѣтей канцелярскихъ служителей, присутствіе на торгахъ «на исправленіе» земскихъ повинностей, выдача свидѣтельствъ «о людяхъ, переселяемыхъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ».

Но перечень этотъ является далеко не исчерпывающимъ; намъ уже не разъ приходилось говорить о тѣхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ обязанностяхъ, которыя лежали на

предводителяхъ въ области правительственной администраціи; не было кажется ни единой отрасли мѣстнаго управленія, въ которой подъ тѣмъ или другимъ видомъ не участвовали предводители, играя при этомъ зачастую очень дѣятельную роль.

Положеніе уѣзднаго предводителя было попрежнему вполнѣ самостоятельное [1]) по отношенію къ предводителю губернскому; подчиненія здѣсь не было никакого; какъ говорить статья 122, уѣздный предводитель «по своему уѣзду дѣйствуетъ наравнѣ съ губернскимъ»; нельзя конечно видѣть подчиненія, напр., въ обязанности доставленія губернскому предводителю поуѣздныхъ дворянскихъ списковъ или свѣдѣній о дворянахъ и ихъ имуществѣ; въ законѣ даже прямо сказано, что губернскій предводитель не въ правѣ принимать отъ дворянъ жалобъ на уѣздныхъ предводителей; разница между ними была «токмо въ степеняхъ, уваженіе же и довѣренность были равныя» (ст. 123). Принципъ равноправности предводителей проводился, впрочемъ, нашимъ законодательствомъ и прежде довольно послѣдовательно, если не считать нѣкоторыхъ исключительныхъ и временныхъ мѣропріятій Императора Павла [2]).

Губернскій предводитель по старому долженъ былъ занимать «первое послѣ губернатора» мѣсто (ст. 124), имѣя право сноситься непосредственно не только съ губернаторомъ, но и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ [3]) (ст. 125).

По отношенію къ губернскимъ правленіямъ и палатамъ сохранено было также прежнее правило, что сношенія между ними и предводителями могли происходить исключительно черезъ губернаторовъ или депутатскія собранія (127), но и послѣднія, какъ то прямо сказано въ статьѣ 131, не явля-

---

[1]) Ср. съ указомъ 31-го октября 1824 г. П. С. З. № 30104.

[2]) См. выше, глава V.

[3]) Это послѣднее право ему предоставлено было еще въ 1802 году, при учрежденіи министерствъ.

лись «начальственными» для уѣздныхъ предводителей инстанціями.

Законъ ограждалъ предводителей отъ привлеченія ихъ къ участію въ судебныхъ слѣдствіяхъ (ст. 128); означенное постановленіе весьма характерно; на предводителей взваливали столько разнообразныхъ обязанностей, что требовалась особая статья закона для отстраненія ихъ отъ участія въ извѣстной отрасли! Какъ мы знаемъ, нѣкотораго рода судебныя функціи у нихъ были, и стало быть фактъ возложенія на нихъ участія въ общихъ судебныхъ слѣдствіяхъ былъ очень возможенъ; редакція статьи 128 даже прямо допускаетъ такую возможность; въ ней сказано, что предводители не должны быть обременяемы «производствомъ *неподлежащихъ* до нихъ и законами *именно не опредѣленныхъ* слѣдствій»; таково уже было положеніе этого органа; что ни отрасль мѣстнаго управленія — то новая функція предводительской должности.

Остается еще упомянуть о порядкѣ преданія суду и отвѣтственности предводителей дворянства (ст. 129 и 130). Губернскіе предводители предавались суду лишь съ Высочайшаго разрѣшенія и судились Правительствующимъ Сенатомъ; редакція этого положенія вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе; такой порядокъ преданія суду былъ установленъ лишь за преступленія губернскихъ предводителей «по сей должности»; но очевидно, что этотъ же порядокъ сохранялся и для преданія суду за преступленія общія; думается, что здѣсь простой недосмотръ законодателя.

Для преданія суду уѣздныхъ предводителей за упущенія по должности, нерадѣніе и медленность требовалось разрѣшеніе Сената; подсудны же они были общимъ судебнымъ мѣстамъ, съ тѣмъ исключеніемъ, что на нихъ не могло быть возложено денежнаго штрафа; въ качествѣ предсѣдателей дворянскихъ опекъ, предводители предавались суду на общемъ основаніи, т. е. по опредѣленію губернскихъ правленій; послѣдній порядокъ имѣлъ мѣсто и въ случаяхъ совершенія ими уголовныхъ преступленій.

Такимъ образомъ законъ дѣлаетъ изъятіе лишь для должностныхъ преступленій, оставляя для всѣхъ прочихъ общій порядокъ преданія суду и подсудности [1]).

Увольненіе въ отпускъ губернскаго предводителя могло состояться лишь съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; для кратковременныхъ отлучекъ изъ губернскаго города, впрочемъ, требовалось только извѣщеніе о томъ губернатора (ст. 897 III-го тома св. зак.); уѣзднымъ предводителямъ отпускъ разрѣшался губернаторомъ, при чемъ кратковременныя отлучки также разрѣшались безъ формальнаго отпуска (ст. 900 III-го тома); увольненіе предводителей въ отпускъ свыше 4-хъ мѣсяцевъ могло происходить только съ разрѣшенія министра (ст. 900, примѣч.), при этомъ, при увольненіи уѣзднаго предводителя, должность его исправлялась уѣзднымъ судьей, при болѣзни же послѣдняго или наличности другой какой-нибудь причины, мѣшающей уѣздному судьѣ исполнять обязанности предводителя, должность послѣдняго возлагалась на депутата дворянства (ст. 901) [2]).

Таково положеніе трехъ главныхъ органовъ дворянскаго сословнаго управленія, какъ ихъ называетъ законодатель «органовъ внутренняго» управленія дворянскихъ обществъ (уставъ о службѣ по выборамъ).

Второстепенными органами были секретари дворянскаго

---

[1]) Порядокъ этотъ впрочемъ установленъ былъ еще при Императорѣ Александрѣ I, о чемъ свидѣтельствуетъ намъ указъ, помѣщенный въ полномъ собраніи законовъ, № 30502, отъ 24-го сентября 1825 года. Положенія даннаго указа подтверждены указами 25-го іюля 1828 года (П. С. З. № 2176), 10-го марта 1830 г. (П. С. З. № 3523) и 9-го февраля 1827 г. (П. С. З. № 892). Вопросъ возникъ въ 1825 году по поводу дѣла, возбужденнаго Слободско-Украинскимъ губернскимъ правленіемъ противъ одного предводителя, безъ какого-либо разрѣшенія Сената. Съ того времени правительство и разъяснило и впослѣдствіи всегда на томъ же настаивало, что для привлеченія къ отвѣтственности предводителей дворянства необходимо разрѣшеніе Сената. Мы имѣемъ въ дѣлѣ 1825 года лишній примѣръ того своевластія, которое присваивали себѣ губернскія правленія.

[2]) Положенія о порядкѣ увольненія предводителей въ отпускъ были установлены еще указомъ 31-го января 1827 года (П. С. З. № 863) и подтверждены указомъ 24-го мая 1827 г. (П. С. З. № 1114).

собранія и депутаты, избираемые «для составленія раскладки земскихъ повинностей».

Секретари дворянскихъ собраній, также какъ письмоводители и другіе «чиновники» предводительскихъ канцелярій, получили права государственной службы еще раньше закона 1831 года (см. Всеподданнѣйшій отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1827 годъ).

Обязанности какъ тѣхъ, такъ и другихъ были весьма немногосложны и сводились исключительно къ письмоводству, при чемъ секретарь являлся какъ бы дѣлопроизводителемъ дворянскихъ собраній [1]).

Къ депутатамъ же дворянства, избираемымъ для участія въ дѣлѣ земскихъ повинностей, намъ придется вернуться ниже.

Кромѣ сословныхъ органовъ, дворянство, какъ мы знаемъ, выбирало еще огромное количество должностныхъ лицъ по общей администраціи. Всѣ они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства и вѣдомства полицейскаго. Къ числу первыхъ принадлежали предсѣдатели палатъ уголовной и гражданской [2]), совѣстный судья, засѣдатели палатъ и совѣстнаго суда, уѣздные судьи и засѣдатели уѣздныхъ судовъ, къ числу вторыхъ — земскіе исправники и засѣдатели земскихъ судовъ (ст. 729, съ примѣчаніями); становыхъ приставовъ дворянство само не избирало, но представляло губернатору списокъ кандидатовъ; но губернаторъ не былъ связанъ спискомъ и могъ назначить приставами кого угодно (ст. 729, примѣч. 5). Кромѣ того, дворянство избирало почетныхъ попечителей гимназій, непремѣнныхъ членовъ продовольственныхъ коммисій и попечителей хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ (ст. 730 и 737); но опять-таки замѣтимъ, перечень выборныхъ отъ дворянства должностей не является исчерпывающимъ; такъ, при возникновеніи за-

---

[1]) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, часть III кн. 1, стр. 134.

[2]) Избраніе предсѣдателей было введено, какъ сказано было выше въ наше законодательство въ 1831 году.

трудненій въ какой-нибудь отрасли администраціи, правительство обыкновенно учреждало коммисіи или комитеты, въ число членовъ которыхъ всегда включались выборные представители дворянства.

Далѣе, законъ перечисляетъ тѣ выборныя должности, которыя замѣщались дворянствомъ лишь въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и тѣ должности, которыя въ иныхъ губерніяхъ замѣщались не выборами, а по назначенію правительства. Сюда относятся слѣдующія исключенія: 1) въ Оренбургской губерніи земскіе исправники и засѣдатели земскихъ судовъ назначались правительствомъ (ст. 731); 2) въ губерніи Таврической выборныя должности замѣщались по назначенію «въ случаѣ недостатка чиновниковъ по выборамъ» (ст. 732); 3) въ губерніи Вологодской выборы происходили лишь въ уѣздахъ Вологодскомъ, Грязовецкомъ, Кадниковскомъ и Вельскомъ, причемъ въ послѣднемъ выборами замѣщались только должности предводителя, уѣзднаго судьи и одного засѣдателя земскаго суда; въ прочихъ уѣздахъ всѣ должности замѣщались по назначенію (ст. 733); 4) въ Астраханской губерніи избирались лишь предводители, депутаты и секретарь дворянства, при чемъ предводители избирались по одному на два уѣзда (ст. 734); 5) въ Кавказской области дворянство избирало областного (губернскаго) и окружныхъ (уѣздныхъ) предводителей, депутатовъ, члена коммисіи народнаго продовольствія и попечителя хлѣбныхъ магазиновъ (ст. 735); 6) въ Бессарабской области избирались областной и уѣздные предводители, депутаты, предсѣдатель областного гражданскаго суда (судъ этотъ замѣнялъ въ этой области гражданскую палату), два засѣдателя уголовнаго и два гражданскаго суда, совѣстный судья, два засѣдателя совѣстнаго суда и засѣдатели уѣздныхъ и окружныхъ судовъ; кромѣ того, въ уѣздахъ Бессарабскомъ, Аккерманскомъ и Измаильскомъ уѣздныхъ предводителей не полагалось и должность ихъ исправлялась уѣздными судьями, назначаемыми отъ правительства; причиной такого исключенія законъ выставляетъ «малое число дворянъ»

этихъ уѣздовъ (учрежденіе губ. ст. ст. 2348, 2464, 2468, 2470 и 2471, примѣч. 1); 7) въ губерніяхъ Архангельской, Олонецкой, Вятской, Пермской и Сибирскихъ выборовъ дворянскихъ вовсе не полагалось (ст. 736 III-го тома); 8) въ губерніи Ярославской съ должностью губернскаго предводителя соединялось званіе почетнаго попечителя Демидовскаго лицея и Ярославской гимназіи (ст. 730, примѣч. 3); 9) въ Екатеринославской губерніи дворянство имѣло право выбирать почетнаго попечителя Таганрогской гимназіи (ст. 730, примѣч. 2); 10) въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской дворянство избирало по одному депутату на каждую губернію для присутствія въ совѣтѣ Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ (ст. 740, прим. 1); такое же право было предоставлено Харьковскому дворянству, избиравшему двухъ членовъ въ совѣтъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ (ст. 730, прим. 5), дворянству Таврическому, избиравшему одного члена въ совѣтъ Керченскаго института (ст. 732, прим. 1) и дворянству Астраханскому, избиравшему также одного члена въ совѣтъ Астраханскаго института (ст. 734); 11) дворянство С.-Петербургской губерніи избирало пять членовъ въ совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій (ст. 737); 12) дворянство тѣхъ губерній, въ которыхъ были учреждены квартирныя коммисіи, избирало по одному члену въ составъ этихъ коммисій (ст. 737); 13) въ губерніи Московской дворянство избирало главнаго смотрителя странпопріимнаго дома графа Шереметева (ст. 730, прим. 4); 14) наконецъ, въ Курской губерніи избирались два члена, для присутствія въ комитетѣ объ устройствѣ судоходства по рѣкѣ Сеймѣ, при чемъ требовалось спеціальное утвержденіе въ должности этихъ лицъ губернаторомъ (ст. 730, прим. 6).

Таковы тѣ многочисленныя исключенія изъ общихъ правилъ дворянскихъ выборовъ.

V.

Посмотримъ теперь какъ опредѣлялся обрядъ выборовъ.

Каждый дворянинъ, по прибытіи въ губернскій городъ, долженъ былъ явиться своему уѣздному предводителю, который заносилъ его фамилію въ соотвѣтствующій списокъ; списки эти за день до собранія представлялись губернскому предводителю, а затѣмъ этимъ послѣднимъ губернатору. Начальникъ губерніи давалъ письменное предложеніе дворянству «начать свои засѣданія и приступить къ выборамъ на основаніи узаконеній» и, кромѣ того, распоряжался о командированіи въ случаѣ надобности чиновъ губернскихъ мѣстъ для работы въ канцеляріи дворянскаго собранія (ст. 800—803 III-го тома). Здѣсь мы замѣчаемъ очень важное нововведеніе: губернаторъ не только не могъ присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ, но и лишался права открывать засѣданія; мотивомъ было конечно желаніе правительства оградить дворянскія собранія отъ вліянія начальниковъ губерній; послѣ долгихъ колебаній этотъ принципъ нашелъ себѣ окончательное выраженіе лишь въ законѣ 1831 года (§ 3 обряда выборовъ). Внѣшняя обстановка выборовъ и дворянскихъ собраній была все та же, установленная еще Екатериной Великой (ср. ст. 804—812 съ постановленіями обряда 1766 года).

При открытіи засѣданія губернскій предводитель читаетъ Высочайше утвержденную смѣту земскихъ повинностей, послѣ чего собраніе приступаетъ къ выборамъ и очереднымъ дѣламъ, согласно порядку, установленному статьей 797 (ст. 813). Самые выборы начинаются со второго дня, при чемъ соблюдается нижеслѣдующій порядокъ (ст. 814 и 815).

Сначала происходятъ выборы уѣздные; дворяне садятся за уѣздные столы по старшинству чиновъ [1]), подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя (ст. 816), при этомъ законъ постановлялъ, чтобы въ предупрежденіе недоразумѣній каждый день передъ началомъ выборовъ прочитывался списокъ всѣхъ дворянъ, имѣющихъ право избирать (прим. къ ст. 816).

---

[1]) При Екатеринѣ господствовало, какъ припомнимъ, другое правило — старшинство опредѣлялось временемъ пріѣзда въ губернскій городъ.

Законъ не устанавливаетъ способа составленія кандидатскихъ списковъ, что является, несомнѣнно, серьезнымъ пробѣломъ; въ статьѣ 818 говорится просто: «за симъ (послѣ того, какъ дворянство провѣрило число шаровъ и «цѣлость» ящика) объявляется имя перваго, назначаемаго къ баллотированію, дворянина или потомственнаго или личнаго, по общему списку». Составленіе же этого списка было поручено предводителю. Затѣмъ баллотировались прочіе кандидаты, по порядку старшинства уѣздныхъ должностей. По замѣщеніи всѣхъ должностей, читались списки баллотировавшихся, при чемъ старшіе по балламъ назначались кандидатами, въ числѣ положенномъ закономъ.

Далѣе баллотировались кандидаты въ губернскія должности. а именно: предсѣдатели палатъ, совѣстные судьи, почетные попечители гимназій, засѣдатели палатъ и совѣстныхъ судовъ, члены коммисій народнаго продовольствія и секретари дворянства. Списки кандидатовъ передавались губернскому предводителю (ст. 817—828).

Послѣ этого дворянство приступало къ губернскимъ выборамъ. Внѣшній порядокъ былъ тотъ же самый, съ тою разницей, что выборы происходили за однимъ общимъ губернскимъ столомъ. При этихъ выборахъ въ противуположность первымъ, законъ точно устанавливалъ способъ составленія кандидатскихъ списковъ.

Кандидатами являлись всѣ избранные таковыми уѣздными выборами, по старшинству уѣздныхъ городовъ. Списки поуѣздныхъ кандидатовъ сообщались прочимъ уѣздамъ «дабы дворянство имѣло въ виду, кто отъ какого уѣзда и для какихъ должностей кандидатомъ представляется». Такимъ способомъ замѣщались всѣ губернскія должности, за исключеніемъ губернскаго предводителя дворянства. Для избранія послѣдняго былъ установленъ особый порядокъ. Кандидаты на эту должность не избирались въ уѣздахъ, а были опредѣлены самимъ закономъ; первымъ баллотировался прежній губернскій предводитель, затѣмъ прежніе предсѣдатели палатъ, совѣстные

судьи [1]), наконецъ, уѣздные предводители, занимавшіе должности послѣднее трехлѣтіе и вновь избранные; при этомъ при баллотированіи прежняго губернскаго предводителя шары считаетъ старшій (по старшинству уѣздныхъ городовъ) уѣздный предводитель. Такимъ способомъ избирались два кандидата на должность губернскаго предводителя.

Списки избранныхъ должностныхъ лицъ и кандидатовъ посылались къ начальнику губерніи.

По окончаніи выборовъ дворянство, съ губернаторомъ во главѣ, отправлялось въ церковь, гдѣ вновь избранныя должностныя лица приводились къ присягѣ (ст. ст. 829—842).

Законъ 1831 года установилъ еще нѣкоторыя спеціальныя условія для избранія нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Къ числу ихъ принадлежатъ слѣдующія постановленія, вошедшія въ сводѣ законовъ: званіе почетнаго попечителя гимназій могло быть соединяемо лишь со званіемъ предводителя дворянства, совѣстнаго судьи или дворянскаго депутата; званіе депутата могло быть соединяемо со званіемъ засѣдателя палатъ или совѣстнаго суда; званіе почетнаго смотрителя училищъ могло быть соединяемо со званіемъ предводителя, но лишь того же уѣзда, въ которомъ данное училище находится (ст. 846, прим. 2). Званіе церковнаго старосты соединимо съ любой должностью по выборамъ (ст. 846, прим. 3) [2]). Затѣмъ ст. 847

---

[1]) Ср. выше, стр. 399, примѣч. 1.

[2]) Исторія этой статьи очень поучительна; начало это было включено въ III томъ свода законовъ по настоянію министерства внутреннихъ дѣлъ; ранѣе существовало постановленіе, освобождавшее церковныхъ старостъ отъ выборной службы; дворяне пользовались этимъ послѣднимъ закономъ, какъ лишней причиной уклоненія отъ выборной службы (см. жалобы на это во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1827 г.); тогда министерство нашло нужнымъ разъяснить, что такое освобожденіе отъ выборной службы относилось лишь къ „купцамъ, мѣщанамъ и поселянамъ, положеніе которыхъ требуетъ особыхъ занятій по собственнымъ ихъ дѣламъ“, а не къ дворянамъ. Эта же мысль была высказана министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ Государственномъ Совѣтѣ при разсмотрѣніи закона 1831 года. Во избѣжаніе подобнаго уклоненія дворянъ и дабы не давать имъ къ тому лишняго повода, Совѣтъ и включилъ въ законъ упомянутое постановленіе (§ 83, прим. 3). См. Варадиновъ, „Исторія мин. внутреннихъ дѣлъ“, часть III, кн. 1, стр. 134.

устанавливаетъ особую категорію лицъ, которыя не могутъ быть избраны въ уѣздные предводители дворянства; сюда относятся дворяне, не пріобрѣвшіе классннаго чина и дворяне, не имѣющіе на дворянскихъ собраніяхъ активнаго избирательнаго права. Исключеніемъ изъ послѣдняго правила могли быть тѣ дворяне, которые хотя и не имѣли достаточнаго имущественнаго ценза, «службою и достоинствами заслужили особенное вниманіе и пріобрѣли довѣренность дворянскаго сословія». Избранные такимъ способомъ дворяне, по прослуженіи одного трехлѣтія, уже навсегда сохраняли за собой право занимать предводительскія должности. Кромѣ того, право на избраніе въ предводители имѣли и тѣ дворяне, которые уже служили предводителями до изданія ограничительныхъ постановленій закона 6-го декабря 1831 года. Кругъ лицъ, имѣвшихъ право баллотироваться въ предводители, былъ, такимъ образомъ, сильно ограниченъ закономъ 1831 года въ пользу состоявшихъ на службѣ государственной; мы имѣемъ здѣсь опять-таки отголосокъ все той же идеи, что государственная служба дворянина должна была eo ipso открывать ему двери сословнаго управленія, другими словами, все того же первенства службы государственной.

Статья 849 содержитъ очень важное постановленіе; членами одного и того же присутственнаго мѣста не могутъ быть избираемы нѣсколько лицъ, состоящихъ въ близкихъ степеняхъ родства; за точнымъ исполненіемъ этого правила должны были слѣдить предводители дворянства.

Слѣдующая статья (850) даетъ право уже служившимъ по выборамъ дворянамъ не принимать должности низшей, сравнительно съ той, въ которой они прежде служили.

Перечисленныя выше лица, имѣвшія право баллотироваться въ губернскіе предводители, должны были прослужить цѣлое трехлѣтіе; сюда, слѣдовательно, не могутъ быть подведены дворяне, хотя и избранные на какую-нибудь подобную должность, но выбывшіе ранѣе установленнаго срока [1]) (ст. 853, прим. 2).

[1]) Ст. 853 даетъ право собранію обходить постановленіе статьи 835

Избранные дворянствомъ два кандидата въ губернскіе предводители представляются черезъ министра внутреннихъ дѣлъ на Высочайшее утвержденіе; пока же таковое не состоялось, исправленіе этой должности поручается уѣздному предводителю губернскаго города, безъ освобожденія его отъ исполненія своихъ собственныхъ обязанностей (ст. 854); выборъ предводителя губернскаго города въ данномъ случаѣ былъ сдѣланъ не по старшинству (старшинство считалось закономъ 1831 г. по табели уѣздныхъ городовъ), а по соображеніямъ чисто мѣстнаго характера и вслѣдствіе удобства соединенія двухъ обязанностей въ этомъ одномъ лицѣ.

Органы сословнаго управленія избирались на три года, судебнаго же на 6 лѣтъ; это нововведеніе обязано своимъ происхожденіемъ Комитету 6-го декабря (ст. 851 и 855). Предсѣдатели палатъ также утверждались Высочайшей властью; до полученія таковаго должность ихъ исправлялась прежними предсѣдателями (ст. 857). Такимъ же порядкомъ утверждались и совѣстные судьи (ст. 858) и почетные попечители гимназій (ст. 859). Всѣ прочія, избираемыя дворянствомъ, должностныя лица утверждались начальникомъ губерніи (ст. 860).

Если бы при баллотированіи оказалось, что нѣсколько лицъ получили одинаковое число голосовъ, то выборъ между ними производился губернскимъ предводителемъ по жребію (ст. 865). Если же по вынутіи шаровъ изъ ящика, ихъ оказалось бы меньше или больше числа избирателей, данный кандидатъ долженъ былъ вновь баллотироваться (ст. 866); затѣмъ законъ прямо запрещалъ баллотировки открытыя, письменныя или словесныя (ст. 867). Quorum уѣздныхъ собраній установленъ былъ въ 20 человѣкъ; если бы на уѣздныхъ

и дѣлаетъ ея ограничительное начало призрачнымъ, такъ какъ разрѣшаетъ выбирать въ губернскіе предводители и тѣхъ дворянъ, „кои службою своею и достоинствомъ пріобрѣли уваженіе и довѣріе дворянскаго сословія"; подъ эту категорію собраніе могло подвести конечно, кого угодно!

выборахъ даннаго уѣзда собралось дворянъ менѣе этого установленнаго числа, то губернскій предводитель по своему усмотрѣнію долженъ былъ *назначить* къ этимъ выборамъ избирателей сосѣднихъ уѣздовъ (ст. 868); если бы въ данномъ уѣздѣ не оказалось достаточнаго числа дворянъ, могущихъ замѣстить всѣ должности уѣзда, дворяне этого уѣзда могли избирать дворянъ другихъ уѣздовъ, но только съ согласія этихъ послѣднихъ (ст. 869). Списокъ избранныхъ поуѣздно дворянъ читался за губернскимъ столомъ; здѣсь могло быть предъявлено требованіе перебаллотировки и при поддержаніи его $^2/_3$ голосовъ губернскаго собранія оно должно было быть удовлетворено; такое лицо, вмѣстѣ съ кандидатами перебаллотировывалось всею губерніей; выборы губернскаго собранія не могли быть измѣнены (ст. 871). Всѣ дворяне, баллотировавшіеся и получившіе болѣе избирательныхъ, чѣмъ неизбирательныхъ шаровъ, должны были считаться кандидатами къ той должности, на которую они баллотировались, въ порядкѣ старшинства, т. е. по числу полученныхъ ими голосовъ; изъ этого правила исключалась должность губернскаго предводителя, исправленіе коей, за отсутствіемъ губернскаго, всегда возлагалось на уѣзднаго предводителя губернскаго города (ст. 872); послѣдній освобождался отъ своихъ собственныхъ обязанностей только въ томъ случаѣ, когда вступалъ въ исправленіе должности губернскаго предводителя «на продолжительное время» (ст. 872, примѣч.), губернскій предводитель долженъ былъ ежедневно представлять губернатору списки избранныхъ за день дворянъ (ст. 874 и 875); подобный порядокъ былъ установленъ очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы дать собранію возможность, въ случаѣ неутвержденія кого-либо изъ избранныхъ, выбрать другого; но нельзя не замѣтить, что онъ усиливалъ вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость дворянскаго собранія отъ власти губернатора.

Разрѣшеніе недоразумѣній, впрочемъ, предоставлялось министру внутреннихъ дѣлъ (ст. 876); поводомъ къ этому, напр., могъ быть случай, когда губернаторъ, не утвердивъ кого-либо

изъ избранныхъ дворянствомъ лицъ, сообщалъ о томъ собранію, для производства новыхъ выборовъ, послѣднее же на это не соглашалось, настаивая на своемъ прежнемъ кандидатѣ; до полученія отвѣта отъ министра должность такого лица исправлялась его предшественникомъ.

Избранные на губернскія должности вводились въ нихъ начальникомъ губерніи, избранные же на должности уѣздныя—уѣздными предводителями, а при ихъ отсутствіи уѣздными судьями (ст. 877).

При выбытіи по какой-либо причинѣ выборнаго должностного лица, мѣсто его должно было замѣщаться кандидатомъ (согласно ст. 872); послѣдній обязанъ былъ явиться къ исправленію должности въ поверстный срокъ (ст. 879); если же онъ не являлся, то должность замѣщалась слѣдующимъ по старшинству кандидатомъ; съ перваго же взыскивалось 30 руб. въ пользу дворянской казны, при отсутствіи, конечно, законныхъ причинъ къ неявкѣ (ст. 880). При выбытіи уѣзднаго предводителя, должность его возлагалась, смотря по тому, оставалось ли до конца трехлѣтія менѣе или болѣе года службы, въ первомъ случаѣ на уѣзднаго судью, во второмъ на лицо особо избранное дворянствомъ уѣзда; въ послѣднемъ случаѣ, съ разрѣшенія губернатора, созывалось уѣздное дворянское собраніе, которое и выбирало предводителя; выборы происходили подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго судьи, лицо же избранное, хотя и не могло фактически прослужить полнаго трехлѣтія, получало право пользоваться всѣми преимуществами, даруемыми трехлѣтней службой по выборамъ; на такихъ же уѣздныхъ собраніяхъ и тѣмъ же порядкомъ избирались дворянскіе депутаты, съ тою только разницею, что предсѣдательствовалъ не судья, а предводитель (примѣчаніе къ ст. 880).

Остановимъ немного вниманіе читателя на срокѣ службы по выборамъ дворянства.

Какъ нами уже указывалось, органы сословнаго управленія избирались попрежнему на трехлѣтній срокъ, должностныя же лица по управленію судебному и полицейскому на шесть лѣтъ.

Удлиняя срокъ службы представителей дворянства, правительство думало упрочить значеніе этихъ должностей и тѣмъ предоставить дворянству лишнее преимущество; но мѣра эта мало помогла дѣлу; не въ срокѣ службы крылась причина массоваго уклоненія дворянства отъ выборной службы. Подобнаго удлиненія срока службы сословныхъ органовъ не требовалось, какъ, впрочемъ, справедливо было указано Государственнымъ Совѣтомъ. Предводители, напримѣръ, фактически очень часто служили гораздо долѣе; дворянство обыкновенно ихъ переизбирало по нѣскольку разъ.

Проф. Романовичъ-Славатинскій приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ продолжительной службы губернскихъ и уѣздныхъ предводителей [1]); такъ, маіоръ Тулиновъ прослужилъ въ Воронежѣ 9 лѣтъ, его предшественникъ также 9 лѣтъ, а его преемникъ кол. ас. Тулиновъ 6 лѣтъ; баронъ Франкъ, Екатеринославскій губернскій предводитель, прослужилъ 4 трехлѣтія; полковникъ Купреяновъ — 5 трехлѣтій въ Костромѣ, Солнцевъ — столько же въ Курскѣ и Никифоровъ столько же въ Пензѣ; графъ Тышкевичъ былъ 27 л. Кіевскимъ губернскимъ предводителемъ, Ошторцъ — 22 г. Минскимъ, а Пржедзецкій 25 л. Подольскимъ губернскими предводителями; объясненіе этому легко найти, если вспомнить то безлюдіе, которымъ отличалась провинція тѣхъ временъ; лучшее дворянство бѣжало изъ нея; оставались немногіе богачи, вельможи или истинно преданные дѣлу дворяне; выборъ не могъ не пасть на нихъ. Но, повторяемъ, для замѣщенія предводительскихъ, а отчасти и депутатскихъ мѣстъ (говоримъ отчасти, такъ какъ послѣдняя должность представляется сравнительно очень маловажной) людей достойныхъ было все-таки еще достаточно въ провинціи. Совершенно иначе обстояло дѣло съ выборными должностными лицами общей администраціи; хорошихъ, достойныхъ и дѣльныхъ людей безусловно стало нехватать для замѣщенія всѣхъ вакансій; правительству надо было предоставлять имѣющимся налицо кандидатамъ новыя выгоды, чтобы удержать у дѣла

[1]) Дворянство въ Россіи, стр. 460 и 493.

хоть тѣхъ, которые прежде служили по выборамъ; отсюда мысль о продленіи срока ихъ службы. Но впослѣдствіи все большую почву стала находить себѣ другая идея — говоримъ про замѣщеніе такихъ вакансій по назначенію отъ правительства.

Правильно замѣчаетъ Середонинъ по этому поводу [1]: «высшее правительство того времени усваивало себѣ мысль все болѣе, что интересы управленія выиграютъ, если полиція вся будетъ по назначенію, а не по выбору; но при этомъ правительство не желало отнимать у дворянства того, что составляло его право»; подобный процессъ былъ вполнѣ естестененъ; провинціальное управленіе, несомнѣнно, должно было отъ этого выиграть; аналогично относилось правительство и къ вопросу замѣщенія должностей судебнаго вѣдомства; разъ дворянство не желало служить по выборамъ (а въ этомъ мы не разъ уже имѣли и будемъ имѣть случай убѣдиться), его можно было лишить этого права въ интересахъ прочаго населенія; поэтому мы и не винимъ правительство за такую политику; оно было лишь послѣдовательно, когда, напр., въ губерніяхъ Тверской, Новгородской и Псковской замѣстило нѣкоторыя должности по назначенію, когда министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской прямо указывалъ Комитету министровъ на необходимость замѣщать выборныя должности чиновниками или когда право ихъ назначенія на пустующія вакансіи выборной службы предоставлялось губернаторамъ [2].

Намъ остается разсмотрѣть еще одно начало, касающееся положенія органовъ дворянскаго сословнаго управленія, а именно вопросъ ихъ вознагражденія.

Предводительская должность всегда разсматривалась пра-

---

[1]) Истор. обзоръ дѣятельности Комитета министровъ, томъ II, часть I, стр. 244.

[2]) См. тамъ же, стр. 244. Другой примѣръ подобнаго рода представляетъ собой указъ 30-го января 1827 года (П. С. З. № 853), разрѣшившій замѣщать нѣкоторыя вакансіи по выборной службѣ губернскимъ правленіямъ, въ случаѣ недостатка въ данномъ уѣздѣ кандидатовъ отъ дворянства.

вительствомъ какъ безвозмездная и, какъ мы видѣли, взглядъ этотъ проводился имъ довольно послѣдовательно; исключенія, однако, все-таки встрѣчались; такъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напр., въ Костромской) дворянство ассигновало особыя суммы на уплату предводителямъ пенсіи за ихъ службу [1]); но подобныя постановленія правительствомъ обыкновенно не утверждались; наоборотъ, ассигнованія въ видѣ единовременныхъ пособій разрѣшались, такъ какъ носили скорѣе характеръ помощи данному лицу по обстоятельствамъ временнымъ и мѣстнымъ и не могли быть приняты за нежелательный прецедентъ.

Но, кромѣ того, бывали и другого рода исключенія, когда правительство само выплачивало предводителямъ извѣстныя суммы, какъ, напр., за поѣздки для пріема рекрутъ или при другихъ командировкахъ «по дѣламъ службы» [2]); объясненіе этому весьма простое: правительство возлагало на предводителей столько обязанностей по провинціальной администраціи, ничего общаго съ управленіемъ сословнымъ не имѣющихъ, что поневолѣ ему приходилось особо вознаграждать за такія порученія. Здѣсь нельзя видѣть, конечно, нарушенія вышеприведеннаго принципа безвозмездности, который, повторяемъ, проводился правительствомъ очень послѣдовательно [3]).

Другіе органы дворянскаго сословнаго управленія вознаграждались либо изъ суммъ дворянской казны, либо изъ средствъ, собираемыхъ въ видѣ земскихъ повинностей. Здѣсь мы находимъ даже извѣстную заботливость дворянскихъ обществъ и постоянно встрѣчаемъ примѣры ассигнованія жалованья или

[1]) Середонинъ, в. назв. соч., томъ II, часть 1, стр. 260.

[2]) См. мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 31-го декабря 1836 г. Архивъ Государственнаго Совѣта. Положеніе это впервые встрѣчаемъ мы въ примѣчаніи 3 къ статьѣ 892-й III-го тома свода законовъ. См. также П. С. З. № 5279, указъ 8-го апрѣля 1832 г.

[3]) Постановленіе это содержится въ статьѣ 892, прим. 4. Впервые же оно формулировано въ указѣ 10-го мая 1826 г. (П. С. З. № 323).

См. также указы: 8-го апрѣля 1832 г. (П. С. З. № 5279), 31-го декабря 1836 г. (П. С. З. № 9818) и 8-го августа 1833 г. (П. С. З. № 6387).

увеличенія уже ассигнованнаго содержанія разнымъ канцеляристамъ, служащимъ въ предводительскихъ канцеляріяхъ, дворянскихъ опекахъ, дворянскихъ коммисіяхъ и т. п. Правда, что иногда правительство подобныя ассигнованія дворянскихъ собраній дѣлало обязательными только для подписавшихъ ихъ дворянъ, но въ общемъ никогда не препятствовало дворянскимъ обществамъ въ проведеніи такихъ постановленій [1]).

Нельзя не согласиться съ правильностью этихъ взглядовъ; предводительская должность по существу своему должна была быть безвозмездной; порученіе же предводителямъ участія въ дѣлахъ общей администраціи, въ особенности если это сопряжено было, какъ, напр., при разъѣздахъ, съ расходами, должно было оплачиваться особо; наоборотъ служба канцеляристовъ по учрежденіямъ дворянскаго сословнаго управленія въ этомъ отношеніи не могла ничѣмъ отличаться отъ службы правительственной [2]).

VI.

Одинъ изъ основныхъ вопросовъ дворянскаго сословнаго управленія, отношеніе къ нему правительственныхъ органовъ, въ частности губернаторовъ, остался къ несчастью въ прежнемъ положеніи, т. е. въ полной неопредѣленности; взглядъ же правительства на этотъ вопросъ попрежнему предполагалъ полную зависимость сословнаго управленія отъ произвола губернаторовъ; ни законъ 1831 года, ни послѣдующіе акты ничего не сдѣлали въ этомъ направленіи; все осталось по старому; а между тѣмъ, если вспомнимъ, это-то и являлось одною изъ главныхъ причинъ паденія значенія выборной службы и почти полной потери сословнымъ управленіемъ своей независимости, на что не разъ указывалось и въ Комитетѣ министровъ и въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ 6-го декабря; но

---

[1]) Середонинъ, в. назв. соч., томъ II, ч. 1, стр. 259—261.

[2]) „Безчиновныя" лица, служащія по выборамъ, могли получать прогонныя, при командировкахъ по дѣламъ службы, согласно указу 10-го мая 1826 г.

освобожденіе дворянскаго сословнаго управленія изъ-подъ опеки губернаторовъ, какъ лучшее средство исправленія такого зла, ни разу не было предлагаемо! Послѣдующая практика только подтвердила высказываемыя нами мысли; губернаторы стали проявлять по отношенію къ дворянскимъ обществамъ все бóльшій произволъ, вмѣшиваясь во всѣ ихъ дѣла, что не могло не способствовать дальнѣйшему паденію значенія и выборной службы и сословнаго управленія.

На этой же почвѣ попрежнему происходили частые безпорядки и столкновенія; какъ только дворянство не желало подчиняться произволу губернаторовъ, такъ послѣдніе сейчасъ же принимали репрессивныя мѣры,—а отсюда и недовольство, и безпорядки. Чаще всего столкновенія происходили изъ-за выборовъ губернскихъ предводителей.

Такъ, напр., Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Репнинъ по личнымъ счетамъ уволилъ за два мѣсяца до срока Черниговскаго губернскаго маршала генерала Ширай и затѣмъ, когда дворянство его вторично выбрало предводителемъ, не утвердилъ его; дѣло поступило на рѣшеніе Комитета министровъ, который вполнѣ справедливо нашелъ, что утверждать или не утверждать данное лицо губернскимъ маршаломъ князь Репнинъ могъ, увольнять же маршала въ отставку не имѣлъ права, что и «поставить ему на видъ». Николай Павловичъ утвердилъ это положеніе Комитета [1]).

Немного спустя тотъ же князь Репнинъ опять-таки не утвердилъ избраннаго Черниговскимъ дворянствомъ губернскаго маршала Кочубея, который подалъ жалобу на генералъ-губернатора Комитету министровъ [2]); столкновеніе на этотъ разъ возгорѣлось изъ-за протеста Кочубея противъ нѣкоторыхъ мѣръ князя Репнина, по его мнѣнію, превышавшихъ власть генералъ-губернатора. Комитетъ, подробно разслѣдовавъ это дѣло, нашелъ, что Кочубей дѣйствительно много себѣ позво-

---

[1]) Середонинъ, в. н. с., томъ II, часть I, стр. 249.
[2]) Въ 1829 году. См. тамъ же стр. 250.

лялъ, «протестуя», т. е. слишкомъ усердно и публично осуждалъ поведеніе князя Репнина; но подобное поведеніе Кочубея, по мнѣнію Комитета, еще не могло служить основаніемъ для его неутвержденія, такъ какъ подведеніе его подъ категорію лицъ, находящихся подъ подозрѣніемъ или уличенныхъ въ явныхъ порокахъ, безчестныхъ поступкахъ или задорномъ поведеніи, было совершенно невозможно; Комитетъ опять-таки всталъ въ этомъ случаѣ на сторону маршала, осудивъ дѣйствія князя Репнина, но Государь потребовалъ представленія Репнинымъ объясненій своихъ поступковъ передъ тѣмъ, чтобы окончательно рѣшать дѣло. Репнинъ конечно не преминулъ этимъ воспользоваться и представилъ обширнѣйшую записку, въ которой Кочубей попрежнему обвинялся въ томъ, «что безпрестанно осуждалъ дѣйствія начальниковъ Черниговской губерніи» и потому не могъ быть утвержденъ маршаломъ. Государь, прочтя это донесеніе, повелѣлъ «дѣло сіе считать оконченнымъ» [1]).

Такой же примѣръ мы имѣемъ въ случаѣ неутвержденія Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ избраннаго первымъ кандидатомъ въ губернскіе предводители Левашова [2]); гражданскій губернаторъ уже утвердилъ его, когда послѣдовало это рѣшеніе военнаго губернатора; въ исправленіе должности губернскаго предводителя тогда вступилъ второй кандидатъ Пальчиковъ, Левашовъ же подалъ жалобу Комитету министровъ; но Комитетъ не нашелъ возможнымъ разсматривать жалобу и передалъ ее для производства общимъ порядкомъ въ Сенатъ. Послѣдній же, послѣ подробнаго разслѣдованія дѣла, не нашелъ никакихъ *законныхъ* основаній неутвержденія Левашова и постановилъ «допустить его впредь до избранія въ губернскіе маршалы»; Сенатъ не нашелъ только возможнымъ за краткостью срока (оставалось всего не болѣе года до новыхъ выборовъ) немедленно утвердить Левашова

---

[1]) Тамъ же, стр. 253.
[2]) Тамъ же, стр. 253.

предводителемъ и только возстановилъ его права на будущее время.

Министръ юстиціи Дашковъ нашелъ опредѣленіе Сената правильнымъ, но не по существу дѣла; онъ согласился съ Сенатомъ лишь потому, что Левашова не допустили къ исправленію его должности, такъ какъ не слѣдовало по его мнѣнію «въ такомъ отдаленномъ краѣ *ослаблять власти главнаго начальника*»; мнѣніе очень характерное; Комитетъ министровъ нашелъ, что военный губернаторъ имѣлъ право не утверждать Левашова; «ему не слѣдовало только въ такомъ случаѣ предоставлять утвержденіе гражданскому губернатору», иначе создавались двѣ, закономъ не предусмотрѣнныя, инстанціи, читаемъ въ журналѣ Комитета.

Въ 1834 году на выборахъ Курской губерніи произошли безпорядки; избранный губернскимъ предводителемъ Григорьевъ скрылъ это отъ губернатора, который вслѣдствіе этого безпрепятственно утвердилъ всѣ выборы; но послѣдніе были опротестованы прокуроромъ; дѣло поступило на разсмотрѣніе Комитета министровъ, полагавшаго правильнымъ назначить новые выборы; Николай Павловичъ не только согласился съ этимъ, но при проѣздѣ своемъ сдѣлалъ Курскимъ дворянамъ строгій выговоръ; мѣры эти воздѣйствовали на дворянство, и слѣдующіе выборы въ 1837 году прошли спокойно [1]); неутвержденіе лицъ, избранныхъ дворянствомъ было послѣдствіемъ въ данномъ случаѣ «бдительности» прокурора; мы имѣемъ слѣдовательно хорошій примѣръ того вліянія, которое могло оказывать на дѣла дворянскихъ собраній это должностное лицо.

На губернаторовъ правительство всегда возлагало обязанность надзора за законностью постановленій собраній; примѣромъ тому можетъ служить случай, имѣвшій мѣсто въ 1853 г. на Тульскихъ выборахъ; Комитетъ министровъ постановилъ сдѣлать губернатору строгое замѣчаніе за то, что въ кандидаты на должность губернскаго предводителя было избрано не

---

¹) Тамъ же, стр. 255.

два, а всего одно лицо [1]); губернаторъ, по мнѣнію Комитета, не долженъ былъ распускать собранія, «пока не будутъ выбраны оба кандидата». Еще характернѣе примѣръ неутвержденія Смоленскимъ губернаторомъ одного изъ уѣздныхъ предводителей дворянства; мотивомъ же были выставлены невѣжливость и *непокорность* этого лица, при чемъ непокорность состояла въ томъ, что онъ при встрѣчѣ никогда не кланялся губернатору!

Дворянство конечно опротестовало постановленіе губернатора, но послѣдній отвѣчалъ, что «означенное лицо ему извѣстно за человѣка либеральнаго образа мыслей» и подобныхъ дворянъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было утверждать въ общественныхъ должностяхъ, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расквартированы войска (sic!); и генералъ-губернаторъ и министръ внутреннихъ дѣлъ стали на сторону предводителя, находя причину неутвержденія «вполнѣ недостаточной»; но Комитетъ рѣшилъ, утвердивъ его въ должности, поставить ему всетаки на видъ, чтобы «онъ избѣгалъ всего, что могло бы показаться недостаткомъ его уваженія къ начальнику губерніи» [2]); все дѣло возникло изъ-за личной ссоры, такъ какъ еще за два года до этого случая тотъ же губернаторъ представилъ это же лицо къ Высочайшей наградѣ. Примѣръ этотъ показываетъ намъ, какъ легко могли губернаторы злоупотреблять своею властью; случаи подобные только что изложенному несомнѣнно были весьма часты и какая-нибудь «непокорность» или «невѣжливость» имѣла слѣдствіемъ исключеніе изъ выборной службы вполнѣ достойныхъ лицъ.

Не подлежитъ также сомнѣнію, что всевластіе губернаторовъ, по вѣрному замѣчанію Середонина [3]), проявлялось и ко всѣмъ прочимъ выборнымъ отъ дворянства должностнымъ лицамъ; примѣры неутвержденія такихъ выборныхъ, изъ-за самыхъ пустячныхъ недоразумѣній, были вполнѣ заурядными явле-

---

[1]) Тамъ же, стр. 256.
[2]) Тамъ же, стр. 256.
[3]) Тамъ же, стр. 257.

ніемъ; подкладка же была почти всегда одна и та же—личные счеты [1]).

При такомъ положеніи дѣла трудно было ожидать поднятія значенія выборной службы. Здѣсь крылся главный корень неудачи правительственныхъ начинаній.

Между тѣмъ, какъ мы уже не разъ указывали, проектовъ реформъ дворянскаго сословнаго управленія и поднятія значенія выборной службы было достаточное количество; припомнимъ хотя бы пренія въ средѣ Комитета 6-го декабря. Но во взглядахъ членовъ его всегда въ концѣ концовъ сквозило преклоненіе передъ идеей правительственной опеки, и взгляды, шедшіе въ разрѣзъ съ этой основной тенденціей, были всегда исключеніемъ и чаще всего приходили извнѣ.

Направленіе мыслей высшихъ правительственныхъ чиновъ хорошо характеризуется тѣмъ положеніемъ, которое долженъ былъ получить губернаторъ по отношенію къ общественному управленію по новому учрежденію о губерніяхъ; онъ долженъ былъ быть прямымъ и единственнымъ посредникомъ между собраніемъ и высшимъ правительствомъ, будь то министромъ внутреннихъ дѣлъ или Верховною властью [2]).

Рядомъ съ этимъ стояло губернское правленіе, также имѣя обширныя права надзора въ дѣлахъ сословнаго управленія [3]).

При такой правительственной политикѣ самостоятельность дворянскаго управленія должна была все уменьшаться, проекты же, имѣвшіе цѣлью тому противодѣйствовать, сводились къ простымъ пожеланіямъ.

Къ числу послѣднихъ между прочимъ принадлежалъ одинъ, представляющій для насъ нѣкоторый интересъ. Въ началѣ царствованія Императора Николая I предполагалось ввести въ составъ Сената выборныхъ сенаторовъ; въ Комитетѣ 6-го де-

---

[1]) Тамъ же, стр. 258 и слѣд.
[2]) § 20. Черты губернскаго управленія. Изъ бумагъ Комитета 6-го декабря 1826 года. 90-й томъ сборника Рус. Ист. Об-ва, стр. 249.
[3]) Тамъ же § 31, стр. 250.

кабря была представлена довольно обширная записка, хранящаяся и понынѣ въ бумагахъ Архива Государственнаго Совѣта [1]), о предоставленіи дворянству права замѣщать нѣкоторое число сенаторскихъ мѣстъ губернскими предводителями. Подобный проектъ былъ слѣдствіемъ идеи о выборныхъ отъ дворянства сенаторахъ; разъ дворянству предоставлялось подобное право, то вполнѣ естественно было первыми кандидатами поставить именно губернскихъ предводителей; они были во главѣ сословнаго управленія, имъ болѣе чѣмъ другимъ органамъ могли быть знакомы интересы мѣстнаго населенія; другой вопросъ конечно, желательно ли было включать въ Сенатъ сословный элементъ, т. е. дать предпочтеніе не выборнымъ сенаторамъ вообще, а представителямъ дворянства; но разъ сословность, а не представительство провинціальнаго общества, была исходной точкой, то выборъ губернскихъ предводителей напрашивался самъ собой; рамки нашего изслѣдованія не позволяютъ намъ останавливаться на разсмотрѣніи этого интереснаго проекта, но думается a priori, что таково уже было время, что идея сословности должна была заслонить собою общее представительство.

VII.

Основнымъ началомъ закона 6-го декабря 1831 года, проходящимъ красной нитью черезъ всѣ его постановленія, было полное уравненіе выборной службы со службой правительственной, чѣмъ, какъ мы знаемъ, осуществлялись въ равной мѣрѣ и идеалъ Николая Павловича и вожделѣнія дворянства.

Принципъ этотъ характернѣе всего выраженъ въ статьяхъ 843 и 844 III-го тома свода, постановлявшихъ считать выборную службу «заурядъ» съ правительственной. «Служащіе по выборамъ, говорится въ статьѣ 881 того же тома, считаются

[1]) Дѣло № 214. Бумаги Комитета 6-го декабря. Архивъ Государственнаго Совѣта.

«въ дѣйствительной государственной службѣ». Именно, это начало и наложило свой отпечатокъ на весь законъ 6-го декабря, глубоко отразившись, конечно, и на сословномъ управленіи. Оно относилось какъ къ служащимъ «собственно по дѣламъ дворянства», другими словами, къ органамъ сословнаго управленія, такъ и къ должностямъ «по дѣламъ, до всѣхъ сословій относящимся» (ст. 882).

Рядомъ съ этимъ въ IX-мъ томѣ повторяются статьи 17—19 Жалованной грамоты, установившія право дворянства служить или не служить по своему усмотрѣнію (ст. 132—134); но постановленія эти, попавшія въ Дворянскую грамоту лишь какъ дань Екатерины знаменитому манифесту ея супруга, звучали въ XIX столѣтіи пустой фразой, имѣвшей цѣлью только ласкать самолюбіе дворянства.

Особенно ясно это видно изъ той прибавки, которая была сдѣлана въ сводѣ законовъ къ постановленію 17 статьи Жалованной грамоты.

Право дворянства подтверждалось лишь съ оговоркой, «развѣ бы востребовала того (т. е. службы дворянства) особливая надобность, Именнымъ Высочайшимъ указомъ ознаменованная» (ст. 132 III-го тома). Мысль эта, какъ извѣстно уже проведенная законодательствомъ Великой Императрицы, получила теперь новое и ясное подтвержденіе.

Это, конечно, и была исходная точка законодателя въ 1831 году. Ею опредѣлялись слѣдующія начала: всѣ служащіе по выборамъ дворянства, въ томъ числѣ предводители, почетные попечители, депутаты, секретари и проч., имѣли право на чинопроизводство и награжденіе орденами и знаками отличія «на общемъ основаніи» (ст. 884 и 890 III-го тома); награды давались не по усмотрѣнію дворянскихъ собраній, а опять-таки общимъ порядкомъ, т. е. по представленію губернаторовъ (для органовъ дворянскаго сословнаго управленія требовалось, кромѣ того, *всегда* Высочайшее утвержденіе) (ст. 891 и примѣч.); назначенія пенсій служащимъ въ предводительскихъ канцеляріяхъ, въ канцеляріяхъ депутатскихъ

собраній и т. п., должны были сообразоваться съ общими постановленіями устава о пенсіяхъ (ст. 893, прим. 2); чинопроизводство должно было «производиться на основаніи общихъ же правилъ устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства» (ст. 892, прим. 2); за служащими по выборамъ отставными военными сохраняются ихъ военные чины безъ переименованія въ статскіе (ст. 894); но при производствѣ въ слѣдующій чинъ уже по выборной службѣ переименованіе было необходимо (ст. 895); и наконецъ, послѣднее — всѣмъ служащимъ по выборамъ присваиваются мундиры «для ношенія по правиламъ, установленнымъ уставомъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства» (ст. 892, прим. 6) [1]. Такимъ образомъ, какъ видимъ, оба рода службы были вполнѣ отождествлены.

Аналогичное положеніе дѣла находимъ мы и въ постановленіяхъ, касающихся отвѣтственности лицъ, служащихъ по выборамъ, а также увольненія ихъ со службы и въ отпускъ; статьи 221, 249 — 251 учрежденія губерній прямо говорятъ, что «служащіе по выборамъ подлежатъ равной отвѣтственности съ чиновниками, опредѣляемыми отъ правительства» и порядокъ преданія ихъ суду—одинъ и тотъ же; при этомъ исправленіе должности преданнаго суду поручалось старшему кандидату.

Порядокъ увольненія въ отпускъ органовъ дворянскаго сословнаго управленія разобранъ нами выше [2]); что же касается увольненія ихъ со службы, то послѣднее, если причиной была болѣзнь или другая «невозможность» исправлять должность, могло происходить лишь съ согласія губернскаго предводителя дворянства (ст. 903). Лица, утверждаемыя Высочайшей властью, въ томъ числѣ слѣдовательно и губернскіе предводители, увольнялись со службы лишь съ Высочайшаго соизволенія (ст. 904).

---

[1]) Эти постановленія изложены въ параграфахъ 123—136 закона 6-го декабря 1831 года.

[2]) См. выше, стр. 564.

Лица, избираемыя на шесть лѣтъ, имѣли право просить объ отставкѣ по истеченіи уже трехъ лѣтъ службы, но увольненіе ихъ могло состояться не иначе, какъ съ разрѣшенія губернскаго правленія (ст. 905).

Всѣ служащіе по выборамъ, въ томъ числѣ и предводители, «аттестовались» губернаторами, что, какъ намъ уже приходилось указывать, ставило органы сословнаго управленія въ полную зависимость отъ начальниковъ губерній; исключеніе было сдѣлано только для депутатовъ дворянства и чиновниковъ канцелярій депутатскихъ собраній, которые «аттестовались» губернскими предводителями (ст. 909, примѣч.).

Остается намъ еще сказать нѣсколько словъ о порядкѣ «опредѣленія къ должностямъ, зависящимъ отъ выборовъ дворянства, чиновниковъ отъ правительства» (§ 119 — 122 закона 1831 года и статьи 913 — 916 III-го тома св. зак.).

Если бы въ какой-нибудь губерніи должности по выборной службѣ оказались не всѣ замѣщенными «по недостатку дворянъ», то вакансіи эти замѣщались по назначенію правительства. При этомъ губернаторомъ составлялся особый списокъ кандидатовъ, о которыхъ онъ предварительно долженъ былъ справляться у предводителей; но если бы подобныхъ кандидатовъ не оказалось, начальнику губерніи предоставлено было право назначать кого угодно, не спрашивая вовсе мнѣнія предводителей и руководствуясь лишь общими постановленіями устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Срокъ службы подобныхъ лицъ оканчивался истеченіемъ даннаго трехлѣтія, послѣ чего они могли оставаться въ должности при изъявленіи на то согласія дворянскаго собранія [1]) или опять-таки при незамѣщеніи ихъ вакансіи выборами дворянства. При незамѣщеніи дворянствомъ вакансіи предсѣдателей палатъ, послѣдніе назначались, по представленію министра, Высочайшимъ усмотрѣніемъ.

Итакъ, мы видимъ, перечисленныя постановленія оконча-

[1]) Для этого требовалось постановленіе собранія, принятое $^2/_3$ голосовъ.

тельно уравняли выборную службу со службой правительственной. При такомъ положенiи дѣла не могло быть и рѣчи о самостоятельности дворянскаго сословнаго управленiя. Не могли поднять такiя мѣропрiятiя и значенiя выборной службы; послѣдняя и впредь осуждена была на «заштатность» и «захудалость», правительственная же политика — на вредную безплодность.

Но если огромна была вина правительства, то не мала была и та роль, которую играло при этомъ само дворянство; вождельнiя и идеалы этого сословiя во многомъ вполнѣ сходились со взглядами Николая I.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Постановленія Свода Законовъ, изданія 1842 года. — Продолженія къ этому изданію.— Измѣненія, внесенныя въ начала избирательнаго права. — Новое расширеніе функцій предводителей дворянства. — Участіе ихъ въ различныхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія, какъ-то: народнаго продовольствія, земскихъ и квартирной повинностей, путей сообщеній, народнаго образованія и др. — Посредничество между помѣщиками и ихъ крѣпостными. — Циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ.

I.

Сравнивая законъ 6-го декабря 1831 года со статьями свода, изданія 1832 года, мы нашли мало измѣненій; кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ редакціонныхъ поправокъ, въ сводъ были внесены всѣ тѣ начала, которыя выработаны были въ многочисленныхъ законосовѣщательныхъ инстанціяхъ, нами указанныхъ. Но подобное единство является только внѣшнимъ; внутренній смыслъ этого закона при ближайшемъ изслѣдованіи показываетъ нѣкоторый глухой и неясный процессъ, опредѣленно выступившій наружу лишь во второй половинѣ Николаевскаго царствованія.

Необходимость реформы и кодификаціи сословнаго законодательства сознавалась всѣми; какъ мы указывали выше, уже сразу по восшествіи на престолъ Императора Николая, со всѣхъ сторонъ стали раздаваться голоса, старавшіеся выяснить главнѣйшія причины неудовлетворительности положенія сословнаго управленія и выборной службы; правительству не разъ указывалось и единственное средство искорененія зла;

припомнимъ только пренія, происходившія въ Комитетѣ 6-го декабря; средство это было — полная самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія и независимость его отъ правительственныхъ органовъ.

Въ первоначальныхъ проектахъ, въ журналахъ различныхъ совѣщательныхъ Комитетовъ — повсюду сквозитъ эта идея. Но затѣмъ, постепенно и неотразимо, она стала заслоняться другой, имѣвшей за собою гораздо бо̀льшую силу — естественное направленіе развитія интересовъ русскаго дворянства; государственная служба должна была первенствовать quand même; чинъ силою необходимости долженъ былъ въ сотый разъ праздновать побѣду.

Вотъ эта-то послѣдняя идея и чувствуется, хотя еще неясно, въ тѣхъ немногихъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ внесенныхъ въ сводъ законовъ при первомъ его изданіи; поправки эти были по виду незначительны, но всѣ шли къ одной опредѣленной цѣли—полному отождествленію выборной службы со службой правительственной.

Ни законъ 1831 года, ни проекты начала царствованія, въ особенности тѣ, которые разсматривались въ Комитетѣ 6-го декабря, не могли удовлетворить русскаго общества. Исторія этого царствованія показываетъ, что почти вся законодательная политика сводилась къ полумѣрамъ, а послѣднія никогда не могутъ удовлетворить недовольное общество. Либеральная часть общества, стремившаяся впередъ, искренно желала улучшенія существовавшаго порядка вещей, но все яснѣе сознавала, что надежды эти удовлетворены не будутъ, другая же, поклонница прежнихъ порядковъ, думала помочь дѣлу другими мѣрами — безпощадной реакціей.

Яркимъ примѣромъ такого недовольства является разговоръ барона М. А. Корфъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Закревскимъ, имѣвшій мѣсто въ 1830 году, по поводу проекта закона о состояніяхъ, о которомъ намъ приходилось говорить выше.

Генералъ-адъютантъ Закревскій замѣтилъ барону Корфъ слѣдующее:

«Я не только сопротивлялся всѣми силами этому *нелѣпому* проекту, но и осмѣлился даже въ Совѣтѣ, въ присутствіи Государя, собиравшагося тогда въ Варшаву, сказать, что первымъ условіемъ для изданія новаго закона считаю присутствіе Его Величества въ столицѣ. Почему же? спросилъ Государь съ весьма раздраженнымъ видомъ. Потому отвѣчалъ я, что невозможно предвидѣть какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не могу принять на себя отвѣтственности за сохраненіе народнаго спокойствія въ отсутствіе Вашего Величества. Прямого возраженія не послѣдовало и хотя проектъ былъ отложенъ и потомъ совсѣмъ взятъ назадъ, однако съ тѣхъ именно поръ Государь видимо ко мнѣ охладѣлъ, а Кочубеи, мужчины и женщины, во всѣхъ поколѣніяхъ и во всей ихъ роднѣ, еще болѣе на меня озлобились, потому что проектъ, какъ вы знаете, былъ созданіемъ этой ватаги, вмѣстѣ съ Сперанскимъ».

Характерно упоминаніе о семьѣ Кочубеевъ во множественномъ числѣ; оно рисуетъ намъ ту роль, которую играла эта семья при Николаѣ I; имя Сперанскаго употреблено было Закревскимъ также не безъ основанія; Сперанскому принадлежала, несомнѣнно, выдающаяся роль въ выработкѣ законодательныхъ проектовъ этого царствованія [1]).

Каковы же были тѣ результаты, къ которымъ привелъ только что разобранный законодательный актъ?

За дворянскими губернскими обществами были вновь признаны корпоративныя права, и значеніе юридическихъ лицъ; но, утверждая за ними такое положеніе, законодатель не могъ, по вѣрному замѣчанію Градовскаго [1]), создать *интересовъ* для

---

[1]) Разговоръ, приведенный здѣсь, цитированъ въ запискахъ барона М. А. Корфъ. „Русская Старина" 1900 г., томъ 101, стр. 585. О немъ упоминаетъ также Шильдеръ въ исторіи царствованія Императора Николая I, томъ II, стр. 393

нихъ. Корпоративныхъ интересовъ у русскаго дворянства не было и не могло быть, это достаточно ясно доказала изученная нами исторія; дворянскія корпораціи остались теоретическими фикціями; этимъ же опредѣляется и значеніе предводительской должности; центръ дѣятельности этихъ *сословныхъ* органовъ все болѣе переходилъ къ *всесословнымъ* обязанностямъ, т. е. къ правительственнымъ порученіямъ.

Если въ предшествовавшія царствованія само дворянство шло по этому пути, все болѣе отождествляясь съ бюрократіей и теряя послѣднюю связь съ землей (если таковая вообще когда-нибудь существовала!), то въ царствованіе Императора Николая I и правительство откровенно стало на ту же точку зрѣнія; оно даже взяло на себя иниціативу и, можно смѣло сказать, сдѣлало все отъ него зависѣвшее, чтобы закрѣпить дворянство на государственной службѣ; въ данномъ случаѣ слѣдовательно перемѣнились только роли, прежде дворянство стремилось на службу, правительство ему въ томъ помогало, теперь правительство все болѣе закрѣпощало дворянское сословіе на службѣ, послѣднее же своими идеалами и стремленіями только способствовало этому; цѣль и конечный результатъ оставались одни и тѣ же и къ концу царствованія Николая I были блестяще достигнуты.

Итакъ, законъ 1831 года, какъ еще замѣтилъ Колобовъ въ своемъ письмѣ [2]) Комитету 6-го декабря, не могъ помочь дѣлу, — поднять значеніе дворянской выборной службы и обновить начала сословнаго управленія, потому лишь, что имъ не была устранена главнѣйшая причина паденія выборной службы, говоримъ про то подавляющее всякую самостоятельность вліяніе правительственной опеки и всевластіе административныхъ органовъ, въ особенности главы провинціальнаго управленія — начальника губерніи; какъ мы видѣли, служебное положеніе,

---

[1]) Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи. Сб. Госуд. Знаній, томъ VI, 1878 г., стр. 143.

[2]) См. выше, стр. 522, примѣч. 2. Бумаги Комитета 6-го декабря, дѣло № 190.

награды, вся жизнь дворянскихъ выборныхъ органовъ была въ рукахъ губернаторовъ.

Все сводилось къ тому же главенству надъ мѣстными и сословными интересами государственной службы; главнѣйшею, если не единственною функцiей дворянскихъ собранiй было «избранiе въ разныя должности *чиновниковъ*», главною же задачай предводителей были правительственныя порученiя; интересы дворянства попрежнему сосредоточивались на карьерѣ и службѣ, роль же правительственныхъ органовъ должна была заключаться во *всемѣрномъ* огражденiи власти и прерогативы.

Выборная служба была окончательно отождествлена закономъ 1831 года со службой правительственной — вотъ второй результатъ этого законодательнаго акта.

Третiй же, *единственный*, который можетъ быть поставленъ ему въ заслугу, былъ — кодификацiя этой области законодательства.

Просмотримъ теперь дальнѣйшее законодательство.

Вскорѣ послѣ закона 1831 года правительство издало два дополнительныхъ указа, которыми было предоставлено дворянскимъ обществамъ право въ теченiе двухъ лѣтъ возбуждать ходатайства объ измѣненiи тѣхъ статей новаго закона, которыя окажутся на практикѣ непримѣнимыми или недостаточными [1]). Этимъ дворянству дано было очень обширное право, но, къ несчастью, намъ не удалось найти матерiаловъ, могущихъ освѣтить дѣятельность дворянскихъ собранiй въ этомъ отношенiи; такимъ образомъ остается невыясненнымъ, въ какой мѣрѣ дворянскiя общества воспользовались приведеннымъ только что постановленiемъ; одно только можно сказать съ увѣренностью, что если дворянство нѣкоторыхъ губернiй и довело до свѣдѣнiя правительства какiя-нибудь данныя относительно недочетовъ закона 1831 года, то данныя эти были очевидно недостаточны и вовсе не имѣли влiянiя на дальнѣйшую правительственную политику.

[1]) Архивъ Государственнато Совѣта. Дѣло № 60, 1831 года.

Объясняется же такое явленіе очень легко, если мы вспомнимъ равнодушное или вѣрнѣе даже отрицательное отношеніе дворянства къ выборной службѣ и сословному управленію.

Намъ необходимо теперь остановиться на слѣдующихъ узаконеніяхъ и распоряженіяхъ правительства — на постановленіяхъ свода законовъ, изданія 1842 года, на продолженіяхъ къ этому изданію и наконецъ на циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, дающихъ намъ хорошій матеріалъ для оцѣнки взглядовъ правительства этой эпохи.

Основной чертой всѣхъ этихъ актовъ оставалось все то же желаніе отождествить выборную службу со службой правительственной и провести возможно полно идеи правительственной опеки сословнаго управленія.

Начнемъ со свода законовъ, изданія 1842 года.

Здѣсь мы должны отмѣтить, во-первыхъ, одно очень важное кодификаціонное измѣненіе — всѣ статьи, опредѣляющія цензовыя условія и, слѣдовательно, и составъ дворянскихъ собраній (ст. 64—71 IX-го тома, изд. 1832 г.), исключены изъ девятаго тома; къ статьѣ 93 (прежде 63-й) добавлено примѣчаніе, въ которомъ говорится, что упомянутыя постановленія (статей 64—71) «означены въ уставѣ о службѣ по выборамъ», III-го тома; дѣйствительно, со времени изданія названнаго устава, помѣщеніе постановленій о составѣ дворянскихъ собраній одновременно въ двухъ частяхъ свода (какъ то было въ изданіи 1832 года) представлялось совершенно излишнимъ и могло только создавать на практикѣ затрудненія.

Далѣе мы находимъ слѣдующія измѣненія.

Къ статьѣ 100 (прежней 78) сдѣлана маленькая прибавка, говорящая, что въ собраніяхъ депутатовъ, избранныхъ дворянствомъ для провѣрки отчетовъ дворянской кассы, предсѣдательствовать долженъ былъ «старшій изъ нихъ по чину». Затѣмъ включена статья 102 [1]), которой дается уѣзднымъ собраніямъ право избирать особыхъ посредниковъ «для полю-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 12459, 21-го іюля 1839 г.

бовнаго специальнаго размежеванія земель», и статья 106 [1]), (вмѣсто примѣчанія къ прежней статьѣ 82), установившая право губернскихъ собраній выбирать особыхъ депутатовъ, «для объясненій просьбъ и жалобъ, приносимыхъ собраніемъ высшему правительству». Въ этомъ постановленіи внесена незначительная на видъ, но имѣвшая довольно важное значеніе, редакціонная поправка; въ ней сказано, что депутаты избираются дворянствомъ «на случай вызова оныхъ правительствомъ»; какъ мы знаемъ, фактически дѣло такъ всегда и обстояло; депутаты, избранные дворянствомъ, почти всегда тщетно ожидали вызова правительства; но теперь измѣнилась юридическая конструкція; правительству было прямо дано право вызывать или не вызывать такихъ депутатовъ, дворянство же избирало ихъ лишь «на случай» вызова. Депутаты эти попрежнему правительствомъ никогда не призывались.

Затѣмъ сдѣлано было добавочное постановленіе о дворянскихъ складкахъ, согласно указамъ 17-го іюня 1836 года и 16-го апрѣля 1837 года [2]). «Денежныя складки, говорится въ этой статьѣ, дѣлаются не иначе какъ по предложенію губернскаго предводителя въ губернскомъ собраніи и въ самой залѣ онаго». Такимъ образомъ инціатива складокъ должна была принадлежать исключительно губернскимъ предводителямъ; кромѣ того введены были два ограничительныхъ условія; постановленія о складкахъ могли состояться только на обыкновенныхъ собраніяхъ и въ самой залѣ засѣданій; никакія постановленія дворянства, принятыя въ клубахъ или другихъ помѣщеніяхъ, не могли носить характера складокъ; принятіе же ихъ въ собраніяхъ чрезвычайныхъ могло состояться лишь съ Высочайшаго разрѣшенія.

Подобное ограниченіе права составлять складки не можетъ не быть привѣтствуемо, принимая во вниманіе, что эти постановленія дворянства налагали обязательства на всѣхъ дворянъ губерніи; новая редакція разбираемой статьи, слѣдова-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 9322, 17-го іюня 1836.
[2]) Статья 114 (прежняя 89). П. С. З. № 9322 и 10150.

тельно, должна была оградить дворянство отъ злоупотребленій, встрѣчавшихся по свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ довольно часто [1]).

Далѣе законодатель значительно развилъ и дополнилъ постановленія, касавшіяся права дворянскихъ собраній исключать изъ своей среды нѣкоторыя категоріи дворянъ; постановленія, относящіяся къ данному вопросу, въ изданіи свода законовъ 1832 года были изложены чрезвычайно суммарно (ст. 95).

Въ изданіе 1842 года внесены кромѣ того слѣдующія дополнительныя постановленія [2]); если дворянское собраніе находило нужнымъ исключить изъ своей среды дворянина, не опороченнаго судомъ, но подозрѣваемаго въ порочащихъ честь поступкахъ, оно должно было сдѣлать о томъ предварительное постановленіе, которое, черезъ уѣзднаго предводителя, сообщалось данному лицу; послѣднему предоставлялось затѣмъ право представить объясненія въ свое оправданіе слѣдующему губернскому собранію; только по разсмотрѣніи этихъ послѣднихъ могло второе очередное собраніе окончательно исключить изъ своей среды даннаго дворянина; этимъ, по словамъ самого закона, «лучше охранялась справедливость и права обвиняемаго». Но вмѣстѣ съ тѣмъ законодатель нашелъ нужнымъ разъяснить, что «прощеніе, общимъ милостивымъ манифестомъ даруемое, не отмѣняетъ права дворянства» кого-либо исключать изъ собранія (ст. 122); такое широкое право признавалось за дворянскими собраніями и раньше [3]), и объясняется общей точкой зрѣнія правительства, кладущей главный вѣсъ въ этомъ вопросѣ на нравственную сторону поведенія и жизни дворянъ.

---

[1]) Дворянскія складки болѣе всего составлялись съ цѣлью учрежденія пансіоновъ, корпусовъ и другихъ учебныхъ заведеній для дворянскихъ дѣтей.

См. Середонинъ, в. н. с., томъ II, часть 1, стр. 261 и слѣд.

[2]) Указъ 7-го января 1835 года (П. С. З. № 7734).

[3]) Ср. § 55 закона 1831 года, указъ 2-го апрѣля 1827 г. (П. С. З. № 1008) и 1-го сентября 1801 г. (П. С. З. № 20001).

Указъ 17-го іюня 1836 года [1]) далъ дворянскимъ собраніямъ право «изъявлять признательность чиновникамъ по выборамъ служащимъ», при чемъ постановленія эти должны были приниматься губернскими собраніями не менѣе, какъ $^2/_3$ голосовъ; указъ этотъ далъ лишь санкцію тому, что до того практиковалось довольно часто (ст. 123).

Положенія статьи 99 (изд. 1832 года) были немного измѣнены статьей 127, а именно, вмѣсто пени въ 500 руб. за противозаконныя постановленія дворянскихъ собраній, была установлена пеня въ 150 рублей; соотвѣтственно уменьшены были и пени, налагаемыя на предводителей; вмѣсто 200 руб., взимавшихся съ губернскаго, и 100 р. съ уѣздныхъ предводителей, полагалось теперь 60 р. съ губернскаго и 30 р. съ уѣздныхъ предводителей. Такое значительное уменьшеніе размѣра штрафовъ трудно объяснимо и врядъ ли оправдывается пользой дѣла.

Затѣмъ законодатель нашелъ нужнымъ перечислить случаи, «въ коихъ дворянскія собранія могутъ измѣнять, сдѣланныя ими опредѣленія» (ст. 128 и указъ 7-го января 1835 г.). Такое измѣненіе могло быть принято, во-первыхъ, въ постановленіяхъ, касавшихся нуждъ дворянскаго сословія и дворянскихъ складокъ, «если они не были еще доведены до Высочайшаго свѣдѣнія», во-вторыхъ, въ постановленіяхъ о добровольныхъ складкахъ, но только при единогласномъ рѣшеніи дворянскаго собранія; въ третьихъ, въ постановленіяхъ объ исключеніи дворянъ изъ собранія, если оправдательныя объясненія такихъ дворянъ были признаны собраніемъ удовлетворительными. Всѣ подобныя постановленія могли быть приняты лишь большинствомъ $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ дворянъ, кромѣ пункта второго, конечно, при чемъ число послѣднихъ должно быть во всякомъ случаѣ не менѣе того, которое присутствовало при принятіи первоначальнаго постановленія. Вторично постановленія эти измѣнены быть не могли. Законъ

[1]) П. С. З. № 9322, п. 33.

1835 года пополнилъ, такимъ образомъ, довольно важный пробѣлъ прежняго законодательства.

II.

Постановленій избирательнаго права и началъ выборной службы коснулись слѣдующія измѣненія (III-ій томъ свода зак.):

Здѣсь въ первую очередь необходимо отмѣтить измѣненіе редакціонное; тогда какъ въ изданіи 1832 года нумерація статей шла подъ рядъ по всѣмъ тремъ уставамъ (службы по назначенію, службы выборной и пенсіоннаго), въ изданіи 1842 года уставъ о службѣ по выборамъ имѣетъ свою особую нумерацію.

Далѣе, къ первой главѣ («означеніе должностей, замѣщаемыхъ по дворянскимъ выборамъ») правительство сдѣлало очень много дополненій, въ особенности же къ отдѣленію второму, въ которомъ перечислялись должности, замѣщаемыя дворянскими выборами въ нѣкоторыхъ губерніяхъ; кругъ этихъ должностей постоянно расширялся, о чемъ свидѣтельствуетъ многочисленность приводимыхъ въ примѣчаніи указовъ и новыхъ статей III-го тома [1]).

[1]) Сюда относятся статьи 7, примѣчаніе 11, 14, 16, 24—26, 28, 30, 34 и слѣдующіе указы:

30 іюня 1843 г.	16994
6 ноября 1837 г.	10671
5 іюня 1843 г.	16924
10 марта 1843 г.	16609
21 декабря 1843 г.	17423
13 декабря 1845 г.	19546
23 марта 1845 г.	18860
30 марта 1846 г.	19891
27 февраля 1846 г.	19780 и 19779
13 февраля 1846 г.	19721
17 декабря 1846 г.	20715
29 октября 1847 г.	21663
10 января 1848 г.	21877
24 августа 1848 г.	22521
1848 года многочисл. измѣненія по Тифлисской губ.	
9 февраля 1849 г.	22997
16 октября 1850 г.	24545

Кромѣ того дворянство избирало депутатовъ въ члены губерн-

Очень важнымъ для насъ является дополненіе статьи 51 (прежней 750) слѣдующимъ постановленіемъ; статья 750 говорила объ общемъ имущественномъ цензѣ, дающемъ активное избирательное право [1]); въ 1836 году (П. С. З. № 9322) были прибавлены еще два условія, дающія то же право избирать къ должностямъ, а именно ими могъ пользоваться дворянинъ, «пріобрѣвшій на дѣйствительной службѣ, а не при отставкѣ, военный чинъ полковника или гражданскій дѣйствительнаго статскаго совѣтника или же высшій, если онъ притомъ владѣлъ въ той губерніи не менѣе пятью душами или 150 десятинами земли незаселенной, записанъ въ родословную книгу той губерніи и имѣлъ наконецъ увольнительный видъ», и, во-вторыхъ, дворянинъ, прослужившій уже до изданія этого закона или послѣ того по выбору своего сословія полное трехлѣтіе въ званіи предводителя дворянства, «хотя бы и не имѣлъ никакой недвижимой собственности». Второе постановленіе вполнѣ понятно; разъ данное лицо уже служило предводителемъ дворянства, его нельзя было лишать и впредь права занимать ту же должность; первое же постановленіе характерно показываетъ намъ все ту же тенденцію правительства давать преимущество лицамъ, состоящимъ или состоявшимъ на государственной службѣ.

Статья 752 дополнена слѣдующимъ образомъ: дворянинъ, владѣющій нѣсколькими полными участками въ разныхъ уѣздахъ, можетъ участвовать на всѣхъ соотвѣтственныхъ уѣздныхъ собраніяхъ, въ губернскомъ же имѣетъ все-таки только одинъ голосъ (ст. 54, изд. 1842 г.) [2]).

Тѣмъ же указомъ 1836 года [3]), были сдѣланы еще другія дополненія постановленій объ имущественномъ цензѣ: актив-

скихъ и областныхъ строительныхъ и дорожныхъ коммисій (1851 г. 22-го янв. П. С. З. № 24863) и посредниковъ полюбовнаго размежеванія чрезполосныхъ дачъ (21-го іюня 1839 г. П. С. З. № 12459; о порядкѣ вознагражденія посредниковъ см. ст. 245 III тома св. зак., изд. 1842 г.).

[1]) См. выше, стр. 540.

[2]) См. выше, стр. 541.

[3]) П. С. З. № 9322, 17-го іюня 1836 г.

ное право предоставлялось законному наслѣднику владѣльца цензоваго участка, если онъ управлялъ имъ въ качествѣ опекуна и пользовался условіями личнаго ценза (ст. 61); то же право было дано и опекунамъ малолѣтнихъ, если они также пользовались условіями личнаго ценза (ст. 62). Этимъ, по нашему мнѣнію, въ законъ была внесена вполнѣ справедливая поправка; опекуны, пользующіеся всѣми требуемыми закономъ условіями, кромѣ владѣнія имуществомъ, должны были получить активное избирательное право.

Статья 759 была совершенно измѣнена, при чемъ страннымъ образомъ кодификаторомъ отмѣчено, что измѣненіе это произошло «по свѣдѣніямъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ» (ст. 66, изд. 1842 г.); статья эта, какъ мы знаемъ, устанавливала подоходный цензъ для нѣкоторой категоріи дворянъ—въ размѣрѣ 2,000 рублей [1]); между тѣмъ статья 66 требуетъ всего лишь 600 рублей годового дохода. Подобное пониженіе избирательнаго ценза ничѣмъ не оправдывается и могло имѣть только обратное послѣдствіе тому, которое преслѣдовалось законодателемъ при изданіи закона 1831 года; какъ извѣстно, послѣдній старался сократить кругъ избирателей, вводя ограничительныя цензовыя условія; статья же 66, напротивъ, сильно расширяла этотъ кругъ. Намъ, къ несчастью, не удалось найти матеріаловъ для выясненія исторіи этой статьи; но есть нѣкоторыя основанія предполагать, что мы имѣемъ здѣсь простой недосмотръ или невнимательность министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ врядъ ли можно думать, что вдругъ нашлись серьезные доводы за столь существенное уменьшеніе подоходнаго ценза или найдены были доказательства несоотвѣтствія прежняго положенія законодательства съ экономическимъ положеніемъ дворянства.

Постановленія, говорившія о правѣ избранія черезъ уполномоченныхъ, были также измѣнены указомъ 1836 года; право это было предоставлено тѣмъ дворянамъ, которые хотя и не достигли полковничьяго чина или чина дѣйствительнаго стат-

[1]) См. выше, стр. 542.

скаго совѣтника, но владѣли 5 душами крестьянъ или 150 десятинами незаселенной земли [1]). Такое начало привлекало къ участію въ дворянскихъ выборахъ или, по крайней мѣрѣ, давало право на участіе почти всѣмъ «чиновникамъ», такъ какъ пріобрѣтеніе владѣнія 5 душами было чрезвычайно легко. Постановленіе это дало, несомнѣнно, новое преимущество чиновному дворянству.

Въ статьѣ 71 находимъ мы очень важное дополненіе постановленій о выборахъ черезъ уполномоченныхъ; въ ней говорится, что каждый уполномоченный имѣетъ избирательное право, во всемъ равное съ непосредственными избирателями, но лишь со слѣдующими ограниченіями: 1) одно лицо не можетъ имѣть «болѣе одного уполномочія», но можетъ присоединять свой собственный голосъ, если таковой имѣется; 2) уполномоченный долженъ былъ имѣть доказательство своего полномочія, въ видѣ письма на имя уѣзднаго предводителя, засвидѣтельствованнаго двумя дворянами того же уѣзда; 3) передовѣріе не допускается; 4) въ полномочіяхъ, выдаваемыхъ дворянками, должно быть точно указано, уполномочивается ли данное лицо на участіе во всѣхъ дѣлахъ дворянскаго собранія или только въ выборахъ; 5) наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, согласно пункту первому, уполномоченный пользовался и собственнымъ правомъ голоса, онъ могъ подавать свой голосъ за одно рѣшеніе, а голосъ довѣрителей, согласно ихъ указаніямъ, за рѣшеніе противоположное.

Указъ 1841 года [2]) разрѣшилъ запаснымъ офицерамъ выставлять свою кандидатуру на занятіе должностей по выборной службѣ, съ сохраненіемъ прежняго своего чина, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы «въ случаѣ призыва ихъ въ запасныя войска, военное начальство не встрѣчало къ тому никакого препятствія (ст. 81, изд. 1842 г.); запасные офицеры пользовались также правомъ на представленіе къ наградамъ общимъ порядкомъ, но по предварительному сношенію съ

[1]) См. выше, стр. 543.
[2]) 1-го января 1841 г., П. С. З. № 14143. См. выше, стр. 549.

изд. 1842 г.). И, наконецъ, въ 1846 году, когда былъ учрежденъ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства, правительство издало указъ, сравнившій по отношенію къ этому новому учрежденію служащихъ по выборамъ съ должностными лицами, служащими по назначенію; въ вѣдѣніе инспекторскаго департамента входилъ надзоръ за службой выборныхъ должностныхъ лицъ, для чего ему должны были доставляться губернскими правленіями подробные списки этихъ служащихъ; такая мѣра давала лишній поводъ губернскимъ правленіямъ и губернаторамъ вмѣшиваться въ дѣла сословнаго управленія и давать чувствовать дворянамъ, служащимъ по выборамъ, свою власть.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя сдѣланы были въ изданіи свода 1842 года въ положеніи депутатскихъ собраній.

Законодатель развилъ и пояснилъ постановленіе пункта 6 ст. 105, изд. 1832 г.; здѣсь глухо упоминалось, что депутатскимъ собраніямъ предоставлялось право «наложенія опекъ за жестокіе поступки, по предписаннымъ на сіе правиламъ»; пунктъ же 6-й изданія 1842 года (ст. 134) говоритъ, что депутатскія собранія могутъ налагать опеки «за жестокое обращеніе владѣльцевъ съ подвластными имъ людьми или же за безмѣрную и разорительную роскошь, или вслѣдствіе отступленія владѣльца отъ православной вѣры, по предписаннымъ на сіе правиламъ». Какъ видимъ, поводы наложенія опекъ были значительно расширены; къ прежнему жестокому обращенію съ крестьянами были присоединены новыхъ два, расточительство и отпаденіе отъ православія.

20-го апрѣля 1834 года [1]) изданъ былъ довольно важный указъ; имъ опредѣлялась дѣятельность дворянскихъ депутатскихъ собраній, при чемъ впервые ясно была формулирована та мысль, что депутатскія собранія должны всегда руководствоваться лишь формальной стороной доказательствъ дворянскаго достоинства.

---

[1]) П. С. З. № 7007, п. 21, статья 139 IX-го тома, изданія 1842 года.

Уже раньше правительство проводило ту же точку зрѣнія въ отдѣльныхъ распоряженіяхъ, но теперь впервые начало это нашло себѣ точное и ясное опредѣленіе въ законѣ.

Отвѣтственность за правильность и законность дѣятельности депутатскихъ собраній лежала на губернскомъ предводителѣ, «яко главномъ виновникѣ въ допущеніи по депутатскому собранію безпорядковъ» (ст. 139, изданія 1842 года). «Опредѣленія депутатскаго собранія, говоритъ статья 142, подвергаются ревизіи герольдіи», за исключеніемъ документовъ лицъ, пріобрѣвшихъ дворянство государственной службой; ревизія этихъ послѣднихъ производилась инспекторскимъ департаментомъ.

Донесенія свои въ герольдію депутатскія собранія должны были дѣлать согласно точно установленному порядку, представляя закономъ опредѣленные документы или выписки (ст. 143, изд. 1842 г.). Привлеченіе депутатскихъ собраній къ отвѣтственности зависѣло отъ разрѣшенія Сената (ст. 148, изд. 1842 г.) [1]). Въ общемъ можно сказать, что всѣ эти дополненія закона 1831 года были чрезвычайно полезны; ими значительно разъяснялось дѣло и вносился большій порядокъ и опредѣленность [2]).

III.

Обратимся теперь къ предводителямъ дворянства. Постановленія свода, изданія 1842 года, значительно расширили кругъ ихъ компетенціи; кромѣ того, имъ разрѣшено было въ 1836 году [3]) имѣть свою канцелярію, состоящую изъ письмоводителя (пользовавшагося правами государственной службы и состоявшаго въ XII классѣ заурядъ) и двухъ канцелярскихъ

[1]) 26-го мая 1827 года (П. С. З. № 369) былъ изданъ указъ, напоминавшій дворянскимъ депутатскимъ собраніямъ „о немедленномъ исполненіи требованій герольдіи".

[2]) Порядокъ ревизій депутатскихъ собраній былъ установленъ указами 20-го апрѣля 1834 г. (П. С. З. № 7007) и 14-го февраля 1835 г. (П. С. З. № 7865).

[3]) 17-го іюня; П. С. З. № 9322, п. 35.

служителей, также состоявшихъ на государственной службѣ, но получавшихъ жалованье не отъ правительства, а изъ дворянской казны; предводители, конечно, могли имѣть въ своихъ канцеляріяхъ и большее число служащихъ, но таковые не могли пользоваться правами государственной службы; предводители зачастую и раньше имѣли своихъ канцелярскихъ и письмоводителей и, какъ мы знаемъ, дворянство иногда ассигновало имъ извѣстное содержаніе; вся разница слѣдовательно заключалась въ томъ, что, начиная съ 1836 года, нѣкоторые изъ такихъ служащихъ получили права государственной службы.

Отвѣтственность предводителей и порядокъ преданія суду опредѣлялись въ изданіи 1832 года статьями 129 и 130 IX-го тома; но постановленія эти были редактированы крайне неудачно и неясно. Въ изданіи 1842 года они были выпущены и замѣнены общимъ положеніемъ статьи 172, говорившей, что предводители подлежатъ отвѣтственности, какъ за общія преступленія, такъ и за служебные проступки и нарушенія «общему порядку преданія суду, въ законахъ уголовныхъ опредѣленному». Этимъ они были сравнены съ прочими должностными лицами.

Что касается компетенціи предводителей, то таковая была расширена слѣдующими постановленіями: пунктъ седьмой, статьи 162 (прежняя 119), говорившій объ участіи предводителей въ распоряженіяхъ о наложеніи опекъ на помѣщиковъ за жестокое обращеніе съ крестьянами, былъ дополненъ такъ же, какъ вышеприведенная статья 134; поводами къ наложенію такихъ опекъ могли впредь быть, кромѣ жестокаго обращенія съ крѣпостными, расточительство и отпаденіе отъ православія; кромѣ того на обязанности предводителей лежало освидѣтельствованіе «сумасшедшихъ дворянскаго состоянія», слѣдствіемъ чего могло быть также наложеніе опеки [1]).

Затѣмъ, въ пунктахъ 14 и 16 говорится о новыхъ обя-

---

[1]) Указъ 24-го февраля 1853 года, касавшійся этого вопроса, не затронулъ компетенціи предводителей дворянства въ этой области (П. С. З. № 27046).

занностяхъ предводителей, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ; они должны были принимать участіе въ пріемѣ дворянскимъ обществомъ поставокъ провіанта для войскъ и свидѣтельствовать отставныхъ гражданскихъ чиновниковъ, испрашивающихъ пособія отъ правительства.

Предводители уже разъ были привлечены къ дѣлу провіантированія войскъ въ Александровское царствованіе [1]), но тогда роль ихъ была временная и вызывалась особо трудными обстоятельствами, повлекшими за собой напряженіе всѣхъ силъ русскаго общества; теперь же эта новая обязанность предводителей имѣла характеръ все того же чрезмѣрнаго расширенія круга ихъ дѣятельности, вызываемаго взглядомъ на нихъ правительства какъ на единственно надежныхъ органовъ мѣстной администраціи.

Въ 1848 году на предводителей дворянства была возложена еще одна обязанность, аналогичная только что упомянутой, а именно: губернскимъ предводителямъ было поручено привлеченіе дворянства къ оказанію помощи отпускнымъ воинскимъ чинамъ, до возвращенія ихъ на родину; уѣздные же предводители должны были заботиться объ участи женъ и дѣтей безсрочноотпускныхъ нижнихъ чиновъ [2]). Предводители дѣйствовали въ данномъ случаѣ какъ правительственные органы; ихъ сословный характеръ отступалъ на задній планъ.

Обязанности предводителей въ этой области подробно развиты въ циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ [3]). Такъ, губернскіе предводители должны были заботиться о судьбѣ безсрочноотпускныхъ, защищать ихъ отъ неправомѣрныхъ посягательствъ мѣстныхъ помѣщиковъ, наблюдать за

---

[1]) Ср. въ этомъ отношеніи со взглядами министерства внутрен. дѣлъ, изложенными въ его циркулярѣ 9-го марта 1837 г., § 27 (стр. 32) VI-го тома сборника циркуляровъ и инструкцій названнаго министерства. Спб., 1857 года.

[2]) Варадиновъ, Исторія министерства внутрен. дѣлъ, часть III книга 3, стр. 407.

[3]) Сборникъ циркуляровъ и инструкцій министерства внутрен. дѣлъ, томъ I, Спб., 1854 г. § 113, стр. 84 и слѣд., а также § 341 III-го тома того же сборника, стр. 239 — 241.

исполненіемъ ими требованій и распоряженій правительства. «Его Величеству было бы пріятно, если бы дворянство и прочія сословія оказали по возможности призрѣніе семействамъ отпускныхъ нижнихъ чиновъ», говорится въ одномъ изъ циркуляровъ, главными же посредниками должны были быть губернскіе предводители. Не малую роль играли и уѣздные предводители, на которыхъ возложено было ближайшее наблюденіе за этимъ дѣломъ и «дѣятельное попеченіе» объ участи отставныхъ и отпускныхъ воинскихъ чиновъ, проживающихъ въ уѣздѣ.

Во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ предводители дѣйствовали конечно какъ правительственные, а не сословные, органы.

Кромѣ того на нихъ попрежнему лежала обязанность участія въ рекрутскомъ наборѣ [1]). Въ послѣднемъ случаѣ правительство Николая Павловича не сдѣлало никакихъ измѣненій.

Статьи 120 и 121 (по изданію 1842 года 163 и 164) были дополнены цѣлымъ рядомъ новыхъ постановленій; въ статьѣ 163 находимъ мы уже не 6, а 12 пунктовъ; здѣсь были прибавлены къ кругу дѣятельности предводителей слѣдующія обязанности: 1) присутствіе, въ званіи дѣйствительнаго члена, въ губернскомъ попечительствѣ о дѣтскихъ пріютахъ и предсѣдательство въ немъ, при отсутствіи губернатора, 2) предсѣдательство въ посреднической коммисіи, учреждаемой въ каждомъ губернскомъ городѣ для полюбовнаго размежеванія земель, 3) выдача свидѣтельствъ отставнымъ военнымъ, желающимъ поступить на гражданскую службу (о томъ, слѣдовательно, что лица эти «отличались хорошимъ поведеніемъ за время отставки») [2]), 4) выдача такихъ же свидѣтельствъ

---

[1]) Ср., напр., указъ 10-го февраля 1831 г. П. С. З. № 4336.

[2]) Къ этой же функціи относится и участіе предводителей въ дѣлахъ объ утвержденіи губернаторомъ „сентенцій полиціи о неслужащихъ чиновникахъ развратнаго поведенія". Но по указу 15-го іюля 1830 года подобная обязанность возлагалась на предводителя, лишь когда онъ находился въ губернскомъ городѣ или же само дѣло слушалось въ мѣстѣ его временнаго пребыванія; губернаторъ не могъ,

лицамъ, желающимъ вновь поступить на военную службу, 5) выдача свидѣтельствъ лицамъ, желающимъ воспользоваться безсрочнымъ отпускомъ по домашнимъ обстоятельствамъ, въ томъ, что «домашнія ихъ дѣла дѣйствительно требуютъ ихъ присутствія», и 6) участіе въ дѣлѣ заготовленія вольныхъ лошадей въ добавокъ почтовымъ для Высочайшихъ путешествій.

Въ статьѣ 164, вмѣсто прежнихъ 5, помѣщены 11 пунктовъ, возлагающіе на уѣздныхъ предводителей слѣдующія новыя обязанности: 1) выдачи свидѣтельствъ о благонадежности помѣщикамъ, желающимъ принять на себя заведеніе вольныхъ почтъ, 2) предсѣдательства въ уѣздныхъ попечительствахъ о о дѣтскихъ пріютахъ, 3) участія, *по особому приглашенію*, въ засѣданіяхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, 4) надзора за полюбовнымъ размежеваніемъ земель, 5) наряда обывательскихъ лошадей для Высочайшихъ путешествій и 6) предсѣдательства въ комитетахъ, учреждаемыхъ въ уѣздныхъ городахъ для принятія мѣръ къ прекращенію чумной заразы.

Таковы тѣ многочисленныя новыя функціи, которыя были возложены правительствомъ на предводителей за десятилѣтіе 1832—1842 годовъ. Но если мы теперь обратимся къ продолженію свода законовъ, то увидимъ еще бо́льшее расширеніе компетенціи этого органа.

Такъ, въ 1842 году [1]) на губернскаго предводителя возложено было участіе въ производствѣ слѣдствій по дѣламъ объ убійствахъ помѣщиками ихъ крѣпостныхъ, т. е. судебная функція; правительство, должно быть, привлекло ихъ къ этому дѣлу, просто желая дать дворянамъ лишняго защитника; нельзя однако сказать, что такое мѣропріятіе было согласно съ основнымъ характеромъ предводительской должности и съ интересами судопроизводства.

слѣдовательно, по такому дѣлу спеціально вызывать предводителя (Ср. П. С. З. № 2953 и 3117, 26-го іюня и 27-го августа 1829 г. и № 3798, 15-го іюля 1830 года).

[1]) 14-го іюля, П. С. З. № 15846.

Въ томъ же 1842 году [1]) уѣздные предводители были привлечены къ участію въ особыхъ комитетахъ, учреждаемыхъ начальниками губерній для освидѣтельствованія почтовыхъ станцій.

Въ слѣдующемъ году [2]) губернскіе предводители были включены, на правахъ членовъ, въ губернскіе комитеты о коннозаводствѣ! Кромѣ того на нихъ возложена была обязанность выдавать свидѣтельства о «безпорочномъ поведеніи» лицамъ, исключеннымъ со службы или бывшимъ подъ судомъ, а на предводителей уѣздныхъ [3]) испытаніе канцелярскихъ и другихъ нижнихъ служителей, не окончившихъ курса уѣзднаго училища.

Указъ 21-го января 1846 года [4]), подтверждалъ уже ранѣе существовавшую обязанность предводителей, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, участвовать въ дѣлѣ заключенія договоровъ объ увольненіи помѣщичьихъ крестьянъ.

Указъ же 2-го апрѣля 1842 года [5]) привлекъ уѣздныхъ предводителей къ «руководству» земской полиціей въ понужденіяхъ ею обязанныхъ крестьянъ къ исполненію принятыхъ ими на себя обязательствъ. Этотъ послѣдній указъ намъ представляется особенно характернымъ; предводители отнынѣ получили чисто полицейскую функцію!

Но законодатель не остановился на этомъ. Въ 1848 и 1849 годахъ [6]) на уѣздныхъ предводителей возложена была обязанность свидѣтельствовать аттестаты, выдаваемые владѣльцамъ фабрикъ о воспитанникахъ, выпущенныхъ изъ технологическаго института, а равно помѣщикамъ, аттестаты о воспитанникахъ, окончившихъ курсъ земледѣльческаго училища.

Затѣмъ въ 1851 и 1852 году [7]) къ обязанностямъ пред-

[1]) 18-го ноября П. С. З. № 16229.

[2]) 11-го марта и 24-го іюня 1843 г. П. С. З. №№ 16613, 16972.

[3]) 28-го ноября 1844 г. П. С. З. № 18474.

[4]) П. С. З. № 19641.

[5]) П. С. З. № 15462.

[6]) 30-го іюня 1848 г. (22414) и 12-го мая 1849 г. (23242).

[7]) 16-го іюля 1851 г. (25414), 7-го ноября 1851 г. (25725) и 24-го января 1852 г. (25930).

водителей какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, были присоединены слѣдующія функціи — участіе въ дѣлахъ по заготовленію потребной артиллерійскому вѣдомству селитры (sic!), присутствіе въ отдѣленіяхъ общества попечительства о тюрьмахъ и въ комитетахъ общественнаго здравія (п. 15, ст. 163 и п. 16, ст. 164). Такимъ образомъ отнынѣ предводители должны были принимать участіе въ дѣлахъ военно-пенитенціарномъ и народнаго здравія; кажется не оставалось больше ни одной области администраціи, въ которой не было бы удѣлено мѣста, подъ видомъ «присутствія, участія, предсѣданія или распоряженія», предводителямъ дворянства.

Когда въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Россія стала готовиться къ войнѣ и въ губерніяхъ западныхъ, по разнымъ причинамъ, національнаго и политическаго характера, правительство стало замѣчать массовое уклоненіе шляхетства отъ военной службы, на помощь привлечены были опять тѣ же предводители; имъ порученъ былъ ближайшій надзоръ за всѣмъ этимъ дѣломъ, на нихъ же возложена была и отвѣтственность за исправное несеніе «молодыми дворянами» военной службы; такъ, уѣздные предводители должны были «наблюдать за неуклоненіемъ молодыхъ дворянъ отъ службы, участвовать въ осмотрѣ сыновей военныхъ оберъ-офицеровъ» и вообще чиновниковъ, недослужившихся «до правъ потомственнаго дворянства», которые по болѣзнямъ или другимъ причинамъ не могли нести военной службы, и т. д. [1]).

Интересно, что въ обратномъ отношеніи, т. е. направленному къ сокращенію компетенціи предводительской должности, находимъ мы всего одинъ указъ, а именно въ 1845 году [2]), предводители были освобождены отъ обязанности участвовать въ засѣданіяхъ окружныхъ правленій путей сообщенія.

---

¹) 21-го апрѣля 1852 г. (26190), 5-го іюня 1852 г. (26340), 10-го іюня 1852 г. (26360), 14-го ноября 1852 г. (26776), 2-го апрѣля 1853 г. 27123).

²) 20-го февраля. П. С. З. № 18758.

IV.

Просмотримъ поподробнѣе дѣятельность и функціи предводителей дворянства въ различныхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и хозяйства.

Какъ мы уже не разъ говорили, они принимали участіе, почти безъ исключенія, во всѣхъ дѣлахъ провинціальной администрацiи.

Для болѣе яснаго представленія о тогдашнемъ состояніи мѣстнаго, губернскаго и уѣзднаго управленія, необходимо имѣть въ виду историческій ходъ развитія провинціальныхъ учрежденій Россіи. Какъ извѣстно, Великая Императрица, положила основаніе организаціи «губерніи», системѣ провинціальныхъ судовъ, казеннаго управленія и полиціи; но мѣстное хозяйство было едва ею затронуто въ положеніяхъ приказа общественнаго призрѣнія. Въ послѣдующія царствованія постепенно стали выясняться и опредѣляться потребности губернскаго благоустройства, при чемъ правительство регулировало ихъ, или по крайней мѣрѣ, старалось регулировать по мѣрѣ опредѣленія отдѣльныхъ нуждъ; такъ, изданы были, какъ припомнимъ: въ 1805 году положеніе о земскихъ повинностяхъ, въ 1808 году положеніе о квартирныхъ коммисіяхъ; далѣе такимъ же путемъ явились на свѣтъ положенія о комитетахъ и присутствіяхъ о земскихъ повинностяхъ (1851 г.), квартирныхъ комитетовъ (1841 г.), губернскихъ и уѣздныхъ дорожныхъ коммисій (1833 г.), коммисій народнаго продовольствія (1834 г.) и мн. др. [1]. Основной чертой развитія этой области нашего законодательства было ея историческое наслоеніе, повторяемъ, вопросы регулировались законодателемъ по мѣрѣ ихъ назрѣванія; существо же всего государственнаго строя опредѣлялось идеей правительственной опеки; всѣ нити провинціальнаго управленія сосредоточивались въ рукахъ губернатора; должность эта, по справедливому замѣчанію Градов-

[1] См. Градовскій. Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи. Сборникъ Гос. Знаній, томъ VI, 1878 г., стр. 137.

скаго, была расчитана на сверхчеловѣческія силы. Если мы припомнимъ теперь, какъ низко стоялъ уровень культурнаго развитія тогдашняго чиновничества, смотрѣвшаго на службу только съ точки зрѣнія кормленія, намъ ясно станетъ, почему правительство такъ старательно все увеличивало кругъ дѣятельности предводительской должности; у него не было надежныхъ органовъ въ провинціальномъ управленіи; послѣднее же все развивалось и усложнялось и требовало все новыхъ исполнителей и работниковъ; поневолѣ предводителямъ приходилось отдуваться за всѣхъ прочихъ чиновниковъ.

Одною изъ самыхъ важныхъ отраслей мѣстнаго управленія было народное продовольствіе и тѣсно связанное съ нимъ дѣло земскихъ повинностей. Оба они доставляли правительству постоянно очень много хлопотъ и заботъ.

Припомнимъ только многочисленныя и разнообразныя системы обезпеченія народнаго продовольствія, которыя принимало правительство Императора Александра I [1]. Сюда относятся, напр., учрежденіе хлѣбныхъ магазиновъ, принятіе мѣръ къ возвышенію цѣнъ на хлѣбъ, установленіе денежнаго сбора на продовольствіе и т. д. [2]. Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ предводителямъ было удѣлено не малое участіе; они должны были слѣдить за храненіемъ хлѣба, за исправностью магазиновъ, за правильнымъ сборомъ денежныхъ повинностей, контролировать дѣятельность другихъ органовъ, какъ напр., избираемыхъ дворянствомъ попечителей сельскихъ запасныхъ магазиновъ, которые по указу 1840 года [3]) являлись главнѣйшими дѣятелями въ этомъ вопросѣ.

Участіе предводителей дворянства въ дѣлѣ народнаго продовольствія намъ уже хорошо извѣстно изъ исторіи царствованія Александра I; его преемникъ только развивалъ начала, уже заложенныя братомъ; роль предводителей оставалась

---

[1]) См. выше, стр. 323 и 402.

[2]) Ср. Варадиновъ, „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“, часть III, кн. 1, стр. 582 и кн. 2, стр. 548.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 13556.

одна и та же, несмотря на нѣкоторыя важныя измѣненія въ постановкѣ самого вопроса народнаго продовольствія. Въ изучаемой нами области, правительство Николая Павловича ввело три новыхъ системы, неизвѣстныя предъидущему царствованію, говоримъ про общественныя запашки, общественныя работы и правительственное нормированіе хлѣбныхъ цѣнъ [1]. Всѣ эти мѣропріятія преслѣдовали одну и ту же цѣль, но, увы, ея не достигали; исторія показываетъ, что всѣ они успѣха не имѣли, такъ какъ не обезпечили населенію помощи въ годы голодовокъ и другихъ стихійныхъ несчастій.

Роль предводителей дворянства въ этомъ дѣлѣ за царствованіе Николая I характеризуется слѣдующими примѣрами.

Еще въ самомъ началѣ царствованія, когда предполагалось предоставить помѣщикамъ и свободнымъ хлѣбопашцамъ право организовать общественную запашку, послѣдніе, т. е. свободные хлѣбопашцы могли ходатайствовать о введеніи этой мѣры лишь «съ разрѣшенія губернскихъ предводителей дворянства» [2]. Въ 1832 году, когда возникли опасенія голодовки въ Воронежской губерніи, и губернаторъ просилъ разрѣшенія правительства закупить нѣкоторое количество хлѣба, правительство, согласившись на закупку, возложило надзоръ за ней опять-таки на предводителей дворянства; они должны были, кромѣ того, отвѣчать за правильныя и справедливыя выдачи крестьянамъ хлѣбныхъ ссудъ [3].

Такое же участіе принимали предводители и въ организаціи общественныхъ работъ; такъ, въ 1833 году общественныя полевыя работы въ Смоленской губерніи почти всецѣло находились въ рукахъ предводителя дворянства [4]. Замѣтимъ попутно, что къ общественнымъ работамъ населеніе относи-

[1] Попробности дѣла народнаго продовольствія за царствованіе Императора Николая I изложены у Середонина (в. н. с.) во второмъ томѣ, часть I, глава 2, отд. II, стр. 168 и слѣд.

[2] Середонинъ, в. н. с., томъ II, часть 1, стр. 176.

[3] Тамъ же, стр. 182.

[4] Тамъ же, стр. 192.

лось всегда враждебно, видя въ нихъ лишь новую и тягостную повинность [1]. На долю предводителей выпала, въ данномъ случаѣ, довольно трудная и неблагодарная обязанность «выяснять дворянству и крестьянамъ всю пользу введенія общественныхъ запашекъ [2]. Такимъ образомъ, принимая вышеуказанныя мѣропріятія, правительство дѣйствовало непосредственно черезъ предводителей и возлагало всѣ надежды на успѣшное выполненіе своихъ проектовъ на ту роль, которую играли предводители въ провинціальной жизни; и дворянство, и крестьянство относились къ общественнымъ работамъ враждебно; правительство это знало, и сознательно прибѣгло къ помощи предводителей, опираясь на ихъ авторитетъ въ средѣ мѣстнаго общества. Но предводители не были въ состояніи помочь осуществленію надеждъ правительства; противодѣйствіе общества было слишкомъ сильно и роль ихъ свелась лишь къ передачѣ дворянству пожеланій правительства. Дворянскія собранія отклоняли подъ всякими предлогами подобныя предложенія; предводители же естественно становились на сторону дворянства и не особенно старались его уговаривать; такое положеніе вещей хорошо освѣщаетъ дѣятельность предводителей, какъ посредниковъ между правительствомъ и дворянствомъ; съ одной стороны они являлись общеадминистративными органами, на которыхъ правительство возлагало исполненіе своихъ порученій, съ другой же ходатаями дворянскаго сословія. Эта же двойственность положенія подтверждается и другимъ примѣромъ; иногда правительство, предполагая ввести ту или другую мѣру, обращалось къ предводителямъ за совѣтомъ; такъ было въ 1846 г.; Комитетъ министровъ думалъ установить новый порядокъ выдачи хлѣбныхъ ссудъ; по этому поводу были запрошены губернскіе предводители дворянства, высказавшіеся за осуществленіе проекта, послѣ чего онъ и былъ принятъ Комитетомъ [3].

---

1) Тамъ же, стр. 193.
2) Тамъ же, стр. 199.
3) Тамъ же, стр. 201.

Предводители дворянства естественно являлись защитниками интересовъ помѣщиковъ; особенно ярко выступала эта сторона ихъ дѣятельности въ дѣлѣ народнаго продовольствія, напр., при просьбахъ объ отсрочкахъ и разсрочкахъ хлѣбныхъ ссудъ, при засвидѣтельствованіи передъ правительствомъ бѣдственнаго положенія тѣхъ или другихъ помѣщиковъ и т. п. [1]).

Въ подтвержденіе сказаннаго можно привести еще примѣры изъ дѣятельности правительства, вызываемой крупными неурожаями въ отдѣльныхъ губерніяхъ; такъ въ 1839 году, когда особенно пострадала Полтавская губернія и правительству пришлось принимать самыя энергичныя мѣропріятія, вся дѣятельность на мѣстахъ была возложена на уѣздныхъ предводителей дворянства [2]); они должны были распоряжаться продовольственными капиталами, наблюдать за справедливой раздачей ссудъ дѣйствительно нуждающимся, выдавать пособія на обсѣменіе и т. д. [3]).

Аналогичный примѣръ представляютъ мѣропріятія, вызванныя неурожаемъ 1840 года въ губерніяхъ центральныхъ [4]); предводители и въ этомъ случаѣ явились главными дѣятелями. Все это только подтверждаетъ намъ картину той роли, которую играли предводители дворянства въ дѣлѣ народнаго продовольствія [5]).

[1]) Тамъ же, стр. 209.

[2]) См. Приложенія ко второму тому, 2-й части в. н. с. Середонина, стр. 349 и слѣд.

[3]) Одну изъ отраслей дѣятельности предводителей въ этой области отмѣчаетъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ 5-го апрѣля 1847 года (Сборникъ циркуляровъ м—ва внут. дѣлъ, томъ I, § 58, стр. 45). Въ немъ прямо говорится, что на „непосредственной отвѣтственности предводителей лежитъ обязанность, чтобы всѣ запасные магазины были непремѣнно пополнены до положеннаго количества хлѣба“.

[4]) Середонинъ, в. н. с., приложенія ко 2-му тому, стр. 357 и слѣд.

[5]) Нѣкоторыя подробности той дѣятельности предводителей дворянства, которая касалась области народнаго продовольствія, даютъ намъ циркуляры м—ва внутр. дѣлъ. См. въ этомъ отношеніи томъ VI сборника циркуляровъ и инструкцій названнаго министерства, § 32 (стр. 37), § 33 (стр. 39), § 34 (стр. 40), § 36 (стр. 45) и др., а также ст. 140 и 144 устава продовольственнаго.

Подробно на этомъ вопросѣ мы не находимъ нужнымъ остана-

Если мы теперь обратимся къ земскимъ повинностямъ, то найдемъ почти тождественное положеніе вещей.

Но правительство Николая I въ этой области сдѣлало еще меньше, чѣмъ въ предшествовавшемъ вопросѣ; основнымъ началомъ попрежнему оставалось положеніе 1805 года [1]). Въ губерніяхъ дѣла по земскимъ повинностямъ вѣдались: особымъ присутствіемъ, въ составъ котораго входили губернскіе предводители, и комитетомъ земскихъ повинностей, въ число членовъ котораго были включены, наравнѣ съ губернскимъ предводителемъ и уѣздные, а равно и депутаты дворянства [2]). Комитетъ собирался разъ въ три года.

На обязанности присутствія лежало предварительное составленіе смѣты, комитетъ же разсматривалъ ее окончательно, а затѣмъ передавалъ на утвержденіе губернатора. «Генеральные счеты», т. е. отчетъ расходамъ за истекшее трехлѣтіе, разсматривались сперва депутатскимъ собраніемъ, а затѣмъ комитетомъ земскихъ повинностей; окончательное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, представлявшихъ какой-нибудь особый интересъ, зависѣло отъ губернатора; здѣсь, какъ и всюду, была введена система самой строгой правительственной опеки. Предводители дворянства, кромѣ участія въ присутствіи и комитетѣ, являлись также дѣятельными исполнителями и работниками въ томъ же дѣлѣ. На ихъ обязанности лежало доставленіе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній объ имущественномъ положеніи помѣщиковъ, составленіе отчетовъ для казенныхъ палатъ о расходахъ земскаго сбора, наблюденіе за пра-

---

вливаться. Юридическая природа функцій предводителей уже выяснена нами, что же касается содержанія министерскихъ циркуляровъ, то они являются прекрасной иллюстраціей вышеизложенныхъ взглядовъ, представляя собой хорошій матеріалъ для исторіи народнаго продовольствія и характерно рисуя подробности дѣятельности провинціальной администраціи.

[1]) См. выше, стр. 318.

[2]) Объ обязанности депутатовъ присутствовать въ этомъ комитетѣ говоритъ статья 62-я, IX-го тома свода законовъ, изданія 1832 года.

вильностью взиманія сбора и т. д. [1]). Съ юридической точки зрѣнія положеніе, занимаемое здѣсь предводителями, вполнѣ тождественно съ вышеразобраннымъ ихъ участіемъ въ дѣлѣ народнаго продовольствія.

Аналогично долженъ быть толкуемъ и указъ 1851 года [2]); имъ не было введено ничего новаго въ наше законодательство, но только развито и разъяснено прежнее постановленіе объ участіи предводителей въ дѣлахъ комитета земскихъ повинностей; предводители въ данномъ случаѣ также являлись, съ одной стороны, административными органами, съ другой же, представителями дворянскаго сословія и защитниками его интересовъ.

Совершенно тождественно была поставлена дѣятельность предводителей и въ дѣлѣ квартирной повинности, хотя функціи ихъ были немного уже, что объясняется особыми условіями этого дѣла; предводители также были членами коммисій, вѣдавшихъ повинность, одновременно же на нихъ возлагалась и исполнительная дѣятельность, какъ-то, наблюденіе за сборомъ, доставленіе нѣкоторыхъ свѣдѣній, участіе въ составленіи отчетовъ денежныхъ суммъ и т. д. Наконецъ еще однимъ примѣромъ такой же дѣятельности этихъ органовъ является Высочайшее повелѣніе 1839 года [3]), возложившее на уѣздныхъ предводителей посредничество въ спорахъ между гражданскими чиновниками и лицами военнаго вѣдомства, командируемыми для оцѣнки убытковъ, наносимыхъ войсками при маневрахъ; будучи хорошо знакомы съ мѣстными условіями и являясь естественными представителями интересовъ помѣщиковъ-дворянъ, предводители, въ данномъ случаѣ, могли, конечно, оказывать значительную пользу этому дѣлу.

---

[1]) Варадиновъ, „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ", ч. III, кн. 1, стр. 256.

[2]) 13-го іюля 1851 г. П. С. З. № 25398. Указъ этотъ включенъ въ 15 пунктъ 162-й статьи IX-го тома свода законовъ.

[3]) Варадиновъ, „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ", ч. III, кн. 2, стр. 466.

V.

Предводители участвовали также и въ пожарномъ дѣлѣ; такъ, напр., когда въ 1839 году, послѣ большихъ пожаровъ въ городѣ Кузнецкѣ, Саратовской губерніи, былъ образованъ правительствомъ особый комитетъ для выработки мѣропріятій борьбы съ этимъ зломъ, въ составъ-же комитета были включены и предводители [1]).

Не малая роль выпала на долю предводителей въ дѣлѣ улучшенія путей сообщенія [2]); такъ, въ Бѣлоруссіи мѣропріятія, принятыя въ 1826 году генералъ-губернаторомъ, обсуждались имъ предварительно съ губернскими маршалами; наблюденіе же за исполненіемъ ихъ возложено было на уѣздныхъ предводителей [3]); въ слѣдующемъ году тотъ же генералъ-губернаторъ представилъ правительству новый проектъ улучшенія въ краѣ путей сообщеній, при чемъ опять-таки въ выработкѣ его принимали самое дѣятельное участіе предводители.

Московскій военный генералъ-губернаторъ князь Голицынъ, заботясь о томъ же вопросѣ, также неоднократно прибѣгалъ къ помощи предводителей [4]); но дѣятельность ихъ не ограничивалась одними совѣтами; наоборотъ, они часто являлись дѣятельнѣйшими помощниками администраціи и въ этой отрасли мѣстнаго хозяйства; инициатива въ данномъ вопросѣ, впрочемъ, не всегда исходила отъ правительства; мы знаемъ примѣры, когда сами предводители вмѣшивались въ подобныя

[1]) Середонинъ, в. н. с., томъ II, часть 2, стр. 59.

[2]) Ср. Середонинъ. Тамъ же, глава 5, III, стр. 151 и слѣд.

Участіе предводителей въ дѣлѣ улучшенія путей сообщенія опредѣляется указами: 7-го ноября 1827 г. (П. С. З. № 1515), 24-го іюля 1828 г. (П. С. З. № 2174), 14-го февраля 1831 г. (П. С. З. № 4351), 29-го марта 1834 г. (П. С. З. № 6940), а также указъ 29-го декабря 1833 г. (П. С. З. № 6680) п. 15. Въ 1851 году были включены въ комитеты дорожныхъ повинностей особые депутаты отъ дворянства, но предводители продолжали также въ нихъ участвовать.

[3]) Тамъ же, стр. 153.

[4]) Тамъ же, стр. 154.

дѣла, возбуждая передъ правительственными органами ходатайства, указывая ему на недостатки и недочеты въ постройкахъ и т. п.; такъ, въ 1837 году, послѣ ухода Бѣлорусскаго генералъ-губернатора князя Хованскаго, когда дѣло начатыхъ построекъ Смоленскаго шоссе и путевыхъ зданій заглохло, мѣстный губернскій маршалъ самъ возбудилъ ходатайство передъ новымъ генералъ-губернаторомъ о продолженіи построекъ, указывая на возникшіе безпорядки [1]). Но новый генералъ-губернаторъ не придавалъ этому дѣлу должнаго значенія; безпорядки вслѣдствіе этого только увеличивались и достигли наконецъ такихъ размѣровъ, что правительству пришлось наряжать особое слѣдствіе для выясненія дѣла; слѣдственная коммисія, назначенная Комитетомъ министровъ, однако не привела къ желаннымъ результатамъ; тогда по Высочайшему повелѣнію была составлена новая коммисія, въ число членовъ которой по желанію самого Государя былъ включенъ и губернскій предводитель [2]); мы имѣемъ въ данномъ случаѣ примѣръ отношенія Николая I къ предводительской должности; разслѣдованіе злоупотребленій мѣстной администраціи и допущенныхъ ею безпорядковъ въ какой-либо отрасли мѣстнаго хозяйства зачастую поручалось Государемъ предводителямъ дворянства. Въ дѣлѣ улучшенія путей сообщеній и Комитетъ министровъ держался того же взгляда на предводителей [3]). Комитетъ, наученный горькимъ опытомъ, относился къ проектамъ генералъ-губернаторовъ и другихъ представителей правительственной администраціи подозрительно, такъ какъ проекты эти часто не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ требованіямъ данной мѣстности; исходя изъ этой мысли, Комитетъ предпочиталъ учреждать особые комитеты съ участіемъ губернскихъ предводителей, для предварительнаго обсужденія подобныхъ проектовъ.

Такимъ образомъ, хотя, какъ мы упомянули выше [4]), ука-

---

[1]) Тамъ же, стр. 159.
[2]) Тамъ же, стр. 162.
[3]) Тамъ же, стр. 166.
[4]) См. выше, стр. 610. П. С. З. № 18758.
Примѣръ вмѣшательства предводителей въ дѣло путей сообще-

зомъ 1845 года предводители и были освобождены отъ обязанности присутствовать въ окружныхъ правленіяхъ путей сообщеній, они фактически все-таки продолжали участвовать въ дѣлахъ этого вѣдомства, исполняя зачастую даже нѣкоторыя важныя порученія правительства.

Предводители имѣли также немаловажныя функціи въ области народнаго образованія.

Извѣстно, какое значеніе придавалъ Императоръ Николай I учебно-воспитательному дѣлу [1]. «Его взгляды на это дѣло, говоритъ Середонинъ, были вполнѣ опредѣленные и неизмѣнявшіеся, можно сказать, отъ начала царствованія до конца его: учебныя заведенія должны были не только учить подростающее поколѣніе, но и воспитывать его въ строго государственномъ направленіи». Въ виду этого особенно важно для характеристики отношеній Государя къ предводителямъ, указать на ихъ роль въ этой области. Какъ мы уже знаемъ, во многихъ губерніяхъ предводители совмѣщали со своею должностью званіе попечителей различныхъ учебныхъ заведеній [2], участвовали въ попечительныхъ совѣтахъ и попечительствахъ о дѣтскихъ пріютахъ [3] и т. п. Кромѣ того, на нихъ была возложена обязанность доставленія свѣдѣній «о всѣхъ наставникахъ, гувернерахъ, дядькахъ, учителяхъ, живущихъ въ семействахъ, кто они такіе и какіе у нихъ есть свидѣтельства или аттестаты» [4], другими словами, имъ было предоставлено право надзора и за домашнимъ учебно-воспитательнымъ дѣломъ; они должны были слѣдить за тѣмъ, какъ воспитывались молодые дворяне своими родителями (!). Трудно себѣ представить болѣе широкое поле дѣятельности; здѣсь на первомъ планѣ, конечно, стоялъ административный, а не сословный ха-

ній приводится А. И. Кошелевымъ, въ его запискахъ. Berlin, 1884, стр. 51.

¹) См. выше стр. 474 и слѣд., а также главу VI, 2-ой части, II тома труда г. Середонина.

²) См. статьи 4, 16—22, III тома Св. Зак., изд. 1842.

³) См. статьи 163 и 164, IX тома Св. Зак., изд. 1842 г.

⁴) Середонинъ, в. н. соч., томъ II, часть II, стр. 233.

рактеръ дѣятельности предводителей; они являлись агентами правительства, осуществлявшими правительственный же надзоръ.

Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать и тѣ отдѣльныя порученія, которыя правительство возлагало на предводителей въ области надзора за иностранцами; такъ, въ тридцатыхъ годахъ губернскимъ предводителямъ былъ порученъ «негласный надзоръ» за поведеніемъ проживающихъ въ губерніи иностранцевъ [1]), надзоръ, который они осуществляли на равныхъ правахъ съ губернаторами; въ послѣднемъ случаѣ предводители дѣйствовали, какъ чисто правительственные органы; сословный элементъ здѣсь вовсе отсутствовалъ.

Остается еще упомянуть объ одной очень важной отрасли дѣятельности предводителей дворянства, а именно, о ихъ участіи въ дѣлахъ крестьянскаго сословія. Особое значеніе эти функціи предводителей пріобрѣтаютъ вслѣдствіе того вниманія, которое посвящалъ данному вопросу Николай Павловичъ. Государь очень интересовался участью помѣщичьихъ крестьянъ; его царствованіе представляетъ намъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ мѣропріятій въ этой области; въ эту эпоху было собрано до десяти комитетовъ, секретныхъ и тайныхъ, съ цѣлью освѣтить вопросъ освобожденія крестьянъ возможно всесторонне [2]).

Предводители должны были и здѣсь играть немаловажную роль. Такъ, уже въ 1826 году, при возникновеніи безпорядковъ среди крестьянъ нѣкоторыхъ губерній, на уѣздныхъ предводителей было возложено «навѣдываться безъ огласки и безъ всякаго письменнаго производства о обращеніи помѣщиковъ съ ихъ крестьянами», а на земскихъ исправниковъ—сообщать предводителямъ всѣ случаи злоупотребленій помѣщичьей властью; предводители же обязывались удостовѣряться опять-таки «безъ огласки» въ правильности донесеній исправника, а потомъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 237.

[2]) См. напр., Середонинъ, в. назв. соч., томъ II, часть I, глава III, стр. 324 и слѣд.

внушать помѣщику необходимость «перемѣны обращенія со своими крестьянами» и, при недостиженіи цѣли, доносить начальству [1]). Основной характеръ дѣятельности предводителей въ этомъ вопросѣ остался одинъ и тотъ же, какъ и въ предшествовавшемъ царствованіи [2]); разница заключалась только въ томъ, что, благодаря особому вниманію къ этимъ дѣламъ Государя, кругъ дѣятельности предводителей еще расширился; имъ чаще, чѣмъ прежде поручался разборъ споровъ помѣщиковъ съ крестьянами, они должны были еще строже, чѣмъ въ былое время, слѣдить за поведеніемъ дворянъ и преслѣдовать всѣми мѣрами злоупотребленія помѣщичьей властью. Справедливость этого подтверждается многочисленными примѣрами, приводимыми Середонинымъ.

Такъ, въ 1825 году на одномъ изъ положеній Комитета министровъ о жалобѣ крестьянъ Тамбовской губерніи на своихъ помѣщиковъ, Государь надписалъ—поставить на видъ уѣздному предводителю, «что подобныя происшествія (т. е. безпорядки) могутъ быть только тогда, когда онъ свой долгъ неисправно выполнилъ» [3]). Трудно найти болѣе характерное и ясное выраженіе идей Николая I; предводители, по его мнѣнію, должны были всѣми мѣрами заботиться о сохраненіи добрыхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами.

А вотъ и другой примѣръ: въ слѣдующемъ году (1826) Комитетъ министровъ разсматривалъ жалобу крестьянъ на помѣщика С—ва; Государемъ на этомъ положеніи была сдѣлана резолюція «возложить на дворянскихъ предводителей смотрѣть за порядкомъ» [4]).

Въ 1827 году Комитетъ министровъ разсматривалъ жалобу крестьянъ помѣщика М—ва; Государь по этому поводу велѣлъ предпринять мѣры, «кои по закону слѣдуютъ»; Коми-

[1]) Высочайшіе рескрипты 19-го іюня и 6-го сентября 1826 г., и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10-го сентября того же года; см. также Варадиновъ, в. н. с., часть III, кн. I, стр. 81.

[2]) См. выше, стр. 428.

[3]) Середонинъ, тамъ же, стр. 326.

[4]) Тамъ же, стр. 327.

тетъ министровъ, руководствуясь этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, сдѣлалъ замѣчаніе губернскому предводителю «за безпечность и допущеніе такихъ дѣйствій г. М—ва» [1]).

Намъ необходимо отмѣтить одно нововведеніе царствованія Императора Николая I; многочисленность случаевъ волненія крестьянъ заставляла прибѣгать правительство къ военной силѣ; судъ надъ крестьянами чаще всего поручался особо учреждаемымъ на каждый разъ коммисіямъ военнаго суда, приговоры коего шли на Высочайшее утвержденіе [2]).

Въ предшествовавшее царствованіе порученіе слѣдствій по такимъ дѣламъ предводителямъ встрѣчаемъ мы лишь въ особо важныхъ случаяхъ; теперь же они всегда привлекались къ участію въ такихъ дѣлахъ; правительство смотрѣло, какъ мы только что видѣли, на это, какъ на прямую обязанность предводителей; разслѣдованіе же особо важныхъ происшествій производилось флигель-адъютантами.

Зачастую случаи жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами разбирались собраніемъ предводителей и депутатовъ; такому же порядку производства подлежали разборы жалобъ крестьянъ на отягощеніе ихъ свыше мѣры оброками и повинностями [3]); когда же дѣло доходило до открытаго сопротивленія или когда мѣстныя власти почему-либо оказывались безсильными въ борьбѣ съ безпорядками и дѣло доходило тѣмъ или другимъ путемъ до Государя, послѣдній обыкновенно командировалъ для веденія слѣдствія и выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла кого-либо изъ своихъ флигель-адъютантовъ.

Особенно ярко обрисована дѣятельность предводителей въ донесеніи Виленскаго генералъ-губернатора Бибикова. Послѣдній прямо возложилъ въ 1852 году веденіе всего дѣла на предводителей; имъ поручено было «наблюденіе за поведеніемъ

[1]) Тамъ же, стр. 330.
[2]) Тамъ же, стр. 333.
[3]) См. примѣры, приводимые Середонинымъ. Тамъ же, стр. 335, 326 и 330.

и образомъ жизни дворянъ», разборъ мелкихъ ссоръ и претензій, «избавленіе крестьянъ отъ дурныхъ управителей» и т. д. [1]).

Довольно подробно характеризуются обязанности предводителей дворянства въ данной области въ циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ [2]). Министерство, главнымъ образомъ, «обращаетъ вниманіе предводителей на сколь возможно тщательное разсмотрѣніе и повѣрку договоровъ помѣщиковъ съ крестьянами»; перечисляетъ затѣмъ непремѣнныя требованія такихъ договоровъ и налагаетъ на уѣздныхъ предводителей обязанность ихъ свидѣтельствованія. Кромѣ контроля за соблюденіемъ требуемыхъ закономъ формальностей, на предводителяхъ (въ данномъ случаѣ на губернскихъ) лежала обязанность удостовѣриться, что увольняемые крестьяне располагали достаточными средствами къ выполненію принимаемыхъ ими на себя обязательствъ.

Министерство предоставило даже предводителямъ право включенія въ договоры объ увольненіи крестьянъ особыхъ условій, направленныхъ къ обезпеченію исполненія обязательствъ со стороны крестьянъ, какъ напр., отобраніе полиціей движимаго имущества у «виновныхъ въ неисполненіи», временную запашку ихъ земель и т. п.

Подобная роль предводителей, какъ посредниковъ между помѣщиками и крестьянами, подтверждается и Кошелевымъ [3]). Какъ средство борьбы со злоупотребленіями помѣщичьей властью, названнымъ авторомъ приводится слѣд. способъ. Предводители отдавали недовольныхъ дворовыхъ въ рекруты; послѣдніе предпочитали солдатскую службу тяжелой обстановкѣ жизни въ помѣщичьей усадьбѣ жестокихъ владѣльцевъ; такъ, самъ Кошелевъ, въ бытность предводителемъ, заставилъ одного помѣщика дать подписку въ хорошемъ обращеніи съ крестьянами и взялъ у него двухъ дворовыхъ въ рекруты; далѣе, тотъ же

[1]) Тамъ же, стр. 366.

[2]) Глава третья, стр. 235—241, III-го тома, Сб. циркул. и инстр. м—ва вн. дѣлъ; Спб. 1855 г.

[3]) Записки А. И. Кошелева, Берлинъ 1884 г., стр. 59 и слѣд.

авторъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ своихъ «стараній къ сокращенію помѣщичьей власти», хорошо рисующихъ роль и функціи предводителей дворянства въ этой области.

Такова была разнообразная дѣятельность предводителей дворянства. Въ заключеніе намъ остается упомянуть о проектѣ учрежденія губернскихъ правленій; правительство и тутъ не обошло предводителей; проектъ этого законодательнаго акта (получившаго санкцію 2-го января 1845 года [1]), составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ разосланъ губернаторамъ на заключеніе. Въ каждой губерніи (всего въ 43-хъ) былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, особый комитетъ, въ составъ котораго вошли и предводители. Кромѣ того, министерство запросило непосредственно предводителей о состояніи земской полиціи, при чемъ интересно отмѣтить, что всѣ отзывы предводителей безъ исключенія указывали на чрезвычайно плохое и разстроенное положеніе полиціи [2]). Данный примѣръ обращенія министерства къ предводителямъ лишній разъ доказываетъ намъ, сколь обширны были функціи и порученія, возлагаемыя на этотъ сословный органъ во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія.

VI.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о циркулярахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ими, какъ увидимъ, подтверждается лишній разъ чрезвычайное расширеніе функцій предводителей дворянства [3]).

Очень характерными являются въ этомъ отношеніи циркуляры январскій 1850 года и майскій 1852 года [4]); въ нихъ министерство нашло нужнымъ разъяснить губернаторамъ компетенцію предводительской должности, для того, чтобы ими

[1]) Полн. Собр. Зак. № 18580.

[2]) Варадиновъ, в. н. с., часть III, кн. 3, стр. 227.

[3]) См. сборникъ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ. Спб., 1854 г., томъ I, глава IV; §§ 232—255, стр. 182 и слѣд.

[4]) Тамъ же, стр. 182.

«не возлагались на предводителей дворянства никакія занятія прямо до нихъ не принадлежащія и закономъ именно не опредѣленныя», при чемъ перечислены различныя «занятія», отъ которыхъ предводители должны были быть освобождены; перечень этотъ составляетъ 38 пунктовъ; въ нихъ упоминаются самыя разнообразныя функціи, начиная отъ свидѣтельствованія суммъ уѣзднаго казначейства и почтовыхъ станцій, при несостоятельности содержателей послѣднихъ и кончая вопросами украшенія городовъ, инспектированія больницъ и провіантскихъ магазиновъ, и участіемъ въ дѣлахъ о раскольникахъ и сектантахъ.

Исторія циркуляра 1850 года очень поучительна; «Государь Императоръ, говорится въ немъ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, принимая во вниманіе, что обязанности губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства образовывались и возрастали постепенно, возникая даже по требованіямъ разныхъ министерствъ и главныхъ управленій [1]), почему и не включены вполнѣ въ Сводъ Законовъ, и что онѣ при томъ доселѣ не были согласованы и соображены между собой, Высочайше повелѣть соизволилъ [2]) собрать всѣ эти постановленія и составить полную и точную инструкцію» [3]).

Министерство постаралось собрать возможно точныя данныя о дѣятельности предводителей, при чемъ по его собственнымъ словамъ оказалось, что «нѣкоторыя изъ обязанностей, возлагаемыя на нихъ, не соотвѣтствуютъ, а другія даже *вовсе неприличны* ихъ званію», слѣдствіемъ чего и явились вышеупомянутые 38 пунктовъ.

---

[1]) Этотъ вполнѣ вѣрный фактъ свидѣтельствуетъ намъ, что министерства смотрѣли на предводителей, какъ на обще-административный органъ, какъ на представителей правительства, а вовсе не сословнаго управленія.

[2]) Исторія предводительской должности слишкомъ хорошо подтверждаетъ вѣрность этого. Компетенція предводителей непомѣрно росла, но никогда не была систематизирована.

[3]) I томъ сборника циркуляровъ, стр. 184. См. также § 254 (стр. 185) III-го тома того же сборника.

Но они конечно не могли помочь дѣлу; корень зла лежалъ въ той двойственности положенія предводительской должности, на которую намъ приходилось столько разъ указывать; ни министерства, ни начальники губерній не переставали смотрѣть на нихъ, какъ на представителей правительственной администраціи; а отсюда проистекало, что если предводителей и освобождали отъ заботъ по «украшенію уѣздныхъ городовъ», то затѣмъ все-таки привлекали къ участію въ дѣлахъ коннозаводства; пунктъ 21 говорилъ о «невозложеніи на предводителей принятія негласныхъ мѣръ противъ перекуповъ хлѣба», статьи же 162—164 IX-го тома привлекали ихъ къ участію въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ по закупкѣ и храненію того же хлѣба; подобные примѣры можно увеличить до безконечности.

Одинъ перечень тѣхъ коммисій и комитетовъ, въ которыхъ участвовали предводители, свидѣтельствуетъ намъ, что не было, собственно говоря, ни единой отрасли мѣстнаго управленія и хозяйства, въ которой предводители не принимали бы участія въ той или другой формѣ [1]).

---

[1]) Главнѣйшими изъ нихъ были:

1) Приказъ общественнаго призрѣнія.
2) Комитетъ о земскихъ повинностяхъ.
3) Попечительство о тюрьмахъ.
4) Оспенный комитетъ.
5) Статистическій комитетъ (ср. П. С. З. № 7684, указъ отъ 20 декабря 1834 г.).
6) Мануфактурный комитетъ.
7) Комитетъ о коннозаводствѣ.
8) Дорожная коммисія.
9) Окружное правленіе путей сообщенія.
10) Строительная коммисія.
11) Коммисія о народномъ продовольствіи.
12) Рекрутское присутствіе.
13) Присутствіе для освидѣтельствованія умалишенныхъ.
14) Попечительство о дѣтскихъ пріютахъ.
15) Попечительство о губернскихъ гимназіяхъ.

Въ этотъ перечень не входятъ всѣ коммисіи и комитеты временные и мѣстные, а равно и нѣкоторые, имѣвшіе второстепенное значеніе.

Глубоко правъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ, подчеркивая въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ несоотвѣтствіе и даже «неприличіе» возлагаемыхъ на предводителей обязанностей, но онъ забывалъ при этомъ письмо одного изъ своихъ предшественниковъ къ тѣмъ же предводителямъ о томъ, что «министръ надѣется, что они будутъ всегда сообщать ему съ полною достовѣрностью и откровенностью о всемъ, что по мнѣнію ихъ можетъ способствовать исполненію благотворныхъ видовъ Его Императорскаго Величества», т. е. возлагалъ на нихъ чисто полицейскую обязанность, конечно не имѣвшую ничего общаго съ основнымъ характеромъ ихъ должности [1]). Въ разсматриваемомъ циркулярѣ была сдѣлана кромѣ того ссылка на статью 168 IX-го тома, говорившую о правѣ предводителей дѣлать представленія начальству о сословныхъ нуждахъ, но въ данномъ случаѣ министерство очевидно имѣло въ виду интересы всей провинціальной администраціи, а не только сословные; оно впрочемъ даже прямо указало на это въ своемъ циркулярѣ: «имѣя возможность наблюдать за ходомъ дѣлъ, нуждами и состояніемъ края, предводители должны были доводить до Высочайшаго свѣдѣнія всякую полезную мысль, всякое предположеніе о мѣрахъ для искорененія злоупотребленій или устраненія замѣчаемыхъ въ мѣстномъ управленіи неудобствъ».

Этотъ, а не первый изъ упомянутыхъ двухъ циркуляровъ, характерно выразилъ дѣйствительный взглядъ правительства на роль предводителей въ мѣстномъ управленіи.

Въ 1849 году министерствомъ былъ разосланъ другой очень интересный циркуляръ [2]). Причиной послужило слѣдующее обстоятельство. Правительствующій Сенатъ, по Высочайшему повелѣнію, судилъ двухъ предводителей дворянства

---

[1]) Томъ I сборника циркуляровъ, стр. 185. Циркуляры 18-го февраля 1832 года и февраля 1842 года; см. также § 253 (стр. 184) III-го тома того же сборника.

[2]) I томъ сборника циркуляровъ, стр. 186. Объ этомъ же циркулярѣ говоритъ § 250 (стр. 181) III-го тома сборника циркуляровъ.

за то, что они допустили одного помѣщика и жену его «къ чрезмѣрно жестокому обращенію съ крѣпостными людьми»; законъ, какъ извѣстно, возлагалъ на предводителей обязанность «имѣть свѣдѣнія о поведеніи, образѣ жизни и состояніи дворянъ, а также о положеніи ихъ имѣній, и пещись о пользахъ дворянства и объ охраненіи въ семъ сословіи благоустройства и порядка» (ст. 162 и 165, IX-го тома).

Въ предупрежденіе подобнаго «непростительнаго невѣдѣнія о образѣ жизни помѣщиковъ и управленій ихъ своими крестьянами» Сенатъ и поручилъ министерству поставить этотъ примѣръ на видъ всѣмъ предводителямъ. Данный циркуляръ хорошо рисуетъ намъ тѣ обязанности, которыя несли предводители, какъ посредники въ спорахъ помѣщиковъ съ крестьянами [1]).

Къ этой же области принадлежатъ циркуляры министерства отъ 31-го августа 1843 г., 29-го мая 1847 г., 24-го августа 1848 г., 18-го іюля 1853 г., 27-го ноября 1846 г. [2]), разъяснявшіе предводителямъ условія договоровъ объ увольненіи крестьянъ; какъ извѣстно, на предводителяхъ лежала не только обязанность составленія такихъ договоровъ и выясненія обѣимъ сторонамъ всѣхъ подробностей дѣла, но и доставленіе министерству, утверждавшему эти договоры, подробныхъ свѣдѣній о нихъ; то же самое разъясняютъ и циркуляры, приведенные въ § 236, перваго тома сборника циркуляровъ.

Учебно-воспитательнаго дѣла касаются нижеслѣдующіе циркуляры [3]): 4-го августа 1851 года министерство, по Высочайшему повелѣнію, поручило уѣзднымъ предводителямъ, съ утвержденія губернскихъ, «избрать депутатовъ въ губернскіе кадетскіе корпуса, для воспитанія малолѣтнихъ дворянъ, по числу жертвуемой каждымъ уѣздомъ суммы». Затѣмъ, 17-марта

---

[1]) Ср. въ этомъ отношеніи со сказаннымъ выше, стр. 621 и слѣд.

[2]) I томъ сборника циркуляровъ, § 235.

[3]) Тамъ же, стр. 191; см. также § 263 (стр. 195) III-го тома того же сборника.

1852 года [1]) предводителямъ было разъяснено, что право поступленія въ кадетскіе корпуса было предоставлено лишь дѣтямъ дворянъ, «которые окончательно утверждены въ дворянскомъ достоинствѣ» герольдіей.

Предводители дворянства, кромѣ того, должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы родители «продолжали пещись о своихъ дѣтяхъ и не покидали ихъ попеченіемъ» и послѣ опредѣленія въ корпусъ. Тѣмъ родителямъ, которые, по своему имущественному положенію, не могли оплачивать образованія дѣтей, уѣздные предводители должны были, примѣнительно къ пункту 8, статьи 162, IX-го тома, выдавать свидѣтельства о бѣдности [2]).

§ 244 и 245 сборника [3]), говорятъ объ «отношеніяхъ предводителей дворянства къ военному вѣдомству»; и здѣсь, какъ мы знаемъ, на нихъ лежали немалыя обязанности. Первый изъ упомянутыхъ циркуляровъ (§ 244) ставитъ предводителямъ на видъ, что выдаваемыя ими свидѣтельства о благонадежности отставныхъ чиновниковъ, при вторичномъ ихъ опредѣленіи на службу, не гарантируютъ правительство въ достаточной мѣрѣ отъ неблагонадежныхъ элементовъ, другими словами, предводители, выдавая такія свидѣтельства, недостаточно знакомились съ жизнью и поведеніемъ подобныхъ лицъ. Второй же циркуляръ (§ 245) установляетъ подробности участія предводителей въ дѣлахъ по конской повинности; а именно, на предводителей возлагались распоряженія о своевременной отправкѣ лошадей на сборные пункты и забота о замѣнѣ забракованныхъ и не принятыхъ лошадей новыми, а также участіе въ разрѣшеніи споровъ помѣщиковъ съ военными властями, могущихъ возникнуть при такихъ поставкахъ; эти новыя обязанности предводителей были характернымъ добавленіемъ къ ихъ прежней дѣятельности въ вопросахъ содѣйствія военному вѣдомству; здѣсь можно только поставить одинъ вопросъ — неужели у правительства не было другого органа,

[1]) Тамъ же, стр. 192; см. также § 264 (стр. 195) III-го тома.
[2]) Тамъ же, § 240 и 242, стр. 193.
[3]) Тамъ же, стр. 196, см. также § 267 (стр. 198) III-го тома.

на который оно могло возложитьподобнаго рода дѣла, какъ напр., наблюденіе за своевременной доставкой лошадей на сборный пунктъ!

Слѣдующіе затѣмъ циркуляры касаются вопросовъ избирательнаго права [1]). 25-го іюня 1839 года министерствомъ было разъяснено, что при недостаткѣ въ какомъ-либо уѣздѣ избирателей, въ собраніе приглашалось не только такое число дворянъ, которое бы восполнило недостатокъ мѣстныхъ избирателей, но *всѣ* дворяне ближайшаго сосѣдняго уѣзда (прим. къ статьѣ 207, III-го тома, уставъ служб. выб.).

11-го апрѣля 1842 года [2]) правительство нашло нужнымъ подтвердить начальникамъ губерній, что ихъ главнѣйшей обязанностью было «внушеніе дворянамъ еще до начала выборовъ, не только въ оффиціальныхъ, но и въ частныхъ съ ними сношеніяхъ, всю важность предстоящей имъ обязанности», такъ какъ лица, ими избираемыя къ должностямъ, «должны вполнѣ соотвѣтствовать своему предназначенію и тѣмъ оправдывать высокую степень довѣрія, коимъ благородное сословіе облечено». Смѣемъ усомниться въ томъ, чтобы «благородное сословіе» могло оправдать довѣріе правительства, если для этого !требовались подобныя разъясненія и указанія губернаторовъ Циркуляръ этотъ просто лишній разъ напоминалъ этимъ послѣднимъ, что они были полными хозяевами губерній.

28-го ноября 1843 года [3]) министерство писало губернскимъ предводителямъ, что ихъ первѣйшей обязанностью было слѣдить за тѣмъ, «чтобы на всѣ мѣста по выборамъ были назначаемы лица способныя, благонадежныя, строгой нравственности и вполнѣ достойныя». Оба эти циркуляра служатъ намъ показателями того, что правительство не было довольно положеніемъ выборной службы; дворянство относилось къ выборамъ недостаточно внимательно и серьезно; насколько

[1]) Тамъ же, стр. 199 и слѣд.

[2]) Объ этомъ же циркулярѣ говоритъ § 251 (стр. 182) III-го тома того же сборника.

[3]) См. также § 252 (стр. 183) III-го тома того же сборника.

эти опасенія правительства вызывались дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, мы увидимъ немного ниже. 28-го февраля 1843 года министерство разослало циркуляръ, поводомъ къ которому послужилъ довольно интересный частный случай [1]). Дворянство одной губерніи постановило поднести своему губернатору благодарственный адресъ «за попечительныя дѣйствія его по управленію губерніей»; губернаторъ же спросилъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ принять этотъ адресъ. Послѣдній полагалъ возможнымъ согласиться, но Государь посмотрѣлъ на дѣло иначе; онъ нашелъ, что подобныя изъявленія «благодарности начальствующимъ лицамъ» запрещены закономъ, и велѣлъ сдѣлать распоряженіе «о взысканіи штрафа съ предводителей и дворянъ, подписавшихъ адресъ», губернатору сдѣлать замѣчаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ «поставить сіе въ извѣстность и прочимъ дворянскимъ обществамъ и ихъ предводителямъ». Интересно отмѣтить здѣсь, что въ этомъ распоряженіи прямо высказался взглядъ Николая I на губернаторовъ, какъ на начальниковъ дворянскаго сословнаго управленія.

Хорошей иллюстраціей взглядовъ правительства на подношеніе дворянствомъ подарковъ своимъ сословнымъ представителямъ можетъ служить циркуляръ, въ которомъ министерство принципіально разъясняло, что подобныя подношенія не допустимы, такъ какъ законъ воспрещаетъ «всякія приношенія начальствующимъ лицамъ» [2]); здѣсь сказался взглядъ правительства на предводителей, какъ на органовъ общей администраціи и «провинціальнаго начальства», а не представителей дворянскаго сословія [3]).

---

[1]) См. § 261 (стр. 194) III-го тома сборника циркуляровъ.

[2]) См. также § 262 (стр. 194) III-го тома сборника.

[3]) Впрочемъ еще въ 1827 году (8-го апрѣля, П. С. З. № 1015) правительство уже высказалось по поводу вопроса о награжденіи лицъ, служащихъ по выборамъ. Дворянскимъ обществамъ было запрещено этимъ указомъ представлять ходатайства „о награжденіи лицъ служащихъ по выборамъ въ коронныхъ должностяхъ“. Отсюда слѣдуетъ, что постановленіе это не коснулось органовъ дворянскаго

Наконецъ послѣдніе четыре параграфа (250, 251, 254 и 255) [1]) касаются частностей избранія губернскихъ предводителей, права чрезвычайныхъ собраній обсуждать вопросы о нуждахъ и пользахъ сословія и порядка составленія дворянскихъ складокъ. Въ нихъ не дѣлается никакихъ измѣненій порядка установленнаго законами, а только разъясняется смыслъ статей свода законовъ.

Этимъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе министерскихъ циркуляровъ; послѣдніе особенно цѣнны для нашего изслѣдованія, такъ какъ прекрасно иллюстрируютъ и освѣщаютъ частностями и подробностями высказанные нами взгляды относительно дѣятельности предводителей дворянства въ различныхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія и хозяйства.

Съ одной стороны циркуляры эти даютъ намъ детали дѣятельности предводителей, съ другой же ярко рисуютъ отношеніе къ этому органу правительства.

Можно смѣло сказать, что циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ неопровержимо доказываютъ, что названное министерство смотрѣло на предводителей дворянства, какъ на своихъ органовъ, возлагая на нихъ самыя разнообразныя порученія обще-административнаго и полицейскаго характера. Если самъ Государь и высшія правительственныя учрежденія, какъ Комитетъ министровъ, Государственный Совѣтъ и Сенатъ, смотрѣли на предводителей, какъ на органовъ сословнаго управленія, но пользовались ихъ услугами въ провинціальной администраціи, поручая имъ правительственныя функціи, то министерство внутреннихъ дѣлъ уже откровенно считало ихъ своими представителями.

сословнаго управленія, но въ данномъ указѣ уже характерно высказался взглядъ правительства на выборныхъ отъ дворянства должностныхъ лицъ; указъ былъ вызванъ тѣмъ соображеніемъ, „дабы начальство награждало по мѣрѣ оказанныхъ заслугъ, а не по одобренію избирателей“.

[1]) Эти постановленія повторяютъ §§ 255 и 256 III-го тома того же сборника.

Подобное положеніе вещей не могло конечно способствовать поднятію значенія дворянскаго сословнаго управленія.

Съ потерей самостоятельности сословное управленіе теряло и всякій интересъ въ глазахъ провинціальнаго общества.

Но если лучшіе представители послѣдняго, которыми все-таки являлись предводители, понемногу подчинялись всепоглощающей правительственной опекѣ, то легко себѣ вообразить, каково было положеніе прочихъ выборныхъ отъ дворянства должностныхъ лицъ. Зависимость ихъ отъ правительственныхъ органовъ была полная, значеніе же безпредѣльно ничтожное.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Дворянство Николаевскаго царствованія. — Причины безуспѣшности мѣропріятій Николая I въ области сославнаго управленія и выборной службы. — Положеніе послѣдней. — Все усиливающееся уклоненіе отъ нея дворянства. — Конецъ царствованія Императора Николая I. — Крымская война. — Реформы Императора Александра II и отношеніе къ нимъ дворянства. — Паденіе принципа сословности. — Предводитель дворянства, какъ органъ новаго земскаго управленія.

I.

Интересы русскаго дворянства изучаемой эпохи по прежнему сосредоточивались въ столицѣ, на государственной службѣ.

Поколѣніе, выросшее подъ впечатланіемъ Александровскихъ войнъ и воспитанное французскими гувернерами, было оторвано отъ русской жизни; молодые дворяне съ дѣтства усваивали себѣ заграничныя манеры, привычки, симпатіи, понятія и языки, пренебрегая и не интересуясь всѣмъ русскимъ; родной языкъ и исторія были имъ мало извѣстны. «Дворянство влеклось въ заграничную даль», говоритъ Ключевскій [1]); да и понятно, почему; вернувшись изъ долгихъ заграничныхъ походовъ, въ продолженіе которыхъ дворянство имѣло случай близко ознакомиться съ западными порядками и идеями, оно, какъ нами указывалось выше, не могло больше удовлетвориться печальной обстановкой роднаго быта. Сельское хозяйство силою необходимости оставалось въ рукахъ приказчиковъ и арендаторовъ; провинціальная жизнь по прежнему не интересовала

---

[1]) В. Ключевскій. Евгеній Онѣгинъ и его предки. „Русская Мысль", февраль, 1887 года, стр. 301.

и не удовлетворяла дворянства; «на то были выборные представители и исправники».

Отсюда понятно, что интеллигентное общество сосредоточилось въ Петербургѣ, въ провинціи же оставалось дворянство невѣжественное, мелкопомѣстная бѣднота. Въ такой обстановкѣ не могъ подниматься культурный уровень общества; невѣжество должно было оставаться лозунгомъ дворянства; просвѣщеніе же — исключеніемъ.

Культура несомнѣнно сдѣлала огромный шагъ впередъ въ этомъ періодѣ русской исторіи; но незначителенъ былъ тотъ кругъ общества, среди котораго она находила себѣ почву и симпатіи. Этимъ объясняется, напр., что наряду съ величайшими именами, которыя выдвинула русская литература 40-хъ годовъ, провинціальное общество все-таки продолжало коснѣть въ невѣжествѣ. Лучи просвѣщенія проникали въ деревню только исключеніемъ. Интересно міросозерцаніе дворянства этой эпохи. Поколѣніе послѣднихъ годовъ Александровскаго царствованія представляло собою «психологическій курьезъ»; такъ, какой-нибудь либералъ-космополитъ тульскій помѣщикъ, знавшій чуть ни наизусть декларацію правъ человѣка и гражданина, хладнокровно отдавалъ приказанія сѣчь на конюшнѣ провинившихся дворовыхъ и терпѣлъ въ своемъ домѣ крѣпостную дѣвичью.

Въ царствованіе его преемника-брата, новое поколѣніе, унаслѣдовавъ идеи, убѣжденія и взгляды отцовъ, не имѣло уже прежнихъ ихъ вкусовъ, привычекъ и понятій; оно, по прекрасному выраженію Ключевскаго [1]), «круто повернулось лицомъ къ дѣйствительности, къ которой отцы старались поставить его спиной. Отцы не знали ея и сознательно пренебрегали; дѣти продолжали не знать ея, но перестали игнорировать». Это былъ, конечно, уже значительный шагъ впередъ.

Идейное движеніе начала столѣтія, какъ мы видѣли выше, разбилось о реальную обстановку русской жизни, о ту «гру-

---

1) Тамъ же, стр. 303 — 304.

бую толщу», какъ ее называлъ Сперанскій, «которая не хотѣла сдвинуться съ мѣста, какъ ее ни толкали».

Въ царствованіе Николая Павловича все русское общество дѣлилось на три группы. Двѣ изъ нихъ, являвшіяся лишь маленькими отпрысками третьей, составлявшей подавляющее большинство, были — интеллигентная часть общества, шедшая впередъ гигантскими шагами по пути прогресса мысли, съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ во главѣ, а рядомъ съ нею тѣ представители общества, которыхъ Пушкинъ охарактеризовалъ, «разочарованными», отличавшимися, какъ Онѣгинъ, нравственною растерянностью [1]; у послѣднихъ не было той жизненной силы, которая одушевляла первыхъ, но какъ тѣ, такъ и другіе сходились на одномъ, на неудовлетворенности современнымъ имъ положеніемъ вещей.

Большинство же общества еще продолжало по прежнему обрѣтаться въ невѣжествѣ. Сосредоточивъ свои интересы и отождествивъ ихъ со службой, дворянство все болѣе удалялось отъ жизни, отъ дѣйствительныхъ и реальныхъ ея запросовъ.

Въ столицахъ оно не жило, а писало, въ деревнѣ же, по вѣрному замѣчанію Третьяковскаго, «ему спалось да вралось, пилось да ѣлось».

Императоръ Николай сознавалъ это зло, но всѣ старанія его помочь дѣлу оставались безплодными; онъ не могъ искоренить зла, такъ какъ невѣрно опредѣлилъ вызывавшія его причины и взялъ неправильную исходную точку.

Что собственно дало законодательство этой эпохи? Оно желало привлечь къ мѣстной службѣ и, въ частности, къ службѣ выборной, лучшую часть дворянства, отстраняя по возможности все растущее пагубное вліяніе мелкопомѣстныхъ его представителей; оно предоставило дворянству важное новое право; дворянскія общества отнынѣ могли ходатайствовать передъ правительствомъ не только объ искорененіи *злоупотребленій*, но и объ устраненіи *неудобствъ* мѣстнаго управленія; оно

[1]) Тамъ же, стр. 305.

измѣнило порядокъ утвержденія губернскихъ предводителей; прежде они утверждались губернаторами и генералъ-губернаторами, теперь Высочайшей властью; оно, наконецъ, предоставило дворянству право замѣщать по выборамъ должность предсѣдателей губернскихъ палатъ.

Но измѣнили-ли эти нововведенія существо выборной службы и дворянскаго сословнаго управленія и помогли-ли они поднять ихъ значеніе? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить безусловно отрицательно. Мелкопомѣстное дворянство не отстранилось [1]), а наоборотъ продолжало поставлять подавляющее большинство выборныхъ должностныхъ лицъ; новыя же привилегіи дворянства не прельстили; его интересы лежали слишкомъ далеко и въ другомъ направленіи.

И въ этомъ виновато было какъ правительство, такъ и само дворянство. Какъ первое, такъ и второе выше всего ставили службу, основанную на все подчиняющей идеѣ правительственной опеки и іерархической централизаціи; всѣ остальные вопросы получали вслѣдствіе этого второстепенное значеніе, а между ними оставались въ тѣни и оба кардинальные вопроса, мѣстное самоуправленіе и самостоятельность дворянскаго сословнаго управленія. Повсюду, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, господствовалъ «чиновникъ»; живое дѣло повсюду умирало и убивалось въ застѣнкахъ канцелярій и разныхъ губернскихъ комитетовъ и присутствій, обрекая вмѣстѣ съ тѣмъ на смерть всѣ старанія правительства помочь дѣлу.

Главною же причиной, повторяемъ, было невѣрное пониманіе правительствомъ истинныхъ запросовъ жизни. Мы знаемъ, напр., насколько высоко ставилъ Императоръ Николай идею служебнаго долга и считаемъ это его огромной заслугой [2]); но

---

[1]) Эти безуспѣшныя старанія Николая I бороться со злоупотребленіями чиновничества хорошо описаны въ первыхъ главахъ (CCXIII) VII-го тома P. Lacroix, Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, Empereur de Russie. Paris, 1873.

[2]) Свидѣтельство тому можно найти въ запискахъ А. И. Кошелева (Берлинъ, 1884 г. стр. 57). „Я имѣлъ случай убѣдиться, вступая

рядомъ съ этимъ видимъ, что въ это царствованіе было сдѣлано весьма мало для поднятія нравственнаго уровня чиновничества и для гарантіи общества отъ бюрократическаго произвола. Слѣдствіемъ же было то, что идея служебнаго долга не находила себѣ почвы въ міросозерцаніи тогдашняго чиновничества и, несмотря на чрезвычайныя строгости Государя, повсюду господствовали и произволъ, и беззаконія, и безчинства.

Единственнымъ средствомъ противъ всѣхъ золъ по мнѣнію правительства, могла быть лишь всеподавляющая государственная опека.

Ей должны были подчиняться всѣ безъ исключенія области жизни подданныхъ. Даже терминологія законодательства отражаетъ эту идею опеки. Такъ, въ текстѣ статей свода законовъ почти нигдѣ не встрѣчается терминъ «права дворянства», а только «обязанности»; выборная служба и участіе въ дѣлахъ сословнаго управленія разсматривались правительствомъ, какъ обязанность благороднаго сословія, выборныя же должностныя лица, какъ «чиновники отъ дворянства».

Если не принять во вниманіе внѣшней обстановки тогдашней службы и общаго направленія правительственной политики, на первый взглядъ, дѣйствительно, можетъ показаться страннымъ, какъ низко стоялъ, при томъ высокомъ понятіи о служебномъ долгѣ, который воодушевлялъ не только самого Государя, но и высшихъ представителей власти, нравственный и умственный уровень чиновничества; такъ, взяточничество даже не считалось порокомъ!

Хорошую картинку нравовъ того времени даетъ намъ коротенькій, но яркій разсказъ Студенкина [1]), о посѣщеніи Николаемъ Павловичемъ Петербургскаго губернскаго правленія,

---

на должность предводителя въ 1836 году, пишетъ онъ, въ огромномъ количествѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ, въ ихъ бѣдности и невѣжествѣ. Весьма многіе изъ нихъ, получая пособіе, не могли сами въ томъ расписаться за незнаніемъ грамоты. Тутъ же я узналъ страшныя злоупотребленія помѣщичьей властью".

[1]) Императоръ Николай Павловичъ въ присутственныхъ мѣстахъ С.-Петербурга. „Русская Старина", апрѣль 1890 года, стр. 167 и слѣд.

когда на столахъ, вмѣсто чернильницъ и песочницъ оказались помадныя банки, между дѣлами «полуштофы съ приличной закуской», а чиновники сидѣли на круглыхъ полѣньяхъ, прокуроръ-же Мейеръ, испугавшись Государя и вспомнивъ, что на немъ были «пестрые брюки», спрятался въ шкапъ, въ которомъ вѣшались пальто его подчиненныхъ.

Большинство высшихъ представителей власти были необразованы и къ тому же совершенно незнакомы съ дѣлопроизводствомъ подчиненныхъ имъ мѣстъ, вслѣдствіе чего находились въ полной зависимости отъ своихъ секретарей и дѣлопроизводителей; въ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ можно найти тысячи примѣровъ той роли, которую тогда играли секретари и столоначальники; не даромъ говорятъ что самъ Николай I будто бы опредѣленно высказался, что ему хорошо извѣстно, что Россія управляется столоначальниками. Для примѣра назовемъ маленькій, но очень сильно написанный разсказъ М. Н. Загоскина «Канцеляристъ» [1]), рисующій намъ роль этихъ низшихъ «служивыхъ», и записки Н. В. Веригина [2]), описывающаго, напр., слѣдующимъ образомъ секретаря Уфимскаго губернатора; «это былъ такой шулеръ, говоритъ авторъ [3]), который въ канцеляріи, бывъ еще ничтожнымъ между другими писцомъ, обыгрывалъ другихъ мальчиковъ и до своего секретарства уже составилъ себѣ капиталъ въ 100 рублей ассигнаціями»; нечего и говорить, что во время дальнѣйшей службы капиталъ этотъ все увеличивался.

Можно увеличить число подобныхъ примѣровъ до безконечности; они впрочемъ запечатлѣны для потомства въ безсмертныхъ типахъ Гоголя. Къ несчастью, послѣдніе, а не льстивыя слова Устрялова, свидѣтельствуютъ намъ о тогдашней дѣйствительности; если и вѣрно, что «недремлющее око съ высоты престола слѣдило за сокровенными поступками криводушнаго

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1865 года, стр. 791 и слѣд.

[2]) „Русская Старина", 1893 года.

[3]) „Русская Старина", іюль, 1893 г., стр. 152.

судьи, за самоуправствомъ правителя, за развратомъ мота, за жестокосердіемъ помѣщика», если вѣрно, что учреждены были и почетное гражданство, и маіораты, и коммерческіе суды и всеобщее размежеваніе, и дворянству даны были новыя привилегіи [1]), то несомнѣнно также, что все это нисколько не могло поднять и не подняло нравственнаго уровня бюрократіи, не могло возвысить и не возвысило чиновника, отождествившагося съ понятіемъ дворянина.

Реформы этого царствованія *не* «произвели въ присутственныхъ мѣстахъ благодѣтельной перемѣны» и, скажемъ больше, и не могли ея произвести.

Впрочемъ, само правительство это сознавало, что подтверждается его стараніемъ бороться съ этимъ зломъ [2]), стараніемъ обреченнымъ на безплодность, вслѣдствіе невѣрно избраннаго основного начала.

При такомъ положеніи правительственной службы нельзя ожидать найти что-либо другое и въ положеніи службы выборной; послѣдняя стояла еще ниже.

Отмѣтимъ здѣсь довольно интересный психологическій фактъ; намъ уже не разъ приходилось указывать на пренебреженіе дворянствомъ выборной службой; но въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство желало чѣмъ-либо стѣснить его преимущества въ этой области, дворянство немедленно же начинало взывать о нарушеніи его «исконнихъ правъ и привилегій».

Середонинъ приводитъ намъ нѣсколько очень интересныхъ примѣровъ этому [3]). Такъ, дворянскія общества Полтавской, Черниговской, Кіевской и Бѣлорусской губерній ходатайство-

---

[1]) Историческое обозрѣніе царствованія Государя Императора Николая I. Спб., 1847 года, стр. 169.

[2]) Характернымъ примѣромъ въ данномъ отношеніи могутъ служить циркуляры мин-ва вн. дѣлъ. См., напр., сборникъ циркуляровъ названнаго мин-ва, томъ первый, стр. 54 приложеній. Министерство старалось помочь дѣлу „циркулярами и инструкціями“ тамъ, гдѣ нужно было нравственное перевоспитаніе.

[3]) В. н. с., томъ II, часть 1, стр. 247—249.

вали о расширеніи права участія дворянскаго сословія въ земскомъ управленіи; Рязанское дворянство просило установить несмѣняемость выборныхъ судей, Таврическое же о предоставленіи ему права избирать судей въ уѣздные и нижніе земскіе суды. Псковское дворянство ходатайствовало въ 1831 году о дарованіи дворянству всѣхъ губерній права замѣщать по выборамъ должность предсѣдателей губернскихъ палатъ, право, которое какъ мы знаемъ, дворянство и получило. Затѣмъ то же дворянское общество просило объ ограниченіи права правительства увольнять выборныхъ должностныхъ лицъ отъ службы, о дарованіи нѣкоторыхъ служебныхъ преимуществъ дворянамъ, служащимъ по выборамъ и т. д. Дворянскія общества, далѣе, всегда протестовали противъ замѣщенія вакансій по выборной службѣ лицами по назначенію отъ правительства; сюда относятся, напр., заявленія Полтавскаго и Екатеринославскаго дворянства, а также и Рязанскаго (1839 года). Подобныя требованія хорошо характеризуютъ поведеніе дворянства; само оно не интересовалось выборной службой, пренебрегало и собственными сословными интересами и нуждами мѣстнаго управленія, но лишь только правительство пыталось взять дѣло въ свои руки, дворянство сейчасъ же возвышало голосъ, и съ желчью трубило о нарушеніи его историческихъ правъ и преимуществъ и о посягательствѣ правительства на его привилегіи.

Между тѣмъ у правительства имѣлось слишкомъ много доказательствъ неудовлетворительности положенія выборной службы, вслѣдствіе чего у него вполнѣ правильно укоренилось убѣжденіе «въ невыгодности оставлять уѣздное управленіе въ рукахъ дворянства» и виною тому было, конечно, поведеніе самого дворянства.

Отчеты губернаторовъ этихъ годовъ (1835—1845 гг.) почти безъ исключенія говорятъ о «равнодушномъ» отношеніи дворянства къ дѣлу выборовъ, объ «уклоненіи» его всѣми путями и средствами отъ службы выборной и дѣлъ земскаго хозяйства.

II.

Положеніе выборной службы было не блестящее. О безпорядкахъ на выборахъ и злоупотребленіяхъ мѣстной администраціи намъ приходилось уже говорить [1]); остановимся здѣсь немного на самой выборной службѣ. Отношеніе къ ней дворянства хорошо описано Дитятинымъ [2]). Верховная власть не переставала напоминать дворянству, говоритъ онъ, о его обязанностяхъ въ этомъ отношеніи, но напоминанія эти ни къ чему не вели: «не только не выбирались «лучшіе люди», но сплошь и рядомъ не выбирались вовсе никакіе, а выбранные всяческими путями уклонялись отъ службы; правительству приходилось замѣщать незанятыя мѣста своими чиновниками. А если дворянство и не уклонялось отъ выборовъ, если выборы производились, то выборныя должности замѣщались или людьми прямо недостойными, или жалкими бѣдняками, унижавшимися предъ всѣми и каждымъ, власть имѣющимъ, и унижавшими занимаемыя ими должности». Предшествующее изложеніе, думается намъ, къ несчастью слишкомъ хорошо подтверждаетъ эти слова [3]).

---

[1]) См. напр. Середонинъ, в. н. с., томъ II, часть 1, стр. 249—259.

[2]) Къ исторіи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 года. „Русская Мысль“, май, 1885 г., стр. 19 и слѣд.

[3]) „Лучшими людьми“ попрежнему оставались еще предводители. Но и среди нихъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя не лестныя исключенія. Одинъ изъ такихъ примѣровъ даетъ намъ А. Кошелевъ (Записки, Берлинъ 1884 г., стр. 57 и 58). „Жилъ у насъ въ уѣздѣ одинъ старикъ весьма богатый, бывшій въ теченіе кажется 18 лѣтъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, пишетъ онъ, и прославившійся своимъ самоуправствомъ и своимъ дурнымъ обхожденіемъ съ крестьянами и дворовыми людьми. Онъ былъ нѣсколько разъ подъ судомъ; но по милости денегъ всегда выходилъ чистымъ изъ самыхъ ужасныхъ дѣлъ. Онъ засѣкалъ до смерти людей... Полиція, судъ и уѣздный стряпчій у него въ кабинетѣ покончивали всѣ его дѣла. Дворяне почти всѣ были его должниками и онъ не иначе говорилъ имъ, какъ ты; на выборы онъ ихъ возилъ на свой счетъ и вслѣдствіе того всегда былъ выбираемъ значительнымъ большинствомъ“ (Разсказъ этотъ относится къ 20-мъ годамъ XIX вѣка). Но если подобныя лица бывали избираемы въ предводители, хотя и исключеніемъ, то легко

Правительство Николая I думало помочь дѣлу тремя путями: подтвержденіемъ началъ Жалованной грамоты 1785 г. и дарованіемъ дворянству нѣкоторыхъ новыхъ преимуществъ, отстраненіемъ мелкопомѣстнаго дворянства посредствомъ введенія болѣе строгихъ цензовыхъ условій, и, наконецъ, уравненіемъ «въ наградахъ и прочихъ выгодахъ» выборной службы со службой государственной.

Подтвержденіемъ дворянству преимуществъ, дарованныхъ ему Жалованной грамотой, и пожалованіемъ новыхъ привилегій правительство не прельстило это сословіе; послѣднее смотрѣло на такую политику, какъ на должное и заслуженное.

Отстраненіе же мелкопомѣстнаго и неимущаго элемента отъ выборной службы совершенно не удалось; правительствомъ самимъ было допущено слишкомъ много исключеній, при введеніи новыхъ цензовыхъ условій, а рядомъ съ этимъ открыто было и слишкомъ много обходныхъ путей, изъ которыхъ главный, конечно, былъ — введеніе избранія уполномоченныхъ отъ мелкопомѣстныхъ дворянъ.

Наконецъ, третье средство — уравненіе обоихъ видовъ службы имѣло какъ разъ обратный желаемому результатъ, т. е. еще большее отстраненіе лучшихъ элементовъ дворянства отъ выборной службы. А между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Дитятина [1]), это послѣднее средство законодатель считалъ наиболѣе дѣйствительнымъ. «Императоръ, говоритъ названный авторъ, надѣялся на это средство въ особенности, имѣя на то солидныя основанія: вкусъ дворянства къ государственной службѣ и значеніе для него чина». Выше мы старались доказать, что Николай I, вѣрно опредѣляя «вкусы дворянства» и значеніе для него чина, невѣрно опредѣлилъ послѣдствія

себѣ представить каковы были прочіе низшіе выборные отъ дворянства органы, почти поголовно замѣщаемые невѣжественнымъ и грубымъ мелкопомѣстнымъ дворянствомъ.

[1]) В. н. статья, стр. 22. „Русская Мысль“, май, 1885 г.

такой политики «уравненія». Именно «вкусы дворянства» и были причиной пренебреженія имъ выборной службой, именно то особенное значеніе, которымъ среди этого сословія пользовался чинъ, и заставляло его предпочитать службу правительственную, гдѣ легче можно было достигнуть власти и почета. Вопросъ былъ не въ томъ, чтобы привлечь дворянство вообще къ участію въ провинціальномъ управленіи, а въ томъ, чтобы привлечь лучшіе элементы дворянства, чтобы завербовать «лучшихъ людей» этого сословія.

Впрочемъ, самъ законодатель не совсѣмъ твердо увѣренъ былъ въ дѣйствительности своей политики; объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, вышеприведенный указъ, которымъ предписывалось губернскимъ предводителямъ «имѣть строгій надзоръ» за тѣмъ, чтобы выборныя должности замѣщались людьми дѣйствительно достойными, какъ будто подборъ «лучшихъ людей» могъ зависѣть отъ предводителей дворянства!

Практика ближайшихъ послѣ изданія закона 1831 года лѣтъ показала недостаточность правительственныхъ мѣропріятій; стоитъ только въ этомъ отношеніи бросить бѣглый взглядъ на записки графовъ Уварова, Закревскаго и Перовскаго [1]); эти лица, несомнѣнно, были хорошо освѣдомлены о настоящемъ положеніи вещей. Всѣ трое одинаково мрачными красками рисуютъ намъ дѣйствительность.

«Чиновники, служащіе по выборамъ, пишетъ Перовскій, нерѣдко менѣе способны и надежны, чѣмъ опредѣляемые отъ правительства, званіе же исправниковъ и засѣдателей слишкомъ унижено въ общественномъ мнѣніи; дворянство, продол-

---

[1]) Записка гр. Уварова „De l'administration de la plupart des Gouvernements de la Russie centrale", см.: Анучинъ, Истор. очеркъ развитія адм.-полиц. учрежденій въ Россіи, стр. 30; также Дитятинъ, в. н. статья, стр. 22; всеподданнѣйшій отчетъ гр. Перовскаго, 1842 года; Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 449; Варадиновъ, Исторія м—ва внутр. дѣлъ, часть III, 1842 года; также статья Градовскаго въ VI томѣ Сб. гос. знаній, стр. 147.

жаетъ министръ, не всегда обнаруживаетъ чистое и безкорыстное стремленіе къ общественному благу [1]).

И положеніе въ этомъ отношеніи все ухудшалось. Не жизненные интересы, а «служба» привлекали дворянство; къ карьерѣ направлены были его «вкусы» и стремленія. А въ этомъ отношеніи правительственная служба представляла лучшее средство; земская служба, по замѣчанію Дитятина, была непонятна дворянству, а отсюда, то пагубное явленіе уклоненія лучшихъ элементовъ дворянства отъ выборной службы и переходъ послѣдней въ руки того самого мелкопомѣстнаго дворянства пресмыкающагося и униженнаго, которое правительство такъ старательно отстраняло; «лучшее дворянство не жило въ своихъ имѣніяхъ»; оно все сосредоточилось въ столицѣ; поэтому ясно, что у него не могло и быть никакой «живой связи съ мѣстнымъ обществомъ, его жизнью и интересами» [2]); «дворянство, пишетъ Гакстгаузенъ [2]), живетъ по городамъ и несетъ государственную службу; большая часть его не имѣетъ вовсе того, что называется въ Европѣ экономіей, деревенской осѣдлости; усадьбы большею частью пустуютъ; дворянинъ смотритъ на свое имѣніе не какъ на отеческій домъ», а какъ на источникъ дохода; поэтому не удивляетъ автора то печальное состояніе, въ которомъ находилось мѣстное управленіе, и въ частности выборная служба, не удивляетъ его также и почти полное отсутствіе въ провинціи образованнаго и состоятельнаго класса дворянскаго сословія; «выборы въ сословныя должности находятся въ рукахъ грубаго, необразованнаго, бо̀льшею частью испорченнаго дворянства». Характерную картинку даетъ намъ авторъ въ разсказѣ «Московскаго дворянина» о выборахъ исправника, о его приниженности, взяточничествѣ и заискиваніи у мѣстныхъ дво-

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, в. н. с., стр. 499 (Первая фраза справедливо подчеркнута авторомъ).

[2]) Дитятинъ, в. н. статья, стр. 26.

[3]) Haxthausen, Etudes, т. III, стр. 46 и слѣд., также Дитятинъ, в. н. статья, стр. 26.

рянъ, о той роли, которую при такихъ выборахъ играли мелкопомѣстные дворяне и представители правительственной власти — губернаторы, «die den Ispravnik wie einen Lump behandelten» [1]).

Таково было отношеніе дворянства и къ земскому управленію, и къ выборной службѣ и къ сословному, т. е. собственно дворянскому, управленію [2]).

---

[1]) Дитятинъ, в. н. статья, стр. 27, Haxthausen, Etudes, томъ III, стр. 51.

[2]) Въ нашей литературѣ три автора касались только что описаннаго явленія, но надо сказать всѣ три довольно односторонне. Мы говоримъ о профессорахъ Романовичъ-Славатинскомъ (Дворянство въ Россіи, стр. 446 и слѣд.), Лохвицкомъ (Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія, стр. 205) и Дитятинѣ (статья, помѣщенная въ „Русской Мысли" 1885 г., май, стр. 23) Первый изъ названныхъ ученыхъ объясняетъ уклоненіе дворянства отъ выборной службы тѣмъ, что служба эта была „равнообязательна" для дворянства, какъ и служба правительственная, чѣмъ дворянство страшно тяготилось; кромѣ того участіе дворянства въ мѣстномъ управленіи, по мнѣнію названнаго изслѣдователя, было слишкомъ широко, слишкомъ „преобладающе", вслѣдствіе чего мѣстнаго дворянства прямо „не хватало" для замѣщенія всѣхъ должностей. Съ этимъ трудно согласиться; не обязательность выборной службы, а ея малая выгодность заставляла дворянъ ею тяготиться; обязательность, по нашему мнѣнію, играла весьма ничтожную роль; не служить, какъ мы видѣли, считалось даже „неприличнымъ"; подтвержденіемъ нашему взгляду могутъ служить десятки произведеній и типовъ нашей литературы этой эпохи.

Второй изъ названныхъ ученыхъ приписываетъ явленіе массоваго „уклоненія" дворянства отъ выборной службы „пересѣканію всѣхъ провинціальныхъ учрежденій одною правительственной единоличной властью", другими словами, пагубному вліянію административной опеки, достигшей въ Николаевское царствованіе, какъ мы видѣли, своего апогея; мы не можемъ, въ виду всего сказаннаго нами выше, не согласиться съ огромнымъ вліяніемъ, которое имѣло въ данномъ случаѣ это направленіе правительственной политики; Лохвицкій совершенно правъ, отмѣчая его; невѣрно по нашему мнѣнію лишь то, что названный авторъ придаетъ этому факту исключительное значеніе; исторія дворянскаго сословія намъ показала, что рядомъ съ усиленіемъ правительственной опеки, стояли и другія явленія, оказавшія также весьма немаловажное вліяніе на паденіе значенія выборной службы; единоличная и все усиливающаяся власть представителей правительства несомнѣнно „убивала все дѣйствительно живое", это отрицать трудно, но и само дворянство нисколько не было опечалено такимъ ходомъ дѣла, наоборотъ, оно, можно сказать, ему сильно содѣйствовало.

Эту односторонность взглядовъ Лохвицкаго отмѣтилъ еще проф.

Правительство, какъ намъ уже приходилось указывать, боролось или, вѣрнѣе, старалось бороться съ этимъ зломъ. Уже Императоръ Александръ I предпринималъ цѣлый рядъ мѣръ въ этомъ направленіи. Въ царствованіе его брата также издано было много отдѣльныхъ указовъ и распоряженій, напоминающихъ дворянству его обязанности. Такъ, въ самомъ началѣ царствованія Императора Николая I мы находимъ указъ, дававшій право губернскимъ правленіямъ замѣщать вакансіи по выборной службѣ «по уклоненіи избранныхъ на нихъ дворянъ» [1]).

Въ 1827 году министерство внутреннихъ дѣлъ издало также распоряженіе, касающееся того же вопроса; до свѣдѣнія его дошло, что дворяне уклоняются отъ выборной службы, подъ предлогомъ «состоянія въ должности церковныхъ старостъ»; по этому поводу министерство нашло нужнымъ указать, что «исполненіе этихъ должностей не можетъ служить законнымъ поводомъ отказа отъ должностей по службѣ выборной» [2]).

Какъ мы знаемъ, и въ законѣ 1831 года и въ указѣ

Дитятинъ; но рядомъ съ этимъ названный ученый впадаетъ въ другую крайность; вліяніе правительственной опеки имъ вовсе отрицается (стр. 24, в. н. статьи). „Причина неуспѣха (мѣропріятій правительства въ борьбѣ съ уклоненіемъ дворянства отъ службы) въ значительной степени лежали въ самомъ дворянствѣ", говоритъ проф. Дитятинъ (стр. 15, в. н. статьи) конечно да, скажемъ мы, и „вкусы дворянства" играли первенствующую роль! Но нельзя же отрицать того огромнаго вліянія, которое оказывала на угнетеніе выборной службы правительственная опека.

„Гдѣ же истина?" спрашиваетъ Дитятинъ. Въ обоихъ мнѣніяхъ, отвѣтимъ мы; онъ правъ также, какъ правъ и Лохвицкій; истина лежитъ въ соединеніи обоихъ мнѣній. Первенствующей причиной паденія выборной службы и дворянскаго сословнаго управленія было отсутствіе интересовъ къ ней дворянства, но на ряцу съ этимъ, какъ мы старались доказать выше, огромную роль играла въ этомъ вопросѣ и политика правительства. Обѣ причины шли рука объ руку и привели къ тѣмъ блестящимъ результатамъ, которые раскрываетъ намъ исторія Россіи пятидесятыхъ годовъ!

¹) 2-е П. С. З. № 853.

²) Варадиновъ, Исторія мин. вн. дѣлъ, часть III, кн. 1, стр. 134. Аналогичный примѣръ борьбы министерства съ уклоненіемъ дворянства отъ выб. службы Варадиновъ приводитъ и въ другомъ мѣстѣ; см. часть III, кн. 2, стр. 744.

1-го января 1832 года правительство говорило о томъ же, призывая дворянство «къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей». Но всѣ эти напоминанія мало дѣйствовали, вслѣдствіе чего правительство стало прибѣгать къ болѣе строгимъ мѣрамъ; въ 1843 году изданъ былъ указъ [1]) о взысканіи за неявку на выборы и о недопущеніи «уклоняющихся» къ участію въ дворянскихъ собраніяхъ. Но, какъ мѣтко замѣтилъ проф. Романовичъ-Славатинскій [2]), развѣ трудно было богатому дворянину за 25—250 рублей штрафа доставить себѣ удовольствіе вмѣсто скучныхъ выборовъ провести сезонъ въ столицѣ среди шумныхъ увеселеній.

Середонинъ приводитъ намъ также цѣлый рядъ примѣровъ тѣхъ мѣропріятій, которыя правительство предпринимало въ борьбѣ съ уклоненіемъ дворянства отъ выборной службы [3]). И министерство внутреннихъ дѣлъ, и Комитетъ министровъ, и Государственный Совѣтъ занимались этимъ вопросомъ, но одинаково безуспѣшно. «Губернаторы продолжали жаловаться на уклоненіе дворянства», донесенія изъ провинціи все мрачнѣе рисовали положеніе дѣла; въ началѣ царствованія вопросъ, какъ мы знаемъ, находился на обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ, но увы, никакихъ результатовъ это «обсужденіе» не имѣло [4]).

---

[1]) 13-го мая. П. С. З. № 16848, (продолженіе 1843 года къ статьѣ 110, III-го тома (свода закон.).

[2]) Дворянство въ Россіи, стр. 497.

[3]) В. н. с., томъ II, часть I, стр. 244 и слѣд.

[4]) Въ губерніяхъ западнаго края ко всѣму вышесказанному присоединялась еще одна причина, заставлявшая дворянство уклоняться отъ выборной службы. Намъ необходимо отмѣтить это здѣсь же, дабы объяснить этимъ еще бо́льшую интенсивность отстраненія дворянства отъ мѣстнаго управленія въ западныхъ губерніяхъ. Въ этихъ мѣстностяхъ дворянство не желало нести выборной службы вслѣдствіе національной розни; оно находилось въ борьбѣ съ петербургскимъ правительствомъ и всѣми силами старалось отстраниться отъ какого-либо общенія съ нимъ; такимъ образомъ, здѣсь, кромѣ общаго пренебреженія службой, уклоненіе дворянства еще вызывалось и національнымъ предубѣжденіемъ, что, конечно, только усиливало нежеланіе дворянства принимать участіе въ дѣлахъ мѣстнаго

III.

Борьба правительства со все усиливающимся уклоненіемъ дворянства отъ выборной службы силою вещей обречена была на безплодность; съ одной стороны, явленіе, съ которымъ ему приходилось бороться, имѣло слишкомъ глубокіе историческіе корни, съ другой же, самыя средства, избранныя правительствомъ для этой борьбы, были недостаточны и ошибочны.

Выборныя должности замѣщались самыми худшими элементами дворянства; повсюду мы встрѣчаемъ примѣры исправниковъ Безобразовыхъ, «дравшихся со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ» и вырывавшихъ бороды у священниковъ, стряпчихъ и засѣдателей, не только глумящихся надъ правосудіемъ и его представителями, но, какъ то было, напр., въ Яренскомъ земскомъ судѣ, прибѣгающихъ и къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ (въ названномъ судѣ засѣдатель «удавилъ» расправнаго судью «по злобѣ на него») [1]. «Объ озорникахъ исправникахъ, лакействовавшихъ передъ богатыми дворянами и взяточникахъ засѣдателяхъ и секретаряхъ, говоритъ проф. Романовичъ, свидѣтельствуютъ намъ *неизгладимыми буквами* не только воспоминанія и записки, но само полное собраніе законовъ». При такомъ положеніи вещей понятна та безуспѣшность «взыванія правительства къ патріотизму дворянства», которую не разъ намъ приходилось отмѣчать; да и само правительство, можно думать, съ недоумѣніемъ взглянуло бы на дворянина, «отличеннаго титулами», въ должности исправника, или на «знатнаго и благороднаго отпрыска» дворянскаго

управленія. Примѣромъ въ данномъ отношеніи можетъ служить приводимое Середонинымъ дѣло, разбиравшееся въ 1848 году въ Комитетѣ министровъ; генералъ-губернаторъ Бибиковъ жаловался на упорное нежеланіе дворянства юго-западнаго края нести выборную службу, въ виду чего Комитету пришлось прибѣгнуть къ особымъ мѣропріятіямъ; послѣднія, однако, не помогли; уклоненіе дворянства только усиливалось (Истор. обзоръ дѣятельн. Комитета министровъ, томъ II, часть 1, стр. 240 и слѣд.).

[1]) „Русскій Архивъ", томъ III, О Мельгуновѣ; цитировано по Романовичу, в. н. с., стр. 498.

рода, служащаго въ должности засѣдателя или члена дворянской опеки.

Итакъ, выборная служба всецѣло осталась въ рукахъ мелкопомѣстнаго дворянства, несмотря ни на какія старанія правительства. Въ провинціи распоряжалось и господствовало «захудалое» дворянство; лучшіе же элементы этого сословія продолжали упорно «отлынивать», не желая нести выборной, службы; жизнь неудержимо влекла ихъ въ столицу; и только здѣсь могли они найти общественные и интеллектуальные интересы, а рядомъ съ этимъ столь желанные почетъ и власть; здѣсь, въ Петербургѣ, дворяне дѣлали карьеру въ центральномъ управленіи, въ ущербъ интересамъ провинціи. Въ деревнѣ только кое-гдѣ можно было встрѣтить знатнаго вельможу, пресытившагося свѣтской жизнью и отъѣхавшаго отъ дѣлъ.

Подобное лицо, безъ конкуренціи попавъ въ предводители дворянства, силою вещей несло на себѣ тяжелое бремя всего сословнаго управленія и большей части правительственной администраціи [1]).

Надо отдать справедливость Императору Николаю I, онъ сознавалъ серьезность положенія дѣла и сильно имъ огорчался. Его самымъ искреннимъ желаніемъ было поднять значеніе дворянскаго сословнаго управленія и выборную службу. Но всѣ усилія его были тщетны, благодаря невѣрно избраннымъ средствамъ.

Вмѣсто того, чтобы улучшаться, контингентъ выборныхъ должностныхъ лицъ становился все хуже и хуже; въ провинціальномъ управленіи стали царить все бо̀льшія безпорядки и злоупотребленія, взяточничество и грубость.

Одни предводители оставались на высотѣ своего призванія, являясь «лучшими людьми» провинціи. Да и то, нарастаніе все новыхъ функцій предводительской должности сильно поко-

[1]) Ср. мою статью „Предводитель дворянства, какъ органъ сословнаго и земскаго самоуправленія", журналъ М-ва Юстиціи. 1902 года мартъ, стр. 105.

лебало значеніе ихъ въ мѣстномъ обществѣ, и не могло не мѣшать имъ въ исполненіи основной ихъ задачи, — представительствѣ дворянскаго сословія; послѣднее стало отходить все далѣе на задній планъ, уступая мѣсто новому началу—земскому, обще-сословному.

Интересно отмѣтить здѣсь тотъ выдающійся фактъ изучаемаго періода русской исторіи, что несмотря на всѣ старанія правительства, на самыя искреннія стремленія самого Государя, полагавшаго, что значеніе дворянства должно заключаться въ руководительствѣ прочимъ населеніемъ, какъ класса наиболѣе развитого и образованнаго, несмотря на это, именно въ данное царствованіе брезгливое отношеніе дворянъ къ выборной службѣ, бѣгство отъ нея подъ самыми разнообразными предлогами выразилось всего ярче [1])!

Между тѣмъ, со введеніемъ земской реформы, выборный пересталъ быть несимпатичнымъ типомъ полицейскаго и судебнаго органа сороковыхъ годовъ и обратился въ мирового судью и земскаго гласнаго, хотя, быть можетъ, и безъ всякаго юридическаго образованія, но благородно несущаго свои обязанности. Что-же случилось? Откуда такая странная перемѣна? «Да именно то измѣнилось, на что жалуются всѣ прежніе указы: дворянство избирало въ судныя и полицейскія должности своихъ *худшихъ* людей, а въ земское управленіе и новые суды то же дворянство, вмѣстѣ съ другими сословіями, благодаря новымъ условіямъ дѣятельности, стало избирать своихъ *лучшихъ* людей» [2]).

Теорія и практика, исторія и наука давно уже доказали весь вредъ, приносимый государству замкнутыми сословіями. У насъ, къ счастью, никогда не было сословій въ томъ видѣ, въ которомъ мы ихъ встрѣчаемъ на западѣ, и, если иногда и проявлялись стремленія къ замкнутости, то подобныя попытки всегда разбивались о крѣпко установившійся нашъ историческій строй.

---

[1]) Тамъ-же, стр. 108 и слѣд.

[2]) „Русская Мысль“, 1885 г., январь.

Исторія предводительской должности въ частности служитъ намъ доказательствомъ тому, сколь важно было дворянству отказаться отъ духа сословной гордости и исключительности. Еще Аксаковъ писалъ объ этомъ, и не онъ одинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и лучшіе представители дворянства того времени. Всѣ они настаивали на отрѣшеніи отъ привилегій, совѣтовали дворянству торопиться «устроиться», воспользовавшись для этого благодарнымъ временемъ освободительныхъ реформъ. Средство же къ достиженію этой цѣли славянофилы справедливо видѣли только въ сліяніи дворянства съ прочими сословіями въ одно единое земство; только въ этомъ объединеніи сословій лежалъ, по ихъ мнѣнію вѣрный путь къ установленію прочнаго и жизнеспособнаго правопорядка, а не «мнимыхъ привилегій» [1]). Дворянство, какъ мы знаемъ, не воспользовалось этой эпохой, оно не пожелало идти по указанному пути; дворяне и до послѣднихъ лѣтъ не переставали «уходить» изъ провинціи, все болѣе и болѣе заполняя и безъ того уже переполненное центральное управленіе.

Реформы 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія измѣнили кореннымъ образомъ нашъ государственный строй.

Принципъ сословности уступилъ мѣсто новому началу — всесословности [2]), а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнилась и государственная роль дворянства. Въ дореформенной Россіи дворянство участвовало въ судахъ и полиціи, мѣстное-же хозяйство было въ рукахъ всесильнаго «хозяина губерніи» — губернатора; послѣ реформы судъ и полиція были изъяты изъ рукъ дворянскаго сословія, мѣстное же хозяйство, наоборотъ, передано вѣдѣнію общества, въ лицѣ вновь созданныхъ земствъ. «Тамъ, гдѣ прежде особенно примѣнялось выборное

---

¹) В. н. статья Дитятина, стр. 33, „Русская Мысль", 1885 г., май.

²) Въ проведеніи принципа *всесословности,* вмѣсто *безсословности,* какъ мною было указано въ статьѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ журнала „Мин. Юст.", 1902 года, (стр. 110) лежалъ корень неудачи и скораго паденія новыхъ учрежденій реформы шестидесятыхъ годовъ.

начало, говоритъ Градовскій [1]), восторжествовало назначеніе отъ короны».

Но этимъ, можетъ быть даже незамѣтно для современниковъ, долженъ былъ измѣниться весь строй государства.

Земская реформа восторжествовала надъ сословнымъ строемъ; правда побѣда праздновалась недолго; бюрократія, а за ея спиной дворянство, стали въ тиши служебныхъ кабинетовъ, канцелярій и департаментовъ подтачивать освободительное дѣло шестидесятыхъ годовъ; чего они достигли, показываетъ намъ современное положеніе вещей.

Но таковъ уже законъ природы: къ старому возврата нѣтъ. Реформами 60-хъ годовъ сословный строй былъ окончательно разрушенъ. Именно эти времена были послѣднимъ аккордомъ принципа сословности; 1861 и 1864 года нанесли ему послѣдній смертельный ударъ. Какъ вѣрно замѣтилъ Аксаковъ [2]), 19-е февраля 1861 года «уничтожило *на вѣки вѣковъ* вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ и *существенный признакъ дворянскаго достоинства*», земская же реформа отняла у этого сословія право *исключительнаго* завѣдыванія и управленія провинціальными интересами и вопросами мѣстнаго хозяйства. «Чѣмъ, восклицаетъ Аксаковъ, de facto и de jure отличается теперь (въ 1861 году) дворянинъ отъ прочихъ сословій?

«Населенными землями по окончаніи выкупа будутъ имѣть право владѣть и купцы и крестьяне. Избавленіе отъ тѣлесныхъ наказаній будетъ, вѣроятно (!), когда-нибудь распространено и на прочія сословія. Избавленіемъ отъ рекрутства пользуются и купцы; да эта повинность, можетъ статься, будетъ также переорганизована. Избавленіе отъ платежа податей, вѣроятно, не избавитъ отъ платежа поземельнаго налога. Право службы? Оно еще со времени Петра I, предоставлено всѣмъ. Древность происхожденія? Но какъ опредѣлить ее? Поземель-

[1]) Системы мѣстнаго управленія, стр. 149.
[2]) Газета „День“, 1861 года № 8. Цитировано изъ статьи проф. Дитятина, „Русская Мысль“ 1885 года, май, стр. 29.

ное владѣніе? Но это право принадлежитъ въ русской землѣ всѣмъ. Богатство? Оно на сторонѣ купцовъ, капиталистовъ, но никоимъ образомъ не дворянства», и т. д.

Надежды Николая I и его правительства на дворянство не оправдались. Идеаломъ этого сословія попрежнему оставались служба и карьера; мѣстныя же нужды и провинціальная жизнь его нисколько не интересовали. Оно продолжало стремиться въ Петербургъ; здѣсь, въ столицѣ оно дѣлало карьеру въ душныхъ канцеляріяхъ центральнаго управленія, проживало остатки отцовскихъ капиталовъ въ безсмысленныхъ финансовыхъ спекуляціяхъ или безумной роскоши и лѣни.

Явленіе это получило свою характерную окраску при Александрѣ I съ перваго момента реорганизаціи центральнаго управленія; но полный расцвѣтъ и торжество его мы видимъ въ Николаевское царствованіе.

Не малую роль при этомъ играло отсутствіе у дворянства образованія; оно было, въ общей массѣ, еще невѣжественно и грубо. Отсюда его пренебреженіе къ провинціальнымъ интересамъ и ко всѣму живому. Канцеляріи, въ которыхъ «производили бумаги» только способствовали этому разлагающему процессу.

Интересенъ въ этомъ отношеніи автобіографическій разсказъ одного современника [1]), свидѣтельствующій намъ, какъ постепенно, но *съ неотразимой силой* его поглощала бюрократическая среда, какъ «начавъ съ писца», онъ проходилъ степени помощника столоначальника, столоначальника и выше, все болѣе отдаляясь отъ жизни!

«По мѣрѣ того, какъ я допытывался до истины, говоритъ авторъ [2]), несогласіе жизни съ офиціальною бумагой становилось для меня все яснѣе и поразительнѣе». Къ несчастію исторія намъ слишкомъ ясно подтверждаетъ справедливость этихъ словъ.

---

[1]) „Между строками одного формулярнаго списка“, анонимная статья въ „Русской Старинѣ“, 1881 года, томъ 32, стр. 817 и слѣд.
[2]) Тамъ же, стр. 823.

Тотъ же авторъ немного далѣе характерно описываетъ намъ петербургскую бюрократію ему было тѣмъ легче наблюдать, что благодаря своему общественному положенію, ему удалось поставить себя въ сторонѣ отъ бюрократическихъ интригъ; никому не нужно было, вслѣдствіе этого маскироваться передъ нимъ. «Я не могъ быть полезенъ и нуженъ почти никому въ Петербургѣ; я не могъ удовлетворить никакого искателя мѣстъ, не могъ кормить завтраками, обѣдами и ужинами, давать деньги въ займы, способствовать къ удовлетворенію чужого тщеславія, пугать своими рѣзкими выраженіями, поступками... и потому могъ, со стороны, наблюдать эту дурно скрываемую, ожесточенную, безпощадную скачку съ препятствіями, въ виду почета, карьеры и наживы» [1]).

Это стремленіе дворянства къ «чиновничеству» было причиной безрезультатности реформъ Александра I, оно же было причиной безуспѣшности мѣропріятій Николая I, а впослѣдствіи опять-таки оно же подточило корни и реформамъ Александра II!

IV.

Крымская война составила какъ бы итогъ царствованію Императора Николая I.

Несмотря на всѣ его старанія, на высокое пониманіе идеи служебнаго долга, строжайшую военную дисциплину и казавшійся снаружи образцовый порядокъ, при первомъ серьезномъ испытаніи—Россія не выдержала, открывъ всему свѣту свою внутреннюю несостоятельность.

Значительная доля вины падаетъ на дворянство. Вмѣсто того чтобы стоять во главѣ населенія и посвящать всѣ свои силы просвѣщенію и культурѣ, оно проводило дни въ душныхъ канцеляріяхъ, все болѣе замыкаясь въ узкіе и близорукіе эгоистическіе интересы.

---

[1]) Тамъ же, стр. 865. Хорошіе примѣры бюрократическихъ порядковъ Николаевскаго царствованія даетъ намъ статья „Русской Старина“ „Бюрократическая война 1839 года“; томъ 32, стр. 890 и слѣд.

Поставивъ на своемъ знамени сословную привилегированность и службу, оно и не могло стоять во главѣ общественнаго движенія по пути прогресса.

Характернѣе всего это сказалось въ отношеніи дворянства къ вопросу освобожденія крестьянъ. «Роль перваго сословія Имперіи, пишетъ Кавелинъ [1]), въ дѣлѣ такой важности вышла жалкая и унизительная... Дворянство отнеслось къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ нехотя, отрицательно, пассивно и было обойдено. Ему остались на долю одно напрасное сѣтованіе и безсильная злоба».

По нашему крайнему разумѣнію—иначе и быть не могло; дворянство, во-первыхъ, было недостаточно просвѣщено, чтобы понять неизбѣжную необходимость освобожденія крестьянъ, а во-вторыхъ—находилось въ зависимости отъ крѣпостного труда. Какъ нами уже указывалось выше, проживая въ столицѣ, гдѣ казенное жалованье не окупало дорогой жизни, дворянство нуждалось въ помощи «изъ деревни»; при подобномъ положеніи вещей даровой трудъ дворовыхъ и крѣпостныхъ былъ единственно выгодной формой хозяйства; сильное обѣднѣніе и тяжелое экономическое положеніе дворянства, которое мы встрѣчаемъ повсемѣстно въ Россіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, является именно слѣдствіемъ освобожденія крестьянъ.

Вмѣстѣ съ Аксаковымъ, Кавелинъ восклицаетъ «что же станется теперь съ дворянствомъ?» (1862 г.) «къ чувству глубокаго оскорбленія присоединяется еще тяжелое раздумье... дворянство, потерявъ всякое значеніе и всякую власть, сравняется съ другими классами народа и исчезнетъ въ ихъ огромной массѣ». Немного далѣе тотъ же авторъ вѣрно указываетъ и одну изъ главныхъ причинъ подобнаго явленія. «Печальную картину представляетъ исторія русскаго дворян-

---

[1]) Собр. сочиненій К. Д. Кавелина, томъ второй, публицистика. Спб. 1898 г. „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, стр. 107 и 125. Ср. также со статьями того же автора „Чѣмъ намъ быть“, „Общественное значеніе дворянства“ и др.

ства за послѣдніе полвѣка, говоритъ онъ [1]). Озабоченное одною мыслью удержать за собой крѣпостное право, оно въ царскихъ совѣтахъ упорно сопротивлялось всякимъ полезнымъ реформамъ, прямо или косвенно затрагивавшимъ крѣпостной вопросъ». Другую причину тому же слѣдствію составляло сосредоточеніе всѣхъ интересовъ дворянства на одномъ фокусѣ— государственной службѣ, какъ мы старались то доказать въ предшествовавшемъ изложеніи.

Если бы на данный вопросъ воздѣйствовала лишь одна первая причина, то оставалась бы конечно и надежда на лучшее для дворянства будущее. Кавелинъ вѣрилъ въ это будущее; «если дворянство хочетъ пережить теперешнюю трудную минуту, писалъ онъ въ 1862 году [2]), съ пользой для себя, то ему слѣдуетъ, оставя ни къ чему не ведущія сѣтованія и безсильную досаду, серьезно позаботиться о сохраненіи за собой своихъ имѣній, о возможномъ сближеніи со всѣми классами народа, о пріобрѣтеніи возможно большаго вліянія на мѣстныя дѣла и управленіе». Но такая перспектива была и оказалась неосуществимой, благодаря исторически сложившемуся укладу интересовъ русскаго дворянства, сосредоточившемуся на службѣ и вполнѣ оторванномъ отъ реальной дѣйствительности.

Дворянство не могло стоять во главѣ провинціальнаго общества, потому что «уклонялось» отъ жизни въ уѣздѣ, оно не было въ состояніи помогать правительству въ освободительныхъ реформахъ, потому что чуждо было подобнымъ идеямъ, къ тому же подрывавшимъ и его экономическую состоятельность; послѣ же реформъ 60-хъ годовъ отнята была у него всякая возможность не только стать «первымъ сословіемъ», но и сословіемъ вообще.

Принципъ сословности, повторяемъ, былъ похороненъ реформами Императора Александра II.

---

[1]) Тамъ же, стр. 122. Особенно ярко изложены взгляды Кавелина въ статьѣ „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые“, „Всемірный Вѣстникъ“, августъ 1905 г., стр. 14 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 132.

Единственно хорошей и полезной стороной развитія общественнаго положенія нашего дворянства былъ отмѣченный нами выше демократическій принципъ Петровской табели о рангахъ. Чинъ открывалъ двери общественной дѣятельности всякому, не давая тѣмъ возможности дворянству замкнуться въ феодальное сословіе; объ этотъ принципъ разбились перечисленныя нами аристократическія попытки Панинской коммисіи XVIII столѣтія, а въ равной мѣрѣ и вожделѣнія нѣкоторыхъ членовъ Комитета 6-го декабря, въ XIX вѣкѣ. Онъ же послужилъ главной причиной успѣшному и легкому проведенію реформъ Царя-Освободителя; благодаря ему, дворянство никогда не было въ Россіи, какъ вѣрно замѣтилъ еще Кавелинъ, «*единственной* опорой престола и отечества». Такая честь принадлежитъ всѣмъ сословіямъ въ равной мѣрѣ, одинаково проливавшимъ свою кровь за родину и во время Александровскихъ войнъ первой четверти XIX столѣтія и въ продолженіе Николаевскихъ войнъ второй четверти.

Интеллигенція въ Россіи, во-первыхъ, въ тѣ времена была весьма незначительнымъ исключеніемъ, во вторыхъ же, никогда не принадлежала одному дворянству.

Подведемъ теперь итоги сказанному о дворянствѣ. Въ Екатерининское царствованіе правительство шло навстрѣчу нуждамъ провинціи и старалось организовать мѣстное управленіе на широкихъ началахъ общественной самодѣятельности. Дворянство не могло воспользоваться въ полной мѣрѣ предоставленными ему путями, съ одной стороны благодаря своей невѣжественности, съ другой же, будучи отвлекаемо изъ провинціи соблазнительностью столичной жизни и блескомъ двора. Послѣдовавшія къ концу царствованія затрудненія во внѣшней политикѣ отвлекли вниманіе Императрицы отъ нуждъ провинціи и были причиной оставленія ею недоконченными начатыхъ преобразованій.

Короткое царствованіе Павла не могло конечно внести новыхъ началъ въ государственную жизнь Россіи, но посѣяло среди дворянства страхъ и недовольство, недовольство, которое

впослѣдствіи, благодаря чисто случайнымъ причинамъ, не только не исчезло, но продолжало развиваться и расти.

Идейное движеніе начала царствованія Александра I не оказало особеннаго воздѣйствія на дворянство; провинціальные его представители продолжали коснѣть въ невѣжествѣ; интеллигентное же общество продолжало сосредоточиваться въ Петербургѣ.

Преемники Екатерины мало заботились о провинціи; главное ихъ вниманіе было обращено на центральное управленіе, политика же правительства, съ торжествомъ реакціи Александровскаго царствованія, поставила себѣ цѣлью провести возможно полное подчиненіе всѣхъ областей жизни государственной опекѣ. Дворянство вполнѣ сочувствовало подобному теченію, все болѣе сосредоточивая свои интересы въ столицѣ или на государственной службѣ.

Наконецъ, въ царствованіе Императора Николая I эти явленія достигли своего апогея. Правительственная централизація была доведена до крайнихъ предѣловъ, дворянство почти поголовно состояло на службѣ, общественная жизнь въ провинціи окончательно заглохла, мѣстное же управленіе перешло въ руки мелкопомѣстной бѣдноты.

Все это привело съ печальной неизбѣжностью къ катастрофѣ, разразившейся надъ Россіей во время Крымской кампаніи.

V.

За изслѣдованное нами столѣтіе (1762—1855) существованія дворянскаго сословнаго управленія ясно опредѣлились, думается намъ, стремленія и вожделѣнія русскаго дворянства, какъ корпоративной организаціи. Въ серединѣ XVIII вѣка почувствовалось движеніе дворянства въ провинцію, чему въ сильной мѣрѣ способствовала политика правительства и его заботливое отношеніе къ интересамъ мѣстнаго управленія. Но затѣмъ, уже къ концу того же столѣтія, лучшія силы дворянства, болѣе просвѣщенная его часть стали понемногу перeко-

чевывать обратно въ столицу. Движеніе это было сильно задержано суровымъ царствованіемъ Павла I, но начиная съ 15-го года вновь усилилось и все развивалось вплоть до земскихъ реформъ Александра II; оно было настолько сильно, что, какъ мы знаемъ, не могли противодѣйствовать ему чрезвычайно строгія мѣры Николая Павловича; о него разбились и перечисленныя нами попытки законодателя «обязать» дворянъ тѣмъ или другимъ способомъ служить въ провинціи (ср., напр., проекты Сперанскаго, указъ Николая I объ опредѣленіи молодыхъ дворянъ на провинціальныя должности и др.).

Подобное явленіе не могло, конечно, способствовать процвѣтанію дворянскаго сословнаго управленія.

Преимущества, дарованныя дворянству Екатериной, вполнѣ его удовлетворили; они, какъ мы знаемъ, были даже черезчуръ широки. Въ царствованія ея внуковъ, хотя и подтверждались торжественно заложенные Жалованной грамотой 1785 года принципы, послѣдніе во многомъ оставались мертвой буквой. Рядомъ съ этими торжественными заявленіями законодателя мы все яснѣе замѣчаемъ другой противуположный имъ процессъ, а именно, все большее подчиненіе органовъ дворянскаго сословнаго управленія опекѣ правительства. При подобномъ же положеніи вещей не могло быть и рѣчи о самоуправленіи. Постепенно, но неотразимо шелъ впередъ процессъ обезличенія сословнаго управленія и паденія его значенія, какъ въ глазахъ правительства, такъ и самого дворянства. И шелъ онъ рука объ руку съ равнымъ паденіемъ значенія и выборной службы.

Корпоративные интересы дворянства завѣдывались почти исключительно предводителями; но вмѣстѣ съ тѣмъ названный сословный органъ постепенно терялъ свою сословную окраску; общеадминистративныя его функціи все расширялись, пока, наконецъ, не стали перевѣшивать надъ функціями сословнаго управленія. Этотъ послѣдній фактъ, конечно, былъ главной, если не единственной причиной того, что, при созданіи въ 1864 году земскаго управленія, тѣ же предводители были

призваны принять въ немъ дѣятельнѣйшее участіе и даже руководительство; если окинуть взоромъ все обширное поле ихъ дѣятельности, напр., въ сороковыхъ годахъ, можно ясно себѣ представить, что лучшаго руководителя новаго земскаго управленія правительство и не могло найти; благодаря ихъ предшествовавшей подготовкѣ, предводители явились вполнѣ способными и полезными дѣятелями реформированнаго провинціальнаго управленія. Въ этомъ, конечно, а не въ ихъ сословныхъ функціяхъ, лежалъ залогъ ихъ дальнѣйшей плодотворной дѣятельности въ мѣстной администраціи. Но, рядомъ съ этимъ, эта новая роль предводителей, какъ земскихъ органовъ, сослужила службу и сословному управленію. Послѣднее могло продолжать существовать далѣе въ своемъ прежнемъ видѣ. Позволительно сомнѣваться въ томъ, оставилъ бы законодатель сословное управленіе въ его прежнемъ видѣ послѣ реформъ 60-хъ годовъ, если бы органы этого управленія несли чисто сословныя функціи. При участіи же предводителя въ земскомъ дѣлѣ, онъ былъ, несомнѣнно, весьма полезенъ правительству.

Постепенное подавленіе самостоятельности дворянскаго сословнаго управленія, которое, полагаемъ, ясно слѣдуетъ изъ началъ изслѣдованнаго нами законодательства, шло параллельно съ усиленіемъ власти правительственныхъ органовъ, достигшимъ въ Николаевское царствованіе своего апогея [1]). Ярко освѣщенъ этотъ процессъ въ примѣрѣ, приводимомъ Владиміромъ Соловьевымъ [2]) о губернаторѣ, «садившемся на законъ»; «одинъ губернаторъ, при какой-то ссылкѣ на законъ, взялъ со стола томъ свода законовъ и, сѣвши на него, спросилъ: гдѣ законъ? онъ былъ лицомъ типическимъ, въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ». Вѣрно замѣчаетъ по

---

[1]) Самымъ характернымъ примѣромъ можетъ служить циркуляръ Ростовцева кадетскимъ корпусамъ, въ которомъ сказано, что „совѣсть нужна человѣку въ частномъ, домашнемъ быту, а на службѣ и въ гражданскихъ отношеніяхъ ее *замѣняетъ воля начальства*“.

[2]) Вл. Соловьевъ. Славянофильство и его вырожденіе. Собр. соч., томъ V, стр. 177. Ср. также Любимова „М. Н. Катковъ и его историческая заслуга“, стр. 182.

поводу этого примѣра Соловьевъ—«большинство начальниковъ представляло нѣчто среднее между извергомъ генералъ-губернаторомъ Дьяковымъ и тѣмъ идеальнымъ губернаторомъ, который былъ добрымъ и справедливымъ человѣкомъ, хотя и клалъ подъ себя законъ». Не стоитъ, конечно, вновь шевелить эти грустныя страницы русской исторіи; онѣ достаточно обличены и разобраны славянофилами [1]).

Ясно, что въ подобной обстановкѣ не могло существовать самоуправленія, но ясно также, что и самостоятельное сословное управленіе должно было противорѣчить самовластію сатраповъ и хозяиновъ губерній; все безъ исключенія должно было имъ подчиняться, дѣйствовать и жить подъ указку ихъ палки.

«Наше мѣстное управленіе, писалъ Кавелинъ [2]), вызывающее такія громкія, такія единодушныя жалобы всей Россіи (въ 1850-хъ годахъ), всѣхъ сословій можно сказать, основано на недовѣріи». Одно неизбѣжно слѣдовало изъ другого. Общество въ массѣ было еще чрезвычайно невѣжественно, правительству приходилось думать и дѣйствовать за него; общественнымъ силамъ правительство конечно не могло довѣрять; та малая же часть общества, которая была и просвѣщена и культурна, была оторвана отъ провинціи и почти ея не знала, а главное не интересовалась ею.

Дворянство продолжало наполнять ряды чиновничества: «Сколько есть примѣровъ, что дворянинъ, горько сѣтовавшій на порядокъ дѣлъ, осуждающій дворянство за бездѣятельнѣйшую роль въ мѣстномъ управленіи, вступивъ послѣ того въ

---

¹) Ср., напр., съ трудами Хомякова, Аксакова, критикой Соловьева и др. Невольно вспоминаются слова первыхъ двухъ авторовъ про Россію того времени:

Въ судахъ черна неправдой черной
и игомъ рабства клеймена

и Аксакова:

Сплошного зла стоитъ твердыня
Царитъ безсмысленная ложь.

²) Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи (1855 г.). Собр. соч., томъ II, Спб. 1898 г., стр. 69.

государственную службу и занявъ вліятельную должность въ администраціи, совершенно входилъ въ виды правительства и съ убѣжденіемъ становился органомъ системы, которую порицалъ такъ рѣшительно... Такова сила вещей, таковъ, къ счастью законъ русской жизни, покоряющій себѣ все» [1])!

Но Кавелинъ ошибался [2]), когда думалъ, что единственной темной стороной вопроса были крѣпостническія тенденціи дворянства и что съ освобожденіемъ крестьянъ для дворянства откроются новые горизонты, которые въ корнѣ измѣнятъ его жизнь, интересы и стремленія. Исторія второй половины XIX вѣка свидѣтельствуетъ намъ, наоборотъ, что во многомъ жизнь дворянства продолжала течь по старому, стремленія же и интересы его попрежнему сосредоточивались на службѣ. Крѣпостническія тенденціи дворянства были только слѣдствіемъ одной общей причины—его недостаточной просвѣщенности и образованности. Не сознавало дворянство къ несчастью, что гораздо полезнѣе было бы для него не взывать къ правительству объ укрѣпленіи старыхъ и дарованіи новыхъ привилегій и преимуществъ, а посвятить свою жизнь труду и ученію.

Не услышало оно, какъ не слушало и прежде, голоса совѣсти, часто повторявшаго ему «смирись гордый человѣкъ и прежде всего потрудись надъ самимъ собой. Только просвѣщеніе и трудъ способны тебя облагородить и сдѣлать достойнымъ имени человѣка».

[1]) Кавелинъ, тамъ же, стр. 71.

[2]) Позднѣе Кавелинъ какъ будто самъ началъ сомнѣваться въ исключительности этой причины и разочаровываться въ возложенныхъ имъ надеждахъ на „руководительство" дворянства прочими сословіями. Ср. „Всемірный Вѣстникъ", августъ 1905 г., „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые" — Батуринскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Проектъ правамъ благородныхъ.

1768 года іюля 3-го дня въ дирекціонной коммисіи, въ силу обряда, 7-й статьи онаго, по разсмотрѣніи вновь поданнаго изъ коммисіи о государственныхъ родахъ проекта правамъ благородныхъ и учиненныхъ на оный отъ дирекціонной коммисіи пополненій, перемѣнъ и примѣчаній, опредѣлено послать оный въ большое собраніе при запискѣ, а во всѣ частныя коммисіи, кромѣ экспедиціонной и разбора наказовъ, при экстрактахъ изъ протокола слѣдующаго содержанія.

Въ большое собраніе.

Ея Императорское Величество, предпріемля сочинить и издать новое законоположеніе или паче къ славѣ Ея государствованія и знатности Россіи присовокупить блаженство всѣхъ и каждаго, въ самомъ началѣ предусмотрѣть изволила, что хотя самые знаменитые, какъ въ древности, такъ и новѣйшихъ временъ, законодатели по большей части о томъ только старались, чтобъ точнымъ за каждое преступленіе или погрѣшеніе сопредѣленіемъ наказанія сохранить народное благонравіе, слѣдовательно, предупредить и преступленія, — и что хотя отличаемая добродѣтель и праведное оной возданіе суть первые столпы всеобщаго благонравія, но къ вышеизложенному предмету — блаженства всѣхъ и каждаго — сего не довольно. Надобно, чтобы сперва всѣ и каждый, по своему состоянію, точно вѣдалъ, въ чемъ состоятъ его права и обязанности и

какъ пользоваться первыми, а исполнять другія. Предписаніе же наказаній на преступниковъ нечто иное есть, какъ запасное на случай нужды для здороваго тѣла лѣкарство.

Всѣ главы какъ Большого Наказа, такъ и Начертанія останутся на вѣки свидѣтельствомъ сихъ премудрыхъ и человѣколюбивыхъ мнѣній и наставленіемъ для будущихъ гдѣ-либо законодателей.

Толикое благодѣяніе, возбуждая къ искренней благодарности не требуетъ, кажется, испытанія, откуда оно начало свое имѣетъ; однако же, просвѣщенные премудростію нашей Самодержицы, ощутительно теперь видимъ, что такъ пространнаго и такъ всецѣлаго законоположенія необходимая нужда требовала.

До нынѣ усматривали мы токмо, что въ старомъ Соборномъ Уложеніи на многіе случаи не достаетъ предписаній, а въ послѣдовавшихъ указахъ много неясности и больше того противорѣчій. Теперь ощутительно видимъ, что помянутое Уложеніе тотчасъ начинается опредѣленіемъ наказаній за преступленія, но имѣетъ ли кто къ чему-либо право, или чѣмъ кто обязанъ, о томъ тамъ умалчивается, какъ бы на то особливое уложеніе уже предварительно издано было; равнымъ образомъ, и въ послѣдовавшихъ указахъ весьма многое случайно запрещено, но того трудно сыскать, по какому праву остальнымъ кто пользуется.

Есть, подлинно, нѣкоторые слѣды правъ дворянскихъ, но такъ смѣшаны и разсѣяны, или такъ случайно объ нихъ упоминается, что трудно съ надеждою на оныхъ основываться. Права средняго рода или мѣщанства почти неизвѣстны, а третьяго рода еще гораздо меньше; что жъ до казацкихъ войскъ принадлежитъ, то оставалися оныя на такъ названныхъ древнихъ обыкновеніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ—на весьма перемѣнчивомъ произволеніи.

Сихъ ради важныхъ причинъ и слѣдуя существенному содержанію Большого Наказа, по учрежденіи дирекціонной коммисіи первое стараніе приложено было назначить частную

коммисію о государственныхъ родахъ и оной поручить составленіе личныхъ правъ каждаго рода такимъ образомъ, чтобы каждый ему собственно принадлежащими, не мѣшая другому, пользовался.

Сіе распоряженіе Всемилостивѣйше даннымъ Начертаніемъ Ея Императорское Величество подтвердить изволила, а одобренное тѣмъ раченіе было таково, что проектъ правамъ благородныхъ или дворянъ готовый, съ нѣкоторыми отъ дирекціонной коммисіи учиненными частію пополненіями, частію же перемѣнами и примѣчаніями, въ Большое Собраніе при семъ сообщается. Права средняго рода или мѣщанскія особо назначенною коммисіею столько изготовлены, что теперь только осторожно пересматриваются. Права третьяго рода также въ дѣйствительной теперь работѣ, равно какъ и принадлежащія до казацкихъ войскъ; слѣдовательно, и оныя много не замедлятся.

Не всѣ, можетъ быть, положены здѣсь права, какія себѣ возмечтать и написать возможно, но на то можно сказать, что токмо тѣ наблюдаемы были, кои состоянію государства приличествуютъ и согласны предмету блаженства всѣхъ и каждаго.

Равное правило и въ слѣдующихъ проектахъ, по крайней возможности, наблюдаемо будетъ. Не въ томъ блаженство состоитъ, чтобъ всякій все то имѣлъ, что нравится прихотливому желанію; сіе было бы блаженство токмо сильнаго; но въ томъ, чтобы каждый всѣ тѣ права и выгоды имѣлъ, какихъ онъ справедливо и разсудительно желать можетъ, и что бы сіи права и выгоды были существительны, а не мечтательны, и тѣмъ паче надежны, чѣмъ лучше ограждены и свойственны. Не въ томъ и нужное между всѣми гражданами состоитъ сопряженіе и союзъ, чтобы всѣ одними и одинакими пользовалися правами и преимуществами, ибо то было бы всеобщимъ смѣшеніемъ; но въ томъ, чтобы господствовалъ порядокъ, а по порядку каждому особо принадлежащія права такъ раздѣлены были, чтобы, напримѣръ, дворянство видѣло свою пользу

въ пользѣ и выгодѣ мѣщанства, а мѣщанство равнымъ, напротивъ того, образомъ и такъ далѣе. . . .

Проектъ правамъ благородныхъ, сочиненный коммисіею о государственныхъ родахъ.

Глава I.

Что есть благородство, откуда оное начало свое имѣетъ, кто есть благородный, сколько званій благородныхъ, какія именно, чѣмъ другъ отъ друга отличаются, какъ достигать благородства, и чѣмъ теряется оное.

Ст. 1. Благородство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены.

Ст. 2. Какъ между людьми одни были добродѣтельнѣе другихъ, а притомъ и заслугами отличались, — то принято издревле отличать добродѣтельнѣйшихъ и болѣе другихъ служащихъ людей, давъ имъ сіе нарицаніе въ чести.

Ст. 3. Благородные разумѣются всѣ тѣ, которые отъ предковъ того имени рождены или вновь монархами симъ нарицаніемъ пожалованы.

Перемѣны въономъ, дирекціонною коммисіею сдѣланныя.

Ст. 3. Благородные разумѣются всѣ тѣ, кои отъ предковъ благородныхъ рождены или вновь монархами симъ нарицаніемъ пожалованы.

N. B. Здѣсь перемѣнено одно токмо слово для лучшей ясности, а именно: вмѣсто «предковъ того име-

Ст. 4. Благородные въ другихъ государствахъ многія равныя званія имѣютъ. Въ Россіи же въ употребленіи донынѣ только четыре: княжеское, графское, баронское и дворянское.

Ст. 5. Различіе сихъ достоинствъ состоитъ токмо въ титулахъ и въ гербахъ.

ни»—сказано: «предковъ благородныхъ».

Прибавленіе:

какіе отъ государя пожалованы будутъ.

Примѣчаніе:

N. B. Сіе прибавленіе сдѣлано для большей ясности, по большинству голосовъ. Но съ онымъ несогласны: Волоколамскаго дворянства господинъ депутатъ, графъ Чернышевъ и Рузскаго дворянства господинъ депутатъ Волковъ, коихъ мнѣніе въ томъ состоитъ, чтобъ сію пятую статью совсѣмъ выключить, а вмѣсто оной написать: «всѣ сіи хотя и различныя названія пользуются однакожъ равно правами благородныхъ», потому что здѣсь не о различіяхъ дворянства, но только о правахъ, дворянству принадлежащихъ, слово идетъ.

Ст. 6. Добродѣтели и заслуги возводятъ людей на степень благородства.

Ст. 7. Добродѣтели, ведущія къ благородству, суть: любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ Государю и наблюденіе всѣхъ законовъ и должностей, заслуги военныя и гражданскія, свобожденіе Государя и Государства отъ опасности угрожаемой и знатной приращеніе блага государственнаго.

Ст. 8. Лишить благородства никого не можно, кромѣ того, который самъ себя лишилъ онаго своими основанію его достоинства противными поступками. Противные же поступки благородству суть: измѣна, разбой, воровство всякаго рода, нарушеніе клятвы, лжесвидѣтельство въ важныхъ дѣлахъ, кое самъ дѣлалъ или другихъ уговаривалъ дѣлать, составленіе лживыхъ крѣпостей и другихъ тому подобныхъ писемъ, какъ о томъ точно въ юстицкой части изображено.

Ст. 6. Добродѣтели и заслуги ведутъ людей къ степени благородства. Но одинъ токмо Государь возводитъ на сію степень.

N. B. Сіе пополненіе сдѣлано единственно для большей ясности.

Глава II.

О правахъ благородныхъ.

Ст. 1. Благородные всѣ суть люди свободные.

Ст. 2. Благородные имѣютъ полную свободу избирать по собственной своей склонности и благоизобрѣтенію такую службу, какую сами пожелаютъ: придворную, воинскую или гражданскую и, находясь въ службѣ, повинуются предписаннымъ для каждой законамъ и равнымъ, напротивъ того, образомъ могутъ изъ службы по законамъ увольненіе брать или совсѣмъ въ службу не вступать.

Ст. 3. Благороднымъ, вступающимъ въ службу воинскую и гражданскую, ежели по экзаменѣ офицерскій чинъ еще получить не достойными явятся, то до тѣхъ поръ, пока они достойны онаго сдѣлаются, въ военной службѣ служа — называться кадетами, а въ гражданской — юнкерами.

Ст. 4. Благородные не подвержены никакому тѣлесному наказанію.

Ст. 5. Благороднымъ дозволяется выѣзжать въ чужія государства и принимать въ оныхъ службу.

Ст. 6. Не возбраняется также и безъ службы въ чужихъ государствахъ не только временно, но и домами жить и всякое владѣніе пріобрѣтать, хотябъ они здѣсь какимъ имѣніемъ владѣли или нѣтъ.

Ст. 7. Но буде благородный пожелаетъ въ чужихъ государствахъ вѣчно остаться и поселиться, то имѣетъ право просить увольненія

Примѣчаніе:

N. B. О назначеніи въ законахъ сего порядка дирекціонная коммисія пору-

отъ подданства по установленному законами порядку.

Ст. 8. Какъ скоро россійскимъ благороднымъ, въ иностранныхъ государствахъ находящимся, общій позывъ учиненъ будетъ, то каждый, кромѣ уволенныхъ отъ подданства, въ отечествѣ своемъ явиться долженъ.

Ст. 9. Благородные самолично изъемлются отъ всякихъ податей.

Ст. 10. Съ благородствомъ соединяется право имѣть гербы.

Ст. 11. Благородные имѣютъ право завѣщаніями своими опредѣлять опекуновъ своимъ малолѣтнимъ наслѣдникамъ и ихъ имѣнію. А если малолѣтніе наслѣдники остались безъ завѣщанія, и опека къ нимъ опредѣляется по законамъ, то въ опекуны къ благороднымъ и ихъ имѣнію никто опредѣленъ быть не можетъ, какъ токмо благородный.

Ст. 12. Благородные имѣютъ право владѣть деревнями по узаконеніямъ.

Ст. 13. Благородные могутъ, если пожелаютъ, право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на право деревень свободныхъ. Но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнить уже не можно.

чила трудиться коммисіи о государственныхъ родахъ.

Примѣчаніе:

N. B. Какъ далеко власть или право владѣльца надъ его деревнями простирается, о томъ поручено трудиться коммисіи о имѣніяхъ.

Ст. 14. Благородные могутъ дѣлать благороднымъ завѣщанія съ условіемъ, законами опредѣленнымъ на деревни свободныя; крѣпостныхъ же деревень завѣщать таковымъ образомъ не можно.

Примѣчаніе:

N. B. Въ чемъ состоитъ условіе и какіе оному положить предѣлы, о томъ поручено трудиться той же коммисіи о имѣніяхъ.

Ст. 15. Благороднымъ дозволяется продавать и покупать свободныя деревни безпошлинно.

Ст. 16. Благороднымъ дозволяется благопріобрѣтенныя свободныя деревни отказывать всякому благородному, кому они заблагоразсудятъ, крѣпостныхъ же деревень и родовыхъ свободныхъ никто дарить не можетъ.

Ст. 17. Благородные могутъ частно крѣпостнымъ своимъ людямъ давать свободу.

Примѣчаніе:

N. B. Но могутъ ли крѣпостные люди частно продаваемы быть, о томъ будетъ дѣлать положеніе коммисія о государственныхъ родахъ, которой и поручено оное.

Ст. 18. Благородный можетъ усыновлять и взять къ себѣ въ наслѣдники посторонняго въ случаѣ неимѣнія того рода, только бы усыновляемый былъ благородный и къ своему прозванію присовокупилъ и прозваніе того, кто его усыновляетъ по узаконенному порядку.

Примѣчаніе:

N. B. Какъ сіе усыновленіе есть нѣкоторый родъ наслѣдства, а при томъ и взаимное между усыновляющимъ и усыновляемымъ обязательство, то порядокъ усыновленія поручено сдѣлать коммисіямъ о имѣніяхъ и о разныхъ установленіяхъ, касающихся до

Ст. 19. Хотя благородный и имѣлъ бы наслѣдника, но послѣдняго въ родѣ и къ наслѣдству, по законамъ, неспособнаго, то и въ такомъ случаѣ усыновленіе по 18 статьѣ дозволяется съ тѣмъ, чтобъ прямому наслѣднику оставилъ онъ по законамъ пристойное пропитаніе.

Ст. 20. Благородныхъ имѣніе движимое и недвижимое ни за какое, кромѣ преступленія въ оскорбленіи ВЕЛИЧЕСТВА, не отписывается, и то одно только благопріобрѣтенное, а не родовое. Въ случаѣ же казенныхъ и неказенныхъ долговъ берется только такая часть, которая, по продажѣ, требователей удовольствовать можетъ.

Ст. 21. Благороднымъ дозволяется продавать и закладывать всякія, кромѣ условіемъ запрещенныхъ, деревни по своей волѣ, только бы тотъ, кому они продаютъ, человѣкъ былъ благородный.

Ст. 22. На основаніи законовъ, благороднымъ дозволяется на своихъ земляхъ и въ своихъ деревняхъ заводить фабрики и заводы.

Ст. 23. Благородные могутъ строить на своей землѣ, въ силу законовъ, всякаго рода и званія мельницы.

Ст. 24. Благородныхъ собственные

лицъ, по сношенію между собою.

Примѣчаніе:

N. B. Сіе поручается той же коммисіи о имѣніяхъ, а именно: опредѣлить закономъ пристойное пропитаніе.

въ деревняхъ находящіеся домы свободны отъ постоя.

Ст. 25. Безъ согласія владѣльцевъ къ церквамъ, въ деревняхъ ихъ находящимся, какъ въ священники, такъ и въ церковники опредѣлять не можно.

Ст. 26. Всѣ произращенія и произведенія земляныя, также звѣри, птицы и рыбы, на мѣстѣ владѣнія чьего находящіеся, принадлежатъ прямо той земли владѣльцу.

Прибавленіе:

Чтожъ касается до кроющихся въ нѣдрахъ земныхъ сокровищъ, какъ-то: соляныхъ росоловъ и рудъ, на то особливые сдѣланы законы: о росолахъ—въ части о соли, о рудахъ — въ части о рудокопаніи.

N. B. При сочиненіи сихъ законовъ стараніе приложится, согласно Большому Наказу XXII главы, 607-му отдѣленію оной, къ тому, чтобъ государственная польза соединена была съ пользою каждаго.

Ст. 27. Благородные невозбранно могутъ произведенія собственныхъ своихъ деревень, кромѣ законами запрещенныхъ, продавать валовою продажею.

Ст. 28. Благородные имѣютъ право въ своихъ дачахъ охотиться звѣ-

риною и птичьею охотами въ предписанное законами время.

Ст. 29. Благородные въ дѣлахъ, до чести и жизни ихъ касающихся, судятся равными себѣ, то есть благородными.

Ст. 29. Благородные въ дѣлахъ, до чести и жизни ихъ касающихся, судятся только въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, которымъ законами дано право судить благородныхъ.

N. B. Сія перемѣна учинена какъ въ силу Большого Наказа, 489-го отдѣленія онаго, такъ и въ такомъ уваженіи, что хотя и желательно, чтобъ всѣ и каждый равными себѣ судимъ быть могъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи тотчасъ ощущается самая непреоборимая невозможность: ибо въ такомъ случаѣ не токмо дѣлъ и самыхъ судебныхъ мѣстъ можетъ весьма умножиться, но весьма еще опасно, что сколько будетъ такихъ мѣстъ, столько же разнообразныхъ по одинаковому дѣлу рѣшеній. Сверхъ того, есть много такихъ, особливо удаленныхъ провинцій, гдѣ или мало, или и совсѣмъ нѣтъ дворянскихъ имѣній, слѣдовательно и живущихъ тамъ дворянъ

нѣтъ. А изъ того и произошло-бъ, что или судей, на мѣсто учиненнаго преступленія издалека собирать или къ судьямъ обвиняемаго и свидѣтелей съ несказаннымъ затрудненіемъ возить надлежало-бъ. Можетъ здѣсь сказано быть, что не во всякомъ мѣстѣ могутъ быть и такія судебныя мѣста, какимъ дается право судить благородныхъ. Сіе подлинно такъ; но, имѣя извѣстныя мѣста, не будетъ нужды заводить всегда новыя, и тотчасъ всякъ вѣдаетъ, гдѣ просить на обвиняемаго, такъ что между преступленіемъ и судомъ не пропадетъ напрасно много времени; а сіе паче всего нужно и паче всего подтверждено Большимъ Наказомъ.

Ст. 30. Благородный, впадши въ подозрѣніе по дѣламъ, до чести и жизни касающимся, сверхъ назначенныхъ судей, можетъ съ своей стороны назначить одного судью, кого онъ заблагоразсудитъ, и который на то самъ согласится, и можетъ представить для защищенія своего дѣла одного стряпчаго или ходатая въ предписанное законами время.

Ст. 31. Доносъ и свидѣтельства на благороднаго крѣпостного его человѣка недѣйствительны.

Примѣчаніе:

N. B. Сія тридцать первая статья совсѣмъ здѣсь выключается, ибо принадлежитъ до коммисіи о правосудіи, которой поручено разсмотрѣть и положить, какіе и отъ кого доносы пріемлемы быть могутъ.

Ст. 32. Въ дѣлахъ, до чести и жизни благородныхъ касающихся, дозволяется онымъ, ежели они рѣшеніемъ суда не довольны будутъ, просить по узаконенному порядку Государя о разсмотрѣніи дѣла ихъ.

Примѣчаніе:

N. B. Сей порядокъ поручено разсмотрѣть коммисіи о правосудіи.

Ст. 33. Ежели благородный по тяжебнымъ дѣламъ заслужитъ лицеимство, то можетъ, представя надежный за себя залогъ, свободиться онаго.

Ст. 34. Благородный, взявъ въ супружество хотя и неблагородную, но не безчестную и не обруганную, женщину, сообщаетъ какъ ей, такъ и дѣтямъ, отъ онаго супружества происшедшимъ, благородство и права онаго. А кого почитать обезчещенною женщиною, о томъ значитъ въ законахъ.

Ст. 35. Благородная, вышедшая въ замужество хотя и за неблагороднаго, но чиновнаго человѣка, права своего не теряетъ, а мужу и

дѣтямъ, отъ сего супружества рожденнымъ, не сообщаетъ онаго; вышедшая же въ замужество за неблагороднаго и не чиновнаго лишается благородства и права онаго.

Ст. 36. Благородный служащій и служившій имѣетъ первое мѣсто предъ всякимъ благороднымъ, который не служилъ и не служитъ, какъ и всякій офицеръ имѣетъ сіе преимущество.

Ст. 36. Благородный служащій и служившій своему отечеству имѣетъ первое мѣсто предъ всякимъ благороднымъ, который не служилъ и не служитъ, какъ и всякій офицеръ россійской службы имѣетъ сіе преимущество.

N. B. Здѣсь прибавленія нѣсколькихъ словъ сдѣланы единственно для единой ясности.

Ст. 37. Всѣ благородные имѣютъ свободный входъ ко двору.

Ст. 38. Благородные для собственныхъ и назначенныхъ законами имъ дѣлъ могутъ въ своихъ провинціяхъ съѣзжаться въ назначенное время и въ опредѣленное для того съѣзда мѣсто.

Примѣчаніе:

N. B. О семъ учрежденіе поручено сдѣлать коммисіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права.

Ст. 39. Благородные между собою избираютъ членовъ въ суды земскіе, по установленному порядку.

Примѣчаніе:

N. B. Поручено той же коммисіи о порядкѣ государства.

Ст. 40. Благородные имѣютъ право для всякихъ письменныхъ дѣлъ, до ихъ касающихся, во всякой провинціи содержать архивы.

Примѣчаніе:

N. B. Основаніе сихъ архивовъ опредѣлитъ также коммисія о порядкѣ государства.

Ст. 41. Благороднымъ дозволяется во всякой провинціи держать списокъ.

Примѣчаніе:

N. В. Каковъ сей списокъ быть и въ чемъ состоять имѣетъ, оное распорядитъ коммиссія о государственныхъ родахъ.

Ст. 42. Позволяется благороднымъ каждаго уѣзда, провинціи и губерніи заводить училища для дѣтей своихъ обоего пола.

Ст. 43. Никто, кромѣ россійскихъ благородныхъ, въ Россіи сими правами пользоваться не можетъ.

Примѣчаніе:

N. В. Во окончаніи, Большому Собранію для извѣстія сообщается, что разныя сего проекта статьи, хотя до разныхъ частныхъ коммисій принадлежатъ, однакожъ списки или копіи со всего проекта во всѣ частныя коммисіи даны, дабы отъ невѣдѣнія не произошло разнообразныхъ положеній.

Отъ Синода депутатъ Гавріилъ, Епископъ Тверскій. — Отъ Волоколамскаго дворянства депутатъ, графъ З. Чернышевъ.—Отъ Рузскаго дворянства депутатъ Дмитрій Волковъ.— Депутатъ отъ дворянъ Вотской пятины Николай Муравьевъ.— Отъ Вяземскаго дворянства депутатъ, графъ Иванъ Орловъ.

Сочинитель, князь *Θедоръ Козловскій.*

Писалъ студентъ *Андрей Колзаковъ.*

II.

№ 13953.—Февраля 28-го, 1773 года. СЕНАТСКІЙ.

О запрещеніи депутатамъ, выбраннымъ въ Коммисію о сочиненіи проекта новаго Уложенія, чинить поборы съ ихъ избирателей и принимать на себя хожденіе въ присутственныхъ мѣстахъ по дѣламъ общества, отъ котораго они выбраны.

Объявляется всенародно. Правительствующему Сенату до свѣдѣнія дошло, что нѣкоторые изъ выбранныхъ, по основа-

нію состоявшагося 1766 года декабря 14-го дня Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Манифеста, въ Коммисію о сочиненіи проекта новаго Уложенія нижнихъ чиновъ депутатовъ, будучи по нынѣшнимъ обстоятельствамъ распущены въ домы, одни собираютъ съ тѣхъ, кои ихъ въ сіе званіе выбирали, поборы, яко бы для общихъ нуждъ, и поставляютъ себя въ тѣхъ мѣстахъ народными защитителями, а другіе входятъ въ дѣла посторонній и до ихъ званія нимало не принадлежащія, подаютъ о томъ какъ въ присутственныхъ мѣстахъ, такъ и въ Коммисію о сочиненіи проекта новаго Уложенія, присылаютъ разныя прошенія и по частнымъ дѣламъ ходатайствуютъ по канцеляріямъ, подобно какъ стряпчіе, но съ тою однако разностью, что по изображенію 11 статьи приложеннаго при вышеозначенномъ Высочайшемъ Манифестѣ подъ буквою А положенія, уважаютъ себя тѣмъ, что они состоятъ подъ Высокомонаршимъ Ея Императорскаго Величества охраненіемъ, и признаютъ себя чрезъ то яко бы уже нигдѣ и ни въ чемъ не судимы, а тѣмъ самымъ не только по дѣламъ, узаконеннымъ порядкомъ производимымъ, и тяжбу одному съ другимъ имѣющимъ причиняютъ немалое помѣшательство, но и присутственнымъ мѣстамъ наносятъ излишнее затрудненіе, несмотря и на то, что уже по опредѣленію Правительствующаго Сената 1768 года маія 7-го дня, всѣмъ депутатамъ чрезъ Коммисію о сочиненіи проекта новаго Уложенія объявлено, чтобы они въ просьбу и ходатайство въ присутственныхъ мѣстахъ ни по какимъ особеннымъ отъ своего общества дѣламъ не вступали, а ожидали-бъ на представленные отъ нихъ въ помянутой Коммисіи объ общихъ нуждахъ и недостаткахъ наказы новыхъ къ общенародной пользѣ государственныхъ постановленій; не меньше же и Правительства нѣкоторыя, вмѣсто узаконеннаго порядка, куда писать, отягощаютъ Коммисію о сочиненіи проекта новаго Уложенія разными переписками, и часто о такихъ дѣлахъ, кои до Коммисіи совсѣмъ не принадлежатъ. Въ разсужденіи чего Правительствующій Сенатъ по необходимости себя принужденнымъ на-

ходитъ напомнить прямую должность депутатовъ, сколько для нихъ самихъ, столько же и для присутственныхъ мѣстъ, кои оную не въ прямой силѣ понимаютъ. Въ обрядѣ, данномъ отъ Ея Императорскаго Величества Коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, въ 25 пунктѣ именно изображено: «что Коммисія о сочиненіи проекта новаго Уложенія ни въ чемъ не упражняется, кромѣ того, для чего она учреждена, сирѣчь въ сочиненіи сего проекта, ежели-жъ кто изъ членовъ впадетъ по другимъ дѣламъ въ какія погрѣшности, то онъ судимъ въ томъ мѣстѣ, отъ котораго такого рода дѣла зависятъ, а Коммисіи сочиненія проекта новаго Уложенія до него дѣла нѣтъ». Изъ чего и слѣдуетъ, что депутаты по сему званію не что иное суть, какъ только члены Коммисіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, и должны упражняться въ томъ, для чего оная учреждена, а отнюдь не имѣютъ ни права быть начальниками въ своихъ жилищахъ, тѣмъ меньше ходатаями о своей собратіи въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ по особеннымъ личнымъ частныхъ людей дѣламъ; притомъ же и самое преимущество ихъ, предохраняемое Высочайшею Ея Императорскаго Величества Особою, не въ томъ разумѣется, яко бы они нигдѣ и ни въ чемъ судимы не были, какъ то нѣкоторые съ своей стороны разсуждаютъ, а только что «никакой судъ, въ замѣнъ упомянутыхъ въ публикованномъ при Манифестѣ Ея Императорскаго Величества отъ 14-го декабря 1766 года подъ буквою А положеніи трехъ статей, до ихъ особы касающіяся, во всю жизнь ихъ не долженъ исполнять безъ доклада Ея Императорскому Величеству». Въ случаѣ же какихъ-либо ихъ преступленій не изъемлются они отъ обыкновеннаго гражданскаго суда, но въ силу вышеупомянутаго обряда Коммисіи 25 пункта наравнѣ съ прочими подданными отъ онаго зависятъ. Вслѣдствіе чего и опредѣляется чрезъ сіе, чтобы впредь по требованію депутатовъ никто и никакихъ накладокъ отъ нихъ налагаемыхъ не давалъ, и того за всѣми накрѣпко смотрѣть и до поборовъ не допускать опредѣленнымъ въ городахъ начальникамъ, а въ уѣздахъ

выборнымъ изъ крестьянъ старостамъ, подъ опасеніемъ за слабое смотрѣніе на самихъ ихъ взысканія по законамъ, да и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и въ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ и другихъ правленіяхъ ни отъ кого отъ депутатовъ о такихъ дѣлахъ, кои принадлежатъ до того общества, отъ котораго они въ Коммисію депутатами выбраны, или зависящихъ до надобности другихъ посторонникъ людей, кромѣ ихъ собственныхъ просьбъ, никакихъ челобитенъ и доношеній нигдѣ не принимать и производства по онымъ не дѣлать; кто же послѣ сего указа изъ депутатовъ явятся вновь въ таковыхъ или подобныхъ сему дѣлахъ, то объ оныхъ, сверхъ того, что уже ихъ къ тому допускать не велѣно, по порядку доносить еще Сенату. И обо всемъ ономъ для надлежащаго и точнѣйшаго исполненія чрезъ сіе публикуется.

III.

№ 18686.—Октября 2-го, 1797 года. Сенатскій.

О доставленіи дворянскимъ предводителямъ въ отдѣльныя при казенныхъ палатахъ рекрутскія присутствія, при каждомъ рекрутскомъ наборѣ, вѣдомостей о рекрутахъ и о рекрутскихъ складочныхъ деньгахъ.

Правительствующій Сенатъ, слушавъ предложеніе бывшаго Генералъ-Прокурора князя Куракина, съ предоставленіемъ на разсмотрѣніе и уваженіе Сената изъясненныя въ оныхъ къ нему отношенія: 1) Тайнаго Совѣтника и бывшаго Тамбовскаго Гражданскаго Губернатора Лаптева, что, по силѣ указа Правительствующаго Сената 1770 іюля 23-го и 1771 годовъ сентября 15-го числъ, къ сбору и раздачѣ складочныхъ рекрутскихъ денегъ, предоставлено Дворянамъ выбирать повѣреннаго, да и самую раскладку рекрутъ и приписку къ онымъ душъ чинять, по силѣ того-жъ 1771 сентября 15-го и 1776 годовъ сентября 21-го

числѣ указовъ, Дворянскіе Предводители, и что Дворяне, часто, миновавъ даже и самихъ Предводителей и повѣренныхъ своихъ, сборъ рекрутскихъ денегъ съ приписныхъ къ рекрутамъ ихъ душъ сами собою производятъ; до свѣдѣнія же Губернатора и совсѣмъ о томъ не доходитъ. 2) Казанскаго Губернскаго Прокурора Княжевича, что по предписаніямъ тамошняго Губернскаго Правленія нынѣ открылось, что нѣкоторые Капитанъ-Исправники и Земскіе Суды складочныя деньги съ Дворянъ давно уже собрали имъ росписки, но денегъ, куда слѣдовало, не доставили, употребя оныя въ свою пользу, и уже нѣкоторые отъ должности смѣнились; а теперь дѣлается отъ Губернскаго Правленія по таковому злоупотребленію изслѣдованіе и взысканіе, каковое обстоятельство быть можетъ и по другимъ губерніямъ. 3) Тульской Губерніи Правителя, Статскаго Совѣтника Граве, о многихъ помѣщикахъ, приносящихъ къ нему жалобы, что по неоднократнымъ ихъ требованіямъ не получаютъ рекрутскихъ складочныхъ денегъ, каковыя онъ Правитель препровождалъ къ Дворянскимъ Предводителямъ и въ Казенную Палату, но изъ Предводителей нѣкоторые отзываются на Палату, а другіе за невзносомъ отъ владѣльческихъ крестьянъ; казенная-жъ палата слагаетъ отъ себя на Предводителей, и просители время отъ времени остаются безъ удовлетворенія. Но чтобъ неудовлетвореннымъ помѣщикамъ слѣдующія рекрутскія складочныя деньги взысканы и отданы были немедленно, то, о скорѣйшемъ онаго исполненіи, обязанностію счелъ онъ обстоятельство сіе поставить въ особенномъ вниманіи Казенной Палаты и Губернскаго Предводителя, чтобъ постановленныя на сей случай правила обращены ими были немедленно къ доставленію просителямъ скораго и полнаго удовлетворенія. А дабы и ему Правителю Губерніи можно было употребить къ сему свое пособіе и учинить таковой съ давнихъ лѣтъ запутанности развязку, требовалъ онъ отъ Казенной Палаты и Губернскаго Предводителя свѣдѣнія, сколько съ 62 по 70 наборъ слѣдовало собрать съ помѣщиковъ складочныхъ денегъ, сколько въ то число собрано и роздано, и за

тѣмъ на лицо состоитъ; ежели не всѣ деньги еще взысканы, то по какому уѣзду и на комъ именно числятся въ доимкѣ и кому принадлежатъ въ отдачу; но не получа донынѣ требуемаго имъ свѣдѣнія, ни коимъ образомъ не можетъ онъ приступить къ скорѣйшему удовлетворенію просителей, не получившихъ рекрутскихъ денегъ, тѣмъ паче, что и сама Казенная Палата съ Дворянскими Предводителями, по имѣющимся у нихъ свѣдѣніямъ, не могутъ по сіе время привести расчета сего въ извѣстность. При чемъ слушаны: сочиненныя по резолюціи Сената минувшаго маія 28-го дня, изъ законовъ выписка и полученные по предписаніямъ Сената, прошлаго 1797 года іюня 15-го дня, изъ разныхъ Казенныхъ Палатъ рапорты и вѣдомости о собранныхъ съ мелкопомѣстныхъ дворянъ складочныхъ денегъ.

Приказали: какъ изъ означенныхъ донесеній, а равно и изъ полученныхъ по предписанію Правительствующаго Сената отъ 15-го іюля прошлаго 1797 года, отъ нѣкоторыхъ Казенныхъ Палатъ рапортовъ и вѣдомостей, Сенатъ видитъ: 1) что сборъ складочныхъ за рекрутъ денегъ по Губерніямъ происходитъ разнообразно, такъ что для того въ иныхъ Губерніяхъ опредѣляются по уѣздамъ Коммисары, въ другихъ же оныхъ нѣтъ, а выбирается одинъ Казначей, но и тотъ находится въ губернскомъ городѣ, индѣ же производится таковый сборъ денегъ и въ Дворянскихъ Опекахъ. 2) При рекрутскихъ наборахъ отъ Дворянскихъ Предводителей вѣдомости о натуральныхъ и жеребьевыхъ рекрутахъ подаются безъ означенія, кто съ кѣмъ именно въ жеребьи положенъ, а изъ мелкопомѣстныхъ, чьи души къ кому въ складку приписаны, какъ о томъ въ указѣ Сената 1770 года іюля 23-го дня во 2 пунктѣ повелѣно; выдача же нѣкоторымъ рекрутскимъ поставщикамъ складочныхъ денегъ хотя отъ избранныхъ Дворянами Коммисаровъ и происходила, но они, не имѣя у себя надлежащаго отъ предводителей росписанія, съ чьихъ душъ кому складочныя деньги принадлежатъ, раздавали оныя по своему произволенію съ обидою другихъ; а иные, взыскавъ съ помѣщиковъ, пока-

зывали въ своихъ вѣдомостяхъ въ доимкѣ, и до тѣхъ поръ у себя деньги удерживали, пока по тѣмъ ихъ вѣдомостямъ предписываемо было Земскимъ Судамъ дѣлать взысканія, и тогда въ платежѣ тѣхъ денегъ у многихъ Дворянъ нашлись Коммисарскія квитанціи и росписки; да и Казанскій Губернскій Прокуроръ въ представленіи своемъ изъясняетъ, что нѣкоторые Капитанъ-Исправники и Земскіе Суды тѣ складочныя деньги, давно уже съ дворянъ собравъ, употребили въ свою пользу, что самое можетъ быть и по другимъ Губерніямъ; ибо доказательно уже тѣмъ, что Слободской-Украинской Губерніи Краснокутской Дворянской Опеки Протоколистомъ Жуковымъ, изъ собранныхъ еще по 65 набору складочныхъ денегъ, удержано 61 рубль 20 копѣекъ, кои тогда-жъ хотя и опредѣлено взыскать изъ имѣнія его Жукова и отдать кому слѣдуетъ, но и донынѣ тѣ деньги не взысканы. 3) Въ вѣдомостяхъ и рапортахъ нѣкоторыя Казенныя Палаты хотя и показываютъ, сколько тѣхъ складочныхъ денегъ въ сборѣ состоитъ и изъ нихъ въ выдачу помѣщикамъ произвесть слѣдуетъ и за тѣмъ взыскать надлежитъ, но не съ настоящимъ увѣреніемъ, при томъ и не за всѣ наборы; но почти всѣ Казенныя Палаты объясняютъ, что чрезъ Губернскія Правленія требуютъ еще отъ Дворянскихъ Предводителей и Опекъ вѣдомостей о всѣхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, слѣдующихъ приписокою въ недостающее число къ поставленнымъ въ натурѣ и по жеребьямъ рекрутъ, такожъ о непомѣстившихся въ приписку, кто они именно и сколько изъ чьихъ именно платимы были складочныя деньги, кому и сколько роздано, а за тѣмъ на комъ и съ какихъ душъ остаются въ незаплатѣ. 4) Извѣстно Сенату и то, что Дворянскіе Предводители, при началѣ рекрутскаго набора съ числа душъ, состоящаго въ губерніяхъ помѣщичьихъ крестьянъ, хотя и назначаютъ къ сбору полное число рекрутъ; но, по прошествіи постановленнаго набору срока, они же Предводители, изъ числа остающихся въ невыставкѣ наряженныхъ ими рекрутъ, по сообщеніямъ изъ собранія Губернскаго и уѣздныхъ Предводителей, по сдѣланнымъ ими опредѣленіямъ,

разныхъ владѣльцевъ дачи, съ коихъ наряжены ими были къ поставкѣ рекруты, отъ сего отмѣняютъ; къ достиженію же совершеннаго о семъ изъисканія требуется иногда большаго времени, а чрезъ оное тѣхъ рекрутъ остается немалое число въ доимкѣ; но поелику указами Сената повелѣно: 1-мъ, 1770 іюля 23-го между прочимъ 2 пунктомъ: дабы впредь рекрутскіе наборы съ лучшимъ успѣхомъ происходить и скорѣе ко окончанію приводимы быть могли, вмѣсто производимыхъ донынѣ жеребьевъ, предоставить таковые дѣлать самимъ помѣщикамъ полюбовно, чрезъ то они, находя между собою къ уравненію средство такое, что одинъ будетъ рекрута ставить въ наборъ, а другой въ другой, установятъ на всегда равенство и порядокъ; въ слѣдствіе чего и складочныхъ денегъ съ нихъ не сбирать, а только канцеляріямъ, въ коихъ рекрутскіе наборы производиться имѣютъ, наблюдать, чтобъ жеребьевыхъ дачъ, въ такихъ единственно мѣстахъ, гдѣ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ очень много, во 150 душъ не болѣе двухъ третей было, чтобъ мелкопомѣстные отъ одной и до 20 душъ всѣ въ складку росписаны быть могли, и дабы по сему положенію всѣ помѣщики, которые прежде въ объявленные жеребьи располагались, не продолжая ни малѣйшаго времени, къ поставкѣ рекрутъ между собою соглашались; а Городовымъ Канцеляріямъ, какъ скоро гдѣ о семъ наборѣ публикуется указъ, немедленно сдѣлавъ росписаніе, сколько таковыхъ помѣщиковъ, кои имѣя за собою на цѣлаго рекрута душъ меньше половины, должны идти въ жеребьи, и поступающихъ въ приписку отъ одной и до 21 души къ такимъ, коимъ съ неполнаго числа рекрута ставить должно и къ другимъ, кому съ жеребьевъ достанется, и не далѣе, отъ начала набора, какъ чрезъ три дни, оное въ городѣ и въ лучшихъ селахъ и деревняхъ обнародовать, чтобъ всѣ таковые помѣщики были извѣстны, и немедленно тѣхъ рекрутъ представляли при доношеніяхъ, подъ которыми тѣмъ, кои съ жеребья рекрута ставятъ, а въ небытность ихъ прикащикамъ и старостамъ, для пресѣченія каковыхъ-либо впредь случиться могущихъ между

ими споровъ, всѣмъ подписыватся; для сбора жъ съ выше-именованныхъ самыхъ мелкопомѣстныхъ складочныхъ денегъ по указной цѣнѣ, выбирать имъ между собою одного изъ Дворянъ, кого похотятъ, который оныя деньги и имѣетъ тѣмъ помѣщикамъ, къ кому ихъ души въ прикладку приписаны будутъ, раздавать. 2-мъ: 1771 года сентября 2 числъ, 6 пунктомъ: впредь во всѣхъ уѣздахъ помѣщикамъ, въ выборѣ между собою повѣренныхъ, поступать по сему: если къ одному рекруту въ приписку войдутъ мелкопомѣстныхъ Дворянъ 3, 4 или и больше дачъ, таковые могутъ, изъ Дворянъ же, надежнаго себѣ избрать, и оному сборъ съ себя складочныхъ денегъ поручить, который собравъ съ нихъ, имѣетъ оныя отдать тому, кто рекрута поставитъ; а посему и изъ другихъ партій буде пожелаютъ, тому-жъ сей сборъ поручить, или особаго выбрать разсудятъ, запрещенія быть не можетъ, ибо оный назначенъ единственно въ томъ разсужденіи, что будучи какъ посредственникъ между оными, кто рекрута ставитъ и кто складочныя деньги платитъ, могъ быть препятствіемъ тому, если-бъ кто покусился малопомѣстныхъ дворянъ излишнимъ взятьемъ складочныхъ денегъ отягощать. 3) Именнымъ 1776 года сентября 19-го дня указомъ повелѣно: пріему рекрутъ быть по Губерніямъ по изданнымъ учрежденіямъ, наборъ рекрутъ производить въ Казенной Палатѣ въ отдѣльномъ отъ оной Присутствіи, на таковый токмо случай учреждаемомъ, въ которомъ засѣдать Генералъ-Губернатору, или правящему его должность, или въ небытность его, Губернатора, также Вице-Губернатору, Члену Казенной Палаты, имѣющему Экспедицію подушнаго сбора и ревизіи, Губернскому Прокурору съ однимъ Губернскимъ Стряпчимъ. А для сочиненія по селеніямъ къ поставкѣ рекрутъ раскладочныхъ списковъ, собраться Дворянскимъ Предводителямъ въ Губернскій городъ за мѣсяцъ до начала рекрутскаго набора, дабы при ономъ уже ни въ чемъ остановки быть не могло, и равномѣрно во время набора для нужныхъ выправокъ быть Дворянскимъ Предводителямъ неотлучными. Почему самому каждое Рекрутское Присутствіе, яко соста-

вляемое, по силѣ изъясненнаго 1776 года Именнаго указа, изъ членовъ Казенной Палаты и Губернатора, обязано имѣть во всей точности о сборѣ рекрутъ какъ съ полнаго числа душъ, такъ и жеребьевыхъ, равно и о приписныхъ къ неполному рекруту душахъ и съ нихъ складочнымъ деньгамъ, вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія: для чего всѣмъ Казеннымъ Палатамъ и предписать указами, дабы безъ само-малѣйшаго замедленія, съ вѣдомостями, у нихъ имѣющимися, и съ дѣлами Рекрутскихъ Присутствій по всѣмъ прошедшимъ наборамъ, по которымъ состоятъ какъ рекруты, такъ и складочныя рекрутскія деньги въ доимкѣ, учиня наивѣрнѣйшія о той недоимкѣ выправки и взявъ, отъ кого слѣдуетъ, свѣдѣнія, собраны ли означенныя деньги, кѣмъ, и гдѣ находятся, остаются ли въ рукахъ у владѣльцевъ, или у Земскихъ Исправниковъ, приложили крайнее стараніе къ полученію оныхъ; по взысканіи же, слѣдующія въ казну причислили въ приходъ, а принадлежащія помѣщикамъ за приписныя ихъ души къ поставленнымъ рекрутамъ, роздали немедленно. Ежели при семъ откроются подобныя обстоятельства, о которыхъ изъясняетъ въ представленіи своемъ Казанскій Губернскій Прокуроръ, что нѣкоторые Капитаны-Исправники и Земскіе Суды складочныя деньги съ дворянъ давно собрали и дали росписки, но, куда слѣдовало, не доставили, а употребили въ свою пользу такъ какъ и бывшій въ Краснокутской Дворянской Опекѣ Протоколистъ Жуковъ удержалъ у себя слѣдующихъ въ отдачу помѣщикамъ 61 рубль 20 копѣекъ: то, какъ сихъ, такъ и подобныхъ неисполнителей закона, отдать подъ судъ, для поступленія съ ними по указамъ. А дабы впредь съ лучшимъ успѣхомъ все оное происходить могло, то при каждомъ рекрутскомъ наборѣ Дворянскіе Предводители имѣютъ доставлять въ отдѣльныя при Казенныхъ Палатахъ Рекрутскія Присутствія вѣрныя и безошибочныя вѣдомости, съ раздѣленіемъ особо, кому именно по числу душъ достается поставлять рекрутъ въ натурѣ, и по жребію, кто къ нимъ въ складку приписаны, кому и куда слѣдуетъ складочныя деньги, которыя и повѣ-

рять въ тѣхъ Рекрутскихъ Присутствіяхъ съ имѣющимися въ Казенной Палатѣ ревизскими сказками: то-ли самое число какъ въ натурѣ, такъ по жеребьямъ рекрутъ, равно и складочныхъ денегъ собрать расположено, что въ вѣдомостяхъ предводителей показано, съ неупустительнымъ наблюденіемъ, дабы каждый слѣдующимъ удовлетворенъ, да и должное въ казну дѣйствительно получено было, не оставляя къ будущимъ наборамъ нималѣйшей недоимки. За строгимъ же таковаго распоряженія исполненіемъ, по обязанности своей, неослабное смотрѣніе имѣть и гражданскимъ губернаторамъ.

IV.

№ 18302.—Генваря 1, 1798 года МАНИФЕСТЪ. О утвержденіи Дворянскаго Гербовника первой части, и о выдачѣ Дворянамъ копій съ онаго на пергаментѣ.

Во всѣхъ Европейскихъ Государствахъ въ древнія времена званіе Дворянское и званіе Рыцарское имѣли однѣ и тѣ же обязанности; — честь и храбрость были главнымъ основаніемъ дѣяній Дворянина и Рыцаря. По разрушеніи древнія Римскія Имперіи, когда вся Европа покрыта была мракомъ невѣжества, и во время Феодальнаго Правленія раздираема была междоусобіями Бароновъ и другихъ степеней Дворянскихъ владѣльцевъ; когда грабительства и разбои свирѣпствовали по всѣмъ нынѣ блаженствующимъ Царствамъ Европейскимъ и невинность угнѣтаема была насиліемъ, тогда нѣкоторые озаренные свѣтомъ Евангелія и одушевленные вѣрою и любовію составили общества Рыцарскія и Кавалерскія. Сіе самое установленіе образовало тогдашнее Дворянство, на Феодальномъ правѣ основанное, во единое тѣло, духомъ чести и храбрости движимое. Каждый дворянинъ вмѣнялъ себѣ за славу и честь быть Рыцаремъ и получить знаки и украшенія Рыцарства. Щиты Рыцарей украшаемы были гербами ихъ родовъ, составленными изъ разныхъ изображеній, внесенныхъ

въ гербъ, въ память или въ знакъ какихъ-либо Рыцарскихъ подвиговъ. Таковые знаки вливали въ сердца потомковъ почтеніе къ геройскимъ подвигамъ предковъ своихъ, и стремленіе къ подражанію онымъ. Начала, на коихъ основаны были правила Кавалерскихъ Обществъ, сдѣлались началами должностей Дворянства. Обязанности тѣхъ и другихъ состояли въ защищеніи отечества отъ враговъ, во вспомоществованіи бѣднымъ и утѣсненнымъ, и въ распространеніи вообще добродѣтелей Христіанскихъ. Честь, храбрость, безпредѣльная вѣрность и любовь къ Государю и Отечеству, составляли главныя свойства Дворянина и Рыцаря. Всему Свѣту извѣстно, что Дворянство тѣхъ временъ, движимое таковыми началами, предуспѣло, будучи покровительствуемо Государями, распространить повсюду добродѣли Христіанскія и основанное на оныхъ благонравіе. Отъ таковыхъ предковъ нѣкоторые происшедшіе потомки, какъ Исторія Отечества Нашего показываетъ, выѣхали въ самыя древнѣйшія времена въ Россію, и найдя въ Отечествѣ Нашемъ таковымъ же духомъ храбрости и чести водимыхъ Дворянъ, основали роды Дворянъ выѣзжихъ, получивъ во владѣніе помѣстья, какъ и прочіе Дворяне въ Россіи и въ другихъ Государствахъ за службу таковыми награждаемы были.

Роды Княжескіе Имперіи Нашей по большой части произошли отъ сыновъ Великаго Князя Владиміра Святославича, озарившаго Россію свѣтомъ Евангелія. Отъ родовъ Княжескихъ многіе произошли роды Дворянскіе; слѣдовательно всѣ таковые роды происходятъ отъ Рюрика, и потому древностію своею не уступаютъ самымъ древнѣйшимъ родамъ Княжескимъ и Дворянскимъ другихъ Государствъ.

Что Россійское Дворянство водимо было всегда духомъ храбрости и чести, то доказываютъ всему Свѣту извѣстные труды и подвиги Россійскаго Дворянства, на службу Государямъ своимъ и на пользу Отечества подъятые. Коликое множество Дворянъ Россійскихъ прославились любовію къ Отечеству и въ древнія времена, и запечатлѣли сію добродѣтель Дворянства дѣяніями геройскими!

Въ Бозѣ почивающіе Предки Наши, Самодержцы Всероссійскіе, находя всегда во Дворянствѣ ревностныхъ исполнителей Монаршей воли и храбрыхъ защитниковъ Отечества, отличали таковыхъ почестями и изливали на нихъ отъ Престола своего милости.

Блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Государь Родитель Нашъ, Императоръ Петръ Третій, запечатлѣлъ безпредѣльное милосердіе Свое къ Россійскому Дворянству, Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ Своимъ отъ 18-го февраля 1762 года, даровавшимъ Дворянству таковыя преимущества, каковыхъ до того оно не имѣло, и кои превосходятъ всѣ другія милости и щедроты, на Дворянство предками Нашими изліянныя.

Мы, слѣдуя по стопамъ Предковъ Нашихъ, и обращая попеченіе Наше на все, что способствовать можетъ къ славѣ и чести вѣрноподданнаго Намъ и сердцу Нашему любезнаго Россійскаго Дворянства, восхотѣли издать собраніе гербовъ Дворянскихъ, яко знаковъ Дворянскаго достоинства каждаго Дворянскаго рода, ибо прежде сего, за неимѣніемъ таковаго собранія, многіе гербы или совсѣмъ утратились или же по временамъ перемѣнялись. Мы повелѣли для сего, указами Нашими отъ 20-го генваря и 27-го іюля 1797 года, подъ наблюденіемъ Нашего Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Генералъ-Прокурора Князя Куракина составить общій Дворянскихъ родовъ Гербовникъ, съ изображеніемъ гербовъ каждаго рода и съ показаніемъ происхожденія оныхъ.

Разсмотрѣвъ нынѣ поднесенную Намъ первую сего Гербовника часть, составленную изъ трехъ отдѣленій, по правиламъ, помянутыми указами Нашими предписаннымъ, Мы оную утверждая, повелѣваемъ: 1) всѣ гербы въ Гербовникъ внесенные, оставить навсегда непремѣнными такъ, чтобъ безъ особливаго Нашего, или преемниковъ Нашихъ повелѣнія, ничто ни подъ какимъ видомъ изъ оныхъ не исключалось и вновь въ оные не было ничего прибавляемо, 2) каждому Дворянину того рода, коего гербъ находится въ Гербовникѣ, буде представитъ свидѣтельство Дворянскаго Предводителя, или извѣст-

ныхъ родственниковъ, что онъ къ тому роду принадлежитъ, выдавать на пергаментѣ за скрѣпою точныя копіи съ герба онаго рода и съ описанія, при томъ находящагося, 3) въ случаяхъ, въ коихъ нужда будетъ кому-либо доказывать Дворянское своей фамиліи достоинство, принимать вѣрнѣйшимъ доказательствомъ онаго сей составленный по повелѣнію Нашему общій Дворянскихъ родовъ Гербовникъ, который и хранить въ Нашемъ Сенатѣ.

V.

№ 19810.—Апрѣля 2, 1801 г. МАНИФЕСТЪ.
О возстановленіи Жалованной Дворянству грамоты.

Дѣла и подвиги знаменитые во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ отличаемы были знаками почестей и преимуществами. Стяжанная ими слава и личное уваженіе не прерываясь съ жизнію людей подвизавшихся на пользу общую, вмѣстѣ съ памятію ихъ преходили къ ихъ потомкамъ, и духъ чести преливаясь отъ рода въ родъ, несъ съ собою и свидѣтельство общественнаго почтенія къ имени ихъ, и вмѣстѣ обязанность сохранить и возвысить его новыми опытами добродѣтелей. Такимъ образомъ уваженіе и преимущество содѣлавшись наслѣдственными, укоренились въ извѣстныхъ родахъ составившихъ въ послѣдствіи избраннѣйшую часть народа и послужившихъ надежнѣйшею подпорою Престоловъ. Таково было начало, откуда возникли всѣ роды Дворянскіе.

Всему свѣту извѣстно, сколь изящными и достохвальными подвигами въ войнѣ и мирѣ, на сушѣ и моряхъ, отъ самой глубокой древности и во днѣхъ Нашихъ Россійское Дворянство себя отличило. Шествуя безпреткновенно въ путяхъ чести и истиннаго просвѣщенія, оно покрыло себя славою вездѣ, гдѣ велѣніе его Монарховъ и Государственныя пользы отверзали поле его дѣйствію. Духъ мужества и вѣрности всегда его пріосѣнявшій, вселилъ къ нему всеобщее уваженіе въ

соотчичахъ, ужасъ въ непріятеляхъ и почтеніе въ союзникахъ внѣшнихъ.

Въ Бозѣ почивающіе Государи Предки Наши, въ признательность къ заслугамъ благороднаго Дворянства разными постановленіями, присвоили ему разныя права, почести и преимущества. Блаженной и вѣчной памяти достойная Вселюбезная Бабка Наша Императрица Екатерина II движима толико свойственною Ей мудростію, опредѣливъ преимущества сіи во всей ихъ силѣ, точности и пространствѣ дарованною въ 1785 году грамотою, торжественно предъ лицемъ свѣта на вѣчныя времена ихъ утвердила.

Положивъ во всемъ слѣдовать по стезямъ Ея и бывъ Сами удостовѣрены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ Дворянства, Мы первою обязанностію Себѣ признали симъ торжественно утвердить ихъ, возстановить и удостовѣрить, утверждая, возстановляя и Императорскимъ словомъ Нашимъ за Насъ и Наслѣдниковъ Нашихъ удостовѣряя всѣ права и преимущества, въ грамотѣ Дворянства содержащіяся, и напротивъ отмѣняя, уничтожая и отлагая все, что противно оной или въ ослабленіе ея силы по стеченію обстоятельствъ и времени допущено или постановлено было, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ признавать и почитать сіе Наше постановленіе кореннымъ и непрелагаемымъ закономъ Имперіи Нашей.

Напротиву того Мы удостовѣрены, что благородное Россійское Дворянство шествуя по стезямъ предковъ своихъ, вѣрностію, усердіемъ и честію руководимо, всегда будетъ споспѣшествовать желанію Нашему возвести Россію на ту степень силы и блаженства, къ коему Всевышній ее предуставилъ.

VI.

Приложенія къ проекту закона о дворянскихъ выборахъ.

1. Мнѣніе Сенатора Князя Долгорукаго, отъ 1-го декабря 1826 г. Объ улучшеніи Дворянскихъ выборовъ.

Благоустройство губерній зависитъ отъ правосудія и исправной Полиціи; сіи же не могутъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ хорошихъ чиновниковъ. По коренному въ Россіи узаконенію большая часть оныхъ заимствуется отъ Дворянства, которое должно избирать изъ среди себя людей достойныхъ, поручая имъ творить Судъ правый и пещись о безопасности и благосостояніи цѣлаго округа.

Таковое право, сему сословію Высочайше дарованное, есть и всегда пребудетъ для него залогомъ благоволенія и попеченія Монаршаго и собственнаго своего благоденствія. Но отступленіе отъ правилъ для выборовъ предписанныхъ, есть причина, что избираемые въ должности дворяне совершенно не таковы, какими быть должны. Въ Жалованной Дворянству Грамотѣ запрещено избирать въ должности дворянъ, не имѣющихъ 100 руб. съ деревень доходу. Получать тогда 100 руб. доходу съ деревни значило имѣть безбѣдное состояніе; слѣдовательно сіе постановленіе сообразно было тогдашнему времени. Но Россія, съ изданія Дворянской Грамоты, какъ въ нравахъ, торговлѣ, промышленности, такъ и во всемъ очень много перемѣнилась и 100 руб. доходу составляетъ уже нынѣ весьма недостаточное состояніе. Однако, не взирая на таковое измѣненіе, правило сіе даже и нынѣ совершенно не наблюдается: къ выборамъ допускаются имѣющіе 100 руб. доходу не съ деревни, а съ какой-нибудь недвижимой собственности; отъ чего часто многіе бѣдные дворяне передъ наступленіемъ выборовъ покупаютъ одну или нѣсколько десятинъ даже неудобной земли, съ которой показываютъ доходу 100 руб и чрезъ сіе получаютъ возможность или быть избранными въ должности,

которыхъ они ищутъ единственно изъ корыстныхъ видовъ или пристрастно избирать другихъ. Таковое отступленіе заставляетъ хорошихъ людей убѣгать выборовъ, основанныхъ на проискахъ и предварительныхъ соглашеніяхъ, дабы не подвергнуть себя безчестію получить отъ сихъ пристрастныхъ избирателей большую часть черныхъ балловъ, и между тѣмъ видѣть избранными людей во всѣхъ отношеніяхъ ихъ нестоящихъ.

Для востановленія дворянскихъ выборовъ, необходимо нужно постановить, чтобы впредь избирателями могли быть только тѣ, которые имѣютъ не менѣе 1,000 руб. годоваго съ деревень доходу. Тысяча рублей теперь почти то же, что прежде было сто, и такъ сіе прибавленіе не перемѣнитъ существующаго по сему предмету закона; но только выполнитъ великую цѣль, какую себѣ предполагала при изданіи его мудрая Законодательница. Сіе постановленіе не должно однако жъ лишать дворянъ, неимѣющихъ 1,000 руб. съ деревень доходу, права быть избранными, потому, что и между небогатыми есть люди умные, свѣдущіе и справедливые. Баллотирующіе владѣльцы имѣній, уже для своей собственности будутъ при выборахъ безпристрастными; а баллотируемые, хорошимъ прехожденіемъ службы станутъ стараться обратить на себя вниманіе избирателей.

2. Статсъ-Секретарь Марченко, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1827 г., сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ: во 1-хъ, Положеніе Государственнаго Совѣта, чтобъ онъ принялъ во вниманіе основательность мѣръ представленныхъ Сенаторамъ Княземъ Долгорукимъ, который полагаетъ, для приведенія дворянскихъ выборовъ въ состояніе, соотвѣтственное цѣли учрежденія оныхъ, кромѣ поощренія служащихъ по выборамъ, постановить правиломъ, чтобъ избиратели могли быть только тѣ, кои имѣютъ не менѣе 1,000 руб. годоваго съ деревень дохода, не лишая однако же дворянъ не получающихъ такого дохода, права быть избираемыми въ разныя по выборамъ должности; и симъ исчисленіемъ доходовъ весьма справедливое дѣлаетъ различие между избирателями и изби-

раемыми; во 2-хъ, что Его Императорское Величество Высочайше изволилъ утвердить сіе Положеніе Государственнаго Совѣта.

3. Тульскій Губернскій Предводитель, во Всеподданнѣйшемъ представленіи отъ 23-го декабря 1826 года, которое по Высочайшему повелѣнію препровождено въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, для соображенія съ донесеніемъ Сенатора Князя Долгорукова, о выборахъ, изъясняетъ:

Ограниченіе права избирателей тремя или пятью тысячами рублей дохода необходимо потому, что бѣдный, хотя бы и чиновный, можетъ быть равнодушенъ при избраніи судьи: ибо ему потерять нечего, или весьма мало; напротивъ, богатый опасаться можетъ большой бѣды отъ злонамѣреннаго судьи. Дабы возстановить въ настоящей степени дворянскіе выборы, надобно постановить непремѣннымъ правиломъ: 1) предпочтительно избирать ко всѣмъ должностямъ богатыхъ помѣщиковъ, ибо они, не имѣя нужды извлекать пользу отъ временной своей должности, безъ сомнѣнія удовольствуются благороднымъ честолюбіемъ судьи справедливаго, въ противномъ случаѣ предстоитъ имъ опасеніе за неправый судъ потерять честь своего имущества, а вящше всего то, чтобы по отставкѣ въ общемъ мнѣніи и не омрачить себя преступленіемъ, хотя безгласнымъ и неизобличительнымъ, но для совѣсти на всегда укоризненнымъ. Богатый можетъ имѣть безсомнѣнно лучшее воспитаніе и лучшія свѣдѣнія, слѣдовательно, можетъ имѣть и нужное для званія своего честолюбіе. Бѣдный, напротивъ, лишенъ тѣхъ средствъ къ воспитанію и стѣсненъ нуждою, которая одна въ состояніи уклонить его отъ исполненія своей обязанности; 2) дворяне, получающіе болѣе трехъ тысячъ рублей дохода, должны служить безъ жалованья; 3) не имѣющіе трехъ тысячъ рублей дохода, хотя не могутъ быть сами избирателями, но избираться должны.

4. Комитетъ Министровъ, при выпискѣ изъ журналовъ 4-го октября и 5-го ноября 1827 года, препроводилъ къ Г. Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, для

разсмотрѣнія и заключенія, Всеподданнѣйшій рапортъ ревизовавшаго Костромскую губернію Сенатора Дурасова, въ коемъ онъ, между прочимъ, представляетъ:

По существующимъ узаконеніямъ дворянинъ, имѣя годоваго дохода 100 рублей, получаетъ право находиться въ выборахъ и избирать другихъ. Съ таковымъ маловажнымъ въ нынѣшнее время доходомъ дворяне встрѣчаютъ множество причинъ и случаевъ, заставляющихъ ихъ быть обязанными богатымъ помѣщикамъ; сіи же послѣдніе, пользуюсь своимъ на нихъ вліяніемъ, составляютъ изъ нихъ свои партіи и тѣмъ при выборахъ въ должности, отъ коихъ зависитъ участь многихъ людей, умножаютъ для себя число избирательныхъ шаровъ; а тѣ, кои не захотятъ принять таковыхъ предосудительныхъ средствъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, необходимо должны уступать имъ преимущество. Изъ сего происходитъ замѣщеніе разныхъ почетныхъ должностей дворянами, не всегда того достойными. Примѣромъ таковаго злоупотребленія въ Костромской губерніи могутъ служить дворяне, достигшіе по выборамъ извѣстныхъ званій, но поступками своими доказавшіе, что они по свойствамъ своимъ не заслуживали занимать предоставленныхъ имъ мѣстъ. Кромѣ того, по нѣкоторымъ уѣздамъ Костромской губерніи, допускаемы были къ выборамъ, не имѣющіе законнаго на то права, какъ-то: находящіеся подъ судомъ, не имѣющіе 100 рублей дохода, моложе 25 лѣтъ и не внесенные въ родословную книгу, изъ коихъ нѣкоторые, бывъ дѣйствительно избраны въ разныя должности, утверждены въ оныхъ Гражданскимъ Губернаторомъ.

Сенаторъ Дурасовъ замѣчаетъ, что къ опредѣленію благонадежныхъ людей изъ дворянъ по выборамъ, необходимо сдѣлать новое положеніе, сообразное нынѣшнему времени, чтобы дворянинъ могъ быть допускаемъ къ баллотированію тогда, когда онъ, не имѣя тѣхъ препятствій, о которыхъ существуютъ законы, получаетъ и безбѣдный съ имѣнія своего доходъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе 1,000 рублей въ годъ. Пускай отъ сего на выборахъ будетъ не столько избирающихъ, сколько

избираемыхъ; за то качества первыхъ будутъ гораздо надежнѣе; не имѣющіе же дохода 1,000 рублей хотя могутъ быть удостоиваемы въ должности, но сами уже выбирать не должны.

5. Рязанскій Губернскій Предводитель, во Всеподданнѣйшемъ представленіи, отъ 30-го мая 1827 г., которое изъ Комитета Министровъ препровождено въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ для доставленія по оному заключенія, признаетъ нужнымъ, чтобы тѣ только дворяне имѣли право голоса на выборахъ, за коими, примѣняясь къ рекрутской повинности, состоитъ въ дѣйствительномъ владѣніи не менѣе 21 души, а не имѣющіе сего количества душъ могли бы быть избираемы, ибо и между ими есть достойные люди, по мнѣнію Губернскаго Предводителя, происходитъ:

а) что имѣнія не будутъ раздробляемы, для избѣжанія рекрутской повинности;

б) что дворяне, не имѣющіе 21 души и стремящіеся только заслужить первый офицерскій чинъ, для полученія права голоса, не будутъ оставлять службы, по крайней мѣрѣ, до штабъ-офицерскаго чина;

в) что дворяне, не имѣющіе избирательнаго голоса, будучи избраны, станутъ служить ревностно, дабы впредь быть избранными. Нынѣ же будучи всегда многочисленнѣе достаточныхъ и надѣясь имѣть первыхъ, часто дѣлаютъ соглашенія между собою, отдаляютъ людей достойныхъ и замѣщаютъ мѣста изъ среды своей.

6. Тульскій Губернскій Предводитель, во Всеподданнѣйшемъ представленін отъ 23-го декабря 1826 года, которое по Высочайшему повелѣнію препровождено въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отъ начальника Главнаго Штаба, для соображенія съ донесеніемъ Сенатора Князя Долгорукаго, о выборахъ, полагаетъ установить, чтобы дворянинъ, свободный отъ должности, по вызову чрезъ газеты отъ Губернскаго Предводителя, не явившійся къ выборамъ, вносилъ въ дворянскую казну пятьсотъ рублей въ такомъ случаѣ, если онъ своевременно не доставитъ ему законнаго свидѣтельства о болѣзни своей

или письменнаго удостовѣренія отъ присутственнаго мѣста, гдѣ онъ имѣлъ нужду ходатайствовать по своимъ дѣламъ. За симъ никто избранный въ должности, хотя бы и заочно, не можетъ отъ нея отказаться ни подъ какимъ предлогомъ, и если живущіе въ Россіи чрезъ три, а за границею чрезъ шесть мѣсяцевъ, со времени ихъ вызова не явятся къ должности, то съ имѣній ихъ взыскивать въ первый разъ годовое жалованье, положенное по мѣсту, на занятіе котораго онъ будетъ избранъ и зачисливъ ему сіе въ очередь; въ другой разъ взыскать тоже, а въ третій исключить его изъ числа избирателей, по всей Россійской Имперіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ, преградивъ ему вступленіе во всякую другую службу, положить на имѣніе его штрафъ въ пользу дворянской казны ежегодно и навсегда по двадцати копѣекъ съ ревижской души. Строгость сихъ предположеній ни мало не можетъ быть обременительна, ибо дворянинъ, дѣйствительно удрученный болѣзнію, находящійся въ разстроенномъ состояніи или обремененный большимъ семействомъ бывъ въ уѣздѣ извѣстенъ конечно по уваженію изложенныхъ причинъ, не будетъ избранъ къ должности, отягощать его могущей. Что же касается до тѣхъ дворянъ, кои праздно проживаютъ въ столицахъ или расточаютъ имущества ихъ за границею, тѣмъ мѣра сія будетъ справедливымъ возмездіемъ.

7. Рязанскій Губернскій Предводитель, во Всеподданнѣйшемъ представленіи отъ 30-го мая 1827 г., которое изъ Комитета гг. Министровъ препровождено на разсмотрѣніе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, между прочимъ испрашивается о постановленіи правила, чтобы дворянинъ не служащій, исключая старости, увѣчья и болѣзни или законной надобности, необходимо присутствовалъ на выборахъ, съ тѣмъ, что если онъ не исполнитъ обязанности сей въ теченіе трехъ сроковъ сряду, то лишается голоса при выборахъ.

VII.

Записка Оберъ-Камергера Графа Литта. По проекту о выборахъ дворянскихъ; 19-го октября 1831 года.

Во исполненіе объявленнаго Высочайшаго соизволенія, о порученіи Членамъ Государственнаго Совѣта разсмотрѣть во всѣхъ отношеніяхъ проектъ положенія о порядкѣ дворянскихъ собраній, выборовъ и службы,— честь имѣю представить, что по внимательномъ разсмотрѣніи помянутаго проекта, кажется мнѣ нѣтъ никакихъ недостатковъ въономъ; всѣ предметы къ сей мѣрѣ относящіеся изложены въ должной полнотѣ и ясности. Права избирателей, и положеніе избираемыхъ, опредѣлены по достоинству ихъ въ надлежащихъ предѣлахъ постепенности. Званіе предводителей, вліяніе ихъ на дворянство и отношеніе къ мѣстному начальству освобождены отъ прикосновенности многихъ прежнихъ недостатковъ и затрудненій. Свобода службы и воздаянія, основаны на правилахъ гласныхъ; и достоинство оной остается въ равной степени съ службой государственной; а потому нахожу, что благодѣтельная и важная мѣра сія входитъ въ составъ видимыхъ и непоколебимыхъ пользъ государственныхъ не токмо по достоинству ея установленія, но и по тому вліянію, какое можетъ произвести оная въ послѣдствіи своего обновленія, на счетъ возвышенія духа служащихъ и внутренняго управленія въ губерніяхъ.

Благодѣтельный законъ давно существующій вливается такъ сказать въ нравственныя правила жизни, а потому сила и дѣйствіе его никакимъ затрудненіямъ подвержены быть не могутъ. Единое чувствованіе видимой пользы наполняетъ сердце каждаго, кто по счастію принадлежитъ ему. Изъ исторіи россійскаго законодательства видно, что избраніе людей на службу самими сословіями, съ давнихъ лѣтъ существуетъ. По мѣрѣ важности предмета управленія, опредѣляемые чиновники предварительно избирались. Петръ Великій, дѣла уголовныя и вѣдомство тюремное ввѣрилъ людямъ избраннымъ.

Указомъ Его времени отмѣнены были Губные старосты и сыщики, и приказы наполнены были дворянами, избранными самими ими изъ числа добрыхъ и знатныхъ того же сословія, какъ въ указѣ именно сказано (Собр. Законовъ, томъ 4—1900). Дѣла счетныя ввѣрилъ Онъ также людямъ избраннымъ, поелику въ 1723 году къ сбору денежному земскіе комисары выбираемы были дворянами изъ ихъ сословія (томъ 7—4224). Для надобностей по службѣ въ 1762 году предписано было избирать дворянамъ изъ среды ихъ ежегодно по 30 человѣкъ и отправлять ихъ въ Сенатъ, и по 20 въ Сенатскую Контору (томъ 15—11444). Наконецъ безсмертная Императрица Екатерина съ изданіемъ Учрежденія Губерній, и Городоваго положенія, даровавъ судъ и управленіе каждому сословію посредствомъ членовъ онаго, повелѣла наполнить должности людьми, избранными одного съ ними состоянія.

Съ того времени многія обстоятельства во внутреннемъ управленіи Государства измѣнились. Дворянскіе выборы по разнымъ отношеніямъ пришли въ примѣтное ослабленіе; и мѣра сія толико важная, образующая умъ и общежитіе и возвышающая духъ дворянства, изнуренная временемъ, нынѣ безъ соотвѣтственной силы, безъ должнаго достоинства, въ видѣ единаго приказа существуетъ.

По всѣмъ симъ причинамъ я нахожу, что разсматриваемый нынѣ по Высочайшей волѣ проектъ не только по существенному своему достоинству, не только потому, что мѣра сія издавна въ законодательствѣ нашемъ имѣетъ свое значительное мѣсто, но и по настоящему времени, гдѣ направленіе умовъ и страсти заслуживаютъ особливое вниманіе Правительства, гдѣ и умноженіе должностей и самыя должности требуютъ болѣе всего людей нравственныхъ и знающихъ, заключаетъ въ себѣ особыя уваженія по коимъ мѣру сію можно почесть необходимою.

1. Когда виды сельскихъ дворянъ будутъ воспламеняемы честолюбіемъ, когда трудъ съ службою неразрывной будетъ ихъ дѣломъ ежедневнымъ, тогда самая забота по сему пред-

мету выведетъ ихъ изъ того холоднаго равнодушія, которое или томитъ ихъ въ праздности, или заставляетъ ихъ искать наслажденій и службы въ столицахъ разными средствами. Напротивъ того открытый и устроенный путь ихъ по службѣ въ самой той губерніи, которой они принадлежатъ, заставитъ ихъ можетъ быть, не удаляясь отъ сельскаго хозяйства искать общественнаго уваженія; не того какимъ частная жизнь отличаться можетъ, но того блистательнаго уваженія, какое истекаетъ отъ общественной довѣренности и правительственной власти.

2. Раздѣленіе доброй нравственности и способностей по должностямъ, есть неминуемая цѣль Правительства. Въ службѣ по выбору каждый служащій наблюдаетъ и за поведеніемъ своимъ и за добрымъ именемъ, потому, что съ сей стороны принадлежитъ онъ болѣе сословію своему, нежели самому себѣ. Добрая молва на счетъ избраннаго чиновника открываетъ кратчайшій путь, вѣдущій къ отличію въ цѣломъ обществѣ. Слѣдовательно самая должность по службѣ въ рукахъ избраннаго чиновника, цѣлымъ сословіемъ обязываетъ служащаго хранить общественную довѣренность и не ограничивать служенія одними личными своими видами, а съ симъ вмѣстѣ, самое управленіе въ губерніи, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣла по началу своему принимаютъ видъ и законность, войдетъ въ то достоинство, какое при однихъ личныхъ видахъ не обратитъ на себя вниманія.

3. Способность и нравственное качество служащаго лица, многими признанныя и основанныя на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ и опорахъ въ частной жизни извѣстныхъ, есть тотъ источникъ, который питаетъ правительственныя мѣры. Вмѣстѣ съ устройствомъ выборовъ, чиновники съ способностями и возвышеніемъ благороднаго духа, будучи нѣсколько лѣтъ въ опытахъ по службѣ, могутъ составить сами собою тотъ разсадникъ, изъ котораго по благоусмотрѣнію и замѣчанію Правительства, чиновники могутъ быть употребляемы и по другимъ должностямъ въ Государствѣ.

Изложивъ такимъ образомъ истинную и общую пользу сего новаго положенія и всѣ усовершенствованія, какія нынѣ представляются въ ономъ, я осмѣливаюсь однако представить благоусмотрѣнію Общаго Собранія Государственнаго Совѣта нѣкоторыя маловажныя замѣчанія, какія мнѣ встрѣтились на счетъ помянутаго проекта.

1. Нѣтъ, мнѣ кажется, достаточной причины постановить правиломъ, чтобы избираемые въ предводители дворяне были непремѣнно V класса, потому болѣе, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ таковая мѣра можетъ затруднить самый выборъ въ томъ отношеніи, что человѣкъ достойный и способный можетъ не имѣть сего класса. Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что избираемые въ сіе званіе люди въ нѣкоторомъ значительномъ чинѣ привлекали бы болѣе къ себѣ уваженія, и чрезъ сіе самое облегчали бы и самыя отношенія ихъ къ другимъ властямъ, но я полагаю, что нѣтъ надобности обращать таковое положеніе въ непоколебимое правило.

2. Когда просьба или жалоба дворянъ высшему Правительству назначаемая должна быть подписана всѣми наличными дворянами въ собраніи, то почему предводитель дворянства можетъ, смотря по важности дѣла, представлять таковыя просьбы или жалобы, одинъ самъ отъ себя.

3. По новому предположенію предоставляется каждому избранному дворянину право и свобода, согласиться на выборъ или отказаться отъ назначенной ему должности. А дворянинъ отсутствующій принужденъ не только принять мѣсто, на которое онъ избранъ, но въ опредѣленное время явиться на службу. Мнѣ кажется, что таковое принужденіе нѣсколько строго, и что къ § 74 присовокупить бы должно было по крайней мѣрѣ, что тотъ, который въ собраніе дворянства не явился, и не представилъ свѣдѣнія о причинахъ его отсутствія, могъ бы въ послѣдствіи времени его избранія, объяснить законныя въ томъ препятствія.

4. Буде предложенія добровольныхъ складокъ необязательны

для дворянъ отсутствующихъ — почему же обязательны они для тѣхъ, кои будучи на лицо не соглашаются на оныя.

5. Въ нѣкоторыхъ избирательныхъ должностяхъ и особенно земскіе исправники служили прежде три года, нынѣ назначается служить шесть лѣтъ, и по истеченіи трехъ лѣтъ служащему чиновнику предоставляется право отказаться отъ своей обязанности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что полезнѣе и приличнѣе было бы, чтобы чиновникъ извѣданной честности и способности вмѣсто трехъ лѣтъ служилъ шесть, потому что въ продолженіи сего времени будетъ онъ въ полной возможности изслѣдовать, такъ сказать, прямую сущность своей должности, привыкнуть къ роду дѣлъ имъ производимыхъ, и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и по тому не излишнимъ бы казалось поставить шестилѣтній срокъ постоянными правилами потому болѣе, что предоставленная свобода послѣ трехъ лѣтъ выйти изъ службы, ослабляетъ сама собою положенное правило закономъ.

6. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначаются денежные штрафы отъ 25 руб. до 250 руб. смотря по состоянію. Таковая мѣра не покажется ли несправедливою и произвольною въ томъ отношеніи, что штрафъ за какое-либо упущеніе долженъ быть опредѣленъ по мѣрѣ упущеній, а не по мѣрѣ состоянія виновнаго лица.

7. Неоспоримо, справедливо, и законно, чтобы для блага каждой губерніи должностныя лица были достаточно награждены и имѣли бы приличное воздаяніе. Но по самому строгому разсчету открывается, что предполагаемый сборъ по 15 коп. съ души для возможнѣйшаго пресѣченія злоупотребленій, и для достиженія цѣли Правительства, будетъ неудовлетворителенъ; въ каковомъ уваженіи полагаю я повысить сборъ сей до 25 коп.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, томъ 43: Наказы Сената, Синода, Коллегій и др. Правительственныхъ учрежденій.

А. М. Грибовскій. Записки о Екатеринѣ Великой, 1847 года.

П. Колотовъ. Дѣянія Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, 1811 г.

П. Сумароковъ. Черты Екатерины Великія, 1819 г.

А. Лефортъ. Исторія Царствованія Государыни Императрицы Екатерины II, 1837 г.

П. Сумароковъ. Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великія, 1832 г.

Винскій. Записки, Русскій Архивъ, 1877 г., книга первая.

Н. Калачевъ. Разборъ сочиненія И. Андреевскаго, «О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ», 1867.

И. Андреевскій. О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ.

Градовскій. Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи, Сборникъ Государствен. Знаній, томъ VI.

Милюковъ. Очерки по исторіи Русской Культуры, Міръ Божій, 1902. № 7.

Дворянская Грамота. Статья Историческаго Вѣстника, 1885. Мартъ.

Рецензія на Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Вѣстникъ Европы, 1869, октябрь.

Градовскій. Русское Государствен. право, томъ III, Мѣстное Управленіе, 1883.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка и до отмѣны крѣпостного права, 1870.

И. В. Лопухинъ. Записки. Лондонъ. 1860.

Шишковъ. Записки, мнѣнія и переписка, Берлинъ, 1870, изд. Киселева и Самарина.

Авсѣенко. Малороссійское шляхетство въ 1767 году; Новые матеріалы для исторіи 18-го столѣтія, Русскій Вѣстникъ, 1863 г., томъ 46.

Соловьевъ. Разсказы изъ Русской Исторіи XVIII вѣка; 1767 годъ. Русскій Вѣстникъ, 1861, томъ 35.

Яблочковъ. Исторія дворянскаго сословія въ Россіи, 1876.

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, Спб., 1888.

Dr. A. Brückner. Katharina die Zweite, Berlin, 1883.

Проф. В. Н. Латкинъ. Законодательныя Коммисіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи, томъ I, 1887.

Проф. Сергѣевичъ. Откуда неудачи Екатерининской Законодательной Коммисіи, Вѣстникъ Европы, томъ I, январь, 1878.

Брюллова. Общественные идеалы въ Екатерининскую эпоху, Вѣстникъ Европы, 1876, томъ I, январь.

Болотовъ. Записки Андрея Тимофеевича (Его жизнь и приключенія); Приложеніе къ Русской Старинѣ, 1871, т. II и III.

Записки Гарновскаго (Михаила) 1786—1790 гг. Русская Старина, 1876, т. XV и XVI.

П. И. Полетика. Воспоминанія. Русскій Архивъ, 1885, кн. третья.

Гр. А. Р. Воронцовъ. Записка о Россіи въ началѣ нынѣшняго вѣка, представленная Императору Александру Павловичу (Паденіе учрежденія о губерніяхъ и причины тому, стр. 460). Архивъ князя Воронцова, книга 29, 1883.

Кн. М. М. Щербатовъ. Сочиненія, изд. Б. С. Щербатова, Спб., 1898, томъ II:

1) О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

2) Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ.

Л. Н. Энгельгардтъ. Записки 1766—1836 гг. Изданіе Русскаго Архива, Москва, 1867.

В. С. Хвостовъ. Записки. Русскій Архивъ. 1870, стр. 551.

Кн. Ѳ. Н. Голицынъ. Записки. Русскій Архивъ 1874, томъ I.

А. М. Тургеневъ. Записки. 1772—1863 гг. Русская Старина, 1885, томъ 48.

В. Н. Геттунъ. Записки. Историческій Вѣстникъ, 1880, январь.

Державинъ. Записки, томъ VI его сочиненій, изд. Грота, 1871.

Ф. Ф. Вигель. Воспоминанія. Русскій Вѣстникъ, 1864 и 1865 года.

Ѳ. П. Лубяновскій. Воспоминанія, 1777—1834 гг. Москва, 1872.

Masson. Mémoires secrets sur la Russie, Londres, 1802.

Ѳ. Дмитріевъ. «Сперанскій», статья въ Русскомъ Архивѣ, 1868.

Н. Чечулинъ. Проектъ Императорскаго Совѣта. Первый годъ царствованія Екатерины II, Спб., 1894. См. также Журналъ М-ва Народнаго Просвѣщенія, мартъ, 1894, гдѣ статья была напечатана первоначально.

Н. Устряловъ. Русская Исторія. Часть II. Спб., 1855.

von Hermann. Geschichte des Russischen Staats.

Н. Загоскинъ. Наука исторіи русскаго права, ея вспомогательныя знанія, источники и литература, Казань, 1891.

Колюпановъ. Очеркъ внутренняго управленія въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II; Русская Мысль, 1883, февраль.

Незеленовъ. Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ, 1769—1785 гг. Спб., 1875.

Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, томы 21—29-й, изданіе обществ. польза, книги 5 и 6-я.

Blum. Ein russischer Staatsmann (J. J. Sievers). Leipzig u. Heidelberg. 1857.

Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Спб., 1901.

Проф. И. И. Дитятинъ. Къ исторіи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 года, Русская Мысль, 1885, № 4 и 5.

Порай Кошицъ. Очеркъ исторіи русскаго дворянства, Спб., 1874.

Д. И. Фонъ-Визинъ. Собраніе сочиненій, изданіе Гилярова (Русскіе писатели 18 и 19 столѣт.), Спб., 1866.

въ частн. статья «Торгующее дворянство».

29-й томъ Сборника Русскаго Историческаго Общества, «Канцлеръ князь А. А. Безбородко». Спб., 1881.

Проф. В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи, Спб., 1899.

Д. И. Иловайскій. Сочиненія, Москва, 1884. «Графъ Яковъ Сиверсъ».

В. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Москва, 1886.

Dr. Kleinschmidt. Russlands Geschichte u. Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels. Cassel 1877.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собств. Его Величества Канцеляріи.

Д. Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ; 1887.

Шильдеръ. Императоръ Павелъ Первый, Спб., 1901.

Е. Ковалевскій. Графъ Блудовъ и его время. Спб., 1866.

Баронъ Бруnновъ. Aperçu des Transactions politiques du Cabinet de Russie. Сборникъ Рус. Ист. Об., томъ 31.

А. П. Бутеневъ, Воспоминанія. Русскій Архивъ, 1881, кн. III.

Гр. Е. Ѳ. Комаровскій. Записки. Русскій Архивъ, 1867.

И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь, Москва, 1866.

Осмнадцатый вѣкъ; изданіе Бартенева. Книга вторая, Москва, 1869.

Я. И. де-Санглёнъ. Записки. Русская Старина 1882. томъ 36.

К. Кутлубицкій. Разсказы о временахъ Императора Павла Петровича. Русскій Архивъ, 1866.

Н. А. Саблуковъ. Записки. Русскій Архивъ, 1869.

С.-Петербургскій Журналъ 1807 года, часть I, кн. 1 и часть II, кн. 4.

Богдановичъ. Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время. Спб., 1869.

Нелединскій. Хроника недавней старины. Изъ Архива кн. Оболенскаго. Спб., 1876.

Баронъ М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Спб., 1861.

В. С. Иконниковъ. Графъ Н. С. Мордвиновъ; Историческая монографія. Спб., 1873.

Baron A. de Haxthausen. Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie. Berlin.

Д. П. Трощинскій. Записка о министерствахъ. Сборникъ Русск. Ист. Общества, томъ 3.

А. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб., 1885.

Э. И. Стоговъ. Записки. Русская Старина, 1886, томъ 52.

И. С. Жиркевичъ. Записки. Русская Старина, 1874 и 1875 гг.

И. М. Снигиревъ. Воспоминанія. Русскій Архивъ, 1866.
Винницкій. Разсказы изъ былого времени. Чтенія въ Императорск. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1874, I—III.
М. Назимовъ. Въ провинціи и Москвѣ съ 1812—1828. Русскій Вѣстникъ, 1876, томъ 124.
О. А. Пржецлавскій. Воспоминанія. Русская Старина, 1874, томъ XI.
Мартосъ. Записки инженернаго офицера. Русскій Архивъ, 1893, кн. 2.
М. Погодинъ. Н. М. Карамзинъ. Москва, 1866.
В. Г. Щегловъ. Государственный Совѣтъ въ царствованіе Императора Александра I. Ярославль, 1895.
Михайловскій-Данилевскій. Записки.
Сперанскій. О государственныхъ установленіяхъ. Архивъ Калачева. 1859.
Д. Б. Мертваго. Записки 1760—1824 гг. Русскій Архивъ, 1867, прилож.
Ф. А. Терновскій. Характеристика Императора Александра I, Кіевъ, 1878.
Кн. А. Н. Голицынъ. Разсказы. Русскій Архивъ, 1886 кн. 2.
Неволинъ. Энциклопедія Законовѣдѣнія, томъ II.
Сперанскій. Письма къ А. А. Столыпину. Русскій Архивъ, 1869, 1870 и 1871 гг.
Mme de Stael. Oeuvres complètes, tome deuxième, Dix années d'exil. Paris, 1844.
Comte de Stedingk. Mémoires posthumes. Paris, 1847.
Michel Oginski. Mémoires sur la Pologne et les polonais. Paris, 1827.
Фонвизинъ. Записки. Русская Старина, 1884, томъ XLII.
Schnitzler. Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas. Paris, 1847.
Пыпинъ. Русскія отношенія Бентама. Вѣстникъ Европы томъ II и VI. 1869.
Императоръ Александръ I (Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера). Русская Старина, 1899, VI, VII и VIII.
Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго, статьи Шильдера. Русская Старина, 1898, январь и 1899, декабрь.
Ѳ. Булгаринъ. Воспоминанія. Спб., 1846—1847 гг., части II и III.
Н. М. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданск. отношеніяхъ. Русскій Архивъ, 1870 (прил.).
С. Н. Глинка. Записки, Русскій Вѣстникъ, апрѣль 1863 и іюль 1865.
Журналы Комитета Министровъ, царствованія Императора Александра I. 1802—1826.
Державинъ. Сочиненія, томъ VIII, біографія поэта, изд. Грота, 1880.
Де-Местръ. Письма изъ Петербурга въ Италію. Русскій Архивъ, 1871.
Императоръ Александръ Павловичъ и князь Ад. Чарторижскій. Русскій Архивъ. 1871.
Погодинъ. «Сперанскій». Русскій Архивъ, 1871.
«Изъ очерковъ недавней старины». Русскій Архивъ, 1871.
Шильдеръ. Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе.

Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Русская Старина, 1898 и 1899.

Tourgueneff. La Russie et les Russes. Paris. 1847.

Варадиновъ. Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; часть I и II, Спб, 1861.

Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ; т. I и II. Спб., 1902.

Бар. С. А. Корфъ. Предводитель дворянства, какъ органъ сословнаго и земскаго самоуправленія. Журналъ М-ва Юстиціи, 1902, мартъ.

«Между строками одного формулярнаго списка». Анонимная статья въ Русской Старинѣ, 1881, томъ 32.

«Бюрократическая война 1839 года», переписка графа Строганова съ кн. Горчаковымъ. Русская Старина, 1881, томъ 32.

Е. Анучинъ. Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи, съ учрежденія о губерніяхъ 1775 г. до послѣдняго времени. Спб., 1872.

А. И. Кошелевъ. Записки. Берлинъ, 1884.

A. Rabbe. Histoire d'Alexandre I. Paris, 1826.

Prince Adam Czartoryski. Mémoires et correspondance avec l'Empereur Alexandre I. Paris, 1887.

Өеоктистовъ. «Магницкій». Русскій Вѣстникъ, 1864.

Н. А. Боровковъ. Автобіографическія записки. Русская Старина, 1898, томъ 96.

Т. П. Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія, томъ I, 1878.

Пыпинъ. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Вѣстникъ Европы, 1873.

Бѣляевъ. Воспоминанія. Русская Старина, 1881, томъ 32.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 74. Спб., 1891. Журналы Комитета 6 декабря 1826.

Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ 90. Спб., 1894. Бумаги Комитета 6 декабря 1826.

М. Н. Загоскинъ. Разсказъ «Канцеляристъ». Русскій Архивъ, 1865.

Ө. Устряловъ. Воспоминанія о моей жизни. Древняя и новая Россія, томъ 17, 1880.

Сборникъ циркуляровъ и инструкцій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1842—1855.

Внутреннее обозрѣніе Русской Мысли, февраль, 1885.

Воспоминанія, мысли и признанія человѣка, дожившаго свой вѣкъ Смоленскаго дворянина. Русская Старина, 1895, іюнь.

В. А. Инсарскій. Записки. Русская Старина, 1894 и 1895.

В. Ключевскій. Евгеній Онѣгинъ и его предки. Русская Мысль, 1887, февраль.

Студенкинъ. Императоръ Николай Павловичъ въ присутственныхъ мѣстахъ С.-Петербурга. Русская Старина, апрѣль, 1890, томъ 66.

Н. В. Веригинъ. Записки. Русская Старина, 1893.

Н. Устряловъ. Историческое обозрѣніе царствованія Государя Императора Николая I. Спб., 1847.

М. Фокъ. Письма о Петербургскомъ Обществѣ въ началѣ царствованія Императора Николая I. Русская Старина, 1881, томъ 32.
Storch. Russland unter Alexander dem Ersten.
P. Lacroix. Histoire de la vie et du règne de Nicolas I.
Глинка. Исторія царствованія Александра I.
Дмитревскій. Краткій опытъ историческаго изслѣдованія о дворянствѣ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПИСКИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
18.	18 сверху	двулѣтній	двухлѣтній
18.	25 »	пот саршинству	по старшинству
108.	Примѣчаніе къ 5-ой строкѣ снизу помѣщено на стр. 109.		
115.	Примѣчаніе къ 1-ой строкѣ снизу (№ 2) помѣщено на стр. 116 (№ 1.)		
136.	1 сверху	своих имянин,	своего рожденія,
152.	2 снизу	объ отличии установленнаго впервые	объ отличии разъясненномъ впервые
172.	2 сверху	рѣчами	рѣчамъ
187.	19 »	правителями	правителямъ
209.	13 снизу	доходила	доходили
211.	10 сверху	дурныя, стороны	дурныя стороны
215.	2 снизу	ожидаемыхъ видовъ	ожидаемыхъ видовъ».
244.	15 сверху	приведенія	приведеніе
250.	7 снизу	замѣщеніи	замѣщенія
259.	11 »	что Императоръ	что «Императоръ
287.	4 сверху	voulaieut	voulaient
288.	8 снизу	не дерзали никому	не дерзали причинять никому
295.	6 »	дворянсто	дворянство
357.	12 »	в. н. ст.,	в. н. соч.,
368.	10 »	Вигель, Воспоминанія.	Вигель, Воспоминанія,
368.	9 »	1864, V,	1864, V.
393.	1 сверху	Екатерины Первой	Екатерины II
401.	4 »	эмомъ	этомъ
402.	3 снизу	Берлннъ	Берлинъ
407.	8 сверху	наличности	наличности»
407.	12 »	занимаго	занимаемаго
436.	23 »	помѣшиковъ	помѣщиковъ

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
449.	10 снизу	1864 года,	1865 года,
449.	8 »	1865 г.,	1864 г.,
459.	15 сверху	взязъ	взявъ
464.	2 »	и мъ	нимъ
477.	2 снизу	H. Tourgueneff,	N. Tourgueneff,
522.	9 сверху	должности	должность
558.	1 снизу	2210, 287136	22110, 28736
570.	15 сверху	сводѣ	сводъ
590.	18 снизу	ѣли	цѣли
591.	5 »	[1])	[2])
592.	Примѣчаніе къ [2]) помѣщено на стр. 592 подъ № 1, вмѣсто № 2 на стр. 591.		
635.	2 сверху	сославнаго	сословнаго
651.	7 »	выборной,	выборной
682.	5 снизу	Уложенія, чинить	Уложенія, подъ видомъ общественныхъ нуждъ, чинить

ОГЛАВЛЕНІЕ.

